ЗАПИСКИ

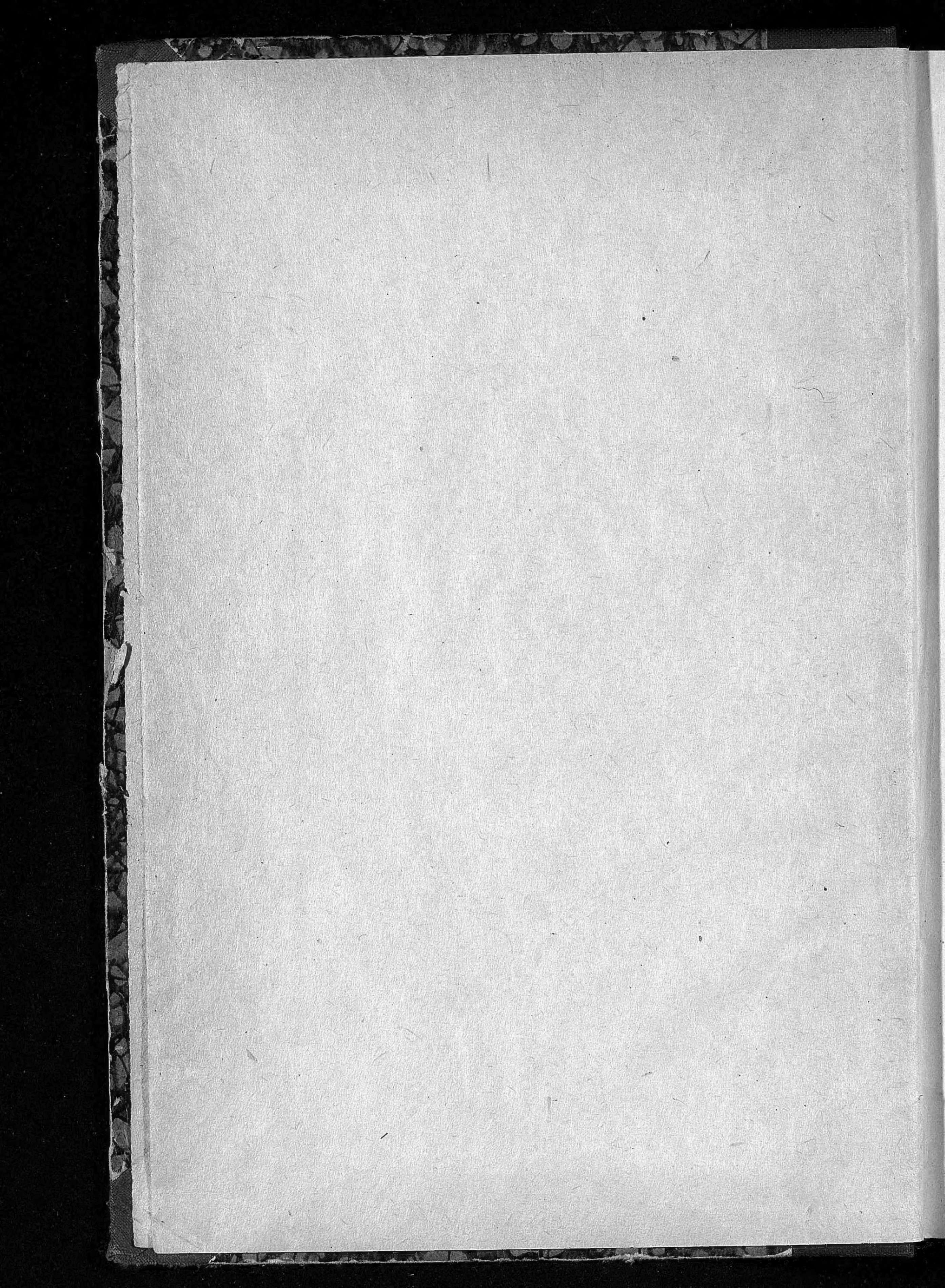
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ЗАПИСКИ

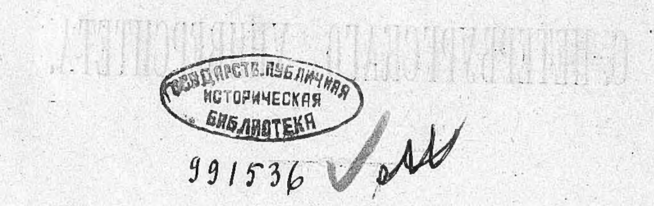
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
991536

С. Буличъ.

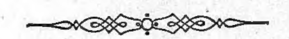
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ

въ

СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ

РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

ЧАСТЬ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

ПАМЯТИ

учителя и друга

Н. В. КРУШЕВСКАГО

авторъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Работа эта первоначально была задумана въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Авторъ предполагалъ дать, какъ вступительныя главы, общій очеркъ процесса заимствованія, обзоръ литературы вопроса о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ, краткую общую характеристику церковнославянскаго языка поздняго періода (того періода по преимуществу, въ который, благодаря книгопечатанію, вліяніе церковнославянскаго на устный и особенно письменный, литературный языкъ должно было сказываться болѣе сильно), и затѣмъ представить полную картину отношеній, созданныхъ въ русскомъ языкѣ заимствованіемъ церковнославянскихъ элементовъ.

При этомъ авторъ имѣлъ и имѣетъ въ виду изученіе процесса заимствованія вообще, какъ одного изъ весьма важныхъ факторовъ развитія языка, значеніе котораго теперь все болѣе и болѣе признается въ наукѣ о языкѣ. Точка зрѣнія, съ которой предполагалось и предполагается разсматривать церковнославянскія заимствованія въ этой работѣ— общесравнительная, имѣющая цѣлью выяснить не только фактическія отношенія вопроса, но и сдѣлать изъ нихъ извѣстные общіе выводы, важные въ методологическомъ отношеніи. Такъ какъ главный матеріалъ былъ уже ранѣе собранъ, то авторъ разсчитывалъ вскорѣ же приступить собственно къ его разработкѣ. Но, пытаясь установить характеристическія черты церковнославянскаго языка позднѣйшаго періода, авторъ скоро убѣдился въ необходимости самостоятельнаго изслѣдованія въ этой области, въ виду крайней скудости и недостаточности матеріала, имѣвшагося по этой части въ научной нашей литературѣ *). Вслѣдствіе этого

*) Почти единственная попытка обработки этого матеріала—Грамматика славяно-церковнаго языка новаго періода В. Классовскаго. Спб. М. О. Вольфъ. 2-е измѣненное изданіе 1867, 5-е безъ перемѣнъ 1887.

предполагавшійся сжатый очеркъ церковнославянскаго языка разроссся до такихъ размѣровъ, что автору пришлось разбить всю работу на двѣ части, изъ которыхъ первая и повергается теперь на судъ компетентныхъ цѣнителей. Вторая часть уже будетъ разсматривать самыя церковнославянскія заимствованія въ фонетическомъ, морфологическомъ и семасіологическомъ отношеніяхъ. Выступая въ первый разъ съ болѣе обширной работой, авторъ вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность высказать свою живѣйшую признательность лицамъ и учрежденіямъ, такъ или иначе помогавшимъ ему въ настоящей работѣ: прежде всего учителю своему, извѣстному языковѣду-славису, профессору И. А. Бодуэну де Куртенэ, лекціямъ, научнымъ бесѣдамъ и совѣтамъ котораго авторъ много обязанъ первымъ пробужденіемъ научнаго интереса къ области явленій языка и своимъ дальнѣйшимъ научнымъ развитіемъ; другому учителю своему, бывшему профессору Казанскаго Университета М. П. Петровскому, который самымъ радушнымъ образомъ предоставлялъ автору многія рѣдкія старопечатныя книги своей прекрасной библіотеки; приватъ-доценту С.-Петербургскаго Университета П. А. Сырку, благодаря любезности котораго авторъ могъ пользоваться также нѣкоторыми рѣдкими старопечатными книгами Русскаго Отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, и Императорскому С.-Петербургскому Университету, давшему средства для печатанія этой работы. Авторъ не можетъ здѣсь благодарить еще одного своего учителя (которому онъ, быть можетъ, болѣе всего обязанъ своимъ научнымъ развитіемъ), потому что его уже нѣтъ въ живыхъ. Памяти этого преждевременно и трагически погибшаго для науки талантливаго ученаго посвящается настоящая работа, тема которой указана была автору покойнымъ.

Спб. 14 мая 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ.

Настоящая работа посвящена изслѣдованію лексическихъ, фонетическихъ и морфологическихъ элементовъ, вошедшихъ въ русскій литературный и народный (насколько это было возможно прослѣдить) языкъ изъ церковно-славянскаго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ ихъ очень близкой совмѣстной жизни.

Прежде чѣмъ перейти къ непосредственной задачѣ настоящаго изслѣдованія, намъ кажется не лишнимъ разсмотрѣть явленіе языковаго заимствованія вообще и выяснить понятіе о немъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ факторовъ развитія языка.

Какъ мы увидимъ ниже, заимствованіе увеличиваетъ лексическое богатство языка, служитъ источникомъ новыхъ корней, суффиксовъ и префиксовъ, даже грамматическихъ формъ, имѣетъ весьма важное значеніе для семасіологическаго развитія и является вполнѣ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ какъ наличныхъ, такъ и уже не существующихъ историческихъ, культурныхъ и соціальныхъ условій, а также и общихъ свойствъ человѣческой природы вообще.

Между тѣмъ, до послѣдняго времени лингвисты очень мало обращали и обращаютъ вниманія на данное явленіе, во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ оно заслуживаетъ по своему значенію въ жизни языка. Въ наиболѣе извѣстныхъ трудахъ, посвященныхъ общимъ вопросамъ методологіи языкознанія и принадлежащихъ Дельбрюку, Витнею, М. Мюллеру [1]), вопросъ о заимствованіи

---

[1]) Delbrück. B. Einleitung in das Sprachstudium. Первое изд. Leipzig 1880, второе 1884.

совершенно или почти совершенно обходится молчаніемъ. Даже въ лучшей, наиболѣе обстоятельной работѣ этого рода, — Principien der Sprachgeschichte Пауля, глава, посвященная вопросу о заимствованіи, явилась только во второмъ изданіи (Halle 1886), а въ первомъ (1880), кромѣ весьма немногочисленныхъ и разбросанныхъ, случайныхъ замѣчаній, о заимствованіи не было и рѣчи.

Работы Маценауера, Миклошича, Брюкнера, Вейзе и Шухардта [1]) являются въ современной научной литературѣ почти единственными крупными работами, посвященными изслѣдованію занимающаго насъ явленія въ области индо-европейскихъ языковъ. Да и большинство этихъ работъ имѣетъ характеръ главнымъ образомъ словарный (работа Маценауера, большинство работъ Миклошича) и воздерживается отъ какихъ-либо выводовъ и обобщеній. Только въ работахъ Вейзе и Шухардта встрѣчаемъ стремленіе проникнуть въ самую сущность даннаго явленія, изучить и представить его характерныя черты.

Whitney. W. D. Die Sprachwissenschaft. Нѣмецкая обработка Jolly. München 1874.

M. Müller. Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache. 1-я и 2-я серія въ обработкѣ Böttger'a (Leipzig 1875, 1870).

[1]) Matzenauer Ant. Cizí slova ve slovanských řečech. V Brne 1870.

Miklosich. F. Die slavischen Elemente im Neugriechischen. Wien. 1870.
» » » » » Magyarischen » 1872.
» » » » in den Mundarten der Zigeuner 1872.
» » » » im Rumunischen. Wien. 1862.
» » » » » Albanischen » 1870.
» Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Wien. 1867.
» » türkischen Elemente in den südost-und osteuropäischen Sprachen. Wien. 1885.
» » romanischen Elemente im Albanischen 1871.
» » christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien 1875.

Brückner. A. Litu-slavische Studien. I. Theil. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar. 1887.

Weise. Fr. O. Dr. Die griechischen Wörter im Latein. Lepzig. 8°. VIII. 544. 1882.

Schuchardt. H. Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Graz. 1885. 4°. 140.

Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1890.

Краткій очеркъ относящейся сюда литературы см. у О. Шрадера въ его Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890, стр. 102—110.

Нѣкоторые прежніе ученые, какъ, напримѣръ, Гейзе [1]), были даже склонны смотрѣть на заимствованіе, какъ на факторъ разрушительнаго свойства, влекущій за собой паденіе языка и полное его преобразованіе, какъ на порчу языка. Такъ, примѣсью чуждыхъ элементовъ Гейзе объясняетъ переходъ языковъ изъ синтетическаго состоянія въ аналитическое, образованіе такъ называемыхъ „производныхъ" языковъ (abgeleitete Sprachen) изъ „основныхъ" (Stammsprachen) и т. д. [2]).

Въ настоящее время этотъ взглядъ не раздѣляется ни однимъ серьезнымъ ученымъ [3]), тѣмъ болѣе, что и во взглядахъ на то, что считалось прежде паденіемъ языка, произошелъ коренной переворотъ.

Тѣмъ не менѣе, въ образованныхъ слояхъ общества, у многихъ литераторовъ и даже филологовъ подобные взгляды на заимствованіе не рѣдкость. Обыкновенно такіе взгляды находятся въ связи съ преувеличеннымъ и ложно понимаемымъ патріотиз-

---

[1]) System der Sprachwissenschaft. Berlin. 1856. § 84 и слѣд.

[2]) § 84. Основные языки—языки первичной формаціи. Въ нихъ запасъ словъ не перемѣшанъ съ преобладающими чужими элементами, и грамматическая система развита по «собственному» принципу образованія. Ихъ развитію не мѣшала никакая «чуждая сила», и они «даже въ своихъ послѣднихъ стадіяхъ постоянно способны къ образованію и развитію изъ собственной физической силы».

Производные языки — языки вторичной формаціи, образовавшіеся изъ основныхъ «черезъ совершенное разложеніе стараго языковаго матеріала или преобладающее вліяніе новаго, чуждаго элемента и переобразованные по новому принципу, слѣдовательно основанные на окончательномъ разрушеніи и переобразованіи природнаго организма основнаго языка».

Какъ примѣръ Гейзе приводитъ романскіе языки.

§ 88. Древне-греческій языкъ умеръ медленной смертью, послѣ того какъ онъ совершенно выродился вмѣстѣ съ паденіемъ древне-греческаго народнаго духа. Греческая имперія была часто опустошаема походами чуждыхъ племенъ, и наконецъ греки были тяжко угнетены владычествомъ турокъ. Такимъ образомъ организмъ ихъ языка при падающей силѣ народнаго духа и проникновеніи въ него многочисленныхъ чуждыхъ элементовъ долженъ былъ окончательно разрушиться. Ср. также §§ 86, 87, 93, 94.

[3]) Асколи, правда, въ своихъ «Глоттологическихъ письмахъ» (Нѣм. изданіе п. з. Sprachwissenshaftliche Briefe. Leipzig. 1887. Первое письмо) проводитъ похожій взглядъ на образованіе французскихъ фонетическихъ особенностей подъ вліяніемъ кельтскаго произношенія, но взглядъ этотъ пока еще почти никѣмъ изъ романистовъ не раздѣляется.

момъ съ одной стороны и смутнымъ представленіемъ о жизни языка съ другой.

Въ этомъ отношеніи весьма характерно современное движеніе противъ заимствованныхъ словъ въ Германіи, исходящее часто изъ административныхъ и оффиціозныхъ сферъ (одинъ изъ главныхъ дѣятелей—директоръ почтъ Стефанъ, введшій въ употребленіе массу нѣмецкихъ неологизмовъ въ своемъ вѣдомствѣ. Желѣзнодорожные термины иностраннаго происхожденія, также мало-по-малу замѣняются новыми нѣмецкими, причемъ замѣна эта происходитъ оффиціальнымъ путемъ, а не предоставлена жизни и времени) и нерѣдко приводящее къ комичнымъ эпизодамъ [1]).

Причиной подобныхъ отрицательныхъ взглядовъ на языковое заимствованіе является непониманіе или незнаніе того, что дѣйствительный прогрессъ языка въ семасіологическомъ отношеніи заключается въ приближеніи къ возможно полному и совершенному соотвѣтствію понятій и ихъ звуковыхъ символовъ—словъ.

Состояніе языка, при которомъ достигается болѣе точное выраженіе понятій словами, безспорно, есть состояніе болѣе совершенное. Между тѣмъ, какъ мы увидимъ ниже, въ ряду прочихъ факторовъ, доставляющихъ языку средства для этого болѣе точнаго выраженія идеи словомъ, заимствованіе занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Если Гейзе утверждалъ, что языковое смѣшеніе гибельно и влечетъ за собой полное паденіе языка, то Максъ Мюллеръ, наоборотъ, отрицаетъ существованіе смѣшанныхъ языковъ (Mischsprachen) [2]), противъ чего въ послѣднее время возстаетъ Шу-

---

[1]) Въ родѣ, напримѣръ, торжества шовинистской нѣмецкой печати по поводу замѣны въ заголовкѣ канцелярскихъ бланковъ дворцоваго правленія (новой императрицы Викторіи Августы) слова Cabinet (*французскаго* происхожденія) словомъ Dienst (природнымъ нѣмецкимъ).

Торжествовавшіе упустили при этомъ совсѣмъ изъ виду, что и въ новой редакціи: «Dienst Ihrer Majestät Kaiserin und Königin...» все-таки остаются еще два чужеземца: Majestät вполнѣ недавняго происхожденія (и опять-таки латино-французскаго—Majesté) и Kaiserin болѣе давняго (греческаго).

[2]) «Кельтъ можетъ стать англичаниномъ, кельтская и саксонская кровь могутъ смѣшаться..., но языки не смѣшиваются никогда». Vorlesungen über die Wissenschaft d. Sprache bearbeitet von Böttger. I. Serie. Drifte Auflage. Leipzig. 1875, стр. 90.

хардтъ [1]), утверждающій съ неизмѣримо бо́льшимъ на то основаніемъ, что нѣтъ ни одного языка, который не былъ бы „смѣшаннымъ“. Хотя М. Мюллеръ имѣлъ въ виду только невозможность смѣшенія въ морфологическомъ отношеніи, невозможность скрещенія двухъ различныхъ типовъ языковаго строенія, но и въ этомъ отношеніи его отрицаніе слишкомъ рѣзко и опровергается несомнѣннымъ свидѣтельствомъ фактовъ, приводимыхъ, между прочимъ, и Шухардтомъ.

Явленіе языковаго заимствованія представляетъ особый интересъ для изученія и въ томъ отношеніи, что, быть можетъ, ни въ одномъ изъ прочихъ явленій жизни языка не проявляется такъ рѣзко соціальная основа и природа послѣдняго. Ни одно изъ другихъ языковыхъ явленій не имѣетъ такихъ тѣсныхъ и многочисленныхъ связей съ разными факторами общественной жизни, и поэтому также ни одно изъ языковыхъ явленій не представляетъ (взятое во всемъ своемъ объемѣ) такой сложности и разнообразія, смѣющихся надъ попыткой изслѣдователя уложить относящіеся сюда факты въ какую-нибудь простую и ясную систему.

Разъ признавъ вмѣстѣ съ Паулемъ [2]) соціальную природу языка и его явленій, мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать за человѣческимъ обществомъ и право сознательнаго воздѣйствія на эту сторону общественной жизни, какъ и на любую другую, т. е. право сознательнаго вмѣшательства въ жизнь языка, каковое въ дѣйствительности всегда имѣло мѣсто [3]), хотя и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Поэтому съ объективной, научной точки зрѣнія, стремленія нѣмецкихъ и иныхъ пуристовъ языка, направленныя къ замѣнѣ иностранныхъ лексическихъ элементовъ собственными, природными, не представляютъ ничего нелѣпаго, разъ эти стремленія не переступаютъ извѣстныхъ границъ и осуществляются болѣе или менѣе раціонально, т. е. согласно съ требованіями здраваго смысла и характерными особенностями даннаго языка

[1]) Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 5.

[2]) Principien der Sprachgeschichte. Zweite Aufl. Halle. 1886. Einleitung, стр. 1 и слѣд.

[3]) Особенно въ языкѣ литературномъ и поэтическомъ.

Во всякомъ случаѣ коррективомъ подобныхъ сознательныхъ стремленій (какъ и въ другихъ соціальныхъ явленіяхъ) является прочая инертная масса общества, которой и принадлежитъ здѣсь рѣшающая роль.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній переходимъ къ разсмотрѣнію разныхъ категорій заимствованія.

Уже въ основаніи всей нашей языковой дѣятельности лежитъ процессъ заимствованія, такъ какъ, начиная говорить (хотя бы и на родномъ языкѣ) и говоря, мы не создаемъ сами почти ничего новаго, а только заимствуемъ готовый языковой матеріалъ отъ окружающихъ насъ [1]) или воспроизводимъ его по наличнымъ, готовымъ образцамъ, созданнымъ опять-таки не нами самими.

Языкъ каждаго отдѣльнаго индивидуума, принадлежащаго къ извѣстному народу, можетъ быть разсматриваемъ какъ отдѣльный языкъ, до извѣстной степени отличный отъ языка каждаго другаго индивидуума, принадлежащаго къ тому же народу. Каждый такой индивидуальный языкъ представляетъ извѣстныя особенности не только въ звуковомъ, физіологическомъ отношеніи, но и въ лексическомъ, морфологическомъ и синтактическомъ.

Единственной силой, которая удерживаетъ эти индивидуальные языки въ границахъ наибольшаго взаимнаго сходства, указывающаго на ихъ принадлежность къ одной языковой единицѣ, является постоянный процессъ заимствованія, имѣющій мѣсто всякій разъ, какъ только встрѣчаются хотя бы два индивидуума.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не согласиться съ Шухардтомъ, признающимъ вопросъ о заимствованіи самымъ важнымъ вопросомъ въ наукѣ о языкѣ [2]).

Но разницы между языками отдѣльныхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ одному и тому же народу, настолько незначительны, взаимное заимствованіе и коррегированіе языка въ звуковомъ и прочихъ отношеніяхъ происходитъ такъ постоянно, что различеніе заимствованныхъ и природныхъ элементовъ въ этихъ

[1]) Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches etc. стр. 6 и Paul. Principien d. Sprachg. 2-е изд. стр. 37, 89.

[2]) Slawo-deutsches und slawo-italienisches. Стр. 3.

индивидуальныхъ языкахъ не только не представляется необходимымъ, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ просто невозможно. Съ другой стороны подобное заимствованіе вполнѣ неизбѣжно и неразрывно связано съ самой природой, сущностью языка, подразумѣвается вездѣ и всегда само собой.

Потому этотъ родъ заимствованія, который можно назвать „однопочвеннымъ“ (въ этнографическомъ и хронологическомъ смыслѣ) или „одноязычнымъ“, можетъ быть смѣло оставленъ въ сторонѣ безъ ущерба для научнаго изслѣдованія.

Другіе результаты получаются, когда въ соприкосновеніе приходятъ не такіе схожіе между собою языки, какъ индивидуальные языки двухъ представителей одного и того же народа, а языки, разнящіеся другъ отъ друга въ большей или меньшей степени. Это соприкосновеніе не такъ неизбѣжно, какъ соприкосновеніе индивидуальныхъ говоровъ, принадлежащихъ одной языковой единицѣ; оно можетъ быть и не быть и находится въ зависимости отъ извѣстныхъ условій.

Заимствованіе, какъ слѣдствіе такого соприкосновенія, также не неизбѣжно, и необходимы опять извѣстныя условія для того, чтобы оно могло произойти.

Этотъ родъ заимствованія, который, въ противоположность разсмотрѣнному выше, можно было бы назвать „разнопочвеннымъ“ или „иноязычнымъ“, имѣетъ своимъ результатомъ большее или меньшее усвоеніе чуждаго языковаго матеріала, представляющаго извѣстныя отличія отъ природнаго. Усвоеніе это можетъ заходить такъ далеко, что въ концѣ-концовъ чуждый языковой матеріалъ вытѣсняетъ совершенно природный и заступаетъ его мѣсто. Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей въ языковомъ отношеніи одного народа другому, за которой мало-по-малу слѣдуетъ полная ассимиляція и въ другихъ отношеніяхъ.

Остатки прежняго, природнаго языка могутъ сохраниться въ видѣ областныхъ словъ или провинціализмовъ и въ новомъ добровольно принятомъ или силою навязанномъ языкѣ, но они ничѣмъ не будутъ разниться отъ обыкновенныхъ иноязычныхъ за-

имствованій и будутъ находиться къ новому языку именно въ отношеніи этихъ послѣднихъ.

Таковы, напримѣръ, областныя слова финскаго и тюркскаго происхожденія въ русскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда заселенныхъ инородческими финскими или тюркскими племенами, таковы славянскіе провинціализмы въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) говорахъ и т. д.

При соприкосновеніи разнящихся другъ отъ друга языковъ могутъ быть слѣдующіе случаи [1]):

a) языки совсѣмъ не родственны другъ другу;

b) языки родственны другъ другу, т. е. представляютъ собой: 1) языки, происшедшіе отъ одного общаго уже совсѣмъ исчезнувшаго или мертваго проязыка, каковы языки индо-европейскіе, славянскіе, германскіе, романскіе и т. д., 2) нарѣчія или говоры одного живаго языка;

c) въ соприкосновеніе приходятъ не два разныхъ языка, а двѣ разныхъ стадіи развитія одного и того же языка. Заимствованіе происходитъ здѣсь въ предѣлахъ одной и той же языковой единицы, но заимствуемые элементы принадлежатъ болѣе древнему состоянію даннаго языка и потому представляютъ извѣстныя отличія. Само собою разумѣется, что подобное заимствованіе можетъ имѣть мѣсто только въ языкахъ, уже обладающихъ письменностью, и происходитъ при посредствѣ этой послѣдней, т. е. носитъ характеръ исключительно книжный.

Заимствованіе иноязычное отсюда можетъ быть двоякое: изустное, какъ слѣдствіе непосредственнаго соприкосновенія двухъ народовъ, говорящихъ разными языками, и книжное, совершающееся при помощи письменности.

Заимствованіе изустное восходитъ къ самымъ отдаленнымъ историческимъ (и безъ сомнѣнія и доисторическимъ) временамъ и является слѣдствіемъ извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ условій: географическаго сосѣдства, торговыхъ сношеній, путешествій, переселеній и колонизацій, завоеваній и т. д. Условія эти имѣютъ большую или меньшую силу сообразно различнымъ историче-

---

[1]) Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte. 2 изд., стр. 337.

скимъ эпохамъ. Такъ, для образованія смѣшанныхъ языковъ (въ родѣ англійскаго), основанныхъ на заимствованіи, завоеваніе уже не играетъ такой важной роли въ настоящее время, какъ, напримѣръ, въ эпоху завоеванія Англіи норманнами или Галліи, Испаніи и Дакіи римлянами. Въ свою очередь, торговыя сношенія и путешествія имѣютъ въ наше время неизмѣримо большее значеніе для заимствованія, чѣмъ нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, что находится въ связи съ широкимъ развитіемъ средствъ сношенія, благодаря которому явилась возможность непосредственнаго заимствованія изъ самыхъ отдаленныхъ (въ географическомъ смыслѣ) языковъ (ср., напримѣръ, англійское tea, заимствованное изъ китайскаго, фр. и англ. tapioca—южно-американскаго происхожденія, р. арарутъ=англ. arrow-root и т. д.).

Заимствованіе книжное, совершающееся при посредствѣ письменности, можетъ имѣть мѣсто только при извѣстной степени культурнаго и умственнаго развитія даннаго народа, слѣдовательно въ эпохи уже болѣе къ намъ близкія. Кромѣ того, оно является прежде всего въ языкѣ книжномъ, письменномъ, и живое употребленіе (въ устной рѣчи) заимствованные элементы получаютъ только у общественныхъ классовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ письменности, т. е. въ классахъ грамотномъ, образованномъ и ученомъ, говорящихъ языкомъ книжнымъ или очень близкимъ къ книжному.

Отъ этихъ классовъ заимствованные элементы уже переходятъ къ другимъ, вовсе не имѣющимъ отношенія къ письменности или имѣющимъ его въ гораздо меньшей степени, и часто тогда, когда образованные классы давно уже утратили ихъ (ср. р. оказія, для близиру и т. д.).

Какъ изустное, такъ и книжное заимствованіе могутъ происходить непосредственно изъ одного языка въ другой или при посредствѣ какого-либо другаго и даже нѣсколькихъ другихъ языковъ. Примѣромъ такого посредственнаго заимствованія (книжнаго) въ русскомъ языкѣ могутъ служить, напримѣръ, многіе церковные термины греческаго происхожденія, попавшіе въ русскій при посредствѣ церковно-славянскаго и т. п.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ заимствованіе чужихъ словъ обусловливается заимствованіемъ новыхъ понятій, т. е. имѣетъ ближайшей причиной культурное заимствованіе. Т. о. заимствованіе здѣсь является слѣдствіемъ развитія или роста культуры даннаго народа и вытекаетъ изъ необходимости давать обозначеніе понятіямъ, дотолѣ неизвѣстнымъ.

Образчикомъ подобныхъ заимствованій съ культурнымъ заимствованіемъ въ основѣ могутъ служить:

астрономическая терминологія индусовъ, заимствованная вмѣстѣ съ астрономическими понятіями у грековъ и имѣющая поэтому греческое происхожденіе:

anaphâ=ἀναφή	jûka=ζυγόν
âkokera=αἰγόκερως	tâvuri=ταῦρος
âpoklima=ἀπόκλιμα	taukshika=τοξότης
âra=Ἄρης	panapharâ=ἐπαναφορά
kendra=κέντρον	pâthena=παρθένος
trikona=τρίγωνος	liptâ=λεπτή
kaurpia=σκορπίος	sunaphâ=συναφή
jâmitra=διάμετρος	heli=Ἥλιος, horâ=ὥρα и т. д. [1])

французская морская терминологія, заимствованная частью у норманновъ, частью у голландцевъ и имѣющая потому германское происхожденіе:

affréter—фрахтовать (ствн. frêht, голл. vracht)

agrès=снасти (голл. gereide, gerei)

bâbord=бакбортъ (лѣвая сторона судна, голл. bakboord)

bitte=битенгъ (стойка, нѣм. Bätingsholz, англ. bit)

bomerie=бодмерея (голл. bodemerij)

bosseman=боцманъ (голл. bootsman)

bouline, стфранц. boline = булинь (голл. boe-lijne, англ. bowline)

cahute=каюта (стфр. chahute и cahuette=голл. kajuit)

cane, стфр. canot=челнокъ (голл. kaan, новон. Kahn)

---

[1]) Ср. Weber. A. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache des Griechischen. Monatsberichte d. Königl. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. 1871. 7 Dec., и его же Indische Studien, т. II, стр. 254, 261.

chaloupe=шлюпка (г. sloep, англ. sloop, шв. slup)

èbe=отливъ (голл. ebbe)

стфр. esturman=штурманъ (голл. stuurman, агс. steórman, а. steersman)

стфр. estiere=руль (агс. steóre)

étai=штагъ (голл. staede, staye, англ. stag)

пикард. étrain=берегъ (голл., нѣм. strand)

falaise, стфр. falise=скала (ствнм. felisâ)

flibot=англ. fly-boat (родъ судна)

haubans, стфр. hobenes=ванты (голл. hobant вм. hoofdbant)

havre, стфр. havene=гавань (агс. häffen, дрсканд. höfn)

hune=марсъ (дрсакс. hûn, ср.голл. hûne) и т. д.

Сюда же принадлежатъ и названія четырехъ странъ свѣта: nord, sud, est, ouest и т. д.

Французская военная терминологія заимствована у сосѣднихъ германскихъ племенъ (франковъ, аллемановъ и т. д.), поставлявшихъ главный контингентъ старо-французской арміи:

bivac (bîwacht), boulevard (bolwerk), guerre (ствн. werra), halt (halt), hampe — рукоятка (handhaba), havre-sac (habersack) и т. д. [1]).

Такими же примѣрами могутъ служить: общеевропейская музыкальная терминологія, имѣющая итальянское происхожденіе и объясняющаяся преобладающимъ одно время вліяніемъ итальянцевъ на исторію музыки (XVI, XVII и половина XVIII-го вѣка), русская морская терминологія, цѣликомъ заимствованная вмѣстѣ съ мореплаваніемъ и кораблестроеніемъ у голландцевъ и частью англичанъ, многіе нѣмецкіе коммерческіе термины итальянскаго происхожденія [2]), русская (и вообще славянская) и готская христіанская терминологіи [3]), заимствованныя вмѣстѣ съ христіан-

---

[1]) См. Diez. Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen. Морскіе романскіе термины также у O. Schrader'a. Linguistisch-historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warenkunde. Erster Theil. Jena, 1886. стр. 51—52.

[2]) Agio, bankerott, bilanz, börse (ит. borsa, въ концѣ концовъ сводящееся къ греческ. βύρσα), brutto, conto, corrent, disconto, dito, franco, loco, per (предлогъ: per August и т. д.), porto, risico и т. д.

[3]) Русская: акаѳистъ, амвонъ, аналой, анаѳема, ангелъ, антиминсъ, ан-

ствомъ у грековъ, русская модная терминологія французскаго происхожденія [1]) и т. д.

По такимъ болѣе или менѣе прочнымъ и многочисленнымъ слѣдамъ, которые оставляютъ въ языкахъ сношенія народовъ между собою и ихъ вліяніе другъ на друга, можно возстановить до извѣстной степени исторію ихъ умственнаго и культурнаго развитія. Такой рядъ заимствованныхъ словъ [2]), какъ ирійск. múr, дрвн. mûra, mûri, словинск. mir, малор. муръ, польск. mur, р. муровать, лит. múras, алб. mur, берущій свое начало изъ лат. murus, показываетъ, откуда получили данные народы каменностроительное искусство.

О культурномъ заимствованіи свидѣтельствуютъ также: лат. mina=греч. μνᾶ=еврейск., ассир. maneh, mana, откуда египетское mn и ведійское manâ, сводящіяся всѣ вмѣстѣ къ аккад.

тифонъ, антихристъ, апокалипсисъ, апостолъ, артосъ, архангелъ, архидіаконъ, архимандритъ, архи-пастырь, архіепископъ, архіерей, далматика, демественный, дискосъ, діаконъ, евангелистъ, евангеліе, евхаристія, екклесіастъ, екклесіархъ, ексархъ, ектенія, елей, епархія, епархъ, епископъ, епитимія, епитрахиль, ересь, еретикъ, ѳоимоны, игуменъ, игуменья, идолъ, икона, ирмологій, ирмосъ, іерархія, іерархъ, іерей, іеродіаконъ, іеромонахъ, кадило, канонъ, катавасія, катехизисъ, каѳедра, каѳисма, каѳолическій, кивотъ, кимвалъ, киновія, клирикъ, клиросъ, кондакъ и т. д.

Готская: aikklesjo, aipiskaupei, aipiskaupus, aipistaule, aggilus, aivaggeli, aivaggelista, aivaggeljo, aivxaristia, alev, anapaima, apaustaulei, apaustaulus, arkaggilus. daimonareis, diabaulus, diakonus, hairaisis, hyssopo, nardus, paintekuste, parakletus, paraskaive, paurpura, praizbytairi, praufetes, psalma, synagoge и т. д.

[1]) Абажуръ, антука, аграмантъ, (les agréments), бандо, бильеду, біе, бланжевый (blanche), блонды, блуза, бордюръ, бортъ, ботфорты, бра, браслетъ, брошь, будуаръ, букля, букетъ, вальсъ, визитъ, воланъ, вуаль, газъ, гардеробъ, гарнитюръ (гарнитуръ уже черезъ посредство нѣмецкаго), грезетъ (grisette), гроденапль, гродетуръ, декольте, драдедамъ, жабо, жилетъ, жирандоль, кабинетъ, кабріолетъ, кадриль, камзолъ, камлотъ, канапе, канва, канделябръ, канитель, капишонъ, капотъ, кепкетъ, коленкоръ, колье, корсажъ, корсетъ, костюмъ, кринолинъ, куафёръ, куафюра, кушетка, ландо, лансье, левантинъ, люстра, люстринъ, мантилья, манто, медальонъ, модистка, моаре, неглиже, палевый цвѣтъ (jaune paille), пальто, панталоны, панье, папильотки, плиссе, портмоне, портфель, портшезъ, пудра, рандеву, ридикюль, рояль, салонъ, сервизъ, сертукъ (или сюртукъ), солитеръ, софà (французское удареніе), тафтà (taffetas), трипъ, тротуаръ, трюмò, туалетъ, тупей, фалбала. фарсъ, фасадъ, фасонъ, фаэтонъ (изъ греч.), фаянсъ и т. д.

[2]) O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883, стр. 204, 2 изд. 1890. 206.

mana [1]); санскр. dînâra, заимствованное изъ греч. δηνάριον, откуда происходятъ и стсл. динарь, серб. динар, слов. denar, ит. denaro или danaro, рум. denarii [2]); скр. dramma, сводящееся къ греч. δραχμή, откуда гот. dracma, стсл. драхма, серб. драм, рум. drahmă, тур. dirhém, dirém, болг. диремли (уже изъ турецкаго источника), алб. derhem (тоже изъ турецкаго), курд. dirhem [3]). Лат. pondus является источникомъ для гот. и др. сканд. pund, англо-сакс. pund, англ. pound, дрсакс. pund, дрвн. pfunt и т. д.; русское *фунтъ* = нѣм. pfund, а *пудъ* представляетъ болѣе древнюю форму заимствованія или изъ латинскаго, или изъ германскаго еще до передвиженія согласныхъ; къ этой же семьѣ принадлежатъ польск. pudek и серб. фунта [4]). Интересными образчиками такого рода культурныхъ заимствованій являются имена для большихъ чиселъ въ языкахъ аборигеновъ Тихаго океана, заимствованныя изъ европейскихъ языковъ (гл. образомъ англійскаго) вмѣстѣ съ чуждыми до тѣхъ поръ представленіями. Такъ на Сандвичевыхъ и Маркизскихъ островахъ 1000 = mila, на Таити и Гавайскихъ 100 = haneri (hundred) и tausani (thousand) и т. д. [5]).

Мы могли бы привести цѣлыя страницы подобныхъ примѣровъ, но и приведеннаго уже достаточно, чтобы показать значеніе заимствованныхъ словъ какъ для лингвиста, такъ и для историка культуры.

Но культурное заимствованіе не всегда лежитъ въ основѣ языковаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда, несравненно болѣе рѣдкихъ) мы встрѣчаемъ языковое заимствованіе, за которымъ не скрывается никакого культурнаго. Такъ, напримѣръ, въ англійскомъ языкѣ встрѣчаемъ параллельныя „классическія“ (романскаго происхожденія, заимствованныя) и „тевтонскія“ (природныя, гер-

---

[1]) O. Schrader. Linguistisch-historische Forschungen, стр. 126. H. Zimmer. Altindisches Leben. 1879, стр. 51.

[2]) O. Schrader. Linguist. histor. Forsch., стр. 136, а также Weber. A. Indische Beiträge zur Aussprache d. Griechischen.

[3]) O. Schrader. Linguist hist. Forsch., стр. 136.

[4]) Ср. тамъ же стр. 158.

[5]) L. Geiger. Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft. Stuttgart. 1868. I Bd., стр. 286.

манскаго корня) слова, обозначавшія первично одно и то же вполнѣ обыкновенное и извѣстное понятіе [1]).

Примѣрами могутъ служить:

ox || beef (boeuf), calf || veal (veau), swine || pork, sheep || mutton, holy || sacred, heavenly || celestial, deed || act, action, dale || vale, to heal || to cure, freedom || liberty и т. д.

Здѣсь разница значеній уже вторична и развилась очевидно впослѣдствіи уже на англійской почвѣ, приноровленная къ лексическому параллелизму, которымъ языкъ воспользовался для семасіологической дифференціаціи.

Часто заимствуются названія безнравственыхъ людей или учрежденій, хотя это обыкновенно совсѣмъ не значитъ, чтобы заимствующему народу были неизвѣстны сотвѣтствующія понятія. Такъ финикійское pillegesh заимствуется въ греческій въ видѣ παλλακίς (откуда лат. pelex), хотя рядомъ и имѣлось природное греческое слово πορνικός, перешедшее въ свою очередь въ армянскій въ видѣ pornik.

Изъ лат. meretrix происходитъ ирійск. mertrech (сюда же относится и русская Мелектриса Кирбитьевна, обязанная своимъ происхожденіемъ итальянскому meretrice, которое переводчикъ старинной повѣсти принялъ за собственное имя). У финновъ имѣются даже три заимствованныхъ названія для даннаго понятія: huora = шв. hora, portto (дрсканд. portkona) и kurva (заимствованное изъ русскаго) [2]).

Извѣстно также, что, при сношеніяхъ различныхъ народовъ между собою, скорѣе и легче всего усваиваются ругательныя и неприличныя слова, хотя не найдется народа, который не имѣлъ бы въ своемъ словарѣ большаго или меньшаго ихъ запаса. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ имѣть въ виду сравнительную частоту употребленія извѣстныхъ словъ въ низшихъ общественныхъ классахъ, а также бо́льшую, сравнительно съ прочими словами, энергію, съ которой они произносятся.

---

[1]) Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Первое изд. стр. 203 — 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

[2]) Ibidem стр. 204. 2 изд. 1890, стр. 207.

Въ языкахъ литературныхъ заимствованіе чуждыхъ языковыхъ элементовъ часто является необходимымъ для приданія описанію или разсказу большей точности или живости, смотря по тому, какая цѣль имѣется въ данномъ случаѣ: научная или художественная (такъ называемый „мѣстный колоритъ") [1]).

Кромѣ необходимости, въ заимствованіи играетъ также роль извѣстная аффектація, мода, манерность [2]). Этимъ объясняется смѣшеніе природной рѣчи съ отдѣльными словами и цѣлыми предложеніями чужаго языка, каковое имѣетъ, напримѣръ, мѣсто въ языкѣ европейской аристократіи относительно французскаго языка.

Но культурное вліяніе и здѣсь, такъ или иначе, всегда является сопутствующимъ факторомъ.

Въ подобныхъ случаяхъ чужая культура, а отсюда и чужой языкъ, имѣютъ бо́льшую цѣну и привлекательность, чѣмъ свои собственные [3]).

Заимствованія этого рода имѣютъ обыкновенно очень эфемерный характеръ, будучи часто вызываемы прихотью минуты, случаемъ, но извѣстная часть ихъ все-таки сохраняется и держится иногда еще въ языкѣ низшихъ классовъ общества, въ то время, какъ классы, первично заимствовавшіе, давно уже ихъ утратили.

Такъ, народный русскій языкъ сохранилъ выраженіе „для близиру" (для виду, на показъ,=фр. plaisir, съ народнымъ словопроизводствомъ отъ „близь, близкій"), совсѣмъ уже не встрѣчающееся въ языкѣ образованныхъ классовъ. Такой же случай имѣется въ народн. *оказія* (фр. occasion). Въ народной пѣснѣ до сихъ поръ поется объ „аломъ гризетѣ", давно уже позабытомъ въ высшихъ слояхъ. Извѣстно, что разговорный языкъ русскаго образованнаго общества прошлаго столѣтія изобиловалъ массой преимущественно французскихъ словъ, изъ которыхъ въ употребленіи уцѣлѣла сравнительно незначительная часть.

Нѣкоторыя слова сохранились только въ простонародномъ языкѣ, какъ вышеприведенные примѣры. Въ нѣмецкихъ народныхъ гово-

---

1) Ср. Paul. Principien d. Sprachgeschichte, 2 Aufl., стр. 340.
2) Ср. Schuchardt. Slawo-deutsches und slawo-italienisches., стр. 81.
3) Ср. Paul. Principien, стр. 339—340.

рахъ до сихъ поръ употребительно adrett (изящный, ловкій) = франц. adroit, исчезнувшему уже изъ языка высшихъ классовъ и т. д.

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ заимствованіе является слѣдствіемъ культурнаго общенія народовъ между собою, то отсюда само собой вытекаетъ предположеніе, что съ развитіемъ международныхъ сношеній должно увеличиваться и количество заимствованныхъ словъ въ соотвѣтственныхъ языкахъ. Дѣйствительно, въ новѣйшихъ культурныхъ языкахъ мы встрѣчаемъ несравненно болѣе заимствованныхъ словъ, чѣмъ въ древнихъ, а также и современныхъ некультурныхъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы заимствованіе не имѣло мѣста въ древнихъ языкахъ или было въ размѣрахъ, едва заслуживающихъ вниманія, какъ склонны были думать ученые старой школы въ родѣ Гейзе.

Прежде всего необходимо замѣтить, что наши свѣдѣнія о заимствованіяхъ, сдѣланныхъ индо-европейскими языками, весьма недостаточны. Мы можемъ опредѣлить только заимствованія, сдѣланныя уже въ эпоху историческую, послѣ раздѣленія индо-европейскаго праязыка на отдѣльные языки; заимствованія же, сдѣланныя этимъ праязыкомъ въ эпоху доисторическую, до раздѣленія и переселенія племенъ, наука пока не въ состояніи выдѣлить изъ общаго лексическаго состава индо-европейскихъ языковъ и, вѣроятно, никогда не будетъ въ силахъ сдѣлать это.

Весьма вѣроятно такимъ образомъ, что многія или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ словъ, считаемыхъ общеарійскими, природными словами, были заимствованы въ праязыкъ отъ сосѣднихъ народовъ [1]). Многія заимствованія, сдѣланныя уже въ отдѣль-

---

[1]) Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 1-е изд., стр. 161: «уже a priori вѣроятно, что во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ имѣется подъ индогерманской одеждой извѣстный запасъ словъ, который никогда нельзя будетъ свести къ общему индогерманскому доисторическому періоду, по той простой причинѣ, что онъ происходитъ отъ языковъ доиндогерманскихъ и не индогерманскихъ. Выдѣлить подобныя слова въ какомъ-либо объемѣ, при почти совершенномъ отсутствіи свѣдѣній относительно этихъ доиндогерманскихъ языковъ, будетъ, конечно, всегда невозможно».

K. Brugmann. «Zur Frage nach den Verwandschaftsverhältnissen der indog.

ныхъ языкахъ въ доисторическую и даже въ историческую эпоху, нельзя выдѣлить по неимѣнію для этого средствъ, о которыхъ мы еще будемъ говорить ниже.

Кромѣ чисто апріористическихъ соображеній о возможности заимствованій въ доисторическія эпохи, мы имѣемъ и цѣлый рядъ положительныхъ фактовъ, подтверждающихъ вѣроятность этихъ соображеній по аналогіи.

Такъ, напримѣръ, въ греческомъ языкѣ имѣется извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ семитическихъ языковъ (еврейскаго, финикійскаго, арамейскаго и т. д.).

Проф. А. Мюллеръ [1]) насчитываетъ въ старомъ греческомъ немного болѣе сотни словъ, которыя обыкновенно принято считать за имѣющія семитическое происхожденіе. Изъ этого количества онъ выдѣляетъ около тридцати, несомнѣнно семитическихъ. Въ позднѣйшемъ греческомъ имѣется также извѣстное количество словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго.

Особенно сильно вліяніе греческаго языка на латинскій, въ которомъ имѣется большое количество словъ, перешедшихъ изъ греческаго. Число этихъ заимствованій въ Index graecorum vo-

---

Sprachen» (Techmer. Internationale Zeitschrift für die allgem. Sprachwissenschaft. Bd. I. H. I. стр. 250), говоритъ по этому поводу: «...мы вовсе не знаемъ, какъ часто въ доисторическія времена одинъ языкъ заимствовалъ отъ сосѣднихъ языковъ. Если принять во вниманіе, какъ часто имѣли мѣсто заимствованія словъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ въ историческія времена, то очень мало вѣроятно, чтобы въ доисторическія времена имѣлись только такія немногочисленныя перенесенія словъ, какія можно было до сихъ поръ выдѣлить при помощи звуковыхъ законовъ или какъ-нибудь иначе». Далѣе: «поэтому, вѣроятно, что въ собраніяхъ словъ, долженствующихъ доказать ближайшую связь двухъ сосѣднихъ языковъ, попадается не одно сопоставленіе, которое слѣдовало бы оставить, такъ какъ данное слово на одной сторонѣ является заимствованнымъ».

Ср. также L. Geiger. Urspr. d. Sprache u. d. Vernunft т. I, стр. 298: «заимствованія имѣли мѣсто въ чудовищныхъ (ungeheuer) размѣрахъ; и именно слова переходили изъ одного языка въ другой частью цѣликомъ со своими звуками, частью только со своимъ понятіемъ въ переведенномъ видѣ...» Ниже: «эти явленія не ограничиваются одними новыми языками и не касаются однихъ только единичныхъ матеріальныхъ понятій: они появляются уже въ первобытныя времена и въ примѣненіи къ понятіямъ, которыя мы должны считать за основныя...»

[1]) Semitische Lehnworte im älteren Griechisch (Bezzenb. Beitr. z. K. d. idg. Spr. 1877. Bd. I).

cabulorum in linguam latinam translatorum Saalfeld'a (Berlini MDCCCLXIV) доходитъ приблизительно до 1.800; въ изслѣдованіи же Вейзе [1]) перечень ихъ занимаетъ 218 страницъ въ большую восьмую, что, по среднему разсчету по тридцать три слова на страницу, составляетъ болѣе 7.000 словъ (7.200). Сверхъ того въ греческомъ имѣется также небольшое количество заимствованій изъ санскрита, которыхъ А. Веберъ насчитываетъ девятнадцать, хотя изъ этого числа кое-что придется исключить, какъ не вполнѣ достовѣрное [2]).

О санскритскихъ заимствованіяхъ изъ греческаго языка мы говорили уже выше. Кромѣ того въ санскритѣ съ большой вѣроятностью предполагаютъ извѣстное количество словъ, взятыхъ изъ дравидическихъ языковъ, а въ новыхъ индійскихъ языкахъ эти заимствованія и очень замѣтны. Если мы вспомнимъ еще, что каждый изъ такъ-называемыхъ „первичныхъ" языковъ представляетъ массу словъ, встрѣчающихся только въ немъ одномъ и не подтверждаемыхъ другими родственными языками, такъ что корни ихъ не могутъ быть опредѣлены, что имѣется значительное количество спеціально индійскихъ, спеціально греческихъ, спеціально латинскихъ, германскихъ, славянскихъ и т. д. словъ, если вспомнимъ, кромѣ того, сколько совершенно неизвѣстныхъ и темныхъ въ исторіи народовъ исчезло, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, то намъ сдѣлается яснымъ, что заимствованіе въ такъ-называемыхъ „первичныхъ" языкахъ могло быть въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это принято было думать.

Заимствованіе изъ другаго языка можетъ быть двухъ родовъ: предметомъ заимствованія могутъ быть цѣлыя слова или части словъ (суффиксы, префиксы, въ ограниченныхъ размѣрахъ даже флективныя окончанія), причемъ до извѣстной (правда, весьма ограниченной) степени возможно даже усвоеніе чужихъ звуковъ, т. е. предметомъ заимствованія является чужой, языковой мате-

---

[1]) Weise. Die griechischen Wörter im Latein. Gekrönte Preisschrift. Leipzig. Hirzel. 1882, gr. 8° VIII + 546 стр. Также п. з. Preisschriften der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. Bd. XXIII.

[2]) A. Weber. Indische Beiträge zur Geschichte der Aussprache d. Griechischen. Monatsberichte d. Berliner Akademie. December 1871.

ріалъ, заимствуется внѣшняя форма слова. Затѣмъ можетъ быть другой случай, когда слово по своему матеріалу, по звукамъ, корню и прочимъ морфологическимъ частямъ (суффиксамъ, префиксамъ и т. д.) является вполнѣ природнымъ и ничѣмъ не изобличаетъ своего иностраннаго происхожденія, которое обнаруживается только при сравненіи его внутренняго строенія (или принципа его строенія) со строеніемъ соотвѣтствующаго иностраннаго слова.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перенесеніемъ чужой внутренней формы слова (того, что Гумбольдтъ и Штейнталь называютъ innere Sprachform), съ заимствованіемъ духовнаго, не матеріальнаго характера. Къ подобнаго рода заимствованіямъ относятся такъ называемые германизмы, галлицизмы, полонизмы и т. д. т. е. буквальные переводы или перенесенія чужихъ оборотовъ рѣчи цѣлыхъ фразъ или ходячихъ формулъ.

Примѣрами подобнаго заимствованія могутъ служить;

р. выглядѣть=нѣм. aussehen, откуда также ведутъ свое начало чешское vyhlížeti, польск. wyglądać и серб. изгледати.

р. вліяніе, п. wpływ, ч. vplyv, также сводящіяся къ нѣмецкому Einfluss, которое, въ свою очередь, восходитъ къ лат. influentia (фр. influence, англ. influence, ит. influenza) и т. д.

р. предметъ (слово, сдѣланное въ прошломъ вѣкѣ), которое какъ и польск. przedmiot (вѣроятно служившее образцомъ для русскаго), обязано своимъ происхожденіемъ не совсѣмъ точному переводу нѣм. Objekt (лат. objectus, къ которому сводится и нѣм. Gegenstand).

р. обстоятельство=нѣм. Umstand,=лат. circumstantia (фр. circonstance и т. д.).

нѣм. barmherzig (р. милосердый)=лат. misericors и т. д.

ит. prelezione (студенческій терминъ у австрійскихъ итальянцевъ)=Vorlesung [1]).

Польско-русское podobny na słońce (похожій на солнце) вм. р. do słońca.

---

[1]) Schuchardt. Slawo-deutsches..., стр. 25.

австрійско-нѣмецкое: sich spielen (подъ вліяніемъ словинскаго igrati se, польск. bawić się),

„ sich weiben, sich mannen (Gottscheever Mundart: слов. ženiti se, možiti se) [1].

словино-нѣмецкое: sich lernen (učiti se) [2].

Польско-нѣмецкое: sich beleidigen (obrazić się: Schuchardt, Slawo-deutsches. 110).

Словинское: mi gre dobro (es geht mir gut. Ibidem 96).

Словинское: in den Städten sind alle Häuse gebaut, такъ какъ zidati значитъ и *bauen*, и *mauern* (ibidem).

Въ Силезіи и сѣверной Богеміи, также въ венгерскихъ горахъ: bleibt in Gottes Namen=ч. zůstávejte s Pánem Bohem=п. zostańcie z Panem Bogiem (ibidem).

Польско-нѣмецкое: die Klage austragen (wynieść skargę. Ibidem).

Примѣры подобныхъ перенесеній при предлогахъ:

польск. chorować na zęby вызываетъ польско-нѣмецкое auf den Zähnen krank sein (ibidem, 115).

„ na drugi dzień — ankommen auf den andern Tag (ibidem).

Словинское: auf den Hof des Königs gehen (подъ вліяніемъ — na kraljev dvor. Ibidem).

Чешско-нѣмецкое: auf die Messe (na mši); auf Bier gehen (na pivo); auf Kaffee geladen (na kafe).

Польско-нѣмецкое: er ist mit ihr geschieden (z nią rozłączony. Ibidem стр. 116), zum Widersehen — do widzenia (стр. 117) и т. д.

Подобныхъ перенесеній внутренней формы слова мы найдемъ много и въ болѣе отдаленныя времена:

стсл. **аггело-гласьнъ** (ἀγγελόφωνος)

аггело-лѣпьнъ (ἀγγελοπρεπής)

аггело-видьнъ, „ **зрачьнъ**, „ **образьнъ** (ἀγγελοειδής)

---

[1] Ibidem, стр. 109.

[2] Ibidem.

багроносьнъ (πορφυροφόρος)
багрѣно-постланъ (πορφυρόστρωτος)
„ -родьнъ (πορφυρογέννητος,-φυτος)
балъванотворіеніе (ἀγαλματοποιΐα)
басно-дѣıаніе (μυθοποιΐα)
„ словити (μυθολογεῖν)
„ словіе (μυθολογία)
беꙁаконніе (ἀνομία)
беꙁаконьнъ (ἄνομος)
беꙁаконьновати (ἀνομεῖν)
беꙁбогъ,-божьнъ (ἄθεος)
беꙁбожьство,-божніе (ἀθεΐα)
беꙁбоıаꙁніе (ἀφοβία)
беꙁбѣдьнъ (ἀκίνδυνος)
беꙁвиньнъ (ἀναίτιος)
беꙁводніе (ἀνυδρία)
беꙁгласіе (ἀφονία)
беꙁгодніе (ἀωρία)
беꙁдоушніе (ἀψυχία)
беꙁдѣтніе (ἀτεχνία) и т. д.
благовидьнъ (εὐειδής)
„ вонніе (εὐωδία)
благо-вѣствіе } (εὐαγγέλιον)
„ -вѣсть }
„ -глагольнъ (εὔλαλος)
„ -гласіе (εὐφωνία)
„ -давьць (ἀγαθοδότης)
„ -дѣтель (εὐεργέτης) и т. д.
„ -плавати (εὐπλοεῖν)
„ -родьнъ (εὐγενής)
„ -словити (εὐλογεῖν)
богато-любивъ (φιλοπλούσιος)
бого-блаженъ (θεομακάριος)
„ -борьнъ (θεομάχος)
„ -лѣпъ (θεοπρεπής)
„ -словіе (θεολογία)
брако-крадьца (γαμοκλόπος)
брато-любьствіе (φιλαδελφία)
брѣмено-носьць (ἀχθοφόρος)
боуіе-словіе (μωρολογία) и т. д.
прѣ-кольство (ὑπερβολή)
прѣ-даніе (προδοσία)
прѣ-датель (προδότης)
прѣдн-теча (πρόδρομος)
прѣдъ-вести (προάγειν)
„ -градіе (προάστειον)
„ -мысліе (προθυμία)
„ -написаніе (praescriptio)
прѣдъ-ображеніе (πρόσχημα)
прѣдъ-сѣдатель (praeses)
„ -сѣдати (praesidere)
самовластьць (αὐτοκράτωρ)
самотворець (αὐτοποιός)
съвоинникъ } (συστρατιώτης)
съвоинъ }
съвѣсть, съвѣдь (συνείδησις, conscientia)
съгласіе (συμφωνία, concentus)
сѫпрѫгъ (σύζυγος, conjux) и т. д.

Къ этой же категоріи заимствованій принадлежатъ такіе галлицизмы и германизмы, какъ: разъ я берусь сдѣлать то и то— я сдѣлаю=une fois, que je m'en charge..., дѣлать кого-либо несчастнымъ (faire quelqu'un malheureux), считаться съ чѣмъ-

нибудь (tenir compte de quelque chose или sich rechnen mit), разсчитывать на кого или что (compter sur), имѣть жестокость, проходить молчаніемъ, хранить молчаніе (silentium servare), предпослать что чему, имѣть что нибудь противъ, быть слишкомъ добрымъ или умнымъ, чтобы..., имѣть что сказать или возразить, раздѣлять чьи либо чувства или мысли, трогательный (touchant), немыслимый (undenkbar), сосредоточить (concentrer), начитанный (belesen), начитанность (Belesenheit), развитіе (développement или Entwickelung), утонченный (raffiné), осмотрительный (umsichtig), предусмотрительный (vorsichtig) и т. д.

Въ началѣ своего употребленія заимствованное слово принадлежитъ языку только немногихъ индивидуумовъ и отъ нихъ передается путемъ заимствованія „одноязычнаго" или „однопочвеннаго" (см. выше стр. 7) все большему и большему кругу говорящихъ тѣмъ же языкомъ [1]). Въ этомъ отношеніи исторія такого слова та же, что и всякаго новаго слова. Распространеніе извѣстнаго заимствованія находится также въ зависимости отъ того, какому кругу идей оно принадлежитъ: извѣстныя слова остаются надолго и часто навсегда въ тѣсномъ кругу тѣхъ или другихъ спеціалистовъ, не выходя за его предѣлы, причемъ и въ этомъ тѣсномъ кругу онѣ распространяются постепенно, другія сейчасъ же или скоро по своемъ заимствованіи становятся достояніемъ болѣе широкихъ слоевъ общества или и всего народа.

Заимствуясь въ извѣстный языкъ, чужое слово подвергается дѣйствію звуковыхъ и морфологическихъ законовъ, имѣющихъ силу въ языкѣ въ данное время, и принимаетъ вслѣдствіе этого извѣстныя фонетическія и морфологическія особенности, характеристичныя для заимствующаго языка. Такъ какъ между звуками любыхъ двухъ языковъ всегда имѣется болѣе или менѣе значительная разница, дающая себя чувствовать въ произношеніи даже вполнѣ бѣгло владѣющихъ чужимъ языкомъ, и такъ какъ вполнѣ точное воспроизведеніе чужихъ звуковъ требуетъ спеціальнаго упражненія въ этомъ, то при заимствованіи всегда происходитъ

---

[1]) Ср. Paul. Principien 2. стр. 340.

подстановка природныхъ, привычныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ [1]). Вслѣдствіе этого постояннаго условія заимствованіе отдѣльныхъ чужихъ звуковъ является невозможнымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое заимствованіе, повидимому, имѣетъ мѣсто, какъ, напримѣръ, въ русскихъ словахъ

благодать (blъγådát')

съ Бóгомъ (zbóγъm),

заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, или

графъ, филенка (Füllung), фонетика,

идущихъ изъ нѣмецкаго и греческаго (звуки γ и f въ независимомъ положеніи первично чужды русскому языку), заимствованные звуки уже имѣются въ звуковой системѣ даннаго языка.

Такъ заднеязычный звонкій спирантъ γ имѣется и въ природныхъ русскихъ словахъ:

когда, всегда, иногда (kåγdá, fs'æγdá, jьnåγdá),

гдѣ онъ вполнѣ законенъ фонетически и обязанъ своимъ появленіемъ (изъ звонкаго заднеязычнаго взрывнаго *г*) фонетической диссимиляціи. Звукъ *ф* (f) также имѣется въ природныхъ русскихъ словахъ и является результатомъ комбинаторнаго измѣненія зубно-губнаго спиранта *в* (v) въ глухой въ концѣ словъ или передъ слѣдующимъ глухимъ согласнымъ:

головъ (gålóf), Петровъ (p'ætróf), готовъ (gåtóf) и т. д.
вcѣ (fs'æ), готовься (gåtóf's'å), въ свой... (fsvój), мутовка (mutófkå) и т. д.

Заимствованіе звуковъ, совершенно чуждыхъ звуковой системѣ заимствующаго языка, никогда не имѣетъ мѣста. Такъ фр. robe ronde переходитъ въ русскій въ видѣ *роброндъ*, гдѣ носовой гласный уже замѣненъ сочетаніемъ гласнаго съ подходящимъ носовымъ согласнымъ, т. е. *н*. Такой же случай представляетъ *вензель* = польск. węzieł.

Но, получая такимъ образомъ извѣстную, если можно такъ выразиться, окраску, присущую тому или другому языку въ моментъ заимствованія въ него даннаго слова и соединяющую его въ одну общую семью съ другими, природными словами, заим-

---

[1]) Ср. Paul. Principien. 2. стр. 340—341.

ствованное слово все же остается чуждо принявшему его языку по своему звуковому составу и строенію или по исторіи своихъ составныхъ частей, хотя бы это и трудно было замѣтить съ перваго взгляда.

Возьмемъ, напримѣръ, русское слово „телефонъ", заимствованное изъ „международнаго" греческаго языка (о такихъ международныхъ языкахъ см. ниже), употребляемаго для различныхъ научныхъ и техническихъ терминовъ. Это слово произносится русскими:

t'ьl'æfón,

тогда какъ нѣмецъ, заимствовавшій также это слово, произноситъ его иначе—

tæl'æfón (Telefon),

причемъ, разумѣется, всѣ гласные и согласные звуки будутъ въ большей или меньшей степени отличаться отъ соотвѣтствующихъ русскихъ. Итальянецъ заимствуетъ это слово въ видѣ:

telefónio

опять съ извѣстной разницей въ звукахъ отъ нѣмецкой и русской формъ. Кромѣ того и въ морфологическомъ отношеніи это слово принимаетъ въ его языкѣ другой видъ. Французъ опять иначе заимствуетъ это слово, а именно какъ téléphon, и т. д.

Въ языкахъ съ опредѣленной, неподвижной системой ударенія заимствованное слово принимаетъ и новое удареніе:

ит.	fenéstra	переходитъ	въ	нѣмецкомъ	въ	Fenster.
лат.	feniculum	„	„	„	„	Fenchel
„	flagellum	„	„	„	„	Flegel
„	forestum	„	„	„	„	Forst
„	cerefolium	„	„	„	„	Kerbel
„	catena	„	„	„	„	Kette
„	cerasum	„	„	„	„	Kirsche
„	magister	„	„	„	„	Meister
„	monacus	„	„	„	„	Mönch
„	monasterium	„	„	„	„	Münster
„	moneta	„	„	„	„	Münze
греч.	πεντεκόστη	„	„	„	„	Pfingsten

лат. prēdicare	„	„	„	„	predigen
„ signare	„	„	„	„	segnen
„ tractarius	„	„	„	„	Trichter
„ vocatus	„	„	„	„	Vogt и т. д.

Въ польскомъ языкѣ, напримѣръ, заимствованныя слова имѣютъ удареніе на второмъ слогѣ: kościół (castellum), bassarunek (Besserung), ładunek (Ladung) и т. д.

Во французскомъ удареніе будетъ на послѣднемъ слогѣ и т. д.

Въ старомъ англійскомъ въ собственныхъ именахъ: A'bimeleh, A'chaia, A'ndreas, A'pollinus, и т. д.

Въ неизмѣненныхъ заимствованіяхъ: básilisca, crístallus, ístoria, kálendas и т. д.

Въ другихъ случаяхъ: ceren=carenum, cycene=coquīna, cymen=cumīnum, mynet=monēta, mynster=monasterium и т. д. brêfian=breviare, offrian=offerre, pinsian=pensare, prôfian=probare и т. д. [1]).

Если чужое слово и принимаетъ окраску заимствующаго языка, чуждое его происхожденіе не можетъ быть окончательно замаскировано. Такъ, въ вышеприведенномъ русскомъ словѣ

t'ъl'æfón

звукъ f въ подобномъ положеніи (въ серединѣ слова и въ началѣ слога) чуждъ русскому языку, самые корни, давшіе это сложеніе, отсутствуютъ въ русскомъ языкѣ и, наоборотъ, природны въ греческомъ. Если звукъ f и природенъ нѣмецкому языку, за то корни tele и phon такъ же, какъ и въ русскомъ, не имѣютъ нѣмецкихъ родичей, не связаны никакими ассоціаціями съ природными нѣмецкими словами и потому не могутъ быть понятны тому, кто не знаетъ по гречески. То же должно сказать, mutatis mutandis, и объ итальянской или французской формѣ даннаго слова.

Такимъ образомъ, критерія, по которому мы заключаемъ о непринадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетиче-

---

[1]) Ср. *Pogatscher*, Alois. Zur Lautlehre der griechischen, lateinischen und romanischen Lehnworte im Altenglischen. Strassburg. 1888, стр. 17, 18, 19.

скихъ, морфологическихъ и даже семасiологическихъ особенностяхъ. Мы узнаемъ заимствованныя слова по ихъ строенiю или виду, чуждому для того языка, въ который они попали, т. е. противорѣчащему его звуковымъ и прочимъ законамъ [1]).

Въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, какъ заимствованныя въ русскiй языкъ изъ церковно-славянскаго

градъ, страна, гладъ, хладъ и т. д.,

противорѣчитъ фонетическимъ законамъ русскаго языка сочетанiе *-ра-*, *-ла-*, соотвѣтствующее основно-славянскому -or-, -ol-, литовскому -ar-, -al-, и вмѣсто котораго мы ожидали бы -оро-, -оло-, имѣющееся въ природныхъ русскихъ словахъ:

городъ, сторона, голодъ, холодъ и т. д.

Въ словахъ: *среда, древесный, прибрежный* и т. д. встрѣчаемъ слогъ *-ре-* (стсл. и цсл. -рѣ-), который соотвѣтствуетъ основно-славянскому -er-, дающему *-ере-* въ природныхъ русскихъ формахъ: *середа, середка, дерево, берегъ* и т. д.

Изъ этого противорѣчiя мы заключаемъ, что данныя слова не природны въ русскомъ языкѣ и попали въ него изъ церковно-славянскаго. Между тѣмъ, еслибы эти же самыя слова были заимствованы изъ церковно-славянскаго въ сербскiй или чешскiй языки, мы не имѣли бы возможности выдѣлить ихъ изъ природнаго лексическаго состава этихъ языковъ, такъ какъ эти послѣднiе раздѣляютъ данныя фонетическiя особенности со старо-славянскимъ и его книжнымъ видоизмѣненiемъ—церковно-славянскимъ языкомъ.

Можетъ быть также случай, что слово заимствуется въ языкъ до наступленiя извѣстнаго звуковаго процесса и, подвергаясь его дѣйствiю, измѣняется настолько, что отличить его отъ природныхъ словъ бываетъ трудно или просто невозможно. При этомъ, конечно, чѣмъ раньше было заимствовано слово, тѣмъ большему числу звуковыхъ процессовъ оно подвергается. Отсюда и проис-

[1]) *O. Schrader.* Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883. стр. 201: «нашъ единственный вѣрный критерiй того, имѣемъ ли мы дѣло съ тождествомъ, основаннымъ на праязыковомъ родствѣ, или съ заимствованiемъ, сводится къ правильности или неправильности звуковыхъ отношенiй, отвѣчающихъ другъ другу въ извѣстномъ рядѣ словъ».

ходитъ упомянутая уже нами трудность выдѣленія заимствованій, сдѣланныхъ языками въ доисторическую пору [1]).

Такъ латинское tûs, tûris (ѳиміамъ), заимствованное изъ греческаго θύος, θύε(σ)ος еще до наступленія процесса такъ назыв. ротацизма въ латинскомъ, подверглось этому процессу, какъ любое природное латинское слово. Такимъ образомъ, это слово нельзя было бы отличить отъ природныхъ, если бы въ немъ не замѣчалось еще неправильное соотвѣтствіе лат. t греческому θ. Въ другихъ случаяхъ въ родѣ лат. mâlum || гр. μῆλον и т. п., совсѣмъ нѣтъ указаній на ихъ чуждое происхожденіе [1]).

При отсутствіи всякихъ внѣшнихъ признаковъ иноязычнаго происхожденія критеріемъ можетъ служить (далеко не всегда) значеніе слова. Этотъ семасіологическій критерій, однако, можетъ быть примѣняемъ только съ большой осторожностью въ виду того, что семасіологія до сихъ поръ пока представляетъ собой одинъ изъ наиболѣе трудныхъ и сложныхъ и въ то же время наименѣе разработанныхъ отдѣловъ науки о языкѣ. Приложеніе этого критерія допускаютъ болѣе всего слова, заимствованныя изъ близко родственныхъ языковъ и имѣющія въ данномъ языкѣ параллельныя природныя слова. Въ подобныхъ случаяхъ слова заимствованныя часто имѣютъ значеніе болѣе широкое и отвлеченное въ сравненіи съ параллельными природными, имѣющими болѣе узкое и конкретное значеніе. Ср., напримѣръ, французскія параллели:

acheter || accepter (acceptare)
chef || cap (caput)
champ || camp (campus)
chevalier || cavalier

---

[1]) Ср. I. Schmidt. Die Verwandschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar 1872, стр. 25: «Отдѣлить слова, которыя были заимствованы (такъ какъ входившіе во взаимный обмѣнъ языки стояли тогда еще ближе другъ къ другу, чѣмъ въ историческія времена) до вступленія въ дѣйствіе звуковыхъ законовъ, дающихъ позднѣе критерій заимствованія, или слова, формы которыхъ согласуются съ звуковыми особенностями обоихъ данныхъ языковъ, отъ первично родственныхъ мы до сихъ поръ еще не въ состояніи». Ср. также V. Hehn. Italien. [3] (1887) стр. 171.

[2]) Ср. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte. 2 изд. 1890, стр. 204.

devin || divin (divinus)
frêle || fragile (fragilis)
noël || natal (natalis)
peser || penser (pensare)
sevrer || séparer (separare) и т. д.

Подобныя же русскія параллели:

голова || глава, сторона || страна, огородить || о-градить, солодковый || сладкій и т. д.
рожать || рождать, свѣтить || о-свѣщать и т. д.

Примѣромъ такого случая, гдѣ значеніе помогаетъ намъ узнать заимствованное слово, или, точнѣе, заимствованное значеніе, могутъ служить такія русскія параллели, какъ

мужъ (conjux), жена (uxor) || мужъ (vir, homo), жена (femina).

Первыя значенія этихъ словъ принадлежатъ словамъ природно-русскимъ (или во всякомъ случаѣ усвоеннымъ весьма рано), вторыя словамъ, заимствованнымъ изъ церковно-славянскаго въ позднѣйшее время. Каждая пара при полномъ отсутствіи фонетическихъ признаковъ совпала съ другой совершенно, такъ что въ дѣйствительности мы имѣемъ только единичныя слова *мужъ*, *жена*, имѣющія, каждое, два значенія.

Для нашего языковаго чутья слова эти въ значеніи vir, femina имѣютъ такой же высокопарный оттѣнокъ, какъ *глава*, *брада*, *брегъ* и др. подобныя, несомнѣнно церковно-славянскія слова.

И дѣйствительно, мужъ=vir, жена=femina народному языку совсѣмъ чужды и дома только въ книжномъ языкѣ. Аналогичный случай представляетъ собой индостанское (урду) Dev, имѣющее также два значенія: природное—*богъ* и усвоенное изъ персидскаго (Div или Dev)—*дьяволъ* [1]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя открыть непосредственнаго источника заимствованія, хотя оно и совершилось на нашихъ глазахъ. Такъ, напримѣръ, приведенное уже выше русское слово

телефонъ,

несомнѣнно заимствованное, не природное, попало въ русскій языкъ

---

[1]) Ср. Grünbaum. Mischsprachen und Sprachmischungen. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

весьма недавно, но непосредственнаго источника, изъ котораго оно взято, мы не можемъ указать. Даже въ томъ случаѣ, если бы мы прослѣдили по разнымъ періодическимъ, техническимъ и общимъ изданіямъ исторію распространенія этого слова и нашли бы мѣсто, гдѣ оно употреблено впервые, все же едва ли оказалось бы возможнымъ доискаться, изъ какого собственно современнаго языка слово было взято. По своимъ составнымъ частямъ слово это несомнѣнно греческаго происхожденія, но очевидно не могло быть заимствовано изъ греческаго, тѣмъ болѣе, что въ древне-греческомъ языкѣ оно отсутствуетъ, а въ ново-греческомъ не можетъ быть первичнымъ въ силу условій культурныхъ [1]). Самая форма слова не вполнѣ сохраняетъ характерныя черты греческаго словообразованія, такъ какъ въ греческомъ мы ожидали бы τελέφωνος. Во французскомъ мы имѣемъ téléphon, въ англійскомъ telephon, въ нѣмецкомъ Telephon и т. д. Который изъ этихъ языковъ послужилъ источникомъ для русскаго слова, сказать на основаніи одного фонетическаго критерія невозможно.

Въ сущности открытіе непосредственнаго источника заимствованія въ данномъ и подобныхъ случаяхъ не имѣло бы даже почти никакого значенія въ смыслѣ языковомъ. Такъ, упомянутый только что терминъ возникъ вмѣстѣ съ понятіемъ въ Америкѣ, но былъ чужимъ и заимствованнымъ еще на этой своей родинѣ. Гораздо важнѣе для насъ первичный источникъ даннаго слова, взятаго изъ „международнаго“, какъ мы можемъ назвать его, греческаго языка. Въ наукѣ и техникѣ мы встрѣчаемъ массу подобныхъ терминовъ греческаго и латинскаго происхожденія, употребляющихся болѣе или менѣе одинаково у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Эта масса съ каждымъ годомъ увеличивается новыми подобными же образованіями.

Въ своей совокупности термины [2]) эти образуютъ настоящій всеобщій или международный языкъ, имѣющій также діалектиче-

---

[1]) Слово téléphonie во французскомъ встрѣчается задолго до изобрѣтенія телефона у Берліоза (Soirées de l'orchestre 1853. Paris. P. 324).

[2]) Ср. объ ученыхъ латинскихъ и греческихъ словахъ французскаго языка A. Darmesteter. De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française et des lois qui la regissent. Paris 1877. Часть II, главы XI—XVI.

скія различія (ср. фр. téléphon, ит. telefónio, русск. t'ьlæfon и т. д.), какъ и любой живой языкъ. Правда, кругъ идей, выражаемыхъ этимъ языкомъ, сравнительно ограниченъ, равно какъ и его употребленіе (преимущественно книжное), но языкъ этотъ постоянно растетъ и развивается, а кругъ его употребленія расширяется вмѣстѣ съ успѣхами науки и цивилизаціи. Польза, приносимая подобнымъ международнымъ языкомъ, очевидна и въ дѣйствительности перевѣшиваетъ далеко пользу, которую могутъ принести различные искусственные суррогаты, въ родѣ волапюка, pasilingua, langue internationale néo-latine и т. д.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно своеобразнымъ явленіемъ, свойственнымъ исключительно новѣйшимъ временамъ и не имѣющимъ себѣ предшественниковъ въ древней исторіи человѣчества.

Претерпѣвъ болѣе или менѣе значительное измѣненіе (подстановка природныхъ звуковъ на мѣсто чужихъ) въ самый моментъ заимствованія, чужое слово продолжаетъ подвергаться различнымъ измѣненіямъ и по своемъ принятіи въ другой языкъ. Чуждое по своему морфологическому составу, не связанное семасіологическими и прочими ассоціаціями съ другими словами и поэтому непонятное, оно измѣняется легко и разнообразно. Измѣненія его являются или слѣдствіемъ недослышки, причемъ слово воспринимается другимъ иначе, чѣмъ было произнесено, или слѣдствіемъ недостаточно твердаго запоминанія говорящимъ, причемъ слово измѣняется опять въ его устахъ.

Такимъ образомъ открывается широкое поле дѣйствія какъ для такъ-называемыхъ „спорадическихъ" звуковыхъ измѣненій такъ и для народнаго словопроизводства, играющаго при этомъ очень выдающуюся роль. Примѣромъ подобныхъ „спорадическихъ" измѣненій могутъ служить, напримѣръ:

обще-русское тминъ (t'm'in)=гр. κύμινον, евр. kummōn, лат. cumīnum, стсл. **кюминъ**, польское kmin. Благодаря полной этимологической обособленности этого слова, не имѣющаго въ русскомъ никакихъ родственныхъ словъ, по которымъ можно было бы исправить его произношеніе, произношеніе народа (говорящаго

въ извѣстныхъ мѣстностяхъ: *тислый, диря, типѣть* и т. д., вмѣсто кислый, гиря, кипѣть) перешло и къ образованнымъ классамъ. Образованный русскій никогда не станетъ говорить *тислый, типѣть* и т. д., такъ какъ его поддерживаетъ письменный, книжный языкъ, но говоритъ и пишетъ *тминъ;* онъ никогда не скажетъ *андель* (án'd'ъl) вмѣсто *ангелъ* (ἄγγελος), потому что въ его языкѣ, находящемся подъ вліяніемъ книжнаго и церковнаго языка, имѣется болѣе „правильная" форма, у многихъ поддерживаемая еще знаніемъ греческаго или латинскаго слова. Но онъ такъ же, какъ и масса, говоритъ и пишетъ *крендель* (kr'ɛn'd'ъl'), такъ какъ происхожденіе этого слова изъ нѣмецкаго Kringel ему въ огромномъ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ неизвѣстно, или никогда не приходитъ въ голову. Аналогичное измѣненіе *к* въ *т* находимъ въ давнишнемъ заимствованіи *витязь*, стсл. **витѧзь**, серб. витез, ч. vitěz, п. zwycięžca, вл. vićaz, = сканд. (исл.) vikingr, агс. wiccing. Фамилія *Акатьевъ* = Акакіевъ и народное имя *Авдотья* вмѣсто Евдокія (гр. Εὐδοκία) такъ же пишутся, какъ и произносятся народомъ, произношенію котораго слѣдуетъ въ данныхъ случаяхъ и образованный человѣкъ, если не желаетъ придавать своей рѣчи характеръ неестественной, манерной изысканности.

Образчиками подобныхъ книжныхъ и народныхъ параллельныхъ формъ одного и того же заимствованнаго слова могутъ также служить нѣмецкія:

Corporal || Kaporal, Sergeant || Scharsant, Gensd'armes || Schandarre, renovieren || rennefîren и т. д. [1]).

Въ приведенныхъ русскихъ случаяхъ измѣненіе *к, г* въ *т, д* произошло въ устахъ народа, гдѣ оно не имѣетъ „спорадическаго" характера, а охватываетъ всѣ однородные звуки въ опредѣленныхъ условіяхъ; затѣмъ народныя формы этихъ заимствованій были въ другой разъ заимствованы въ языкъ образованныхъ классовъ, гдѣ ихъ соотвѣтствіе *к—т, г—д* уже является „спорадическимъ", т. е. не имѣетъ никакой фонетической причины и,

---

[1]) См. Paul. Principien d. Sprachgeschichte [2] стр. 343.

слѣдовательно, совершенно чуждо звуковому составу книжнаго языка.

Съ другой стороны фонетическія измѣненія въ заимствованныхъ словахъ наступаютъ вообще скорѣе, чѣмъ въ природныхъ, что объясняется опять уже упомянутымъ отсутствіемъ ассоціативныхъ связей съ другими словами языка, лексической ихъ обособленностью. Такъ, напримѣръ, слово *портулакъ* превращается въ устахъ народа въ *протулакъ* (prъtulák, а въ сильно „акающихъ" говорахъ prâtulák), *портупе́я* въ *протупея*, хотя природное слово *портомойня* обыкновенно не претерпѣваетъ такого метатезиса въ виду связи съ *порты*, *портки* [1]).

Здѣсь фонетическій процессъ весьма тѣсно соприкасается съ другимъ факторомъ, играющимъ весьма важную роль въ обезличиваніи иностранныхъ словъ и ихъ пріурочиваніи къ заимствующему языку, — съ народнымъ словопроизводствомъ (являющимся однимъ изъ видовъ морфологической ассимиляціи или такъ называемой аналогіи). Такъ, форма *протулакъ* имѣетъ уже болѣе „русскій" видъ, чѣмъ *портулакъ*, такъ какъ здѣсь уже возможно безсознательное этимологическое разложеніе слова на части *про-* и *-тулакъ*, изъ которыхъ первая совпадаетъ съ природнымъ предлогомъ *про-*, а вторая объединяется въ одну морфологическую группу со словами типа *кулакъ*, *буракъ*, *дуракъ* и т. д. Подобный же „метатезисъ" имѣетъ въ народной формѣ *протупея* вмѣсто книжной *портупея*, болѣе близкой къ своему французскому источнику (porte-épée); здѣсь опять привходитъ элементъ народнаго словопроизводства, разлагающаго слово какъ бы на *про-* и *-тупея*, гдѣ чувствуется звуковая близость къ основѣ *туп-*, *тупой* и т. д.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ трудно сказать, что собственно является ближайшей причиной измѣненія внѣшней формы слова— фонетическій ли процессъ такъ называемаго метатезиса, или безсознательное стремленіе „осмыслить" чужое слово, т. е. придать ему болѣе русскій, привычный видъ.

---

[1]) Впрочемъ, въ Дополненіи къ Областному Великорусскому Словарю находимъ и формы: *протомоя*, *протомывка*.

Примѣровъ подобныхъ измѣненій, вызванныхъ вліяніемъ народнаго словопроизводства и морфологической ассимиляціи, мы найдемъ массу во всѣхъ языкахъ.

Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ: Armbrust (какъ бы Arm и Brust) явилось изъ средне-латинскаго arbalista, arcubalista [1]); въ словѣ Pilgrim (дрвн. piligrîm, взятое изъ средне-лат. peregrînus) окончаніе -grim вм. -grin обязано своимъ *m* морфологической ассимиляціи къ такимъ природнымъ собственнымъ именамъ, какъ Isegrim и т. д. [2]); латинское pyrethron (греч. πύρεθρον—растеніе жигунецъ) изъ ср.-нѣмецкаго birtron превращается въ Bertram, какъ бы собственное имя [3]); латинское betonicula (отсюда срвнѣм. batônje) въ Bathengel (также растеніе) [4]); Karfunkel=лат. carbunculus (срвн. Karbunkel), какъ бы отъ глагола funkeln [5]); названіе цвѣта bleu mourant превращается въ Blümerant (уподобленіе къ Blume—цвѣтокъ) [6]); французское новообразованіе (книжное) similor (похожій на золото) въ устахъ книжно-образованныхъ и знакомыхъ съ латинскимъ языкомъ принимаетъ форму semilor (полузолото) [7]). Нѣмецкое Felleisen=срвн. velîs, заимствованному изъ фр. valise. Слово осмыслено, какъ бы состояло изъ Fell и Eisen (Kluge. Etym. Wbuch d. d. Spr.). Особенно богатъ такими фактами народный языкъ, гдѣ изъ radikal дѣлается rattekahl, изъ horribel — harübel, изъ famos — fermos и даже vermost, изъ justement—just am End и т. д. [8]); Stearinlichter превращаются въ Sternlichter, a unguentum Neapolitanum въ umgewendter Napoleon; pneumatische Post (новинка въ Берлинѣ) осмысляется въ neumodische Post (газета Post. 1887. № 120 B. B. Zur Sprachreinigung) и т. д.

---

[1]) См. F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch d. deutsch. Sprache. 4 изд. 1889, стр. 11.

[2]) См. Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie. 3 изд. Heilbronn. 1878, стр. 167.

[3]) Kluge. Ibidem, стр. 26. Andresen. Ibid., стр. 156.

[4]) Kluge. Ibid. стр. 21. Andresen. Ibid, стр. 158.

[5]) Andresen. Ibidem, стр. 160.

[6]) Ibidem, стр. 190.

[7]) Ibidem, стр. 160.

[8]) Ibidem, стр. 75.

Весьма часты подобныя измѣненія въ географическихъ именахъ: славянскія Branibor и Mezibor, превращаются въ Brandenburg и Merseburg (Andresen. Ueber d. Volksetymologie, стр. 110); нижне-лужицкія Selésna (желѣзная) въ Sellessen [1]), Hussoka (высокая), вѣроятно черезъ болѣе древнюю форму Wysoka въ Weissagk [2]) подъ вліяніемъ weiss; Luboras въ Lieberose [3]); кельтское Vitodurum въ дрвн. Winturdûra, а это въ Winterthur, латинское Claudii forum въ Klagenfurt, Venustus mons въ Finstermünz и т. д. [4]).

Въ восточныхъ прусскихъ (силезскихъ) народныхъ говорахъ Kalinkenbeere (заимствованіе изъ польскаго kalinka, русск. калина) превращаются въ Kalkbeere (Kalk известка) и Kaninchenbeere (кроличьи ягоды) [5]).

Французскими примѣрами могутъ быть:

Beaupré, заимствованное изъ голландскаго Bugsprit (какъ бы beau+pré) [6]); choucroute, заимствованное изъ нѣмецкаго Sauerkraut или, вѣрнѣе, изъ діалектическаго Sûrkrût и осмысленное, какъ бы состояло изъ chou и croûte [7]), ridicule изъ réticule (лат. reticulum) подъ вліяніемъ прилагательнаго ridicule (лат. ridiculus).

Солдаты ландвера (Landwehr) въ послѣднюю франко-прусскую войну назывались langues vertes [8]). Sanglier не имѣетъ ничего общаго съ sang и имѣетъ въ основѣ лат. singulus (болѣе позднее, книжное заимствованіе есть singulier), vendredi ничего общаго съ vendre (=Veneris dies) и т. д.

Русскими подобными примѣрами могутъ служить: *расшива* (Reiseschiff) какъ бы отъ *раз-+шить; филенка* (нѣм. Füllung) съ такимъ же суффиксомъ, какъ *дѣвченка, коровенка* и т. д.

---

[1]) См. Buttmann. Die deutschen Ortsnamen. Berlin. 1856, стр. 104. Zwahr. I. G. Niederlausitz-wendisch-deutsches Handwörterbuch. Spremberg. 1847, стр. 320.

[2]) Buttmann, стр. 74. Zwahr, стр. 126.

[3]) Buttmann, стр. 91. Zwahr. стр. 194.

[4]) Andresen. Ueber deutsche Volksetymologie, стр. 113.

[5]) Schuchardt. Slawo-deutsches und Slawo-italienisches, стр. 65.

[6]) Andresen, стр. 28.

[7]) Ibidem, стр. 27.

[8]) Ibidem, стр. 31.

(морфологическая ассимиляція); *рынду-бей* (морской терминъ = англ. ring the bell); *битенгъ* (морской терминъ) въ арханг. говорѣ превращается въ *битвенъ, битвенница; некрутъ,* народное вмѣсто *рекрутъ,* какъ бы *не* + *крут* въ *крутить, крутой* и т. д. *карасинъ* вмѣсто *керосинъ* (народное словопроизводство отъ *карась*); *рубль* едва ли имѣетъ что общее съ *рубить* и одинаковымъ образомъ можетъ быть заимствованіемъ съ Востока (рупія); діалект. *докоманно, докомонно, докоманный* (основательно, точно, подлинно), въ основѣ которыхъ очевидно лежитъ иностранное слово *„документъ"* и, можетъ быть, *„документально"*, превращаются въ *доконно, доконный* подъ вліяніемъ *доконъ*=до+конъ (ср. *удоконъ* = договоръ: Каз. губ.); *конвой* превращается въ *конбой,* (какъ бы *конь* и *бой* [1]); *рубка* (каюта на палубѣ)=англ. roof, голл. roef, и опять не имѣетъ ничего общаго съ *рубить; налой*=греч. ἀναλόγειον чувствуется какъ на+лой; *выбленка*= нѣмецкому Webeling чувствуется какъ бы словомъ, сложеннымъ съ предлогомъ *вы-; высокосный* = лат. bissextilis разлагается какъ бы на *высокій* и *косный; Царское село* есть первоначально *Сарское село* (финское Saari); *крылосъ*=гр. κλῆρος или лат. clerus и съ *крыломъ* не имѣетъ никакой связи; народное *великáтный*= деликатный (délicat); *куролесить* также является результатомъ народнаго словопроизводства, которая изъ двухъ этимологій этого темнаго слова (κύριε-ἔλεισον или χοραύλης) и не была бы настоящей [2]); *кипарисъ* (κυπάρισσος) измѣняется въ *капарисъ* или *купарисъ* (Духовные Стихи). *Известка* (діалектическое *извяска* какъ бы изъ+вязкій) не заключаетъ въ себѣ никакого предлога *изъ* и заимствовано изъ греческаго ἄσβέστης, ближайшимъ рефлексомъ котораго является форма *известь,* какъ бы разлагающаяся на изъ+вѣсть.

Островъ Голодай около Петербурга и Гороховая улица въ немъ

---

[1]) Оп. Обл. Слов.

[2]) Ср. однако Садовниковъ. Загадки русскаго народа. Загадка № 2105. идутъ лѣсомъ, поютъ куролесомъ, несутъ деревянный пирогъ съ мясомъ (похороны), или: шли плотники лѣсомъ, пѣли куролесомъ, несли пирогъ съ мясомъ (№ 24695).

по преданію получили свои названія отъ нѣкогда тамъ обитавшихъ англичанина Holyday и нѣмца Гарраха [1]). Солдаты передѣлываютъ фамилію своего генерала *Бистрома* въ *Быстрова* [2]). Изъ иностранныхъ фамилій: Пагенкампфъ, Косъ фонъ Даленъ, Гамильтонъ, Левенштейнъ, получаются русскія: Поганковъ [3]), Козодавлевъ [4]), Хомутовъ, Левшинъ [5]).

Въ духовныхъ стихахъ Волотоманъ превращается въ Володиміра, Володимера съ одной стороны и Малодумора съ другой.

Солдатъ, записывая народное чтеніе о землетрясеніяхъ, превращаетъ Лиссабонъ въ Лисадонъ и т. д. [6]).

Польское kościół есть заимствованіе изъ латинскаго — castellum, пріуроченное впослѣдствіи къ природному kość, bawełna (какъ бы ba+wełna, гдѣ сдѣлана понятной хотя бы вторая часть) = нѣм. Baumwolle.

Obstalować = нѣм. bestellen; makótra (малорусск. *макитра*, будто для тѳрки маку) = греч. μάκτρα; собственное имя Στέφανος заимствуется въ видѣ Szczepan, лат. cortex превращается въ korek; Liebstöckel въ lubistek (какъ бы отъ lubić) и т. д. [7]).

Измѣненія заимствованныхъ словъ подъ вліяніемъ народнаго словопроизводства имѣли мѣсто и въ древнихъ языкахъ:

Такъ индійскія рѣки являются у греческихъ писателей въ такомъ видѣ:

Irâvati = Ὑδραώτης; Vipâç = Ὕφασις, Ὕπανις, Βίπασις, Βιβασις [8]); Vitastâ = Ὑδάσπης, Hiranyabâhu = Ἐραννοβόας.

Зендское huperetu превращается въ Εὐφράτης и т. д. У Птоломея (Geogr. 7. 1) Chandravatî обращается въ Σανδράβατις, а у

---

[1]) См. Карновичъ. Родовыя прозванія и титулы въ Россіи. 1886, стр. 86 и 42.

[2]) Ibidem, стр. 41.

[3]) Ibidem, стр. 42.

[4]) Ibidem, стр. 236.

[5]) Ibidem, стр. 65.

[6]) Ср. также другіе аналогичные примѣры въ статьѣ М. Савинова. Народная этимологія на почвѣ языка русскаго. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1889, т. XXI, стр. 13—58.

[7]) Ср. Karłowicz. Słoworód ludowy. Kraków. 1878. Passim.

[8]) Zimmer. Altindisches Leben. Berlin. 1879, стр. 11

Діодора Сиц. (17. 93) Chandraguptas и Chandramas въ Σανδράκοττος и Σανδράμης.

Арамейское dikela заимствуется въ греческій въ видѣ δάκτυλος; еврейское shikomāh въ видѣ συκάμινος, συκόμορος, συκομωρέα; санскритское pundarikas въ видѣ πάνθηρ, египетское chennuh (извѣстная мѣра) превращается въ σχοῖνος и т. д. [1]); латинское saxifraga въ σαρξίφαγος (пожирающій мясо).

Въ заимствованныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаемъ то же явленіе: Ѳивы (Θῆβαι) = егип. t. ape, финикійскій городъ на островѣ Кипрѣ—Chamath превращается въ Ἀμαθοῦς (т. е. песчаный городъ отъ ἄμαθος, ἄμμος—песокъ, пыль); финикійскій же богъ Мелехъ или Молохъ послужилъ источникомъ для Зевса Μειλίχιος (сладостный); егип. Har pe chrat (Гаръ—дитя, ребенокъ) превращается въ Ἁρποκράτης и т. д. [2]).

Въ греческихъ собственныхъ именахъ, заимствованныхъ изъ латинскаго:

Βίβλος вмѣсто Bibulus, Ἀσύλλιος вмѣсто Asellius (какъ бы отъ συλάω), Νουμήτωρ вмѣсто Numitor (какъ бы Νοῦς+μήτωρ, какъ Φιλομήτωρ и т. п.), Λεύκουλλος, Λεύκιος, Λευκανία=Lucullus, Lucius, Lucania, Δολαβέλλας, откуда Δολοβέλλας (какъ бы отъ δόλος) вмѣсто Dolabella и т. д.

Латинскій языкъ заимствовалъ греч. γλυκύρριζα въ видѣ liquiritia (ср. liquere), μηλόφυλλον въ видѣ millefolium, ὀρείχαλκον въ видѣ aurichalcum [3]), ὀψώνιον въ видѣ obsonium (какъ бы ob+sono), ἐγγυθήκη въ видѣ incitega [4]) и т. д.

Въ собственныхъ именахъ: Agrigentum=гр. Ἀκράγας (уподобленіе къ ager), Maleventum=гр. μαλόεις и т. д. [5]).

Подвергаясь подобнымъ измѣненіямъ какъ фонетическаго, такъ и морфологическаго свойства, заимствованное слово въ концѣ-концовъ перестаетъ чувствоваться чуждымъ и въ представленіи огром-

---

[1]) См. Weise. O. Wortentlehnung und Wortschöpfung. Steinthal. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. XIII, стр. 244.

[2]) Ibidem, стр. 243.

[3]) Weise, O. Die griechischen Wörter im Latein. Leipzig. 1882, стр. 73.

[4]) Ibidem, стр. 69.

[5]) Ibidem, стр. 68.

наго большинства говорящихъ ничѣмъ не разнится отъ всякаго другаго роднаго, природнаго слова. Въ связи съ этимъ обыкновенно принято различать двѣ категоріи заимствованій: слова усвоенныя или заимствованныя въ тѣсномъ смыслѣ (въ нѣмецкой лингвистической терминологіи Lehnwörter) и слова чужія или иностранныя (Fremdwörter).

Къ первой категоріи учеными принято относить заимствованія, утратившія свой иностранный видъ въ силу фонетическихъ или морфологическихъ причинъ и уже не чувствуемыя иностранными; если мы обратимъ вниманіе на ихъ исторію, то найдемъ въ большинствѣ случаевъ, что они вошли въ языкъ во времена, болѣе или менѣе отдаленныя. Таковы, напримѣръ, русскія слова:

анисъ, буква, бутылка, витязь, жаловать, жалованье, известка, кадка, кадило, казна, князь, комната, корабль, лошадь, накануне, палаты, плита, попъ, поститься, пушка (дрвн. buhsa изъ греческаго πυξίς), рубль, сапогъ, стекло, суббота, таможня, тминъ, хлѣбъ царь, церковь, школа, якорь и т. д.

Нѣмецкія: Abenteuer (срвн. âventiure=фр. aventure), Abt (срвн. abt, abbet, дрвн. abbat=среднелат. abbas, abbat-), Almosen (дрвн. alamuosan, alamôsan=греч. ἐλεημοσύνη), Anker (дрвн. anchar=лат. ancora), Armbrust (срвн. armbrust=ср. лат. arballista, arcubalista), Arzt (дрвн. arzat, срвн, arzât, arzet=срлат. archiater=греч. ἀρχιατρός), Banner (фр. bannière), Bibel (гр. лат. biblia), Bischof (дрвн. biscof, срвн. bischof=ἐπίσκοπος), Brief (дрвн. и срвн. brief=лат. brevis), Brille (срвн. barille, berille, brille=лат. гр. beryllus), Butter (срвн. buter = ср.лат. butyrum=греч. βούτυρον), Dattel (срвн. datel=итал. dattilo=греч. δάκτυλος), dichten (срвн. tihten, дрвн. tihtôn = лат. dictare), Drache (срвн. trache, дрвн. trahho=лат. draco), Essig (л. acêtum), Estrich (срлат. astricus), Fenster (срвн. vȩnster, дрвн. vȩnster=лат. fenestra), Fieber (срвн. vieber, дрвн. fiebar=лат. febris), Flaum (срвн. phlûme, дрвн. pflûma=лат. plûma), Forst (срвн. vorst, forest, дрвн. forst=срлат. foresta), Insel (срвн. insel=лат. insula), Kaiser (срвн. keiser, дрвн. keisar=caesar), Kammer (срвн. kamer, дрвн. chamara=лат. camara=гр. καμάρα),

Kelch (срвн. kęlch, дрвн. chęlih, kęlih = лат. calix), Kerker (срвн. karkære, kęrkære, дрвн. karkâri=лат. carcer), Kette (срвн. kęten = лат. catena), kirche (срвн. kirche, дрвн. chirihha = греч. κυριακόν), Münster (срвн. münster, дрвн. munustiri = лат. гр. monastêrium), Münze (срвн. münze, дрвн. munizza=лат. monêta), pfeifen (срвн. pfîfen=лат. pipare), Pferd (срлат. paraverêdus, parifredus), Pfingsten (срвн. pfingsten=гр. πεντεκοστή), Pfirsich (срвн. pfërsich = лат. persicum), Pflanze (срвн. pflanze, дрвн. pflanza=лат. planta), Pflaster (срвн. pflaster, дрвн. pflastar=греч. ἔμπλαστρον), Pflaume (срвн. pflûme=лат. prûnum), Pforte (срвн. pforte, дрвн. pforta=лат. porta), Pfund (срвн. дрвн. pfunt=лат. pondo), Pilz (срвн. bülez, дрвн. buliz= лат. bôlêtus), Segen (срвн. sëgen, дрвн. sëgan=лат. signum), Siegel (срвн. sigel=sigillum), Stiefel (срвн. stivel, stivâl=ит. stiväle=срлат. aestivale), Vogt (срвн. vogt, дрвн. fógat=срлат. vocâtus) и т. д.

Латинскія: caduceus=гр. κηρυκεῖον, κηρύκιον; canistrum= κάναστρον; catapulta=καταπέλτης; cupressus=κοπάρισσος; funda= *σφονδα, σφενδόνη; obsonium = ὀψώνιον; obsono = ὀψωνείω; incitega=ἐγγυθήκη; liquiritiæ=γλυκύῤῥιζα и т. д.

Греческія: βάλσαμον (евр. béshém), βύσσος (евр. buths), δέλτος (евр. délét), μνᾶ (евр. mánéh), νάβλας и νάυλας (евр. nébél), παλλακίς (pillegesh), συκάμινος (shikomáh) и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ только ученому лингвисту ясно ихъ чужеземное происхожденіе; для природнаго же русскаго, нѣмца, римлянина, грека они не представляютъ (или не представляли) ничего чуждаго.

Ко второй категоріи относятъ слова, чуждое происхожденіе которыхъ чувствуется уже и не лингвистомъ; время ихъ заимствованія въ языкъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не такъ отдаленно, какъ у словъ предшествовавшей категоріи. Благодаря послѣднему обстоятельству, они не успѣли еще сильно измѣниться, такъ что ихъ иностранное происхожденіе ничѣмъ не замаскировано.

Примѣрами подобныхъ заимствованій могутъ служить рус-

скія слова: *аббатъ, аберрація, авансцена, автографъ, адвокатъ, администраторъ, адресъ, адъютантъ, акцентъ, акціонеръ*, и безчисленное множество подобныхъ словъ, доходящее въ (очень плохихъ и вполнѣ ненаучныхъ) словаряхъ иностранныхъ словъ русскаго языка до 40, 75 и болѣе тысячъ. Словарь иностранныхъ словъ нѣмецкаго языка Loof'а насчитываетъ до 90,000 такого рода заимствованій. Другіе языки не менѣе богаты заимствованіями этой категоріи.

Это раздѣленіе заимствованій на двѣ категоріи—словъ усвоенныхъ и чужихъ страдаетъ очень важнымъ недостаткомъ, а именно критеріемъ здѣсь служатъ не какіе-либо внутренніе или внѣшніе признаки разсматриваемаго слова, а субъективное чувство изслѣдователя. Мы напрасно стали бы искать у лингвистовъ, какъ современныхъ, такъ и принадлежащихъ прошедшему времени, иного, болѣе точнаго опредѣленія, чѣмъ даваемое Шлейхеромъ въ его книгѣ „Deutsche Sprache“ (1874. 3 изд., стр. 115—116):

„Тупость нашего языковаго чутья доходитъ до такихъ размѣровъ, что мы по большей части совсѣмъ не чувствуемъ чуждыми слова, заимствованныя изъ чужихъ языковъ въ раннія эпохи; эти болѣе древнія составныя части (языка) мы называемъ „усвоенными словами“ (Lehnworte) въ противоположность новымъ, еще не акклиматизировавшимся и производящимъ на каждаго чуждое впечатлѣніе „чужимъ словамъ“ (Fremdworte).

Пауль въ главѣ своихъ Principien der Sprachgeschichte, посвященной заимствованію, совсѣмъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о дѣленіи заимствованій на только что помянутыя категоріи [1]). Профессоръ Тоблеръ въ брошюрѣ „Die Fremden Wörter in der Deutschen Sprache (Basel 1872, 56 стр.)“ даетъ опредѣленіе „усвоенныхъ“ словъ, ничѣмъ не разнящееся отъ опредѣленія Шлейхера. По его словамъ они... „уже довольно рано проникли въ языкъ, вслѣдствіе этого уже пустили въ немъ достаточно

[1]) Попытка установить болѣе точное понятіе «чужаго» слова (Fremdwort) была сдѣлана нѣкіимъ Strackerjan'омъ въ статьѣ Ueber das Bürgerrecht der Fremdwörter in d. deutschen Sprache (Vietor. Zeitschrift für Orthographie 1880. I Bd. стр. 40 и сл., 67 и сл., 86 и слѣд.), но неудачно.

прочные корни, какъ бы получили права гражданства, *натурализировались* или *націонализировались*, слѣдовательно большею частью почти потеряли отпечатокъ своего иностраннаго происхожденія, такъ что только историческое языкознаніе, а не общее языковое чутье приноситъ съ собой сознаніе ихъ происхожденія" (стр. 12).

Благодаря неопредѣленности критерія, во многихъ случаяхъ неизбѣжно должны возникать колебанія и сомнѣнія относительно принадлежности слова къ той или другой категоріи.

Трудность рѣшенія, возникающая при этомъ, увеличивается тѣмъ, что дѣйствительно имѣется переходный классъ словъ, не принадлежащихъ ни къ той, ни къ другой категоріи [1]).

Такое слово, напримѣръ, какъ *струбцынка* или *струбцынга* (Schraubenzwinge), не можетъ быть причислено ко второй категоріи „чужихъ" или „иностранныхъ" словъ, такъ какъ уже далеко отошло отъ своего источника, а къ первой категоріи его трудно отнести въ виду его непонятности и дикости для русскаго уха. Если первая его половина—*струб-* и совпадаетъ съ сложной основой *с+руб-* (народное *струб-*), то вторая—*цынка* не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ русскомъ языкѣ. Поэтому образованному и необразованному русскому, который никогда не видалъ столярнаго инструмента, носящаго приведенное названіе, оно такъ же мало скажетъ, какъ любое слово чуждаго и незнакомаго языка. Также затруднительна классификація такихъ случаевъ, какъ напримѣръ, *алтынъ, амбаръ, арканъ, кафтанъ, казакъ, курганъ* (тюркскія слова) или *баржа, дьяконъ, куполъ, роза-* (болѣе народная форма—*розанъ*) и т. д. [2]), которые представляютъ собой совсѣмъ или почти не измѣненныя иностранныя слова. Всѣ эти слова народъ, не колеблясь ни мало, признаетъ своими природными, исконными словами. Какъ иллюстрацію къ

[1]) Ср. о трудности различенія въ подобныхъ случаяхъ то, что говоритъ одинъ изъ изслѣдователей заимствованныхъ словъ—Эбель въ рецензіи на книгу Köhne. Werthung der Fremdwörter in d. deutschen Sprache (Kuhn's Zeitschrift Bd. II. 1853).

[2]) Фр. barge, лат. греч. διάκονος, фр. coupole или нѣм. Kuppel, лат. rosa, фр. rose, или нѣм. Rose.

этому, мы позволимъ себѣ привести небольшой анекдотъ изъ исторіи нашей Академіи Наукъ, слышанный нами отъ академика О. Н. Бётлинга: одинъ изъ академиковъ, авторъ „Общесравнительной грамматики русскаго языка", давно уже умершій, бывшій противъ иностраннаго слова „шрифты", желалъ замѣнить его (на листѣ съ образчиками „шрифтовъ" академической типографіи) славянскимъ словомъ „письмена", что, въ свою очередь, казалось фактору типографіи неудобнымъ и совсѣмъ неподходящимъ. Тогда этотъ послѣдній нашелъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, предложивъ замѣнить спорное слово кореннымъ, по его мнѣнію, русскимъ словомъ *литеры*, точнѣе передающимъ понятіе иностраннаго *шрифты* и происходящимъ по его глубокому убѣжденію отъ русскаго глагола *лить*.

Въ виду ненадежности принятаго субъективнаго критерія для различенія словъ заимствованныхъ отъ словъ чужихъ и отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ и рѣзкихъ границъ между этими двумя категоріями, намъ кажется необходимымъ искать объясненія чуждому характеру извѣстныхъ заимствованныхъ словъ не въ болѣе недавнемъ перенесеніи ихъ въ языкъ [1]), а въ какихъ-либо другихъ условіяхъ. Мы видѣли, что есть слова, заимствованныя давно, совсѣмъ не измѣнившіяся (какъ приведенныя выше тюркскія) и все же не производящія чуждаго впечатлѣнія, тогда какъ рядомъ съ ними есть слова, принятыя недавно, уже измѣнившіяся и все же остающіяся непривычными и дикими (какъ *струбцынка*, напримѣръ). Въ то же время отрицать разницу во впечатлѣніи, производимомъ на насъ, положимъ, словами *казна* или *князь* съ одной стороны и словами *параллаксъ* или *диффеенціація* съ другой, также не представляется возможнымъ.

Чуждое впечатлѣніе, производимое на насъ „иностранными" словами, находится въ зависимости отъ трехъ причинъ: непонятности ихъ корней, не имѣющихъ родичей въ принявшемъ ихъ языкѣ, ихъ обособленнаго положенія, находящагося въ связи съ этимъ, и ихъ болѣе рѣдкаго употребленія. Изъ этихъ трехъ при-

[1]) Какъ это дѣлаютъ Шлейхеръ и Тоблеръ въ приведенныхъ выше цитатахъ (стр. 40—41) изъ ихъ сочиненій.

чинъ, несомнѣнно самую главную роль играетъ послѣдняя, а самую незначительную первая (ср. *казакъ, курганъ* или *дьяконъ, куполъ* и т. д.). Такія слова, какъ *аберрація, экваторъ, параллаксъ* и т. д. (я нарочно беру рѣдко употребляемыя слова), не имѣютъ родичей и не связаны, слѣдовательно, съ другими словами психическими ассоціаціями, которыя у природныхъ словъ или у словъ весьма давно заимствованныхъ въ высшей степени разнообразны и многочисленны. Если мы возьмемъ, напримѣръ, слово *экваторъ*, то въ памяти нашей ему отзовется прежде всего слово *экваторіальный*, затѣмъ, можетъ быть, слово *Эквадоръ*, имя южно-американской республики, уже болѣе отдаленное и связанное съ первыми непосредственной ассоціаціей сходства и болѣе слабымъ представленіемъ, что республика эта находится около экватора (ассоціація смежности). У знающаго же латинскій языкъ семья эта примкнетъ къ aequus, aequalis, æquare и т. п., которыя дадутъ ему основное значеніе для всѣхъ вышеприведенныхъ словъ. Подобныхъ связей у слова *параллаксъ* будетъ гораздо меньше (прежде всего будетъ чувствоваться только связь префикса *пара-* съ другими словами, гдѣ онъ встрѣчается) и т. д. Частота употребленія всѣхъ этихъ словъ очень незначительна и будетъ колебаться сообразно съ родомъ занятій говорящаго: такъ, географъ или астрономъ чаще будетъ встрѣчаться съ подобными терминами и употреблять ихъ, чѣмъ, напримѣръ, средній образованный человѣкъ, музыкантъ и т. д.

Если мы возьмемъ другое, болѣе употребительное иностранное слово, напримѣръ, *сцена*, то сейчасъ же замѣтимъ, что оно производитъ болѣе „русское", привычное впечатлѣніе, чѣмъ, положимъ, *параллаксъ* или *аберрація*. Причинами этого будутъ: во-первыхъ, случайное звуковое совпаденіе съ нѣкоторыми русскими словами (какъ бы съ+цѣна). Звуковыя сочетанія слова вполнѣ обычны въ русскомъ и могли бы принадлежать коренному русскому слову. Кромѣ того, хотя слово это также не имѣетъ многочисленныхъ родичей (сцена, сценическій), но за то гораздо чаще употребляется и потому привычнѣе, чѣмъ приведенныя выше слова.

Если для сравненія мы обратимся къ какой нибудь природ-

ной семьѣ словъ, какъ, напримѣръ, *свѣт-* (свѣт-ать, свѣт-ить, свѣчка, свѣтлый, свѣтелка, свѣтецъ, о-свѣщать, про-свѣщать, освѣтительный, освѣщеніе, просвѣтитель и т. д.) и прослѣдимъ внутри ея всѣ родственныя связи, то увидимъ, какъ онѣ разнообразны и многочисленны въ сравненіи съ подобными же связями какого-нибудь иностраннаго слова. Частота употребленія также будетъ несравненно выше, чѣмъ у самаго употребительнаго иностраннаго слова. Благодаря этимъ многочисленнымъ родственнымъ связямъ, въ основаніи которыхъ лежитъ психическій законъ ассоціаціи идей, и частому употребленію, каждое слово приведенной семьи намъ привычно и не можетъ поражать своимъ страннымъ видомъ, какъ поражаютъ, положимъ, *аберрація* и *параллаксъ*. Между тѣмъ корень *свѣт-* въ сущности нисколько не понятнѣе для насъ, чѣмъ корни этихъ иностранныхъ словъ, такъ какъ общее понятіе, имъ означаемое, составляется только изъ всей совокупности видовыхъ, частныхъ понятій, означаемыхъ отдѣльными членами данной этимологической и семасіологической семьи. Уничтожьте всѣ другіе члены этой семьи, оставивъ только слово *свѣтъ*, и оно перестанетъ быть понятнымъ, какъ любое иностранное или русское слово, слышимое впервые и одинокое въ нашей памяти.

Отсюда видна относительность понятій, соединяемыхъ съ терминами *чужое* и *заимствованное* слово. Мы видимъ, что время заимствованія и измѣненія, претерпѣнныя словомъ въ принявшемъ его языкѣ, не имѣютъ въ данномъ случаѣ рѣшающаго значенія. Семасіологическая обособленность можетъ быть также наблюдаема въ одинаковой степени у природныхъ и чужихъ словъ. Наиболѣе важнымъ факторомъ является т. о. частота употребленія, которая можетъ совершенно замѣнять отсутствіе родственныхъ этимологическихъ и семасіологическихъ связей, вполнѣ парализировать чуждое впечатлѣніе, производимое извѣстнымъ словомъ, хотя бы и сохранившимъ вполнѣ свою иностранную структуру, и придать ему совершенно привычный, знакомый видъ.

Пока не будутъ вполнѣ изучены и сведены къ болѣе или менѣе точнымъ формуламъ ассоціативныя связи между членами

отдѣльныхъ семасіологическихъ и этимологическихъ группъ или гнѣздъ и опредѣлена частота употребленія этихъ членовъ, до тѣхъ поръ дѣленіе заимствованій на двѣ общепринятыя категоріи *усвоенныхъ* и *чужихъ* словъ всегда будетъ страдать субъективизмомъ и неизбѣжнымъ отсутствіемъ научной точности.

Безспорно, принадлежность заимствованнаго слова къ той или другой категоріи находится въ извѣстной зависимости отъ времени его заимствованія. Мы имѣемъ несомнѣнныя основанія ожидать, что многія изъ словъ, принадлежащихъ теперь къ категоріи чужихъ или иностранныхъ словъ, благодаря разнымъ фонетическимъ и морфологическимъ измѣненіямъ, утратятъ свой иностранный видъ и перейдутъ въ категорію усвоенныхъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и слова этой послѣдней категоріи въ началѣ своей жизни въ заимствовавшемъ ихъ языкѣ должны были чувствоваться чуждыми, иностранными словами, пока не подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ или не стали общеупотребительными. Но было бы ошибочно придавать и времени слишкомъ большое значеніе: такъ, напримѣръ, слово *солдатъ*, ведущее свое начало изъ XVII столѣтія, не раньше, чувствуется совсѣмъ привычнымъ, своимъ словомъ, а какое-нибудь *архіепископъ* или *епитрахилъ*, несравненно старѣйшія, до сихъ поръ не усвоились.

И въ процессѣ усвоенія словъ опять, какъ мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, главная роль принадлежитъ распространенности извѣстнаго понятія и отвѣчающаго ему слова и частотѣ употребленія, которая находится въ прямой зависимости уже отъ условій, лежащихъ внѣ самого языка, и именно отъ условій культурныхъ. *Амбаръ, сцена, генералъ, солдатъ, дьяконъ*—понятія въ силу культурныхъ условій общераспространенныя, тогда какъ понятія *параллаксъ, дифференціація, интегралъ* и т. д. понятія въ силу тѣхъ же условій малораспространенныя. Т. о. при опредѣленіи, къ какой категоріи должно быть отнесено извѣстное заимствованіе, рѣшающее значеніе должны играть не внѣшніе признаки слова, а его внутренніе (значеніе), а также соображенія культурно-историческаго свойства.

Заимствованію подлежатъ не только отдѣльныя слова, но и служебныя части рѣчи—суффиксы и префиксы.

Процессъ заимствованія этихъ послѣднихъ сводится къ заимствованію отдѣльныхъ словъ, въ составѣ основъ которыхъ находятся данныя служебныя части рѣчи. Отъ этихъ отдѣльныхъ словъ суффиксъ или префиксъ переходитъ къ другимъ словамъ при посредствѣ морфологической ассимиляціи (такъ называемой аналогіи).

Такъ, напримѣръ, польскій суффиксъ -unek (=нѣмецкому -ung) въ словахъ pocałunek, podarunek, sprawunek и т. д. обязанъ своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ такимъ, какъ: bassarunek (Besserung), gatunek (Gattung), kierunek (Kehrung), ładunek (Ladung), rachunek (Rechnung), ratunek (Rettung), werbunek (Werbung) и т. д., гдѣ онъ былъ взятъ цѣликомъ вмѣстѣ со словами. Отъ этихъ послѣднихъ случаевъ, гдѣ и корни словъ нѣмецкіе, суффиксъ -unek перешелъ и къ чисто славянскимъ словамъ.

Аналогичное явленіе представляютъ такія нѣмецкія слова, какъ Contrahage, Renommage, Blamage, имѣющія французскій видъ, но не встрѣчающіяся въ самомъ французскомъ и образованныя по типу другихъ образованій съ этимъ суффиксомъ -age, которыя дѣйствительно были заимствованы изъ французскаго.

Суффиксъ -ard (=нѣм. -hard или -hart) во французскихъ bavard или bâtard перешелъ отъ такихъ заимствованныхъ словъ, какъ hagard (англ. haggard, нѣм. hagart), écard (дрвн. scartî, дрсканд. skard), renard (Reinhart) и т. д.

Такого же (германскаго) происхожденія итальянскій суффиксъ -ardo въ falsardo (рядомъ съ falsario), leggiardo и т. д.

Русскій суффиксъ *-тѣй* въ словѣ *грамотѣй* есть видоизмѣненіе греческаго -τεύς въ γραματεύς.

По аналогіи къ этой формѣ и такимъ, какъ *злодѣй*, возникаютъ новыя въ родѣ *богатѣй, зажитей.*

Заимствованныя слова съ греческимъ суффиксомъ *-инъ* (-ινος) въ родѣ *антипиринъ, нафталинъ, хининъ* и т. д. вызываютъ въ мало образованной средѣ аналогичныя образованія: *мозо-*

линъ, одобринъ, свободинъ, антимолинъ (жидкость противъ моли) и т. д.

Русскій префиксъ *пре-* въ словахъ: *прелупый, прекрасный, преумный, претрудный, предурацкій, премилый* и т. д., перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ церковно-славянскаго, какъ *преблагій, превратный, превѣчный, преблаженный* и т. д.

Греческій префиксъ *архи-* въ русскихъ словахъ: *архиплутъ, архибестія* (архипастырь было уже въ церковно-славянскомъ) перешелъ къ нимъ отъ словъ, заимствованныхъ изъ греческаго,— *архіерей, архидіаконъ, архіепископъ* и т. д. Образованія съ префиксомъ ἀντι- въ родѣ *антихристъ* и т. д., вызываютъ формы въ родѣ *анти-воръ*.

Такой же случай перенесенія греческой основы *прото-*, играющей роль префикса, имѣемъ въ словахъ: *протобестія, протоканалія*, гдѣ вторыя части сложеній тоже заимствованы (bestia—изъ латинскаго, а canaille—изъ французскаго), при чемъ образцами служили такія заимствованія изъ греческаго, какъ *протодіаконъ, протопресвитеръ, протопопъ, протоіерей* и т. д.

Въ *распротоканалія* имѣемъ еще сложеніе основы *прото-* съ русскимъ префиксомъ *рас-* или *раз-*. Изъ этихъ примѣровъ видно съ достаточной ясностью, что чужой суффиксъ или префиксъ чувствуется такой же составной частью рѣчи и также способенъ къ новообразованіямъ, какъ и любой природный.

Префиксъ *наи-* въ русскихъ книжныхъ формахъ превосходной степени также заимствованъ изъ польскаго языка.

На флективныя окончанія также распространяется заимствованіе, хотя это и отрицалось нѣкоторыми учеными, напримѣръ, Максомъ Мюллеромъ [1]). Хотя заимствованія въ этой области языка сравнительно рѣже, чѣмъ въ другихъ, но все же найдется не мало примѣровъ, опровергающихъ взглядъ Макса Мюллера.

Такъ въ индо-португальскомъ смѣшанномъ языкѣ (Manglore)

---

1) Ср. M. Müller. Ueber deutsche Schattirung romanischer Worte. Kuhn's Zeitschrift т. V.

имѣется такой родительный единственнаго числа: hombre's casa вмѣсто casa de ombre, для котораго послужило образчикомъ англійское the man's house [1]).

Въ подобныхъ случаяхъ въ языкѣ обыкновенно имѣется уже извѣстная поддержка въ видѣ какой-нибудь похожей на заимствованную морфологической особенности, которая и облегчаетъ распространеніе заимствованной. Такъ, напримѣръ, англійское -s множественнаго числа, обыкновенно принято объяснять изъ англосаксонскаго -as, но на самомъ дѣлѣ оно обязано своимъ происхожденіемъ французскому -s. Нѣмецкія формы такъ называемаго „schlechten Plurals“: Albums, Leutnants, Rouleaus, Neins, Fräuleins, Vergissmeinnichts и т. д., сводятся къ французскимъ формамъ: albums, lieutenants и т. д., но облегчены существованіемъ нижне-нѣмецкаго -s [2]).

Точно такимъ же образомъ польскія формы именительнаго множественнаго на -a у именъ существительныхъ мужескаго рода: okręta, urzęda, kłopota и т. д., вызванныя иностранными (главнымъ образомъ латинскими первично neutra), какъ talenta, interesa, pakta, testamenta, dokumenta, akta, examina, projekta и т. д., съ другой стороны имѣютъ сильную поддержку въ формахъ, какъ bracia, księża, szlachta и т. д. Сверхъ того чисто славянское -a имѣется и въ именительномъ множественнаго существительныхъ средняго рода, какъ dzieła, miasta и т. д.

Въ русскомъ языкѣ мы можемъ указать на формы фамилій Мертва̀го, Весела̀го, Жива̀го, Бѣла̀го и т. д. (рядомъ съ формами: Хитрово̀ Доброво̀, Дурново̀, Благово̀), гдѣ *-аго* обязано своимъ происхожденіемъ или церковно-славянскому **-аго**, орѳографическому окончанію родительнаго падежа ед. числа, или *-аго* тѣхъ русскихъ говоровъ, которые сохранили еще такое окончаніе [3]).

---

[1]) Schuchardt. H. Slawo-deutsches, стр. 8.

[2]) Schuchardt. Ibidem.

[3]) Если *-аго* этихъ фамилій церковно-славянскаго происхожденія, то оно обязано своимъ существованіемъ рабскому чтенію написанной по образцу церковно-славянской графики и непонятной формы, которая уже не чувствовалась какъ родит. падежъ. Тогда мы имѣли бы здѣсь одинъ изъ случаевъ вліянія письма, графики на языкъ и заимствованіе черезъ посредство письменности.

Во всякомъ случаѣ формы и въ родѣ *Мертва́го*, и въ родѣ *Благовд* уже вовсе не чувствуются родительными падежами ед. числа, о чемъ говоритъ и ихъ своеобразная акцентуація, совершенно обособляющая ихъ отъ обыкновенныхъ формъ родительнаго падежа ед. числа (только форма *Жива́го* представляетъ „правильное“ удареніе).

Въ особенно счастливыя условія поставлены языки, имѣющіе возможность заимствованія изъ близко родственныхъ языковъ, какъ, напримѣръ, русскій рядомъ съ церковнославянскимъ, романскіе языки рядомъ съ латинскимъ, новогреческій рядомъ со старогреческимъ и т. д.

Заимствованныя изъ такихъ родственныхъ языковъ слова, благодаря близости родства между языками заимствующимъ и дающимъ, прекрасно укладываются въ систему принявшаго ихъ языка и, не противорѣча сильно его фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ, но въ то же время представляя нѣкоторыя отличія, даютъ языку богатый матеріалъ для семасіологическаго развитія.

При условіи родства между заимствующимъ и дающимъ языками весьма легко возникаютъ параллели словъ съ родственнымъ значеніемъ, ничѣмъ, кромѣ своей исторіи, не отличающіяся отъ параллелей, развившихся на той же языковой почвѣ, но уже другимъ, фонетическимъ путемъ.

Небольшія отличія одного изъ словъ такой пары отъ другаго служатъ признаками, къ которымъ языкъ пріурочиваетъ семасіологическую разницу.

Такимъ образомъ рядомъ съ варіаціей корней, вызванной фонетическими (а также и морфологическими) процессами, возникаетъ варіація, представляющая собой результатъ заимствованія.

Такъ, рядомъ съ русскими природными словами: *голова, городить, сторона* имѣются заимствованныя изъ церковно-славянскаго *глава, о-градить, страна,* имѣющія значенія, отличныя отъ природно-русскихъ. Мало того, по образцу такихъ параллелей, могутъ возникать новыя формы, уже не имѣющія ничего общаго съ церковно-славянскимъ.

Такъ отношенія: *голова* || *глава*, *борода* || *брада*, *ворота* || *врата*, *золото* || *злато* и т. д. вызываютъ къ формѣ *калоша* (слово, заимствованное изъ французскаго или нѣмецкаго galoche), которая чувствуется въ силу неопредѣленности неударенныхъ русскихъ гласныхъ (сравни sărókă сорока и kălóšă калоша) какъ бы полногласной формой, параллельную шутливую форму *кла́ша*, имѣющую болѣе высокопарный и торжественный (въ силу ассоціацій, соединенныхъ съ церковью и ея языкомъ) оттѣнокъ значенія, такой же, какъ и у вторыхъ членовъ вышеприведенныхъ параллелей.

Подобныя же семасіологическія разницы мы имѣемъ также въ парахъ: горо*ж*анинъ || гра*жд*анинъ; горо*д*ить || о-гра*жд*ать; свѣ*т*ить || о-свѣ*щ*ать; ро*ж*ать || ро*жд*ать и т. д.

Ниже мы вернемся къ этимъ отношеніямъ въ русскомъ языкѣ и подробно разсмотримъ ихъ. Приведенныхъ же примѣровъ достаточно, чтобы показать значеніе заимствованія какъ фактора, увеличивающаго варіацію корней, столь важную для семасіологическаго развитія языка. По отношенію къ разницѣ значеній, приведенныя параллели совершенно одинаковы съ параллелями, возникшими другимъ путемъ (помощью фонетическаго измѣненія однихъ формъ и морфологическаго возстановленія первичнаго звука въ другихъ при посредствѣ уподобленія къ формамъ, въ силу извѣстныхъ условій не измѣнившимся): *обвязать* || *обязать*, *капнуть* || *кануть*, *гибнуть* || *гинуть* и т. д.

Какъ въ примѣрахъ вышеприведенныхъ семасіологическія разницы были пріурочены къ разницамъ, вызваннымъ заимствованіемъ, такъ здѣсь оттѣнки значенія связаны съ разницами, являющимися результатами фонетическаго измѣненія.

Такія параллели, основанныя на заимствованіи, имѣются во многихъ языкахъ. Подобныя французскія пары были уже приведены выше (стр. 27—28). Только роль церковно-славянскаго въ нихъ занималъ латинскій.

Одинаковыя параллели могутъ возникать путемъ заимствованія одного и того же слова въ различныя эпохи. Такъ, мы имѣемъ въ нѣмецкомъ:

Vogt || Advocat (лат. vocatus и advocatus)
Brille || Beryll (лат. beryllus)
Tafel || Tabelle (лат. tabella)
Meister || Magister (лат. magister)
predigen || prädicieren (лат. praedicare)
prüfen || probieren (лат. probare)
dichten || dictieren (лат. dictare) и т. д. [1]).

Въ русскомъ имѣемъ параллельныя формы *цезарь* || *царь*, *викингъ* || *витязь* и т. д.

Языкъ поступаетъ и съ этими параллелями такъ же, какъ съ другими, возникшими фонетическимъ путемъ, и пользуется ими для семасіологической дифференціаціи. Въ параллеляхъ: нѣмецкое причастіе erleuchtet (морфологическая ассимиляція къ неопредѣленному наклоненію erleuchten) || болѣе древняя форма причастія Erlaucht; durchgeleuchtet (подъ вліяніемъ durchleuchten) || Durchlaucht разница значеній пріурочена къ варіаціи корня, вызванной фонетическимъ процессомъ съ одной стороны и возстановленіемъ первичнаго вида корня подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ онъ сохранился законнымъ образомъ, съ другой (ср. приведенныя выше русскія параллели: *капнуть* || *кануть*, *гибнуть* || *гинуть* и т. д., стр. 51).

Возможенъ еще одинъ родъ параллелей, когда заимствованное слово не вытѣсняетъ исконнаго однозначащаго, и оба продолжаютъ существовать рядомъ, при чемъ значенія ихъ дифференцируются. Такова нѣмецкая параллель: Ross рядомъ съ Pferd (первое слово исконное, второе латинскаго происхожденія), совершенно тожественная по семасіологическому отношенію съ русской *конь* || *лошадь* (первое исконное, второе татарское). Здѣсь съ исконными словами соединяется высокопарный оттѣнокъ значенія, а заимствованное, напротивъ, имѣетъ обыденное значеніе.

Перечислить всѣ возможныя проявленія процесса заимствованія и пріурочить ихъ къ извѣстнымъ систематическимъ рам-

[1]) Подробно о нѣмецкихъ параллеляхъ: Andresen. K. G. Wortspaltungen auf dem Gebiete der neuhochdeutschen Schrift-und Verkehrssprache. Zeitschr. f. deutsche Philol. 1890. 265—286.

камъ довольно затруднительно въ виду разнообразія и обширности матеріала. Главныя существенныя категоріи указаны нами выше.

Судьба заимствованныхъ словъ также весьма разнообразна и представляетъ часто значительный интересъ (главнымъ образомъ въ виду ихъ историко-культурнаго значенія). Часто слово идетъ изъ глубокой древности (какъ, напримѣръ, приведенное уже выше μνᾶ, русское мина, сводящееся къ аккадійскому mana), часто попадаетъ къ отдаленнѣйшимъ народамъ, переходя отъ одного къ другому. Таково, напримѣръ, нѣмецкое слово Butter. Въ нѣмецкій оно попало изъ латинскаго (butyrum), взявшаго его отъ Грековъ (βούτυρον), въ языкѣ которыхъ оно было опять чужимъ, такъ какъ, по свидѣтельству Гиппократа, есть скиѳское слово. Греческая форма обнаруживаетъ несомнѣнное участіе народнаго словопроизводства, какъ бы отъ βοῦς—быкъ и τυρός (родственное славянское слово **тварогъ**)—сыръ.

Русское *тминъ* (польское kmin, старославянское **кюминъ**) сводится къ греческому κύμινον, источникомъ котораго является еврейское kummōn [1]).

Арамейское dikela переходитъ въ греческій въ видѣ δάκτυλος, откуда ведетъ свое начало латинское dactylus, развивающееся въ итальянское dattilo, а это послѣднее переходитъ въ нѣмецкій въ видѣ Dattel.

Русское *хлѣбъ* сводится къ готскому hlaibs, изъ котораго оно заимствовано еще въ общеславянскій языкъ, а въ латинскомъ clibanus (печь для хлѣбовъ. Ср. также лат. lībum, родъ пирога, блина), имѣемъ родственное готскому слово, заимствованное изъ греческаго κλίβανος (также хлѣбная печь).

Русское *сакъ* заимствовано изъ нѣмецкаго Sack или французскаго sac (также заимствовано изъ нѣмецкаго), сводящихся къ латинскому saccus; въ основѣ же этого послѣдняго лежитъ греческое σάκκος, взятое въ свою очередь изъ еврейскаго sáq.

Обще-европейское *эликсиръ* (какъ бы отъ лат. elixare) за-

---

[1]) Въ русскомъ имѣются и діалектическія формы, болѣе близкія къ первоначальному источнику: *киминъ*, *кминъ*.

имствовано изъ арабскаго el-ixîr, а это сводится къ греческому ζήριον (сухое лекарство) [1]).

Французское tambour и итальянское tamburino происходятъ также изъ арабскаго, который въ свою очередь взялъ свое слово изъ греческаго τύμπανον [2]) и т. д.

Часто слово, заимствованное однимъ языкомъ изъ другого, возвращается черезъ извѣстный промежутокъ времени опять въ свой родной языкъ. Такъ, въ Лайбахѣ (въ Австріи) говорятъ: er sieht kumern aus. Kumern первично есть нѣмецкое kümmerlich, заимствованное въ этомъ видѣ словинцами у нѣмцевъ, которые въ свою очередь взяли свое слово, но уже въ измѣненной формѣ, обратно [3]).

Нѣмецкое Banner или Panier заимствовано изъ французскаго bannière, а послѣднее принято объяснять изъ германской основы, заключающейся въ готскомъ bandwa, bandwô=знакъ [4]). Новонѣмецкое Liste заимствовано изъ французскаго liste, итальянскаго lista, а эти сводятся къ верхненѣмецкому Leiste (срвн. lîste) [5]).

Нѣмецкія Lotto и Lotterie, заимствованныя изъ романскихъ языковъ (итальянскаго и французскаго), въ этихъ послѣднихъ также не первичны и сводятся къ готскому hlauts (жребій); нѣмецкое же galoppiren взято изъ французскаго galoper, а это=дрвнм. gâhlouf; Busch = итал. bosco, а это заимствовано изъ дрвнм. bûwisc; нѣмецкое Rang = франц. rangue, а это=дрвн. hring; Tanz взято изъ итальянскаго danza, а это изъ дрвн. dansôn. Fauteuil, Bouquet, Garde взяты обратно въ нѣмецкій изъ французскаго, который въ свою очередь еще раньше взялъ ихъ изъ нѣмецкаго: Faltstuhl, Busch, Warte и т. д.

---

[1]) См. L. Geiger. Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und Vernunft. 1871. T. I, стр. 287.

[2]) Ibidem, стр. 288 и слѣд.

[3]) Schuchardt. H. Slawo-deutsches... стр. 70.

[4]) Kluge. Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 4 изд., 1889, стр. 18.

[5]) Ibidem. стр. 214. Этимологія Гейгера (изъ русскаго *листъ*) неправдоподобна.

Въ народныхъ восточно-прусскихъ говорахъ (въ Силезіи) встрѣчаемъ слово komurke, заимствованное изъ польскаго (komórka), которое въ свою очередь является заимствованіемъ изъ нѣмецкаго (Kammer), нѣмецкая же форма есть заимствованіе изъ латинскаго (camera), который взялъ это слово изъ греческаго (χαμάρα).

Подобно каждому другому слову, заимствованныя слова въ концѣ концовъ также выходятъ изъ употребленія, причемъ они замѣняются или новыми заимствованіями, или природными словами [1]). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же „выживаніемъ" заимствованныхъ словъ, подобное которому мы встрѣчаемъ и въ исторіи природныхъ словъ.

Иногда причина этого выживанія лежитъ внѣ языка—въ выживаніи культурномъ, когда самыя понятія исчезаютъ, замѣняясь новыми, иногда въ самомъ языкѣ, хотя и не поддается опредѣленію. Примѣрами перваго рода выживанія могутъ служить, напримѣръ, мало употребительныя, а частью и совсѣмъ вышедшія изъ употребленія, заимствованныя слова: бостонъ (карточная игра), галера (гребное судно), гаубица (родъ пушки), гродетуръ (матерія), дилижансъ, монимаска (танецъ), роброндъ (нарядъ) и т. д.

Примѣрами втораго рода—исчезновеніе такихъ эфемерныхъ заимствованій, какъ, напримѣръ, заимствованія Петровскихъ временъ — викторія, фортеція, конфузія, сатисфакція и т. д. или нѣмецкія —durchflorieren, überparlieren, gepruefieren, unterordinieren и т. д., по образцу которыхъ возникали уже: schimpfieren, bildieren, schallieren, wandellieren и т. д.

Причины выживанія подобныхъ заимствованій такъ же трудно поддаются опредѣленію, какъ причины выживанія, напримѣръ, латинскаго caput или os въ романскихъ языкахъ и замѣны ихъ словами testa и bucca, или нѣмецкаго Haupt, вмѣсто котораго говорится теперь Kopf и т. д. Изслѣдователь, какъ кажется, можетъ только констатировать данное явленіе и этимъ и удовольствоваться.

---

[1]) Ср. Grünbaum. Mischsprachen und Sprachmischungen. Berlin. 1885, стр. 3 и слѣд.

Синтаксисъ также не остается свободнымъ отъ вліянія чужихъ языковъ. Случаи проявленія этого вліянія имѣютъ въ общемъ значительное сходство съ уже разсмотрѣнными случаями перенесенія чужой внутренней формы слова. Но часты случаи, когда переносится уже синтактическая структура. Примѣромъ могутъ служить такіе обороты, какъ accusativus и nominativus cum infinitivo въ русскомъ языкѣ, напримѣръ:

„Учинилъ слышимы быть повсюду мои рыданія"
(Третьяковскій. Ѣзда въ Островъ Любви).
„Тебя душа моя быть чаетъ" (Державинъ. Ода Богъ).
„... Имъ печатный всякій листъ быть кажется святымъ"
(И. Дмитріевъ. Сатира „Чужой Толкъ").

или въ церковнославянскомъ:

кого́ мя глаго́лютъ человѣцы бы́ти, Сн҃а человѣческаго
(М. XVI. 13).
вы́ же кого́ мя глаго́лете бы́ти (Ibidem. 15).

Дательный самостоятельный, перенесенный изъ церковно-славянскаго, у нѣкоторыхъ писателей прошлаго столѣтія, какъ, напримѣръ, „Преставшу Годофреду вѣщати, шумъ плесканій далъ знати" и т. д. (Михаилъ Поповъ. Переводъ „Освобожденнаго Іерусалима". 1772).

Такіе галлицизмы, какъ Пушкинское: „имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ" (Выстрѣлъ) и т. д.

Въ этомъ отношеніи замѣчается во всѣхъ новыхъ языкахъ стремленіе къ извѣстному однообразію, сглаживаніе характерныхъ особенностей и появленіе извѣстныхъ международныхъ синтактическихъ оборотовъ. Это явленіе въ славянскихъ языкахъ имѣетъ въ виду Миклошичъ, когда говоритъ [1]):

„Способъ выраженія, аналогичный таковому европейскихъ языковъ, оттѣсняетъ постоянно на задній планъ своеобразный славянскій, — явленіе, которое можно наблюдать также и въ другихъ языкахъ нашей части свѣта; ибо извѣстный, если можно

---

[1]) Vergleichende Grammatik der Slaw. Sprachen. Bd. IV. Syntax, стр. 740.

такъ выразиться, новоевропеизмъ стремится какъ бы объединить въ одинъ языкъ языки европейскихъ народовъ, принимающихъ участіе въ культурѣ... Кто не обращаетъ вниманія на стремленіе языковъ нашей части свѣта къ извѣстному единообразію, тотъ никогда не будетъ въ состояніи объяснить себѣ постепенное преобразованіе славянскихъ языковъ. Не все въ языкахъ происходитъ извнутри“.

ГЛАВА I.

Обзоръ литературы вопроса.

Первой по времени грамматикой русскаго языка (точнѣе великорусскаго нарѣчія, и именно московскаго говора) является грамматика Генриха Вильгельма Лудольфа, вышедшая въ Оксфордѣ въ 1696 году подъ заглавіемъ: Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad grammaticam Slavonicam и т. д. (8°. VI+97 стр.).

Раньше появившіяся грамматики Лаврентія Зизанія [1]) и Мелетія Смотрицкаго [2]), не говоря уже о еще болѣе раннихъ, Виленской (1586 г.) и Львовской (1591 г.) [3]), имѣли въ виду только „славенскій“ или церковнославянскій языкъ. Русскіе элементы, принятые составителями за чисто славянскіе и безсознательно введенные въ установленныя въ этихъ попыткахъ грамматическія системы, обязаны своимъ происхожденіемъ не великорусскому нарѣчію, а малорусскому. Кромѣ того дѣло не обходится здѣсь и безъ обычныхъ полонизмовъ. Яснаго представленія объ особенностяхъ русскаго и церковнославянскаго языка и звуковой разницѣ между ними здѣсь нечего и искать.

---

[1]) Грамматіка Словенска съставленна Лаврентіемъ Зизаніемъ. Вильно 1596.

[2]) Первое изданіе 1619 г. въ Эвю (близь Вильны), въ Москвѣ въ 1648 г. слѣдующее (для Москвы первое).

[3]) См. о нихъ П. Житецкаго. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. Часть первая. Кіевъ. 1889. 8°. стр. IV+162+102; стр. 17.

Такъ, Мелетій Смотрицкій (Московское изданіе л. 50) считаетъ формы **кнжю** и **молоую** церковнославянскими. На л. 55 встрѣчаемъ также формы **кожю**, **хожю**, приведенныя, какъ церковно-славянскія. Поэтому мы оставимъ эти грамматики въ сторонѣ.

Болѣе точное представленіе объ отличіяхъ русскаго отъ церковно-славянскаго мы находимъ въ „Лексиконѣ Славенороссскомъ“ Памвы Берынды (Кіевъ. 1627. Второе изданіе въ типографіи Кутеинскаго монастыря вышло въ 1653) [1]. Но и онъ имѣетъ бо́льшее значеніе для малорусскаго, чѣмъ для русскаго языка, такъ какъ составитель руководился первымъ, какъ лучше ему извѣстнымъ. Кромѣ того языкъ лексикона кишитъ полонизмами не только въ „росской“, но даже и въ „славенской“ части.

Тѣмъ не менѣе нельзя отказать составителю въ извѣстномъ языковомъ чутьѣ; такъ, онъ ставитъ рядомъ со „славенскими“ неполногласными формами:

бразда̀, брію бра́ду, бремя, вашестранъ, влажу̑, влекуся, врагъ врата, возгласъ, глава̀, гласъ, дре́вянъ, загражденіе, заграждаю, злато, кладязь, крастель, млатобіецъ, мракъ и т. д., „росскія“ полногласныя:

борозна̀, голю бо́роду, бе́ремя, зва́шеи стороны̑, отволо́жую, волоку̑ся, во́рогъ, ворота̀, оголоше́ніе, голова̀, го́лосъ, деревя̀ный. загороже́нье, загоро́жую, зо́лото, коло́дезъ, коростѣль, бючій (sic!) мо́лотомъ, моро́къ и т. д.

Но рядомъ съ этими правильно представленными случаями встрѣчаемъ въ „славенскомъ“ отдѣлѣ формы: *голошу*=жалобно плачу и *колоколъ*=цимбалъ, дзвонокъ (п. dzwonek).

---

[1] Мы пользовались этимъ послѣднимъ изданіемъ, озаглавленнымъ. ЛЕѮІКОНЪ, славеноро́сскій. име́нъ толкова́ніє, Всече́стны Ѡце́мъ Кѵ: Па́мвою беры́ндою Прѡтоси́ггело Ѳрѡ: Їєрали́мского, Згрома́женый. Й Запозволе́не ста́ршы, Пе́рвей в Кинѡ: с: Вє: Ла́вры Пече́рскїа Кїевскїа. А тепе́ръ з Тѵпогра́фїи Ѡбщежи́телнаго Монастыра́: КУТЕ́ИНСКАГО. Тща́нїемъ то́жде Оби́тели Їнокѡ, Тѵпомъ йзда́сѧ. Влѣто: ѿ Ржтва̀ Хва, ахнг. Мца Септе: ві днѧ̀. Лист. ткд (324).

Правильно также понимаетъ Памва соотвѣтствіе „славенскихъ“ *щ, жд*, „росскимъ“ *ч, ж* въ такихъ сопоставленіяхъ:

вижду = вижу, възмуща́ю = замучую, загражденіе = загороже́нье, заграждаю — загорожую, межда́ = межа̀, нощеваю (!) = ночую, помощъ = по́мочъ и т. д.

Но рядомъ съ этими сопоставленіями встрѣчаемъ въ качествѣ „славенскихъ“ формъ — *жажель* = хоть, *приблужаго*, *единорождъ* = единоро́жецъ (unicornis) и т. д.

Въ другомъ мѣстѣ „славенское“ *будущій* передано на „росскомъ“ формами *грядущій* и *прійдучій*, *немо́щный* передано уже полонизмомъ *немо́цный* и т. д. Такіе же полонизмы передаютъ „славенское“ *власть:* владза, звѣрхность, моцъ (п. władza, zwierzchność, moc).

Памва правильно считаетъ форму *предаша* „славенской“, но передаетъ ее полонизмомъ *полъцили*, гдѣ понято только соотвѣтствіе временъ.

Правильно также различеніе „славенскаго“ предлога *разъ* отъ „росскаго“ *роз-*: *разный* = *ро́зный*, *разліяніе* = *розли́тье*, *ра́зумъ* = *ро́зумъ*. Послѣдній примѣръ можетъ быть также и полонизмомъ [1]).

Такимъ образомъ мы должны начать нашъ обзоръ литературы собственно съ помянутой выше грамматики Лудольфа, который является первымъ ученымъ, отличавшимъ великорусскій языкъ отъ церковно-славянскаго и обратившимъ вниманіе на ихъ разницу въ написанной имъ первой грамматикѣ живаго великорусскаго языка. На стр. 2-й мы находимъ у него слѣдующія общія замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ и ихъ значеніи въ обыденной и общественной жизни московскаго государства.

---

[1]) Ср. также то, что говоритъ Житецкій о словарѣ Памвы: Очеркъ литерат. исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1889. стр. 37—51. Такой же характеръ, какъ Лексиконъ П. Берынды, имѣетъ и «Словарь книжной малорусской рѣчи» (рукопись XVII в.), изданный въ приложеніи къ названному только что труду. Предшественникомъ подобныхъ словарей является «Лексисъ сирѣчъ реченія въкратцѣ събранны и изсловенскаго языка, на просты Русскій діялектъ истолкованы», приложенный къ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (1596).

Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, rerum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior cæteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant. Unicus tantum liber vulgari dialecto impressus est, qui **ꙋложеніе** uloschenie vocatur et corpus Juris Russici repræsentat; licet constructiones nonnullae Slavonicam grammaticam potius quam communem modum loquendi sequantur".

Ниже говорится о Симеонѣ Полоцкомъ, что онъ въ своихъ переводахъ и сочиненіяхъ „quantum potuit difficilioribus vocabulis Slavonicis abstinuit, quo à pluribus legi et percipi posset, Interim tamen omnia sunt Slavonica et multo vulgo ignota. Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita è contrario nemo domestica et familiaria negotia sola linguâ Slavonicâ expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non exstant in libris, è quibus lingua Slavonica haurienda est. Adeone apud illos dicitur loquendum est Russice et scribendum est Slavonice. Quanquam autem plerique Russi, qui Idiotae videri nolunt, vocabula scribere solent, non ut efferuntur, sed sicuti secundum grammaticam Slavonicam scriberi deberent; v. g. scribunt **сегоднѧ** segodnia hodie, cum tamen pronuncient **севодни** sevodni".

Ниже, на стр. 4—5, находимъ весьма подробныя и точныя для своего времени замѣчанія о различіи русскаго и церковнославянскаго языковъ: „sequuntur observationes nonnullae circa differentiam Russicae dialectus a lingua Slavonica.

а Slavonicum duas consonantes sequens mutatur in duo **о.**

Slav.		Russ.
глава	caput	**голова**

градъ	urbs	городъ
гладъ	fames	голодъ

є Slavonicum à Russis saepe mutatur in о

Slav.		Russ.
ѥдинъ	unus	одинъ
ѥсень	autumnus	осень
ѥсеръ	lacus	осеръ (sic!)

In declinationibus Slavonicae linguae consonantes nominativi in nonnullis casibus mutantur, sed in Russica dialectu retinentur v. g. рѹка manus in dativo et ablat. singulari facit рѹцѣ, in lingua Russica vero рѹкѣ. Sic à ѩзыкъ lingua est nominativus pluralis ѩзыцы. Russice vero ѩзыки. Similiter quoque in declinatione nominum Slavonicorum г in ʒ et ж, х in с nonnunquam mutatur.

щ Slavonicum à Russis frequenter mutatur in ч.

Slav.		Russ.
нощь	nox	ночь
немощь	morbus	немочь
хощетъ	vult	хочетъ

In adjectivis Slavonicis genitivus singularis masculini et neutri desinit in го sed in lingua Russica in во.

		Slav.	Russ.
à такой	talis	такого	такова
ѥдинъ	unus	единного (sic!)	одново

In verbis Slavonicis praeteritum desinit in х, sed in verbis Russicis in л:

любихъ amavi любилъ.

Praepositiones nonnullae aliter construuntur in lingua Russicâ quam in Slavonicâ

Slav. междѹ рѹсскими людми

Russ. междѹ рѹсскихъ людей Inter Russos.

Interdum quoque vocabula prorsus differunt.

Slav.		Russ.
глаголю	loquor	говорю

рекл҄ъ	dixit	**сказалъ**
днасъ (sic!)	hodie	**севодни**
въину	semper	**всегда, всeлди** (sic!)
истина	veritas	**правда**
тѹне	gratis	**даромъ**

На стр. 15. „Denique notandum, quanquam in vulgari dialecto vocativus similis sit Nominativo, nonnunquam tamen Vocativum Slavonicum eos retinere, quod fieri solet in rebus spectantibus ad religionem; quae ipsis Slavonia tradita fuit. ut. **Боже помилѹи** miserere Deus“.

На стр. 16: „Quod autem in lingua Slavonica **к** ante **ѣ** mutatur in **ц**. hoc Russi non observant. Dicunt enim **онъ держи҆ въ свое҆ рѹкѣ** tenet in manu sua, cum Slavonice dicendum esset **рѹцѣ**“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ заключается довольно разносторонняя характеристика русскаго языка въ отличіе отъ церковнославянскаго, для своего времени замѣчательная. Лудольфъ впервые обращаетъ вниманіе на русское полногласіе, на соотвѣтствіе начальнаго *о* старославянскому **ѥ**; на русское *ч* на мѣстѣ старославянскаго **шт**=tj, **кт**, **гт**, т. е. на главныя фонетическія отличія русскаго языка. Пропущено только соотвѣтствіе русскаго *ж* и старославянскаго **жд**. Въ области морфологіи отъ вниманія Лудольфа не ускользнуло въ русскомъ распространеніе (путемъ морфологической ассимиляціи) основъ безъ „смягченія“ заднеязычныхъ и на падежи, гдѣ это „смягченіе“ имѣется въ старославянскомъ („Russice vero **ѩзыки**“ и т. д.). Указано также на различіе окончаній родительнаго падежа мѣстоименнаго склоненія въ русскомъ и старославянскомъ, на отсутствіе въ русскомъ звательнаго падежа, на неимѣніе аориста и замѣну его новой, вторичной формой.

Лудольфъ обращаетъ вниманіе и на синтактическія разницы въ управленіи падежей извѣстными предлогами, хотя и ошибочно въ данномъ случаѣ, а также и на нѣкоторыя лексическія особенности. Имъ первымъ отмѣчено присутствіе церковнославянскаго элемента въ русскомъ языкѣ и вліяніе его на русскую орѳогра-

фію (разница между написаніемъ и произношеніемъ слова **сегодня**) и разграничены языки: книжный (церковнославянскій) и устный, разговорный (собственно русскій).

Въ предисловіи Добровскаго къ грамматикѣ русскаго языка Пухмайера (Lehrgebäude der russischen Sprache 1820) приводятся нѣкоторые руссизмы, встрѣчающіеся въ грамматикахъ и букваряхъ начала XVIII-го вѣка. Такіе руссизмы имѣются у Копіевича въ его „Славенороссійской Грамматыкѣ“ [1]), въ букварѣ на трехъ языкахъ—славянскомъ, греческомъ и латинскомъ, изданномъ въ Москѣ въ 1701 г. (4⁰), затѣмъ въ „Лексиконѣ Треязычномъ“ Ѳедора Поликарпова (Москва 1704. 4⁰), но они проскальзываютъ здѣсь случайно, сознательнаго желанія разграничить русскіе элементы отъ старославянскихъ или церковнославянскихъ здѣсь нѣтъ, а потому мы ограничимся только упоминаніемъ.

Слѣдующимъ по времени сочиненіемъ, касающимся того же вопроса, является вторая гимназическая программа ректора одной изъ Берлинскихъ гимназій Іоанна Леонарда Фриша (1666—1743), вышедшая въ Берлинѣ въ 1727-мъ году подъ заглавіемъ: „Historiam linguae Sclavonicae continuat quatuor capitibus I. De origine Characteris Cyrillici speciatim, II. De cultura Linguae Sclavonicae, beneficio hujus Characteris III. De Typis novis Sclavonico-Moscoviticis. IV. De Dialecto Russica, tanquam filia Linguae Sclavonicae etc...

Въ четвертой главѣ этой программы отличается русскій языкъ отъ церковнославянскаго и приводятся его характерныя особенности. Но наблюденія Фриша не представляютъ почти ничего существенно новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что сказано было о данномъ предметѣ Лудольфомъ.

Въ началѣ главы читаемъ: „Dialectus Russica matri suae, linguae Sclavonicae in paucis dissimilis est. Retinent etiam Russi

---

[1]) Руководеніе въ Грамматыку (Manuductio in Grammaticam), Во Славянороссійскую (in slavonico Rosseanam), или Московского (seu Moscoviticam), по употребленію (in usum) учащихся (discentium) языка (linguam) Московскаго (Moscoviticom). Per Eliam Kopijewitz v. d. m. Adorna anno 1706. 8⁰. Pag. 80.

Linguam Sclavonicam in rebus Theologicis & Ecclesiasticis & quicunque etiam in Politicis purius scribere volunt, amant & imitantur eam“.

Дальше приводятся слѣдующія четыре отличія русскаго языка отъ церковно-славянскаго:

„Differt vero Dialectus Russica à Lingua Sclavonica quae apud Russos floret. 1) In verborum quorundam pronunciatione, permutando quasdam vocales et consonantes. Exempli causa pro Sclavonico edin dicunt & scribunt odin, pro Segodne, Sewodne; pro togo, towo. &c.

2) Inter Consonantes concurrentes, imprimis quarum posterior est r, interponunt vocalem ut: pro brada dicunt boroda; pro grad, gorod; pro strana, storona.

3) Propria sua vocabula habet per omnes partes Orationis, e. c. pro as (ego) dicunt ja; pro glagoliti, goworiti.

4) In declinationibus & conjugationibus, non habent, exempli causa, numerum Dnalem, nam hunc magistri Graecissantes Russicis Scholis obstruserunt (!!). In Conjugationibus e. c. tantum tria tempora habent Praesens, Praeteritum & Futurum, & Futurum circumscribunt verbo auxiliari budu sive stanu & Infinitivo, sicut nos verbo werden, pro quo Sclavonice praepositio wos vel alia Praesenti praeponitur, ut, pro budu liuwiti (sic!) Sclavonice scribitur woslubliu (amabo, ich werde lieben)“.

Въ описаніи фонетическихъ особенностей русскаго языка встрѣчаемъ только нѣкоторые новые примѣры, за то въ смыслѣ полноты и точности, а также обилія примѣровъ Фришъ много уступаетъ своему предшественнику, и его замѣчанія представляются весьма поверхностными. Въ отношеніи морфологическихъ особенностей Фришъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя черты, не упомянутыя Лудольфомъ,—на отсутствіе двойственнаго числа и меньшее количество временъ, а также на имѣющееся въ русскомъ „будущее составное“.

Нѣкоторыя замѣчанія о различіи языковъ церковнославянскаго и русскаго и о литературномъ употребленіи ихъ, сообразно съ содержаніемъ литературныхъ произведеній, находимъ у В. К.

Тредьяковскаго въ предисловіи къ переводу его „Ѣзда въ островъ Любви“ (Спб. 1730): „На меня, прошу васъ покорно, неизволте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную (книгу) неславенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ славенскои, у насъ есть языкъ церковнои; а сія книга мирская. Другая: языкъ славенскои въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очюнь теменъ, и многія его наши читая неразумѣютъ; А сія кніга есть СЛАДКІЯ ЛЮБВИ, тогоради всѣмъ должна быть вразумителна. Третія: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ славенскои нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми: но зато у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ славенскімъ особымъ РѢЧЕТОЧЦЕМЪ хотѣлъ себя показывать“ [1]).

Несмотря на высказанное здѣсь намѣреніе писать „почти самымъ простымъ Русскимъ языкомъ“, мы находимъ въ языкѣ перевода большое количество славянизмовъ. Таковы, напримѣръ, неполногласныя формы: *бремя* (стр. 654), *гласъ* (ibidem), *странны* (стр. 655), *брегъ* (656), *зракъ* (657), *драгая* (660), *младость* (661), *велегласно* (663), *прахъ* (664), *древеса* (671), *престаютъ* (672), *благосердна* (675), *дражайшимъ* (691), *премѣнѣ* (696), *неизглашать* (702), *престать* (704), *градъ* (709), *премѣнила* (711), *краткое время* (713) и т. д., хотя рядомъ имѣются: *отъ берегу* (657), *оборотившися* (666), *перестанъ* (674), *холодность* (703), *города* род. ед. ч. (704), *беззвороту* (713), *вороты* (ibid.), *перестанъ* (674) и т. д.

Также шатко употребленіе Тредьяковскимъ формъ съ *щ, жд*. вмѣсто русскихъ *ч, ж*: *пещера* (670), *немощъ* (688), *немогуще* (672), *привлещи* (710), *нощъ* (724), *вящшеи* (725), *ты-*

[1]) Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1819, т. III, стр. 649—650.

сящи (715), *зажещи* (716), *помощи* (неопред. накл. 727), *нощи* (716), *хощу* (701), *возмощи* (673) и т. д. рядомъ съ: *хочешъ* (712), *тысячу* (720), *тысячю* (721), *свѣчи* (710) и т. д.

провождаемъ (665), *провождать* (703), *такожде* (653) и т. д. рядомъ съ *нахожу* (653), *такожъ* (654) и т. д.

Встрѣчаются также морфологическіе славянизмы: род. пад. *любве* (708), род. пад. *превеликія* (725), *горящія* (710), творит. множественнаго *рѣчьми учтивы* (658), третье лицо ед. ч. *имать* (658) и т. д. лексическія заимствованія въ родѣ *сице* (685), *понеже* (693), *выну* (696), *вотще* (612), *паки* (709), *зѣло* (714) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Тредьяковскій имѣлъ смутное представленіе о „самомъ простомъ Русскомъ языкѣ"; элементы церковнославянскіе и природно-русскіе, для различенія которыхъ у него не было никакого критерія, мѣшались въ его языковомъ запасѣ и казались ему совершенно равноправными.

Свой взглядъ на отношеніе русскаго и „славенскаго" языковъ Тредьяковскій выразилъ еще въ „Разговорѣ о правописаніи", написанномъ въ 1747 г.: „Вся разность, которая находится у нашего съ славенскимъ, касается токмо, такъ сказать, до поверхности языка, а не до внутренности, тѣмъ, что состоитъ она либо въ нововводныхъ словахъ, воспріятыхъ отъ чужихъ языковъ; либо въ отмѣнныхъ весьма немногихъ словахъ, какъ за славенское *аще*, у насъ *ежели;* либо въ простѣйшемъ выговорѣ отъ народа введенномъ, какъ вмѣсто *глава*, *голова*, вмѣсто *пити*, *пить*, вмѣсто *млеко*, *молоко*. Но такая разность не мѣшаетъ нимало, быть нашему языку однимъ и тѣмже съ славенскимъ [1]). При такомъ пониманіи отношеній между русскимъ и церковнославянскимъ неудивительно, если попытка Тредьяковскаго писать „простымъ Русскимъ языкомъ" вышла неудачной.

Въ грамматикѣ, приписываемой Ададурову и изданной въ видѣ приложенія къ нѣмецко-латинско-русскому словарю Вейсманна [2]) подъ заглавіемъ „Anfangsgründe der Russischen Spra-

---

[1]) Сочиненія. Изд. Смирдина, т. III, стр. 203.

[2]) Teutsch-Lateinisch-und Russisches Lexicon Samt Denen Anfangs-Grün-

che“, различаются во флексіи формы русскія и славянскія, причемъ указывается и на особенности образованія тѣхъ и другихъ.

Вотъ относящіяся сюда мѣста:

Глава II (стр. 11). Объ образованіи русскихъ степеней сравненія: „Die Slavonier zahlen dergleichen Gradus drey, als den Positivum, Comparativum und Superlativum. Jenen den Comparatiuum formiren sie vom Positiuo dadurch, dass sie dessen Endung ыи oder їи das ш vorhersetzen und das ы in ї verwandeln, als честныи in Comparatiuo, честшїи. Diesen den Superlatiuum, formiren sie gleichfalls vom Positiuo, wenn sie dessen Endigung in ѣишїи verwandeln, als честныи Superlatiuus честнѣишїи, worüber eine Slavonische Grammatic weitläufiger handelt. In der Russischen Sprache aber lassen die Adjectiua keine Comparatiuum Gradum zu, dahingegen haben sie desto mehrere Superlatiua“... и ниже: „Es lassen sich aber die Superlatiua in der Russischen Sprache auf dreyerley Art formiren. Die erste Art kömmt darinnen mit der Slavonier Superlatiuo Gradu überein, dass man die Terminationem des Positiui in ѣишїи verändert, als: святыи, heilig, святѣишїи, heiligst, честныи ehrlich, честнѣишїи, u. s. w“.

Рядомъ съ очевидными ошибками здѣсь замѣчается все же до извѣстной степени указаніе если не на славянское происхожденіе превосходной степени на *-ѣйшій*, то на ея отношеніе къ славянской сравнительной степени.

На стр. 13-й говорится объ отсутствіи въ русскомъ языкѣ двойственнаго числа: Die Slavonier haben auch noch den in der griechischen Sprache gewöhnlichen Dualen, der nur zwo Sachen allein anzeiget, aber in der Russischen Sprache ist dieser nicht gebräuchlich.

На той же 13-й страницѣ, въ III главѣ объ образованіи звательнаго падежа единственнаго числа: 1) Der Vocativus in

den der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen Bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Zum Druck befördert. Нѣмецко-латинскіи и рускіи Лехvконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при імператорской академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, Gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey. 1731.

beyden Numeris dem Nominatiuo gleich sey. Ausgenommen in denjenigen Wörtern, die pur Slavonisch, oder in welchen die Russen die Slavonier nachahmen wollen. Dann alsdenn ist der Vocatiuus von dem Nominatiuo jezuweilen unterschieden, als: пастырю an statt пастырь, жено an statt жена, Христе, an statt Христосъ, боже an statt богъ, человѣче an statt человѣкъ u. s. w. Звательный на -*е* признается здѣсь церковнославянскаго происхожденія.

На стр. 23-й находимъ замѣчанія о двоякомъ склоненіи словъ *матерь* и *дочерь*: матерью, дочерью || матерію, дочерію; матерями, дочерями || матерьми, дочерьми: „Es kommt aber diese irregulaire Flexion daher, weil beyde Slavonische Wörter sind, und in derselben Sprache den Nominatiuum auf матерь und дочерь formiren. Согласиться однако съ этими замѣчаніями нельзя, въ виду хотя бы того, что *дочерь* не можетъ быть славянской формой, затѣмъ того, что именительные падежи *матерь, дочерь* чужды старославянскому языку. Въ данныхъ случаяхъ, имѣется просто сохраненіе первичной основы на r-.

На стр. 24-й говорится о переходѣ *і* въ *е* передъ j въ русскомъ и о сохраненіи его въ церковнославянскомъ, что позволяетъ считать формы, сохранившія это *і*, за церковнославянскія: „Diejenigen Wörter bey welchen gemeldeten *й* contracto das *ї* vorherstehet, sind Slavonischen Ursprungs, und verwechseln dieses *ї* in der Russischen Sprache mit e, als: врабій, Russisch, воробей der Sperling. Сергій, Russisch, Сергей, Sergius u. s. w.".

На стр. 26-й „окончаніе" Instr. plur. -*іями* существительныхъ съ суффиксомъ -*іе* признается природнымъ русскимъ и наоборотъ окончанія -*їи* и -*ьми* заимствованными изъ церковнославянскаго: „Es ist hier (въ книгѣ) sowohl in dem Schemate als in denen Paradigmatibus der Instrumentalis des Pluralis von denen Nahmen so auf *іе* ausgehen auf їями flectiret worden, welches vielleicht Liebhabern der Slavonischen Redens-Arten (писавшему, очевидно, были извѣстны таковые) möchte anstössig seyn, indem sie gewohnt sind selbigen mit їи oder ьми zu exprimiren. Allein da nunmehro aller Slavonismus vornehmlich eine

solche Art zu decliniren aus der Russischen Sprache exuliret, und einen gresslichen Laut in denen Ohren derer Heutigen erreget, so wird man auch nicht verdenken können, wenn man solches allhier übergangen und vielmehr dafür der natürlichen Art zu decliniren nachgegangen ist". Разумѣется, русскаго въ „окончаніи" *-іями* только одно *-ами*, заимствованное отъ основъ ж. рода на -ā; сохраненіе *і* въ этой формѣ, какъ и въ суффиксѣ *-іе*, есть черта церковнославянская.

На страницѣ 27-й находимъ слѣдующее о склоненіи слова Господь, заимствованнаго изъ церковнославянскаго: „Господь der Herr, ist Slawonisch, und wird irregulair decliniret. Der Singularis davon wird in der Russischen Sprache allzeit für den Heyland Christum genommen, und wird folglich also decliniret: Nom. Господь. Gen. Господа, Dat. Господу, oder Господеви, Acc. Господа, Voc. Господи, Instr. Господемъ. Nar. Господѣ. Der Pluralis Numerus von diesem Worte, ist in der Russischen Sprache, allwo es als ein Nomen Proprium genommen wird, nicht gebräuchlich. Daher wenn es ja in Pluralis vorkommt, solches erstlich Slawonisch ist und denn auch nicht mehr von Bedeutung ist als das teutsche Herr. Es wird aber folgender Maassen von den Slavoniern in Plurali decliniret: Nom. und Voc. господіе, Gen. господей, Dat. господемъ, Acc. господы, Instr. господами und господы, Nar. господѣхъ.

Какъ ни отрывочны и ни поверхностны (подчасъ ошибочны) эти замѣчанія, но они заслуживаютъ быть приведенными въ виду ихъ историческаго значенія, такъ какъ являются первой попыткой (въ грамматикѣ, составленной русскимъ и изданной въ Россіи) различенія въ составѣ русскаго языка чуждыхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго элементовъ. Составитель грамматики однако обращаетъ преимущественное вниманіе на грамматическія формы въ противоположность Лудольфу, у котораго находимъ, главнымъ образомъ, противоположеніе русскихъ формъ церковнославянскимъ въ фонетическомъ отношеніи. Такъ въ грамматикѣ Ададурова говорится объ образованіи сравнительной и превосходной степеней, объ отсутствіи въ русскомъ двойственнаго

числа, звательнаго падежа, о склоненіи *матерь* и *дочерь*, объ окончаніи творительнаго падежа множ. числа *-іями* у существительныхъ съ окончаніемъ *-іе* и о склоненіи слова Господь; фонетическаго характера только одно замѣчаніе о сохраненіи *і* передъ *j* въ церковнославянскомъ и переходѣ его въ русскомъ въ *е*.

Въ слѣдующей по времени грамматикѣ русскаго языка Грӧнинга (на шведскомъ языкѣ) [1]), представляющей во многомъ замѣтное сходство съ грамматикой, приписываемой Ададурову, не находимъ никакихъ почти прямыхъ указаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ составѣ русскаго языка.

Болѣе подробныя, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ выше работахъ, указанія находимъ у М. В. Ломоносова въ его разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ" (1755) [2]) и особенно въ его „россійской грамматикѣ" (тоже 1755) [3]).

Въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ" находимъ впервые въ русской литературѣ указанія на разницу словъ народныхъ (природныхъ, первично-русскихъ) и заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ семасіологическомъ отношеніи. Послѣ нѣсколькихъ вводящихъ замѣчаній о развитіи языка въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ народа, о значеніи перевода Священнаго Писанія съ греческаго на славянскій для обогащенія послѣдняго, а также о важности употребленія природныхъ языковъ въ качествѣ языковъ церкви, Ломоносовъ указываетъ на существованіе трехъ „степеней" „россійскаго языка" — высокой, посредственной и низкой. Эти три степени находятся въ связи съ употребленіемъ книгъ церковныхъ, а ближайшій ихъ источникъ „три рода реченій россійскаго языка". Къ первому изъ этихъ родовъ Ломоносовъ относитъ слова, общія языкамъ церковнославянскому и русскому: „которыя у древнихъ славянъ и нынѣ у

---

[1]) Thet är Grammatica Russica, Eller Grundelig Handlendning Til Ryska Språket-Utgifwen Af Michael Groening, Koongl. Translator. Stockholm. 1750.

[2]) Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ. Сочиненія Ломоносова. Изданіе Александра Смирдина Спб. 1847, т. I.

[3]) Ibidem. Т. III, также Ученыя Записки Втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 1856. Кн. III, стр. 1—150. №№ параграфовъ приведены у насъ по послѣднему изданію.

россіянъ общеупотребительны, напримѣръ: *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю*". При этомъ слова первично-русскія и заимствованныя изъ церковнославянскаго Ломоносовымъ другъ отъ друга не различаются, и въ этотъ его первый классъ попадаютъ и первично-русскія, какъ *рука*, и заимствованныя, какъ *Богъ, почитаю*. Ко второму классу Ломоносовъ относитъ рѣже употребляемыя, но понятныя каждому *грамотному* русскому: „кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напримѣръ: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю, рясны, овогда, свѣнѣ* и симъ подобныя". Такимъ образомъ изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Ломоносовъ относилъ къ этому, второму, классу тѣ заимствованія изъ церковнославянскаго, которыя вошли въ книжный, литературный языкъ. Наконецъ, къ третьему роду „относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, то есть въ церковныхъ книгахъ, напримѣръ: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ".

Хотя примѣры „реченій третьяго рода" Ломоносовымъ были выбраны несовсѣмъ удачно (при тогдашнемъ состояніи науки Ломоносовъ не могъ знать, что **говорити** встрѣчается въ Супрасльской рукописи и другихъ, позднѣйшихъ памятникахъ, **который** въ Остромировомъ Евангеліи, **лише** тамъ же и въ Сборникѣ 1076 года), но ясно, что онъ относилъ сюда слова природно-русскія, не заимствованныя изъ церковнославянскаго.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ попыткой извѣстнаго разграниченія словъ первично-русскихъ и словъ церковнославянскихъ, классификаціи русскаго лексическаго матеріала сообразно его употребленію и происхожденію. Разграниченіе это далеко не точно; Ломоносовъ основываетъ его не на данныхъ языка, а на чисто случайныхъ условіяхъ (употребленіе или неупотребленіе въ церковныхъ книгахъ).

Цѣль, преслѣдовавшаяся имъ въ данномъ случаѣ, не имѣла ни-

чего общаго съ научными задачами и была чисто практическая—способствовать установленію русской стилистики. Этимъ, конечно, и объясняется случайность основаній классификаціи, такъ какъ для ея цѣли было достаточно и такихъ основаній. На большемъ или меньшемъ употребленіи перечисленныхъ выше трехъ родовъ реченій Ломоносовъ и основываетъ свое извѣстное дѣленіе „штиля“ на три рода: высокій, посредственный и низкій. „Первый составляется изъ реченій славеноросійскихъ, то есть употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ, и изъ славенскихъ, россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ... Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія, въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость... Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода то есть которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться по пристойности матерій... Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію“.

Тутъ же указывается значеніе заимствованій изъ церковнославянскаго языка для обогащенія русскаго языка: „польза наша, что мы пріобрѣли отъ книгъ церковныхъ богатство къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ“, а также объясняется возвышенный оттѣнокъ въ значеніи словъ, взятыхъ изъ церковнославянскаго языка: „по важности священнаго мѣста церкви Божіей и для древности, чувствуемъ въ себѣ къ славенскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо украситъ“.

Относительно присутствія въ русскомъ языкѣ церковнославянскихъ элементовъ находимъ довольно много отдѣльныхъ указаній, касающихся и фонетическихъ, и морфологическихъ особенностей этихъ заимствованій, въ „Россійской грамматикѣ“ Ломоносова.

Такъ вліяніемъ церковнославянскаго, точнѣе церковнаго произношенія объясняется здѣсь (§ 99) присутствіе звонкаго задне-

язычнаго спиранта γ (малорусское *г*) въ формахъ *Бога, богомъ...*, *господь, гласъ, благо* и производныхъ отъ нихъ *государь, государство, разглашаю, благодать, благословляю* и т. д., въ такихъ говорахъ русскаго языка, которые во всѣхъ первичныхъ, не заимствованныхъ словахъ имѣютъ звонкій заднеязычный взрывной *г*.

Въ § 168-мъ указывается на разницу окончаній р. п. у словъ первично русскихъ и книжныхъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго. У первыхъ по Ломоносову гораздо чаще имѣется окончаніе *-у: размаху, часу, взгляду, визгу, грузу* рядомъ съ *трепета, возраста; розоваго духу, прошлогодняго долгу, птичья голосу* рядомъ со *Святаго духа, человѣческаго долга, Архангельскаго гласа* и т. д. (ср. также § 167).

Въ § 185-мъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что въ „высокомъ штилѣ, гдѣ Россійскій языкъ къ Славенскому клонится", преобладаетъ окончаніе предложнаго падежа на *-ѣ: очищенное въ горнѣ злато, жить въ домѣ Бога Вышняго, въ потѣ лица* и т. д. рядомъ съ: *въ горну, въ поту* и т. д.

Въ § 210-мъ говорится о невозможности сравнительной и превосходной степеней на *-шій* (какъ *свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, обильнѣйшій, преобильнѣйшій* у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго) отъ русскихъ первичныхъ („низкихъ"), какъ *прытчайшій, препрытчайшій* и т. д.

Въ § 338-мъ относительно окончанія причастія настоящаго на *-щій* замѣчается, что оно можетъ встрѣчаться только у такихъ глаголовъ, которые „отъ Словенскихъ какъ въ произношеніи, такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ". Наоборотъ подобныя причастія „весьма не надлежитъ производить отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значатъ".

Еще яснѣе это формулировано въ § 435-мъ, гдѣ говорится, что причастія на *-щій* производятся отъ глаголовъ славянскаго происхожденія — *вѣнчающій, пишущій, питающій* и „весьма не пристойны произведенныя отъ простыхъ Россійскихъ, которые у Славянъ неизвѣстны — *говорящій, чавкающій*". Это послѣднее замѣчаніе интересно еще въ томъ отношеніи, что для современ-

наго языковаго чутья послѣднія формы нисколько не странны или дики. Что здѣсь причиной—чрезмѣрный ли пуризмъ и ригоризмъ Ломоносова или бо́льшее распространеніе даннаго окончанія въ современномъ языкѣ, сказать трудно. Теперь формы причастія на *-щій* возможны у любаго глагола.

Въ связи съ этими §§ находится и § 351-й, въ которомъ Ломоносовъ замѣчаетъ, что „дѣепричастія на *-ючи* пристойнѣе у точныхъ россійскихъ глаголовъ, нежели у тѣхъ, которые отъ Словенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на *-я* употребительнѣе у Словенскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ, лутче сказать *толкаючи,* нежели *толкая;* но напротивъ того лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаючи*". Современное языковое чутье разсудитъ нѣсколько иначе и склонится и въ первомъ случаѣ къ формѣ „*толкая*"; форма же „*дерзаючи*" для него совершенно невозможна.

Въ § 437-мъ идетъ рѣчь о причастіяхъ прошедшаго времени на *-вшій* у глаголовъ съ суффиксомъ *-ну-* (-нѫ-), какъ „двигнувшій" и т. д. Л. замѣчаетъ, что они возможны тоже не у всѣхъ глаголовъ, а только у заимствованныхъ изъ церковнославянскаго, „у Славенскихъ"; русскіе же глаголы это окончаніе „принять не всегда могутъ", такъ что формы *брякнувшій, нырнувшій* и т. д. для уха Л—а кажутся „весьма противными", между тѣмъ какъ для современнаго онѣ уже вполнѣ привычны.

Въ § 439-мъ окончаніе причастія настоящаго страдательнаго *-мый* Ломоносовъ также допускаетъ только у „глаголовъ Россійскихъ у Славянъ въ употребленіи бывшихъ", напр. *вѣнчаемый, пишемый, питаемый, подаемый, видимый, носимый.* (Современному языковому чутью, напротивъ, совершенно чужды формы, какъ *пишемый, подаемый*). Онъ считаетъ ихъ болѣе умѣстными въ „риторическихъ и стихотворческихъ сочиненіяхъ, нежели въ простомъ штилѣ или въ просторѣчіи". Наоборотъ, „отъ россійскихъ глаголовъ, у Славянъ въ употребленіи не бывшихъ, произведенныя, напр. *трогаемый, качаемый, мараемый,* весьма дики и слуху несносны". Относительно послѣднихъ формъ современный

литературный языкъ гораздо болѣе снисходителенъ, чѣмъ былъ Ломоносовъ.

Въ §§ 441 и 442 разграничиваются два окончанія причастій прошедшихъ страдательныхъ на *-ый* и *-ой*, Первое Ломоносовъ считаетъ (основательно) болѣе подходящимъ у глаголовъ „отъ Славенскихъ происшедшихъ", а вторые у „простыхъ россійскихъ".

Въ § 443-мъ замѣчается, что „славенскіе глаголы" не имѣютъ причастій „давнопрошедшихъ страдательныхъ", встрѣчающихся только у „россійскихъ глаголовъ", какъ напр. *сматриванъ, -а, -о*.

Въ § 445-мъ находимъ замѣчаніе, что причастія отъ „возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ" глаголовъ съ *-ся* болѣе свойственны „глаголамъ Славянамъ извѣстнымъ".

Въ § 448-мъ указывается, что, если „причастія отъ обыкновенныхъ Россійскихъ неупотребительны, можно... взять изъ Славенскаго языка..." Напримѣръ: „*колдующій, дерущійся*, не принимаются; но вмѣсто ихъ служить могутъ; *волшебствующій, воюющій*". Современное языковое чутье и къ этимъ формамъ относится совсѣмъ иначе. Ни одна изъ нихъ не оскорбляетъ его.

Такимъ образомъ и замѣчанія Ломоносова имѣютъ главнымъ образомъ морфологическій характеръ; только одно касается фонетической особенности, обязанной своимъ происхожденіемъ церковнославянскому языку (спирантное произношеніе *г* въ нѣкоторыхъ словахъ), остальныя всѣ касаются морфологіи, причемъ особое вниманіе обращено на образованіе причастій и дѣепричастій (въ десяти параграфахъ), два замѣчанія посвящены окончаніямъ склоненій и одно образованію сравнительной степени. Попытки установить какіе либо отличительные признаки церковнославянскихъ словъ и формулировать различіе русскаго отъ церковнославянскаго въ фонетическомъ отношеніи мы не находимъ.

Въ трудахъ по русской грамматикѣ, вышедшихъ послѣ появленія грамматики Ломоносова, не находимъ никакихъ особенно новыхъ замѣчаній относительно присутствія церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ. Въ большинствѣ случаевъ мы встрѣчаемся съ простымъ повтореніемъ того, что уже было сказано Ломо-

носовымъ. Такъ, грамматика Шлёцера, писавшаяся и частію вышедшая (только первые листы) въ промежутокъ времени между 1762-мъ и 1766 годомъ [1]) и для своего времени въ извѣстныхъ отношеніяхъ примѣчательная, не представляетъ по занимающему насъ вопросу ничего новаго сравнительно съ грамматикой Ломоносова: § 3, п. 2, § 66, п. III и § 67, п. 3, гдѣ говорится о произношеніи *г* въ словѣ *Богъ* и нѣкоторыхъ другихъ словахъ являются пересказомъ соотвѣтствующихъ §§ грамматики Ломоносова, причемъ даже взяты тѣ самые примѣры. Такъ же мало находимъ мы указаній въ другихъ явившихся послѣ выхода въ свѣтъ грамматики Ломоносова работахъ этого рода, въ ряду коихъ болѣе другихъ выдаются грамматики Барсова и Соколова [2]).

Больше находимъ вниманія къ занимающимъ насъ отношеніямъ въ академической грамматикѣ, вышедшей въ 1802 г. [3]), хотя и она немного прибавляетъ новаго къ наблюденіямъ Ломоносова. Такъ, въ § 18-мъ находимъ утвержденіе, что „буква Г произносится двоякимъ образомъ, т. е. иногда какъ *g*, а иногда какъ *h* латинское, а именно:

1) Въ словахъ, заимствованныхъ изъ Славенскаго языка и высокому слогу свойственныхъ, соотвѣтствуетъ по большей части въ произношеніи буквѣ *h*, напримѣръ: *глава, погасаю, возгнѣщаю, господствую, гортань, гугнивый* (въ наше время, по крайней мѣрѣ въ произношеніи большинства, всѣ эти случаи имѣютъ взрывное *г*=лат. *g*): напротивъ того въ общемъ языка употребленіи выговаривается по большей части подобно буквѣ *g*, напр.: *галка, гвоздь, глодать, гну, грабли, грыжа*".

---

[1]) Напечатана вновь въ Сборникѣ статей, изданныхъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ. Т. XIII. Спб. 1875.

[2]) *Барсовъ*, А. Краткія правила россійской грамматики, собранныя изъ разныхъ Россійскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества въ Гимназіяхъ Московскаго Университета. Москва. 1771 г. 8°. Слѣд. изд. 1782, 1786, 1797, 1802 гг. *Соколовъ П.* Начальныя основанія Россійской грамматики въ пользу учащагося въ гимназіи при Императорской Академіи Наукъ юношества. Спб. 1788. 8°, VI+147 стр. Послѣдующія изданія: 1792, 1797, 1806, 1808 годовъ.

[3]) Россійская грамматика, сочиненная Императорскою Россійскою Академіей. Спб. 1802 г. 8° IV+355 стр. Второе изданіе въ 1809 г. и слѣдующія въ 1819, 1827 годахъ. Мы пользовались вторымъ.

Остальныя замѣчанія посвящены только морфологическимъ особенностямъ. Такъ, въ § 79-мъ говорится, что „звательный падежъ обоихъ чиселъ подобенъ именительному, исключая слѣдующія слова: *Богъ, Боже; Господь, Господи; Христосъ, Христе; Іисусъ, Іисусе; отецъ, отче; владыка, владыко; творецъ, творче; сынъ, сыне; дѣва, дѣво; дщерь, дщи; матерь, мати; царь, царю; утѣшитель, утѣшителю:* но таковое окончаніе падежей звательныхъ приличествуетъ слогу Славенскому и можетъ иногда по приличію быть употребляемо въ слогѣ важномъ“.

Въ § 177-мъ (примѣчаніе) идетъ рѣчь о заимствованныхъ изъ „славенскаго“ именахъ числительныхъ: „Въ важныхъ предметахъ, такъ же въ слогѣ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ употребляются лучше имена числительныя, по Славенскому правописанію пишемыя, какъ то: *единый, первый надесять, вторый надесять, третій надесять, двадесять, двадесятый, тридесять, тридесятый* и проч. поелику приличнѣе сказать и писать: *Карлъ вторый на десять*, нежели *двѣнадцатый; Людовикъ пятый на десять*, нежели *пятнадцатый* и проч.“. Замѣчаніе это въ настоящее время утратило значеніе.

Въ § 240-мъ находимъ замѣчаніе относительно употребленія вмѣсто повелительнаго наклоненія „настоящаго или будущаго времени наклоненія изъявительнаго съ частицею *да*, напримѣръ: *да иду, да идешь, да идетъ, да идемъ, да будетъ, да станетъ* и проч. Но поелику таковое повелительнаго наклоненія выраженіе свойственно языку Славенскому; то оно употребляется въ высокомъ только стилѣ“.

Въ § 245-мъ (примѣчаніе III) говорится почти то же о русскихъ дѣепричастіяхъ, что у Ломоносова въ § 351-мъ (см. выше стр. 74-я): „...замѣтить должно, что дѣепричастія глаголовъ собственно Россійскому языку принадлежащихъ, пристойнѣе оканчивать на *чи*, напротивъ того глаголы, изъ Славенскаго языка заимствованные, въ дѣепричастіи настоящаго времени лучше употребляются на *а* или *я*, напримѣръ: лучше сказать *толкаючи*, нежели *толкая;* но напротивъ того лучше сказать *дерзая*, нежели *дерзаючи; держа*, нежели *держучи* и проч.“[1]).

[1]) О перемѣнѣ, совершившейся въ языковомъ чутьѣ нашего времени, ср. сказанное выше на стр. 74-й о таковомъ же мнѣніи Ломоносова.

Въ § 249-мъ, Примѣч. II. Относительно времени настоящаго страдательнаго залога, какъ *есмь любимъ, бываю любимъ* и пр. говорится: „Вообще же замѣтить надлежитъ, что таковое страдательнаго залога настоящее время развѣ въ высокомъ и близко къ Славенскому подходящемъ слогѣ бываетъ употребительно. Въ другихъ же случаяхъ вмѣсто онаго употребляется или глаголъ возвратный съ приличнымъ страдательному залогу падежемъ, или глаголъ дѣйствительный; наприм.: вмѣсто *я есмъ, ты еси именуемъ, зовомъ*, или *мы есмы, вы есте именуемы, зовомы*, говорится: *именуюся, именуешься* или *меня, тебя именуютъ, зовутъ; именуемся, именуетеся*, или *насъ, васъ именуютъ;* такъ же вмѣсто *море есть волнуемо вѣтромъ*, говорится *море волнуется вѣтромъ*.

Въ § 259-мъ (примѣчаніе) говорится почти то же о причастіяхъ, что замѣчаетъ Ломоносовъ въ §§ 338-мъ и 435-мъ (см. выше стр. 73): „Вообще замѣтить должно, 1) что причастія, а наипаче настоящаго времени, по большей части употребляются въ высокомъ слогѣ, слѣдовательно отъ простыхъ глаголовъ, каковы суть, *вялю, топчу, барышничаю* и проч. причастія не употребляются, а вмѣсто оныхъ глаголы употребляютоя въ изъявительномъ наклоненіи съ мѣстоименіемъ *который* или *кой*.

Наконецъ въ § 265-мъ (примѣчаніе 3-е) находимъ замѣчаніе о дѣепричастіяхъ прошедшаго времени, которыя: „сугубое имѣющія окончаніе т. е. на *ши* и сокращено на *ъ* съ предъидущею согласною буквою, имѣютъ неодинаковое употребленіе. Первое можетъ быть употребляемо въ слогѣ важномъ и въ просторѣчіи, напротивъ того другое, какъ напримѣръ: *возставъ, воздѣвъ, убоявся, прошедъ* и проч. болѣе приличествуетъ слогу высокому".

Академическій словарь, вышедшій въ 1789—1794 гг. подъ заглавіемъ „Словарь Академіи Россійской" (шесть частей in 4°) въ своемъ отношеніи къ лексическому матеріалу церковнославянскаго происхожденія слѣдовалъ по стопамъ Ломоносова. Предисловіе къ словарю, говоря о значеніи „славенскаго" языка для русскаго, почти буквально повторяетъ цѣлыя мѣста изъ знаменитаго разсужденія Ломоносова „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россій-

скомъ языкѣ". Составители словаря [1]) такъ же, какъ и Ломоносовъ, не особенно строго отличали русскіе элементы отъ старославянскихъ.

По общераспространенному взгляду XVIII и начала XIX вв., языки „славенскій" и русскій считаются почти одинаковыми. Поэтому русскій языкъ часто называется „славеноросссійскимъ"—терминъ неясный и употреблявшійся въ разныхъ значеніяхъ: „славеноросcійскій языкъ большею частью состоитъ изъ славенскаго, или, яснѣе сказать, основу свою на немъ имѣетъ, хотя, впрочемъ, великое множество содержитъ словъ собственно русскихъ, по свойству коихъ, нѣкоторыя изъ Славенскаго языка почерпнутыя, иное окончаніе, иное образованія, а другія и новый смыслъ получили (Словарь Акад. Росс. 1789, ч. I, стр. VI)". Въ то же время „языкъ россійскій, имѣя незыблемымъ основаніемъ языкъ славенскій, посредствомъ книгъ священныхъ и церковныхъ, сохранилъ" свою цѣлость, такъ что „народъ россійскій, не взирая на дальнее разстояніе мѣстъ, имъ обитаемыхъ, говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ (тамъ же, стр. VII)". Несмотря на это, составители словаря признаютъ „неоспоримую истину", что „языкъ россійскій болѣе измѣнился и измѣняется предъ языкомъ славенскимъ, что не можетъ показаться удивительнымъ тому, кто представитъ себѣ великое пространство россійскаго обладанія, сосѣдственныхъ и въ нутри обитающихъ разноплеменныхъ народовъ"... „Таковое состояніе языка славеноросcійскаго заставило академію, при составленіи словаря своего, вникать въ тотъ и другой языкъ съ возможною точностью (тамъ же, стр. VIII)". Т. о. здѣсь какъ бы различаются эти два языка. Въ началѣ же предисловія говорится только о „Славенороссійскомъ" языкѣ: „Академія поставила себѣ долгомъ сочиненіе Словаря или изъясненія словъ, реченій, рѣчей и разнаго рода вѣщаній въ языкѣ Славенороссійскомъ употребительныхъ (стр. V)". Нѣсколько ниже: „разсѣянное обиліе языка Славенороссійскаго во множествѣ разныхъ книгъ какъ древ-

---

[1]) См. исторію его у Сухомлинова «Исторія Россійской Академіи», вып. VIII и послѣдній 1887 г., стр. 1-я и слѣд.

нихъ, такъ и новѣйшихъ писателей было главною доселѣ причиною трудности въ прямомъ нашего языка употребленіи... но сіе самое обиліе, въ единой составъ приведенное, облегчитъ каждаго трудъ въ познаніи точнаго смысла и употребленія языка Славенороссійскаго (стр. VI)". И только затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе „Славенороссійскаго" языка, приведенное выше. Тѣмъ не менѣе, въ самомъ словарѣ церковнославянскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ, въ большинствѣ случаевъ выдѣлены вполнѣ удачно. Признаки, которыми руководствовались при этомъ составители словаря, состояли въ слѣдующемъ: 1) критерій лексико-семасіологическій: а) внѣшнее различіе словъ въ томъ и другомъ языкѣ, означающихъ тожественныя понятія (синонимія); б) различіе значеній при внѣшнемъ тожествѣ славянскаго и русскаго слова (гомонимія); 2) критерій морфологическій: особенности морфологическаго строенія—употребленіе тѣхъ или другихъ суффиксовъ и т. п. словообразовательныхъ элементовъ; 3) критерій фонетическій: различіе звуковыхъ законовъ въ томъ и другомъ языкѣ (полногласіе и отсутствіе его, русское о || стсл. **ы**, начальное русск. о || стсл. **ѥ**, русское ч, ж || стсл. **шт**, **жд**).

1) а. Примѣры отличенія славянскихъ и русскихъ синонимовъ: „*якорь*, пославенски *кóтва* (ч. VI, стр. 1044)"; „*ротъ*—пославенски Уста (?! ч. V, стр. 168)".

б. Примѣры различенія славяно-русскихъ гомонимовъ: „*квасъ*—въ славенскомъ значитъ то же, что *закваска*, умал. *закваска*: „малъ *квасъ* все смѣшеніе квоситъ" (Гал. V, 9). Въ обыкнов. росс. язык. *квасъ* значитъ: Напитокъ кислый... (ч. III, стр. 495).

2) Примѣры примѣненія морфологическаго критерія. Различіе суффиксальное: Скороходъ — Пославенски же Скороходецъ (ч. III, 221); Пѣтухъ — Пославенски Пѣтелъ (IV. 1256); Оселъ—Послав. *осля* (IV. 646) и т. д.

3) Примѣненіе фонетическаго критерія. А) Полногласіе: „Лакоть—славенск.; просто же локоть (III. 1135); Власъ — Слав. въ общемъ же языка употр. Волосъ (I. 760); Класъ—Слав. просто же Колосъ (III. 591); Бразда—Слав. въ общемъ же языка

употребл.—Борозда (I. 312); Стражъ — Слав.; просто же: Сторожъ (V. 866)" и т. д.

Б) Русское о || стсл. ы: „ныю—Слав.; просто же Ною (IV. 573); мою—Послав.: мыю (IV. 282)" и т. д.

В) Сохраненіе въ славянскомъ і = ь и исчезновеніе его въ русскомъ: „Бію—Послав.; въ обынов. же разговорѣ сокращенно... Бью (I. 172); Копіе—славенск.; просто же копье (III. 801)" и т. д.

Г) Славянское жд, шт || русск. *ж, ч*: „Невѣжда—Славянск.; просто же Невѣжа (I. 974); вижду—Слав.; просто же: Вижу (I. 675); ночь—Послав енски: Нощь (IV. 555); Мощь—Слав.; просто же Мочь (IV. 206); хощу — Славенск.; просто же Хочу (VI. 577)" и т. д.

Такимъ образомъ составители словаря знали главныя фонетическія отличія русскаго языка отъ старославянскаго, хотя и не всегда примѣняли это знаніе, какъ это видно будетъ изъ нижеприведенныхъ примѣровъ. То же слѣдуетъ сказать и о ихъ примѣненіи лексическаго и морфологическаго критеріевъ. Такъ находимъ:

1) Ротъ—Послав.: Уста (?) т. V. 168; Трактиръ—Послав енски: Гостинница „Приведе его въ гостинницу" (Лук. X. 34).

2) Сиротскій—Послав енски: Сиротній (V. 458).

3) Предпріемлю —Слав. просто же: Предпринимаю (II. 99); обращаю, -ши, -тихъ, -ащати—Славенск.; просто же: Об*ра*щаю, -ешь, -илъ, -ать (I. 895). Б*ла*говременно—Въ слав. же языкѣ: Б*ла*говременнѣ (I. 926); Издалече и Издалеча—Славенск. (?); просто же Издалека (II. 460); Высо́ко—Слав.; просто же Высоко́ (I. 950) и т. д.

Большое количество примѣровъ см. у Сухомлинова (Исторія Россійской Академіи. Вып. VIII. 1887, стр. 76—86).

Относительно ударенія приводимыхъ въ словарѣ формъ находимъ опредѣленное указаніе въ Предисловіи (I, стр. XIII): „различное произношеніе и удареніе словъ по разности областей Академія тщилася соображать по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая удареніе въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сіе правила". Какъ видно, впрочемъ, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, составители не могли иногда разобраться въ томъ, какая акцентуація должна быть признана

русской и какая славянской, тѣмъ болѣе, что и акцентуація славянскихъ книгъ въ концѣ концовъ почти вся русская.

Второе изданіе „Словаря“ (Спб. 1806—1822 въ шести же частяхъ), уже безъ предисловія, не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ перваго, и все сказанное выше имѣетъ силу и въ отношеніи его.

Грамматики, выходившія въ послѣдующіе года, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ практическія, школьныя цѣли, мало самостоятельны, какъ въ отношеніи матеріала, такъ и его обработки и могутъ быть пройдены молчаніемъ. Направленіе „обще-грамматическое“, нашедшее себѣ на Западѣ выраженіе въ работахъ De Brosses'а, Court de Gébelin'а, ученыхъ des Port Royal, Beauzée, Silvestre'а de Sasy, Malmesbury, Horne Tooke'а, Августа Фридриха Бернгарди и др., и проникавшее мало по малу и къ намъ, было также мало благопріятно для разысканій фактическаго характера, такъ что изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса не сдѣлало никакихъ успѣховъ въ трудахъ этого рода, представителями котораго у насъ являлись грамматики Орнатовскаго и Тимковскаго [1]).

Первый даже слабо различаетъ русскій языкъ отъ старославянскаго. Такъ на стр. 23 онъ заявляетъ, что будетъ „до нѣкотораго времени разсматривать исторію его (Славяно-россійскаго языка) вмѣстѣ, не раздѣляя на нарѣчія: Славянское и Русское“. Сверхъ этого находимъ у него слѣдующія замѣчанія по данному предмету: на стр. 30-й утверждается, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „коренной Славянскій языкъ совершенно вышелъ изъ разговорнаго употребленія (?!); и знаніе его начало почитаться удѣломъ однихъ ученыхъ; а Уложеніе царя Алексія Михайловича было написано на общенародномъ Россійскомъ языкѣ, исключая немногія Славянскія выраженія“. На стр. 90-й говорится, что *мать* и *дочь* въ косвенныхъ падежахъ склоняются по образцу Славенскихъ *матерь* и *дщерь*, (что однако не должно значить, что эти формы заимствованы изъ

[1]) Новѣйшее начертаніе правилъ Россійской грамматики, на началахъ всеобщей основанныхъ, сочиненное Иваномъ Орнатовскимъ. Харьковъ. 1810. 8° (311 стр.).

Опытный способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Соч. Ильи Тимковскаго. Харьковъ. 1811 г. 8° (310 стр.).

церковнославянскаго). На стр. 91-й находимъ замѣчаніе, что звательный падежъ на *-е* „приличествуетъ собственно слогу Славено-Россійскому“, затѣмъ на стр. 103-й утверждается, что „въ важныхъ предметахъ, также въ слогѣ высокомъ и близкомъ къ Славенскому употребляются лучше числительныя Славенскія“. На стр. 182-й замѣчается, что глаголы „собственно Славенскіе давнопрошедшаго (т. е. многократнаго вида) не имѣютъ“. Какъ видно, замѣчанія эти не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ грамматиками Ломоносова и Россійской Академіи; напротивъ, проходятъ молчаніемъ многое въ нихъ встрѣчающееся. Находимъ у Орнатовскаго и неудачныя „правила“, какъ напр. на стр. 189, гдѣ глаголы въ родѣ *блуждаю* признаются русскими: „кончающіеся на *жу*, кои въ Славенскомъ кончатся на *жду*, *у* перемѣняютъ на *даю*. Напримѣръ *блуж-у блуж-даю* (отъ слав. *блужду*), *нуж-у принуждаю*, *суж-у разсуж-даю*“. Всѣ эти замѣчанія касаются морфологіи; только на стр. 245-й находимъ замѣтку синтактическаго свойства: „глаголъ *воскреснуть* принимаетъ родительный съ предлогомъ *изъ*..... Иногда же по свойству языка Славенскаго вмѣсто предлога *изъ* употребляется съ предлогомъ *отъ*, напр. *воскреснуть отъ гроба*“.

Тимковскій также не дѣлаетъ большаго различія между церковнославянскимъ и русскимъ, устанавливая существованіе „Славеноросcійскаго“ языка. При этомъ однако, хотя онъ и утверждаетъ, что „Россійскій удержалъ силу Славенскаго въ существѣ и высшемъ употребленіи своемъ (стр. 50)“, но находитъ между ними и нѣкоторыя „разности“, заключающіяся:

„а) въ выговорѣ буквъ, а паче гласныхъ и въ удареніи словъ;

б) въ прибавкѣ или выпущеніи буквъ и слоговъ и въ грамматическихъ перемѣнахъ словъ; въ немъ также двойственное число и многія вспоможенія глагола существительнаго въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени оставлены. На прим.: *градъ городъ; древа, древеса, дерева, деревья; нощію, ночью; князи, князья; врази, враги; чту, читаю; предѣлъ, предѣловъ; предѣлы, предѣлами; на чадѣхъ, на чадахъ; мя, меня*; *ся, себя*; *идоста, идоша*,

*

шли; ходихомъ, мы ходили; явитимися, явиться мнѣ; краснѣе, краше; позднѣе, позже.

в) Въ произведеніи, сложеніи и значеніи словъ. Многія слова прежнія оставлены, новыя отъ Славенскихъ корней произведены, новыя окончанія въ словопроизведеніи приняты; иныхъ словъ значеніе перемѣнилось.

г) Въ словосопряженіи и управленіи, напр. *солнце сіяетъ свѣтъ свой; радоватися о Господѣ* и т. д.

д) Въ слогѣ. Рѣчь возвышенная, а найпаче писменный высокій слогъ придерживаются болѣе словъ, словопроизведенія, словосопряженія и выговора Славенскаго, неудаляясь впрочемъ къ обветшалому употребленію".

Несмотря на свою голословность, не подкрѣпленную достаточнымъ количествомъ примѣровъ, эти замѣчанія являются довольно самостоятельной и опредѣленной попыткой формулировать „разности", имѣющіяся между русскимъ и церковнославянскимъ языками. Но отсутствіе примѣровъ (только пункты б) и г) снабжены ими), а также несовсѣмъ удачный ихъ выборъ (форма *враги* тоже славянская; *чту* и *читаю* могутъ одинаково хорошо принадлежать обоимъ языкамъ; формы *краснѣе* и *позднѣе* совершенно возможны и въ русскомъ) лишаютъ эту попытку почти всякаго положительнаго значенія.

Изъ грамматикъ, появившихся за это время на иностранныхъ языкахъ и принадлежащихъ иноземнымъ ученымъ, можно остановиться на трудахъ Фатера [1]) и Пухмайера [2]).

У перваго находимъ довольно обстоятельное замѣчаніе о разныхъ произношеніяхъ русскаго языка, сообразно содержанію и матеріалу рѣчи: „Was die Aussprache betrifft: so muss man die ge-

---

1) Vater (Ioh. Sever.). Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik und Berichtigung der Heymischen Sprachlehre. Leipzig 1808. 8° (XL+160 стр.). 2-te vermehrte und umgearbeitete Auflage. Ibidem. 1814. 8° (XII ненум. +276).

2) Puchmayer (Ant. Jar.) Lehrgebäude der russischen Sprache. Nach dem Lehrgebäude der böhmischen Sprache des H. Abbé Dobrowsky. Prag. 1820. 8° (XLI+288 стр.).

wöhnliche Aussprache des Russischen von der feyerlicheren bey dem Vortrage öffentlicher Reden auch selbst der Rollen hoher Personen auf dem Theater oder bey dem Slawonischen, welches die Kirchensprache ist, wohl unterscheiden. Diese feyerlichere Rede weiss von der Aussprache des г durch *w*, und den mancherley nachher anzugebenden Veränderungen des *e* in *jo*, des *o* in ein *oa* u. s. w. nichts, sondern spicht a, e, o wie wir (стр. 4).

На слѣдующей (пятой) страницѣ замѣчается о произношеніи *г*, которое „... in vielen, besonders Slawonischen und gottesdienstlichen Wörtern ganz in *h* übergeht, z. B. благословляю blahoslowl'aju (ich segne), und so auch in den Wörtern господъ hospod (Herr), государь hosudar (Herr), in den Casibus von Богъ (Gott) z. B. Бога boha (Gottes).

На стр. 15—16 говорится о выговорѣ „дифтонга“ *-ей*: „Doch muss man auch den Laut dieser Diphthongen ja aus dem Munde der Nationalen auffassen, und dabey wiederum den Unterschied der Slawonischen und der beym Umgange Gebildeter gewöhnlichen Aussprache wahrnehmen; Slawonisch verhallt z. B. bey *ій* das *й* ganz in *ї*, sie flissen zusammen und der Laut hört fast auf Diphthong zu seyn, aber dasselbe ій lautet in der gewöhnlichen Russischen Aussprache, wenn es unbetont ist nach в, н, ж, ч, ш, щ, wie e[j] z. B. сре́днiй srede[j] dageden wenn es hinter andern Buchstaben unbetont ist z. B. высокiй wie a[j] und wenn es betont ist, wie bey какíй wie o[j].

Мы не можемъ уже судить, насколько доступно было Фатеру изученіе русскаго произношенія. Судя по нѣкоторымъ промахамъ (господъ=hospod, государь=hosudar) въ транскрипціи русскихъ словъ, можно думать, что русское произношеніе не было имъ твердо усвоено. Тѣмъ не менѣе, разница выговора обыкновеннаго, разговорнаго и церковнаго, книжнаго обратила на себя его вниманіе; какъ на особенности послѣдняго онъ указываетъ на спирантное произношеніе *г*, на сохраненіе ударённаго *é* (въ русскомъ=„ё“) и ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ. Какъ понимать замѣчаніе Фатера, приведенное у насъ въ концѣ, сказать трудно. Неясно, хочетъ ли онъ сказать, что въ церковномъ выговорѣ произносилось

не *ій*, а *и* (какъ въ малорусскомъ *солодки*), что въ наше время уже не имѣетъ мѣста, или только обратить вниманіе на то, что церковному *ій* (-j въ -іj и такъ будетъ слышенъ весьма слабо) соотвѣтствуютъ въ народномъ языкѣ *-ей* въ неударенномъ слогѣ и *-ой* подъ удареніемъ. Этими замѣчаніями ограничивается все, что Фатеръ считалъ необходимымъ указать по данному предмету. Случаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ бы отличать церковнославянскіе элементы отъ русскихъ, но не сдѣлалъ этого, очень много, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и перейдемъ къ слѣдующему по времени иностранному изслѣдователю русскаго языка—Пухмайеру. Предисловіе къ грамматикѣ послѣдняго, написанное Іосифомъ Добровскимъ, заключаетъ въ себѣ обзоръ русскихъ грамматикъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ грамматики Лудольфа. (Vorrede. Literatur der russischen Sprachlehren).

Добровскій начинаетъ съ указанія руссизмовъ въ памятникахъ древней русской письменности (считая съ XIII-го вѣка, въ лѣтописяхъ Нестора и другихъ хронистовъ, въ Русской Правдѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ), которыя въ общемъ все-таки по его мнѣнію написаны славянскимъ языкомъ. Примѣры, приводимые имъ, распадаются на слѣдующія категоріи: полногласныя русскія формы, рядомъ съ неполногласными, предлогъ *вы* вмѣсто *изъ*, начальное *о* вмѣсто *е*. Затѣмъ слѣдуетъ попытка прослѣдить постепенное проникновеніе русскаго природнаго элемента въ письменность и грамматики, пока онъ не вытѣсняетъ окончательно церковнославянскій и въ той, и другой области. При этомъ онъ пользуется приведенными у насъ выше свидѣтельствами Лудольфа и Фриша объ употребленіи двухъ языковъ въ Московскомъ государствѣ, перечисляетъ нѣсколько старопечатныхъ изданій (библія Фр. Скорины, Несвижскій Катехизисъ 1562 года, грамматика Мелетія Смотрицкаго и т. д.), гдѣ болѣе или менѣе даетъ себя чувствовать русскій разговорный языкъ, и разбираетъ въ отношеніи языка отрывокъ изъ „поученія избранна“, написанныхъ „wenigstens 100 Jahre vor Peter dem ersten“, на обычномъ южнорусскомъ, сильно полонизированномъ, книжномъ языкѣ. Въ точное изслѣдованіе и классификацію матеріала Добровскій не пускается и ограничивается общими замѣчаніями

историко-литературнаго и библіографическаго характера. Въ части, принадлежащей Пухмайеру и заключающей въ себѣ собственно грамматику, находимъ въ большинствѣ случаевъ обычныя замѣчанія, извѣстныя намъ изъ предшествующихъ работъ. Такъ на стр. 6-й говорится, что *г* произносится „in der feyerlihen Rede und der feinen Aussprache“ какъ *h*: бóга, Gottes, Boha; госудáрь, Monarh, hosudár'“. На стр. 8-й указывается, что „простыя“ *д* и *т* нерѣдко переходятъ въ *жд* и *щ* („besonders in hohem Style“). Какъ примѣры приведены формы: *сужду́, сужде̂нъ, разсуждáю, умерщвлю́, умерщвле̂нъ, умерщвля́ю, прещу́, рóпщу*. Это замѣчаніе о *жд* и *щ* вообще встрѣчается рѣдко у предшественниковъ Пухмайера, такъ что оно можетъ быть отмѣчено. На стр. 123-й замѣчается о славянскихъ числительныхъ типа „вторыйнадесять“ и т. д., что они употребляются „bloss im hohen Style bey den Namen der Regenten, und bey den Monatstagen“. На стр. 178-й признаются „славянскими“ дѣепричастія на *-я*: „Я ist mehr slawenische, ючи mehr russische Form“. На стр. 207-й говорится объ основахъ на -es (при этомъ невѣрно утверждается, что въ славянскомъ всѣ имена средняго рода способны имѣть этотъ „аугментъ“ *ес*) и прибавляется, что „im hohen Style und bey Dichtern hat dieses Augment noch seinen Werth“. Относительно остатковъ, въ которыхъ эта основа сохранилась, необходимо замѣтить, что изъ трехъ такихъ остатковъ, приводимыхъ Пухмайеромъ: *небесá, чудесá, тѣлесá*, современный живой и разговорный языкъ сохранилъ только двѣ первыя; формы же *очесá* и *тѣлесá*, приводимыя также, совсѣмъ не встрѣчаются. На той же 207-й страницѣ говорится, что звательный, какъ самостоятельный падежъ, свойственъ только библіи и церковнымъ книгамъ и „ist bey einigen Wörtern ins Russische übergangen“. Пухмайеръ приводитъ слѣдующіе примѣры: Бóже, Гóсподи, Хри́сте (sic!), Іису́се, óтче, влады́ко, учи́телю, человѣ́че, жéно[1]. На стр. 208-й признается *-їю* въ *мудростїю* окончаніемъ „славянскимъ“, которому въ русскомъ соотвѣтствуетъ *-ью*. На стр. 211-й говорится, что окончаніе род. пад. ед. ч. у именъ существитель-

[1]) Ср. также стр. 259, § 47.

ныхъ мужск. рода *-а* свойственно „mehr dem hohen Style, das *у* aber dem gemeinen Leben eigen". Въ поясненіе приводятся примѣры: „Духъ hat дýха, wenn es Geist, дýху, wenn es Geruch bedeutet. So auch долгъ, Gen. дóлга der Pflicht, дóлгу der Schuld. На стр. 222-й формы *угль, огнь* признаются славянскими, русскія же формы будутъ *ўголь, огóнь*. Объясненіе русскихъ формъ тѣмъ, что „der Russe verbindet nie zwey Consonanten zu eine Sylbe, ohne einen Vocal dazwischen zu setzen", должно быть, конечно, въ наше время оставлено. На стр. 125-й утверждается, что „der weibliche Genetiv ыя, їя gehört dem hohen Style zu". На стр. 235-й находимъ указаніе, что нѣкоторые глаголы принимаютъ „den slawenischen Ausgang in венъ: крóю—закровéнъ (sic!) мóю—измовéнъ (sic!)". На стр. 236-й говорится, что глаголы на *-дуть* (*-дить?*) принимаютъ въ первомъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени *жду* вм. *жу* „besonders im hohen Style": судѝть-суждý, суждéнъ, суждéніе".

Мало успѣха замѣтно и въ грамматикѣ Греча [1]), который вовсе не былъ ученымъ филологомъ. Нѣкоторыя изъ его замѣчаній свидѣтельствуютъ о не совсѣмъ точномъ представленіи, которое онъ имѣлъ объ отношеніяхъ церковнославянскаго къ русскому, другія не новы.

Въ § 51-мъ читаемъ: „Введеніе въ Россію Христіанской Вѣры Греческаго исповѣданія имѣло важное вліяніе на тогдашній Русскій языкъ. Вѣроятно, что многія выраженія и обороты Ц. Славянскаго нарѣчія, заимствованныя непосредственно изъ языка Греческаго, были чужды и дики Россіянамъ того времени. Мало по малу, слыша безпрестанно языкъ сей при отправленіи службы Божіей, они привыкли къ его особеннымъ свойствамъ, и наконецъ стали почитать сіе пріобрѣтеніе всегдашнимъ своимъ достояніемъ. Нѣкоторые писатели того времени употребляли въ своихъ сочиненіяхъ, какъ выше сказано, языкъ Церковный; другіе писали на Русскомъ, но всегда болѣе или менѣе сбивались на первый, такъ что весьма трудно опредѣлить тогдашнія границы ихъ нарѣчій". Выраженный въ этихъ словахъ взглядъ долженъ быть

---

[1]) Пространная Русская грамматика, изданная Н. Гречемъ. Спб. Ч. I. 1827 г. 8°. XVI+386 стр. Второе изд. исправленное. Спб. 1830. 8°. XVI+408.

признанъ въ общемъ вѣрнымъ. Тѣмъ страннѣе читать у Греча замѣчанія въ родѣ нижеслѣдующихъ:

„Въ концѣ XVII столѣтія собственно Русскій языкъ началъ освобождаться отъ оковъ Польскихъ (?!) и, очищаясь отъ чуждой примѣси, заимствовалъ сильныя и краснорѣчивыя выраженія изъ языка богослужебнаго“ (§ 53. въ концѣ).

„Вообще Русскій языкъ заключаетъ въ себѣ слова слѣдующаго происхожденія: 1) Славянскія, свойственныя ему вмѣстѣ съ Церковнымъ: оныя составляютъ бо́льшее число. Нѣкоторыя изъ нихъ при переходѣ въ Русскій языкъ (?!) поизмѣнились, напр. глава, голова; мравій, муравей; яко, какъ; азъ, язъ, нынѣ я и т. д.“.

Другія замѣчанія болѣе вѣрны, но мало новы; такъ въ § 131. 5 находимъ слѣдующее: „Т превращается (!) въ измѣненіяхъ словъ, непосредственно и безъ перемѣны заимствованныхъ изъ Церковнославянскаго языка, и въ щ; напримѣръ: обратить, обращу“.

Въ § 239. 2. „Зват. падежъ въ обоихъ числахъ сходенъ съ именительнымъ. Изъ сего исключаются имена, заимствованныя непосредственно изъ Ц. Слав. языка: они имѣютъ въ семъ падежѣ особенное окончаніе, напримѣръ: Господи, Боже, мати, Владыко, Христе, Сыне, отче и проч.“.

Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ Гречъ совсѣмъ не различаетъ слова заимствованныя отъ русскихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ у него совсѣмъ невѣрные выводы и утвержденія. Такъ въ § 244. 3. говорится, что „имена *мать* и *дочь* принимаютъ въ косвенныхъ падежахъ единственнаго и во всѣхъ падежахъ множественнаго окончаніе Церковно-Славянское (матерь, дщерь) матери, дочери, матерью, дочерью“. Между тѣмъ въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ просто сохраненіе первичной основы. Въ томъ же §, 4-е. утверждается, что слово *дитя* въ единственномъ числѣ склоняется какъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ: Род. Дат. Предл. дитяти, Тв. дитятемъ (?!). Множ. числа И. дѣти, Р. дѣтей и т. д.“.

Въ § 290, примѣч. 98 находимъ невѣрное утвержденіе, что „окончаніе *-ыя* или *-ія*, въ род. пад. ед. числа ж. рода, встрѣ-

чается только въ слогѣ высокомъ, принимающемъ формы Слав. языка (напримѣръ: *добродѣтели Великія Государыни*)" между тѣмъ, какъ это окончаніе вполнѣ обыкновенно въ былинномъ и пѣсенномъ языкѣ, гдѣ его нельзя объяснить церковнославянскимъ вліяніемъ.

Въ § 374-мъ читаемъ: „окончаніе *-ть*.... превращается (!) въ *чь* (влечь), а при непосредственномъ заимствованіи глагола изъ Ц. Слав. въ *-щь* (влещь)".

Въ § 419-мъ перечисляются недостаточные глаголы, заимствованные изъ церковнославянскаго, въ числѣ которыхъ однако находятся нѣкоторые, едва ли могущіе считаться заимствованіями: *блюсти, влечь, гобзать, гонзать; дерзать, единить, жаждать, здравить, зиждить, зіять, звяцать, зрѣть, карать, колебать, личить, коснить, лобзать, мерцать, мнить, непщевать, крестить, рещи, ристать, рѣять (?), снить, стѣтить, творить (затворить?), тязать, ухать, хранить, царить, цѣлить, чаять (?)*. Ниже за то приводится много глаголовъ также „недостаточныхъ", но безъ обозначенія ихъ заимствованія, какъ напримѣръ: *алчничать, бѣдствовать, блистать, владѣть, вредить, касаться, расти, тщиться* и т. д.

Замѣчанія, заключающія въ „Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ" [1]) Греча же, слишкомъ ничтожны, чтобы стоило ихъ приводить.

Ближайшими по времени трудами являются краткая и полная грамматики Востокова [2]). Однако, несмотря на выдающіяся дарованія и знанія автора, несмотря на то, что Востоковъ первый далъ въ свое время научную характеристику старославянскаго языка въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ" [3]), мы

---

[1]) Часть 1—2-я. Спб. 1840 г., 8° (VI. 336+404 стр.).

[2]) Сокращенная Русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, составленная А. Востоковымъ. Спб. 8°. 207 стр. Послѣдующія изданія: 1833, 1835, 1837 (этимъ мы пользовались), 1839 и т. д.

Русская грамматика Александра Востокова по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Спб. 1831. 8° XXIV+408. Послѣдующія изданія: 1835 (мы пользовались этимъ), 1838, 1839, 1842 и т. д.

[3]) Труды Московскаго Общества Любителей Словесности 1820, т. XIX, а также Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова. Издалъ по порученію 2-го отдѣленія Академіи Наукъ И. Срезневскій. Спб 1865. 8°. LXXXIII + 216+114: стр. 1—27.

встрѣчаемъ въ этихъ грамматикахъ слишкомъ мало по интересующему насъ предмету въ сравненіи съ тѣмъ, чего слѣдовало бы ожидать. Происходило ли это дѣйствительно отъ той осторожности, о которой говоритъ Срезневскій въ своемъ предисловіи къ изданію Филологическихъ Наблюденій (стр. XLIX: „Осторожность заставила его въ Русской грамматикѣ дать маловидное мѣсто языку простонародному и языку древне-Славенскому“ и т. д.), или отъ низкой оцѣнки Востоковымъ церковнославянскихъ элементовъ относительно ихъ значенія въ общемъ составѣ языка, а можетъ быть и отъ какихъ либо другихъ причинъ, мы не будемъ разбирать, такъ какъ рѣшеніе этого вопроса представляется намъ едва ли возможнымъ въ наше отдаленное больше, чѣмъ на полвѣка, время.

Въ „Сокращенной Грамматикѣ“ находимъ слѣдующія замѣчанія:

Стр. 34. 5. „Притяжательныя *божій, вражій,* во всѣхъ падежахъ и въ окончаніяхъ женскаго и средняго рода имѣютъ *і* вмѣсто *ь: божія, вражія, божіихъ* и пр. Такъ и числительное *третій,* въ важной рѣчи можетъ склоняться *третіяго,* вмѣсто *третьяго* и проч.“.

На стр. 66-й читаемъ, что предъ окончаніями изъявительнаго наклоненія „въ глаголахъ изъ церковнаго языка заимствованныхъ... (измѣняется)... также и *д* на *жд,* а *т* на *щ: страдать, -жду, клеветать, -щу*“.

На стр. 68-й находимъ аналогичное замѣчаніе, что въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ съ основами на *г* и *к,* „заимствованныхъ изъ Церковнославянскаго языка, *ч* замѣняется буквою *щ,* а *ь* буквою *и;* напр. *рещи, реку; пещись, пекусь*“.

На стр. 78-й говорится, что многократнаго вида „не имѣютъ заимствованные изъ церковныхъ книгъ и въ важной рѣчи употребляемые глаголы, первообразные и производные. Таковы суть: *вѣщаю, дерзаю, желаю, караю, касаюсь, лишаю, глаголю, жажду, стражду, клевещу, ропщу, вопію, творю, томлю* и многіе другіе“.

Въ „Полной Грамматикѣ“ немногимъ больше замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго на русскій. На стр. 7. 4

говорится, что слова „съ суффиксами *ійца, дца* заимствованы изъ Церковнословенскаго языка“. На стр. 22. 3. указывается, что звательные падежи: *Боже! Господи! Іисусе Христе! Владыко! Отче!* также заимствованы „изъ церковнаго Словенскаго языка“.

На стр. 39-й II а) замѣчается, что „заимствованныя изъ старинныхъ книгъ имена народовъ *Варягъ, Срацинъ,* сохраняютъ въ родительномъ множ. числа сіе же окончаніе, напр. *родомъ изъ Варягъ, изъ Срацинъ*“.

На стр. 114-й. VII. г. указывается на измѣненіе *г, к* въ неопредѣленномъ наклоненіи въ *ч*, которое „въ глаголахъ, заимствованныхъ изъ Церковнославенскаго языка, замѣняется буквою *щ*, напр. *рещи, реку: пещись, пекусь* (то же замѣчаніе, что на стр. 68-й краткой редакціи).

На стр. 144. 1. говорится, что „предлогъ *воз* (вз) въ языкѣ важномъ и въ Церковнословенскомъ имѣетъ ту же силу, какую имѣетъ *за* въ обыкновенномъ языкѣ и въ просторѣчіи... напр. *воспылать, вострепетать...*“

На стр. 352-й находимъ замѣчаніе о согласномъ *г*, который „по двоякому произношенію своему (g и h) принадлежитъ также къ буквамъ, выражающимъ по два звука. Второй изъ сихъ звуковъ имѣетъ буква *г* не только... въ иностранныхъ словахъ; напр. *Гамбургъ, Богарне*: но въ нѣкоторыхъ Русскихъ словахъ, особенно важной рѣчи принадлежащихъ; напр. *Гласъ Господа Бога,* выражено бы было Латинскими буквами: Hlas Hospoda Boha, а не Glas Gospoda Boga“. Относительно сказаннаго здѣсь необходимо замѣтить, что нѣкоторые изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ произносятся и съ взрывнымъ *г* (лат. g). Такъ *Богарне* многіе (даже знающіе французскій языкъ) выговариваютъ не со спирантнымъ γ, а съ взрывнымъ *г*, тоже должно сказать и о примѣрѣ *Гласъ*, гдѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, передъ слѣдующимъ за *г* согласнымъ, спирантное произношеніе не имѣетъ мѣста.

На стр. 360-й находимъ еще одно замѣчаніе о существительныхъ *вѣдѣніе, свѣдѣніе, мнѣніе, прѣніе,* которыя Востоковъ признаетъ „произведенными отъ глаголовъ Церковнаго Словенскаго языка: *вѣдѣти, свѣдѣти* и т. д.“.

Изъ приведенныхъ замѣчаній нетрудно убѣдиться, что Востоковъ, хотя и понималъ хорошо взаимныя отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ, однако отвелъ церковнославянскому вліянію очень немного мѣста въ своихъ грамматикахъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ и теперь оесьма цѣнныхъ.

Мало обращаетъ вниманія на это вліяніе и Калайдовичъ въ своей грамматикѣ [1]), вышедшей три года спустя послѣ появленія въ свѣтъ грамматики Востокова. И у него находимъ въ общемъ все тѣ же замѣчанія, что въ грамматикахъ его предшественниковъ. Такъ на стр. 8-й *г* названо „твердымъ дыханіемъ" („въ словѣ *Господь*, а въ Малороссійскомъ всегда"); на стр. 30-й читаемъ, что „въ нѣкоторыхъ страдательныхъ причастіяхъ, изъ Славянскаго языка взятыхъ, удерживается двойное *н* вездѣ, кромѣ муж. рода, напр. *вдохновенный, вдохновенъ, вдохновенна, вдохновенно, вдохновенны* (замѣчаніе новое и принадлежащее Калайдовичу).

На стр. 32-й замѣчается, что звательный падежъ „окончаніемъ своимъ одинаковъ съ именительнымъ, но слова *Господь, Богъ, Іисусъ, Христосъ* почти всегда удерживаютъ Славянскія окончанія: *Господи! Боже! Іисусе! Христе!* На стр. 39. 3. „окончаніе *-ья*" вмѣсто *-ія* признается „разговорнымъ": „Имена на *-ія* оканчиваются въ дат. и предложномъ падежахъ единств. числа на *-іи*, напр. *молнія, молніи, о молніи, судія, судіи, о судіи*. Но если окончаніе *ія* замѣняется разговорнымъ *ья*, то слѣдуетъ общему правилу, напр. *судья, судьѣ, о судьѣ*". На стр. 40. 3 находимъ примыкающее къ этому замѣчаніе, что „творительный единственнаго *-ію*, можетъ сократиться въ *-ью*", причемъ однако не сказано, что первая форма имѣетъ книжный оттѣнокъ и поддерживается церковнославянскимъ. Также ничего не говоритъ объ этомъ Калайдовичъ и на стр. 41. 3, гдѣ идетъ рѣчь объ именительномъ падежѣ на *-іе, -ье* и предложномъ на *-іи, -ьи, -ьѣ*, равно какъ на стр. 42. 5, гдѣ замѣчается, что „имена

---

[1]) Грамматика языка русскаго. Часть I, познаніе словъ. Сочиненіе Калайдовича (Ивана Ѳеодоровича). Москва. 1834. 8°. 102 + X + 2 ненумерованныхъ.

на *-іе,* перемѣняются на *-ій*" въ род. пад. множ. числа: *оружіе, оружій* и т. д.

На стр. 43. 4. род. п. ед. ч. женскихъ прилагательныхъ на *-ыя, -ія* признается Славянскимъ. На стр. 65. 5. указывается, что „прошедшее страдательное причастіе на *тый,* въ высокомъ слогѣ имѣетъ и другое окончаніе, Славянское на *овéнный* (спрягаемое *овéнъ*), напр. *отрúну, отрúнутый* и *отриновéнный.* На стр. 68. 5 признаются Славянскими обороты въ родѣ: *„да научусь творить угодное Тебѣ"*. На стр. 87-й указывается, что „усилительное нарѣчіе *пре* можно найти только въ Славянскихъ гласныхъ, напр. *превосхожу, пребуду;* а въ другихъ, *пре* есть предлогъ, одного значенія съ предлогомъ *пере*". Наконецъ на стр. 102. 6. говорится о глаголахъ, измѣняющихъ „окончаніе перваго лица наст. вр. ед. ч. *-щу*" на *-тишь* во второмъ лицѣ и присовокупляется, что „почти всѣ сіи глаголы Славянскаго окончанія *щу,* въ Русскомъ имѣютъ соотвѣтственное окончаніе *чу*".

Нѣкоторыя замѣчанія о церковнославянскихъ элементахъ въ русскомъ языкѣ встрѣчаемъ затѣмъ въ работахъ кіевскаго профессора Максимовича. Въ его „Критико-историческомъ изслѣдованіи о русскомъ языкѣ" [1]) элементы церковнославянскій и природный разграничиваются другъ отъ друга въ общемъ очень ясно и вѣрно. Указывается на русскую первичность полногласія въ противоположность распространенному тогда мнѣнію о первичности старославянскихъ **ра, ла, рѣ, лѣ**; въ связи съ этимъ обращается вниманіе на параллелизмъ формъ предлога *разъ* и *розъ,* и приведены примѣры, хотя все формулировано нѣсколько неясно и сбивчиво. Ниже находимъ указаніе на книжное происхожденіе русскихъ формъ, въ составъ которыхъ входитъ предлогъ *изъ (избрать, исходъ, изгнать* рядомъ съ *выборъ, выбрать, выходъ, выгнать* стр. 14). На стр. 22-й указывается, что, хотя „въ великорусскомъ языкѣ и господствуютъ вообще примѣты Югозападныя, но иногда (?) сіе зависитъ отъ позднѣйшаго вліянія Церковнославянскаго языка".

---

[1]) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1838, т. XVII. № 3. Стр. 531—562. Отд. оттискъ. Спб. 1838. 8°. Стр. 33. См. также Собраніе Сочиненій, т. III. 1880. Кіевъ (Цифры страницъ, цитируемыя въ текстѣ, относятся именно къ послѣднему изданію).

Въ вышедшей въ слѣдующемъ году „Исторіи древней русской словесности“ [1]) находимъ также частыя замѣчанія по интересующему насъ предмету. Въ VI-й главѣ, трактующей о русскомъ языкѣ въ отношеніи къ западнославянскимъ, въ отдѣлѣ „о полногласіи Русскаго языка“ (стр. 419 — 425) указываются различныя заимствованія изъ церковно-славянскаго (стр. 422, примѣчаніе 1). Церковнославянскому языку и его вліянію на русскій посвящена вся VIII глава (стр. 440—449), озаглавленная: „О письменномъ употребленіи церковнословенскаго языка въ древней Руси и о вліяніи сего языка на народъ русскій“. Здѣсь (въ примѣчаніи первомъ на стр. 441) приводятся примѣры природно-русскихъ формъ въ памятникахъ древней русской письменности. Критеріемъ для ихъ отличенія служатъ Максимовичу слѣдующія звуковыя соотвѣтствія: р. *оро, ере, оло* || стсл. **ра, рѣ, ла, лѣ**; р. *ж* и *ч* || стсл. **жд, шт.** Второй отдѣлъ этой главы „Вліяніе Церковно-словенскаго языка на народный русскій“ указываетъ на условія, способствовавшія смѣшенію этихъ двухъ языковъ и на значеніе заимствованныхъ элементовъ для лексическаго и семасіологическаго богатства русскаго языка. Несмотря на отсутствіе матеріальныхъ данныхъ (примѣровъ) и вполнѣ общій характеръ изложенія, этотъ отдѣлъ представляетъ очень полную общую картину даннаго вопроса и заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникѣ: „Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у духовенства, которое привыкало къ нему съ молода, но и у грамотныхъ міряне. Тутъ еще удобнѣе было Ц. Словенскому языку смѣшиваться съ народной Русской рѣчью и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русской рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало по малу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣ-

[1]) Кіевъ, 1839. 8°. 226, а также Собр. Сочин. Т. III. стр. 346—472.

ненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходятъ въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженіи и въ разговорѣ людей церковныхъ и грамотныхъ, отозвался и въ народной Русской рѣчи многими словами и выраженіями Библейскими, которые приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достояніе и богатство.

„Итакъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и правописаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя бы и соплеменной. Живою силою своею она воспринятымъ стихіямъ даетъ собственный образъ, передѣлаетъ ихъ на свой ладъ.

„Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состоящія въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико. Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служащія выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіанства; напримѣръ о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя по своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ прежде бывшія у насъ ихъ синонимы. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы — *злато, мракъ, прахъ, млеко* и проч.

„По мѣрѣ того, какъ усвоялись намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую оттѣнку или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругѣ своего значенія; иныя получили другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣсняемы взъ нашего языка словами Церковно-Словенскими.

„Нерѣдко и сами Русскіе, какъ бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку (?) измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него занятыя слова. Такъ напримѣръ (?!), слово *крестить*, — по древнему правописанію *крьстить*, — въ Великорусскомъ простонародіи говорится—*кстить* (Причемъ тутъ „примѣненіе“ къ церковнославянскому языку и какимъ образцомъ могъ онъ служить въ данномъ случаѣ, непонятно).

„Такимъ то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ,—не только общепринятомъ или употребляемомъ сословіями образованными, но и въ простонародномъ, — произошла та же двоякость, какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ,—то же смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и то же слово употребляется въ двухъ видахъ: въ чисто Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того же корня, одни образованы по чисто Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской.

„При такой двоякости формъ одного и того же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенный тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священно книжнаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ уже значительность Словенской формы; напримѣръ *шлемъ* и *шеломъ*“.

Такой полной картины занимающаго насъ явленія мы не встрѣчаемъ ни у одного предшественника Максимовича. За исключеніемъ одного абзаца (о глаголѣ *крестить*=*кстить*), весь отрывокъ является результатомъ яснаго научнаго мышленія, основаннаго на извѣстномъ знаніи предмета, тонкой наблюдательности и свѣтломъ умѣ.

Больше всѣхъ другихъ своихъ предшественниковъ, Максимовичъ обращаетъ вниманіе на семасіологическую сторону вопроса, указываетъ категорически на существованіе славяно-русскихъ и лексико-сематическихъ параллелей и опредѣляетъ оттѣнокъ значенія, принадлежащій членамъ этихъ параллелей. Замѣчаніе о формахъ *шлемъ* и *шеломъ* свидѣтельствуетъ уже о такой тонкости наблюденія,

которую мы тщетно искали бы раньше. Въ другихъ, позднѣйшихъ своихъ трудахъ Максимовичъ еще не разъ затрогиваетъ данный вопросъ, хотя новаго послѣ вышеприведенныхъ примѣровъ въ нихъ найдется мало. Чтобы не разбивать вниманія читателя, мы приведемъ выдержки изъ нихъ здѣсь же, хотя они и принадлежатъ гораздо болѣе позднему времени.

Въ „Начаткахъ русской филологіи" (1845 г. „Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянской", Кіевъ) объясняется (Собр. Сочин., т. III, стр. 67) уменьшеніе случаевъ „первороднаго полногласія" (Максимовичъ, какъ извѣстно, считалъ полногласныя русскія формы болѣе древними и первичными, чѣмъ формы другихъ славянскихъ языковъ) „вліяніемъ церковнаго языка на языкъ Руси въ христіанскую пору ея жизни".

„Въ главѣ „объ отношеніи церковнославянскаго [1]) языка къ русскому", Максимовичъ совершенно основательно полемизируетъ съ Шишковымъ, Калайдовичемъ, Давыдовымъ и Павскимъ, доказывавшими тожество старославянскаго и старорусскаго языка. Взглядъ Максимовича на взаимное отношеніе этихъ языковъ является вообще во многихъ отношеніяхъ вполнѣ здравымъ и основательнымъ, составляя этимъ выдающееся исключеніе среди современной ему русской научной литературы. Рядомъ съ вѣрнымъ мы находимъ, разумѣется, также не мало произвольныхъ, ничѣмъ не обоснованныхъ и недоказуемыхъ допущеній и предположеній, что впрочемъ является вполнѣ естественнымъ при тогдашнемъ состояніи науки не только у насъ, но и на Западѣ. О вліяніи церковнославянскаго на русскій говорится въ общихъ чертахъ въ § 45 (стр. 78 — 79) и между прочимъ такъ: „въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній русскій языкъ. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполнѣ прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя формы и обороты церковно-

---

[1]) Максимовичъ понимаетъ подъ этимъ терминомъ старославянскій языкъ. Въ настоящей же работѣ понятія старославянскаго и церковнославянскаго строго различаются (см. ниже, гл. II, § 1).

славянскіе, которыхъ прежде не было на Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по старой, народной формѣ, и по новой, церковной, съ разными ограниченіями. Сообразно съ значеніемъ церковнаго языка у Руси, и его слова въ русскомъ языкѣ имѣютъ обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣ же слова народной формы. Языкъ русскій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, пріобрѣлъ то двойственное богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками русской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ". Объясненія „двойственности полногласныхъ и сокращенныхъ формъ" въ рускомъ языкѣ церковнославянскимъ вліяніемъ находимъ на стр. 81 — 82, 97 (Собр. Сочин. т. III), гдѣ признаются церковнославянскими формы *сладкій*, *преставился*, *хранить*, *храмъ*, *предъ*, *шлемъ* и на стр. 102; на стр. 120 и 121 указывается на церковнославянское происхожденіе предлоговъ *разъ* (ра́зумъ) и *изъ*. Позже, въ 1856-мъ году въ Филологическихъ Письмахъ къ Погодину [1]) Максимовичъ опять возвращается къ вопросу о языкѣ нашей древней письменности, высказываясь опять въ одномъ мѣстѣ (Сочин. Т. III, стр. 188) противъ мнѣнія Срезневскаго (о которомъ см. ниже), о тожествѣ старославянскаго и старорусскаго и выдѣляя русскіе природные элементы изъ памятниковъ X—XIII вѣка (письмо IV, стр. 199 и слѣд.). Критеріемъ при этомъ выдѣленіи Максимовичу служатъ; полногласіе, начальное *о-* (*осень*, *одинъ*...) *ж* и *ч* вмѣсто *жд* и *шт* (*по нужи*, *межи вами*, *утвержаю*... *хочу*, *ночь*...). На стр. 228, 229, 234 и др. (Сочин. Т. III) замѣчанія объ отдѣльныхъ словахъ (напр. *разно* || *розно* и т. д.). Въ отвѣтныхъ письмахъ Погодину [2]), равно какъ въ Новыхъ

[1]) Русская Бесѣда 1856, № 3, стр. 78 — 139 или Сочиненія, Т. III, стр. 183—243.

[2]) Русская Бесѣда 1857, № 2, стр. 80—104 или Сочиненія, Т. III; стр. 244—272.

Письмахъ къ Погодину о старобытности Малорусскаго нарѣчія [1]) встрѣчаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній мимоходомъ, не представляющихъ ничего новаго въ сравненіи съ приведенными выше образчиками.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ наша филологическая научная литература начинаетъ нѣсколько оживляться. Мѣсто обыкновенныхъ школьныхъ грамматикъ, какими были цитированныя выше работы Ломоносова, Академіи, Орнатовскаго, Тимковскаго, Греча, Востокова, Калайдовича и т. д., начинають занимать монографіи по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ исторіи рускаго языка. Сюда принадлежатъ уже указанныя выше работы Максимовича, Буслаева [2]), Аксакова и другихъ, къ разсмотрѣнію которыхъ въ интересующемъ насъ отношеніи мы теперь и переходимъ. Буслаевъ касается вопроса о присутствіи церковнославянскихъ элементовъ въ русскомъ народномъ и литературномъ языкѣ лишь слегка, мимоходомъ. На стр. 168-й читаемъ: „.... съ распространеніемъ Христіанства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницей, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкимъ, но и къ романскимъ. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковнославянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется“.

Далѣе, на стр. 220-й находимъ слѣдующее о смѣшеніи двухъ стихій—церковнославянской и русской: „вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтописи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссизмовъ. Отдѣливъ цс. языкъ отъ русскаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя реченія (дальше слѣдуютъ цитаты изъ

[1]) Газета «День» 1863, №№ 8, 10, 15, 16. Отдѣльно 16⁰, стр. 70 и Сочин. Т. III, стр. 273—311.

[2]) О преподаваніи отечественнаго языка. Сочиненіе Ѳедора Буслаева и т. д. Москва 1844. Часть I и II-я. 8⁰. VI+335, III+375.

„Россійской Грамматики“ Ломоносова, приведенныя у насъ выше)“. Затѣмъ Буслаевъ разсматриваетъ архаизмы, сначала дѣйствительные, потомъ церковнославянскіе, которые слѣдовало бы отнести къ варваризмамъ, но, какъ мы уже видѣли выше, Буслаевъ дѣлаетъ уступку обычаю и привычкѣ и продолжаетъ считать славянизмы архаизмами. Ихъ исторіи посвящено шесть страницъ въ книгѣ почтеннаго ученаго (стр. 303—309). Мы не встрѣчаемъ здѣсь попытки дать хоть какой нибудь критерій для отличенія славянскихъ заимствованій отъ русскаго природнаго матеріала. Буслаевъ указываетъ только, что „какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ, постоянно попадаются русскія рѣченія между церковнославянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы“, и затѣмъ начинаетъ перечень ихъ по различнымъ памятникамъ русской словесности. Перечень этотъ начинается съ „Древнихъ Русскихъ Стихотвореній“. Указаны здѣсь славянизмы въ области фонетики: „*звуки*: е вм. о: *единъ*, я вм. ѣ: *ясти*, щ вм. ч: *хощетъ*, и пр.“ (стр. 303), въ области морфологіи: „*Склоненія*: ед. им. мати (373). ед. род. женск. со тыя горы со высокія (210); только ты дай мнѣ загонъ земли, „непаханыя и неораныя“ (5). Цс. зват. вм. имен., и Цс. винительн.“ и т. д. (стр. 303). „*Спряженія:* неокончат. наклоненіе, весьма часто на -и: стали пити, ясти, прохлаждатися 154. сужено поняти, „подъ златъ вѣнецъ стати, „законъ Божій пріяти, „дѣтей сводити 397. прошедш. описат. еще имали были свои добрые кони 404. а поѣхали были на своихъ добрыхъ коняхъ ibid. Цс. безличн.: не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить 163“ и т. д.; въ области лексическаго заимствованія: „Архаизмы въ частицахъ: и паче мнѣ брата родимаго 75. Князю дары полюбилися, „а Княгинѣ наипаче того 5 . . . . почто увезъ ты Настасью Дмитріевну? 142. почто онъ платье снимаетъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Иванушки пономаря здѣ же нѣтъ 384. ради корысти своея 109. и буде же я васъ побью 78 и т. д.“.

Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь выдержекъ изъ книги Буслаева, его уступка привычкѣ считать славянизмы только архаизмами сказалась смѣшеніемъ воедино разнороднаго матеріала.

Рядомъ съ дѣйствительными славянизмами приводятся и формы, могущія одинаково хорошо принадлежать старому русскому языку, какъ родит. падежи *со тыя горы, со высокія,* неопредѣл. наклоненіе на *-ти,* прошедшее описательное *поѣхали были* или частицы въ родѣ *почто, буде* и т. д.

Далѣе находимъ у Буслаева примѣры славянизмовъ, подобранные изъ разныхъ писателей: Ломоносова, Жуковскаго, Мерзлякова, Пушкина, Карамзина (Исторія Государства Россійскаго), причемъ опять (особенно у послѣдняго) настоящіе славянизмы приводятся рядомъ съ особенностями старорусскими и просто народными, какъ эпитеты—*сабли свѣтлыя,* тавтологіи—*возить навозъ* или *судить и рядить землю,* обычныя выраженія—*отъ мала до велика* и т. д., какъ народное слово приведено даже *прохлада* (стр. 307). Точное разграниченіе и классификація матеріала просто и не входили въ задачи Буслаева, желавшаго только показать, какъ можно утилизировать имѣвшійся уже тогда матеріалъ при обученіи отечественному языку. Глава „Исторія архаизмовъ“ заключается слѣдующимъ общимъ выводомъ относительно ихъ роли въ литературномъ языкѣ въ разныя времена: „если мы сличимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина: увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ИГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью“.

Несмотря на свою поверхностность и недодѣланность, указанныя замѣчанія Буслаева являются интересными, какъ первая попытка прослѣдить исторически судьбу и значеніе славянизмовъ въ русскомъ народномъ и особенно литературномъ языкѣ.

Хотя, со времени появленія въ свѣтъ книги Буслаева, прошло уже 47 лѣтъ, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ ни одного труда, который разработалъ бы лишь отчасти набросанный имъ здѣсь планъ.

Въ появившемся спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ книги Буслаева, извѣстномъ изслѣдованіи Аксакова „Ломоносовъ въ

исторіи русской литературы и русскаго языка“ [1]) идетъ весьма часто рѣчь о церковнославянскомъ языкѣ и его отношеніи къ русскому. Правда, разсужденія Аксакова страдаютъ извѣстной абстрактностью, оторванностью отъ реальныхъ фактовъ языка, но до него никто еще не посвящалъ такъ много вниманія данному вопросу въ смыслѣ его общаго, національнаго, литературнаго и психическаго значенія. Цѣль Аксакова была показать постепенное образованіе современнаго русскаго главнымъ образомъ литературнаго, языка путемъ проникновенія народныхъ элементовъ въ книжный церковнославянскій языкъ; всю исторію русскаго литературнаго языка, которой посвящена большая часть книги, онъ разсматриваетъ какъ извѣстный подготовительный періодъ; дѣятельность Ломоносова завершаетъ этотъ періодъ и придаетъ русскому языку ту окончательную форму и отдѣлку, которая даетъ ему право считаться самостоятельнымъ, самобытнымъ цѣлымъ. Но научныя убѣжденія Аксакова были слишкомъ неопредѣленны, ему недоставало строгой филологической выправки и систематическихъ знаній. Поэтому мы наталкиваемся у него на необъяснимыя противорѣчія. Самая цѣль Аксакова была совершенно противоположна нашей цѣли — показать значеніе славянизмовъ въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Указать руководящіе взгляды Аксакова на отношенія русскаго и церковнославянскаго языковъ не совсѣмъ легко; такъ разбросано ихъ изложеніе, изобилующее, какъ мы уже сказали, слишкомъ оторванными отъ реальной основы разсужденіями. На стр. 40-й Аксаковъ указываетъ, что „церковныя книги, богослуженіе, однимъ словомъ вся христіанская письменность была перенесена къ намъ на языкѣ церковно-Славянскомъ (въ примѣчаніи Аксаковъ отказывается входить въ изслѣдованіе, „къ какому собственно нарѣчію Славянскому должно отнести языкъ, на который переведены церковныя наши книги“; онъ утверждаетъ только, „что этотъ языкъ никогда не былъ языкъ Русской, отдѣлялся отъ него по-крайней-мѣрѣ такъ, какъ особое нарѣчіе“, и надѣется доказать это отчасти въ послѣд-

[1]) Москва. 1846. 8°. 517 стр. + IV ненумерованныхъ

ствіи), языкѣ не нашемъ, который сталъ такимъ образомъ сокровищницей святыни религіи, хранителемъ ея среди толпы народной, понятный, но недоступный для нея, гремѣвшій для нея въ храмахъ, гдѣ съ благоговѣніемъ внимала она его звукамъ. Церковно-Славянскій языкъ, перенесенный къ народу, имъ неговорившему и посвященный на служеніе вѣчному, проникнутый вѣчнымъ, божественнымъ содержаніемъ, былъ оторванъ тѣмъ отъ случайности, оторванъ отъ измѣненій, налагаемыхъ преходящимъ, увлекающимъ съ собою все, что не отдѣлилось отъ него, — и остался неизмѣненъ и вѣченъ въ своей первобытной формѣ [1]); всякое слово тамъ освятилось, всякое выраженіе, свободное отъ обыденнаго употребленія, приняло важный, торжественный характеръ; все случайное (?) языка отброшено было въ сторону отъ языка церковно-Славянскаго; на немъ нельзя было разговаривать, употреблять его выраженіемъ своихъ страстей и минутныхъ мимоидущихъ движеній, и даже болѣе важныхъ житейскихъ дѣлъ. Чудное зрѣлище въ самомъ дѣлѣ представляетъ этотъ языкъ, весь освятившійся вѣчнымъ содержаніемъ, всего его проникнувшимъ, языкъ, понятный для народа, но никогда не сходящій въ міръ его нуждъ и заботъ, никогда не могущій сдѣлаться орудіемъ его затѣй и намѣреній (слѣдуетъ сравненіе съ прекрасными, но недоступными небесами)" и т. д. Немного дальше: „По этому когда мы входимъ только въ самый языкъ церковно-Славянскій, оторванный, т. с. какъ небо отъ земли, отъ всего случайнаго, мы чувствуемъ уже себя перенесенными въ другой міръ, гдѣ все вѣчно, гдѣ все, какъ въ храмѣ, въ которомъ онъ раздается, освящено присутствіемъ безконечнаго божества и т. д." Мы нарочно дѣлаемъ эту длинную цитату, могущую служить образчикомъ разсужденій Аксакова. Дальше, на стр. 43-й находимъ нѣсколько болѣе опредѣленное замѣчаніе о смѣшеніи элементовъ природнаго и церковнославянскаго: „Мы не можемъ отрицать того, что въ рѣчи людей, знакомыхъ съ духовной письменностью, встрѣчались часто, такъ что рѣчь

---

[1]) Аксаковъ упускаетъ здѣсь совсѣмъ изъ виду тѣ глубокія измѣненія, которымъ съ теченіемъ времени подвергся старославянскій языкъ подъ вліяніемъ народныхъ языковъ—новоболгарскаго, сербскаго, русскаго.

пестрѣла, выраженія церковнаго языка; но эти выраженія встрѣчались, какъ цитаты, которыя не проникаютъ самую рѣчь и остаются ей чуждыми, какъ бы цитаты изъ Латинскаго и другихъ иностранныхъ, положимъ хоть и соплеменныхъ, языковъ. Или же это были слова, слѣдствіе привычки, притязанія, а иногда и особеннаго пристрастія: точно такъ, какъ мы и теперь вмѣшиваемъ слова иностранныхъ языковъ въ нашъ разговоръ". Едва ли однако это замѣчаніе можно признать основательнымъ во всемъ его значеніи; несомнѣнно, что извѣстные славянизмы укоренились и пріобрѣли права гражданства въ разговорномъ языкѣ еще очень давно, такъ что никакъ не могли считаться и чувствоваться „какъ бы цитатами". Взглядъ Аксакова, выраженный въ приведенной выше выдержкѣ о родственности, понятности, но недоступности церковнославянскаго языка, повторяется въ его книгѣ весьма часто. То же, только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, читаемъ на стр. 75, 247—248, 393 и т. д. На стр. 76-й и слѣд. находимъ разсмотрѣніе случаевъ, въ которыхъ употреблялись языки церковный и природный, имѣющее значеніе главнымъ образомъ историко-литературное. Указывается, что „на языкѣ церковномъ выразилась вся религіозная письменность", все религіозное содержаніе, все, что входило въ область церкви": Евангеліе и другія священныя книги, писанія святыхъотцовъ, благочестивыя поученія и размышленія, а также и лѣтописи, ибо и онѣ входили „въ міръ религіознаго созерцанія" и были „проникнуты духомъ церкви". Только „иногда, когда приводится чья нибудь рѣчь (въ лѣтописи), языкъ на которомъ была произнесена она, прорывается отдѣльно, болѣе или менѣе удаляя и потрясая формы языка церковно-Славянскаго, на которомъ пишется повѣствованіе"... „Надо прибавить, что кромѣ того церковно-Славянскія выраженія встрѣчаются и въ простой, народной рѣчи; но объ этомъ говорили мы выше (см. цитату изъ стр. 43-й) и, надѣемся, объяснили это" (стр. 77). На стр. 79-й находимъ опять приведенное уже выше мнѣніе о различіи русскаго и старославянскаго языковъ: „языкъ церковно-Славянскій и языкъ Русской, въ которыхъ выразилось это раздѣленіе слога (на церковный и народный), были два разные языка или два разныя нарѣчія, если называть

такъ языки одной вѣтви“. Аксаковъ опять уклоняется далѣе отъ рѣшенія вопроса, какому именно славянскому народу принадлежалъ языкъ церкви (едва ли онъ и имѣлъ тогда какое нибудь опредѣленное мнѣніе по этому предмету), и переходитъ къ доказательству различія старославянскаго отъ русскаго, насколько это кажется ему нужнымъ. Это доказательство, однако, очень неопредѣленно и голословно. Аксаковъ утверждаетъ только: „языкъ Славянскій и языкъ Русской различны между собою, это видно съ перваго взгляда и при поверхностномъ вниманіи“ (стр. 79—80). Представленіе отличительныхъ признаковъ дѣйствительно весьма „поверхностно“: „разницу между церковно-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ прежде всего встрѣчаемъ мы въ словахъ самихъ. Часто слова эти переплетаются по двумъ языкамъ словопроизводными связями, но между прочимъ двойственность многихъ словъ очевидна и ясно указываетъ на различіе этихъ двухъ языковъ“. Примѣрами служитъ Аксакову: *плечо, рамо; очи, глаза.* Такая „двойственность“, по мнѣнію Аксакова, „говоритъ прямо противъ неправильнаго предположенія, что, можетъ быть, Русскіе говорили въ старину по-церковно-Славянски“. Приведенныя выдержки характеризуютъ научные пріемы Аксакова. „Прежде всего“ онъ берется за самый ненадежный и несущественный признакъ—лексическое различіе, по его убѣжденію говорящее „прямо“ въ пользу различія и народовъ, и языковъ. Напротивъ, единственный надежный критерій—фонетическій, оставляется имъ безъ вниманія: „Мы не вдаемся въ подробное разсматриваніе лексикографическаго (?!) различія двухъ языковъ, разности произношенія, какъ *глава* и *голова, брада* и *борода*—разницы самостоятельной то-же; это въ такомъ значеніи до нашего предмета не относится (?!); достаточно просто одного очевиднаго признанія этого различія“ (стр. 80—81). Больше вниманія посвящаетъ Аксаковъ различіямъ морфологическимъ, опять критерію не вполнѣ надежному, что онъ признаетъ и самъ, находя отношенія „болѣе измѣняемыми, болѣе неопредѣленными и потому болѣе подверженными сомнѣнію“ (стр. 81). Но и здѣсь пріемы Аксакова страдаютъ недостаткомъ настоящей научной строгости. Онъ сравниваетъ формы старославянскія съ формами новорусскими и приходитъ на этомъ

основанiи къ убѣжденiю объ исконномъ различiи русскаго отъ старо-славянскаго, забывая, что между тѣми и другими формами лежитъ по меньшей мѣрѣ тысяча лѣтъ. „Настоящiй Русскiй языкъ“ Аксаковъ ищетъ только въ пѣсняхъ и въ сказкахъ; попытки поискать его въ памятникахъ нашей древней письменности у него не находимъ, да онъ и не былъ въ состоянiи разобраться въ матерiалѣ, даваемомъ ими. Такимъ образомъ, если его выводъ о различiи русскаго и старославянскаго языковъ и вѣренъ, то это совершенно случайно, и результатъ этотъ полученъ помимо приводимыхъ доводовъ. Какъ однако ни поверхностно представленiе о различiяхъ между этими двумя языками, находимое нами у Аксакова, но все-таки оно у него было. Поэтому въ высшей степени неожиданнымъ является встрѣчаемое нами на стр. 119-й утвержденiе, что Остромирово Евангелiе представляетъ собой самый чистый старославянскiй языкъ: „чуждаго элемента, нарушающаго единство языка, мы не встрѣчаемъ, и, списанное для посадника Остромира, Русскаго, оно не имѣетъ руссицизмовъ. Евангелiе Остромирово представляетъ намъ церковно-Славянскiй языкъ во всей его чистотѣ; всѣ особенности его, о которыхъ хотя не вполнѣ мы говорили, всѣ хранятся тамъ“. Но сейчасъ же, однако, Аксаковъ замѣчаетъ, что „и Евангелiе Остромирово представляетъ иногда исключенiя изъ правилъ языка, въ немъ являющiяся,—ошибки, если смѣть такъ сказать (!!); это были можетъ быть видоизмѣненiя, можетъ быть, вслѣдствiе особыхъ правилъ и основанiй“. Единственный „руссицизмъ“ находитъ Аксаковъ только въ припискѣ къ Остромирову Евангелiю: „здѣсь вдругъ встрѣчается намъ употребленiе, несвойственное духу языка Остромирова Евангелiя, употребленiе, принадлежащее Русской рѣчи, ворвавшейся въ языкъ церковно Славянской, явившей, что подъ нимъ современно была самобытная живая рѣчь, и оставившей такимъ образомъ первый, хотя блѣдный, свой памятникъ: это предложный падежъ безъ предлога, который почти не встрѣчается въ Евангелiи Остромировомъ, именно при собственныхъ именахъ, гдѣ предложный падежъ употребляется почти всегда съ предлогомъ, употребленiе, носящее на себѣ признакъ юности, неразвитости языка, что и былъ нашъ языкъ въ отношенiи къ церковно-Славянскому“ (стр. 120). Но указанная особенность

никакъ не можетъ считаться исключительно русской, такъ что въ данномъ случаѣ А—въ опять сдѣлалъ ошибку. Также ошибочно утвержденіе (стр. 126), что „форма именительнаго падежа въ винительномъ, явленіе не церковно-Славянскаго языка, явленіе языка Русскаго, которое часто и долго будетъ намъ встрѣчаться (въ разсматриваемыхъ А—вымъ памятникахъ)". А—въ былъ введенъ въ заблужденіе такими случаями, какъ былинное „голова рубить" и т. д., и распространилъ понятіе и на основы мужскаго рода (стр. 124). Такихъ ошибокъ можно указать у А—ва массу, но уже приведеннаго достаточно, чтобы показать, какъ мало было у него строгой школы и основательнаго знанія предмета. Аксаковъ только намѣтилъ себѣ планъ широкаго историческаго изученія отношеній между обоими языками—письменнымъ—старо-или церковнославянскимъ и народнымъ—русскимъ. Для выполненія этого плана ему не хватило научныхъ средствъ. Оттого положительная часть разсужденія Аксакова имѣетъ только значеніе и цѣнность конспекта, черноваго наброска, сдѣланнаго изслѣдователемъ для собственнаго употребленія, но такъ и не приведеннаго въ исполненіе. Задуманъ этотъ планъ широко и смѣло, но онъ превышалъ силы исполнителя и въ силу условій времени, и въ силу недостаточности и безпорядочности его познаній. Планъ, начертанный Буслаевымъ въ его книгѣ „Объ обученіи отечественному языку", (см. выше стр. 102) слѣдовательно такъ и остался не выполненнымъ, хотя задачи Аксакова были очень близки къ задачамъ этого плана.

Годомъ раньше книги Аксакова вышло другое разсужденіе „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка" М. Н. Каткова [1]). Работа эта, представляющая для своего времени не мало дѣльныхъ замѣчаній и мыслей, по занимающему насъ вопросу даетъ скудный матеріалъ. Нѣкоторыя утвержденія представляютъ положительный шагъ назадъ не только относительно Востокова или Буслаева, но даже сравнительно со взглядами грамматикъ прошлаго вѣка. Такъ на стр. 111-й читаемъ: „Въ общепринятой нынѣ Русской рѣчи дружно бытуютъ обѣ формы (полногласная и неполногласная), изъ которыхъ одна называется обыкновенно Славянскою и принимается

[1]) Москва. 1845. 8°. 257 стр.+11.

за одинъ изъ слѣдовъ, оставленныхъ нарѣчіемъ Церковнымъ; другая же почитается за исконную коренную форму Русскую“; тѣмъ не менѣе Каткову „кажется, что обѣ формы испоконъ вѣка бытовали въ Русскомъ и равно ему принадлежатъ“. На стр. 216-й читаемъ также: „у насъ еще доселѣ (не надо забывать, что это писано 25 лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ Востоковскаго „Разсужденія о древнеславянскомъ языкѣ“, дававшаго вполнѣ достовѣрныя средства для отличенія формъ славянскихъ отъ русскихъ) не найдено мѣрила для различія собственно Русскаго нарѣчія отъ Церковнаго (были у Каткова предшественники, лучше, чѣмъ онъ, различавшіе однимъ языковымъ чутьемъ). Послѣднее такъ сопроникло съ первымъ, что во многихъ случаяхъ крайне трудно между Русскимъ и Церковнымъ провести ясную черту“. Ниже мы читаемъ: „почему древнія формы языка, какими наполнены напр. лѣтописи... непремѣнно должны быть исключаемы изъ исторіи Русскаго языка? Почему напротивъ не полагать по архаическому, преданіемъ завѣщанному типу, весьма близкому къ формамъ Кирилловскимъ, по Русскому же“.

Впослѣдствіи, черезъ 40 лѣтъ, при совсѣмъ иномъ уже положеніи славянской филологіи вообще и русской въ частности, это неясное представленіе о границахъ и отличіяхъ русскаго и старославянскаго (или „Церковнаго“ по Каткову) языковъ сказалось въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей (1885 г., № 93) по поводу юбилея Славянскихъ Первоучителей, гдѣ поддерживалось самымъ категорическимъ образомъ мнѣніе, едва ли могущее найти себѣ представителя между современными учеными, что языкъ перваго славянскаго перевода Священнаго Писанія былъ не что иное, какъ древнерусскій языкъ [1]). Подобный взглядъ является тѣмъ болѣе страннымъ, что въ 1856 году въ статьѣ о Пушкинѣ (Рус-

---

[1]) «Мы не сомнѣваемся, что языкъ этотъ (языкъ Перевода Св. книгъ) былъ первоначальный славянскій, еще не раздѣлившійся на діалекты, хотя заключавшій въ себѣ всѣ сѣмена ихъ, какъ языкъ гомерическій слитно заключалъ въ себѣ элементы еще не обособившихся діалектовъ греческихъ (?!)». И ниже: «славянскій языкъ есть также русскій, только въ его древнѣйшемъ состояніи. Всѣ древніе памятники нашей письменности писаны на этомъ языкѣ; славянскій языкъ есть славянорусскій и т. д.

скій Вѣстникъ 1856, № 2) Катковъ вполнѣ основательно и въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія, разграничивалъ церковнославянскій языкъ, языкъ древней русской письменности, отъ народнаго и говорилъ, что по его „убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства“ (стр. 320) [1].

Замѣчаній, которыя можно признать вѣрными, у Каткова немного. Такъ на стр. 48-й находимъ замѣчаніе о принадлежности разнымъ языкамъ окончаній прилагательныхъ *-ій* и *-ей:* „извѣстно въ нашемъ языкѣ колебаніе голоса (!) между *е* -*і*. Оба эти элемента сходятся въ посредствующемъ *ѣ* -ѣ. Мѣстоименіе *сь*, опредѣляясь, становится въ Церковно-Славянскомъ *сій*, въ Русскомъ—*сей*. Ср. Церковно-Славянскія и нынѣ употребляемыя формы — *Василій, бывшій* и пр. со Старо-Русскими *Василей, бывшей* и пр.“.

На стр. 97—98 читаемъ: „*жд* не только удержалось въ Церковномъ нарѣчіи, но и перешло отчасти въ общепринятое Русское“. Ниже: „общепринятое Русское нарѣчіе допустило (!) звукъ (!) *щ* въ большей части (?) случаевъ, гдѣ его оказываетъ Церковное“. Общій очеркъ исторіи образованія народнаго и книжнаго русскаго языка въ связи съ исторіей видоизмѣненія старославянскаго въ новый церковнославянскій (языкъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ) находимъ у И. И. Срезневскаго въ его „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“ [2]. Указаній на факты языка здѣсь немного (два, три лексическихъ заимствованія—*понеже, поелику, щ* и *жд* смѣ-

---

[1]) «То, что теперь называемъ мы русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе церковнославянское. Не менѣе извѣстно, что это нарѣчіе существенно разнилось отъ народнаго... едва ли кто видитъ теперь въ церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ славянскихъ нарѣчій церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ русскимъ; по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства». Ниже на стр. 323: «русскій языкъ не состоитъ ни въ простонародной, ни въ церковнославянской рѣчи, а есть нѣчто новое, среднее, нѣчто происшедшее отъ ихъ соединенія, при многихъ другихъ историческихъ вліяніяхъ».

[2]) Гл. VI, стр. 92—102 отдѣльнаго изданія (Спб. 1850. 8°, стр. 210); гл. VI, стр. 152—162 перваго изданія (Актъ въ Императорскомъ С.-Петерб. Университетѣ 1849 г. 8°).

сто *ч* и *ж* и *ре, ле* вмѣсто *ере, оло*). Между прочимъ Срезневскій исходитъ изъ едва ли вѣрнаго и во всякомъ случаѣ трудно доказуемаго положенія, что древній русскій языкъ былъ гораздо ближе къ старославянскому, чѣмъ всѣ остальныя славянскія нарѣчія „и по составу, и по строю“. Между тѣмъ достаточно указать хотя бы на такія коренныя отличія, какъ разница между старославянскими и русскими соотвѣтствіями первичныхъ сочетаній Vocalis+cons. liquida (разница, отсутствующая въ чешскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и словинскомъ) или первичныхъ tj, dj (отсутствующая въ болгарскомъ), чтобы поколебать это положеніе. Въ связи съ этой мыслью Срезневскій утверждаетъ, что „отъ этого, сколько ни мѣшались одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ письменности, элементы Старославянскій и чисто Русскій, языкъ этихъ произведеній сохранялъ свою правильную стройность всегда, когда... не проникалъ въ него... элементъ Греческій“. Едва ли также кто согласится съ Срезневскимъ, что первой причиной удаленія языка письменнаго отъ народнаго были нѣкоторыя „уклоненія отъ правилъ общеславянской стройности языка, обязанныя своимъ происхожденіемъ греческому вліянію и касавшіяся сначала только слога, а потомъ и нѣкоторыхъ правилъ словосочетанія“. Ниже однако встрѣчаемъ оговорку, хотя и неясную по смыслу, благодаря отсутствію примѣровъ: „впрочемъ до тѣхъ поръ, пока въ языкѣ народномъ сохранялись еще древнія формы, языкъ книжный поддерживался съ нимъ въ равновѣсіи, составлялъ съ нимъ одно цѣлое“.

Болѣе всего матеріала встрѣчаемъ у Буслаева въ его Исторической грамматикѣ русскаго языка [1]), хотя освѣщеніе его далеко не всегда правильно. Такъ, въ § 10 (стр. 14) находимъ замѣчаніе о формахъ *прежній* и *преждній:* „по закону смягченія *д* въ *жд* и въ *ж*, *преждній* (отъ слова *предъ*) есть форма церковнославянская, въ отличіе отъ русской—*прежній* (NB): а *преже* (NB) и *переже* формы русскія вмѣсто церковнославянской *прежде*, усвоенной современнымъ употребленіемъ, по вліянію языка книжнаго

[1]) Первое изданіе: Москва 1858. 8°; второе, съ вполнѣ передѣланной первой частью, Москва 1863. 8°, 259+374, третье М. 1868, четвертое М. 1875 и т. д. Мы пользовались вторымъ изданіемъ.

(§ 36)". Въ приведенной выдержкѣ невѣрно опредѣленіе формъ *прежній* и *преже* какъ русскихъ формъ. Форма *прежній* легко можетъ быть дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ формы *преждній* въ силу исчезновенія *д* между согласными (ср. *поздній, праздный*, которыя произносятся póz'n'ъj, práznъj), такъ что *ж* въ этомъ словѣ не есть еще непремѣнно русское соотвѣтствіе первичнаго *dj* и одинаково можетъ быть результатомъ вторичнаго фонетическаго процесса (исчезновеніе одного изъ членовъ согласной группы). Кромѣ того мы находимъ въ этомъ словѣ, вмѣсто ожидаемой русской вокализаціи *пере-*, старославянскую форму плавнаго сочетанія *пре* (прѣ), имѣющуюся и въ *преже*. Послѣдняя форма представляетъ какъ бы компромиссъ между славянской и русской формами: *жд* замѣнено здѣсь *ж*, а *пре-* осталось.

Въ слѣдующемъ § 11-мъ (стр. 15) встрѣчаемъ аналогичное замѣчаніе о параллелизмѣ формъ *между* и *межъ*, изъ которыхъ первая признается Буслаевымъ за церковнославянскую. Общія замѣчанія объ отличіи русскаго языка отъ церковнославянскаго и отношеніи нашихъ писателей: Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Жуковскаго и Крылова къ славянизмамъ находимъ въ § 17 (п. 4, стр. 23).

Параллелизмъ предлоговъ *раз-* и *роз-*, имѣющійся только въ литературномъ или книжномъ русскомъ языкѣ, не понятъ Буслаевымъ (§ 24. 2, стр. 29). Вмѣсто того, чтобы искать ему объясненія въ заимствованіи первой формы изъ церковнославянскаго, онъ даетъ фонетическое объясненіе, выводя *о* формы *роз-* изъ *а* формы *раз-* и признаетъ первую за вторичную, что совершенно невѣрно. Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому же § (стр. 29) также невѣрно объясненіе формъ *ровный* и *розный* рядомъ съ формами *равный* и *разный*. Хотя еще Максимовичъ (см. выше, стр. 94) объяснялъ подобныя формы совершенно правильно, Буслаевъ видитъ здѣсь опять фонетическое явленіе и выводитъ *о* русскихъ формъ изъ *а* славянскихъ: „а переходитъ въ о въ словахъ..." Кромѣ того здѣсь находимъ также смѣшеніе разнороднаго матеріала; такъ формы *дубра́ва* и *дуброва* принадлежатъ совсѣмъ къ другой категоріи, чѣмъ формы *равный* и *ровный* или *разъ* и *розъ*.

Въ § 29. 4 (стр. 51), посвященномъ явленію такъ наз. русскаго полногласія, встрѣчаемъ довольно полное, хотя нѣсколько сбивчиво и неясно формулированное представленіе взаимныхъ отношеній между церковнославянскими заимствованными, неполногласными и природными русскими, полногласными формами. Буслаевъ различаетъ въ книжномъ и литературномъ русскомъ языкѣ три категоріи: 1) церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскихъ: *владѣть*, *прежде* и т. д., 2) русскія формы, употребляемыя вмѣсто церковнославянскихъ (?!): *корова*, *ворона* и т. д., 3) параллельныя полногласныя и неполногласныя формы („и тѣ и другія“): *пламя* и *поломя*, *младшій* и *моложе*. Въ этомъ дѣленіи удивляетъ своей ненадобностью и нелогичностью вторая категорія; выраженіе „вмѣсто церковнославянскихъ“ заставляетъ предполагать, что Буслаевъ считаетъ русскія формы *корова*, *ворона* вторичными и ожидалъ бы видѣть на ихъ мѣстѣ церковнославянскія. Между тѣмъ онѣ искони были въ русскомъ языкѣ и совсѣмъ не появлялись „вмѣсто“ какихъ либо формъ. Очевидно, категорія эта придумана только для симметріи.

Ниже находимъ попытки установить критерій для отличенія русскихъ формъ отъ славянскихъ. Главный наиболѣе надежный и положительный критерій—сравнительно-фонетическій оставленъ совсѣмъ безъ вниманія. Буслаевъ принимаетъ только два признака: 1) значеніе, напр. *норовъ* и *нравъ*, *порожній* и *праздный*... и 2) употребленіе „въ рѣчи книжной и витіеватой: *брегъ*, *глава*“... и въ „разговорной: *берегъ*, *голова*“. Указывается также на значеніе этихъ заимствованій въ семасіологическомъ отношеніи: „слова нравственнаго значенія, напр. *бремя*, *владѣть* и проч., приняли форму церковнославянскую; а слова, имѣющія значеніе вещественное и употребляемыя въ ежедневной рѣчи, напр. *воробей*, *горохъ*, *корова* и проч., удержали форму русскую. Въ привѣтствіяхъ: „*здравствуйте*“, „*здравія* желаю“ и „*здорово* живешь“, употребляется и та и другая форма, для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи“.

Въ слѣдующемъ, пятомъ пунктѣ (стр. 51—52) указывается на постепенное исчезновеніе неполногласныхъ славянскихъ формъ

изъ русскаго литературнаго языка: „въ нашемъ литературномъ и особенно въ стихотворномъ языкѣ долго господствовали формы церковнославянскія, каковы *брегъ, глава, младъ* и проч., но со времени Пушкина стали свободнѣе употребляться полногласныя чисто русскія“.

Въ шестомъ пунктѣ (стр. 52) указывается на присутствіе неполногласныхъ формъ въ народномъ языкѣ, которыя однако Буслаевымъ принимаются за „остатки старины“ (а не заимствованія?): „.... нѣкоторыя краткія формы, какъ остатки старины, допускаетъ и просторѣчіе. Напр., въ пѣсняхъ встрѣчаемъ: „злато-серебро“, „младъ ясенъ соколъ“; „я млада-младенька“—„молодой-младой Солодовниковъ“. Рыбн. I. 86“.

На стр. 61-й въ § 32 признаются остатками церковнаго языка, болѣе употребительными въ книжной рѣчи, формы *одѣяніе, даяніе.* Признакомъ ихъ чуждаго происхожденія для Буслаева служитъ „вставное для благозвучія“ j, которое онъ считаетъ явленіемъ только церковнославянскимъ, тогда какъ въ русскомъ должно бы ожидать вмѣсто j—*в*. Но съ этимъ трудно согласиться въ виду природныхъ русскихъ формъ со „вставнымъ“ j, какъ *вѣять, сѣять, таять* и т. д. Тѣмъ не менѣе формы *одѣяніе* и *даяніе* должны быть признаны церковнославянскими, но на основаніи суффикса *-ніе,* вмѣсто котораго въ русскомъ языкѣ должно бы быть *-нье.*

Не совсѣмъ вѣрно также противопоставленіе формы *вострый,* какъ исключительно народной, будто бы книжной формѣ *острый,* а также утвержденіе, что *вострый* „преимущественно имѣетъ значеніе вещественное (а *вострýха, вострýшка?*), а *острый*—нравственное“ (тамъ-же § 32. 2. стр. 61).

Церковнославянскія формы съ *жд* и *шт,* вмѣсто русскихъ *ж* и *ч,* разсматриваются въ § 36 (стр. 67 и слѣд.). Указывается въ началѣ § на необходимость „при изученіи русскаго языка.... вникать въ отличіе смягченныхъ формъ русскихъ отъ церковнославянскихъ, въ отличіе, проникающее весь составъ того и другаго языка; такъ напр. въ образованіи прилагательныхъ: *надежн-ый, нуж-ный, преж-ній* (а не *надеж-дный, нуж-дный, прежд-ній*) отъ русскихъ формъ: *надежа, нужа, преже* (ср. относительно

послѣдней формы сказанное выше на стр. 112); въ образованіи дѣепричастій: русское окончаніе дѣепричастій настоящаго времени, на *-чи*, соотвѣтствуетъ цсл. причастію наст. времени женскаго рода, на *-щи*; напр. **творящи**, *дѣлаючи* и проч.".

Далѣе довольно подробно разсматриваются формы церковнославянскія и русскія, сообразно ихъ распредѣленію по различнымъ эпохамъ и памятникамъ русской письменности, а также разнымъ нарѣчіямъ и говорамъ: въ пунктахъ 1-мъ и 2-мъ приводятся примѣры русскихъ *ж* и *ч* въ Остромировомъ Евангеліи и другихъ памятникахъ русской рецензіи. При этомъ обращается вниманіе на присутствіе въ этихъ памятникахъ такихъ формъ, которыя въ настоящее время въ книжномъ или литературномъ языкѣ вытѣснены совсѣмъ церковнославянскими, какъ напримѣръ *вожь* вм. *вождь*, *переже* вм. *прежде*, *межю* и *межу* вм. *между*, *нужа* вм. *нужда*, *жажа* вм. *жажда*, *вѣчати*, *обѣчати*, вм. *вѣщати*, *обѣщати* и проч.

Въ пунктѣ 3-мъ (стр. 69) указывается на тотъ фактъ, что „областное просторѣчіе, въ отношеніи къ смягченію зубныхъ въ шипящіе, стоитъ ближе къ языку древнерусскихъ памятниковъ, нежели къ современному книжному; напр. *межу* или *межи*, *пе-реже* или *перёжъ*, *нужа*, *собча*, вм. *между*, *прежде*, *нужда*, *сообща*.

Въ пунктѣ 4-мъ (стр. 69) указывается на присутствіе и въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ языкѣ формъ съ русскими рефлексами *dj*. Форма *чуждый*, представляющая собой компромиссъ между русской формой *чужой* и старославянской **штоуждь**, даетъ поводъ Буслаеву находить, что „какъ церковнославянскій, такъ и русскій законъ смягченія иногда оказываются даже въ одномъ и томъ же словѣ" (!) и что *д* здѣсь „смягчилось въ *жд*, по церковнославянскому закону, а *т* въ *ч* по русскому". Въ дѣйствительности же, какъ форма *чуждый*, такъ и приводимая Буслаевымъ форма изъ Остромирова Евангелія **щоужни** обязаны своимъ происхожденіемъ недоведенной до конца передѣлкѣ старославянской формы **штоуждни** на русскій ладъ. Такія неполныя передѣлки не рѣдкость

въ нашихъ древнихъ памятникахъ (**млажайшии** вм. *моложайшій* или **млаждайшии**).

Въ пятомъ пунктѣ (стр. 69—70) обращается вниманіе на присутствіе въ составѣ современнаго литературнаго языка параллельныхъ формъ съ церковнославянскими и съ русскими соотвѣтствіями первичнымъ *dj, tj*.

Буслаевъ дѣлитъ относящійся сюда матеріалъ на такія же три категоріи, какія мы видѣли выше, когда дѣло шло о формахъ полногласныхъ и неполногласныхъ. Къ первой категоріи онъ относитъ церковнославянскія формы, употребляемыя вмѣсто русскихъ; напр. *прежде* вм. *преже* (должно бы быть *переже*), *между* вм. *межу, вѣжди* вм. *вѣжи, нужда* вм. *нужа, вѣщать* вм. *вѣчать, смущеніе* вм. *смученіе*; *общій, община* вм. народныхъ *обчій, обчина*. Замѣчая при этомъ, что „впрочемъ въ просторѣчіи, напр., въ пск. твер. говорится и *обча́* и *обща́, общу́ха*, купленное что либо съобща, арханг. *общиться*—соединяться, сообщаться“, Буслаевъ, однако, ни слова не говоритъ о томъ, какими онъ считаетъ эти формы—природными или заимствованными изъ церковнославянскаго. Вторая категорія Буслаева—русскія соотвѣтствія вмѣсто церковнославянскихъ (напр. *вижу* вм. *вижду, клажа* вм. *клажда, кража* вм. *кражда, хочу* вм. *хощу, отвѣчать* вм. *отвѣщать* и проч.) такъ же излишня, какъ и разсмотрѣнная выше (стр. 113) категорія полногласныхъ формъ вмѣсто неполногласныхъ, и создана только для симметріи, а не изъ научной необходимости. Къ третьей категоріи Буслаевъ относитъ параллели формъ церковнославянскихъ и русскихъ, напр. *между* и *межъ, тождество* и *тожество, невѣжда* и *невѣжа, чуждый* („форма полурусская“, замѣчаетъ Буслаевъ) и *чужой, со-кращать* и *у-корачивать, помощь* и *помочь* и пр.

Такъ же, какъ выше при разсмотрѣніи полногласныхъ и неполногласныхъ формъ, Буслаевъ устанавливаетъ отличительные признаки заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ: „смягченныя формы церковнославянскія большею частью отличаются, въ образованномъ языкѣ, отъ русскихъ, какъ 1) по значенію; напр. *гражданинъ* и *горожанинъ, невѣжда* и *невѣжа*; такъ и 2) по употребленію: принадлежа языку книжному, онѣ болѣе

приличны рѣчи искусственной; напр. *вѣщать, услаждать, чуждый, поглощаю* (при русской формѣ: *проглочу*) и проч. Впрочемъ многія формы стали достояніемъ языка образованнаго вообще; каковы напр. *жажда, нужда, между*; причастія на *-щій*; напр. *дѣлающій, говорящій* и др.“.

Выборъ признаковъ, а также и распредѣленіе матеріала сообразно имъ, страдаютъ здѣсь тѣмъ же недостаткомъ, который мы нашли выше въ формулировкѣ Буслаева различій между природными полногласными и заимствованными неполногласными формами (стр. 112),—неточностью и сбивчивостью. Такъ оставленъ совершенно безъ вниманія критерій фонетическій; формы *вѣщать, услаждать, чуждый* и т. д. отличаются не однимъ употребленіемъ отъ соотвѣтствующихъ природныхъ формъ, а также и значеніемъ.

Въ примѣчаніи четвертомъ (стр. 70) неправильно приведено слово *дождь*, въ которомъ будто бы „*д* смягчается въ *ж* и *ч*“ (!).

Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 70—71) утверждается, что смягченіе *д* въ *жд*, свойственное церковнославянскому языку, уцѣлѣло въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ русскаго“. Приводимые примѣры однако всѣ объясняются, хотя и не непосредственнымъ заимствованіемъ, но все же уподобляющимъ вліяніемъ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго формъ; *жд* въ арханг. *урождай*, псковск. тверск. пенз. *забиждать*, тверск. *поваждать*, сибирск. *прихождане, неурождай*, рязанскомъ *обижда, обиждать* вовсе не фонетическаго происхожденія и является результатомъ морфологической ассимиляціи (аналогіи). Ничего общаго съ церковнославянскимъ не имѣетъ „особенно любопытный остатокъ ранняго церковнославянскаго смягченія *жд* вм. *жж* въ олон. *пріѣждялъ, проѣждялъ* и т. д. Рыбниковъ. II. 253. 255“, такъ какъ написанія Рыбникова представляютъ собой только несовершенную попытку передать средствами обыкновеннаго русскаго алфавита усиленное палатальное произношеніе сочетанія согласныхъ ž' и ǯ' (ж'д͡ж').

Въ § 37. В (стр. 71) находимъ невѣрное утвержденіе, что „на второй ступени смягченія, *т* переходитъ въ *щ*; напр. *запрещать*“, такъ какъ форма эта заимствована изъ церковнославянскаго. Перечисленными замѣчаніями исчерпывается матеріалъ, находимый нами

въ первой главѣ грамматики г. Буслаева, трактующей о „звукахъ и соотвѣтствующихъ имъ буквахъ“. Вторая глава, посвященная „образованію словъ“, даетъ также не мало матеріала, не всегда однако правильно освѣщеннаго. Такъ слишкомъ категорично признаніе церковнославянскими звуковъ *-ес-* въ основахъ косвенныхъ падежей отъ *тѣло, слово* (§ 44. 1. 2. стр. 89), потому что присутствіе основъ на es- въ русскомъ языкѣ несомнѣнно въ виду формъ въ родѣ *колёса, колёсный* и т. д., если и вѣрно, что основы *тѣло, слово, чудо, небо,* въ ихъ полномъ видѣ чужды русскому языку, такъ какъ очень рано совпали съ основами ср. рода на о-.

Въ § 55. 1. (стр. 104—105), трактующемъ о причастіяхъ, указывается на церковнославянское происхожденіе ихъ суффикса *-щій,* которому въ русскомъ народномъ языкѣ должно отвѣчать *-чій.* Но въ примѣчаніи 1-мъ къ этому § (стр. 105) утверждается (совершенно невѣрно), что, рядомъ съ прилагательными на *-чій,* „народный языкъ *сохранилъ* значительное число со звукомъ *щ* вм. *ч,* напр. *завидущій, загребущій, распадущій, некладущій, трепущій, умирущій, бдѣющій, бдющій, бодущій, забыдящій, забудущій* и т. д.“.

Во второмъ отдѣлѣ этого §, пунктъ 1 (стр. 106) находимъ замѣчаніе о формахъ причастія прошедшаго *падшій* и *павшій,* изъ которыхъ первая признается церковнославянской.

Церковнославянское происхожденіе признаетъ Буслаевъ и за причастіями настоящаго времени страдательнаго залога (стр. 108. Примѣч. 5): „причастія наст. страд. залога собственно принадлежатъ церковнославянскому языку, и только по вліянію его употребляются въ нашемъ образованномъ и книжномъ. Просторѣчіе даетъ имъ видъ прилагательныхъ“.

Въ § 60-мъ (стр. 126) находимъ различеніе окончаній *-ье* и *-іе;* первое Буслаевъ признаетъ природнымъ русскимъ, а второе церковнославянскимъ, усвоеннымъ въ книжной рѣчи.

Въ примѣчаніи 4-мъ къ этому § (въ концѣ, стр. 127) рекомендуется отличать отъ народныхъ формъ въ родѣ *замужье, пабѣдье, полусотье* и т. д. „неорганическія, позднѣйшія, составленныя въ духовныхъ стихахъ съ видимою цѣлью поддѣлаться подъ

книжный ладъ; напр. *словіе, желчіе,* вм, слово, желчь. Кал. I. 72. V. 203".

Въ § 62 п. 4 (стр. 130) признаются церковнославянскими прилагательныя *древесный, словесный, тѣлесный:* „образовавшись отъ церковнослав. формъ, эти прилагательныя отличаются въ нашемъ языкѣ оттѣнкомъ книжной рѣчи". Далѣе Буслаевъ указываетъ на невозможность произведенія такихъ прилагательныхъ отъ русскихъ формъ, напр. *деревесный,* и приводятся соотвѣтствующія, чисто-русскія, природныя прилагательныя: *деревянный, словный* (откуда *словно*), *небный, чудный.*

Въ § 63-мъ (пунктъ 5, стр. 133—134) указывается на ограниченіе числа „уменьшительныхъ", „ласкательныхъ", „увеличительныхъ" и „унизительныхъ" именъ въ книжной рѣчи въ силу ея приближенія „къ складу церковнославянскаго языка".

„Приставка" *пре-*, употребляемая, между прочимъ, для образованія превосходной степени: *пре-умный, пре-добрый* и т. д., о которой идетъ рѣчь въ § 69. Б. (стр. 143)—церковнославянскаго происхожденія, но Буслаевъ объ этомъ не говоритъ ничего.

Въ § 69, III. (стр. 147) признаются „остаткомъ" (что неточно) церковнославянскаго языка и свойственными рѣчи книжной и образованной такія формы превосходной степени, какъ *умнѣйшій, дражайшій, кратчайшій, младшій.*

Въ § 72, II. (стр. 154) не выдѣлено изъ другихъ нарѣчій, „замѣчательныхъ потому, что или сохранили въ своемъ составѣ древнѣйшія формы, или же, отъ давняго употребленія, такъ исказились, что въ нынѣшней ихъ формѣ едва замѣтны слѣды настоящаго, первоначальнаго ихъ состава"—нарѣчіе *вкратцѣ,* хотя и замѣчено, что оно имѣетъ церковнославянское смягченіе *к* въ *ц.* Немного ниже (стр. 155) встрѣчаемъ также въ числѣ другихъ русскихъ нарѣчій *впредь* безъ оговорки, что оно церковнославянскаго происхожденія. То же должно сказать относительно „внезапу" (стр. 155) или *предъ, прежде* (§ 73 стр. 157), *едва, развѣ* (стр. 158), *единожды, дважды, трижды* (§ 74, 159).

Въ § 76 (стр. 161) отдѣляются формы предлоговъ *пре-, предъ, чрезъ,* какъ церковнославянскія, отъ русскихъ: *пере-, передъ, че-*

резъ. Во второмъ пунктѣ а) этого § (162 стр.) указывается на церковнославянское происхожденіе префикса *из-* въ значеніи р. *вы-*: „церковнославянскія формы, вошедшія въ нашу книжную рѣчь, отличаются своимъ церковнославянскимъ оттѣнкомъ отъ чисто рускихъ формъ; напр. *избранный* и *выбранный, изложить* и *выложить, излить* и *вылить* и проч.". Указано также на разницу въ значеніи природнаго *изъ,* напр. въ формахъ *износить, извести.* Въ пунктѣ б) находимъ также правильное представленіе взаимнаго отношенія между предлогами *розъ* и *разъ,* изъ которыхъ послѣдній признается церковнославянскимъ. Но рядомъ съ этимъ не объяснено правописаніе *раз-* въ формахъ: *разбирать, раздирать, разливать, разумѣть,* которыя Буслаевъ признаетъ „равно принадлежащими какъ русскому, такъ и церковнославянскому языку" (что не совсѣмъ вѣрно).

Въ пунктѣ 3-мъ этого § (стр. 163) указано на книжное происхожденіе предлога *со-* и на принадлежность народному языку параллельной формы *су-*, но невѣрно мнѣніе, что въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ *сутулый, сукотый, супоросый* и т. д., книжная рѣчь удержала церковнославянскую форму **сѫ-**, *су-*. Церковнославянскимъ *су-* можетъ быть признано только въ немногихъ формахъ въ родѣ *супругъ, сумракъ,* въ другихъ же случаяхъ оно обыкновенно природно (какъ напр. народныя *сусѣдъ, сусѣкъ, сутолока* и т. д.).

Въ § 77. Примѣч. 5 (стр. 166) перечисляются союзы, употребляющіеся въ книжной рѣчи: *бо, да* (въ повелительномъ значеніи), *зане, ибо, поелику, понеже* и т. д.

Въ § 81, 6 (стр. 174) находимъ замѣчаніе, что „въ современномъ книжномъ языкѣ болѣе употребляются церковнославянскія сложныя реченія, переведенныя съ греческаго и реченія, составленныя по образцу ихъ въ позднѣйшія времена". Выше въ примѣчаніи 7-мъ (стр. 173) приводятся примѣры такихъ сложеній новѣйшаго происхожденія, созданныхъ по образцу церковнославянскихъ Жуковскимъ въ переводѣ Одиссеи.

Какъ видно, не всѣ замѣчанія, отмѣченныя нами во второй главѣ Буслаева, посвящены словообразованію въ тѣсномъ смыслѣ;

нѣкоторыя (о предлогахъ *изъ* и *вы-*, *розъ* и *разъ*) затрагиваютъ область семасіологіи, или фонетики (о предлогахъ *пре-*, *предъ*, *чрезъ* и т. д.).

Въ третьей главѣ книги г. Буслаева, заключающей въ себѣ ученіе объ измѣненіи словъ, находимъ гораздо менѣе матеріала, чѣмъ въ предшествующихъ двухъ. Формы церковнославянскія здѣсь далеко не всегда отличаются отъ русскихъ, и новаго, сравнительно со своими предшественниками, Буслаевъ даетъ немного.

Въ § 96 с) (стр. 227) указывается, что „въ витіеватой рѣчи наши писатели позволяютъ себѣ употребленіе нѣкоторыхъ церк.-сл. окончаній. Напр. склоненіе съ суффиксомъ *-ес-*: *словеса* вм. *слова:* у Пушкина: „и полныя святыни словеса“ IX. 172; двойств. число *крылѣ* (вм. *крылья*) неоднократно у Жуковскаго“.

Въ § 97-мъ (стр. 229) говорится о двоякомъ склоненіи слова *колѣно*, но не указано, что склоненіе *колѣна, колѣнъ* книжнаго происхожденія.

Въ § 101-мъ (стр. 246) находимъ замѣчаніе объ употребленіи краткой формы именъ прилагательныхъ и причастій: „нашъ книжный языкъ пользуется краткими формами, какъ церковнослав. языка, такъ и древнерусскаго и областнаго. Старинные писатели весьма богаты этими формами (слѣдуютъ примѣры изъ Оды на взятіе Хотина Ломоносова: „*Молдавски* горы“, „*чужи* поля“, „перо *злато*“ и т. д.); ниже: „писатели позднѣйшіе употребляютъ эти формы, или въ рѣчи витіеватой; напр. Пушкинъ въ Борисѣ Годуновѣ: „къ его одру, Царю едино зримый, явился мужъ необычайно *свѣтелъ*“ (I. 278) или же въ рѣчи разговорной, пользуясь нѣкоторыми народными выраженіями; напр. „до *бѣла* дня“.

Въ § 102, п. 3 (стр. 247) указывается на церковнославянское происхожденіе окончанія род. пад. ед. числа прилагательныхъ женск. рода *-ыя, -ія*, которое „встрѣчается и у позднѣйшихъ писателей въ книжномъ, тяжеломъ слогѣ, и даже иногда рядомъ съ окончаніемъ собственно русскимъ; напр. у Жуковскаго „блещетъ куполъ *соборныя*, *величественныя* церкви“; „онъ *слабыя*, земной руки созданье“ 2, 196, 213.

Въ § 103-мъ (стр. 248) встрѣчаемъ указаніе на „сокращеніе“

окончанія прилагательныхъ *-ій* въ русскомъ разговорномъ языкѣ и сохраненіе его въ цѣлости въ языкѣ книжномъ: „сокращеніемъ звука *и* на *ъ* отличается собственно русское склоненіе отъ церковнославянскаго: потому реченія, употребляющіяся въ разговорномъ языкѣ, имѣютъ *ъ* вм. *и*. Напр. *рыбій рыбья рыбье, рыбьяго, рыбьей, рыбьи* и проч. (вм. *рыбія, рыбіе, рыбіяго,* и проч.)".

Приведенными замѣчаніями ограничивается все, что можно найти у Буслаева относительно морфологическихъ элементовъ церковнославянскаго происхожденія, перешедшихъ въ русскій книжный и разговорный языкъ. Въ ряду этихъ заимствованій Буслаевымъ пропущено очень много, даже сравнительно съ грамматикой Ломоносова.

Замѣчаній относительно вліянія церковнославянскаго языка на синтактическій строй современнаго русскаго языка, какъ и слѣдовало ожидать по сущности самаго предмета, находимъ еще меньше.

Въ § 136 п. 2. (часть II, стр. 40) указывается на сохраненіе глагола вспомогательнаго подъ вліяніемъ строя церковнославянской рѣчи: „въ книжной рѣчи, равно какъ и въ церковномъ языкѣ, удерживается *есть* и *суть*: напр. „Грамматика есть наука", „Грамматика и Ариѳметика суть науки" (§ 202 [стр. 161]: „въ книжной рѣчи хотя и допускаются всѣ формы настоящаго времени: *есмь, еси* и проч.; но въ разговорной употребляется только *есть* напр., *есть легче, есть городъ,* въ которомъ...").

Въ § 146-мъ (стр. 51—52 второй части) находимъ очеркъ взаимныхъ отношеній между синонимами разнаго (русскаго природнаго и церковнославянскаго) происхожденія: „Отъ собственныхъ синонимовъ должно отличать такія слова, которыя употребляются у насъ въ одномъ и томъ же значеніи, но различаются по своему происхожденію, а именно:

„1) Слова русскія и церковнославянскія, или русскія общеупотребительныя, книжныя—и народныя, областныя,—напр. *лобъ* и *чело, глаза* и *очи, щеки* и *ланиты, шея* и *выя, недѣля* и *седьмица, отдохнуть* и *опочить* и мн. друг. (въ примѣчаніи 1-мъ приводятся примѣры изъ древнерусскихъ памятниковъ).

„2) Различныя формы одного и того же слова, или русскія,

напр. *берегъ, вѣтеръ, золото, серебро, одежда* (sic! Должно бы быть *одежа*) и друг., или соотвѣтствующія имъ церковнославянскія: *брегъ: вѣтръ, злато, сребро, одежда* и друг.

„Такой разнообразный запасъ словъ въ нашемъ языкѣ служитъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи; какъ-то:

„а) Въ рѣчи книжной, витіеватой, употребляются слова и формы церковнославянскія, каковы: *брегъ, чело, глаголъ, усопшій* и проч., въ отличіе отъ рѣчи разговорной, которой свойственны слова чисто русскія, каковы: *берегъ, лобъ, слово, умершій* и проч.

„Примѣчаніе 2. Впрочемъ, въ народной рѣчи употребляются и слова общія съ церковнославянскимъ, напр. *очи, уста* и друг.“.

Въ § 156-мъ (стр. 76—77) указывается на общій законъ семасіологическаго развитія языковъ — переходъ отъ конкретнаго значенія къ абстрактному, на появленіе абстрактнаго представленія въ церковнославянскомъ языкѣ, откуда оно перешло и въ современный литературный языкъ: „Въ исторіи языка періодъ изобразительнаго представленія предшествуетъ періоду отвлеченныхъ понятій. Этотъ древнѣйшій періодъ сохранился до нашихъ временъ, частію и въ письменныхъ произведеніяхъ древнерусской литературы, но преимущественно въ языкѣ народномъ современномъ, по его мѣстнымъ нарѣчіямъ.

„Господство отвлеченнаго понятія надъ изобразительностію первоначальнаго впечатлѣнія и надъ свѣжестью живой разговорной рѣчи, оказалось уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности, отъ которыхъ ведетъ свое начало нашъ книжный языкъ.

„Возведеніе слова отъ нагляднаго представленія до общаго, отвлеченнаго понятія, обыкновенно совершающееся въ языкѣ по мѣрѣ умственнаго развитія народа, у Славянъ получило свое начало отъ перевода Священнаго Писанія.

„Отвлеченность церковнославянскаго языка зависитъ: 1) частію отъ умственныхъ и нравственныхъ понятій христіанства, которыя нужно было передать по-славянски во всей ихъ чистотѣ; напр. *вѣра, надежда, терпѣніе, смиреніе, уповать* и пр.; 2) частію отъ реченій и оборотовъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ греческаго

языка; напр. *іерей, діаконъ, литургія, ангелъ* (но вѣдь эти понятія конкретны?!) и др.; и наконецъ 3) большею частію отъ новыхъ, чисто книжныхъ реченій, составленныхъ переводчиками по образцу греческаго текста; *благочестіе* (εὐσέβεια), *благородіе* (εὐγένεια), *благодушіе* (εὐψυχία) и проч.

„Направленіе, данное нашему языку церковнославянскими книгами, болѣе или менѣе господствуетъ во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ русской литературы; потому что грамотные люди учились читать и писать по церковнымъ книгамъ. Отсюда понятно, почему языкъ древнерускихъ памятниковъ содержитъ въ себѣ значительное количество словъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, и уступаетъ нынѣшнему областному просторѣчію въ изобразительности.

„Нынѣшній книжный языкъ и составившаяся подъ его вліяніемъ рѣчь образованнаго общества, какъ плодъ умственнаго развитія, получившаго начало со времени перевода Св. Писанія, и воспитаннаго церковнославянскою литературою въ древнемъ періодѣ, и вліяніемъ образованности другихъ народовъ въ новѣйшее время, отличается отъ народнаго языка господствомъ отвлеченной мысли въ словѣ надъ изобразительнымъ представленіемъ“.

Въ слѣдующемъ, 157-мъ § (стр. 77—78) между прочимъ: „господство отвлеченнаго мышленія надъ этимологическою формою и надъ живымъ представленіемъ, выражаемымъ въ словѣ, оказало свое дѣйствіе на словосочиненіе преимущественно въ томъ, что подвело подъ одинаковыя общія правила множество частныхъ случаевъ, которыя нѣкогда, по богатству стариннаго языка, представляли значительное разнообразіе. Такъ, напр., разнообразное значеніе и употребленіе залоговъ древнѣйшаго глагола подведены теперь подъ болѣе общія правила, по которымъ глаголъ не такъ уже свободно можетъ переходить изъ одного залога въ другой, какъ это было въ старину (§ 176). Вмѣстѣ съ этимъ самое управленіе глаголовъ, нѣкогда весьма разнообразное, подведено теперь къ большему единству (§ 256). Равномѣрно и согласованіе словъ, нынѣ принимаемое въ рѣчи книжной, гораздо однообразнѣе и стѣснительнѣе для свободы языка, нежели согласованіе древняго и народнаго синтаксиса“. (Далѣе указывается еще на иностранное вліяніе: „русская

рѣчь слагалась по французскому синтаксису и изучалась по руководствамъ нѣмецкой грамматики")... „Впрочемъ единообразіе и отвлеченность, возникшія въ языкѣ позднѣйшемъ, и преимущественно въ книжномъ,постоянно встрѣчаются въ нашей рѣчи съ формами древнѣйшими, живыми и разнообразными, доселѣ господствующими въ устахъ народа".

Въ § 199-мъ, примѣч. 3 (стр. 151) находимъ замѣчаніе объ употребленіи причастій и дѣепричастій многократнаго вида въ литературномъ языкѣ: „причастія и дѣепричастія многократнаго, въ образованной, книжной рѣчи, мало употребительны; но въ народной—*пиваючи, ѣдаючи* и нѣкоторыя другія дѣепричастія употребляются".

Въ § 204-мъ (стр. 167) указывается, что „мѣстоименіе *оный* употребляется только въ книжномъ языкѣ".

Въ § 213, прим. 3 (стр. 181): „*многій, многая, многое*, было весьма обыкновенно въ церковносл., откуда заимствовано и въ нашу книжную рѣчь. Напр. *многая правда, многое благо* и т. п. Въ разговорномъ же языкѣ оно употребляется въ единственномъ числѣ, только въ именит. и винит. пад. средняго рода, и притомъ съ усѣченнымъ окончаніемъ. Что же касается до множ. числа *многіе, многихъ* и т. д., то хотя эти формы въ рѣчи употребительнѣе косвенныхъ падежей ед. числа, но принадлежатъ болѣе языку образованному, нежели просторѣчію. *Многій, многая* и пр., нынѣ могутъ быть употреблены только въ рѣчи витіеватой; напр. у Пушкина „присмотрѣна имъ *многая* неправда" 5. 18".

Въ § 243 г.) (стр. 245): „эпитетъ, выраженный только однимъ существительнымъ въ родительномъ падежѣ, безъ опредѣленія, принадлежитъ рѣчи книжной и слогу витіеватому. Напр. *мужъ совѣта, народы Сѣвера*".

Въ § 244. 5 находимъ замѣчаніе о дательномъ самостоятельномъ, который считается Буслаевымъ принадлежащимъ только церковному. Попытки нѣкоторыхъ писателей (Буслаевъ приводитъ примѣры изъ Ломоносова и Жуковскаго) ввести этотъ оборотъ въ книжную рѣчь признаются тщетными.

Въ § 254-мъ (стр. 288—289) между прочимъ идетъ рѣчь о

двоякомъ управленіи „глаголовъ, сложенныхъ съ предлогами *до-*, *из-*, *от-*, *с-* и съ нѣкоторыми другими". Буслаевъ отмѣчаетъ при нихъ древнѣйшее и позднѣйшее управленія. „По древнѣйшему они требуютъ родительнаго безъ предлога, но позднѣйшему—съ предлогами *до*, *изъ*, *отъ*, *съ*... Это древнѣйшее словосочиненіе сохранилось какъ въ языкѣ разговорномъ, такъ и у писателей, отъ Кантемира и Ломоносова до нашихъ временъ; но при немъ постоянно встрѣчается уже и позднѣйшее; напр. *отрещись чего* и *отъ чего*, *достигнуть чего* и *до чего* и т. п.".

Въ § 256. п. 3 (стр. 295 и слѣд.), гдѣ разсматриваются управленія различныхъ глаголовъ, встрѣчаемъ между прочимъ замѣчанія относительно слѣдующихъ глаголовъ: *внимать* съ дат. лица и винит. вещи, *клеветать*—кого, *насладиться*—*чѣмъ* въ разговорномъ языкѣ—и *чего* въ книжномъ, *презирать*, *пренебрегать*, *принадлежать*, *удовлетворить*, *удостоить*.

Въ § 258. II (стр. 304) находимъ замѣчаніе, имѣющее связь съ приведеннымъ выше изъ § 243 г.): „иногда, вмѣсто глагольнаго управленія, писатели употребляютъ именное: напр. *любовь славы* (вм. *къ славѣ*), *воспоминаніе прошлыхъ дней* (вм. *о прошлыхъ дняхъ*)... Это нововведеніе чуждо народной рѣчи".

Далеко не всѣ приведенныя здѣсь замѣчанія Буслаева относятся къ области синтаксиса въ собственномъ смыслѣ. §§ 146, 156 и 157 имѣютъ своимъ предметомъ семасіологическія отношенія, возникшія подъ вліяніемъ церковнославянскаго языка, §§ 199, 204 и 213 указываютъ на лексическія или морфологическія заимствованія. Вліянію церковнославянскаго языка на синтаксисъ русскаго языка въ собственномъ смыслѣ посвящены только немногочисленныя и небольшія по объему замѣчанія въ §§ 136, 243, 244, 254, 256 и 258.

Какъ бы то ни было, грамматика Буслаева представляетъ наиболѣе полную разработку занимающаго насъ вопроса въ русской филологической литературѣ до начала 70-хъ годовъ. Да и послѣ вплоть до настоящаго времени мы не встрѣчаемъ, за однимъ исключеніемъ, ничего, что бы могло остановить на себѣ вниманіе. Направленіе, господствовавшее въ нашей отечественной филологіи въ

теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ, носило главнымъ образомъ характеръ палеографическій. Наши филологи посвящали свои силы главнымъ образомъ изданію и описанію памятниковъ древней русской и славянской письменности; изслѣдованій собственно грамматическихъ за этотъ періодъ мы находимъ сравнительно немного, и они частью касались слишкомъ спеціальныхъ и мелкихъ вопросовъ, частью разрабатывали такіе отдѣлы науки, которые лежали совсѣмъ въ сторонѣ отъ занимающаго насъ вопроса.

Въ литературѣ русской научной грамматики съ начала 70-хъ годовъ мы встрѣчаемъ только одну, весьма сжатую, но отличающуюся точностью и полнотой, обработку изслѣдуемыхъ нами отношеній, принадлежащую извѣстному слависту И. А. Бодуэну де Куртенэ. Уступая Буслаеву въ количествѣ матеріала (что является вполнѣ естественнымъ въ виду цѣли труда, въ которомъ мы находимъ эту обработку), характеристика проф. Бодуэна де Куртенэ стоитъ гораздо выше въ отношеніи научныхъ строгости и точности. Мы позволимъ себѣ привести эту характеристику цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что при всей ея содержательности, она очень невелика по объему.

И. А. Бодуэнъ де Куртенэ. Подробная програма лекцій въ 1876—1877 учебномъ году. „Глава 8 [1]). Вліяніе старословянской (церковнословянской) письменности на фонетическую сторону русскаго языка. Старословянскій элемент в русской фонетикѣ:

Вліяніе на *произношеніе.*

γ (звонкое *х*) рядом с *г* (звонкое *к*). Вліяніе кіевское и вообще малорусское.

é (*ǽ*) (=стсл. **є, ь**) вм. *ó*.

íj, *ij* (*ъj*) вм. *éj* (*ǽj*) *ej* (*ǣj*) и т. д.

Вліяніе на *звуковой состав.* Замѣна русских развѣтвленій звуков и сочетаній звуков старословянскими.

шч (*щ*): *ш*, *жд*: *д* (*шч*, *жд* вм. *ч*, *ж*); *жд*: *зж* (*жд* вм. *жж* или *ждж*).

Слоги *ра*, *ла*, *ре* (*р́е*, *р́æ*), *ле* (*л́е*, *л́æ*) вм. русскаго полногласія (*оро*, *оло*, *ере*, *оло* или *еле*).

[1]) Казань. В университетской типографіи 1878. 8°. 92 стр. Стр. 62—63.

Различiе значенiя тѣх же слов в русской и старословянской формѣ.

Форма, внѣшнiй вид извѣстнаго *слова*, усвоенный из старословянскаго, в противоположность настоящей русской формѣ. Между прочим, это доказывается ударенiем форм (не говоря в нѣкоторых случаях о значенiи): *гро́б-гро́ба* вм. *гроба́* и т. п. (ср. *виногра̇д* и т. п.).

Суффиксы и окончанiя, усвоенные из старословянскаго, рядом с тѣми же суффиксами и окончанiями в чисто русском видѣ (или с разным значенiем, или же с тѣм же значенiем).

Суффикс *-ъј-æ̆* (*-iе*) р. съ его русскою формой *-'јо́* (*-ьё*).

Суффикс причастiй и прилагательных отпричастных: *-ущ-*, *-ащ-* р. с *-уч-*, *-ач-*.

Старословянское влiянiе только на *письменность*, хотя отчасти тоже и на произношенiе (ср. главу 2-ю).

Nom. s. m. adj. pron. *-ый, -iй*.

Gen. s. m. n. adj. pron. *-аго, -яго, -ого, -его*.

Nom. pl. f. n. adj. *-ыя, -iя*.

Gen. s. f. *ея* (произнос. *јъјо́*)".

Какъ видно уже изъ самаго заглавiя главы, главное вниманiе здѣсь обращено на сторону фонетическую, затронуты также элементы словообразовательные и морфологическiе, указаны слѣды влiянiя церковнославянскаго правописанiя на русское, а также послѣдствiя принятiя въ русскiй языкъ старославянскихъ элементовъ въ отношенiи семасiологическомъ.

Оставлена совсѣмъ безъ вниманiя только одна синтактическая сторона нашего вопроса.

Послѣдней характеристикой мы заканчиваемъ обзоръ литературы вопроса.

Подводя итогъ всему вышеразсмотрѣнному, приходится признать отсутствiе сколько нибудь дѣйствительной полной разработки нашего вопроса. Мы имѣли дѣло или съ отрывочными, отдѣльными замѣчанiями, разсѣянными по болѣе или менѣе научнымъ грамматикамъ русскаго языка, или съ конспектообразными набросками (какъ послѣдняя характеристика), а также съ полнымъ отсутствiемъ работъ, посвященныхъ нашему предмету исключительно;

все, что можно было найти въ нашей и иностранной филологической литературѣ, почти не уменьшаетъ работы изслѣдователю даннаго вопроса, не облегчая ему даже собираніе относящагося сюда матеріала.

Строго говоря, почти все, указанное нами въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія. Читателя поэтому не должно удивлять отсутствіе ссылокъ на литературу вопроса въ послѣдующихъ главахъ нашего изслѣдованія. Настоящая глава избавляетъ насъ отъ этой необходимости, свидѣтельствуя о нашемъ добромъ желаніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ литературнымъ матеріаломъ.

ГЛАВА II.

Церковнославянскій языкъ.

§ 1. **Языки старославянскій и церковнославянскій.** Въ продолженіи всего послѣдующаго изслѣдованія понятія церковнославянскаго и старославянскаго строго отличены другъ отъ друга. Подъ первымъ здѣсь разумѣется языкъ русскихъ богослужебныхъ печатныхъ книгъ, представляющій позднѣйшее, подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ, видоизмѣненіе такъ называемаго старославянскаго языка, Въ основѣ этого, главнымъ образомъ, книжнаго языка лежитъ языкъ старославянскихъ памятниковъ, такъ называемой „русской“ рецензіи, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ проникшійся сильно новыми, русскими элементами, принявшій многія фонетическія и морфологическія русскія особенности и утратившій многія старославянскія.

Что нужно подразумѣвать подъ старославянскимъ языкомъ, вопросъ для цѣли даннаго изслѣдованія достаточно второстепенный. Но во избѣжаніе недоразумѣній необходимо пояснить, что подъ этимъ терминомъ здѣсь разумѣется языкъ перваго славянскаго перевода Св. Писанія, ближайшимъ родичемъ или потомкомъ котораго, какъ свидѣтельствуютъ неоспоримыя языковыя данныя, можетъ быть признанъ только современный болгарскій языкъ, каковы бы ни были измѣненія, постигшія его въ теченіе вѣковой его исторіи.

Едва ли разрѣшимый вопросъ о томъ, какой собственно народъ говорилъ этимъ языкомъ, въ сущности не имѣетъ большаго значенія для лингвиста, въ виду общеизвѣстнаго факта, что понятія языка

и народа (т. е. понятія лингвистическое и этнографическое) не совпадаютъ одно съ другимъ. Достаточно напомнить только, что напр. значительныя части русскаго населенія въ извѣстныхъ мѣстностяхъ въ антропологическомъ отношеніи принадлежатъ финскому или другимъ племенамъ, хотя языкъ ихъ уже довольно давно русскій, т. е. индоевропейскій. Не имѣетъ также особаго значенія для лингвиста и вопросъ о томъ, гдѣ жилъ народъ, говорившій „старославянскимъ" языкомъ—въ Панноніи, Болгаріи, Македоніи или гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Его дѣло только констатировать совпаденіе извѣстныхъ „старославянскихъ" языковыхъ особенностей (прежде всего фонетическихъ) съ таковыми же новоболгарскими и отсутствіе такого совпаденія въ языкахъ „старославянскомъ" и „новословинскомъ" (Altslovenisch и Neuslovenisch Миклошича). Отыскивать родину даннаго языка—дѣло историка, но отнюдь не лингвиста, который со своей стороны даетъ первому извѣстныя неоспоримыя лингвистическія данныя. Мы полагаемъ, что эти замѣчанія достаточно опредѣляютъ наше отношеніе къ вопросу о родинѣ или происхожденіи „старославянскаго" языка, и переходимъ къ ближайшему предмету нашего изслѣдованія.

§ 2. Фонетическія особенности церковнославянскаго языка.

1. *Вокализмъ. Живое произношеніе.* Какъ языкъ до извѣстной степени живой, т. е. произносимый, церковнославянскій языкъ встрѣчается главнымъ образомъ и прежде всего въ православной церкви во время богослуженія; внѣ церкви несравненно рѣже, но во всякомъ случаѣ всегда въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ церковью, богослуженіемъ или религіей вообще.

Сообразно съ мѣстомъ употребленія, мы можемъ установить три вида современнаго церковнославянскаго произношенія: два „церковныхъ" или „богослужебныхъ"—1) чтеніе священника или дьякона (евангеліе, ектеніи и т. д.) 2) чтеніе дьячка (апостолъ, часы и т. д.) и одинъ, если можно такъ выразиться, „мірской", внѣцерковный (произношеніе текстовъ св. Писанія и различныхъ церковнославянскихъ отрывковъ внѣ церкви).

Первые два вида въ высшей степени искусственны и съ обыч-

нымъ способомъ русскаго произношенія не имѣютъ ничего общаго. Послѣдній, „мірской“, обыкновенно не отличается ничѣмъ особымъ отъ обычнаго живаго русскаго произношенія, и потому въ разсмотрѣніе его мы не будемъ входить.

Первые два вида представляютъ между собой рѣзкія противоположности. Одинъ видъ (чтеніе священника и дьякона)—протяжнаго и торжественнаго характера, является потенцированной рѣчью, переходною ступенью отъ обычнаго говора къ пѣнью и болѣе близокъ ко второму, чѣмъ къ первому, такъ что можетъ быть нотированъ совершенно опредѣленными музыкальными нотами (обычная рѣчь не всегда поддается точной музыкальной нотаціи въ силу извѣстной неопредѣленности, фальшивости представляемыхъ ей музыкальныхъ интерваловъ); второй — есть преувеличенная скороговорка, при которой неударенные гласные и даже цѣлые слоги почти совершенно проглатываются, такъ что произносимыя слова принимаютъ почти неузнаваемый видъ.

Такъ извѣстное предложеніе „Господи, помилуй!“, повторенное нѣсколько разъ сряду, принимаетъ въ этомъ произношеніи видъ, который можетъ быть выраженъ фонетической транскрипціей приблизительно такимъ образомъ:

γóspъd’ьpm̥’lóspm̥’lóspm̥’lós..... pъm’ī́lūj или даже

γóspm̥lóspm̥lós..... pm’ī́lūj

Этотъ второй видъ церковнаго или богослужебнаго чтенія или произношенія церковнославянскаго языка (чтеніе дьячка) мы можемъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ онъ представляетъ собой, такъ сказать, утрировку обычныхъ отношеній великорусскаго вокализма, въ которой слова такъ быстро скользятъ мимо ушей слушателя, что допустить возможность перехода церковнославянскихъ элементовъ, какъ фонетическихъ, такъ и лексическихъ, въ живой русскій языкъ именно этимъ путемъ, едва ли позволительно.

Поэтому мы представимъ общую картину церковнославянскаго произношенія, основываясь только на первомъ видѣ богослужебнаго чтенія (дьякона или священника). Какъ было уже замѣчено

выше, этотъ способъ произношенія есть родъ потенцированной декламаціи, псальмодіи, которая можетъ быть нотирована музыкально и имѣетъ извѣстное число неизмѣнныхъ музыкальныхъ формулъ или напѣвовъ.

Принятые въ нашемъ богослуженіи традиціонные способы чтенія передаются изустно отъ одного поколѣнія къ другому, и есть основаніе полагать, что они ведутъ свое начало, если и не отъ первыхъ временъ христіанства на Руси, то во всякомъ случаѣ изъ сѣдой старины. Какой нибудь нотаціи этихъ способовъ, насколько намъ извѣстно, не существуетъ, и изученіе ихъ происходитъ исключительно путемъ практическаго перениманія. Подробное изслѣдованіе особенностей нашего богослужебнаго чтенія на распѣвъ въ музыкальномъ отношеніи завело бы насъ слишкомъ далеко и лежитъ за предѣлами цѣли настоящаго изслѣдованія. Для этой цѣли, однако, указаніе на этотъ особый способъ чтенія является необходимымъ, такъ какъ отъ него зависятъ характерныя особенности церковнославянскаго вокализма, отличнаго въ своемъ принципѣ отъ русскаго, какимъ этотъ послѣдній является въ обыкновенномъ, непринужденномъ говорѣ. Всего вѣроятнѣе, что церковнославянскіе (особенно фонетическіе) элементы переходили (при устномъ, не книжномъ, заимствованіи) въ русскій языкъ именно при помощи этого протяжнаго чтенія на распѣвъ, которое особенно запечатлѣвало въ памяти слушателей извѣстныя формы или фонетическія особенности языка. Съ этимъ способомъ чтенія связаны извѣстныя характерныя черты церковнославянской звуковой системы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Какъ необходимое слѣдствіе музыкальной декламаціи, чтенія на распѣвъ, мы должны отмѣтить вполнѣ опредѣленное, ясное произношеніе всѣхъ гласныхъ, при которыхъ отсутствуетъ рѣзкая разница между гласными ударенными и неударенными, свойственная обычному русскому произношенію [1]). Другимъ факторомъ,

---

[1]) Представленіе этихъ отношеній можно найти въ работахъ: В. Богородицкаго. Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань 1884. 8⁰. стр. 144 и Бодуэна де Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Воронежъ 1882. 8⁰. стр. 88+VI.

способствующимъ этому отчетливому произношенію, является, конечно, и то обстоятельство, что церковнославянскій есть языкъ книжный, мертвый, вдобавокъ богослужебный, требующій уваженія къ своей „буквѣ“.

Въ связи опять съ чтеніемъ на распѣвъ является иной, отличный отъ общерусскаго, способъ слогообразованія, при которомъ гласные всѣхъ неударенныхъ слоговъ болѣе или менѣе равнозначащи въ метрическомъ отношеніи, и удареніе не имѣетъ той энергіи, какъ въ русскомъ слогообразованіи. Разница станетъ для насъ очевидна, если мы возьмемъ одно и то же слово, напр. *благословенъ*, произнесенное „по русски“ и „по церковнославянски“: blъgъslåv'ǽn || blaγoslov'ǽ̄n.

Какъ видно изъ приведеннаго примѣра, гласные ударенные даже обладаютъ въ церковнославянскомъ произношеніи качествомъ, отсутствующимъ у таковыхъ же русскихъ—долготой, обусловленной, разумѣется, музыкальными причинами.

Кромѣ разницы въ слогообразованіи имѣется разница въ темпѣ и ритмѣ произношенія. Первый, „русскій“ примѣръ произносится быстрѣе, второй, „церковнославянскій“ — медленнѣе. Нагляднѣе всего передать графически эту разницу можно было бы въ музыкальныхъ знакахъ такимъ образомъ:

русскій примѣръ: 2/4

церковнославянскій: 2/4 [1]).

[1]) Вполнѣ точно передать затронутыя нами отношенія въ графическихъ знакахъ очень трудно. Показать на практикѣ, какъ извѣстное слово или звукъ произносятся, легко, но нотировать вполнѣ точно и притомъ наглядно, чтобы читатель безъ посторонней помощи могъ самостоятельно и точно воспроизвести извѣстное произношеніе, почти невозможно при наличныхъ средствахъ. Поэтому приведенныя попытки графическаго обозначенія имѣютъ только приблизительное значеніе. Не надо забывать, что и въ музыкальной нотаціи, гдѣ дѣло идетъ объ изображеніи болѣе точныхъ отношеній, не обозначается и не можетъ быть обозначено и половины того, что имѣется въ дѣйствительно живомъ и музыкальномъ исполненіи. Отсюда деревянный и бездушный характеръ исполненія начинающихъ, пока, путемъ практическаго перениманія, они не научатся передавать не обозначаемое никакими нотами и другими музыкальными знаками.

Благодаря особому принципу слогообразованія, обусловленному музыкальнымъ характеромъ чтенія, церковнославянскій вокализмъ не представляетъ такихъ чередованій гласныхъ въ зависимости отъ ихъ мѣста въ словѣ относительно ударенняго слога, какія мы имѣемъ въ обычной русской рѣчи.

Гласные ударенные отъ неударенныхъ отличаются только бóльшей энергіей произношенія (а также часто и долготой), но и въ этомъ отношеніи разница между ними не такъ сильна, какъ между русскими гласными.

Качественно церковнославянскіе гласные не отличаются существенно отъ общерусскихъ гласныхъ, такъ что церковнославянскіе *а* (а, ѧ, ꙗ), *е* (ѣ, є), *о*, *и* (ꙋ, оу, ю), *у* (ы), *і* (и, ї) ничѣмъ не разнятся въ отношеніи физіологической артикуляціи отъ соотвѣтствующихъ русскихъ, что вполнѣ естественно, такъ какъ церковнославянскій и въ церкви произносимъ *русскими* же, которые могутъ подставлять только свои звуки, привычные имъ съ дѣтства.

Въ свою очередь церковное чтеніе на распѣвъ съ яснымъ отчетливымъ произношеніемъ гласныхъ производитъ вліяніе на обычное произношеніе лицъ, читающихъ такимъ образомъ, такъ что у весьма многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовнаго званія, можно встрѣтить произношеніе гласныхъ, отличное отъ общепринятаго (московскаго) и называемое въ просторѣчіи говоромъ на „*о*“. Въ числѣ прочихъ отличительныхъ признаковъ типа „семинариста“, извѣстнаго изъ жизни и литературы, непремѣнно присутствуетъ и это произношеніе.

Въ извѣстныхъ случаяхъ подобное „оканье“ можетъ объясняться также принадлежностью говорящаго къ такъ называемымъ „окающимъ“ говорамъ, но съ другой стороны нельзя отрицать и существованія извѣстной, такъ сказать, „семинарской“ манеры произношенія, по которой въ обществѣ узнаютъ „семинариста“. Манера эта въ сущности и заключается въ болѣе равномѣрномъ слогообразованіи и связанномъ съ нимъ ясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ.

Едва ли можно сводить ясное произношеніе неударенныхъ гласныхъ, характеризующее церковнославянскій вокализмъ, къ особен-

ностямъ произношенія малорусскаго, подобно тому, какъ это дѣлается относительно спирантнаго γ (г), вмѣсто общерусскаго *g*. Во всякомъ случаѣ, если и допустить малорусское происхожденіе яснаго произношенія гласныхъ, необходимо будетъ признать, что музыкальный характеръ церковнаго чтенія главнымъ образомъ способствовалъ сохраненію этой особенности, и она, вѣроятно, исчезла бы безслѣдно при отсутствіи такого сохраняющаго фактора.

Можно указать только одинъ случай, свидѣтельствующій о неясномъ произношеніи неударенныхъ гласныхъ: ѿскоменѧтсѧ (Іер. XXXI. 30. Остр. библ. ѡ҆оскоминѧтсѧ, Первопеч. ѿѡскоминѧтсѧ) рядомъ съ ѿскоминишасѧ (ibidem 29. Остр. ѡ҆оскоминишасѧ, Первоп. ѿоскоминишасѧ), хотя, вѣроятно, и онъ объясняется опечаткой.

Обращаясь къ историческимъ отношеніямъ церковнославянскаго вокализма, мы находимъ, что онѣ сильно видоизмѣнены русскимъ вліяніемъ.

Носовые гласные исчезли, какъ и въ русскомъ: ѫ измѣнилось въ *u*; ѧ—въ *a* (которому предшествуютъ согласные палатальные или происшедшіе путемъ палатализаціи). Такимъ образомъ гласный ѫ, какъ и въ русскомъ, совпалъ съ гласнымъ оу, и для обозначенія обоихъ этихъ, первично различныхъ, гласныхъ церковнославянская графика имѣетъ только знаки ꙋ или оу (слогъ ѭ=j+ą измѣнился въ ju, обозначаемое посредствомъ ю).

Изъ нихъ ꙋ употребляется въ современной церковнославянской графикѣ въ серединѣ и концѣ слова, а оу въ началѣ: пꙋть (М. Ш. 3), ризꙋ (М. Ш. 4), но оу҆ча̀ (Лук. V. 17)—пріемъ чисто внѣшній. Въ Острожской библіи оу употреблялось и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: і҆оу҆деиска (1 Макк. XIV. л. 14; Нов. І҆оудейска), саоулъ (1 Царств. XXXI. л. 139 об. Нов. Саꙋлъ) и т. д. Первопечатная Московская библія въ этомъ отношеніи согласуется съ Новой.

Примѣры. Въ корнѣ: пꙋть (М. III. 3), бꙋди (М. II. 13), сбꙋдетсѧ (М. II. 15. XXI. 4), зꙋбъ (М. V. 38), лꙋкаваго (М. VI. 13), мꙋжъ (М. I. 91), смꙋтисѧ (М. II. 3) и т. д.

Въ окончаніи: Acc. s. f. пшеницꙋ (М. III. 12), въ храминꙋ

(М. II. 11), смѵ́рнꙋ (М. II. 11), ри́зꙋ (М. III. 4), въ зе́млю (М. II. 20) и т. д.

Jnstr. s. f. водо́ю (М. III. 11), ра́достїю (М. II. 10), ве́лїею (М. II. 10), Марїею (ibid.) но́щїю (М. II. 14) и т. д.

Въ окончанiи 3 л. множ. ч.: сꙋ́ть (М. II. 18), и҆́мꙋтъ (М. XXVI. 4), во́змꙋтъ (М. IV. 6), бꙋ́дꙋтъ (М. IV. 3), и҆жденꙋтъ (М. V. 11) и т. д.

Въ окончанiи 1 л. ед. ч.: послю́ (М. XXIII. 34), гл҃ю (М. III. 9), крещаю (М. III. 11) и т. д.

Въ окончанiи 3 л. imperfecti.: слꙋжа́хꙋ (М. IV. 11), крща́хꙋсѧ (М. III. 6) и т. д.

Въ суффиксѣ -нѫ-: воздви́гнꙋти (М. III. 9), и т. д.

Такъ же точно исчезъ гласный ѧ, перешедшiй, какъ въ русскомъ, въ гласный *а*, передъ которымъ обыкновенно (за исключенiемъ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаевъ) имѣется палатальный согласный.

Но если церковнославянская графика утратила знакъ ѫ, то знакъ ѧ она сохранила, за исключенiемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ предшествуютъ ж, ш, ч, ц: всѧ́ко (М. III. 10), своѧ̀ (М. III. 6), и҆скреннѧго (М. V. 43), наречéтсѧ (М. II. 23), сѣдѧщїи (М. IV. 16), проповѣдаѧ (М. IV. 23), и҆сцѣлѧѧ (ibidem); но: жа́тва (М. XXIV. 32), ча̑да (М. X. 21), нача́ло (М. I. 1), зача́тъ (Л. I. 24), ѡ҆дѣѧша (М. XXVII. 28), и҆зомро́ша (М. II. 20), и҆до́ша (М. II. 9), ре-ко́ша (М. II. 5), ви́дѣша (Мр. II. 9), ѻ҆троча̀ (М. II. 9), ѻ҆троча́ти (М. II. 8), оу҆ча̀ (Лук. V. 17) и т. д.

Въ Острожской и Первопечатной библiяхъ встрѣчается еще часто ѧ на концѣ словъ послѣ ш, хотя и рядомъ съ а: прї-идо́шѧ но реко́ша, и҆до́шѧ, но ѻ҆троча̀ (М. II) и т. д.

Изрѣдка и въ Новой встрѣчаются написанiя въ родѣ оу҆́жѧ (Ис. XXXIII. 23).

Что знакъ ѧ не обозначалъ никакого другаго звука, кромѣ *а* (въ извѣстныхъ случаяхъ и цѣлаго слога *ja*, напр. проповѣдаѧ М. IV. 23), свидѣтельствуютъ, напримѣръ, такiя написанiя, какъ: g. s. кораблѧ (М. V. 2. старослав. **корабла**), црѧ (М. II. 1. стсл. **цара**), гдѣ ѧ обозначаетъ несомнѣнное *а* съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ.

Орѳографическое употребленіе ѧ и ꙗ, выработавшееся въ церковнославянской графикѣ, не имѣетъ никакого основанія въ дѣйствительныхъ фонетическихъ особенностяхъ языка и является такимъ образомъ пріемомъ вполнѣ искусственнымъ, служащимъ для различенія гомонимовъ на письмѣ, почему мы и оставимъ его безъ вниманія.

Такъ же, какъ и въ русскомъ, исчезли на концѣ словъ и слоговъ гласные **ъ** и **ь**.

Первый исчезъ безслѣдно: зѹбъ М. V. 38. (zup), зáповѣдєхъ Л. I. 6 (zápov'ed'æх), вшéдшѹ Л. I. 9 (стсл. **въшьдшоу**), вшéдъ Л. I. 28 (стсл. **въшьдъ**), дщи́цѹ Л. I. 63 (стсл. **дъштнцѫ**), дщéрей Л. I. 5. стсл. **дъштеръ**) ви́дѣвши Л. I. 29 (стсл. **видѣвъши**), сбѹдєтсѧ М. I. 22 (стсл. **събѫдетъся**), пославъ М. II. 8, послю́ М. XXIII. 34 (стсл. **посълѭ**), йзнемóжетъ Л. I. 37, кто̀ М. III. 7 (стсл. **къто**), и т. д. На концѣ словъ онъ является только знакомъ непалатальности предшествующаго согласнаго.

Встрѣчаются даже написанія: ктомѹ М. V. 13, йхже М. VI. 8. Результатомъ исчезновенія **ъ** являются формы и написанія, совершенно невозможныя въ стслав., какъ йзсхóша (Ис. LI. 12 Остр. и Первоп. посóхша), йздшетъ (Іезек. XXI. 7 Остр. йздшє, Первоп. какъ въ Новой).

Второй исчезъ, въ извѣстныхъ случаяхъ сообщивъ палатальность предшествующему согласному: въ этихъ случаяхъ ь имѣется и есть только знакъ помянутой палатальности: пѹть М. III. 3, ѐсмь М. XXVII. 43, дéбрь Л. III. 5, ѐсть М. XXVI. 66, кади́льнагѡ Л. I. 11, М. XXVIII. 12, гóрькѡ М. XXVI. 75, Написанія: пресéлникъ Быт. XXIII. 4, сéлнѣи ib. 19, бѣли́лникъ М. IX. 3, довóлни Л. III. 14, довóлны М. XXVIII. 12, весьма часты и объясняются, вѣроятно, такъ же, какъ и современныя неграмотныя написанія этого рода: палатальность *л'* казалась такой ничтожной звуковой разницей, что обозначеніе ея представлялось излишнимъ.

Тамъ, гдѣ извѣстный палатальный согласный находился передъ гомоорганнымъ согласнымъ, палатальность его исчезла (какъ и въ русскомъ), и знакъ ь въ такихъ случаяхъ опускается: тѣсный М. VII. 14, йзвѣстнѡ М. II. 8, прáведныхъ Л. I. 17, днíє

Л. I. 23, сокрꙋшє́нныѧ, плѣнє́нными Л. IV. 18, нєвѣ́рными М. XXIV. 51 и т. д. (стсл. тѣснъ, нѕвѣстьно, дьнιє и т. д.).

Послѣ ч передъ слѣдующимъ согласнымъ ь также опускается[1]: зачнє́ши Л. I. 31.

Всѣ эти написанія встрѣчаемъ уже въ Острожской библіи.

Послѣ губныхъ внутри слова передъ согласными и въ концѣ слова ь также не пишется, или замѣняется знакомъ ъ, что совпадаетъ съ исчезновеніемъ палатализаціи въ этихъ случаяхъ и въ русскомъ языкѣ (русскіе губные вообще мало склонны къ палатализаціи).

пшєни́цꙋ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же), всѐ М. I. 22 (Остр. всє̑, Первоп. какъ въ Новой), собра́въ М. II. 4 (Остр. събравъ, Первоп. какъ въ Новой). мзда̀ М. V. 12 (Остр. мзда̀, Первоп. какъ въ Новой), слѣпца̀ М. XV. 14 (Остр. слѣпца, Первоп. какъ въ Нов.), гꙋмно̀ М. III. 12 (Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. (стсл. пьшеница, вьсе, събьравъ, мьзда и т. д.).

Гласный ъ измѣняется въ о, какъ въ русскомъ, въ закрытомъ слогѣ:

а) внутри слова между согласными: на со́нмищахъ М. IV. 23, кро́вь М. XXVI. 28, до́ждь М. VII. 25, ѕо́лъ М. V. 11 и т. д. (стсл. сънмиштє, дъждь, ѕълъ); такъ уже и въ Острожской библіи.

б) въ префиксахъ въз- и съ, сложныхъ съ различными словами: возвѣсти́тє М. II. 8, на восто́цѣ М. II. 2, воззва́хъ М. II. 15, воздвигнꙋти М. III. 9, во́змꙋтъ М. IV. 6 и т. д. (стсл. възвѣститє; на въстоцѣ и т. д.); въ Острожской библ. възвѣсти́тє, въсто́цѣ, възва̑, въздвигнꙋти, но во́змꙋтъ. Первопечатная согласуется съ Новой.

в) въ предлогахъ въ, къ передъ словами, начинающимися съ нѣсколькихъ согласныхъ:

во странꙋ (М. II. 12), во дни̑ (М. II. 1), во чре́вѣ (М. I. 23) во всѣхъ (М. II. 16), во тмꙋ (Матѳ. VIII. 12). Но рядомъ въ

---

[1] Согласный č (ч) въ русскомъ всегда палаталенъ, и потому обозначеніе его палатальности посредствомъ ь представлялось излишнимъ. Непалатальнаго параллельнаго согласнаго не имѣется, и различеніе, имѣющее мѣсто въ другихъ случаяхъ, здѣсь не имѣло практическаго значенія.

хра́минꙋ (М. II. 11), въ слѣдъ (М. VIII. 1). Остр. въ странꙋ, въ дни, въ чревѣ, въ всѣх, въ тмꙋ, Первоп. какъ въ Новой. Встрѣчаются и вторичные случаи о=ъ передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова: изо оустъ (М. IV. 4. Остр. изъ оустъ, Первоп. изоꙋстъ) и т. д.

Написанія съ о на мѣстѣ старославянскаго ъ принадлежатъ сравнительно новѣйшему времени. Въ богослужебныхъ и вообще церковнославянскихъ книгахъ XVI-го вѣка еще находимъ написанія съ ъ въ такихъ случаяхъ, которые имѣютъ въ современномъ русскомъ и церковнославянскомъ уже о или отсутствіе всякаго гласнаго. Такъ въ заглавіи грамматики Лаврентія Зизанія (1596) находимъ написаніе съставле́нна. Въ Острожской библіи 1581 г. часты написанія съ ъ: съвѣдыи, съвершеніе, възвѣстити, съгласно (стр. 1-я Предисловія Константина, воеводы Острожскаго), съвръшеніе. съвыше въздава́ите (стр. 2), но свѣрою; сътвори, съберѐтсѧ, събрасѧ (Бытія I), но соста́вы (ibid.) и т. д.

Но въ XVII вѣкѣ встрѣчаемъ уже книги съ правописаніемъ, въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнящимся отъ правописанія современныхъ богослужебныхъ книгъ. Таковы напр. Грамматика Мелетія Смотрицкаго (Московское изданіе 1648 г.) или московская перепечатка Острожской библіи (1663 г.), гдѣ имѣемъ уже свѣдый, соверше́ніе, возвѣстити, согла́снѡ, воздава́йте, сотвори, соберѐтсѧ, собра́сѧ и т. д.

Своего фонетическаго значенія, конечно, ъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно и писалось, уже не имѣло.

Поэтому нельзя придавать точнаго значенія свидѣтельству Смотрицкаго, у котораго читаемъ: „ъ, егда в' средѣ полагается, *тогда слогъ краткій составляетъ*; яко, съ человѣки. егда же на концѣ, тогда не составляетъ слога, но гласъ дебело вѣщати творитъ; яко, человѣкъ, законъ“ (М. Смотрицкій. Грамматика. Московское изданіе 1648-го года, л. 54). Тѣ случаи, въ которыхъ ъ писалось, представляютъ собой просто удержаніе традиціонныхъ написаній, встрѣчаемыхъ въ болѣе древнихъ памятникахъ.

Тѣ же отношенія, что и въ русскомъ, представляетъ исто-

рія гласнаго ь, измѣняющагося въ закрытомъ слогѣ въ є: внутри словъ между согласными:

а) въ корнѣ: ве́сь М. II. 3, ше́дъ, ше́дше М. II. 8, де́брь Л. III. 5, стезѝ Л. III. 4, де́ньми М. XXVII. 40 и т. д.; Остр. шéше, шê, де́брь, стезѧ, дньми; Первоп. ше́дъ, ше́дше, де́брь, стезѝ, де́ньми.

б) въ суффиксѣ: вѣне́цъ М. XXVII. 29, младе́нецъ Л. I. 41, пѹте́мъ М. II. 12, две́ремъ Мр. I. 33, ѻгне́мъ М. III. 11, пра́зденъ М. XII. 44, проти́венъ М. XIV. 24 и т. д. Такъ уже въ Острожской библіи.

Въ концѣ словъ ь является, какъ и въ русскомъ, только показателемъ палатальности предшествующаго согласнаго: „ь же, выну на концѣ полагается, и тонкимъ гласомъ вѣщаетъся. яко, конь, кость (Мелетій Смотрицкій. Грамматика. Л. 54)“.

Вокализація плавныхъ сочетаній **ръ, лъ, рь, ль** представляетъ тѣ же особенности, какія находимъ въ русскомъ языкѣ.

Сочетаніе **ръ**=ор: го́рличища Л. II. 24 (Остр. такъ же), на то́ржищахъ М. XI. 16 (Остр. такъ же). XXIII. 7 (Остр. тръжищихъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Сочетаніе **лъ**=ол: во́лны Мр. IV. 37, должникѡ́мъ М. VI. 12, до́лги ibidem, испо́лнити М. V. 17, во́лцы М. VII. 15, волкѡ́въ М. X. 16, молча́хѹ Мр. III. 4, надо́лзѣ Мр. XII. 40, молва̀ М. XXVI. 5 и т. д. Остр. влъны, (Первоп. вѡ́лны) долгы, должникомъ, испо́лнити, вл̾цы (Первоп. какъ въ Новой), вл̾ковъ (Первоп. волкѡ́в) млъчахѹ (Первоп. какъ въ Новой), мо́лъва (Первоп. какъ въ Новой).

Сочетаніе **рь**=ер: ѿве́рзше М. II. 11, се́рпъ Мр. IV. 29, пе́рвенца М. I. 25. соверше́нъ М. V. 48, сопе́рникомъ М. V. 25, че́рна М. V. 36, ѹме́ртвѝ М. II. 15, черта̀ М. V. 18 и т. д.

Остр. ѿврьзше, ср̾пъ, первенца̀, съвръше́нъ, сопе́рникомъ, черъна, ѹме́ртіа, чръта; Первоп. такъ же, какъ въ Новой: ер на мѣстѣ старосл. **рь**.

Но если старославянскія сочетанія плавныхъ съ ъ, ь были замѣнены въ церковнославянскомъ русскими соотвѣтствіями, то сочетанія **ра, ла, рѣ, лѣ** остались нетронутыми. Хотя полногласныя

русскія формы встрѣчаются довольно часто на мѣстѣ старославянскихъ неполногласныхъ уже въ наиболѣе древнихъ старославянскихъ памятникахъ русской рецензіи, но съ теченіемъ времени онѣ исчезаютъ почти совершенно, что представляетъ своеобразное явленіе въ виду правильной подстановки русскихъ соотвѣтствій на мѣсто сочетаній **ръ, рь, лъ, ль.**

Приводить церковнославянскіе примѣры сочетаній **ра, ла** является излишнимъ въ виду ихъ обыкновенности.

Формы полногласныя, заимствованныя изъ русскаго, встрѣчаются, но крайне рѣдко. Такъ на весь Новый Завѣтъ мы имѣемъ только два случая:

ко́нь во́ронъ Апокал. VI. 5 (Остр. и Первоп. такъ же)

молотѧ́щꙋ Тимоѳ. V. 18 (Остр. и Первоп. верхꙋ́щꙋ)

молотьбꙋ́ (3 Ездры IV. 32 Остр. и Первоп. другой текстъ: пожатїє), но млаче́нїє (ibid. 30), 3. s. Aor. и҆змлатѝ (Руѳь II. 17), почере́днѡ (1 Паралип. IX. 33 Остр. и Первоп. другой текстъ).

Что касается сочетаній **рѣ, лѣ**, то необходимо отмѣтить извѣстную особенность ихъ передачи въ церковнославянской графикѣ, находящуюся въ зависимости отъ особенностей русской фонетики.

Какъ извѣстно, русскія соотвѣтствія основнославянскихъ *ē* и *e* совпали въ современномъ языкѣ совершенно. Такъ какъ это совпаденіе произошло уже довольно рано [1]), то и въ церковнославянскомъ произношеніи разница между ѣ и є уже не могла быть соблюдаема, хотя иногда въ Остр. библіи и встрѣчаемъ написанія какъ пѣсо҃ (Ис. XLVIII. 19 Нов. и Первоп. песо́къ), пѣсцѣ (М. VII. 26. Нов. и Первоп. песцѣ). Слѣдствіемъ этого безразличнаго произношенія являются написанія: мре́жи М. IV. 18, пре́данъ М. IV. 12, стрежа́хꙋ М. XXVII. 36, преткне́ши М. IV. 6, бре́гꙋ М. VIII. 32, вре́мѧ М. XI. 30, прешéлъ М. VIII. 34, пре́жде М. I. 18, преселе́нїѧ М. I. 17, ѡ҆блече́сѧ М. VI. 29,

[1]) Приблизительно въ концѣ XII-го вѣка, къ началу XIII в. (Ср. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб. 1891 г. Изд. 2-е, стр. 68—69.

дре́во М. III. 10, чреслѣ́хъ М. III. 4 и т. д. Подобныя написанія находимъ уже въ Острожской библіи 1581 г.: дре́во (Бытія II), препоѧса́нїѧ (ibid.), посредѣ́ (ibid.), вреди́ (Исходъ гл. VI), потреби́шисѧ (Исходъ гл. IX) и т. д. рядомъ съ оу́мрѣти (Iерем. XXXVIII. 26. Нов. оу́мрети, Первоп. оу́мрети) и пожрѣти (I. Цств. I. 3. 21. Нов. жре́ти, пожре́ти, Первоп. пожре́ти).

Но: грѣхо́въ М. XXVI. 28, срѣтенїе М. XXV. 1, крѣпокъ М. XIV. 30, ѡбрѣта́етъ М. VII. 8 и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, є послѣдовательно пишется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ порядокъ Liquida+Vocalis вториченъ, и въ русскомъ имѣется „полногласіе", отвѣчающее праязыковому Vocalis+Liquida. Въ случаяхъ же, гдѣ сочетанія рѣ, лѣ сохранили праязыковой порядокъ звуковъ—Liquida+Vocalis, мы встрѣчаемъ въ церковнославянскомъ послѣдовательно ѣ.

Эта особенность церковнославянской графики перешла и въ русское правописаніе.

Исключеній изъ этой послѣдовательности немного, и мы коснемся ихъ впослѣдствіи при разсмотрѣніи церковнославянскихъ элементовъ въ русской графикѣ.

Послѣдовательное проведеніе написаній съ є во всѣхъ случаяхъ съ первичнымъ порядкомъ Vocalis+Liquida объясняется, конечно, только тѣмъ, что писавшіе имѣли надежное руководство въ русскихъ полногласныхъ формахъ.

Какого нибудь фонетическаго значенія такія написанія, разумѣется, не имѣли. Какъ аналогичный фактъ можно привести, напримѣръ, извѣстное явленіе, что поляку легче научиться употреблять въ русскомъ письмѣ букву *ѣ*, чѣмъ русскому, такъ какъ онъ во многихъ случаяхъ имѣетъ возможность сообразоваться съ формами своего языка, въ которомъ первичные $\bar{e}$ и *е* имѣютъ различныя соотвѣтствія *-а* (-ia) и *е*.

Какъ другую характерную черту церковнославянскаго вокализма мы должны еще отмѣтить сохраненіе *é* передъ слѣдующимъ непалатальнымъ (твердымъ) согласнымъ, тогда какъ въ русскомъ это *é* измѣнилось въ *ó*. Напримѣръ:

цслав. те́плъ || русск. тёплый (t'ǽpl || t'óplъj)
цслав. сле́зы || русск. слёзы и т. д. (slǽ'zy || sl'ózy).

Эта особенность съ извѣстной вѣроятностью можетъ быть отнесена на счетъ малорусскаго произношенія, хотя одинаково возможно, что она вытекаетъ изъ вполнѣ въ данномъ случаѣ естественнаго стремленія сохранить въ точности „букву". Единственный примѣръ ό=є́: що́гла (Ис. XXXIII. 23. Остр. и Первоп. другой текстъ).

Различеніе въ новой печатной церковнославянской орѳографіи между є и є, встрѣчающееся уже въ Первопечатной библіи (въ Острожской одно є), такой же внѣшній пріемъ, какъ и расмотрѣнное выше употребленіе ȣ, оу, ѧ и ꙗ, и фонетическаго значенія не имѣетъ.

Характерная особенность старо-славянскаго вокализма—сохраненіе ĭ (= ь) передъ слѣдующимъ j — въ церковнославянскомъ удерживается только въ нѣкоторыхъ случаяхъ и часто вытѣснена вліяніемъ русскаго языка. Такъ мы имѣемъ формы:

дні́й... и но́щій... М. IV. 1, мні́й М. V. 19, две́рій М. XXVIII. 2, ѕе́лій Мр. IV. 32, дні́й Л. II. 21, согрѣше́ній М. VI. 15, свині́й М. VIII. 30, пов. пі́й Быт. XXIV. 18.

Но рядомъ: g. pl. дѣте́й М. XV. 38, мȣже́й М. XV. 38, XIV. 21, господе́й М. XV. 27, за́повѣдей М. V. 19, пȣте́й М. XXII. 9, дще́рей Л. I. 5, люде́й Л. II. 31, свине́й Л. VIII. 32, па́стырей Л. II. 18, ѿ дні́й сȣде́й (4 Цств. XXIII. 22), би́серей М. XIII. 45. Кромѣ того въ причастіи рожде́йсѧ М. II. 2, прилагательномъ оу́трей М. VI. 34, и въ мѣстоименіи се́й Л. II. 34, Мр. XII. 7, 10. но сі́й Мр. XII. 16 и т. д.

Въ Острожской библіи въ большинствѣ случаевъ находимъ ї: дѣтїи мȣжїи (bis), господїи, заповѣдїи, пȣтїи, дщерїи, людїи, свинїи, па́стырїи, ѿднїи сȣдеи, рожеисѧ, оу҆трѣи (какъ въ Остром. Еванг.), се́и и т. д. Первопечатная занимаетъ среднее мѣсто: дѣте́й, мȣже́й, (bis), за́повѣдей, рожде́йсѧ, се́й, но господі́й, пȣті́й, дще́рі́й, люді́й, свині́й, па́стырі́й, оу́трі́й.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда *ĭ* передъ слѣдующимъ *j* въ русскомъ исчезаетъ, въ церковнославянскомъ оно сохраняется: оу҆бі́єши М. V. 21 || русск. убьешь (ubʼjóš), чі́ѧ Быт. XXIV. 23 || русск. *чья* и т. д.

Какъ въ русскомъ, ꙑ послѣ заднеязычныхъ г к χ замѣнилось и въ церковнославянскомъ посредствомъ и (Прим. см. ниже на стр. 145—46, 160).

Перечисленными особенностями исчерпываются характерныя черты церковнославянскаго вокализма сравнительно съ русскимъ и старославянскимъ.

2. *Церковнославянскій консонантизмъ* въ своихъ современныхъ особенностяхъ представляетъ нѣкоторыя характерныя черты русскаго.

Прежде всего необходимо отмѣтить такую же точно палатализацію согласныхъ передъ палатальными гласными, какъ и въ русскомъ.

Передъ гласными *е* (обознач. є и ѣ) и *і* (и, і) почти всѣ согласные (за исключеніемъ ж, ш, ц) произносятся палатально, какъ въ русскомъ. Кромѣ этого рода палатальности, находящейся въ зависимости отъ наличныхъ, дѣйствующихъ и теперь причинъ (вліяніе палатальнаго гласнаго), имѣются и случаи палатальности унаслѣдованной, являющейся результатомъ условій, теперь уже не существующихъ.

Такъ въ извѣстныхъ случаяхъ палатальность согласныхъ передъ гласнымъ *а* (обозначаемымъ посредствомъ ѧ, ꙗ, ѧ) объясняется, какъ и въ русскомъ, исторически — вліяніемъ нѣкогда существовавшаго на его мѣстѣ палатальнаго носоваго гласнаго ę (ѧ).

Палатальность согласныхъ, имѣющаяся въ извѣстныхъ случаяхъ передъ *u* (ю), объясняется вліяніемъ *j*, въ настоящее время уже исчезнувшаго.

Такимъ образомъ отношенія церковнославянской палатализаціи согласныхъ въ общемъ одинаковы съ отношеніями русской.

Какъ въ русскомъ, область палатализаціи расширяется привлеченіемъ заднеязычныхъ согласныхъ к г χ передъ ꙑ, которое переходитъ въ и:

Acc. pl. проро́ки М. II. 23 (Остр. еще прⷪ҇окы, Первоп. прⷪ҇оки), сапогѝ М. III. 11 (Остр. и Первоп. такъ же), дрꙋги М. V. 47 (Остр. дрꙋгы, Первоп., какъ въ Новой), мѧ̑гки М. XI. 8 (Остр. мѧ̑ккы, Первоп. мѧ́кки), мѣχи ве́тχи (Остр. мѣχы ве́тχы, Первоп.

какъ въ Новой), Мр. II. 22, пекі́йсѧ М. IV. 27 (Остр. пекїисѧ, Первоп., какъ въ Новой) и т. д.

Какъ въ большинствѣ русскихъ говоровъ согласные ж, ш, ц, непалатальны и вообще къ палатализаціи неспособны, что вызываетъ такія написанія: ѿшéдшымъ (М. II. 13. Остр. ѿшѣшим, Первоп. какъ въ Новой), влѣзшымъ (М. XIV. 32. Остр. и Первоп. двойств. число), ва́шъ (Мр. XII. 29. Остр. вашъ, Первоп. какъ въ Новой), на́шъ (М. VI. 9. Остр. и Первоп. такъ же), бы́вшыѧ (М. XI. 21. 23. Остр. бывшаѧ, Первоп. какъ въ Новой), ва́шымъ М. XI. 29. Остр. ва́шимъ, Первоп. какъ въ Новой), на́шымъ (М. VI. 12. Остр. на́ши, Первоп. какъ въ Новой), бы́вшымъ Мр. XVI. 10. Остр. бы́вшимъ, Первоп. какъ въ Новой), йспро́шъ (Л. I. 63. Остр. йспрошъ, Первоп. какъ въ Новой), оу́жы (Instr. pl. Мр. V. 4. Остр. ю́жи, Первоп. оу́жи), оусѣцы (М. V. 30. Остр. оусѣци, Первоп. какъ въ Новой), въ срдцы (М. XII. 40. Остр. срдци, Первоп. срдцы, Л. II. 19. Остр. и Первоп. срцы, тамъ же 51: Остр. срци, Первоп. срцы), праведницы (М. XXV. 46. Остр. пра́вѣници, Первоп. какъ въ Новой), пецы́тесѧ (М. VI. 25. Остр. пецѣтесѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Рядомъ имѣются и написанія, сохранившія старославянское и: ме́ншихъ (М. XXV. 40, 45. Остр. меншихъ, Первоп. какъ въ Новой), N. s. f. оуго́ждши (Мр. VI. 22. Остр. оугожьши, Первоп. какъ въ Новой), N. pl. лу́чши (М. VI. 26. Остр. и Первоп. такъ же), N. s. f. бо́лши (М. VI. 25. Остр. болши. Первоп. какъ въ Новой), оу́шїю (Л. IV. 21. Остр. оушїю, Первоп. какъ въ Новой), слы́шите (М. X. 27. Остр. и Первоп. такъ же), мре́жи (М. IV. 18, 20, 21. Остр. очевидная опечатка мержю, мре́жѧ, мре́жю, Первоп. Acc. pl. му́жи и му́жы (Суд. VIII. 16. мре́жю, мре́жа, мре́жю), 17. Остр. му́жа, Первоп. му́жа, му́жы), N. pl. мѧте́жи (Мр. XIII. 8. Остр. и Первоп. такъ же), оу́жики (Л. I. 58. N. pl. Остр. оу́жикы, Первоп. какъ въ Новой), бжі́ихъ (М. IV. 4. Остр. и Первоп. такъ же), бѣжи́ (М. II. 13. Остр. бѣжи, Первоп. какъ въ Новой), возло́жь (Л. IV. 40. Остр. възложь, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Случаевъ написанія ю послѣ ж, ш въ Новой Библіи не встрѣчается, хотя они не рѣдки въ Острожской и Первопечатной: мрє́жю (М. 18, 21. Остр. и Первоп.), сѣжю́ (Іерем. XL. 10. Первоп., въ Остр.—8), но сѣжꙋ (Апок. XVIII. 7.), ви́жꙋ (Іоа. XX. 24.). Ср. также написанія въ родѣ: въпросишѧ (Остр. М. XII. 10. Нов. и Первоп.—а), и҆до́шѧ (Остр. М. XII. 15 Первоп. и Нов.—а), рядомъ однако съ сътвори́ша и. т. д. ibid. 14).

Такія написанія, какъ влѣ́зшымъ, бы́вшыѧ и т. д. (см. выше), вызвали въ свою очередь написанія: ни́щымъ (М. XXVI. 9. Остр. ни́щимъ, Первоп. какъ въ Новой), спѧ́щымъ (М. XXVIII. 13. Остр. спѧщемъ, Первоп. спѧ́щемъ), сѣдѧ́щымъ, возглаша́ющымъ (М. XI. 16. Остр. сѣдѧ́щимъ, възглаша́ющимъ, Первоп. какъ въ Новой), пла́чꙋщымсѧ, рыда́ющымъ (Мр. XVI. 10. Остр. и Первоп. пла́чющимсѧ, рыда́ющимъ), болѧ́щыѧ (Л. IV. 40. Остр. болѧ́щїа, Первоп. болѧ́щїѧ) и т. д. Кромѣ стремленія провести однообразіе въ правописаніи ы послѣ „шипящихъ", здѣсь очевидно имѣлось и уподобляющее вліяніе такихъ, вполнѣ законныхъ фонетически, написаній, какъ, напримѣръ, до́брымъ, до́брыѧ и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, ы послѣ щ является лишь въ Новой библіи, въ Острожской мы имѣемъ б. ч. и. Первопечатная занимаетъ среднее положеніе между обѣими.

Едва ли можно думать, чтобы подобныя написанія были вызваны произношеніемъ (въ современномъ церковномъ произношеніи, какъ и въ русскомъ ч палатально(=č'), и щ=š'č'). Въ другихъ формахъ мы встрѣчаемъ правильное и: Acc. du. но́щи М. XII. 40, N. s. f. и҆мꙋ́щи М. I. 18, G. pl. но́щій М. IV. 1. и т. д.

Съ другой стороны послѣ ч мы чрезвычайно рѣдко встрѣчаемъ ы, что навѣрное случалось бы чаще, если бы ч означало собой согласный непалатальный. О палатальности ч свидѣтельствуютъ также частые случаи ю послѣ ч, вмѣсто ꙋ, имѣющіеся въ Острожской и Первопечатной библіяхъ: чю́жи (Ефес. II. 12), чюжи́мъ (Дѣян. XVII. 18) и. т. д. Въ Новой послѣдовательно проведено ꙋ. Случаи такого ы послѣ ч объясняются ассимиляціей на письмѣ къ другимъ формамъ, гдѣ ы было законно, напр. N. pl. f. про́чыѧ (М. XXV. 11. Остр. про́чаа, Первоп. прѡ́чыѧ) подъ вліяніемъ мꙋ́дрыѧ и т. п.

*

формъ (тамъ же), D. pl. прóчымъ (Мр. XVI. 13. Остр. и Первоп. прóчимъ) подъ вліяніемъ такихъ, какъ мꙋ́дрымъ; мечы̀ (Acc. pl. Ис. XLI. 2. Остр. мечà, Первоп. мечи̇̀) подъ вліяніемъ такихъ какъ рабы̀ и т. д. Такъ какъ въ сочетаніи щ (š'č') č очевидно ничѣмъ не отличалось отъ č независимаго, то есть основаніе думать, что написанія съ ы послѣ щ въ родѣ вышеприведенныхъ (ни́щымъ и т. д.), суть только слѣдствія морфологической ассимиляціи (аналогіи), попытка провести на письмѣ вездѣ одинъ ороографическій пріемъ, причемъ уподобляющими типами были формы, подобныя мꙋ́дрымъ, влѣ́зшымъ и т. д.

Историческія же отношенія церковнославянской палатализаціи сохраняютъ характерныя старославянскія черты. Такъ сохранилось такъ называемое „переходное смягченіе“ заднеязычныхъ г к χ въ з ц с, имѣющее мѣсто въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ старославянскомъ: вóзн (Исходъ XX. 3), прорóцы (Луки XVI. 16) и т. д.

Старославянскія соотвѣтствія первичныхъ *tj*, *dj* (*kt*, *gt*, *χt*) сохранились также, хотя и съ измѣненнымъ произношеніемъ.

Случаевъ замѣны церковнославянскихъ щ и жд русскими соотвѣтствіями *ч* и *ж* немного. Примѣрами могутъ служить: сѣ́жꙋ (Iерем. XL. 10. Остр. сѣжꙋ, Первоп. сѣжю̀), пре́жніи (Тов. VI. 15. Остр. и Первоп. друг. текстъ), нꙋ́жнаго (Прем. Солом. XVI. 3. Остр. и Первоп. такъ же), ѹ҆твержа́ѧй (Амосъ IV. 13. Остр. и Первоп. ѹ҆твержа́етъ), ю҆́ницꙋ ры́жꙋ Числ. XIX. 2. (Остр. и Первоп. такъ же), благонаде́женъ (Притчи XIX. 18. Остр. и Первоп. друг. текстъ), говѧ́жа (Лев. VII. 23. Остр. и Первоп. такъ же), ѹ҆твержꙋ̀ (Лев. XVII. 10. Остр. и Первоп. друг. текстъ), стꙋ́жею (Второзак. XXVIII, 22. Остр. и Первоп. друг. текстъ), сѣ́жꙋ (Апок. XVIII. 7. Остр. и Первоп. такъ же), ви́жꙋ (I. XX. 25. Остр. и Первоп. такъ же), процѣже́ное (Амосъ VI. 6. Остр. цѣ́женое, Первоп. цѣже́ное), ко́нь ры́жъ (Апок. VI. 4. Остр. и Первоп. такъ же), возбꙋ́жꙋ (I. XI. 11. Остр. и Первоп. возбꙋ́ждꙋ), блꙋже́ніе (1 Кориѳ. V. 1. Остр. и Первоп. такъ же), блꙋже́ніѧ (Римл. I. 29. Остр. блꙋже́ніѧ, Первоп. какъ въ Новой), пощажꙋ̀ (Iова VI. 10. Остр. непостыжꙋсѧ, Первоп. не по-

стыжусѧ), постыжусѧ (2 Коринѳ. X. 8. Остр. постыжусѧ. Первоп. какъ въ Новой), та́коже (Галат. IV. 3. Остр. такоже, Первоп. какъ въ Новой), ѡбнаде́живаетъ (4 Цств. XVIII. 30. Остр. и Первоп. другой текстъ), невѣжство (Ефес. IV. 18. Остр. невѣжьство, Первоп. какъ въ Новой), нужнѣйше (Филип. I. 24. Остр. и Первоп. такъ же), невѣжствующымъ (Евр. V. 2. Остр. невѣжъствующихъ, Первоп. невѣжствующихъ), невѣжествїихъ (Евр. IX. 7. Остр. и Первоп. другой текстъ) и наоборотъ въ Новой библіи вхождаху (Евр. IX. 6. Остр. вхожаху, Первоп. вхождаху), стыждусѧ (2 Тимоѳ. I. 12. Остр. и Первоп. постыжусѧ), то́жде (М. V. 46. Остр. тоже, Первоп. какъ въ Новой), та́кожде (М. V. 47. Остр. та́коже, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. жд=зж также не всегда сохраняется. Часто находимъ формы съ возстановленнымъ зж: изженутъ (Л. XI. 49. Остр. іженутъ, Первоп. какъ въ Новой), возжелѣхъ (Л. XXII. 15. Остр. въжелѣхъ, Первоп. вождelѣхъ), изженꙋ (I. VI. 37. Остр. иженꙋ, Первоп. какъ въ Новой), возжелѣющихъ (2. Коринѳ. IX. 14. Остр. въжделѣющемъ, Первоп, вождeлѣющемъ), разжиза́юсѧ (ibid. XI. 29. Остр. разжизаюсѧ, Первоп. разжиза́юсѧ), изжени (Галат. IV. 30. Остр. и Первопеч. такъ же) и т. д., но прїиждиве́ши (Л. X. 35. Остр. такъ же, Первоп. преиждиве́ши), иждене́тъ (I. X. 4. Остр. такъ же; Первоп. изжене́тъ), иждиви (Дѣянія Ап. XXI. 24. Остр. и Первоп. такъ же), раждеже́нїѧ (Апок. XVIII. 18. Остр, ражеженїа, Первоп. какъ въ Новой), разжего́сте (Ис. L. 11. Остр. ражего́сте, Первоп. разжего́сте), хотя рядомъ раждиза́ете (тамъ же. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, Острожская библія нѣсколько лучше сохраняетъ первичныя старославянскія отношенія, тогда какъ Первопечатная въ этомъ отношеніи приближается къ Новой, исправленной. Смѣшанную форму изждени находимъ I. Сир. VII. 28. (Остр. иждени, Первоп. какъ въ Новой). Случаи замѣны цслав. щ посредствомъ русскаго *ч* рѣже; большая часть ихъ приходится на различныя формы прилагательнаго *чуждый:* чуждихъ (Дѣянія XVII. 18. Остр. чюжим, Первоп. чюжимъ), чужде́му (Римл. XIV. 4. Остр. чюждемꙋ, Первоп. чюж-

дѣмꙋ), чꙋжди (Ефес. II. 12. Остр. и Первоп. чюжи), чꙋжыѧ (Быт. XXXI. 15. Остр. и Первоп. чꙋжди), чꙋжихъ (М. XVII. 26. Остр. чꙋжихъ, Первоп. чꙋждихъ), млаченїе (Лев. XXVI. 5. Остр. млаченїе. Первоп. какъ въ Новой), плечѣ (1 Цств. IX. 24. Остр. и Первоп. другой текстъ), изверчꙋ (1 Цств. XI. 2. Остр. и Первоп. такъ же), оукрочаеши (Псал. 88. 10. Остр. оукротиши, Первоп. какъ въ Новой), измлаченны (Iерем. LI. 33. Остр. млаченїѧ, Первоп. млаченїѧ), млачаше (Суд. VI. 11. Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

Что касается произношенія согласныхъ сочетаній жд и щ, то оно разнится отъ новоболгарскаго и, вѣроятно, и старославянскаго. Въ то время какъ въ новоболгарскомъ щ=št и жд=žd, церковнославянское щ въ общераспространенномъ произношеніи =š'č' во всѣхъ случаяхъ, а жд только передъ непалатальными гласными имѣетъ то же звуковое значеніе, что въ новоболгарскомъ (žd); передъ палатальными же оно является звонкой параллелью щ и произносится какъ ž'ǯ' (въ произношеніи тѣхъ лицъ, которыя и въ русскомъ имѣютъ š'č', не (š)=*жджс.* На чемъ основано такое произношеніе? Тредьяковскій въ своемъ „Разговорѣ о правописаніи“ [1]), указывая на различіе нашего выговора отъ южнославянскаго *(иллірическихъ славянъ),* говоритъ о произношеніи *щ:* „я не знаю, отъ кого мы сперва научілісь проізносіть ея за (шч), развѣ токмо отъ малороссіанъ“.

Какъ ни вѣроятно вообще вліяніе малорусскаго выговора на традиціонный церковнославянскій, но въ данномъ случаѣ ссылка на малорусскій намъ ничего не объясняетъ. И въ малорусскомъ, какъ и въ великорусскомъ, будетъ на мѣстѣ первичнаго tj—*ч*, а *щ(=шч)* вмѣсто этого сочетанія только и можетъ быть церковнославянскаго происхожденія.

Намъ кажется, что для объясненія церковнославянскаго произношенія щ (стсл. **шт**) = *шч* должно исходить отъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ старославянское **шт** является корреспонден-

---

[1]) Александръ Смирдинъ. Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ. Сочиненія Тредьяковскаго. Санктпетербургъ. Въ Типогр. Имп. Акад. Наукъ. 1849, т. III, стр. 136.

томъ первичнаго сочетанія *skj*, напр. **врѣтниште, влагалиште, житиште** и т. д. и которыя, въ виду русскихъ *городище, логовище, топорище* и т. д. легко могли принять произношеніе щ=*шч*. Также должны были, навѣрное, имѣть значеніе въ этомъ случаѣ русскія формы: *пущу, прощу* и т. д., гдѣ сочетаніе *шч* объясняется изъ **пустју*=**пусчу*=**пушчу* и т. д., а также *ищу, трещу* и т. д., гдѣ *шч*=опять *skj*. (Въ старославянскомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ будетъ **шт**). Въ виду соотвѣтствія старославянскаго и церковнославянскаго *знаковъ* щ (**шт**) русскимъ сочетаніямъ *звуковъ шч* въ вышеприведенныхъ случаяхъ, знакъ щ легко могъ получить звуковое значеніе сочетанія *шч* и въ такихъ случаяхъ, какъ свѣща̀, пи́ща, враща́ти и т. д., но́щь, мо́щь, рещѝ и т. д., гдѣ русскій языкъ представляетъ уже совсѣмъ другой рефлексъ первичныхъ tj, kt, gt, а именно *ч*.

Въ пользу вторичности произношенія щ передъ непалатальными гласными какъ *шч* (не *шт*) говоритъ и то обстоятельство, что жд сохранило передъ ними свое первичное звуковое значеніе. Не безъ вліянія на звуковое значеніе этихъ графическихъ знаковъ осталось, конечно, и то, что въ церковнославянской графикѣ сочетаніе шт давно уже вывелось изъ употребленія и уступило мѣсто лигатурѣ щ, составныя части которой замаскированы и не кидаются въ глаза, тогда какъ сочетаніе жд своей ясностью не давало никакого повода къ недоразумѣнію.

Если и допустить, что знакъ щ первично обозначалъ сочетаніе звуковъ št и передъ непалатальными, и передъ палатальными гласными, и только впослѣдствіи št передъ палатальными измѣнилось въ š'č' (ср. колебанія въ русскихъ говорахъ между формами *шти* и *щи*), все же придется признать, что распространеніе произношенія š'č' и на щ передъ непалатальными гласными есть явленіе вторичное и обязанное своимъ происхожденіемъ, во-первыхъ, сбивчивости самой лигатуры щ, во-вторыхъ, безсознательной подстановкѣ имѣвшагося въ языкѣ сочетанія š'č', которое въ извѣстныхъ случаяхъ совпадало со старославянскимъ **шт**, во всѣ случаи, гдѣ писалось въ церковнославянскомъ щ.

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ примѣръ вліянія графики на

фонетическую сторону языка, которое въ свою очередь опиралось на извѣстныя звуковыя особенности.

Въ то время какъ щ во всѣхъ случаяхъ имѣетъ звуковое значеніе š'č', жд выражаетъ собой три сочетанія согласныхъ: ž'd передъ гласными непалатальными и ž'ǯ' или žd' передъ гласными палатальными. Первое и послѣднее произношеніе жд (žd и žd') являются результатами строгаго соблюденія „буквы", точнаго чтенія написаннаго. Такъ какъ графическое обозначеніе было совершенно опредѣленно, то первичное звуковое значеніе жд (если руководиться новоболгарскимъ) сохранилось въ церковнославянскомъ произношеніи и изъ него перешло и въ русскій языкъ. Для того, чтобы найти исходный пунктъ для произношенія жд = = ž'ǯ' (передъ палатальными гласными), должно, мнѣ кажется, обратиться къ случаямъ русскаго ž'ǯ', возникшаго на русской почвѣ изъ сочетаній *zdj* и *zg'* - (*i*), *zgj*, каковы, напримѣръ: *дождь* (dóš'č', dåž'ǯ'á), *ѣзжать* (jęž'ǯ'áⁱt'), *можжить* (måž'ǯ'ít') и т. д. и которымъ въ старославянскомъ (и церковнославянскомъ) должны отвѣчать формы съ жд. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что случаи эти довольно рѣдки, и подходящихъ церковнославянскихъ формъ съ жд сохранилось еще меньше, такъ что вѣроятность такого объясненія не особенно велика. Возможно еще предположеніе, что ž'ǯ' въ заимствованныхъ изъ цсл. словахъ развилось уже на русской почвѣ изъ žd' такъ, какъ развилось *щи* изъ *шти* (š'č'i ‖ št'í). Въ самомъ дѣлѣ въ говорѣ нѣкоторыхъ можно слышать *подожди* какъ ръdåž'ǯ'í, или *ждешь*, какъ ž'ǯ'óš. Но съ другой стороны необходимо замѣтить, что произношеніе *жд* передъ палатальными гласными въ церковнославянскихъ словахъ какъ ž'ǯ' (напр. rъž'ǯ'æstvó = рождество) встрѣчается въ говорѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя произносятъ *жд* въ *подожди* и тому подобныхъ формахъ какъ žd'. Мы имѣемъ слишкомъ мало положительныхъ данныхъ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, особенно въ виду почти полнаго отсутствія дѣйствительно научной разработки русскихъ говоровъ въ фонетическомъ отношеніи, которая могла бы пролить свѣтъ на нѣкоторые побочные вопросы. Произношеніе щ = š'č' и жд (передъ палатальными гласны-

ми)=ž̌'ȝ̌' въ заимствованныхъ изъ церковнославянскаго словахъ, разумѣется, имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ русскихъ говорахъ, которымъ свойственны эти сочетанія согласныхъ. Въ говорахъ, гдѣ, вмѣсто *шч* (š'č') и *ждж͡* (ž̌'ȝ̌') встрѣчаемъ *шш* (š̄) *жж* (ž̄), имѣется безразлично p'īšå (*пишша*=цслав. пиша) и roš̄å (*рошша*= русск. *роща*), pr'æ̌ž̄æ (*прежже*=цсл. прѣжде, стсл. **прѣжде**) и vōž̄y (русск. *вожжи*). Возможно, что произношеніе жд какъ ž̌'ȝ̌' (*ждж͡*) отразилось въ такихъ написаніяхъ древнерусскихъ памятниковъ, какъ *въжчелѣша* (Евангеліе Моск. Типогр. Библ. № 6. XII — XIII в. Соболевскій. Очерки изъ исторіи русск. языка. Ч. I. Кіевъ 1884. Стр. 16), *ижчену*, *дожчь*, *въжьчизаеть* (Галицкое Евангеліе Имп. Публ. Библіот. 1266—1301 г. Тамъ же. Стр. 25) и т. д.

Въ этомъ *жч* надо видѣть попытку изобразить наличными средствами графики сочетаніе ž̌'ȝ̌' (*жджс*, польск. żdż). Особенно часто встрѣчаются такія написанія въ южно-русскихъ памятникахъ (Ср. цитированное сочиненіе, стр. 110 и Владимірова, Обзоръ южно-русскихъ и западно-русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст. Кіевъ. 1890. Passim). Кромѣ южно-русскихъ памятниковъ, подобныя написанія имѣются и въ нѣкоторыхъ новгородскихъ рукописяхъ, а именно въ Псалтыри 1296 г. *дъжчьвнымъ* и въ Прологѣ XIII в.—*пригвожчено* (Archiv für Slav. Philologie. VII. 70). Встрѣчающіяся въ сѣверно-русскихъ памятникахъ написанія съ *жг*, въ родѣ *дожгя*, *пригважгяя* и т. д. (Соболевскій. Очерки и т. д. стр. 126) представляются загадочными (ср. цитир. сочиненіе, стр. 153).

Изрѣдка находимъ написанія съ ю послѣ жд, свидѣтельствующія о палатальномъ его произношеніи въ извѣстныхъ случаяхъ: надождю̀ (I. s. Praes. Ам. IV. 7. Нов. и Первопеч.; Остр. надождꙋ), ѿдождю̀ (Исх. XVI. 4. Остр. ѡ҆дождꙋ, Первоп. ѡ҆дождю̀; Іезек. XXXVIII. 22. Остр. ѡ҆дождꙋ, Первоп. какъ въ Новой), хотя рядомъ встрѣчаемъ ѿсꙋждꙋ (Іезек. XXXVIII. 22) и. т. д. Вліяло здѣсь очевидно русское произношеніе: *сужу̀* = sužú,— *дождю̀*=dåž̌'ȝ̌'ù. Такъ какъ въ первой формѣ ž непалатально въ русскомъ, то и въ церковнославянскомъ находимъ—ꙋ, тогда какъ

формы *дождь, дождя, дождю* представляютъ сочетаніе палатальныхъ согласныхъ ž'ǯ'. Палатальность эта передана въ церковносл. написаніи съ—ю.

Другой особенностью церковнославянскаго консонантизма, отличающей его отъ русскаго, а также, вѣроятно, и старославянскаго, является и произношеніе г какъ заднеязычнаго спиранта (γ), а не какъ эксплозива (g, какъ въ русскомъ). Съ которыхъ поръ произносится такимъ образомъ г, сказать трудно, за неимѣніемъ какихъ-либо данныхъ. Мелетій Смотрицкій въ своей грамматикѣ помѣщаетъ г не въ разрядъ *полгласныхъ*, которыя „бо́лѣе гласѧтъ“ (ж, ѕ, з, л, м, н, р, с, ц, ч, ш, щ, ѯ, ѱ), а въ разрядъ *безгласныхъ* (Mutae?). Но его классификація звуковъ не можетъ дать никакихъ указаній въ виду того, что въ томъ же разрядѣ „безгласныхъ“ мы находимъ и несомнѣнные спиранты, какъ ф, χ, в и т. д.: „безгла́сна соу́ть б в г д к п т ф χ ѳ“ (л. н҃). Въ другомъ мѣстѣ онъ причисляетъ г вмѣстѣ съ ѕ ф ѯ ѱ ѳ къ буквамъ „страннимъ“, которыя „ѿ гре́кѡвъ привзѧ́та“, не упоминая однако о многихъ другихъ знакахъ также греческаго происхожденія.

Такимъ образомъ никакихъ полезныхъ указаній въ этомъ отношеніи Смотрицкій не можетъ дать; зато у Лавр. Зизанія въ глоссаріи, приложенномъ къ граматикѣ, находимъ глоссу: є҆гда̀—кгды̑, которая указываетъ на противоположеніе имъ церковнославянскаго г=γ (звонкій заднеязычный спирантъ) польскому g (звонкій заднеязычный взрывной), заимствованному въ данной частицѣ и въ югозападный русскій языкъ. Отсюда можно заключать, что въ концѣ XVI в. (разумѣется и раньше) церковнославянское г, по крайней мѣрѣ въ югозападной Руси, означало собой звонкій заднеязычный спирантъ, имѣющійся и донынѣ въ традиціонной церковнославянской звуковой системѣ. Спирантное произношеніе г, перешедшее, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ и въ русскій языкъ, отражается и въ языкѣ многихъ лицъ духовнаго званія или происходящихъ изъ духовенства. Такое произношеніе встрѣчается довольно часто у означенныхъ лицъ, хотя бы по мѣсту своего рожденія они и принадлежали къ такимъ великорусскимъ говорамъ, въ которыхъ этотъ спирантъ въ независимомъ положеніи

вовсе не встрѣчается. Есть основаніе думать, что эта особенность малорусскаго происхожденія, какъ это было уже предполагаемо и другими учеными [1]). Хотя профессоръ Ягичъ въ своемъ разборѣ русской грамматики г. Богородицкаго (Jagic. Archiv f. sl. Philologie Bd. XI. 1888, стр. 458) и отрицаетъ возможность малорусскаго вліяпія на церковнославянское произношеніе, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ нимъ, въ виду весьма правдоподобныхъ соображеній историческаго характера. Главнымъ аргументомъ противъ возможности такого вліянія проф. Ягичъ выставляетъ сильное нежеланіе малорусскихъ грамматиковъ признавать какое-либо соприкосновеніе малорусскаго и церковнославянскаго: „dass die neuere Kirchenslavische Sprache unter grossem Einflusse gerade der Kleinrussischen sich herausgebildet habe, das wird man nicht nachweisen können. Perhorresciren ja doch selbst in neuester Zeit manche Kleinrussische Grammatiker jeden Contact mit dem kirchenslavischen. Das würden sie kaum thun, wenn sie in der üblichen kirchenslavischen Sprache viele kleinrussiche Anklänge finden zu können hofften“. Между отъ тѣмъ, если мы взвѣсимъ тѣ общеизвѣстные факты, что все относящееся до обрядности, до богослуженія и т. д. сохраняется съ большимъ постоянствомъ и точностью (преданностью традиціонной буквѣ), что русская церковь имѣла свою колыбель въ Кіевѣ и оттуда распространилась по всей Руси, что въ XVII вѣкѣ мы опять встрѣчаемся въ исторіи русскаго просвѣщенія съ сильнымъ приливомъ въ Москву югозападныхъ, кіевскихъ ученыхъ (которые, между прочимъ, имѣли немало дѣла и съ богослужебными книгами, а также учили въ школахъ для духовенства), то предположеніе о возможности малорусскаго вліянія на традиціонное церковнославянское произношеніе пріобрѣтаетъ вполнѣ правдоподобный характеръ. Объяснить иначе, какъ изъ малорусскаго, спирантное произношеніе цсл. г (=γ) не представляется возможнымъ. Какъ другой остатокъ малорусскаго вліянія можно разсматривать (съ меньшей вѣроятностью) упомянутое выше (стр. 143) сохраненіе ударенпаго є передъ слѣдующимъ непалатальнымъ согласнымъ.

---

[1]) Ср. Бодуэнъ де-Куртенэ. Подробная Программа Лекцій. 1878 г. Стр. 62.

Изъ другихъ особенностей церковнославянскаго консонантизма можно указать на возникновеніе (въ силу исчезновенія ъ и ь въ открытыхъ слогахъ) невозможныхъ для старославянскаго сочетаній согласныхъ, которыя еще поддерживаются (точнѣе возстановляются) чутьемъ этимологическаго состава слова. Таковы случаи: зсх — ѝзсхо́ша (Іерем. XXIII. 10. Остр. ѝсшєна бы҃, Первоп. ѝсше́на бы́сть), зжг — возжгꙋ (Іерем. XXI. 14. Остр. вѫжгꙋ, Первоп. вожгꙋ, ibid. L. 32. Остр. вѫжгꙋ, Первоп. вожгꙋ), зжж (zz'з'?)— разжже́ный (Іезек. XX. 47. Остр. и Первоп. раждеже́ный). Точно такъ же возстановляется сочетаніе зш: возшꙋмѣша (Іерем. XXXI. 36. Остр. вѫзшꙋмѣша, Первоп. возшꙋмѣша) и т. д. Слѣдовъ діалектическаго вліянія на фонетику церковнославянскаго языка немного: образчиками могутъ служить случаи ч вмѣсто ц, встрѣчающіеся изрѣдка, напр. чепе́й (Суд. VIII. 26. Остр. и Первоп. гри́венъ) че́пи, чепо́чки (Исх. XXVIII. 24. 25 Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Особенности эти внесены уже въ текстъ Новой Библіи, какъ видно изъ примѣровъ.

Морфологическія особенности церковнославянскаго языка.

А. Склоненіе.

§ 3. Характерныя особенности церковнославянскаго склоненія, отличающія его отъ старославянскаго и часто совпадающія съ особенностями русскаго, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: a) особенности, являющіяся слѣдствіемъ различныхъ фонетическихъ измѣненій спонтанеическихъ и комбинаторныхъ, свойственныхъ русскому языку и перенесенныхъ въ церковнославянскій; b) особенности, обусловленныя чисто морфологическими процессами (морфологической ассимиляціей или аналогіей).

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими спонтанеическими.

Въ ряду особенностей первой категоріи отмѣтимъ измѣненія старославянскихъ формъ вслѣдствіе измѣненія краткихъ гласныхъ ъ и ь, одинаковаго съ русскимъ:

Творит. ед. числа на о-*мъ* вмѣсто стсл. ъ-мь у основъ на u-: до́момъ Мат. XXIV. 45. сы́номъ (Мелет. Смотрицкій л. 113) и т. д.; съ другой стороны формы эти однако совпа-

дають съ соотвѣтствующими формами основъ на о-, гдѣ о первично, и могли быть вызваны вліяніемъ этихъ послѣднихъ. Творит. ед. числа на є-мъ вмѣсто стсл. ь-мь у основъ на і- или на согласный: ѻгнемъ (М. III. 11), пѹтемъ (М. VIII. 28), и҆менемъ (М. VII. 22), небесемъ М. XXIII. 22 и т. д. Дат. и твор. двойств. ч.: и҆менема (М. Смотр. л. 115), ѻ҆трочѧтема (ibid. л. 114). Дательный и предложный множ. у тѣхъ же основъ: болѣзнемъ М. XXIV. 8, дверемъ Мр. I. 33. пѹтемъ (Ис. LV. 3), словесемъ (Л. I. 20) и т. д. дверехъ (М. XXIV. 33), ꙗ҆слехъ (Л. II. 7. 12), пѹтехъ (Ис. XLII. 24), и҆менехъ (Дѣянія XVIII. 15) и т. д. [1]).

Измѣненіе краткаго гласнаго ь, видоизмѣняющее обликъ старославянскихъ формъ, имѣетъ мѣсто еще въ родительномъ множ. основъ на -і муж. и женскаго рода: лактей Быт. VI. 15. ѕверей ib. 19. пѹтей (М. XXII. 9), заповѣдей (М. V. 19) русск. *путей, костей*, стсл. пѫтьи, пѫтии; костьи, кости.

Также въ родит. множ. основъ на ū-: церквей II. Коринѳ. VIII. 19. Апок. I. 20. (р. церквей, стсл. кръвьи, кръвии), основъ на r-: дщерей Л. I. 5, которыя идутъ въ церковнославянскомъ по типу основъ на і- (русск. *дочерей*, стсл. дъштеръ).

Случаи съ сохраненіемъ старославянскаго и=ь имѣются рядомъ съ приведенными формами: днїй (Л. XIII. 14) и дней (М. XI. 12). См. другіе примѣры выше: стр. 144).

Въ образованіи нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ могла играть роль и морфологическая ассимиляція къ соотвѣтствующимъ формамъ другихъ основъ. Кромѣ основъ на о-, которыя, какъ было сказано, могли повліять на склоненіе основъ на u-, на формы въ родѣ тв. ѻгнемъ, дат. мн. пѹтемъ, могли вліять формы основъ на jo-, гдѣ -ѥ-мь и -ѥ-мъ являлись вполнѣ законными въ смыслѣ фонетическомъ.

Измѣненіе носовыхъ гласныхъ ѫ, ѧ въ простое *и*, *а* (съ

[1]) Написанія съ -ѣхъ, встрѣчающіяся также у этихъ основъ, объясняются морфологической ассимиляціей на письмѣ къ соотвѣтствующимъ формамъ основъ на о- (См. ниже § 12-й въ концѣ).

предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ въ извѣстныхъ случаяхъ) отразилось также въ церковнославянскомъ склоненіи на различныхъ окончаніяхъ, въ составѣ которыхъ имѣлся тотъ или другой изъ этихъ гласныхъ.

Въ винительномъ падежѣ ед. ч. бывшихъ основъ муж. и женск. рода на ā- и jā-, вмѣсто старославянскаго ѫ, находимъ -*u*, какъ въ русскомъ (ꙋ, ю): странꙋ М. II. 11, зе́млю М. II. 20, ю́ношꙋ Дѣянія Ап. XXIII, 17, 18, сꙋдію Д. Ап. VII. 27 и т. д.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. тѣхъ же основъ, а также основъ ж. р. на ū-, і- и на г-: водо́ю М. III. 11. кро́вію Римл. V. 9 мт҃рію М. II. 11 и т. д. вмѣсто старославянскаго ѭ имѣется -ju (ю).

Въ именительномъ и винительномъ падежѣ ср. р. на n- (en-, men-), nt-, вмѣсто старослав. ѧ, имѣется, какъ въ русскомъ -а или -'а (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ), обозначаемое посредствомъ ѧ и а: и́мѧ М. I. 21, 25, вре́мѧ М. II. 7, о́троча М. II. 9, 11 и т. д.

Въ отглагольныхъ именахъ прилагательныхъ (причастіяхъ) вмѣсто старосл. -ѧ, -ѩ такъ же, какъ въ русскомъ, имѣется *а*, -'*а* (съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ) или -*ja*, обозначаемыя посредствомъ ѧ или а: проси́й, ищай М. VII. 8. гл҃го́лѧ М. I. 19, исцѣлѧѧ М. IV. 23, оу́ча Л. V. 17, лежа І. XI. 41, скача Д. Ап. III. 8.

Въ мѣстоименномъ склоненіи; у основъ на о-: въ родит. падежѣ ед. ч. ж. р. мѣстоименія указательнаго тъ, та, то: тоѧ (стсл. **тоѩ**) Л. VI. 49. тыѧ книги Евр. IX. 19; въ винит. падежѣ ед. числа того же рода: тꙋю Іерем. XXV. 12. Быт. III. 17. (Московская библія 1663—тꙋ, стсл. **тѫ**); въ творит. падежѣ ед. числа то́ю (стсл. **тоѭ**).

Во множественномъ числѣ: винит. ж. р. тыѧ (стсл. **ты**) I. X. 16, тотъ же падежъ м. р. тыѧ (стсл. **ты**) Апок. IX. 6.

Въ винит. падежѣ ед. ч. мѣстоименія личнаго: мѧ, тѧ (стсл. **мѧ, тѧ**) Іоа. II. 48; въ творительномъ ед. ч. мно́ю Іоа. VIII. 29 (стсл. **мъноѭ**), тобо́ю (стсл. **тобоѭ**) Іоа. IV. 27.

У основъ на jo-: въ род. падежѣ ед. ч. ж. р. указатель-

наго мѣстоименія стсл. и, ꙗ, ѥ: ѥ҆ѧ̀ (стсл. ѥѩ) М. I. 19, притяжательныхъ мѣстоименій: моеѧ̀ (стсл. моѥѩ) I. VIII. 43, твоеѧ̀ М. I. 20, своеѧ̀ М. X. 10. вашеѧ̀ Д. Ап. III. 22.

Въ винит. падежѣ ед. ч. ж. рода: ю҆̀ (стсл. ѭ) М. IX. 22. I. 19, мою̀ (моѭ) I. VI. 54, твою̀ I. IV. 42, свою̀ М. I. 24.

Въ творительномъ падежѣ ед. ч. є҆́ю (стсл. ѥѭ) I. XVII, 26, не́ю I. XI. 51, свое́ю Д. Ап. III. 12 и т. д.

Во множественномъ числѣ: въ именительномъ и винительномъ ж. р. ѧ҆̀ (стсл. ꙗ) Апок. XII. 4. на́шѧ I. X. 24. моѧ̀ (стсл. моꙗ) I. X. 27, своѧ̀ I. XIII. 12. Д. Ап. V. 18, твоѧ̀ М. V. 33. и т. д., въ винительномъ множ. муж. рода указат. мѣстоименія стсл. и, ꙗ, ѥ: ѧ҆̀ (стсл. ꙗ) Апок. XIII. 7. мѣстоименій притяжательныхъ: ва́шѧ М. V. 44, своѧ̀ М. I. 21, моѧ̀ М. II. 6. и т. д.

Въ склоненіи мѣстоименій стсл. вьсь и сь, первично основъ на i-: въ родит., винит. и творит. ед. ч. ж. рода: всеѧ̀ Апок. XVI. 14, сеѧ̀ ibid. XVII. 7 (стсл. вьсеѩ, сеѩ), всю̀ (стсл. вьсѭ) Л. II. 1. сїю̀ (стсл. сиѭ) Іоа. II. 19, все́ю (стсл. вьсеѭ) Мр. XII. 33, се́ю (стсл. сеѭ). Во множественномъ числѣ: въ именит. и винит. ж. рода и винит. м. рода: всѧ̀ (стсл. вьсꙗ) Д. Апост. II. 47, сїѧ̀ (стсл. сиꙗ) Д. Апост. III. 24.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ полной формы съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ: въ род. п. ед. ч. ж. р. сме́ртныѧ (стсл. съмрьтныѩ) Д. Ап. II. 24; въ винит. пад. ед. ч. ж. р. десн́ꙋю (стсл. деснѫѭ) Д. Ап. III. 7; въ тв. п. ед. ч. ж. р. чи́стою (стсл. чистоѭ) М. XXVII. 59; въ имен. и винит. падежахъ мн. ч. ж. р. и винит. мн. муж. р.: до́брыѧ, ѕлы́ѧ (стсл. добрыꙗ) М. XIII. 48.

Въ винит. пад. ед. ч ж. р. основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кромѣ́шнюю (стсл. кромѣшьнѭѭ) М. VIII. 12; въ творит. п. ед. ч. ж. р. дома́шнею (стсл. домашьнеѭ) 1. Коринѳ. XVI. 19, въ именит. и винит. мн. ч. ж. р. и винит. муж. ни́щыѧ (стсл. выишьнꙗꙗ) М. XXVI. 11.

Отличія, обусловленныя измѣненіями фонетическими комбинаторными. Свойственное русскому языку

измѣненіе *ы* послѣ заднеязычныхъ согласныхъ *г*, *к*, *х* въ *и* отразилось также и на окончаніяхъ церковнославянскихъ. Такъ въ вин. множ. бывшихъ основъ муж. р. на о- имѣемъ: мѣхи вѣтхи (стсл. **мѣхы ветъхы**) М. IX. 17, Мр. II. 12, грѣхи (стсл. **грѣхы**) М. IX. 6, пророки (старослав. **пророкы**) М. V. 12, книжники (стсл. **кънижьникы**) М. II. 4 и т. д. То же имѣется въ творительномъ падежѣ данныхъ основъ, во множ. числѣ: оброки Л. III. 14, грѣшники М. IX. 11. ученики М. IX. 10; пастухи Быт. XII. 7; въ родительномъ падежѣ ед. ч. и именит., винит., звательномъ множественнаго у бывшихъ основъ муж. и ж. рода на а-: acc. pl. владыки М. X. 18, g. s. руки Апок. VIII. 4 (стсл. **владыкы, ржкы**), руки N. pl. Быт. XVI. 12.

Въ N. A. pl. прилагательныхъ краткой формы ж. р.: мягки М. XI. 8; въ опредѣленномъ склоненіи: N. s. m. великій Апок. VI. 4., Instr. s. великимъ Апок. XIV. 7., G. f. великія Апок. XVII. 1, Dat. pl. земскимъ Апок. XVII. 5 и т. д.

Неспособность согласныхъ ц и ш палатализироваться, свойственная русскому языку, вызываетъ измѣненіе слѣдующаго за ними и въ ы: N. pl. волцы хищницы М. VII. 5 (Остр. влъцы хыщницы, Первоп. какъ въ Новой), ученицы, учнцы М. IX. 14 (Остр. ученици, ученицы, Первоп. учнцы), Acc. pl. сопцы М. IX. 23 (Остр. сопця. Первоп. сопца), члвѣцы М. XVI. 13 (Остр. и Первоп. члцы), A. pl. овцы М. X. 16 (Остр. овця, Первоп. овцы), птицы М. X. 29 (Остр. птици, Первоп. какъ въ Новой), душы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14. Остр, дша, Первоп. дшы), юношы (Дѣян. V. 10. Остр. юноша, Первоп. -ы) и т. д.

Этой же неспособностью ц, ш, ж къ палатализаціи объясняются написанія: Acc. s. N. sing. Оцъ М. XI. 27 (Остр. отцъ, Первоп. оцъ), род. множ. конецъ М. XII. 42 (Остр. и Первоп. конецъ), старецъ М. XV. 2 (Остр. старець, Первоп. какъ въ Новой), N. s. слѣпецъ М. XV. 14 (Остр. слѣпець, Первоп. какъ въ Новой), G. pl. рыбицъ М. XV. 34 (Остр. рыбиць, Первоп. какъ въ Новой), душъ (Прем. Сол. III. 13, Быт. XLVI. 22. 25, Остр. и Первоп. такъ же), кожъ (Исх. XXVI. 14. Остр.

и Первоп. творит. падежъ), ю҆́ношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Въ появленіи приведенныхъ написаній играло также навѣрное извѣстную роль уподобленіе на письмѣ къ однороднымъ формамъ, гдѣ ы или ъ были вполнѣ законны.

Въ ряду прочихъ фонетическихъ измѣненій, замѣчаемыхъ въ области окончаній церковнославянскаго склоненія, укажемъ на замѣну въ церковнославянскомъ старославянскаго окончанія твор. и пред. п. ед. ч. **-мь** (именнаго и мѣстоименнаго склоненія) окончаніемъ *-мъ*, т. е. просто *-m*, вмѣсто ожидаемаго *-m'* (какъ въ русскомъ). Эта утрата палатальности объясняется тѣмъ, что русскіе губные согласные вообще мало склонны къ палатализаціи и въ нѣкоторыхъ говорахъ ее совершенно утратили на концѣ словъ (въ нѣкоторыхъ сѣверно-русскихъ говорахъ krof вм. krof' = кровь, ostáf вм. ostáf'=оставь и т. д.).

Уже въ Острожской библіи имѣется окончаніе *-мъ*, если не во всѣхъ случаяхъ, то въ огромномъ большинствѣ: нимъ, гм҃ъ бм҃ъ твоимъ, насилїемъ, твое́мъ, нане́мже и т. д. Второзаконіе, гл. XXIV. дх҃омъ, срдцемъ, по̑спꙋдомъ, нб҃немъ, о̑лтаре́м, сопе́рникомъ своимъ и т. д. Матѳ. гл. V.

Въ первопечатной Московской библіи замѣчается то же самое явленіе. Что касается грамматики Мелетія Смотрицкаго, то у него въ парадигмахъ вездѣ почти находимъ еще окончаніе -мь: клевре́томь (л. 105), во́иномь (л. 106), ю҆ро́домь (107), дре́вомь (108), дроу́гомь (109), проро́комь (л. 109 на обор.), грѣхо́мь (110), чва́нцемь (л. 111 на об.), сы́номь (113), отрочѧтемь (114 на обор.), и҆́менемь (115), словесе́мь (116), ри́млѧниномь (117), бра́томь (118 на об.), па́стыремь (123), мѧте́жемь (124), свидѣтелемь (124 на обор.), хода́таемь (125 на обор.), і҆ере́емь (126), мра́віемь (ibid. на оборотѣ), зно́емь (127 на обор.), крагоу́емь (128), любодѣемь (128 на обор.), древодѣлемь (129) и т. д., но га҆рмо́мъ (106), о҆тце́мъ (111), се́рдцемъ (112 на об.), до́момъ (118), дроу́гомъ (120) и т. д.

Въ склоненіи именъ прилагательныхъ: м. и ср. тѣмь ст҃ымь (133, 134 на обор.), м. и ср. благи́мь благо́мъ (135, 136),

м. р. нищимъ (137), м. р. сӥовнимъ (140) и т. д., но ср. р. тѣмъ сӥовнимъ (141 на обор.), м. и ср. р. тѣмъ бжїимъ (142, 143) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, правила относительно употребленія М. Смотрицкимъ окончаній -мъ и -мь (т. е. -*т* и -*т'*) установить нельзя.

Окончаніе -мъ (-*т*) однако встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ -мь (-*т'*) и чаще у именъ прилагательныхъ ср. рода, чѣмъ у таковыхъ же мужескаго.

Едва ли, впрочемъ, можно видѣть въ этомъ употребленіи -мъ и -мь попытку (хотя бы и не проведенную послѣдовательно), дифференцировать на письмѣ схожія формы разныхъ родовъ.

Въ мѣстоименномъ склоненіи наоборотъ гораздо чаще имѣется -мъ: м. р. всѣмь (152), но ср. р. всѣмъ (на обор.), м. и ср. р. предложн. только всѐмъ (ibid.), м. и ср. р. ѡбоимъ, ѡбоемъ (152 на обор. и ѡбоимъ, ѡбоемъ 153), м. и ср. творит. єдинѣмь (154, 155), но предл. єдиномъ или єдинѣмъ въ обоихъ родахъ и т. д.

Въ текстѣ, напротивъ, находимъ почти исключительно -мъ: желанїемъ (2), оученїемъ (3), витїйствомъ (4), ѻгнемъ (ibid.), небесемъ (5 на оборотѣ), оумомъ (6), ѻбразомъ (7), прехожденїемъ, показанїемъ (7 на оборотѣ), трꙋдомъ (9), молчанїемъ (9 на обор.), єстествомъ (10), родомъ (ibid.) и т. д., но лицемь (11), простымъ ѡбычаемь и кроткимъ гласомъ (тамъ же на обор.), чтецемь (тамъ же), тонкимъ гласомь (листъ 54) и т. д.

Во всякомъ случаѣ эти написанія свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ, что въ живомъ произношенія писавшаго имѣлось только окончаніе -*т* (-мъ), написанія же съ -мь фонетическаго значенія очевидно вовсе не имѣли и должны быть сведены просто къ остаткамъ старославянской графики, если не къ типографскимъ погрѣшностямъ (въ извѣстныхъ случаяхъ).

§ 4. Въ исторіи церковнославянскаго склоненія играла важную роль морфологическая ассимиляція (аналогія), проявленія которой часто совершенно одинаковы съ проявленіями ея въ русскомъ склоненіи. Какъ и русское склоненіе, церковнославянское утратило различеніе многихъ первичныхъ основъ, еще имѣвшееся

въ старославянскомъ. Образованія, первично чуждыя извѣстнымъ основамъ и вызванныя морфологической ассимиляціей къ другимъ типамъ, встрѣчаются и въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, такъ что многія изъ новообразованій церковнославянскаго склоненія ведутъ свое начало издалека, только они болѣе распространились и упрочились въ языкѣ церковныхъ печатныхъ книгъ.

Лучше всего сохранилось склоненіе болѣе многочисленныхъ основъ муж. и ср. рода, соотвѣтствующихъ первичнымъ на о-, jо-, ж. р. на ā-, jā-, ei- (i-). Прочія основы болѣе или менѣе тѣсно примкнули къ тѣмъ или другимъ изъ только-что названныхъ, послужившимъ уподобляющими типами.

§ 5. Такъ почти совсѣмъ исчезло самостоятельное склоненіе бывшихъ основъ м. р. на ei- (i-), которыя примкнули къ основамъ того же рода на jо-.

У Смотрицкаго первичныя основы на ei- (i-): поу́ть, о̑гнь, оу́гль, дреко́ль, горта́нь приводятся вмѣстѣ съ несомнѣнными основами на jо-: какъ ко́пль, кли́чь и т. д. и склоняются по образцу мѧте́жь—основы на jо- (л. 124 на обор.). Въ еванг. Матѳ. XXIII. 33 находимъ родит. падежъ ед. ч. о̑гнѧ̀, ла́ктѧ (3 Цств. VII. 35. Такъ уже въ Остр.) и т. д. дат. ед. о̑гню̀ (Iезек. XXI. 32. Остр. о̑гню, Первоп. о̑гню̀). Склоненіе слова Госпо́дь, приведенное у Смотрицкаго (л. 132), сохранило въ единств. числѣ только одну несомнѣнную форму основъ на і-, звательный падежъ—Гд҃и (См. также М. XVIII. 26 и т. д.). Творительный ед. Гд҃емь (Л. II. 22 Гд҃емъ, Остр. гм҃ъ, Первоп. какъ въ Новой) одинаково можетъ принадлежать и основамъ на jо- (съ є, равнымъ -jо-), и основамъ на ei- (со вторичнымъ є, развившимся изъ ь). Сверхъ того вполнѣ возможна форма творит. единственнаго Госпо-домъ по типу основъ на о-, свойственная и современному русскому языку.

Родительный, дательный и предложный падежи единств. числа идутъ по типу основъ на о-: Гд҃а (Исаіи II. 12. Остр. г҃а, Первоп. какъ въ Новой), Гд҃у (ibid. XIX. 20. Остр. г҃ви, Первоп. Гд҃ви), Гд҃ѣ (Псал. XXXI. 11). Дательный встрѣчается и съ весьма

*

распространеннымъ окончаніемъ -єви, получившимся изъ окончанія -ови, заимствованнаго отъ основъ на еu- (u-): гдви, гдєви (Л. I. 17, II. 23, М. XXII. 44. Остр. гви. Первоп. гдви), ѻгнєви (Іезек. XV. 6. Остр. ѻгнєви, Первоп. ѻгнєви) и т. д. Вмѣсто винит. падежа, какъ у всѣхъ именъ существительныхъ, означающихъ одушевленныхъ существъ, находимъ форму родит. падежа по типу основъ на о-: гда (Псал. CII. 1. Остр. га, Первоп. какъ въ Новой).

Что касается двойственнаго числа, то, въ виду его неупотребительности, мы ограничимся приведеніемъ формъ изъ грамматики Смотрицкаго. Хотя онѣ и не могутъ считаться достовѣрными, все же извѣстное значеніе у нихъ есть, такъ какъ въ крайнемъ случаѣ онѣ свидѣтельствуютъ объ отношеніи къ нимъ хотя бы и искусственнаго языковаго чутья. Мы находимъ первичную форму только для твор. и дат. двойств.: гдєма или гдьма. Первая—тыма гдєма стоитъ у Смотрицкаго для дат. пад., вторая тѣма гдьма для творительнаго. Эта дифференціація, разумѣется, ни на чемъ реальномъ не основана и принадлежитъ къ числу вообще очень частыхъ у Смотрицкаго педантичныхъ и произвольныхъ измышленій. Такая дифференціація твор. и дат. дв. ч., пріуроченная къ параллелизму окончаній—ьма и -єма, проведена у Смотрицкаго во всѣхъ основахъ муж. и женск. рода на і- и јо- (съ -ь въ именит. единственнаго). Для И. В. З. и Р. и Пр. двойственнаго Смотрицкій беретъ формы отъ основъ на о-: гѡспода, гдꙋ. Ср. также: два лактѧ (Числ. XI, 31. Остр. и Первоп. еще правильно лакти).

Множественное число сохранило лучше первичное склоненіе основъ на і-, хотя рядомъ съ правильными формами и здѣсь встрѣчается не мало новообразованій. Именительный падежъ идетъ правильно: господіє (Ѥфес. гл. VI. 9 какъ зват. падежъ, Дѣян. Апост. IV. 34. Остр. и Первоп. такъ же). Винительный падежъ въ Новой библіи = род. множ. господій (1 Тимоѳ. VI. 1). Въ Острожской и Первопечатной находимъ форму, образованную по типу бывшихъ основъ на о-: господы въ Остр и гѡсподы въ Первопечатной. Родительный, дательный и предложный множе-

ственнаго разнятся отъ ожидаемыхъ старославянскихъ формъ только переходомъ ь въ є, свойственнымъ русскому и церковнославянскому. Въ родительномъ однако встрѣчается и старинная форма: госпо́дій (Псал. CXXII. 2, Остр. господіи, Первоп., г҃дій. 1 Тимоѳ. VI. 1. Остр. винит. пад.), рядомъ съ господе́й (Псал. CXXXV. 3. Остр. дат. мн. господе́м, Первоп. господе́й. Второзак. X. 17. Остр. дат. г҃мъ. Первоп. господе́мъ), дат. множ. имѣетъ также двѣ формы—„правильную" господе́мъ (Ам. IV. 1. Остр. господе́мъ, Первоп. господе́мъ. Посл. къ Титу II, 9. Остр. какъ въ Новой), рядомъ съ госпо́діамъ (Тов. II. 12, 13, 14. Остр. и Первопеч. другой текстъ), которая представляетъ собой образованіе отъ основы именит. пад. множ. ч. госпо́діє (чувствовавшагося какъ собирательная форма) съ морфологической ассимиляціей къ основамъ женск. рода на ā-. Предложный падежъ, приведенный у Смотрицкаго (л. 132 на обор.), — го́сподєхъ отвѣчаетъ стсл. формѣ *господьхъ. Относительно дательнаго падежа надо еще замѣтить, что его форма совпадаетъ также съ дат. множ. основъ на jo-, гдѣ—ємъ (стсл. -ѥмь) имѣетъ другое происхожденіе (є = jo). Для творительнаго множественнаго имѣется нѣсколько формъ: правильная го́сподьми (Смотр. л. 132 на обор.), го́споды (ibidem) по типу основъ на о- и госпо́діами (Маккав. кн. I, гл. IX. 25 [1]), образованная такъ же, какъ и вышеприведенная форма дат. множ. госпо́діамъ, подъ двойнымъ вліяніемъ формы именит. множ. и основъ на ā-.

Склоненіе основъ горта́нь и пꙋ́ть сохранилось безъ особыхъ измѣненій. У Смотрицкаго находимъ замѣчаніе (л. 131 на оборотѣ), что поу́ть въ родит. ед. и винит. множ. имѣетъ пꙋті̀, каковая форма, „чистѣе, нежели пꙋтѧ̀".

Лучше всего сохранилось ед. число, не представляющее уклоненій отъ старославянской нормы. Род. пад. горта́ни (Іова XX.

[1]) Въ Острожской библіи вмѣсто этой формы находимъ творит. множ. господіи, превращенный въ Первопечатной въ госпо́дій (р. множ.). Эта форма есть образованіе по типу основъ на jo-, съ суффиксомъ -ниѥ, какъ стсл. знамєнии. По аналогіи съ людмѝ (Луки VIII. 48) можно было бы также ожидать и формы *господмѝ.

13), дат. ед. также (Псал. XXI. 16, Iезек. III. 26), пꙋтѝ (Матѳ. XXII. 16), вин. гортáнь (Притчи V. 3), предл. гортáни (Пѣснь Пѣсней II. 3. Пс. CXLIX. 6), пꙋтѝ (Матѳ. XXI. 19), тв. гортáнемъ (Пс. CXIII. 15. Остр. и Первоп. такъ же), пꙋтéмъ (съ є=ь, но совпадающимъ и съ є=jo основъ на jo-) Матѳ. XXI. 32 (Остр. пꙋтемъ, Первоп. какъ въ Новой). Множ. число, кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, также не представляетъ особыхъ отклоненій отъ старославянскаго. Именит. множ. имѣетъ правильную форму отъ основъ на i-: пꙋтїѐ (Ис. XXXIII. 8, LV. 8, Остр. пꙋтїє, Первоп. пꙋтїѐ). Родит. имѣетъ пꙋтéй (Матѳ. XXII. 9, Ис. LV. 9, Остр. пꙋтїи, Первоп. пꙋтїй и пꙋтéй). Дат. пꙋтéмъ (Исаія LV. 3, Остр. пꙋтємъ, Первоп. пꙋтємъ), гдѣ є=ь, но совпадаетъ также съ є основъ на jo- (=jo). Винит. пꙋтѝ (Ис. LV. 7, 11, Остр. и Первоп. такъ же), твор. пꙋтьмѝ (Ис. LVII. 10, Остр. и Первоп. такъ же), людмѝ (Второз. X. 11, Суд. I. 16. Остр. люмѝ, Первоп. какъ въ Новой), пꙋтмѝ (Второз. XXVIII. 7, Остр. пꙋтїи, Первоп. пꙋтїй, какъ выше твор. мн. господїи), предложный пꙋтéхъ (Ис. XLII. 24. Второзак. VIII. 6, Остр. и Первоп. вин. множ.). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ, напр. р. мн. тéстевъ (Тов. XIV. 13. Остр. др. текстъ) по типу основъ на еu- и т. д.

Основы женскаго рода на i- (ei-) въ единственномъ числѣ не представляютъ почти никакихъ уклоненій отъ старославянскаго склоненія, если не принимать въ разсчетъ фонетическихъ измѣненій, характеризующихъ церковнославянскій (исчезновеніе -ь, переходъ ж въ ꙋ и т. д.). Въ именительномъ единственнаго встрѣчаемъ написанія въ родѣ лóжъ [1]) (Іоан. VIII. 44, Остр. лѡ҃, Первоп. какъ въ Новой), невозможныя въ старославянскомъ и свидѣтельствующія о томъ, что согласные ж и ш, какъ во многихъ современныхъ русскихъ говорахъ, произносились непалатально. Въ формахъ д. ед. Ѐсѳирѣ (Есѳ. V. 6. VIII. 1. Остр. ѐсѳири, Первоп. какъ въ Новой), Рꙋѳѣ (Руѳь I. 15. Остр. рꙋѳє, Первоп.

[1]) Встрѣчается и форма лжà (Iов. XVI. 8. Остр. и Первоп. такъ же. I. Спр. XX. 24. Остр. лжа, Первоп. лжà, образованная по типу основъ на ā-.

какъ въ Новой) имѣемъ примѣръ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-. Рядомъ однако Єсѳи́ри (Эсѳ. II. 12. Остр. и Первоп. такъ же). Встрѣчается и родительный по типу основъ на ā-: Рꙋ́ѳы (Р. IV. 5. Остр. рꙋѳъ, Первоп. рꙋѳь — винит. ед.). Въ винит. падежѣ ед. ч. отъ этой же основы имѣемъ форму, образованную по типу основъ на ā-: лжꙋ (ibidem. Остр. лжꙋ, Первоп. какъ въ Новой). Такія образованія, однако очень рѣдки. Единственное общее уклоненіе отъ старосл. имѣется въ звательн. падежѣ единств. числа, гдѣ вмѣсто формы, схожей съ родит., дат., предложн. (напр. стсл. **кости**) имѣемъ образованіе по типу основъ ж. р. на jā-: Єсѳи́рє (Эсѳ. V. 1. 2. Остр. єсѳиръ, Первоп. какъ въ Новой), ра́достє (Филипп. IV. 1, Остр. и Первоп. ра́дость), по́мощє (Великое Повечеріе. Молитва Богородицѣ), крѣ́постє (Псал. XVII. 2. Остр. крѣпости, Первоп. какъ въ Новой). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что зват. на -є принадлежитъ уже позднѣйшему языку; въ Острожской библ. находимъ или старинный звательный, или форму именит. падежа. Первопечатная, какъ всегда, занимаетъ среднее мѣсто. Въ творительномъ имѣется только позднѣйшая форма съ долгимъ ī (-їю), вмѣсто старославянскаго -**ь**- (-**ьѭ**) и русскаго ○ (нуль гласнаго) — 'ju (-ью): тро́стїю (Мр. XV. 19. Остр. тростью, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Двойственное число не представляетъ уклоненій. И. В. З. ча́сти (Іерем. XXXIV. 18 на двѣ...), скрижа́ли (Второз. IX. 10. 15), Р. Пр. за́повѣдїю (М. XXII. 40). Дат. и Твор. должны бы имѣть -єма, гдѣ є=ь (стсл. **костьма**); у М. Смотрицкаго имѣемъ произвольную дифференціацію окончаній -єма и -ьма (въ сущности -ema и '-ma): дат. за́повѣдєма и твор. за́повѣдьма (л. рк на обор.). У Зизанія но́щема, ко́стєма (л. 28 на об.).

Множественное число. И. В. правильно: болѣ́зни (М. VIII. 17). У основъ съ послѣднимъ согласнымъ „шипящимъ" въ написаніи встрѣчается уподобленіе къ основамъ на твердый согласный: ве́щы (3. Ездры IV. 21; винит. мн. Остр. вещи, Первоп. ве́щи). Род. также правильно, но съ є=стсл. ь; нощє́й (Быт. VII. 12. 17, Остр. но́щїи, Первоп. но́щїй и нощє́и), за́повѣдєй (М.

V. 19), двере́й (Неем. VI. 1); въ Острожской библіи еще заповѣдіи, две́ріи, въ Первопечатной уже за́повѣдей, двере́й. Тѣмъ не менѣе и въ современныхъ церковныхъ книгахъ формы съ *і* не исчезли: две́рій (М. XXVIII. 2), за́повѣдій (Мр. XII. У Зизанія нѡ́щій, кѡ́стій, рядомъ съ нѡ́щей, кѡ́стей (л. 28 на об.). Дат. правильно, но съ є=стсл. ь: две́ремъ (Мр. I. 35, Остр. и Первоп. такъ же), болѣ́знемъ (Матѳ. XXIV. 8, Остр. болѣзнемъ, Первоп. болѣ́знемъ), ба́снемъ (1. Тим. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. ба́снемъ). Изрѣдка встрѣчаются образованія по типу другихъ основъ ж. р., напр. вѣ́твамъ (Исх. XXV. 35, Остр. вѣтвемъ, Первоп. вѣ́твемъ), лжа́мъ (Притчи XXIV. 2, Остр. и Первоп. такъ же). Творительный представляетъ два написанія съ ь (-ьми) и безъ него (-ми): въ нѣкоторыхъ изданіяхъ [1]) печа́льми (Л. XXI. 34, Остр. печа́льми, Первоп. печа́лми), стра́стьми (М. IV. 24, Остр. стра́стьми, Первоп. страстьми), въ другихъ [2]) печа́лми, страстми, вѣ́твми (Исх. XXV. 35, Остр. и Первоп. двойств. ч. вѣ́твѣма), болѣ́знми (3. Ездры VIII. 30, Остр. и Первоп. другой текстъ), и т. д., но частьми (Лев. IV. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. Зависѣло ли это отъ того или другого произношенія, сказать, конечно, трудно. Вѣроятнѣе всего здѣсь просто опущеніе знака ь, который представлялся излишнимъ для обозначенія палатальнаго оттѣнка *л'*, *т'*, *в'*, и безъ того неизбѣжнаго. Образованіе по типу бывшихъ основъ на ā- имѣемъ въ формѣ: мы́шами (1 Цств. VI. 1, Остр. му́хами).

Предложный множественнаго представляетъ два написанія: правильное -єхъ, гдѣ є=стсл. ь и -ѣхъ, обязанное своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію соотвѣтствующаго падежа основъ м. р. на о-: пе́рсѣхъ (Апок. XV. 6, Остр. персєхъ, Первоп. какъ въ Новой), ю̆до́лѣхъ (1 Паралип. XII. 15, Остр. в̑ долѣ̑, Первоп. въ до́лѣхъ), ве́сѣхъ (Мр. VI. 36, Остр. ве́сєхъ, Первоп. ве́сѣхъ), рядомъ съ ја́слєхъ (Л. II. 7. 12. 16, Остр.

[1]) Такъ, напримѣръ, въ Евангеліи, изданномъ въ Москвѣ, въ 1838, in-4⁰. Январь.

[2]) Такъ въ изданіи Библіи. Москва 1879 г. Ноябрь. Мал. 8, которымъ мы пользовались для новаго періода.

ѧслехъ, Первоп. ѧслѣхъ и ꙗслѣхъ), скорбехъ (2. Солун. I. 4, Остр. такъ же, Первоп. скорбехъ), сластехъ (Посл., Іак. IV. 3, Остр. сластехъ, Первоп. сластехъ), заповѣдехъ (Л. I. 6, Остр. такъ же, Первоп. -ѣхъ), вѣтвехъ (М. XIII. 32, Остр. вѣтвѣхъ, Первоп. вѣтвѣхъ), дверехъ (М. XXIV. 33, Остр. такъ же, Первоп, надверехъ), вещехъ (Л. I. 1, Остр. такъ же, Первоп. вещехъ), напастехъ (1 Петр. I. 6, Остр. напастѣ, Первоп. напастехъ) и т. д. У Зизанія находимъ только формы съ -ехъ: нощехъ, костехъ (л. 28 на обор.). Фонетическаго значенія (въ печатномъ церковнославянскомъ) такая двойственность написаній, разумѣется, не имѣла. Въ Острожской Библіи чаще формы на -ехъ, въ Первопечатной на -ѣхъ. Новая Библія ближе къ Острожской.

Изрѣдка попадаются и формы, вызванныя вліяніемъ бывшихъ основъ ж. р. на ā-: лжахъ (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. такъ же), дверѧхъ (3 Царствъ VI. 34, Остр. и Первоп. друг. текстъ), благостѧхъ (Осія III. 5, Остр. и Первоп. блгостѧхъ), въ Остр. б. веща (3 Ездры IV. Первоп. вещехъ: Нов. другой текстъ) и т. д.

§ 6. Болѣе измѣненій претерпѣло склоненіе бывшихъ основъ на согласный. Какъ и у основъ на i- (ei-) уподобляющими типами здѣсь являются основы на jo-.

У бывшихъ первичныхъ основъ м. р. на n- исчезъ почти совершенно древній именительный п. ед. ч. (какъ стсл. **камы**), вмѣсто котораго находимъ новѣйшее образованіе отъ основы косвенныхъ падежей (съ -en-) по типу основъ на jo- или на i- (камень). Остатокъ древняго именит. падежа—пламы (Іова XLI. 12, II. пѣсней VIII. 6, Остр. и Первоп. пламы), но пламень (2 Макк. I. 32. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), камень (Ис. V. 28, Остр. и Первоп. такъ же).

Смотрицкій причисляетъ эти основы къ своему четвертому склоненію (съ именит. ед. на -ь), главный контингентъ котораго составляютъ первичныя основы на jo- (л. 123 на обор). Но на л. 131 (на обор.) онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „вся (?) на ь кончащаяся склоненія сего имена чистѣе родителныи единственныи сходити творятъ на е, нежели на ѧ. яко, корень, ко-

рене. степе́нь, степе́не. ка́мень, не. де́нь, дне. пла́мень, пла́мене. и прочая".

Образчики стараго род. ед. на -є: ко́рене (М. XIII. 21), пла́мене (3 Ездры XIII. 10), ка́мене (Мр. XV. 46, Исх. XVII. 6), ѧ҆чме́не (Аггея II. 17) и т. д.

Имѣющіяся рядомъ формы ка́менїѧ (Быт. XXVIII. 11, Апок. XVIII. 12, Остр. каменїа, Первоп. какъ въ Новой), коре́нїѧ (М. XIII. 6, Остр. коренїѧ, Первоп. коре́нїѧ), креме́нїѧ (Іова VIII. 17, Остр. ка́менїа, Первоп. ка́менїѧ) и т. д. вызваны такими собирательными, какъ ли́стїє и т. д. (первичныя основы на jo-). Имѣются и формы р. п., образованныя по общему типу основъ на jo-: ѧ҆чме́нѧ (Быт. XXVI. 12, Остр. ѧ҆чменю, Первоп. ѧ҆чме́ню дат., Іезек. XIII. 19. Остр. ѧ҆чме́нны), ка́менѧ (3. Ездры I. 20, Остр. друг. текстъ), пла́менѧ (Остр. б., Первоп. пла́мене, Новая О҆гнѧ. П. пѣсн. VIII. 6). Эти послѣднія формы внесены уже въ Новый текстъ, а въ текстѣ Остр. библіи не встрѣчаются.

Въ дательномъ единственнаго числа правильная форма ка́мени въ Библіи встрѣчается только два раза (Іис. Сир. XXII. 1, Іерем. II. 27). Вмѣсто нея болѣе употребительны формы: ка́меню (Суд. XX. 45, 47, Остр. камы́кꙋ, Первоп. ка́мыкꙋ, Прем. Сол. VII. 9, Остр. ка́мени, Первоп. какъ въ Новой), образованная по типу основъ на jo-, и ка́меневи (Луки IV. 3, такъ уже въ Остр.), по типу основъ на eu- (u-). У Смотрицкаго, кромѣ этихъ трехъ формъ, встрѣчаемъ еще четвертую форму ка́менїю (также Апок. VI. 16, Остр. и Первоп. такъ же. Аввак. II. 19, Остр. и Первоп. камы́кꙋ), по типу собирательныхъ.

Винит. падежъ ка́мень (М. XXVII. 60, Исх. XVII. 6, Остр. такъ же).

Звательный падежъ, образованный по типу основъ на jo-, ка́меню находимъ во 2-й книгѣ Царствъ XXII. 2 (Остр. и Первоп. ка́мень). Предложный падежъ совершенно утратилъ древнюю форму (стсл. **камене**) и представляетъ образованія по типу основъ на і- (частыя и въ старославянскомъ): ка́мени (М. XXVII. 60; XXI. 44; XXII. 2), ко́рени (М. III. 10). Имѣется и случай обра-

зованія по типу бывшихъ основъ на о-: ꙗ҆чме́нѣ (Іоиль I. 11, Остр. ꙗ҆чме́ни, Первоп. уже какъ въ Новой). Творительный имѣется чаще по типу собирательныхъ: ка́менїемъ (Іис. Сир. XLVI. 6, М. XXIII. 37, Мр. V. 5. Такъ уже въ Острожской б.).

Рядомъ имѣется и форма ка́менемъ, отвѣчающая старосл. камєньмъ (Іис. Сир. XXIX. 13, Плачъ Іерем. III, 16, Остр. и Первоп. такъ же). И. В. Зв. двойств. ч. идетъ по типу основъ на jo-: ка́менѧ (Исх. XXVIII. 9. 12, Остр. и Первоп. ка́мени, ка́менѧ).

Именительный множественнаго представляетъ двѣ формы: по типу основъ на jo-: пла́мени (Прем. Солом. XVIII. 5, Остр. и Первоп. родит. ед.) и по типу основъ на і-: ка́менїе сотро́шасѧ (Наумъ I. 6. Остр. ка́менїе сътре́сѧ, Первоп. ка́менїе сотре́сѧ).

Старинный именительный множественнаго на -є, который и въ дѣйствительно старославянскихъ памятникахъ уже отсутствуетъ, не встрѣчается и въ церковнославянскомъ.

Родительный множественнаго представляетъ двѣ формы; обѣ по типу основъ на і-: ка́меней (Юдиѳь. I. 2, Остр. ка́менїи, Первоп. ка́менїй, Второзак. XXIV. 6, Остр. друг. текстъ, 3-я кн. Царствъ VII. 9, Остр. друг. текстъ) и ка́менїй (Исх. XXIV. 4. 1 кн. Цств. XVII. 40) съ обычной мѣной старослав. н и русско-церковнославянскаго -є=ї (ь); коре́нїй (Премудр. Солом. VII. 20, Остр. ко́ренїи, Первоп. ко́ренїй и т. д.

Дат. ка́менемъ (Іезек. VI. 3, Остр. и Первоп. друг. текстъ) одинаково можетъ отвѣчать дат. мн. первичныхъ основъ на jo- (какъ конємъ), первичныхъ на і- (какъ пѫтьмъ) и первичныхъ на u- (какъ камєньмъ). У Смотрицкаго есть еще форма ка́менїемъ (листъ 132, на обор.), образованная по типу такихъ основъ ср. р. на jo-, какъ стсл. ѕнамєниє.

Винительный множественнаго представляетъ преимущественно одну форму, отвѣчающую первичной старославянской, но тожественную и съ винительнымъ множ. основъ на і-: ка́мени: (Исх. XXXV. 27; Іерем. XLIII. 9). Въ книжномъ, церковнославянскомъ языкѣ эта форма совпадала и съ именит. винит. падежомъ основъ муж. рода на jo- (какъ напр. цари́: Прем. I. с. Сирах. XLVIII.

6, 8, Остр. и Первоп. цр҃ѧ), представляющимъ въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляціи къ винительному множ. основъ м. р. на о- (какъ рабы̀ и т. д.). Рядомъ имѣются и собирательныя формы: кореніѧ (Іис. Сир. X. 18, Остр. вин. ед. ко́рень), ка̑меніѧ или ка́меніѧ (Ис. LIV. 12, Остр. вин. ед. ч. камы́къ).

Творительный падежъ имѣетъ собирательную форму (первичныя основы на jo- ср. р.): ка́меніи (Іис. Сир. XLV. 13. Остр. и Первоп. такъ же; старосл. **каменьми**). У Смотрицкаго есть и форма ка́меньми (л. 132 на обор.). Форма предложнаго множ. ч. ка́менехъ (2-е Коринѳ. III. 7, Остр. предл. единств., Второзак. XXVII. 3, Остр. ка́мыцехъ, Первоп. -ѣхъ, Іерем. XVIII. 3 и т. д., Остр. другой текстъ), подобно дат. множ., одинаково можетъ отвѣчать первичной стсл. формѣ **каменьхъ** или представлять собой образованіе по типу основъ на і-.

Форма ка́меніѧхъ (Исх. VII. 19, Остр. друг. текстъ, Іерем. XIV. 6, Остр. скала̑, Второз. XXVII. 8, 1; Остр. камы́цѣ; 1. Цств. XIII. 6 и т. д., Остр. такъ же, Первоп. ка́меніѧхъ), развившаяся очевидно изъ ка́меніихъ (отъ собирательной основы ср. р. на jo-), представляетъ собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-, jā-. У Смотрицкаго есть и третья форма: ка́меніехъ (л. 132 на обор.), являющаяся плодомъ смѣшенія основъ собирательныхъ на jo- съ церковнославянскими основами, отвѣчающими первичнымъ на і- (пу́техъ=стсл. **пѫтьхъ**).

Основы средняго рода на n-, какъ **имѧ**, сохранили свое склоненіе лучше въ единственномъ числѣ. Встрѣчается правильный родительный падежъ: и̏мене (Матѳ. XXIV. 9, Первоп. такъ же, Остр. и̏мени, XIX. 29, Остр. и Первоп. и̏мени), ра́мене (Ис. X. 27, Остр. и Первоп. такъ же), вре́мене (М. XXVI. 16, Остр. времене, Первоп. такъ же, Луки IV. 13, Неем. II. 6, Остр. вре́мени, Первоп. какъ въ Новой), пи́смене (Римл. VII. 6, Остр. и Первоп. пи́смени), сѣ́мене (М. XXII. 25, Остр. сѣмене, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Рядомъ имѣется болѣе рѣдкая форма по типу основъ на і-: вре́мени (Апок. XII. 14, Остр. времени, Первоп. какъ въ Новой), какъ въ современномъ

русскомъ, ӥменн (ӥмени Остр. библ. М. XXIV. 9; въ Первопечатной и современныхъ книгахъ имене). Въ Остр. и Первоп. эта форма, какъ видно изъ цитатъ, чаще встрѣчается, чѣмъ въ Новой, гдѣ она замѣнена болѣе древнею, вѣроятно, вполнѣ сознательно.

Дательный правильно: ӥмени (1 Парал. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), пле́мени (Апок. XIV. 6, Остр. племеню, Первоп. пле́мени) и т. д.; по типу основъ ср. р. на о-: ра́мꙋ (Числ. XVIII, 18, Остр. другой текстъ: ра́мо и. ед.). У Зизанія вре́меню по типу основъ на јо- и вре́мени (л. 30). Какъ и въ родит. ед., Остр. и Первопеч. библія представляютъ чаще вторичную форму (по типу основъ на јо-), въ Новой замѣненную болѣе древней.

Творительный можетъ отвѣчать и первичной формѣ на **-ьмь**, и формѣ основъ на јо- (**-ѥмь**): ӥменемъ=стсл. **имєньмь** (М. XXVII. 57. Остр. и Первоп. такъ же, Л. I. 59, Остр. ӥменемъ), сѣ́менемъ (Апок. XII. 17, Остр. сѣменемъ, Первоп. какъ въ Новой). У Смотрицкаго ӥменемь (л. 115).

Предложный по типу основъ на јо- или основъ на і-: ӥмени (І. X. 25, Остр. ӥмени), вре́мени (М. XXV. 19, Остр. времени).

Въ двойственномъ числѣ: И. В. З. ра́мѣ (Л. XV. 5, Быт. IX. 23, Остр. рамѣ, Первоп. какъ въ Нов.) по типу основъ ср. р. на о- или ж. р. на а̄-. Встрѣчаются и образованія по типу основъ м. р. на о-: ѻ҆́ба ра́мена (Исх. XXVIII. 12, Остр. и Первоп. ѻ҆́бѣ ра́мѣ), два̀ племена̀ (І. Н. XIV. 4). Остр. пле́мени. Вмѣсто формы двойств. числа, встрѣчается и форма винит. пад. множ. ч. по типу основъ муж. р. на о-: ра́мы (Быт. XLIX. 15, Остр. рамѣ, Первоп. ра́мѣ). Другія формы дв. числа также часто замѣняются формами множ., нпр. предложный: двꙋ̀ ра́менахъ (Исх. XXVIII. 12, 21; Остр. и Первоп. ра́мѣ; винит. на ра́мꙋ по типу основъ на о-).

Дательный: двꙋ̀ племенѡ́мъ (І. Нав. XIV. 3. Остр. двема̀ племе́нѣ, Первоп. двѣма̀ племене́мъ). У Зизанія И. В. З. времена̀=имен. множ., Р. П. вре́менꙋ, Д. Тв. вре́менема и вре́менма (по типу основъ на і- (л. 30).

Во множественномъ числѣ именит. и винительный падежи правильно: времена́ (М. XXIII. 4, Остр. времена), ра́мена (Суд. XVI. 3, Остр. двойств.: ра́мѣ). Винит. множественнаго есть и по типу основъ муж. р. на о-: ра́мы (Исх. XII. 34, Остр. такъ же).

Родительный множ. правильно: и҆ме́нъ (Апок. XVII. 3, Остр. такъ же), племе́нъ (Апок. V. 9, Остр. племенъ), време́нъ (ibid. XVIII. 12, Остр. временъ), также и съ другимъ удареніемъ сѣ́менъ (М. XIII. 32, Остр. сѣменъ, Первоп. сѣ́менъ), ра́менъ (1 Цств. X. 23, Остр. друг. текстъ, Ис. X. 27, Остр. друг. текстъ).

Дательный множественнаго представляетъ нѣсколько формъ: „правильную" пле́менемъ (Ис. XIX. 13, Остр. пле́менемъ, Первоп. пле́ме́немъ), которая отвѣчаетъ стсл. **племеньмъ** и совпадаетъ также съ формой д. мн. ч. отъ основъ ср. и м. р. на jo-; встрѣчается и другая акцентуація — племене́мъ (1 Царствъ X. 19, Остр. пле́менемъ, Первоп. какъ въ Новой), подобная акцентуаціи русскихъ формъ. Рядомъ имѣются формы, образованныя по типу основъ на о-: и҆менѡ́мъ (Быт. XXV. 13, Остр. и҆мени̏, Первоп. и҆мени — ед. число), племе́нѡмъ (1 Парал. XXVII. 23, Остр. друг. текстъ), временѡ́мъ (М. XVI. 3, Остр. временемъ, Первоп. времене́мъ), которыя свойственны Новой библіи, а также и формы по типу основъ на ā-: племена́мъ (1. Цств. X. 21, Остр. друг. текстъ, Второз. XVI. 18, Остр. племенемъ, Первоп. пле́менемъ), и҆мена́мъ (Быт. XXVI. 18, Остр. другой текстъ; Исх. XXVIII. 21, Остр. и҆менѣ̏, Первоп. и҆мене́мъ). У Зизанія только временѡ́мъ (л. 30 на об.).

Творительный множ. числа: „правильная" форма — времены̀ (1 Тимоѳ. II. 6, Остр. времены, Первоп. какъ въ Новой), племены̀ (Второз. XXXIII. 5, Остр. им. множ.); рядомъ съ ними по типу основъ на ā-: времена́ми (3. Цств. XI. 28, Остр. другой текстъ), знаме́нами (1. Маккав. VII. 45, Остр. твор. мн. зна́меніи). У Зизанія времены̑ по типу основъ на о- и вре́менми (л. 30 на об.), по типу основъ на і- или на u-.

Предложный мн. представляетъ въ сущности два окончанія:

-'æχ, которое передается въ цсл. графикѣ какъ -єχъ и -ѣχъ (первое „правильно", или явилось по типу основъ на i-, гдѣ ь измѣнилось въ є, второе по типу основъ на о- мн. и ср. р.) и -аχ (-аχъ), отъ основъ на ā-: племенéхъ (Второзак. I, 13, Остр. племе́нехъ, Первоп. племенéхъ), и҆менеχъ (Дѣянія. XVIII. 15, Остр. и҆менѣ, Первоп. и҆менéхъ), рáменехъ (Iезек. XII. 6, Остр. вин. дв. рáмѣ) и временѣхъ (1. Солун. V. 1, Остр. временехъ, Первоп. какъ въ Новой), племенѣхъ (Апок. X. 11, Остр. племенехъ, Первоп. племенéхъ, Суд. XX. 10, Остр. племéнехъ, Первоп. какъ въ Новой), рáменахъ (Исх. XXVIII. 21, на двꙋ...; 2. Парал. XXXV. 3, Остр. двойств. ч.), временáхъ (Iис. Сир. XXXIX. 38, Остр. вин. ед.). У Зизанія временáхъ (л. 30 на об.).

§. 7. Склоненіе первичной основы на согласный n-, де́нь (стсл. **дьнь**). Родительный единств. ч.: двѣ формы — правильная днѐ (стсл. **дьнє**): М. XI. 23, XXVI. 29, XXV. 13, XXIV. 38 и т. д. и по типу основъ на jo-: днѧ̀ (Эккл. VII. 2, Остр. дн҃ѧ, Первоп. какъ въ Новой).

Дательный правильно—днѝ (стсл. **дьни**): Пс. XVIII. 3 (Остр. дн҃и); по типу основъ на jo-: дню̀ (Дѣянія II. 20, Iерем. XXXIII. 20, Такъ уже въ Остр. Библіи: дн҃ю), полꙋдню (2 Парал. XXXII. 30, Такъ уже въ Остр.); по типу основъ на u-: днéви (М. VI. 34, Остр. такъ же: дн҃еви, Первоп. какъ въ Новой).

Винительный: де́нь (стсл. **дьнь**): М. XI. 24, XXVI. 17, XXIV. 50 (Остр. дн҃ь, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: днéмъ (Iерем. XXXIII. 25, Остр. дн҃емъ, Первоп. какъ въ Новой, стсл. **дьньмь**), совпадаетъ и съ творит. падежомъ основъ на jo- и на i-.

Предложный падежъ, рядомъ съ болѣе частой формой по типу основъ на i- —днѝ (М. XXIV. 36, Мрк. XIII. 32, Остр. дн҃и, Первоп. какъ въ Новой), представляетъ и болѣе древнюю форму днѐ (стсл. **дьнє**): во дн҃е (Остр. библ. Iоа. XI. 9, также въ Первоп. во днѐ. Въ новыхъ изданіяхъ уже днѝ), въ полꙋднѐ (Суд. V. 10, Остр. друг. текстъ, Пѣснь Пѣсн. I. 6, Остр. полꙋднѐ, Первоп. какъ въ Новой, Iис. Сир. XXXIV. 16, Остр. полꙋдн҃е, Первоп.

какъ въ Новой), но полꙋдни (Софон. II. 4, Остр. друг. текстъ: месамбрїю).

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: дни (на два дни, Исх. XVI. 29, Остр. дни, стсл. дьни). Р. Пр. двою дню (М. XXVI. 2, Іоа. IV. 43, Остр. дню, Первоп. какъ въ Новой) по типу основъ на jo- и днїю (Мр. XIV. 1, Остр. днїю, Первоп. какъ въ Новой), по типу основъ на і-: стсл. дьноу. Другіе падежи не встрѣчаются.

Множественное число. Въ именит. п. только позднѣйшая форма по типу основъ на і-: днїе (стсл. дьне): М. XXIV. 22, Л. II. 6, Остр. днїе, Первоп. днїе.

Родительный п. по типу основъ на і-: днїй (М. IV. 2, XXIV. 29, Остр. днїи, Первоп. дней, Мр. XIII. 20, Остр. днїи, Первоп. днїй, Л. XIII. 14 и т. д. Остр. днїи, Первоп. дней), съ сохраненіемъ (или возстановленіемъ) старославянскаго ї=ь и дней (Дѣян. XXI. 26, Остр. дат. мн. Быт. VII. 12, 17, XXIV. 55, Остр. днїи, Первоп. днїй) съ русскимъ *е* (стсл. дьнъ).

Дательный мн. отвѣчаетъ стсл. дьньмъ:—днемъ (Зах. VIII. 11, Осія II. 15, Остр. днемъ, Первоп. днемъ).

Винительный: дни (стсл. дьни): М. XXIV. 19, II. 1 (Остр. дни, Первоп. какъ въ Новой).

Творительный: дѣнми (стсл. дьньми); Іова XV. 10 (Остр. и Первоп. дньми), М. XXVI. 61 (Остр. дньми, Первоп. деньми).

Предложный: днехъ (стсл. дьньхъ): М. XXVII. 63 (Остр. днехъ, Первоп. днехъ), XVII. 1, (Остр. днехъ, Первоп. какъ въ Новой), Мр. I. 9 (Остр. днехъ, Первоп. днехъ), Л. II. 36 (Остр. днех҃, Первоп. днехъ).

§ 8. Въ склоненіи основъ на r- лучше сохранилось единственное число. Именительный ед. мати, какъ въ старославянскомъ (Л. XII. 53, Мр. III. 31—35, Остр. м҃ти) и матерь (М. Смотрицкій л. 121 на обор.), дщерь (Тов. VII. 8, Остр. дщи, Первоп. дщи)—образованія отъ основы косвенныхъ падежей, но дщи (М. IX. 18, Остр. дщи, Л. II. 36, Остр. дщи). У Зизанія мати (л. 38), но дщеръ (л. 39) подъ вліяніемъ западнорусск. произношенія, не знающаго *r'*.

Родительный, какъ въ старославянскомъ: ма́тере (М. XV. 6, Остр. такъ же, Первоп. мт҃рь вин. ед. Быт. XXIV. 67, Остр. и Первоп. мт҃ри по типу основъ на і-), дщ́ере (Суд. XI. 34, Мр. VII. 26, Остр. и Первоп. такъ же): стсл. **матере.**

Дательный также „правильно": ма́тери (2 Парал. XXV. 1, М. I. 18, Остр. мт҃ри), дщ́ери (М. XXI. 5, Остр. такъ же): стсл. **матери.**

Винительный только ма́терь (М. XIX. 29, Остр. и Первоп. ма́тере, II. 13, 14, 21, Остр. и Первоп. мт҃ре М. X. 35. 37, Остр. мт҃ре, Первоп. мт҃рь), дщ́ерь (М. X. 35. 37, Остр. и Первоп. дщ́ере): стсл. **матерь.** Въ Остр. имѣются еще стсл. формы в. ед. ма́тере, дщ́ере (Л. XII. 53). Въ Первоп. уже ма́терь, дщерь, какъ въ Новой). У Зизанія ма́теръ вмѣсто ма́терь подъ вліяніемъ западнорусскаго произношенія.

Творительный: ма́терїю (М. II. 11, Остр. такъ же), дщ́ерїю (Іезек. XLIV. 25, Остр. вин. ед. дщ́ере): стсл. **матерьѭ.**

Предложный: ма́тери (М. Смотр. л. 121 на обор.) и по типу основъ на а̄-: дщ́ерѣ (Зах. II. 7, Остр. дщ́ере. Первоп. уже дщ́ерѣ): стсл. **матери.**

Звательный: ма́ти (М. Смотр. л. 121 на обор.), дщи̏ (Суд. XI. 35, Остр. такъ же), какъ въ старославянскомъ—**мати.**

Формы двойственнаго числа, приводимыя Смотрицкимъ (л. 121 на обор.), построены очевидно имъ самимъ по разнымъ типамъ: И. В. З. ма́терѣ (стсл. ***матери**), по типу основъ на а̄-; Р. П. ма́терїю (стсл. ***матероу**), дщ́ерїю (1 Цств. XIV. 49, Остр. и Первоп. дщ́ерїю), вмѣсто предполагаемой стсл. формы ***матероу**, по типу основъ на і-; Д. ма́терема и Тв. ма́терьма съ обычной у Смотрицкаго дифференціацией одного окончанія на два; въ основѣ второй могла лежать старосл. предполагаемая форма ***матерьма**, совпадающая и съ соотвѣтствующей формой бывшихъ основъ на і- У Зизанія И. В. Зв. ма́терѧ, Р. ма́терїю, Д. Т. ма́терема (л. 38); дщ́ерѧ, дщ́ерїю, дщ́ерема (л. 39).

Множественное число. И. В. Зв. ма́тери (Смотрицкій л. 121 на обор.), дщ́ери (Быт. XXVII. 8, Остр. дщери; Суд. III, 6.

Іезек. XIV. 16, Остр. дщ҃ери): стсл. матерн. У Зизанія ма́тери (л. 38), но дще́рѧ (л. 39).

Родительный падежъ только по типу основъ на і-: ма́терей (Плачъ Іер. II. 12. Остр. и Первоп. родит. ед. мт҃ре), матере́й и ма́терій (Смотрицкій; л. 121 на обор.), дще́рей (Л. I. 5, Суд. I. 27, Іезек. XIV. 18): стсл. матеръ. (Въ Острожской библіи еще дще́ръ—Іезек. XIV. 18, но дще́рїи Л. I. 5. Въ Первопеч. дще́рїй Л. I. 5 и дще́рей Іезек. XIV. 18). У Зизанія ма́тере̑ (sic) и ма́терій (л. 38), но дще́рей (л. 39).

Дательный ма́теремъ (Плачъ Іерем. II. 12, Остр. мт҃ремъ, Первоп. мт҃ремъ, у Смотрицкаго матере́мъ съ акцентуаціей, подобной русской: л. 121, на обор.), дще́ремъ (Исх. II. 20, Остр. и Первоп. такъ же) отвѣчаетъ старосл. формѣ матерьмъ. У Зизанія мт҃ремъ (л. 38), но дще́рѧ̑ по типу бывшихъ основъ на ā- и дще́ре̑ (л. 39).

Творительный ма́терьми (Смотрицкій л. 122) также отвѣчаетъ стслав. формѣ. У Зизанія ма́терми (л. 38), но дще́рѧми рядомъ съ дще́рми (л. 39): стсл. матерьмн.

Предложный ма́терехъ (Смотрицкій л. 122), дще́рехъ (1. Цств. XXX. 6, Остр. и Первоп. другой текстъ) также восходитъ къ стсл. формѣ (матерьхъ). У Зизанія ма́терѧхъ по типу основъ на ā- (л. 38), дще́рѧхъ (л. 39).

§ 9. Склоненіе основъ на es-сохранило въ большинствѣ падежей свой старославянскій видъ. Рядомъ довольно часты различныя образованія вторичнаго происхожденія, объясняющіяся морфологической ассимиляціей, прежде всего къ первичнымъ основамъ ср. р. на о-, а также и къ первичнымъ основамъ на ā-.

Единственное число. Именит. падежъ; правильныя формы: тѣло (I. XX. 12), коло (Пс. LXXXII. 14, Остр. коло, Іезек. X. 9. 10, Остр. ко́ло). Рядомъ встрѣчаются образованія отъ основы косвенныхъ падежей: колесо̀ (Экклес. XI. 6. Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ еще ко́ло). У Смотрицкаго (л. 116 на обор.) приводятся также формы небесо̀, чюдесо̀, тѣлесо̀, ѹ҆десо̀, о҆чесо̀, ѹ҆шесо̀, древесо̀ и т. д., построенныя имъ чисто теоре-

тически, но съ оговоркой, что въ И. В. З. вмѣсто нихъ употребляются формы: нє́бо, чю́до и т. д.: стсл. **небо.**

Родительный п.; правильныя формы: тѣлесѐ (М. XXVII. 58. Остр. тѣлесе), небесѐ (М. XXIV. 29, XXI. 25, Остр. нб҃се), словесѐ (М. XXII. 46. V. 32, Остр. такъ-же), ѻ҆чесѐ (М. VII. 4. 5, Остр. ѻчесе), оу҆шесѐ (Исх. XXIX. 20, Остр. оушеси), колесѐ (Ис. XXIX. 5. Остр. винит. множ. по типу основъ муж. р. на о- или на и- ко́лы). Рядомъ образованія по типу основъ ср. рода на о-: тѣ́ла (Іоа. II. 21. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ), оу҆̑ха (Іерем. XXXIV. 14. Такъ въ Остр. и Первоп.). У Л. Зизанія рядомъ нє́ба и небесе (л. 29 на обор.): стсл. **небесе.**

Дательный п. правильно: словеси̑ (Пс. CV. 12, 24, Остр. словеси, словеси̑), небеси̑ (Дѣян. III. 21, Остр. нб҃си). У Л. Зизанія нє́бꙋ, по типу бывшихъ основъ на о-(л. 29 на обор.), а рядомъ нб҃си и нб҃ѣ (предл. вм. дат.): стсл. **небеси.**

Винительный п.: тѣло (М. XXVII. 58).

Творительный „правильно“: небесє́мъ (М. XXIII. 22, стсл. **небесьмь**); рядомъ по типу бывшихъ основъ на о-: сло́вомъ (М. XXII. 15. Такъ уже въ Остр. и Первоп. библіяхъ), ѻ҆́комъ (М. XVIII. 9. Остр. и Первоп. ѻ̑комъ), нє́бомъ (М. V. 34, Остр. нб҃омъ, (Іак. V. 12, Остр. нб҃ом), дре́вомъ (3 Цств. VI. 10, Остр. и Первоп. уже такъ-же), у Л. Зизанія нє́бомъ и небесє́мъ (л. 29 на обор.). Какъ видно изъ цитатъ, образованія по типу основъ на о- встрѣчаются уже въ Остр. б. тамъ же, гдѣ и въ Новой.

Предложный идетъ большею частію по типу основъ на і- вмѣсто стсл. на -е (**небесе**); тѣлеси̑ (2 Петра I. 13, Остр. такъ-же), колеси̑ (Пс. LXXVI. 19. Остр. вколеси, Первоп. какъ въ Новой, Іезек. X, Остр. в҆ко́леси, Первоп. какъ въ новой), небеси̑ (М. XXVIII. 18, Остр. нб҃си), ѻ҆чеси̑ (Луки VI. 41, 42, Остр. ѻчеси, ѻчеси̑, Первоп. ѻчеси̑); по типу бывшихъ основъ ср. р. на о-: во ѻ҆цѣ (Матѳ. III 3, 4, Остр. также ѻцѣ, ѻ̑цѣ).

Двойственное число представляетъ очень скудное количество примѣровъ. И. В. З. образованы по типу основъ ж. р. на а̄-: двѣ̑ ѻ҆цѣ

(винит. п. М. XVIII. 9, Остр. и Первоп. ѻ҆цѣ), по типу основъ на і-: ѻ҆́чи (вин. п. Ис. I. 15, Остр. и Первоп. также ѻ҆чи). У Смотрицкаго имѣется имъ построенная форма словеса̀ (л. 116), тожественная съ им. множ. числа.

Соотвѣтствій старославянскимъ формамъ, какъ тѣлесъ, не встрѣчается. Формы, попадающіяся въ Остр. и Первоп., какъ ѻ҆бѣ и҆сте́сѣ (Исх. XXIX. 13, Лев. IX. 10. и҆сте́си) въ Новой библіи замѣнены другими: ѻ҆́бѣ по́чки. У Л. Зизанія вм. И. В. Зв. дв. ч. находимъ только форму им. множ. нбса̀ (л. 29 на об.).

Родительный и предложный: во ѹ҆́шію (1 Цств. XV. 14, Остр. въ ѹ҆́шію, Первоп. воѹшію) по типу основъ на і-, ѻ҆́чію (р. п. Тов. X. 5, Остр. и Первоп. очію). Только у Смотрицкаго (л. 116) находимъ форму, отвѣчающую старославянской: словесоу.

Дательный и творительный: ѻ҆чи́ма (твор. I. Цств. I. 18). ѹ҆ши́ма (твор. М. XIII. 15) какъ въ старославянскомъ по типу основъ на і-. У Смотрицкаго находимъ дифференціацію (разумѣется, чисто теоретическую и произвольную): для дат. словесе́ма, что можетъ отвѣчать старосл. словесьма или также стсл. полѥма, для твор. же форму, образованную по типу основъ на а-— и въ библейскомъ текстѣ не встрѣчающуюся: словеса́ма (л. 116). У Зизанія по типу основъ на о-: нбсо́ма (л. 29 на об.).

Множественное число; именительный и винительный п.; правильныя формы: древеса̀ (Іезек. XXXI. 9, 14, Остр. такъ же, но дре́ва ibid. 15, Нов. древеса̀), тѣлеса̀ (М. XXVII. 52), коле́са (Іез. X. 9, 12, 16, 19; Остр. ко́леса, колеса̀, колеса, Первоп. колеса̀, коле́са), словеса̀ (М. XXVI. 1), чѹдеса̀ (М. XXIV. 24), ѹ҆шеса̀ (1 Цар. III. 17), ѻ҆чеса̀ (Мр. XIV. 40): стсл. тѣлеса. Рядомъ формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о- и встрѣчающіяся уже въ Остр. библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой: древа̀ (Исх. IX. 25, Остр. и Первоп. ед. число дре́во, Ис. XIV. 8, Остр. друг. текстъ, Суд. IX. 8; Остр. дре́ва, Первоп. какъ въ Новой). У Зизанія нба и нбса̀ (л. 30); по типу основъ муж. р. на о-: ѹ҆́шы (1 Цств. XI. 4), гдѣ морфологическая ассимиляція сказывается только въ написаніи съ ы- (въ Острожской и Первопечатной библіяхъ находимъ здѣсь обычное написаніе ѹ҆́ши, по

типу И. В. Зв. дв. ч. основъ на і-). Встрѣчаются и собирательныя формы: дре́віє (Мр. VIII. 24. Такъ уже въ Остр. б.).

Родительный падежъ правильно: слове́съ (М. X. 14), коле́съ (Іез. X. 2, 6, 9, 12, Остр. колесъ, ко́лесъ, коле́съ, Первоп. коле́съ), небе́съ (М. XXIV. 31), тѣле́съ (Апок. XVIII. 13), древе́съ (Апок. VII. 3), оу́ше́съ (Исх. XXIX. 20). У Зизанія по типу основъ на о-: нбъ и правильно нбсъ (л. 30): стсл. тѣлесъ.

Въ дательномъ падежѣ преобладаютъ формы правильныя: словесе́мъ (1 Тимоѳ. VI. 3, Остр. словесемъ, Первоп. какъ въ Новой, стсл. словесьмъ), ѻ҆чесе́мъ (1 Цств. II. 33, Остр. друг. текстъ), чꙋдесе́мъ (Дѣян. IV. 30, Остр. другой текстъ). Рядомъ встрѣчаются формы, образованныя по типу основъ на а-: коле́самъ (Іезек. X. 12, Остр. имен. мн.), а также и по типу вторичныхъ формъ дат. множ. основъ ср. р. на о-, которыя въ свою очередь обязаны своимъ происхожденіемъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на а-,—древа́мъ (Суд. IX. 15. Такъ уже въ Острожской и Первопечатной библіяхъ). У Зизанія по типу основъ на о- и на а-: нбсѡ̑ и нбса́мъ (л. 30).

Творительный представляетъ старинную форму: словесы̀ (Римл. XVI. 18, Остр. такъ же). Рядомъ формы съ полной основой косвенныхъ падежей, но съ окончаніемъ по типу основъ ж. р. на а-: древеса́ми (Іезек. XXXI. 18, Остр. р. мн. древесъ), словеса́ми (Притчи VI. 2. Въ Остр. и Первоп. оу́стна́ми). Имѣются и образованія по типу основъ ср. р. на о-: дре́вы (3 Цств. IX. 11, Остр. такъ же), ко́лы (Острожская и Первопечатная библіи Ис. XXIX. 5, въ Новой р. ед. колесѐ); а также образованія по типу основъ на а- отъ основы им. ед.: древа́ми (Суд. IX. 9, 11. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Іезек. XLI. 26, Остр. друг. текстъ). У Зизанія нбсы̑ и нбами (л. 30): стсл. тѣлесы.

Предложный падежъ; „правильное" написаніе окончанія этого падежа -єхъ, отвѣчающее старославянскому -ьхъ (тѣлесьхъ), встрѣчается только въ Острожской библіи: словесєхъ (1. Маккав. IX. 37, Л. IV. 22), но словесѣхъ Мр. X. 24, древесѣхъ Іез. XXXI. 18; въ Первопечатной и современныхъ находимъ графическую ассимиляцію къ основамъ м. и ср. р. на о-: словесѣхъ (Л. IV.

22), древесѣхъ (I. Нав. гл. X. 26), оушесѣхъ (Быт. XXXV. 4), чꙋдесѣхъ (Остр. чюдесѣхъ. 2 Коринѳ. XII. 12). У Смотрицкаго также словесѣхъ (л. 117 на обор.). Звуковое значеніе окончаній -ехъ и -ѣхъ, конечно, совершенно уже одинаково въ печатномъ церковнославянскомъ. Рядомъ съ этими формами находимъ образованія по типу основъ ж. р. на ā- отъ основы косвенныхъ падежей: оушесахъ (2. Цств. XVIII. 12. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ... во оуши...); сверхъ того имѣются образованія отъ основы им. пад. ед. ч. по типу основъ ср. р. на о-: древѣхъ (Суд. VI. 26. Такъ уже въ Остр. и Первоп., Іезек. XV. 6, Остр. древесѣхъ, Первоп. древесѣхъ), а также по типу основъ ж. р. на ā-: древахъ (3 Цств. V. 8, Остр. другой текстъ) и древахъ (I. Нав. X. 26, Остр. другой текстъ). У Зизанія (вмѣсто дат.): нбсѣхъ и нбсахъ (л. 30).

§ 10. Приблизительно подобныя отношенія представляетъ склоненіе основъ на nt-, сохранившее многія старинныя формы.

Единственное число. Именит. и винит. п. отроча (М. II. 9. 11. XVIII. 4), съ а = стсл. ѧ (такъ уже въ Острожской б.), ослѧ, жребѧ (М. XXI. 2, Остр. ослѧ, жрѣбѧ, Первоп. ослѧ, жребѧ), овча (М. XII. 11, Остр. овчѧ, Первоп. овча): стсл. **отрочѧ**.

Родительный падежъ правильно: отрочате (М. II. 13, 20, Остр. отрочате), овчате (М. XII. 12, Остр. овчате), козлѧте (Л. XV. 29, Остр. козлѧте): стсл. **отрочѧте**.

Дательный падежъ правильно: отрочати (2 Цств. XII. 21): стсл. **отрочѧти**. У Зизанія также отрочатю, по типу бывшихъ основъ на jo-, (л. 29 на об.), рядомъ съ правильной формой.

Творительный также отвѣчаетъ старосл. формѣ: отрочатемъ (Быт. XXI. 20), съ а=стсл. ѧ. Такое правописаніе уже въ Остр. б.: отрочатемъ. У Смотрицкаго отрочѧтемь (л. 114 на обор.)=стсл. **отрочѧтьмь**. Окончавіе -емъ совпадаетъ и со стсл. окончаніемъ основъ на jo-: **-ємь**.

Предложный: отрочати (М. II. 8, Л. II. 17, Остр. отрочати) по типу основъ на і-: стсл. **отрочѧте**.

Двойственное число можетъ быть представлено только въ фор-

махъ, приведенныхъ у Смотрицкаго. И. В. Зв. у него образованъ по типу основъ м. р. на о-: ѻ҆троча́та (л. 114 на обор.): стсл. **отроуатѣ**. Р. П. правильно: ѻ҆троча́тꙋ: стсл. **отроуатоу**.

Дательный и творительный съ обычной у Смотрицкаго дифференціаціей; для перваго правильная форма ѻ҆трочѧ́тема (стсл. **отроуатьма**), которая въ церковнославянскомъ совпадаетъ также съ Д. Т. отъ основъ на jo- (какъ стсл. **полıема**), а для втораго форма ѻ҆трочѧ́тама, образованная по типу основъ на ā-. Такія же формы находимъ у Зизанія (л. 29 на об.), за исключеніемъ дат. и творит. ѻ҆троча́тома по типу основъ на о-.

Множественное число. Им. В. Зв. правильно: Ѻ҆слѧ́та (1 Цств. IX. 5, Остр. ѻ҆слѧ́та), у Смотрицкаго ѻ҆трочѧ́та (стсл. **отроуата**). Существительное **дѣтѧ** идетъ по типу основъ на і-, какъ въ русскомъ: Им. дѣ́ти (М. XVIII. 3), Вин. дѣ́ти (Мр. X. 13); такъ уже въ Острожской библіи (дѣ́ти).

Родительный правильно: Ѻ҆троча́тъ (Мр. IX. 37), телѧ́тъ (1 Цств. VI. 7): стсл. **отроуатъ**. По типу основъ на і-: дѣте́й (вмѣсто винит. п. Мр. X. 14, Остр. дѣтїи; Первопеч. уже дѣте́й).

Дательный правильно у Смотрицкаго (л. 114 на обор.): ѻ҆трочѧ́темъ (стсл. **отроуатьмъ**), каковая форма совпадаетъ также съ дат. мн. отъ основъ м. и ср. р. на jo-. Кромѣ того имѣются формы, образованныя по типу основъ ср. р. на о-: Ѻ҆слѧ́тѡмъ (Суд. XIX. 19, 21. Такъ уже въ Остр. библіи) и по типу основъ на і- или на jo-, какъ: дѣ́темъ (Быт. XLV. 19. Такъ уже въ Остр. б.—дѣ́темъ). У Зизанія ѻ҆троча́тѡ҃ и ѻ҆троча́та҃ по типу основъ на о- и на ā- (л. 30).

Творительный п. у Смотрицкаго правильно: ѻ҆трочѧ́ты (л. 114, стсл. **отроуаты**). У Зизанія ѻ҆троча́ты и ѻ҆троча́тами по типу основъ на ā- (листъ 30).

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: правильное — 'ǽх, передаваемое въ цсл. графикѣ то -єхъ (стсл. **-ьхъ**), то -ѣхъ (графическое уподобленіе къ основамъ на о-) и -áх (-ахъ), представляющее собой продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на ā-: Ѻ҆слѧ́тєхъ (1 Цств. X. 2), рядомъ съ Ѻ҆слѧ́тѣхъ (1 Цств. IX. 20. Въ Острожской ѻ҆слѧ́тєхъ, въ Первопечатной

уже ѻ҇слѧ́тѣхъ). У Смотрицкаго: ѻ҇трочѧ́тєхъ (стсл. отроѫтьхъ). Рядомъ по типу основъ на ā-: ѻ҇слѧ́тахъ (Суд. V. 10. Такъ уже въ Остр. и Первопечатн. библіяхъ). У Зизанія ѻ҇трочáтахъ и ѻ҇трочáтѣхъ (л. 30).

§ 11. Основы на ū- сохранили только въ нѣкоторыхъ формахъ свое первичное склоненіе. Въ другихъ же замѣчается вліяніе основъ на і-.

Единственное число. Именительный п. въ большинствѣ случаевъ утратилъ первичную форму съ -ы (стсл. -ы) и представляетъ собой обыкновенно тожественное съ винит. ед. образованіе отъ основы косвенныхъ падежей по типу основъ на і-: ꙗ҆́тровь (Руѳь I. 15. Въ Остр. и Первоп. ꙗ҆́трь, — образованіе по типу основъ на і-), свекро́вь (Руѳь II. 18. Въ Остр. све́кры, въ Первоп. свекры), кро́вь (М. XXIII. 35. XXVII. 25. Такъ уже въ Остр. б.), любо́вь (Эккл. IX. 6. Такъ уже въ Остр.), смо́квь (Пѣснь Пѣсн. II. 13; въ Остр. смѣшанная форма смо́квы=смо́квь +смокы). Старинный именительный сохранился въ слѣдующихъ случаяхъ: любы̀ (1 Кор. XIII. 4, М. XXIV. 12, Остр. такъ же), свекры̀ (Л. XII. 53, Остр. такъ же въ противоположность вин. ед. свекро́вь—тамъ же), непло́ды (Л. I. 7, Остр. такъ же).

Родительный падежъ правильно: кро́ве (стсл. кръве М. XXIII. 35), любвѐ (стсл. любъве Л. XI. 42. Острожск. и Первопечатн. б. Въ Новой б. любо́вь вин. пад.), ꙗ҆́трове (Руѳь I. 15, Остр. такъ же), цр҇кве (М. XXIV. 1, стсл. црькъве). Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ встрѣчается также форма именит. ед. вмѣсто родит.: Остр. въслѣдъ све́кры (Первоп. свекры̀) своеѧ҆ (Руѳь I. 14. Въ Новой друг. текстъ). Форма эта свидѣтельствуетъ о томъ, что именит. п. уже пересталъ чувствоваться таковымъ, такъ какъ въ языкѣ писавшаго былъ уже вытѣсненъ новообразованіемъ. Въ Острожской б. еще встрѣчается р. п. по типу основъ на і-: кро́ви (3 Цств. XVIII. 28). Въ Первоп. и Новой уже исправлено кро́ве.

Дательный правильно: це́ркви (1 Кор. I. 2, стсл. црькъви), свекро́ви (Руѳь II. 18).

Винительный п.; правильныя формы: цр҇ковь (М. XXI. 23,

Остр. такъ же), кро́вь (М. XXVII. 4, Остр. кровъ, Первоп. какъ въ Новой), свекро́вь (Л. XII. 53, Остр. такъ же), любо́вь (2 Петр. I. 7. 1, Іоа. III. 1, Остр. такъ же), неплóдовь (Пс. CXII. 9, Остр. р. ед. неплóдове, Первоп. какъ въ Новой): стсл. црькъвь, кръвь и т. д. Форма именит. п. вмѣсто винит.: любы̀ твори́ти (Апок. II. 14, Остр. любы), что встрѣчается уже въ древнѣйшихъ стсл. памятникахъ.

Творительный п. правильно: це́рковію (М. XXIII. 16), кро́вію (Римл. V. 9), свекро́вію (Руѳь II. 11), любо́вію (1 Кор. XVI. 14): стсл. црькъвиѭ, кръвиѭ и т. д.

Предложный п. утратилъ древнюю форму (стсл. црькъве) и пошелъ по типу основъ на і-: любвѝ (1 Іоа. IV. 16. 18. Такъ уже въ Остр. б.), це́ркви (М. XXVI. 55. XXI. 14), въ кро́ви (М. XXIII. 30, Остр. крови, Первоп. кро́ви, Іезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѝ), рядомъ въ кровѝ (Іезек. XVI. 6, Остр. крови, Первоп. кровѝ).

Множественное ч. Именительный п. правильно: смѡ́кви (Іер. XXIV. 3, 5, Іоиль II. 22, Остр. смо́кви, смокви, Первоп. какъ въ Новой), це́ркви (Римл. XVI. 4, Остр. цр҃кви): стсл. црькъви.

Родительный п., по типу основъ на і-: смо́квій (Іер. XXIV. 1, Остр. смоквіи, Первоп. смо́кѣіи, Ис. XXXVIII. 21, Остр. смо́квіи, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ: смо́квей (ibid. 2, Остр. винит. мн. смо́кви), крове́й (2 Цств. XVI. 7, 8, Остр. ед. ч. кро́ви), церкве́й (2 Кор. VIII. 19, Остр. р. ед. цр҃кви). Чередованіе ї и є объясняется вліяніемъ русскаго языка: стсл. црькъвъ.

Дательный п., какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на ā-: смо́квамъ (Іер. XXIV. 2, Остр. смо́квемъ по типу основъ на і-, Первоп. какъ въ Новой), хорꙋ́гвамъ (1 Цств. X. 19, Остр. хорꙋгва̑); це́рквамъ (2 Кор. VIII. 18, Остр. цр҃ква̑, Первоп. цр҃квамъ): стсл. црькъвамъ.

Винительный по типу основъ на ā-: смо́квы (Осія II. 12, Остр. смоквиніѫ), смѡ́квы (Іер. XXIX. 17. Такъ уже въ Остр.: смо́квы, Первоп. такъ же): стсл. црькъви.

Творительный по типу основъ на і-: кровмѝ (Апок. XVII. 6, Остр. и Первоп. кро́вми, Осія IV. 2, Остр. кр҃ми, Первоп.

кро́вми), кровьми́ (Пс. CV. 38, Остр. кро́вьми, Первоп. какъ въ Новой), бровьми́ (Іис. Сир. XXVI. 11, Остр. дв. ч. бровма, Первоп. бро́вма); стсл. црькъвами.

Предложный, какъ въ старославянскомъ, по типу основъ на ā-: люббаху (Посл. Іуд. I. 12, Остр. любва), це́рквахъ (Пс. XXV. 12, Остр. и Первоп. црквахъ): стсл. црькъвахъ.

§ 12. Основы муж. р. на u- въ большинствѣ падежей пошли по типу болѣе многочисленныхъ основъ на о-. Въ свою очередь, нѣкоторыя ихъ падежныя формы въ силу своего звуковаго богатства и характерности послужили источникомъ новообразованій. Окончанія дат. ед. -ови, им. множ. -ове и род. -овъ (во всѣхъ этихъ случаяхъ -ов- принадлежитъ основѣ и отъ нея абсорбировано окончаніями, такъ что уже не чувствуется частью основы) перешли къ различнымъ другимъ основамъ, которымъ первично никогда не были свойственны.

Единственное число. Именительный п.: Снъ (Л. I. 32 и т д.) совпадаетъ съ имен. п. ед. ч. основъ на о-: стсл. сынъ.

Родительный п. по типу бывшихъ основъ на о-: сы́на (М. XXI. 37, XXIV. 30, Остр. сна, М. Смотрицкій, л. 113. Вмѣсто винит. ед. ч. М. XXI. 5, Остр. сна, XXIV. 30 и т. д.), до́ма (I. XI. 20, Остр. такъ же), что встрѣчается, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библіи. Рядомъ имѣются и старыя, правильныя формы: до́му (М. XXIV. 43, Мр. XIII. 35, Евр. XI. 7, Остр. такъ же. М. Смотрицкій л. 118 только до́му), по́лу (Л. II. 23, Остр. такъ же), духу (2 Кор. III. 6, Остр. такъ же), верху (Л. IV. 29, Остр. врьху, Первоп. какъ въ Новой), но верха̀ (Іоа. II. 7, Остр. такъ же): стсл. сыноу, домоу.

Дательный падежъ по типу основъ на о-: сы́ну (М. XXI. 15, Остр. сну, Іис. Сир. XXX. 7, Остр. испорч. текстъ), до́му (Л. XIX. 9, Остр. такъ же, Цств. II. 28, Остр. дому); старая форма: снови (I. V. 22, Остр. такъ же), до́мови (М. Смотр. л. 118, гдѣ имѣется также и до́му): стсл. сынови.

Винительный, какъ у бывшихъ основъ на о-, у именъ одушевленныхъ замѣняется формой родительнаго падежа (явленіе синтактическое): сы́на (М. XXIV. 30, XVI. 28, XXI. 5, Остр. сна. Быт. XIX.

37. 38, Остр. сн҃ъ, Первоп. сн҃а, I. Сир. XXI. 1, Остр. сн҃а, 2. сн҃ъ, Первоп. сн҃а, 3. О. сн҃ъ, Перв. сн҃а, 13. О. сн҃ъ, Перв. сн҃а. М. Смотрицкій 113, только эта одна форма), вола̀ (Дан. V. 21, Остр. такъ же), но у неодушевленныхъ: до́мъ (Л. X. 38, Остр. домъ. М. Смотрицкій, л. 118). Послѣдняя форма одинаково можетъ быть винит. п. отъ основъ на u- и отъ основъ на о-: стсл. **сынъ**.

Какъ видно изъ цитатъ, старинный винит. п. ед. ч., тожественный съ имен., лучше сохраняется въ Остр. библіи, хотя и тамъ уже встрѣчается форма род. п. Въ Первопечатной на мѣстѣ старинныхъ формъ вин. п., находимъ уже родит. ед. ч.

Звательный по типу основъ м. р. на о-: сы́не (М. XX. 30. 31, Остр. сн҃е. М. Смотрицкій, л. 113), до́ме (Дѣянія VII. 42, Остр. такъ же. М. Смотр. 118); стсл. **сыноу** и т. д.

Творительный п. одинаково можетъ отвѣчать исконной формѣ или представлять собой образованіе по типу основъ на о-: сы́номъ (2 Цств. XVI. 19, М. Смотр. сы́номь л. 113, стсл. **сынъмь**), до́момъ (М. XXIV. 45. М. Смотр., л. 118), дх҃омъ (М. III. 11).

Предложный п. по типу основъ на о-: сы́нѣ (Евр. I. 2, Остр. сн҃ѣ, М. Смотр., л. 113), до́мѣ (1 Цств. III. 13. Такъ уже въ Остр. б.), на версѣ (1 Цств. XXVI. 13, Остр. такъ же), но правильно—дому (М. XXVI. 6, XXIV. 17, Остр. дому, IX. 10, Остр. дому, М. Смотрицкій, л. 118), верху (нарѣчіе М. II. 9, Остр. връху), воздуху (Притчи XXX. 19, Остр. воздуху), чину (1 Кор. XV. 23, Остр. чину): стсл. **сыноу, домоу**.

Двойственное число. И. В. З. Большая часть случаевъ по типу основъ на о-: два сына (М. XXI. 28. 1, Макк. XIII. 16, Остр. два сн҃а), ѻ҆ба сына (М. XX. 21, Остр. сн҃а), два̀ вола (3 Цств. XVIII. 23, Остр. ю҆нца), у М. Смотрицкаго только до́ма (л. 118), сн҃а (л. 113). Рядомъ встрѣчаются изрѣдка старыя формы: в. п. два̀ сы́ны (Быт. XLVIII. 1. 13, Остр. ѻ҆ба̑ сн҃а, 1 Макк. XVI. 2, Остр. множ. ч. дв҃у сн҃овъ), два̀ до́мы (3 Цств. IX. 10, Остр. два̑ домы̀, Первоп. два̀ домы̀); ѻ҆ба по́лы (Iезек. XLVII. 12, Остр. ѻ҆ба по́лы), Въ данныхъ случаяхъ эти винит. падежи могутъ быть просто формами вин. множ., употребленными вмѣсто вин. двойств. ч.: стсл. **сыны, домы**.

Р. П., судя по формамъ, приведеннымъ у Смотрицкаго (л. 113, 118): сы́нꙋ, до́мꙋ (стсл. **сынов**ꙋ) пошелъ по типу основъ м. р. на о-. Въ исправленной, Новой библіи, вмѣсто р. дв., встрѣчаемъ форму р. мн.: ѻ҆бо́ихъ сынѡ́въ (Руѳь I. 5) — въ Острожской б. по ѻ҆бо́ю сн҃ꙋ.

Дательный и творительный идутъ по типу основъ м. р. на о-: двѣма̀ сы́нома (Руѳь I. 2, такъ же и въ Остр. б.), рядомъ сыно́ма (М. XX. 20, Остр. такъ же) съ удареніемъ на окончаніи: стсл. **сынъма**. Старинный Д. Тв. дв. сохранился въ нарѣчіи полма̀ (Дан. XIII. 59, Остр. по́льма, Первоп. по́лма, стсл. **полъма**). У Смотрицкаго обычная педантичная дифференціація: дат. сы́нома (л. 113), до́мома (л. 118) и твор. по типу основъ на ā-: сы́нама, до́мама (ibid.).

Множественное число. Именит. п. представляетъ разнообразіе формъ: правильныя формы—сы́нове (М. V. 9, XVII. 26, Остр сн҃ове), до́мове (2 Цств. II. 3, Остр. домове), воло́ве (Быт. XXX. 43, Остр. вꙋло́ве): стсл. **сынове, домове**. У Смотрицкаго находимъ форму до́ми (л. 118 на обор.), образованную по типу им. мн. основъ м. р. на о- (см. также Числ. XXIV. 5, Остр. еще до́мове, Первоп. до́мѡве). Встрѣчается также и винит. п. вмѣсто именит.: до́мы (Іерем. VI. 12, Остр. домы̀, Первоп. до́мы), сы́ны (М. Смотр., л. 113 на обор.).

Родительный правильно: сынѡ́въ (М. XVII. 25, XXVII. 9), волѡ́въ (3 Цств. XIX. 19. 21), домѡ́въ (Мр. X. 30). У Смотрицкаго приводятся формы, образованныя по типу основъ на о-: сы̂нъ (л. 113 на обор.), дѡ́мъ (л. 118 на обор.), въ новомъ библейскомъ текстѣ однако не встрѣчающіяся: стсл. **сыновъ**.

Дательный падежъ какъ у основъ на о-: сынѡ́мъ (Суд. III. 6, Мр. III. 28, Остр. сн҃омъ, М. Смотр. л. 113 на обор.), домѡ́мъ (Дѣянія II. 46, Остр. предложн. домохъ, Первоп. домѡ́хъ, XX. 20, Остр. домо̂, Первоп. домѡ́мъ, М. Смотр. л. 118 на обор.): стсл. **сыномъ** вмѣсто ожидаемаго ***сынъмъ**. Рядомъ съ этими формами имѣются образованныя отъ сильной основы косвенныхъ падежей: сыновѡ́мъ (2 Парал. XIII. 5, Пс. LXXXII. 9. Такъ и въ Остр. б. сн҃ово́мъ, М. Смотр. л. 113 на об. Евр.

XII. 7, Остр. сн҃о), дѹховѡ́мъ (Л. IV. 36, Остр. дѹховом҄, Первоп. какъ въ Новой, Мр. I. 27, Остр. дѹховомъ, Первоп. какъ въ Новой, 1 Кор. XII. 10, Остр. дѹховом҄, Первоп. дѹховѡ́мъ), домовѡ́мъ (Дѣянія IV. 34, Остр. домовомъ, Первоп. какъ въ Новой. М. Смотр. только домѡ́мъ).

Винительный п. правильно: сы́ны (Iерем. XXIX. 6, Быт. V. 4. 3 Ездры I. 28, Ис. XLIX. 22, Остр. сн҃ы, М. Смотр. л. 113 на об.), до́мы (Iис. Сир. XLIX. 15, Остр. другой текстъ, 1 Тимоѳ. III. 12, Остр. такъ же, М. Смотрицк. л. 118 на об.). Формы эти совпадаютъ съ винит. падежемъ основъ м. р. на о-, что увеличиваетъ сходство склоненія этихъ двухъ основъ. М. Смотрицкій приводитъ еще не встрѣчающуюся въ библіи (исправленной) форму: сы́новы, но только отъ одной этой основы. Въ основѣ ея лежитъ сильная форма темы; окончаніе -ы одинаково можетъ принадлежать основамъ на о- и основамъ на u-: стсл. **сыны**.

Творительный представляетъ обиліе формъ. Формы, отвѣчающія первичному старославянскому твор. мн., рѣдки: сынмѝ (стсл. **сынъми**): Iис. Нав. III. 7, Быт. XXXVII. 2, Дѣянія IX. 15 (стсл. **сынъми**), въ Остр. библіи сн҃ьми и сн҃ъми. Рядомъ имѣются формы по типу основъ м. р. на о-: сы́ны (I. Нав. V. 1. Такъ въ Остр. и Первопеч. б.; М. Смотр. л. 113 на об.); по типу основъ на ā-: сына́ми (2 Цств. XII. 3. Въ Остр. и Первоп. сн҃омъ, сн҃ѡмъ — ед. ч. 3 Цств. VIII. 9. Въ Остр. и Первоп. древняя форма сн҃ъми. М. Смотр. л. 113 на об.), дома́ми (М. Смотр. л. 118 на обор.).

Предложный падежъ представляетъ собой образованіе по типу основъ на о-: версѣ́хъ (Осія. IV. 13, Остр. другой текстъ), сынѣ́хъ (Ефес. II. 2, Остр. сынохъ, Первоп. сынѡ́хъ = стсл. **сынъхъ**; 1 Цств. IX. 2, XIV. 47, Остр. сн҃ѣхъ, Пс. LXXXVIII. 7, Остр. сн҃охъ, Первоп. уже сн҃ѣхъ). У М. Смотрицкаго сн҃ѣхъ, т.-е. сы́нѣхъ съ другимъ удареніемъ. Также: домѣ́хъ (М. XI. 8. Въ Остр. еще домохъ = стсл. **домъхъ**. Ис. XIII. 22, Остр. домо́хъ, Первоп. домѡ́хъ. Быт. XXXIV. 29. Дѣянія V. 42; въ Остр. и Первопеч. также домѣхъ и домѣ́хъ); у М. Смотр. другое удареніе — до́мѣхъ (л. 118 на обр.). Образованія по типу основъ на

о- въ Острожской б., какъ видно изъ примѣровъ, рѣже, чѣмъ въ Первопечатной и въ Новой. Эта послѣдняя въ свою очередь совсѣмъ не имѣетъ старинныхъ формъ на -ѡхъ = стсл. -ъхъ. У Смотрицкаго приводится также не встрѣчающаяся въ исправлен. библіи форма сынове́хъ, въ основѣ которой лежитъ сильная тема (л. 113 на обор.).

§ 13. Основы на ā- и jā-. Лучше сохранили свое склоненіе бывшія основы на ā-, если не считать обычныхъ фонетическихъ измѣненій (ѫ = ꙋ, ѭ = ю, ы послѣ заднеязычныхъ = и) и нѣкоторыхъ единичныхъ продуктовъ морфологической ассимиляціи. Им., род., вин., зват. и твор. единств. числа ничѣмъ не разнятся отъ старославянскихъ формъ въ морфологическомъ отношеніи. Уклоненія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основѣ перечисленныхъ падежей, сказываются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ въ дательномъ и предложномъ единственнаго числа возстановленіемъ этого согласнаго. Въ этомъ отношеніи церковнославянское склоненіе бывшихъ основъ на ā- совпадаетъ съ русскимъ, что объясняется вліяніемъ русскаго языка. Отношенія ударенія часто своеобразны въ сравненіи съ русскимъ.

Единств. число. Именительный п.: сла́ва (Л. II. 9), нога̀ (Пс. XXѴ. 12), рꙋка̀ (Пс. XXXI. 4. М. Смотр. л. 97), вла́га (М. Смотр. л. 96 на обор.).

Родительный: же́ртвы (Пс. XXXIX. 7.), главы́ (ibid. 13), рꙋкѝ (Пс. XXXѴIII. 11.), рѣкѝ (Дан. XII. 5), вла́ги (М. Смотрицкій, л. 96 на об.) и т. д. У Зизанія дѣвы и рꙋкѝ (л. 31, 32): стсл. **главы, рѫкы, влагы.**

Дательный: женѣ̀ (Руѳь. IѴ. 11), рꙋцѣ̀ (М. Смотр. л. 97), вла́зѣ (ibid. л. 96 на об.) но снохѣ̀ (Руѳь II. 22. Такъ уже въ Остр. и Первопеч. б.): стсл. **снъсѣ.**

Винительный: си́лꙋ (Юдиѳь. II. 22), но́гꙋ (Эккл IѴ. 17), рꙋ́кꙋ (Пс. LXXIII. 11. М. Смотр. л. 97: роукꙋ), вла́гꙋ (М. Смотр. л. 96 на об.): стсл. **силѫ** и т. д.

Звательный: же́но (М. XѴ. 28. Л. XXII. 57), рꙋ́ко (М. Смотр. л. 97). Рядомъ встрѣчаются формы именит. п., какъ въ русскомъ: сатана̀ (Л. IѴ. 8. Такъ уже въ Острожской б.); стсл. **жено** и т. д.

Творительный: же́но́ю (Эккл. IX. 9), вла́гою (М. См. л. 96 на об.), р͠укóю (ibid. л. 97): стсл. рѫкоѭ, женоѭ и т. д.

Предложный: зло́бѣ (Эккл. VII. 16), р͠уцѣ́ (ibid. V. 13. 14. М. Смотр. 1. с.), вла́зѣ (М. См. 1. с.) и рядомъ во вла́гѣ (Iерем. XVII. 8. Въ Остр. и Первоп. мокротѣ), на дскѣ́ (Ис. XXX. 8. Въ Остр. и Первоп. въ дскꙋ, во дскꙋ. Аввак. II. 2. Въ Остр. и Первоп. во дскꙋ): стсл. рѫцѣ.

Двойственное число. И. В. Зв. рꙋцѣ́ (Эккл. II. 11. М. Смотр. 1. с. роу́цѣ), лани́тѣ мои̇ (Ис. L. 6), сестрѣ́ (Iоан. XI. 3), но́зѣ красни (!) (Iис. Сир. XXVI. 23, Остр. такъ же): стсл. рѫцѣ.

Рядомъ встрѣчаются и формы и. множ.: ѡ҃бѣ снохи̇ (Руѳь. I. 6. 7. Такъ уже въ Остр. б.), ѡ҃бѣ страны̂ (Iезек. XXXV. 10: ѡ҃ба ꙗзы́ка и̂ ѡ҃бѣ страны̂ моѧ̂ бꙋдꙋтъ. Въ Остр. ѡ҃бѣ стра́нѣ и̂ о́бѣ земли̇ мои бꙋдета, Первоп. странѣ, земли̇); винит. дв. но́зѣ (Пс. CIV. 18, Остр. но́ѕѣ, Первоп. какъ въ Новой, Iерем. XIV. 10, Остр. но́ѕѣ, Первоп. нѡ́зѣ) и рядомъ совершенно невозможная форма им. мн. но́зи твоѝ текꙋтъ (Iерем. XII. 5. Въ Остр. и Первопеч. б. это мѣсто имѣетъ совсѣмъ другой текстъ), въ основѣ которой лежитъ очевидно форма И. В. З. двойств., видоизмѣненная по типу имен. множ. цслав. основъ, соотвѣтствующихъ первичнымъ на jā- (земли̇—въ свою очередь продуктъ морфологической ассимиляцiи), на i- и б. м. основъ м. р. на о-. У Зизанія находимъ невозможную форму на -а: лꙋка̀, дѣ́ва, тожественную съ им. ед. бывшихъ основъ на ā- и вызванную, вѣроятно, вліяніемъ им. дв. основъ на о-.

Родит. и предл. п. правильно: рꙋкꙋ (Пс. XXX. 16, М. Смотр. роу́кꙋ, 1. с.), но́гꙋ (Пс. XCVIII. 5): стсл. рѫкоу.

Дат. и твор. правильно: двѣма̀ стѣна́ма (Iерем. LII. 7, Ис. XXII. 11. твор.), рꙋка́ма (М. XV. 20. твор.), нога́ма (Ис. XXIII. 3), сноха́ма (Руѳь. I. 8. дат.). У Смотрицкаго рꙋка́ма (л. 97).

Рядомъ въ новой библіи встрѣчается форма твор., образованная по типу бывшихъ основъ на о-: вѣ́ждома, (Притчи VI. 4. Въ Остр. и Первоп. вѣкома). Ниже твор множ. вѣ́ждами (ibid. 25. Въ Остр. ѿ вѣй), лани́тома (Iоа. XIX. 3, Остр. ланитома; I.

Сир. XXXV. 15. Остр. ланитама, Первоп. какъ въ Новой): стсл. **ржкама, стѣнама.**

Множественное число. Именительный правильно съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго: воды̀ (Iерем. LI. 16. Въ Остр. и Первоп. во́ды, ѡ́ды), жены̀ (Iерем. XVIII. 21. Въ Остр. б. же́ны; въ Первоп. жены̀; Iерем. VI. 12, Остр. же́ны, въ Первоп. жены̀), вдовы̀ (Плачъ Iерем. гл. V. 3. Такъ и въ Первопеч., Остр. безъ ударенія), но во́ды, го́ры (Пс XLV. 4). Послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ы: рꙋки (Ис. I. 15, Остр. такъ же), роуки (М. Смотр. л. 97), снохи̇ (Руѳь I. 6. 7, Остр. сно́хи, сно́сѣ, Первоп. снѡхи̇), слꙋги̇ (Iоа.. XVIII. 18, Остр. и Первоп. еще слꙋгы̀): стсл. **ржкы.** У Зизанія вмѣсто им. мн. находимъ форму И. В. Зв. дв.—рꙋцѣ (л. 32).

Родительный не представляетъ никакихъ особенностей: рꙋкъ (Эккл. V. 5. М. Смотр. роукъ л. 97); стсл. **ржкъ.**

Дательный правильно: жена́мъ (Iис. Сир. XLVII. 22. Такъ и въ Остр. и въ Первоп.), нога́мъ (Пс. XXXVII. 17), гора́мъ (Ис. XXII. 5) и т. д. М. Смотр. роука́мъ (л. 97), дѣвамъ (л. 94 на об.): стсл. **женамъ** и т. д.

Винительный: главы̀ (Посл. Iерем. 8), ра̑ны (Iис. Сир. XXI. 1), страны̀ (Ис. X. 9. Такъ и въ Остр.); послѣ заднеязычныхъ -и вмѣсто -ы: рꙋки (Пс. XL. 3. Остр. рꙋкы, Первоп. какъ въ Новой, Осія VII. 5, Остр. такъ же), но́ги (Дан. VIII. 18, Остр. и Первоп. предл. дв. ч. но́гꙋ): стсл. **главы, ржкы** и т. д.

Творительный, безъ всякихъ отличій: нога́ми (Дан. VII. 7. Въ Остр. и Первоп. нога́ма); М. Смотр.: дѣвами (л. 94 на обор.), рꙋка́ми (л. 97 на обор.): стсл. **ржками.**

Предложный, рядомъ съ правильными формами, какъ: рꙋка́хъ (Пс. XXX. 9), вла́гахъ (М. Смотр. л. 96 на обор.) и т. д., представляетъ изрѣдка и образованія по типу основъ м. р. на о-: ѕло́бѣхъ (Iезек. VI. 9. Въ Остр. и Первоп. ед. ч. ѕло́бѣ), лани́тѣхъ (Плачъ Iер. I. 2. Остр. и Первоп. дв. ч. лани́тꙋ), пѵ́ргѣхъ (гр. πύργος: Iезек. XXVII. 11. Остр. всꙋнѣхъ; Первоп. въ текстѣ всꙋнѣхъ, на полѣ впургѣхъ; 1. Макк. V. 5. Остр. въ пиргехъ, Первоп. въ пѵ́ргѣхъ; 2 Макк. X. 20. Остр. въ столпѣхъ, Первопеч. въ

столпѣхъ. Въ Остр. и Перв. б. пvргъ мужеск. рода: два пирги, въ новой двѣ пvрги: 2 Макк. X. 18). Уподобленіе здѣсь основывается скорѣе на недоразумѣніяхъ, иногда, можетъ быть, и случайнаго характера, какъ напримѣръ злобѣхъ, у формы пvргѣхъ оно только кажущееся, такъ какъ первично основа эта муж. рода. Форма Острожской б. пиргехъ представляетъ графическое уподобленіе къ основамъ на і-. Форма пvргѣхъ вмѣсто ожидаемой *пvрѕѣхъ замѣчательна еще возстановленіемъ первичнаго г подъ вліяніемъ основъ такихъ падежей, гдѣ г оставалось въ силу фонетическихъ условій (морфологическая ассимиляція).

Основы на ја- сохранились хуже и въ извѣстныхъ падежахъ подверглись уподобляющему вліянію основъ на а-, а также и основъ на і-.

Тѣ изъ основъ, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, особенно легко подпали вліянію основъ на а- и почти совпали съ ними.

Единственное число. Именительный не представляетъ никакихъ особенностей: земля (Варуха II. 15), тысяща (1 Макк. XIV. 24), душа (М. XXVI. 38), дѣвица (Мр. VI. 28), одежда (Дан. VII. 9).

Родительный, вмѣсто того, чтобы оканчиваться на -'а (-ја)= стсл. ѧ (ꙗ), имѣетъ своимъ окончаніемъ послѣ палатальныхъ согласныхъ -і (и), послѣ утратившихъ палатальность согласныхъ (ц, главнымъ образомъ) -у (ы), что объясняется уподобленіемъ къ основамъ на а-, у которыхъ р. п. ед. ч. оканчивался на -ы: земли (4. Цств. XV. 5. Въ Остр. еще землѧ, но земли: Іов. XII. 17. 19, въ Первопеч. уже земли), тысящи (Іов. IX. 3, Остр. другой текстъ), пищи (Прем. Сол. XIX. 20. Остр. пища, Первоп. -и), кущи (Суд. IV. 20. Остр. -а, Первоп. -и), души (Іов. X. 1. XXI. 25. Остр. дша), кожи (Іов. XL. 26), мышцы (Пс. LXXVIII. 11. Остр. еще мышца, Первопеч. мышцы), ложницы (Юд. XIII. 3. Въ Остр. стихъ 1: ложница, Первопеч. ложницы), царицы (Эсѳ. VII. 6. Въ Остр. въ ст. 8. црцы), пшеницы (Іов. XXXI. 40. Въ Остр. также пшеницы, но Пс. IV. 8 пшеница). У М. Смотр. мрежи (л. 98), овці (л. 98 на об.), пїяници (л. 99 на обор.). У Зизанія, рядомъ со стар. формой пянице, имѣется и родит. на -ѣ (л. 32 на об.), но

только сѹдїѧ (л. 33), ю̊ноши (Дѣянія VII. 58. Въ Остр. еще ю̊ноша, Первоп. ю̊ноши, М. Смотр. л. 99).

Какъ видно, Острожская библія еще представляетъ болѣе древнее окончаніе, которое уже въ Первопечатной замѣняется вторичнымъ, позднѣйшимъ.

Послѣ жд, которое въ церковнославянскомъ произношеніи утратило палатальность, встрѣчаемъ то -и, то -ы. Первое написаніе объясняется остатками старославянской ороографіи, требовавшей небнаго гласнаго послѣ жд, второе, встрѣчающееся уже въ Острожской б., вліяніемъ живаго произношенія: нѹжды (3 Ездры IV. 42 Евр. VII. 27. Въ Остр. и Первоп. это мѣсто пропущено. Тов. IV. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), жа́жды (Юд. VII. 22, Остр. и Первоп. жа́жди), вражды̀ (Притчи VI. 35, Остр. вра́жды, Перв. вражды̀), наде́жды (Ис. XXVIII. 4. Остр. надежа, Первоп. наде́жди), но жа́жди (Ис. V. 13. XLI. 17, такъ и въ Остр. и Перв.), наде́жди (Іов. II. 9. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ): стсл. **ꙁемлѧ, доуша** и т. д.

Дательный, рядомъ съ правильнымъ окончаніемъ -і (-и), отвѣчающимъ старосл. -и, у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, имѣетъ и окончаніе -æ (-ѣ) = стсл. -ѣ, которое обязано своимъ происхожденіемъ уподобляющему вліянію основъ на ā-: вдови́цѣ (Л. IV. 26. Остр. еще вдови́ци, но Юд. XIII. ѻ҆трокови́цы, Первопеч. уже вдови́цѣ), десни́цѣ (Ис. XVI. 7. Остр. десници, Первоп. десни́цѣ), дѣви́цѣ (М. XIV. 11, Остр. дв҃ци, Первоп. дѣви́цѣ), госпожѣ̑ (2 Іоа. I. 1, Остр. и Первоп. господы́ни), ржѣ̑ (Пс. LXXVII. 46. Такъ и въ Остр. и Первоп.), но дꙋши̑ (Пс. III. 3, XXXIV. 7. Такъ и въ Остр. и Первоп.), стра́жи (Юд. XIV. 2. Остр. и Первоп. иной текстъ), наде́жди (Ис. XXVIII. 10, 13), У М. Смотр. ѻ҆вцѣ̑ (л. 98 на об.), пїѧ́ницѣ (л. 100), но мре́жи (л. 98), ю̊ноши (99), сѹдїи̑ (102 на об.) и т. д.: стсл. **ꙁмии, ꙁемл҃и, доуши**. У Зизанія: пїѧ́ници (л. 32 на об.), сѹдїи̑ (л. 33). У именъ собственныхъ съ основами на jā- встрѣчается изрѣдка д. п. по типу основъ на u-: Е҆зекі́еви (2 Пар. XXXII. 27. Остр. є҆зекі́еви), Хелкі́еви (ibid. XXXIV. 20. Остр. хе҆лкі́еви).

Винительный падежъ не представляетъ особенностей. Окончаніемъ является -u или -'u (-ꙋ, -ю) съ предшествующимъ согласнымъ палатальнымъ или утратившимъ палатальность: зе́млю (4 Цств. VIII. 6), ѕмі́ю (ibid. XVIII. 4), лжꙋ (Іоа. VIII. 44), жа́ждꙋ (Пс. LXVIII. 22), дꙋшꙋ (Тов. XIV. 11): стсл. доушѫ, ȥемлѭ, ȥмиѭ. У М. Смотр. мре́жю (л. 98), но ю́ношꙋ (л. 99), о́вцꙋ (л. 98 на обор.) и т. д.

Звательный падежъ чаще имѣетъ правильное окончаніе -æ (-є) = стсл. -є: цари́цє (Эсө. V. 6), дꙋ́шє (3 Ездры. VIII 4), ю́ношє (Л. VII. 14), о҆́трокови́цє (Л. VIII. 54), зємлѐ (М. II. 6) и т. д.: стсл. ȥемлѥ, доуше, но наде́ждо по типу основъ на ā- (Акаө. Іисусу, икосъ 5).

Творительный б. ч. отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: дꙋшє́ю (Тов. XIII. 6), во́лєю (Пс. LIII. 8). Даже въ основахъ съ сочетаніемъ жд-, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ подпали вліянію основъ на ā-, имѣется также -єю, не -ою: о҆де́ждєю (Суд. IV. 18. Такъ и въ Остр.), нꙋ́ждєю (Дѣян. V. 26, Ис. XVII. 13. Въ Остр. русская форма нꙋ́жєю, въ Первоп. уже нꙋ́ждєю), жа́ждєю (Суд. XV. 18. Такъ и въ Остр., и въ Первоп., Прем. Сол. XI. 9. 15. Остр. друг. текстъ), наде́ждєю (Суд. XVIII. 27, Ис. XXXII. 9, Остр. наде́жєю, Іез. XXVIII. 26, Остр. надежєю); изрѣдка встрѣчаются формы по типу основъ на ā-: жа́ждою (Юд. VII. 25. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), о҆де́ждою (Числ. IV. 13, Остр. о҆де́жєю, Первоп. о҆де́ждєю, Пс. CVIII. 29, Остр. о҆дежєю, Первоп. о҆де́ждєю, Прем. I. Сир. XLV. 8. Остр. о҆деждєю, Первоп. ѡ҆дєждєю): стсл. доушеѭ, волеѭ. У нѣкоторыхъ именъ собственныхъ, принадлежащихъ къ основамъ муж. р. на jā-, встрѣчается форма твор. ед., образованная по типу основъ м. р. на jo- (или на i-): Исаі́ємъ про҆рокомъ (М. III. 3. Въ Остр. также і҆са́йємъ), І҆єрємі́ємъ проро́комъ (М. II. 17. Остр. і҆єрємі́ємъ). Ассоціаціи, вызвавшія это уподобленіе, поддерживались и сосѣдними по контексту формами твор. падежа основъ м. р. на о-.

Предложный падежъ представляетъ два окончанія: одно правильное -і (-и) = стсл. -и, другое, перешедшее, какъ и въ русскомъ, отъ основъ на ā-, -æ (-ѣ) = стсл. ѣ. Примѣры перваго: въ дꙋшѝ

*

(Пс. XII. 3), на земли (Пс. XXVI. 13), въ воли (Пс. XXIX. 6), во мрежи (2 Парал. IV. 13), стражи (Юд. XII. 5) и т. д.

Второе окончаніе имѣется главнымъ образомъ послѣ согласнаго ц: въ темницѣ (М. XXV. 39, 43. Остр. темници, Первоп. одинъ разъ темницѣ, другой и темницы), въ кошницѣ (Дѣян. IX. 25, Остр. въ кошницы, Первоп. -ѣ), по оутреницѣ (Дѣян. V. 21, Остр. оутреници, Первоп. -ы), въ мышцѣ (Юд. IX. 7, Іис. Сир. XXI. 24. Въ Остр. и Первоп. другой переводъ), на дщицѣ (Іов. XIX. 24. Другой текстъ въ Остр. и Первоп.), въ ложницѣ (Юд. XIII. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ), на мытницѣ (М. IX. 9, Остр. мытници, Первоп. -ѣ), въ скѹдельницѣ (Мр. XIV. 13. Остр. вскѹдельницѣ, Первоп. также -ѣ) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что окончаніе -ѣ послѣ ц въ Острожской библіи встрѣчается очень рѣдко, преобладаетъ -и, рядомъ съ которымъ, также рѣдко, встрѣчается -ы. Разницы между -и и -ы послѣ ц въ произношеніи по всей вѣроятности не было, и -и объясняется традиціями старославянской орѳографіи. Написанія съ -ы принадлежатъ къ одной категоріи съ написаніями въ родѣ предл. ед. ч. сердцы, лицы, им. мн. оученицы и т. д., обычными въ новой церковнославянской орѳографіи. Окончаніе -ѣ, весьма рѣдкое въ Острожской б., въ Первопечатной уже вытѣсняетъ -ы (-и), а въ новой, исправленной библіи господствуетъ исключительно. У М. Смотр. встрѣчаемъ также -ѣ послѣ ц: овцѣ (л. 98 на об.), пшеницѣ (л. 100), но мрежи (л. 98), юноши (л. 99 на об.) и т. д.

Послѣ жд въ новой, исправленной библіи встрѣчаемъ и -и, и -ѣ. Первое, „правильное" окончаніе чаще, второе, заимствованное отъ основъ на ā-, рѣже: въ жажди (Пс. LXI. 5, 2 Кор. XI. 27. Такъ въ Остр. и Первоп.), въ нѹжди (Посл. Іерем. 36), во одежди (Дѣян. I. 10, Л. VII. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), но: жаждѣ (Ам. VIII. 13, Остр. друг. текстъ), надеждѣ (Іов. VII. 6. Въ Остр. русская форма имен. надежа, Первоп. также им. надежда—церковнославянская), нѹждѣ (3 Макк. I. 14. Остр. и Первоп. нѹжди, 1. Цств. XXII. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ), въ жаждѣ (Плачъ Іер. IV. 4, Остр. другой текстъ, но

Юд. VII. 25, въ жа́ждѣ). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ въ Острожской и Первопечатной почти не встрѣчается и свойственно главнымъ образомъ новому исправленному тексту.

Двойственное число насчитываетъ немного формъ въ текстѣ Библіи. И. В. Зв. у М. Смотрицкаго идетъ по типу основъ на ā-: мрѐжѣ (л. 98), о҆́вцѣ (л. 99), пїѧ́ницѣ (л. 100) у основъ ж. рода, но ю҆́ноша (л. 99 на об.), сѹдїа̀ (л. 102), пїѧ́ница (л. 100), по типу основъ на о-; рядомъ имѣются правильныя формы: лодїи̑ (л. 102), сѹдїи̑ (л. 102 на об.). Формы, могущія быть И. В. Зв. дв. и встрѣчаемыя въ текстѣ Библіи, представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ: вѣ́жди... и҆спыта́етѣ (Псал. X. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), двѣ̀ дѹші̑ (вин. дв. 3 Ездры VI. 49. Такъ и въ Остр.); иногда замѣчается графическое уподобленіе къ именит. вин. падежу множ. ч. основъ на ā-: двѣ̀ ты́сѧщы (вин. дв. 1 Макк. XV. 26, 4. Цств. XVIII. 23, Первоп. ты́сѧщи), но три ты́сѧщи (им. дв. Дѣян. II. 42): стсл. **землн доушн**. Въ Острожской и Первопечатной б. встрѣчаются у основъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и образованія по типу основъ на ā-: двцѣ (Эсѳ. V. 1), о҆троковицѣ (Первоп. Дан. XIII. 19, Остр. и Нов. -ы), въ Новой: двѣ̀ о҆́вцѣ (Ис. VII. 21). У Зизанія находимъ формы пѧ́ница, сѹдїѧ̀, тожественныя съ им. множ. пѧ́ницѧ, сѹдїѧ̀ (л. 33).

Родит. и предложный въ парадигмахъ Смотрицкаго отвѣчаетъ старославянскимъ формамъ: мрѐжю (л. 98), о҆́вцѹ (л. 99), ю҆́ношѹ (л. 99 на об.), пїѧ́ницѹ (л. 100), лѡ́дїю (л. 102), сѹдїю̀ (л. 102 на об.), хотя, разумѣется, формы эти построены составителемъ главнымъ образомъ теоретически: стслав. **землю, доушоу**.

То же надо сказать и о формахъ дательнаго и творительнаго: мрѐжама (л. 98 на об.), о҆вца́ма (л. 99), ю҆́ношама (л. 99 на об.), пїѧ́ницама (л. 100), лодїа́ма (л. 102.), сѹдїа́ма (л. 102 на об.) и т. д.: стсл. **землıама, доушама**.

Въ Новой библія формы двойств. числа обыкновенно замѣняются уже формами множ.: со двѣма̀ о҆трокови́цами (Дан. XIII. 15, Остр. и Первоп. -ма), дат. о҆трокови́цамъ (ibid. 17, Остр. и Первоп.

-мл); форма мре́жема (3 Цств. VII. 42. Такъ уже въ Остр.) образована по типу основъ на і- (стсл. костьма). По типу основъ на о-: твор. вѣждома (Притчи VI. 4. XXX. 13, Остр. вѣкома, Первоп. вѣкома). У Зизанія по типу основъ на і- или на jo-: пѧницема, сѹдіема (л. 33).

Множественное число: именительный падежъ, какъ въ русскомъ, подпалъ уподобляющему вліянію основъ на ā-. Вмѣсто окончанія -'a (a съ предшествующимъ палатальнымъ или нѣкогда палатальнымъ согласнымъ), отвѣчающаго старосл. ѧ въ ꙁємлѧ, доушѧ, является окончаніе -і (-и), отвѣчающее стсл. -ы формъ рыбы, жены и т. д., которое послѣ палат. согласнаго должно дать -и. Болѣе отдаленнымъ типомъ, имѣвшимъ также уподобляющее вліяніе, должны были служить и основы ж. р. на і-, именит. множ. которыхъ оканчивается на -и: ко́сти, ча́сти и т. д.

Послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, вмѣсто и, мы находимъ -ы: дѣви́цы (Эсѳ. II. 8. Въ Остр. форма вин. мн. дв҃ца. Въ Первоп. также вин. дѣви́цы), пти́цы (Іезек. XXXI. 13, Остр. пти́ца, Первоп. -ы), колєсни́цы 4. Цств. X. 2, Остр. колєсни́ца, Первоп. -ы), мы́шцы (Пс. XXXVI. 17. Остр. мы́шца, Первоп. -ы), ю́ноши (Дѣян. V. 10. Остр. ю́ноша, Первоп. -ы), дѹшы (Прем. Сол. III. 1. XVII. 14, Остр. д҃ша, Первоп. д҃шы), но ю́нѡши (Іов. XXIX. 8, Остр. ю́ноша, Первоп. -и), мре́жи (4. Цств. XXV. 17, Остр. мре́жа, Первоп. -и), вєлмѡ́жи (Апок. VI. 15, Остр. и Первоп. также -и) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что -ы, вмѣсто -и, встрѣчается постоянно только послѣ ц; послѣ же другихъ согласныхъ, утратившихъ палатальность,—ж, ш, чаще встрѣчается -и. Едва ли однако изъ этого можно сдѣлать выводъ, что во время установленія такой орѳографіи согласные ж, ш обладали большей степенью палатальности, чѣмъ ц, тѣмъ болѣе, что въ винит. множ., какъ мы увидимъ ниже, и послѣ ж, ш встрѣчается какъ правило -ы. Для установленія точнаго вывода необходимо всестороннее и полное изслѣдованіе всѣхъ относящихся сюда церковнославянскихъ написаній, которое завлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ непосредственной задачи этого изслѣдованія.

Трудность въ данномъ случаѣ увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что при образованіи подобныхъ написаній играли роль не только извѣстныя звуковыя свойства данныхъ согласныхъ, но и стремленіе провести одинаковость написанія въ цѣлой категоріи однородныхъ морфологическихъ формъ (графическая ассимиляція или морфологическая ассимиляція въ написаніи). У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ -и: мрѐжи (л. 98, на об.), о҆вци (л. 99), ю҆ноши (ib. на об.), пі́ѧници (л. 100), ло́дїи (л. 102), сꙋдїи (л. 102 на об.); у Зизанія „правильныя" формы имен. зват. пѧница, сꙋдїѧ (л. 33), рядомъ съ формой пѧницѣ (ibid.).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ имѣется -и, вмѣсто ожидаемаго -а, какъ это уже сказано выше: пе́тли (Исх. XXXVII. Въ Остр. другой текстъ), стєзѝ (Притчи Сол. II. 15, Остр. пꙋти. III. 17, Остр. стєзѧ. Первоп. -ѝ), при́тчи (Пр. Солом. I. 1, Остр. пр҄итча) и т. д. Въ Острожской б. еще встрѣчается болѣе древнее -а.

Послѣ щ, произносимаго какъ š̓č̓, находимъ однако часто -ы, въ чемъ, вѣроятно, нужно видѣть вліяніе такихъ написаній, какъ дꙋшы, ю҆ношы, (им. множ. см. выше): кꙋщы (Быт. XIII. 5. Остр. другой текстъ, Числ. XXIV. 5. 6, Остр. и Первоп. -а), свѣщы̀ (Быт. XV. 17, Остр. свѣща̀, Первоп. -ѝ), но свѣщи̇̀ (Дѣян. XX. 8, Остр. -а, Первоп. -ѝ), ты́сѧщы (Числ. XXVI. 47. Въ Остр. цифрами, Первоп. -и), но ты́сѧщи (Апок. VII. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д. Остатки правильнаго именит. мн. съ -'*а*= стсл. -ꙗ, -ꙗ, имѣются въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ: бронѧ̀ (Апок. IX. 9, Остр. такъ же), змі́ѧ (Зв. п. М. XXIII. 33, Остр. ѕмі́а, Первоп. ѕмі́ѧ) и ѕмі́ѧ (имен. мн. Матѳ. X. 16, Остр. змі́а, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный падежъ отвѣчаетъ старославянскому въ большинствѣ формъ.

На мѣстѣ старославянскаго -ь встрѣчаемъ, какъ и въ русскомъ, нуль гласнаго.

Послѣдній согласный основы или остается палатальнымъ, что обозначается посредствомъ -ь, или утрачиваетъ палатальность, въ каковомъ случаѣ въ церковнославянской графикѣ находимъ -ъ.

Послѣдній знакъ имѣется однако и въ нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ, гдѣ мы ожидали бы -ь, такъ какъ послѣдній согласный основы сохраняетъ свою палатальность. Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы палатальнымъ (написанія въ -ь): сте́зь (Притчи I. 15, Пс. XVII. 46), земе́ль (Iезек. XXXVI. 24. Въ Остр. другой текстъ, стсл. ꙁемль), ка́пель (Пѣснь П. V. 2. Въ Остр. другой текстъ), ты́сѧщь (М. XIV. 21, Остр. тысꙋщъ, Первоп. ты́сѧщь. Дѣян. IV. 4, Остр. и Первоп. ты́сѧщь, Апок. VII ubique, Остр. и Первоп. ты́сѧщъ) и т. д.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ (написанія съ -ъ): ѡ҆ве́цъ (Iов. I. 3. Такъ и въ Остр., и у М. Смотрицкаго: л. 99), дѣви́цъ (Эсѳ. II. 9, Остр. дв҃ць, немного ниже дв҃цъ, Первоп. -ъ), колесни́цъ (Числ. VII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.), а҆́гницъ (ibid. VII. 35, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. дꙋ́шъ (Прем. Сол. III. 13. Быт. XLVI. 22. 25. Такъ въ Остр. и Первоп.), ко́жъ (Исх. XXVI. 14, Остр. и Первоп. творит. падежъ), ю҆́ношъ (1 Парал. XIX. 10, Остр. другой текстъ) и т. д. нꙋ́ждъ (Пс. XXX. 8, Остр. бѣ́дъ, Первоп. нꙋ́ждъ), ѡ҆де́ждъ (4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. другой текстъ; ibid. VII. 15, Остр. также -ъ, Первоп. -ь, Исх. XXI. 10, Остр. друг. текстъ, Плачъ Iерем. IV. 14, Остр. др. текстъ) и т. д.

Рядомъ съ этими формами, отвѣчающими старославянской исконной формѣ р. мн., имѣется извѣстное количество формъ, вызванныхъ уподобляющимъ вліяніемъ основъ на і-: кꙋ́щей (Пѣснь П. I. 7. Такъ и въ Остр. 1 Ездры Ш. 4, Остр. и Первоп. другой текстъ), пи́щей (Притчи С. XXIII. 6, Остр. и Первоп. пи́щамъ, Лев. XXV. 37, Второз. XXIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), ты́сѧщей (2 Парал. XIV. 9, Юд. II. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ), пе́тлей (Исх. XXVI. 10. Такъ и въ Остр.), ноздре́й (Iов. XLI. 11, Остр. но́здріи, Первоп. ноздре́й) и но́здрій (Числ. XI. 20. Такъ и въ Остр. и Первоп.), мы́шцей (2 Пар. IX. 18. Такъ въ Остр. и Первоп., Быт. XLIX. 24, Остр. р. ед. мы́шца, Перв. -ы, Второзак. XXXIII. 27, Остр. и Первоп. р. ед.) и т. д. Какъ видно изъ приведенныхъ

примѣровъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ основа имѣетъ передъ окончаніемъ не одинъ, а два согласныхъ.

Посредствующимъ звеномъ между основами на jā- и основами на i- въ данномъ случаѣ служили такія формы р. мн., какъ сꙋде́й (Суд. II. 17, 18 и т. д. Такъ и въ Остр.), которая отвѣчаетъ старосл. **сѫдии**; свине́й (Л. VIII. 32. Остр. свиніи, Первоп. свині́й). У Зизанія сꙋді́й, е́й (л. 33 на об.). По типу этихъ и вышеприведенныхъ формъ, вѣроятно, уже послѣ образовались формы какъ мре́жей (Іезек. XXVI. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), прода́жей (4 Цств. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. р. ед.), гдѣ былъ только одинъ согласный.

Дательный множественнаго не представляетъ морфологическихъ особенностей сравнительно со старославянскимъ: земла́мъ (4 Цств. XIX. 11. Такое удареніе и въ Остр. б.)=стсл. **землꙗмъ**, пти́цамъ (Быт. II. 20), лжа́мъ (Притчи С. XXIV. 2) и т. д.

Винительный множ. ч. въ общемъ представляетъ тѣ же особенности, что имен. множ. Вмѣсто окончанія -'а (стсл. -**ꙗ**, -**ѧ**) встрѣчается -и или -ы, представляющееся результатомъ морфологической ассимиляціи къ вин. мн. основъ на ā-; первое окончаніе имѣется обыкновенно послѣ согласныхъ палатальныхъ, второе послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ (написанія съ -и): ды́ни (Числ. XI. 5. Такъ уже въ Остр.), ба́шни (Юд. VII. 32, Остр. другой текстъ), но́здри (Іов. XL, 19, 21. Такъ уже въ Остр. б.), стезѝ (Притчи С. II. 20, Остр. стезѧ̀, Первоп. -ѝ), сꙋді̑и (Суд. II. 16, 2 Цств. VII. 11, Остр. сꙋдїѧ, Первоп. -ѝ), верей (Пс. CVI. 16, Остр. верєа̀, Первоп. -ѝ), зе́мли (4 Цств. XVIII. 35, Остр. землѧ̀) и т. д. стсл. **землꙗ**.

Случаи съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ (написанія съ -ы): пти́цы (Быт. II. 19. Такъ уже въ Остр. б.), ѻ҆вцы (Пс. XLIII. 12, Остр. ѻ҆вцѧ, Первоп. -ы) и т. д., дꙋ́шы (Іов. XXXVIII. 39, Остр. гл. XXXIX. дш҇а, Первоп. -ы; Юд. IV. 9, Остр. другой текстъ; Пс. XCVI. 10, Остр. дш҇а, Первоп. -ы), ча́шы (Исх. XXV. 29, Остр. ча́ша, Первоп. -ы. Притчи С. XXIII. 31, Остр. вин. ед. ч.), ю҆́ношы (Юд. II. 27, Остр. другой текстъ),

но ю҆́нѡши (2 Макк. V. 24. Такъ и въ Остр.), лжы̀ (Притчи С. VI. 19, Остр. лжа, Первоп. лжѝ), велмо́жы (4 Цств. X. 11, Остр. вельмо́жа, Первоп. велмо́жи), мре́жы (Пѣснь П. II. 9, Остр. в. ед.), но мре́жи (Л. V. 2. 4, Остр. мрѣжѧ, мре́жѧ, Первоп. мре́жи), ко́жы (Исх. XXV. 5, Остр. и Первоп. кожа. Сохраненіе -а въ Первоп., вездѣ уже имѣющей -и, -ы, объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ форма могла быть принята за им. ед.), но ко́жи (Мих. III. 2. 3, Остр. ко́жа, Первоп. -и), ѻ҆де́жды (1 Цств. XVIII. 4, Остр. ѻ҆де́жи, Первоп. ѻ҆де́жди; 4 Цств. X. 22, Остр. и Первоп. ед. ч., 2 Макк. V. 2, Остр. и Первоп. другой текстъ, 4 Цств. VII. 8, Остр. ѻ҆де́жда, Первоп. ѻ҆де́жди, Дѣян. IX. 39, Остр. ѻ҆де́жа, Первоп. ѡ҆де́жы) и т. д.

Сравнительное преобладаніе формъ съ послѣднимъ согласнымъ непалатальнымъ и вліяніе винит. множ. основъ на ā- вызываетъ написанія съ -ы послѣ щ=š'č', гдѣ мы ожидали бы -и, согласно произношенію.

Въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ дѣло съ уподобленіемъ одного написанія другимъ, болѣе частымъ. Фонетическаго значенія подобныя написанія не должны были имѣть, тѣмъ болѣе, что происхожденія они сравнительно новѣйшаго, и въ Острожской и Первопеч. преобладаютъ написанія съ а- и -и: ты́сѧщы (1 Парал. XVI. 15, Остр. и Первоп. ты́сѧща), пи́щы (1 Макк. XIII. 33, Остр. пи́ща, Первоп. пи́щи), пра́щы (2 Парал. XXVI. 14, Остр. и Первоп. пра́щи, 1 Макк. VI. 51, Остр. и Первоп. другой текстъ), к҄ущы (Прем. Сол. XI. 2, Остр. к҄уща, Первоп. к҄уща. Числ. XVI. 30, Остр. к҄уща, Первоп. к҄ущи), свѣщы̀ (Суд. VII. 16, Остр. свѣща, Первоп. свѣщы̀, 20: Остр. и Первоп. свѣщѝ, XV. 4. Въ Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго вездѣ въ винит. мн. послѣ согласныхъ непалатальныхъ -ы: мре́жы (л. 98), ѻ҆́вцы (л. 99), ю҆́ношы (л. 99 на обор.), пі́ѧницы (л. 100); послѣ же согласныхъ палатальныхъ -и: ло́діи (л. 102), с҄удіи̂ (л. 103), но ѻ҆бра́щы (л. 101).

Остатки правильной формы винит. мн. съ окончаніемъ -'а (=стсл. -ѧ, -ꙗ) встрѣчаются изрѣдка и въ новой, исправленной Библіи (въ Острожской это окончаніе преобладаетъ, въ Первопечат-

ной уже вытѣснено, за немногими исключеніями, новымъ, представляющимъ собой результатъ морфологической ассимиляціи): выѧ̀ (Пс. CXXVIII. 4, Остр. и Первоп. вы́ѧ), бронѧ̀ (Апок. IX. 9. Также въ Остр. и Первоп., Іер. XLVI. 4, Остр. и Первоп. бро́нѧ съ другимъ удареніемъ, Прем. Сол. V. 18, Остр. бро́нѧ, Первоп. бронѧ̀), мре́жа (Мр. I. 19, Остр. и Первоп. мре́жѧ), свиніѧ̀ (Л. VIII. 33).

Творительный не представляетъ значительныхъ уклоненій. Преобладаютъ формы правильныя, изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на і-. Правильныя формы: пе́тлѧми (Исх. XXVI. 11), вонѧ̀ми (Ам. VI. 6), ко́жами (1 Пар. XVII. 1), вере́ѧми (Суд. XVI. 3), ты́сѧщами (2 Макк. XII. 34. Также въ Остр. и Первоп.), но ты́сѧщми (2 Макк. V. 24, 3 Ездры XIII. 3. Такъ и въ Остр. и Первоп.; 1 Макк. VII. 40. Такъ же въ Остр. и Первоп.). Послѣдняя форма дополняетъ собой приведенныя выше формы р. мн., какъ ты́сѧщей, возникшія также подъ вліяніемъ основъ на і-. Такъ какъ почти всѣ другіе падежи совпадали съ формами склоненія основъ на і-, то такимъ образомъ получалось почти полное уподобленіе всей системы.

Предложный падежъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ законное соотвѣтствіе старославянской формѣ: стезѧ́хъ (Пс. XVI. 5), землѧ́хъ (Пс. LXVIII. 12), ка́плѧхъ (Пс. LXIV. 11); ты́сѧщахъ (Мих. V. 2), ю́ницахъ (Пс. LXVII. 31), дꙋша́хъ (Числ. XVI. 37. Съ такимъ удареніемъ и въ Остр.) и т. д. Рядомъ изрѣдка встрѣчаются формы съ окончаніемъ -'æх, которое въ цслав. графикѣ обозначается написаніемъ -ѣхъ: жа́ждѣхъ (Притчи С. IX. 12, Остр. и Первоп. жа́ждахъ), ноздрѣ́хъ (Іов. XL. 20, Остр. и Первоп. но́здрѣхъ), колесни́цѣхъ (Пѣснь П. I. 8, Остр. и Первоп. предл. ед. колесни́цы). Въ этихъ формахъ надо видѣть продуктъ морфологической ассимиляціи къ основамъ на і-, имѣющимъ въ предл. мн. -ехъ=стсл. -ьхъ и графической ассимиляціи написаній съ -ехъ къ написаніямъ основъ муж. р. на о-, гдѣ -ѣхъ отвѣчаетъ стсл. -ѣхъ. Формъ съ такимъ окончаніемъ немного, но онѣ встрѣчаются уже въ Острожской библіи, хотя все таки рѣже, чѣмъ въ Новой, исправленной.

Съ основами на jā- совершенно совпали и первичныя основы съ -ī въ именительномъ единственнаго (т. н. основы на ī-); совсѣмъ исчезъ им. ед. на -и: гордынѧ (Прем. Сол. V. 8. Такъ уже въ Остр.), рабынѧ (Юд. XI. 5), милостынѧ (Іис. Сир. XVII. 18, Остр. еще мл҃тыни, Первоп. милостынѧ), Самарѧныѧ (І. IV. 9, Остр. еще -и, Первоп. -ѧ) и т. д.; у М. Смотрицкаго самарѧнынѧ (л. 103), стынѧ (л. 103 на об.), гордынѧ, рабынѧ, милостынѧ (л. 104). Остаткомъ первичнаго склоненія можно считать форму зват. п. ед. ч. стыни (М. Смотр. л. 104); обычное же окончаніе зв. ед. у М. Смотрицкаго такое же, какъ и у основъ на jā-, т. е. -є: самарѧнынє, стынє. Иногда встрѣчается и форма им. п. пустынѧ (Ис. XXXV. 1, Остр. -н, Первоп. -ѧ). Какъ видно, Острожская библ. сохраняетъ еще болѣе древнюю форму им. и зв. ед. на -и, тогда какъ уже Первопечатная представляетъ то же окончаніе, какое встрѣчаемъ въ современномъ русскомъ, т. е. -'а.

Родительный ед. пустыни (Юд. II. 23. Такъ уже въ Остр.), гордыни (Пс. XXXV. 12, Остр. -ѧ, Первоп. -и), рабыни (Эсѳ. V. 1, Остр. другой текстъ, Іов. XXXI. 13, Остр. другой текстъ, Іис. Сир. XLI. 26, Остр. другой текстъ, Исх. XXI. 26. Такъ же въ Остр. и Первоп. Въ Остр. однако чаще окончаніе -ѧ: рабынѧ: Исх. во главѣ XI, 6, и т. д.), Самарѧныни (Іоа. IV. 9, Остр. -н): стсл. **рабынѩ**.

Дательный по типу основъ на ā-: рабынѣ (Юд. X. 5, Остр. другой текстъ, XIII. 9, Остр. и Первоп. -и. Ам. II. 7, Остр. и Первоп. рабѣ), у М. Смотрицкаго самарѧнынѣ (л. 103), но стыни (тамъ же на обор.): стсл. **рабыни**.

Винительный правильно: пустыню (Пс. XXVIII. 8), рабыню (Юд. VIII. 10, X. 2), стыню (М. Смотр. л. 103 на обор.), самарѧныню (М. См. л. 103): стсл. **рабынѭ**.

Творительный также отвѣчаетъ старославянской формѣ: рабынею (Юд. VIII. 33), самарѧнынею (М. Смотрицк. л. 103), стынею (ibid. л. 104): стсл. **рабынеѭ**.

Предложный также правильно: пустыни (Пс. LXVII. 8, Быт. XII. 9, Дѣян. XIII. 18. Такъ и въ Остр.), самарѧныни (М.

Смотр. л. 103), с҃ты́ни (ibid. л. 104) или по типу основъ на ā-: с҃ты́нѣ (М. Смотр. тамъ же): стсл. рабꙑнн҃.

Двойственное число. И. В. Зв. правильно: двѣ̑ ра́бы́ни (вин. дв. Эсѳ. V. 1, Остр. дв҃цѣ по типу основъ на ā-, Первоп. также дѣви́цѣ). Формы, приводимыя въ парадигмахъ М. Смотрицкаго, построены по типу основъ на ā-: самарѧны́нѣ (л. 103), с҃ты́нѣ (л. 104): стсл. рабꙑнн҃.

Остальные падежи не представляютъ особенностей: р. и пр. самарѧны́ню (М. Смотр. л. 103), с҃ты́ню (ibid. л. 104), д. и тв. самарѧны́нѧма (л. 103 на об.), с҃ты́нѧма (л. 104).

Множественное число, какъ и слѣдовало ожидать, тожественно по формамъ съ вышеразсмотрѣннымъ склоненіемъ основъ на jā-. Им. падежъ: ра́бы́ни (Быт. XXIV. 61, Остр. рабы́нѧ, Первоп. -и, ibid. XXXII. 5, Остр. -ѧ, Первоп. -и, Іов. XXXI. 31, Остр. -ѧ, Первоп. -и), м҃тыни (Притчи С. III. 3, Остр. и Первоп. -ѧ), самарѧны́ни (М. Смотр. л. 103 на обор.), с҃ты́ни (ibid. л. 104), кнѧги́ни (2 Парал. XXXV. 25, Остр. кнєги́ни, Первопеч. кнѧги́ни) и т. д. Острожская библія представляетъ еще болѣе древнее окончаніе -'а (= стсл. ꙗ), хотя и не во всѣхъ случаяхъ; Первопечатная уже чаще имѣетъ -и, тогда какъ въ Новой находимъ только -и.

Родительный правильно: ра́бы́нь (Эсѳ. II. 9), самарѧны́нь (М. См. л. 103 на об.), с҃ты́нь (ibid. л. 104).

Дательный также: самарѧны́нѧмъ (М. См. л. 103 на об.), с҃ты́нѧмъ (ibid. л, 104).

Винительный, какъ вообще у основъ на jā-, представляетъ морфологическую ассимиляцію къ основамъ на ā-: пꙋ́с҃ты́ни (Іис. Сир. XLIII. 23, Остр. -ѧ, Первоп. -и), самарѧны́ни (М. См. л. 103 на об.), с҃ты́ни (ibid. л. 104): стсл. рабꙑнꙗ.

Творительный правильно: самарѧны́нѧми (М. Смотр. л. 103 на об.), с҃ты́нѧми (ibid. л. 104), а также и предложный: самарѧны́нѧхъ, с҃ты́нѧхъ (l. c.).

§ 14. Основы мужескаго и ср. рода на о-. Въ общемъ склоненіе этихъ многочисленныхъ основъ сохранилось довольно прочно и даже послужило уподобляющимъ типомъ для разныхъ другихъ

менѣе многочисленныхъ и рѣже встрѣчающихся основъ муж. и ср. рода. Въ свою очередь оно также подпадало въ нѣкоторыхъ падежахъ вліянію главнымъ образомъ основъ на ā- (какъ въ русскомъ языкѣ) и основъ на u-. Въ написаніяхъ изрѣдка замѣчаются слѣды вліянія и основъ на і-, которое, конечно, имѣетъ только графическій характеръ.

Основы муж. рода. Падежи именительный и родительный представляютъ собой правильныя продолженія старославянскихъ формъ: ра́бъ (Іов. VII. 2, стсл. **рабъ**), нае́мникъ (ibid. стсл. **наѥмьникъ**), раба̀ (Исх. XX. 17, стсл. **раба**), скота̀ (ibid.) и т. д.

Дательный падежъ или правильно: Бо́гꙋ (I. XIII. 3, Варуха II. 5. 6, IV. 4. 21 и т. д.), или по типу основъ на u- съ окончаніемъ -ov'і (-ови), гдѣ -ov-, принадлежащее основѣ, абсорбировано окончаніемъ. Окончаніе это, какъ и другія окончанія (мы увидимъ это ниже), заимствованныя отъ основъ на u-, имѣется прежде всего у основъ односложныхъ: Бг҃ови (М. XXII. 21, Л. XXI. 4. Такъ и въ Остр.), мі́рови (Іоа. III. 17, Остр. ми́рови, Первоп. мі́рови), ки́тови (Іона II. 11, Остр. кі́тови), дрꙋ́гови (Іис. Сир. XX. 23, Остр, дрꙋгови), Петро́ви (Мр. XIV. 37, 66, Остр. пьтрови, 70, Остр. петро́ви, Матѳ. XVI. 23, XXVI. 40, Остр. петро́ви) и т. д. Появленіе окончанія -ови у этихъ основъ объясняется тѣмъ, что первичныя основы на u- въ именительномъ ед. ч. случайнымъ образомъ также всѣ односложны (въ старославянскомъ двухсложны: **сынъ, домъ, медъ** и т. д.): syn, dom || mir, druk и т. д.

Отъ этихъ односложныхъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія, главнымъ образомъ заимствованныя, иностранныя слова, къ которымъ надо отнести и имена собственныя: А̓рхїтрїклі́нови (Іоа. II. 9, Остр. а̓рхїтриклинови), а̓рхїсѷнагѡ́гови (Мр. V. 36, Остр. а̓рхїсинаго́гови), сарди́нови, смара́гдови (Апок. IV. 3, Такъ и въ Остр.), Фараѡ́нови (Римл. IX. 17, Остр. фарао́нови), но Фараѡ́нꙋ (Исх. III. 10. 11. 18, IV. 22, V. 1. 15. 23, VI. 1. 11, VII. 1. 2. 7. 15 и т. д.), ї̓аспі́сꙋ (Апок. IV. 3), и̓ге́мѡнꙋ (М. XXVII. 2) и т. д.; въ именахъ собственныхъ: І̓ѡа́ннови (М. XI. 4, Остр. ї̓оаннови), Е̓фре́мови (Ис. VII.

9, Остр. ефре́мови, Ос. V. 12. 14, Остр. ефрѣмови), Ирωдови (М. XIV. 6, Остр. иродови), Ваа́лови (Ос. XIII. 1, Остр. ваа́лови), Іωсифови (М. I. 18, Мр. XV. 45, Остр. іосифови), Варꙋхови (Iерем. XXXII. 12, Остр. варꙋхови), но Варꙋхꙋ (ibid. 13), Сімωнови (Л. V. 10, Остр. си́монови, рядомъ къ Сімωнꙋ), ко Іисови (М. XIV. 29. XV. 1, XXVI. 49, Мр. V. 15, Остр. ісови) и рядомъ ко Іисꙋ (М. XVIII. 1), прешедшꙋ Іисꙋ (Мр. V. 21), ко Иродꙋ (М. II. 12), Соморωнꙋ (Ис. VII. 9) и т. д.

Какъ на характерную черту формъ на -ови можно указать на извѣстный типъ акцентуаціи: удареніе въ именит. ед. на послѣднемъ слогѣ и въ родительномъ на третьемъ, какъ и въ первичныхъ основахъ на u- (до́мъ—до́мови, смара́гдъ—смара́гдови, но іа́списъ—іа́спісꙋ).

Впрочемъ послѣдовательно эта черта не проведена. Въ соединеніи съ предлогомъ къ также чаще правильныя формы дат. ед. отъ основъ на о-, формы съ -ови, напротивъ, чаще въ независимомъ употребленіи.

И та, и другая черта однако находятся только въ зачаточномъ состояніи, до полной послѣдовательности онѣ не доведены; это легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что цслав. языкъ былъ языкъ главнымъ образомъ писанный, такъ что ассоціаціи между различными его формами не могли имѣть такой силы и яркости, какъ ассоціаціи языка живаго, „говоримаго“.

Формы винит. падежа въ синтактическомъ употребленіи, какъ и въ русскомъ, сохранились только у именъ неодушевленныхъ и именъ собственныхъ неодушевленныхъ (географическіе термины):

во гра́дъ (М. VIII. 33), во Іерꙋсали́мъ (М. II. 1), сотворі́те пло́дъ (М. III. 8), на Іорда́нъ (М. III. 13), Назаре́тъ (М. IV. 13), свѣтъ (М. IV. 16), недꙋгъ (ib. IV. 23), глаго́лъ (ib. V. 11), да́ръ (ib. V. 23) и т. д.

Имена же собственныя одушевленныхъ существъ и имена одушевленныя, какъ въ русскомъ, утратили собственно винит. п. ед. числа, вмѣсто котораго употребляется форма р. ед. (явленіе синтактическое): Іωа́нна (М. XIV. 10), врага̀ твоего̀ (М. V. 43. Такъ уже въ Остр.), о́трока (Л. I. 54), человѣка (М. X. 35,

XV. 11, 18), Авраама (М. III. 9), на брата (М. V. 22), Бга (М. IX. 8), прро́ка (ib. X. 41), бѣса (ib. XI. 18) и т. д.

Эта особенность, замѣчающаяся уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ уже съ полной послѣдовательностью, такъ что исключенiй не встрѣчается.

Звательный падежъ отвѣчаетъ старославянской формѣ: Сiѡне (Ис. LII. 1), рабе (ib. XLI. 8), Бже (Пс. CIII. 1) и т. д. Случаевъ замѣны формы зват. падежа формой именительнаго не имѣется.

Творительный падежъ также является продолжателемъ старославянской формы. Единственная особенность—замѣна суффикса **-мь**, которому въ цслав. должна была бы соотвѣтствовать форма -m' (цсл. -мь),—суффиксомъ -m (цсл. -мъ), о чемъ уже сказано выше (стр. 161): котло́мъ (Iис. Сир. XIII. 3), ра́зумомъ (ib. XLIV. 3), Бгомъ (Iоа. VI. 45) и т. д.: стсл. **богомь**.

Предложный падежъ также отвѣчаетъ старославянской формѣ. У основъ съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ изрѣдка встрѣчаются образованiя, обязанныя своимъ происхожденiемъ морфологической ассимиляцiи къ основамъ тѣхъ падежей, гдѣ заднеязычный согласный сохранялся: въ смѣхѣ (Iис. Сир. XXI. 23, Остр. и Первоп. смѣху), при Антiо́хѣ (3 Макк. I. 1, Остр. и Перв. ѿ А—ха), въ пра́хѣ (Плачъ Iер. III. 29, Остр. и Первоп. въ праху), но на пра́сѣ (Ам. II. 7. Такъ и въ Остр.), ѿ грѣсѣ (Пл. Iер. III. 39, такъ же и въ Остр.), въ Дхѣ (II Кор. VI. 6. Остр. и Первоп. дсѣ), ѿ вса́дникѣ (Юд. IX. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ), во ѡстро́гѣ (Iезек. XVII. 17, Остр. и Первоп. ѡстро́гомъ), въ ѳѷмiа́мникѣ (Числ. VII. 86, Остр. ѳимiа́мнику, Первоп. ѳумiа́мнику): стсл. **грѣсѣ, босѣ** и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, подобныя формы съ возстановленiемъ заднеязычнаго согласнаго передъ слѣдующимъ -ѣ составляютъ особенность новѣйшаго цслав. языка. Въ Острожской библiи онѣ не встрѣчаются, а вмѣсто нихъ находимъ образованiя по типу основъ на u-, которыхъ напротивъ почти нѣтъ въ новой библiи (единственный примѣръ на... боку Iезек. IV. 4,

Остр. ре́брехъ, Иервоп. ре́брѣхъ). Исходной точкой морфологической ассимиляціи служила и здѣсь односложность основъ смѣх-, прах-, бок- и основъ сын-, дом- и т. д.

Двойственное число не представляетъ отличій отъ старославянскаго, но часто замѣняется множественнымъ. И. В. Зв. два̀ бра́та (М. IV. 18. 21), два̀ оу҆чн҃ка̀ (М. XXI. 1), но два́ велблѹды (Тов. IX. 2, Остр. и Первоп. вельблю́да) и т. д. Р. и Пр. во двою̀ дворѹ (4 Цств. XXIII. 12. Такъ и въ Остр.), ѻбою̀ оу҆глѹ (Исх. XXX. 4), но на двѹ дворѣхъ (ib. XXI. 5, Остр. на̀ двѹ двора̄, Первон. двора́хъ), двѹ є҆ѵнѹхѡвъ (род. вм. вин. Эсѳ. I. Остр. ниже: двѹхъ ради евнѹховъ), двои́хъ вертепа́хъ (3 Цств. XVIII. 4, Остр. дво́ю врътѐпѹ, Первоп. двою̀ верте́пѹ), двои́хъ человѣкѡвъ (Іоа. VIII. 17, Остр. двѡ̂ю чл҃кѹ, Первоп. двою̀ человѣкѹ) и т. д. Дат. и твор. двѣма̀ ѻ҆шибома (Суд. XV. 4. Такъ въ Остр. и Первоп.), но двѣма̀ тала́нты (3 Цств. XVI. 24, Остр. и Первоп. тала́нтома), двѣма̀ є҆ѵнѹхи (Эсѳ. I. Остр. є҆внѹхома, Первоп. є҆ѵнѹхома), ѻ҆бѣма бра́тома (Быт. IX. 22), двѣма̀ во́инома (Дѣян. XII. 6, тв.); по типу основъ на а̄-: рога́ма (Быт. XXII. 13, Остр. другой текстъ).

У М. Смотрицкаго находимъ дифференціацію окончаній дат. твор. -ома для дат. и -ама по типу основъ на а̄- для твор.: дат. клевре́тома, тв. клевре́тама (л. 105 на об.), і҆̓армо́ма — і҆̓арма́ма (л. 106), во́инома—во́инама и т. д. (л. 107). Дифференціація эта однако не подтверждается дѣйствительными фактами языка и должна быть отнесена на счетъ собственныхъ мудрованій составителя. У Лавр. Зизанія находимъ только правильное окончаніе -ома (см. листы 26, 27).

Множественное число представляетъ большое разнообразіе формъ, изъ которыхъ только небольшое количество исконныхъ, тогда какъ остальныя представляютъ собой результатъ разнообразныхъ вліяній другихъ основъ.

Именительный падежъ, форма котораго въ русскомъ языкѣ уже вытѣснена формой винит. множественнаго числа, еще сохраняется въ извѣстномъ количествѣ случаевъ: ско́ти (Іерем. XII. 4), наро́ди (М. IV. 25), гро́би (М. XXVII. 52), во́ини (М. XXVII.

27), исполини (Быт. VI. 4), врази (Іис. Сир. XLVI. 6. М. X. 36), грѣси (М. IX. 5), мѣси (М. IX. 17), дуси (Дѣян. VIII. 7) и т. д.

Послѣ ц, утратившаго палатальность, находимъ въ написаніяхъ -ы: преступницы (Соб. Посл. Іак. II. 9. Такъ уже въ Остр.), опрѣсноцы (Мр. XIV. 1. Такъ и въ Остр.), лжепророцы (Мр. XIII. 22. Такъ и въ Остр.), ученицы (М. XVIII. 1. Такъ и въ Остр.), языцы (Римл. II. 14, Остр. языци, Первоп. -ы), пророцы (Л. XVI. 16, Остр. также -ы), споспѣшницы (1 Кор. III. 9, Остр. и Первоп. винит. мн. поспѣшники), наслѣдницы (Римл. VIII. 17. Такъ же и въ Остр.) и т. д. У М. Смотрицкаго еще -и: пророци (л. 110).

Рядомъ съ этими формами уже часто находимъ формы винит. множ.: зубы (Пс. LVI. 5, Остр. также зоубы, Дан. VII. 7. Остр. такъ же), грады (Суд. X. 4, Остр. и Первоп. -и), гады (Быт. VIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), ослы (Быт. XXXII. 5. Такъ и въ Остр.), послы (ib. 6, Ис. XXI. 2. Такъ и въ Остр.), и громи и гласы (Апок. IV. 5, Остр. громи и гласы), но гласи (ib. VIII. 5), хлѣбы и финіки (2 Цств. XVI. 2. Остр. хлѣби, Первоп. -ы), персты (ib. XXI. 20, Остр. прьсты, Первоп. персты, Дан. V. 5. Остр. прьсты, Первоп. персты), рабы (Дан. XIII. 27, Остр. и Первоп. -и), сосуды (Апок. II. 27, Остр. съсуды, Первоп. сосуды), заворы (Іерем. LI. 30, Остр. заворы, Первоп. заворы), кумiры (Ос. X. 2, Остр. вин. мн. Ис. XXI. 9, Іерем. L. 2. Такъ и въ Остр.), исполины (1 Парал. XX. 8, Остр. и Первоп. гиганты), но -и (Быт. VI. 4. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что Остр. и Первоп. библіи немного чаще представляютъ окончаніе настоящаго именит. множ. -и, чѣмъ Новая, причемъ Первоп. нѣсколько ближе къ послѣдней. Но окончаніе винит. множ. также уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной и довольно часто.

Послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, согласно условіямъ русской и церковнославянской фонетики, -ꙑ винит. падежа должно дать -i (-и): роги (Дан. VIII. 3, Остр. и Первоп. двойств. рога, Исх.

XXVII. 2. Такъ и въ Остр.), тысѧщники, сотники, но рядомъ начальницы (1 Парал. XXVII. 1. Такъ же въ Остр. и Первоп.), три чиновники (Дан. VI. 2. Такъ же и въ Остр. и Первоп.), помощники (3 Цств. XX. 16, Остр. и Первоп. двойств. число), ѥvнꙋхи (Эсѳ. IV. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), шипки (4 Цств. XXV. 17, Остр. и Первоп. шипки), начатки (Iезек. XLVIII. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ) колки (Исх. XXXVII. Остр. и Первоп. конецъ XXXVI. такъ же), полки (Быт. XXXII. 2, Остр. полкы, Первоп. полки), крючки, верхи (Исх. XXVII. 10. Въ Остр. и Первоп. такъ же), причастники (Римл. XV. 27, Остр. -ы, Первоп. -и), и т. д. У Лавр. Зизанія обѣ формы рядомъ: снѣги и снѣѕи (л. 27 на об.), но бѡѕи (л. 26 на об.).

Рядомъ имѣется довольно значительное число образованій по типу основъ на u-: львове (Ис. V. 29. Такъ и въ Остр.), стропове (Ам. VIII. 3, Остр. и Первоп. воплеве), кедрове (Пѣснь П. V. 15. Такъ и въ Остр.), грезнове (ibid. VII. 8, Остр. грезнове, Первоп. грезнѡве), бѣсове (Пс. XCV. 5. Такъ и въ Остр.), сотове (Притчи С. XVI. 24. Такъ и въ Остр.), дарове (Іис. Сир. XX. 29. Такъ и въ Остр. Евр. IX. 9), сꙋдове (Притчи С. XXIII. 29, Остр. сꙋди, Первоп. сꙋди, Римл. XI. 33, Остр. и Первоп. также сꙋдове), пирове (Притчи XXIII. 30, Остр. такъ же), плодове (Притчи X. 16, Остр. и Первоп. ед. число), громове (Исх. IX. 33. Такъ и въ Остр.), но громи (ibid. 28, 29, 34), вранове (3 Цств. XVII. 6. Въ Острожск. такъ же), родове (М. I. 17. Въ Остр. также), жидове (Іоа. I. 19. Въ Остр. такъ же), оудове (1 Кор. VI. 15. Въ Остр. такъ же) и т. д.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ, которыя въ имен. ед. числа совершенно совпадали также съ односложными основами на u-. У основъ двусложныхъ и многосложныхъ окончаніе -ове не имѣетъ мѣста. Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на i-, которыя могутъ быть также разсматриваемы, какъ имена собирательныя: садіе (Числ. XXIV. 6, Острожск. и Первоп. сади), плевеліе (М. XIII. 26, Остр. плѣвеліе, Первоп.

плевеліе), но плевелы (вин. вм. им. М. XIII. 38. Остр. плѣвели, Первоп. плевели).

Промежуточнымъ звеномъ должны были служить въ этой ассимиляціи основы на jo-, какъ мужіе и т. д. (см. ниже).

Родительный падежъ также представляетъ нѣсколько образованій: правильное, отвѣчающее старославянской формѣ: сапѡгъ (Мр. I. 7, Остр. сапогъ, Первоп. сапѡгъ), грѣхъ (М. I. 21, Апок. I. 5. Остр. грѣхъ), грѡвъ (М. XXVII. 53. Въ Остр. гробъ), вѡинъ (М. XXVII. 27, Остр. воинъ, Первоп. вѡинъ), сребреникъ (М. XXVII, 9. Остр. сребреникъ. М. XXVI. 15), талантъ (М. XXV. 20. 28, Остр. талантъ), вѣтръ (М. XXIV. 31, Остр. вѣтръ), книжникъ (М. XVI. 21, Остр. книжникъ), ꙗзыкъ (М. IV. 15, Остр. ꙗзыку), градъ (ibid. 25, Острожск. градъ), плѡдъ (М. VII. 16, Остр. плодъ, плодъ), предѣлъ (М. VIII. 34), прорѡкъ (М. XXIII. 30) и т. д.; по типу основъ на u-, первично, вѣроятно, у односложныхъ, отъ которыхъ окончаніе -ov (-ѡвъ) перешло и къ многосложнымъ: козлѡвъ, ѻвнѡвъ (Ис. XXXIV. 6, Остр. иной текстъ, Быт. XXXII. 14. Остр. козловъ, но ѻвенъ, Первоп. козлѡвъ, ѻвенъ), ѻслѡвъ (ibid. 15, Остр. иной текстъ), жидѡвъ (I. IX. 22, Остр. жидовъ, Первоп. уже жидѡвъ), тукѡвъ (Быт. IV. 4, Остр. также туковъ), рогѡвъ (Апок. V. 6, Остр. роговъ, Первоп. рогѡвъ), свѣтѡвъ (Посл. Іак. I. 17, Остр. и Первоп. дат. мн.), сонмовъ (Суд. V. 10, Остр. другой текстъ), свекрѡвъ (Тов. X. 12, вм. винит. мн., Остр. другой текстъ), оуглѡвъ (Тов. XI. 12, Остр. другой текстъ), сварѡвъ (Посл. къ Титу III. 9, Остр. свары), львѡвъ (Дан. VI. 22, Остр. 20, львовъ, Апок. IX. 8), градѡвъ (М. XIV. 13, Остр. градовъ, Первоп. градѡвъ, 2 Парал. XV. 8, Остр. гра, Первоп. градъ, Іезек. XVI. 7, Остр. гра, Первоп. градъ), другѡвъ (Іис. Сир. VI. 13, Остр. дру, Первоп. другъ, Притчи С. XVIII. 1, Остр. ед. ч. Іерем. XX. 4, Остр. другой текстъ, Л. XIV. 12, Остр. другъ, Первоп. другъ), врагѡвъ (Іис. Сир. VI. 13, Остр. и Первоп. врагъ, ibid. XLV. 2, Остр. врагъ, Первоп. врагъ), волхвѡвъ (Ис. XLVII. 9, Остр. волхвъ, Первоп. уже волхвѡвъ, Дан. I. 20. Остр. другой текстъ), рабѡвъ (М. XXII.

6, вм. винит. Остр. рабы, Первоп. рабы, Ис. XLIX. 7, Остр. другой текстъ), садώвъ (Іезек. XXXI. 4, Остр. садовъ, Перв. садώвъ), холмώвъ (Ис. IX. 18, Остр. холмъ, Первоп. хώлмъ), китωвъ (Іис. Сир. XLIII. 27, Остр. китовє), снопώвъ (Руѳь II. 15, 16, Остр. уже снопов, Первоп. снопώвъ), сырωвъ (1 Цств. XVII. 18, Остр. сыр҃, Первоп. какъ въ Новой), прáгωвъ (Іезек. XLIII. 8, Остр. и Первоп. прáгъ), волкώвъ (М. X. 16, Остр. влъ'ковъ, Первоп. волкώв), громώвъ (Апок. X. 3. 4, Остр. грóмовъ, Первоп. громώвъ), гробώвъ (Мр. V. 2, Остр. гробъ, Первоп. грώвъ), родώвъ (Іис. Сир. XXXIX. 12, Остр. вин. ед. М. I. 17, Остр. родóвъ, Первоп. родώвъ), дворώвъ (Іезек. XXXIII. 30, Остр. другой текстъ; Іерем. XXXV. 2, Остр. двóровъ, Первоп. дворώвъ), хлѣ́бовъ (Іерем. XLIV. 17, Остр. хлѣ́бъ, Первоп. хлѣ́бωвъ, Мр. VIII. 5. 6, Остр. и Первоп. вин. мн.), гласώвъ (Апок. VIII. 13. Остр. гласъ, Первоп. гласώвъ), вѣ́трωвъ (Іезек. XXXVII. 9. Остр. вѣ́тръ, Первоп. вѣ́тръ, Посл. Іак. III. 4, Остр. вѣ́тровъ, Перв. вѣ́трωвъ), снώвъ (Прем. Сол. IV. 6, Остр. сóніи), лукώвъ (Ис. XXI. 15. 17, Остр. и Первоп. другой текстъ), дарώвъ (Іис. Сир. VII. 9, Остр. дáр҃, Первоп. дарώвъ), плодώвъ (Притчи XVIII. 20, Остр. и Первоп. р. ед. плóда и плодà; Посл. Іак. III. 17, Остр. плодóвъ, Первоп. плодώвъ, М. XXI. 34, Остр. дат. мн., Филипп. I. 11, Остр. плóдовъ, Первоп. плодώвъ), скиптрωвъ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. скυпєтръ, Первоп. скиптръ), трудώвъ (Прем. Сол. III. 15, Остр. трудовъ, Первоп. трудώвъ), столώвъ (2 Парал. IV. 8, Остр. столóвъ, Первоп. столώвъ), щитώвъ (2 Парал. IX. 15, Остр. щитовъ, Первоп. щитώвъ), шипкωвъ (ibid. III. 16, Остр. и Первоп. шипокъ), зубώвъ (ibid. IX. 17, Остр. зубовъ, Первоп. зубώвъ), грѣхώвъ (М. XXVI. 28. Остр. грѣховъ, Первоп. грѣхώвъ), богώвъ (Ис. XIX. 3, 2 Парал. XXV. 14, вм. винит. мн. Остр. боговъ, Первоп. богώвъ), бѣсώвъ (Мр. XVI. 9. Остр. бѣсовъ, Первоп. бѣсώвъ), ликώвъ (2 Цств. VI. 13, Остр. пóлкъ) и т. д., и т. д.

Отъ подобныхъ односложныхъ основъ окончаніе -ωвъ распространилось и на основы двухсложныя и многосложныя. Переходнымъ звеномъ могли служить сложныя основы, второй членъ ко-

торыхъ былъ односложенъ: покро́вѡвъ (Ис. LIV. 2, Остр. другой текстъ), и҆схо́дѡвъ (Плачь Іер. II. 19, Остр. и҆схⷪ҇, Первоп. и҆схѡ́дъ), восхо́дѡвъ (Іезек. XL. 26. 32. 34, 37, Остр. въсхо, Первоп. восхо́дъ и восхо́довъ), престо́лѡвъ (Прем. Сол. VII. 8, Остр. престо́лъ, Первоп. прⷭ҇то́лъ), зако́нѡвъ (Прем. Сол. IX. 5, Остр. и Первоп. зако́нъ), ѻ҆блакѡ́въ (ibid. V. 21, Остр. и Перв. другой текстъ), ѻ҆стровѡ́въ (Іезек. XXVII. 6. 7, Остр. ѻ҆́стровъ, Первоп. ѻ҆́стрѡвъ, Ис. XI. 11, Остр. и Первоп. другой текстъ), восто́кѡвъ (Ис. XI. 11, Остр. въсто́къ, Первоп. востѡ́къ, Іезек. XLVIII. 26, Остр. иной текстъ), но востѡ́къ (Ис. XI. 14, Іезек. XLVIII. 16), поварѡ́въ (Іезек. XLVI. 24, Остр. съкальчніи), человѣ́кѡвъ (Осія XIII. 2, вм. винит. Остр. чл҃кы, Первоп. человѣки), недꙋ́гѡвъ (1 Тимоѳ. V. 23, Остр. недꙋ́гъ, Первоп. недꙋ́гъ), ра́зꙋмѡвъ (1 Цств. II. 3, Остр. дат. мн. ра́зꙋмовомъ, Первоп. какъ въ Новой), по́мыслѡвъ (Іезек. XLIV. 10, Остр. и Первоп. по́мыслъ), сосꙋ́дѡвъ (Дан. I. 2, Остр. сосꙋ́дъ, Перв. сосꙋ́дъ), ѻ҆́трокѡ́въ (Дан. I. 15, Остр. о́трокъ, Перв. ѻ҆́трѡкъ) и т. д.

Отъ этихъ уже основъ окончаніе -ov (-ѡвъ) распространилось и на другія двухсложныя основы: кꙋмі́рѡвъ (Іезек. XXXVI. 25, Остр. кꙋми́ръ, Первор. кꙋмі́ръ, Ис. XIX. 3, вм. вин. множ. Остр. кꙋми́ръ, Первоп. кꙋмі́ръ), грѣ́шникѡвъ (1 Макк. I. 34, вм. винит. мн. Остр. и Первоп. грѣшницы, именит. вм. винит.), во́инѡвъ (Апок. IX. 16, Остр. воиникъ, Перв. во́инникъ), щи́тникѡвъ (2 Парал. XIV. 8, Остр. щи́тниковъ, Первоп. щи́тникѡвъ), і҆́долѡвъ (Ос. XIII. 2, Остр. другой текстъ), ꙗ҆зы́кѡвъ (Ис. XLIX. 8, Остр. и Первоп. другой текстъ), пра́здникѡвъ (Малах. II. 3, Остр. пра́зⷩ҇никъ, Первоп. пра́здникъ), пастꙋхѡ́въ (Ис. XXXII. 14. Остр. и Первоп. другой текстъ), ѻ҆рга́нѡвъ (Амосъ V. 23, Остр. пищалии), А҆ра́вѡвъ (2 Парал. XXVI. 7, Остр. и Первоп. дат. мн. съ предл. проти́вꙋ—управленіе старославянское; въ новой Библіи уже русское, съ род. п.), велблю́дѡвъ (Суд. VIII. 21, Остр. и Первоп. дат. мн.), Е҆́ллинѡвъ (Дѣян. VI. 1, Остр. дат. мн.), бі́серѡвъ (Апок. XXI. 21, Остр. двойств. число), є҆ѵнꙋ́хѡвъ (Дан. I. 3, 7, 8, 9, Остр. и Перв. 3, ка́женикъ, 7, 8, 9 прилаг. ка́женнчь) и т. д. Основы многосложныя: хꙋдо́жникѡвъ (Осія XIII. 2, Остр. и

Перв. друг. текстъ), исполинωвъ (Быт. XIV. 5, вм. вин. мн. Остр. и Первоп. гиганты), свѣтилникωвъ (Апок. I. 13, Остр. и Первоп. свѣтилникъ), но свѣтилникъ (ibid. I. 12. Въ Остр. и Первоп. такъ же), похотникωвъ (Ос. II. 5, Остр. хотіи), слѹжебникωвъ (2 Парал. IX. 4, Остр. и Первоп. дат. мн.), свѧщенникωвъ (ibid. XIII. 9, Остр. сщенниковъ, Первоп. сщенникωвъ, Дѣян. VI. 7, Остр. и Первоп. сщенникъ), сообщникωвъ (Филипп. I. 7. Остр. другой текстъ), иноплеменникωвъ (2 Парал. XXVI. 6, съ предлогомъ противѹ, Остр. и Первоп. съ дат. мн., Амосъ I. 8, Остр. иноплеменникъ, Первоп. иноплеменникъ), чревоволшебникωвъ (Ис. XLIV. 25, Остр. и Первоп. другой текстъ), начаткωвъ (Іезек. XLVIII. 18)

Рядомъ съ этими формами имѣются и правильныя: златникъ (2 Парал. IX. 15), кωнникъ (ibid. 25) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что распространеніе окончанія -ωвъ въ языкѣ печатныхъ книгъ есть явленіе новѣйшаго времени и вызвано, очевидно, вліяніемъ русскаго языка, въ которомъ окончаніе -of (-ov) получило очень широкое распространеніе. Въ Острожской библіи, вмѣсто многихъ изъ приведенныхъ случаевъ окончанія -ωвъ новой библіи, имѣется еще старинный родительный падежъ отъ основъ на о-; особенно послѣдовательно сохраняется эта старинная форма у основъ двухсложныхъ и многосложныхъ. Въ Первопечатной библіи случаевъ съ -ωвъ больше, чѣмъ въ Острожской, но всетаки меньше, чѣмъ въ Новой. Относительно мѣста ударенія необходимо замѣтить, что свойственное русскому языку передвиженіе ударенія на самое окончаніе также рѣже въ Острожской библіи (см. выше: козловъ, жидовъ, влъковъ, громовъ, дворовъ, даровъ, щитовъ, зѹбовъ), тогда какъ оно наблюдается уже въ Первопечатной въ большихъ размѣрахъ. Быть можетъ, въ этой разницѣ сказалось и вліяніе мѣстныхъ діалектическихъ особенностей—западнорусскихъ и великорусскихъ.

Р. мн. бисерей (М. XIII. 45, вм. винит.; Остр. и Первоп. бисеры) является очень рѣдкимъ, если не единственнымъ образчикомъ образованія по типу основъ на і-.

Дательный множественнаго представляетъ три образованія: исконное, свойственное первичнымъ основамъ на о-: завѣтωмъ

(3 Ездры V. 29, Остр. р. мн. завѣтъ, Первоп. завѣтъ), чл҃вѣкѡмъ (Матѳ. VI. 14, Остр. чл҃ко҇, Первоп. чл҃кѡмъ), должникѡмъ (ibid. 12, Остр. должникомъ, Первоп. какъ въ новой б.), родѡмъ (Іис. Сир. XLIV. 15, Остр. ро́домъ, Первоп. родѡмъ), врагѡмъ (ibid. XLVI. 2, Остр. и Первоп. винит. мн.), богѡмъ (Іерем. I. 16, Остр. бого́мъ, Первоп. богѡмъ, ibid. XI. 12, Остр. и Первоп. ни́мъ), ѻтрокѡмъ (1 Цств. XXI. 14, Остр. ѻ҇трокомъ, Первоп. о҇трокѡмъ), градѡмъ (2 Цств. XII. 31, Остр. гра́домъ, Первоп. градѡмъ), зꙋбѡмъ (М. VIII. 12, Остр. ѕꙋбомъ, Первоп. зꙋбѡ҇, М. XIII. 50, Остр. зꙋбо́мъ), М. Смотрицкій: клевре́тѡмъ (л. 105 на об.), і҆армо́мъ (л. 106 на об.), во́инѡмъ (л. 107), ю҆ро́дѡмъ (ibid. на об.), дрꙋгѡ́мъ (л. 109 на об.), грѣхѡ́мъ (л. 110 на обор.). Относительно ударенія этихъ формъ необходимо замѣтить, mutatis mutandis, то же, что было сказано выше о формахъ родит. мн. на -ѡвъ. Въ Острожской библіи удареніе на окончаніи (если оно вообще обозначается) встрѣчается весьма рѣдко, тогда какъ въ Первопечатной и Новой оно уже, какъ въ русскомъ, передвинуто у извѣстныхъ основъ на окончаніе.

Рядомъ встрѣчаются изрѣдка формы, образованныя по типу основъ на ā-: споборникамъ (1 Макк. VIII. 24. Въ Остр. и Перв. иной текстъ), но рядомъ Ри́млѧнѡмъ (тамъ же), ѻста́нкамъ (Зах. VIII. 12. Въ Остр. и Первоп. дат. ед.), и҆сходамъ (Іезек. XLIV. 5, Остр. пꙋтемъ), оу҆гламъ (Іезек. XLVI. 21, Остр. вин. мн. наоу́глы), полка́мъ (2 Макк. V. 2. XII. 20, Остр. другой текстъ), оу҆дамъ (2 Макк. VII. 7, Остр. оу́да҃) и т. д.

Какъ видно изъ примѣровъ, образованія эти, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, встрѣчаются только въ новой б. и весьма рѣдко; въ Острожской же и даже Первопечатной ихъ еще нѣтъ.

Третье образованіе дат. мн. вызвано вліяніемъ основъ на u-; въ основѣ его лежитъ сильная форма основы, имѣющаяся въ дат. ед., имен. и родит. множ. съ сочетаніемъ -ов-, собственно падежное окончаніе есть общее -om (-ѡмъ), гдѣ -o- представляетъ собой послѣдній гласный основы на o-, отошедшій путемъ морфологической абсорпціи къ окончанію. Образованіе это имѣетъ мѣсто только у основъ односложныхъ: градовѡмъ (Ис. I. 26, Остр. градовомъ,

Первоп. градовѡ́мъ, М. XI. 20, Остр. градовом, Л. IV. 43, Остр. градовомъ), лисовѡмъ (Пс. LXII. 11, Остр. лисовомъ. Первоп. лисѡвъ), бѣсовимъ (Пс. CV. 37, Остр. бѣсовъ, Первоп. бѣсовѡ́мъ). Въ Острожской библіи встрѣчается форма ра́зꙋмовомъ. (1 Цств. II. 3, Первоп. ра́зꙋмѡвъ р. множ.), образованная отъ двухсложной основы, состоящей изъ двухъ односложныхъ.

Винительный множественнаго сохранился лучше винительнаго единственнаго.

Синтактическая замѣна винительнаго родительнымъ имѣетъ мѣсто преимущественно въ единственномъ числѣ. Въ то время, какъ въ единственномъ числѣ эта замѣна у извѣстныхъ именъ существительныхъ проведена безъ исключенія, послѣдовательно, во множественномъ числѣ самые случаи замѣны являются спорадически, въ видѣ исключеній: е́мше рабѡ́въ (М. XXI. 35, Остр. рабы, Первоп. рабы̀, ibid. XXII. 6, Остр. рабы, Первоп. рабы̀), но посла̀ рабы̀ (М. XXI. 36), хотя посла̀ сна (ib. 37, Остр. такъ же), и́мый во́ины (М. VIII. 9), наро́ды (М. V. 1), и҆згна́ша пр҃ро́ки (М. V. 12), собра́въ первосщ҃е́нники и҆ кни́жники (М. II. 4) и т. д. Случаи замѣны винительнаго родительнымъ приведены также выше, при перечисленіи формъ родит. мн. на -ѡвъ: свє́крѡвъ (Тов. X. 12, Остр. другой текстъ), человѣ́кѡвъ (Ос. XIII. 2, Остр. винит. чл҃кы), кꙋмі́рѡвъ (Ис. XIX. 3, Остр. кꙋмиръ), грѣ́шникѡвъ (1 Макк. I. 34, Остр. именит. вм. винит. грѣшницы), и҆споли́нѡвъ (Быт. XIV. 5, Остр. гиганты), но тутъ же ꙗ҆зы́ки, покры̀ вса́дники (Исх. XIV. 28), и҆стрѧсѐ Е҆гѵ́птѧны (ib. 27), но ви́дѣша Е҆гѵ́птѧнъ (ib. 30, Остр. видѣша... е҆гѵ́птѧны) и т. д. Употребленіе родительнаго множ. вмѣсто винительнаго есть также явленіе новѣйшаго времени, которое въ Остр. библіи почти не встрѣчается.

Уклоненіе отъ старославянскаго представляютъ также основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, послѣ котораго въ старославянскомъ имѣется -ы, а въ церковнославянскомъ, какъ въ русскомъ -и: грѣ́хи (М. IX. 6. Такъ и въ Остр.), мѣ́хи (ib. 17, Остр. еще мѣхы, Первоп. уже мѣ́хи), бра́ки (М. XXII. 2, Остр. бракы, Первоп. бра́ки), вса́дники (Исх. XIV. 28, Остр. вса́дникы, но выше ст. 26, вса́дники, Первоп. вса́дники) и т. д.

Такимъ образомъ въ правописаніи Острожской библіи еще по традиціи держалось ы послѣ заднеязычныхъ, хотя фонетическаго значенія этотъ фактъ не можетъ имѣть въ виду многихъ случаевъ, въ которыхъ имѣется -и, сдѣлавшееся въ Первопечатной б. уже общимъ. Смѣшеніемъ съ подобными формами вин. множественнаго, которыя имѣли -и послѣ заднеязычныхъ согласныхъ, надо, по всей вѣроятности, объяснять немногочисленные случаи вин. мн. съ -и отъ основъ съ другими послѣдними согласными основы: поста́ви... хо́лми (Ис. XL. 12. Такъ уже въ Остр., XLII. 15, ѿпꙋстошꙋ... хо́лми, Остр. такъ же), и҆мѣ́ѧхꙋ ѻ҆́шибы подо́бни (Апок. IX. 10, Остр. о́шиби подобни), Первоп. также ѻ҆́шиби подо́бни. Стсл. ошибь ж. р. въ Новой б. уже чувствуется какъ ѻ҆́шибъ м. р. сравн. предл. мн. ѻ҆́шибахъ ibidem). Кромѣ этого смѣшенія несомнѣнно должно было имѣть значеніе и уже установившееся въ довольно многочисленныхъ случаяхъ тождество именительнаго и винительнаго множественнаго числа, которое являлось слѣдствіемъ перенесенія формы винит. множеств. въ именит. того же числа.

Творительный множественнаго представляетъ нѣсколько образованій. Исконныя формы первичныхъ основъ на о- сохранились въ преобладающемъ количествѣ случаевъ. Уклоненіе отъ старославянской нормы представляютъ только основы съ послѣднимъ согласнымъ заднеязычнымъ, у которыхъ имѣется, согласно общерусскому фонетическому закону, -и вм. стсл. -ы: со а҆́гглы (М. XVI. 27), ро́ды (Ис. XXIV. 22), гла́сы (Іис. Сир. L. 20) и т. д. послѣ заднеязычныхъ: чл҃ки (М. V. 13), ѡ҆бро́ки (Л. III. 14). ꙗ҆зы́ки (М. XXIV. 9), слꙋ́хи (Евр. V. 11) и т. д. Рядомъ имѣются образованія по типу основъ на u-, которыя первично имѣлись у основъ односложныхъ и отъ нихъ распространились и на остальныя: грѣхмѝ (Ис. L. 1, Остр. грѣхи, Первоп. грѣхѝ), дармѝ (Притчи С. VI. 35, Остр. дарми, Первоп. да́рми), би́серми (1 Тимоѳ. II. 9, Остр. и Первоп. твор. ед.), кꙋмі́рми (Іезек. XXXVI. 17, 18, Остр. кꙋми́рми, Первоп. кꙋмі́рми), сапогмѝ (Дан. III. 21, Первоп. насте́гнвами).

Эти немногочисленныя образованія свойственны болѣе тексту Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной встрѣчаются еще рѣже.

Болѣе многочисленны образованія по типу основъ на ā-, которыя также, повидимому, болѣе часты у основъ односложныхъ: цита́ми (Іерем. XLVI. 9, Остр. и Перв. другой текстъ; Неем. IV. 16, Остр. и Перв. другой текстъ), бога́ми (Посл. Іерем. 44), лꙋками (Неем. IV. 13, Остр. и Перв. лꙋки), серпа́ми (Ис. XVIII. 5, Остр. и Первоп. твор. ед.), ша́рами (Іезек. XXIII. 14, Остр. твор. ед. ша́ромъ), полка́ми (Юд. XIV. 11, Остр. и Перв. друг. текстъ), цвѣта́ми (3 Макк. VII. 14, Остр. род. мн. Юд. XV. 12, Остр. и Первоп. другой текстъ), вѣса́ми (Вар. IV. 35, Остр. и Первоп. вѣсы), плота́ми (2 Парал. II. 16, Остр. тїи плоты, Первоп. ти плоты̀—вин. множ.), грѣха́ми (Ис. XIV. 21, Остр. и Первоп. грѣхѝ), хлѣбами (Лев. XXIII. 18, 19, 20, Остр. и Первоп. хлѣбы, 2 Царствъ III. 29, Остр. р. ед. Первоп. р. мн.), врага́ми (Юд. VIII. 19, Остр. и Первоп. другой текстъ), рога́ми (Іезек. XXXII. 2, Остр. ро́ги, Первоп. рѡ́ги, ibid. XXXIV. 21, Остр. ро́ги, Первоп. рѡ́ги), ро́дами (2 Парал. XVI. 14, Остр. ро́ды, Первоп. рѡ́ды), дрꙋга́ми (1 Макк. VIII. 20, Остр. и Первоп. винит. мн.), посла́ми (Ис. XXXVII. 24. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), оу̓гла́ми (2 Парал. XXVI. 9, Остр. и Первоп. другой текстъ), скота́ми (Быт. I. 26, Остр. ско́ты, Первоп. скоты̀), но тутъ же рядомъ га́ды, замка́ми (Посл. Іер. 17) бока́ми (3 Цств. VI. 15, Остр. другой текстъ), верха́ми (Юд. VII. 10, Остр. другой текстъ), зꙋба́ми (Іов. XIII. 14, Остр. зꙋбы, Первоп. зꙋбы̀), млата́ми (Іерем. X. 4, Остр. молоты̀, Первоп. молѡты̀), моста́ми (2 Макк. XII. 13, Остр. друг. текстъ), полка́ми (тамъ же XII. 20, Остр. друг. текстъ), посла́ми (тамъ же XIII. 12, Остр. ед. ч. постомъ), слона́ми (тамъ же XIV. 12, Остр. друг. текстъ) и т. д., у двухсложныхъ и многосложныхъ— зако́нами (Эсѳ. III. 13, Остр. д. ед.), заво́рами (Посл. Іер. 17; 1 Макк. IX. 50, Остр. и Первоп. вин. мн.), сосꙋдами (Іис. Сир. XLV. 9, Остр. и Первоп. сосꙋды), престо́лами (Прем. Сол. VI. 21, Остр. прⷭ҇толы, Первоп. престѡ́лы), восхо́дами (Іезек. XL. 22, Остр. р. мн. седмїю̀...), вса́дниками (Юд. II. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), блꙋдника́ми (Ос. IV. 14, Остр. другой текстъ), похотника́ми. (ibid. II. 10, Остр. хо́тьми), а̓рѡма́тами (2 Парал.

XVI. 14, Остр. ӑрамáты, Первоп. ӑрѡмáты), споборниками (1 Макк. VIII. 20, Остр. споборницы им. мн. вм. винит.), скорпїонами (3 Цств. XII. 11, Остр. друг. текстъ), є҆ллинами (2 Макк. IV. 36, Остр. друг. текстъ) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ вездѣ двѣ формы для твор. множ., одну по типу основъ на а-, другую исконную: клевре́тами, клевре́ты (л. 105 на об.), і҆арма́ми, і҆армы̀ (л. 106 на об.), во́инами, во́ины (л. 107), ю҆ро́дами, ю҆ро́ды (ibid. на об.), дрꙋга́ми, дро́уги (л. 109 на об.), прⷪ҇ро́ками, проро́ки (л. 110) и т. д.

Такимъ образомъ, окончанiе -ами, заимствованное отъ основъ на а-, должно быть отнесено на счетъ влiянiя русскаго языка и распространилось сравнительно въ новѣйшее время. Въ языкѣ Остр. и Первоп. библiй это окончанiе весьма рѣдко.

Предложный множественнаго также представляетъ нѣсколько образованiй.

Преобладаютъ формы исконныя: трꙋдѣхъ (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ: въ скорбѣ), градѣхъ (Iерем. XXXII. 44, Остр. градѣⷯ и градѣхⷪ҇, Первоп. градѣхъ, Захар. VIII, 20, 21, Остр. гра́дѣхъ, Первоп. градѣхъ, Iезек. XXXIX. 9, Остр. градѣхъ, Первоп. градѣхъ), розѣхъ (Дан. VII. 20, Остр. ро́зѣхъ, Первоп. рѡ́зѣхъ), ѻ҆́блацѣхъ (М. XXVI. 64, М. XXIV. 30, Остр. ѻ҆блацѣхъ), во гробѣхъ (Мр. V. 3, Остр. въ гробѣхъ, Первоп. грѡ́бѣхъ), пома́сѣхъ (М. X. 9, Остр. безъ ударенiя, Первоп. по́мсѣхъ), дꙋсѣхъ (М. X. 1, Остр. дꙋсѣхⷪ҇, Первоп. дꙋсѣхъ), хо́лмѣхъ (Ос. V. 8, Остр. холмѣхⷪ҇, Первоп. холмѣхⷪ҇) и холмѣхъ (ibid. IV. 13, Остр. и Первоп. другой текстъ), велблюдѣхъ (Ис. XXX. 6, Остр. вельблюдехъ, Перв. велблꙋдѣхъ) и т. д.

Рядомъ довольно часто встрѣчаются формы съ окончанiемъ -ах (цсл. -ахъ), заимствованныхъ отъ основъ на а-: вѣса́хъ (Iерем. XXXII. 10, Остр. другой текстъ: превѣсна́хъ), кро́вахъ (ibid. 29, Остр. хра́минахъ), лꙋкахъ (1 Парал. X. 3, Остр. другой текстъ), ѻ҆сла́хъ (Ис. XXX. 6, Суд. XII. 14, Остр. др. текстъ), пра́гахъ (Исх. XII. 7. Въ Остр. и Первоп. такъ же), вѣсахъ (Лев. XIX. 35, Остр. превѣсѣⷯ, Первоп. превѣсѣхъ), въ цвѣта́хъ (3 Ездры IX. 26, Остр. оу҆цвѣтѣ), рога́хъ (Исх. XXIX. 12, Остр.

другой текстъ), рвáхъ (1 Цств. XIII. 6, Остр. др. текстъ), щитáхъ (1 Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ, но вóинахъ въ этой же главѣ), слѣдáхъ (Іов. XXXVIII. 16, Остр. друг. текстъ), горшкáхъ (Числ. XI. 8. Такъ и въ Остр. и Первоп.), жéрновахъ (Числ. XI. 8, Остр. жéрновнѣ, Первоп. жéрновахъ, М. XXIV, 41, Остр. жéрновѣ, Первоп, жéрновахъ), затвóрахъ (3 Ездры IV. 35, Остр. другой текстъ), предѣлахъ (1 Парал. VI. 54, Остр. и Первоп. предѣлехъ), всáдникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. им. мн.), ѡбрѧ́дахъ (3 Макк. II. 22, Остр. друг. текстъ), прáздникахъ (Іезек. XXXVI. 38, Остр. вин. ед.), вертéпахъ (Ис. VII. 19, Остр. друг. текстъ), йсполи́нахъ (Прем. I. Сир. XVI. 8, Остр. друг. текстъ), всáдникахъ (1 Макк. I, 17, Остр. всáдники), ѡбрѧ́дахъ (3 Макк. II, 22, Остр. друг. текстъ) и т. д.

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, формы на -ахъ встрѣчаются главнымъ образомъ въ новѣйшемъ, исправленномъ и частью вновь переведенномъ текстѣ Библіи; въ Острожской и Первопечатной онѣ гораздо рѣже.

Изрѣдка встрѣчаются и формы исконнаго предложнаго падежа мн. ч., уподобленныя въ своемъ написаніи формамъ того же падежа основъ на і-, у которыхъ стсл. **-ьхъ** должно было дать -ехъ. Разница здѣсь только на бумагѣ, такъ какъ е и ѣ въ русскомъ, а слѣдовательно и церковнославянскомъ, уже не различались другъ отъ друга въ произношеніи XVI-го вѣка. Въ Новой Библіи такихъ написаній очень немного; примѣромъ можетъ служить предѣлехъ (Второзак. XXVIII. 40, Остр. предѣлехъ, Первоп. предѣлѣхъ, ср. также 1 Парал. VI. 54; цвѣтехъ, Остр. Пѣснь II. IV. 5) и т. д.

У М. Смотрицкаго находимъ также написанія: клеврéтехъ (л. 105 на об.), ѹрóдехъ (л. 107 на об.), дрoýзѣ (л. 109 на об.), прорóцехъ (л. 110), рядомъ съ правильными на -ѣхъ; основы гáремъ (л. 106), вóинъ (л. 107), грѣхъ (л. 110), имѣютъ у него только правильныя написанія. Въ Остр. и Первоп. Б. такія написанія нерѣдки.

Относительно ударенія необходимо замѣтить, что древнѣйшее его мѣсто у основъ односложныхъ на первомъ слогѣ, т. е. на томъ слогѣ, на которомъ оно было въ именит. ед.; въ Остр. Б. грá-

дѣхъ, ро́зѣхъ, Первоп. гро́бѣхъ, дꙋ́сѣхъ; — въ Новой: градѣ́хъ, розѣ́хъ, гробѣ́хъ, дꙋсѣ́хъ. Это перенесеніе ударенія очевидно вызвано вліяніемъ русскихъ формъ: *городáхъ, рогáхъ, гробáхъ* и т. д.

Основы средняго рода на о- въ общемъ представляютъ тѣ же особенности и новообразованія, что и основы муж. рода. Единственное число ихъ не уклоняется отъ старослав. склоненія, за исключеніемъ творит. п., имѣющаго суффиксомъ -m (цсл. -мъ), вмѣсто ожидаемаго -m' (-мь=стсл. мь).

Такимъ образомъ склоненіе церковнославянскихъ основъ на о- въ единственномъ числѣ совершенно тожественно съ русскимъ склоненіемъ тѣхъ же основъ.

Им. млеко̀ (Пѣснь Пѣсн. IV. 11, Остр. мле́ко, Первоп. млеко̀), чре́во (ibid. V. 14), вино̀ (Іис. Сир. XXXI. 29. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Родит. зла́та (ibid. I. 10), сребра̀ (ibid. I. 10. Такъ и въ Остр.) и т. д.

Дат.: зе́рнꙋ (Л. XIII. 19, Остр. зернꙋ).

Винит.: зла́то, сребро̀ (Іис. Сир. XLVII. 21); зват.: ча́до (ibid. XXXVIII. 9, 16).

Творительный: вино́мъ (I. Сир. XXXI. 32. Такъ и въ Остр.), млеко́мъ (Пѣснь П. V. 1, Остр. мле́комъ, Первоп. млеко́мъ), и т. д. Своеобразная замѣна творит. ед. формой твор. двойств. имѣется въ стома̀ а҆гнцы (Быт. XXXIII. 19, Остр. стомъ, Первоп. сто́мъ), вызванномъ двѣма̀ сто́ма (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Іоа. VI. 7, Остр. сто́ма) и т. п.

Предложный: чре́вѣ (I. Сир. XL. 32), винѣ̀ (ibid. XXXI. 29), млецѣ̀ (Пѣснь П. V. 12, Остр. мле́цѣ, Первоп. млецѣ̀) и т. д.

Двойственное число уклоняется въ им. вин. зв. отъ старославянской нормы.

Вмѣсто ожидаемаго -ѣ (стсл. лѣтѣ и т. д.), мы встрѣчаемъ здѣсь -а, какъ у основъ м. р. на о-, вліяніемъ которыхъ эта форма и объясняется. Сверхъ этого такой им. вин. зв. дв. числа на -а совпадаетъ совершенно съ им. вин. зв. мн. числа, что, конечно, еще болѣе способствовало утратѣ церковнославянскихъ формъ дв. числа: два̀ лѣ́та (Дѣян. XXVIII. 30, Остр. двѣ̀ лѣтѣ, Первоп.

двѣ лѣтѣ, 4 Цств. XV. 23, Остр. род. мн. лѣтъ в҃), два̀ крила Исходъ XXXVI. Остр. и Первоп. о҃бѣ ра́мѣ; ср. Остр. б. Іезек. I. 7, легцѣ кры́лѣ, Первоп. ле́гцѣ крылѣ. Нов. лѐгка крила), два̀ стоѧла (Исх. XXVI. 19, 21, 25, Остр. двѣ стоѧлѣ, Первоп. двѣ стоѧлѣ), колѣна (Дан. V. 6, Остр. колѣни, Первоп. колѣна) и т. д. Старинная форма сохранилась въ написаніи числительнаго двѣстѣ (Быт. V. 3, 1 Цств. XV. 4), но двѣсти (Числ. II. 21, 1 Цств. XVIII. 27, XXX. 10, Остр. вездѣ выражено цифрами, Перв. Числ. II. 21, двѣстѣ, но 1 Цств. XXX. 10, двѣсти, въ остальныхъ случаяхъ цифрами), гдѣ сказалось вліяніе русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ; также у основы крило̀: крилѣ (Пс. LXVII. 14, LIV. 7, Остр. такъ же, 2 Парал. III. 11, Остр. и Первоп. кри́лѣ, 13, Остр. кры́лѣ, Первоп. крылѣ, Л. XIII. 34, Остр. крилѣ, Первоп. крилѣ, Іезек. XVI. 8, Остр. кры́лѣ, Первоп. крылѣ, Дан. VII. 4, Остр. кры́лѣ, Перв. крылѣ, но тутъ же кри́ла).

Родительный и предложный не уклоняются отъ старославянскаго: крилꙋ (предл. 2 Цств. XXII. 11, Остр. кры́лꙋ, Перв. крылꙋ, Пс. XVII. 11, Остр. крилꙋ, Первоп. крилꙋ, Пс. CIII. 3, Остр. крилꙋ, Первоп. крилꙋ, род. Пс. XVI. 8, Остр. крилꙋ, Первоп. крилꙋ, Пс. LXII, 8, Остр. крилꙋ, Первоп. крилꙋ), лѣтꙋ (род. М. II. 16, Остр. лѣтꙋ); случаи замѣны формъ двойственнаго числа формами множественнаго, разумѣется, часты: двꙋ со́тъ (Числ. III. 46. Такъ уже въ Острожской б.), лѣтъ в҃ (Остр. б. 4 Цств. XV. 23, Новая б. лѣта два̀), двоюна́десѧте лѣтъ (Л. II. 42, Остр. и Первоп. еще лѣтꙋ) и т. д.

Дательный и творительный, рядомъ съ исконными формами колѣнома (Посл. Іак. I. 1, М. XIX. 28), ц҃ртвома (1 Макк. I. 16, Остр. такъ же), крило́ма (Руѳь. II. 12, Остр. такъ же, Іезек. XXIX. 4, Остр. и Первоп. р. дв. кры́лꙋ), представляютъ и замѣну формами множественнаго числа: крилами (3 Ездры XI. 5, Остр. друг. текстъ, Іезек. I. 8: подкрилами, Остр. по҃крылꙋ) и т. д. У М. Смотрицкаго обычная дифференціація: дре́вома для дат. и ре́вамъ для твор. (л. 108). (Смотрицкій склоняетъ дре́во по типу основъ на о- безъ всякихъ слѣдовъ первичныхъ основъ на es-).

У Зизанія И. В. З. оуста̀, оустна̀, р. п. оустнꙋ, дат. оуста́ма (л. 40).

Множественное число, рядомъ съ исконными, въ общемъ хорошо сохранившимися формами, представляетъ нѣкоторыя новообразованія, обязанныя своимъ возникновеніемъ морфологической ассимиляціи.

Именит., винит. и зват. не представляетъ уклоненій отъ старославянской нормы: врата̀ (Іезек. XLVIII. 31—34, Остр. вра́та, Первоп. врата̀), стада̀ (Быт. XXIX. 2, 3, Остр. ста́да, Первоп. стада̀, Ис. XXV, 11, 10, Остр. др. текстъ), чада (М. III. 9), дрова̀ (Лев. I. 7, 8, Остр. такъ же), дѣла̀ (3 Цств. V. 16, Остр. вин. ед.) и т. д.

Удареніе Новой библіи, вызванное у нѣкоторыхъ основъ вліяніемъ русскаго языка, отличается отъ ударенія Острожской, какъ это мы уже не разъ видѣли.

Родительный множественнаго или правильно: ча̑дъ (М. XXII. 24, Быт. XLIX. 3), вра́тъ (Іезек. XL. 3, 14, 15 и т. д.) и т. д., или по типу основъ на u-: ча́да, ча́дѡвъ (Требникъ, вѣнчальный обрядъ), ꙗ҆́блокѡвъ (3 Цств. VII. 42, Остр. VI гл. другой текстъ: ши́пковъ), но ꙗ҆́блѡкъ (ibid. 18), мν́рѡвъ (2 Парал. XVI. 14. Остр. род. е.), забра́лѡвъ (Пл. Іерем. II. 7, Остр. вин. мн.).

Послѣдія формы новѣйшаго происхожденія и очень рѣдки. Въ Остр. и Первопеч. онѣ отсутствуютъ. Такъ же рѣдки формы съ развитіемъ вторичнаго гласнаго, какъ въ русскомъ: ѻ҆́конъ (3 Цств. VII. 4, Остр. ѻ҆ко̑, Первоп. ѻ҆кѡнъ).

Дательный множественнаго представляетъ двѣ формы: исконную, какъ дѣлѡ́мъ (Іерем. I. 16, Остр. дѣломъ, Первоп. дѣлѡ́мъ), ча́дѡмъ (2 Кор. VI. 13), вратѡ́мъ (3 Цств. VI. 33, Остр. вра́томъ, Первоп. вратѡ́мъ) и т. д. или образованную по типу основъ на ā-: кри́ламъ (Ис. XVIII. 1, Остр. друг. текстъ: кры́ла), ре́брамъ (Ис. XI. 5, Остр. др. текстъ: ре́бра), се́ламъ (1 Парал. VI. 54, Остр. другой текстъ), по забра́ламъ (Іерем. XLIX. 3, Остр. по забра́лахъ), нѣси́ламъ (Исх. XXXVIII, Остр. такъ же), мѣста́мъ (3 Ездры XVI. 71, Остр. дат. е.), лꙋка́вствамъ (1 Макк. XIII. 46, Остр. лꙋка́въствомъ, Первоп. -ѡмъ), дѣла́мъ (2 Макк. XI, 1,

Остр. друг. текстъ), царствамъ (3 Ездры XII. 13, Остр. цр҃тво, Первоп. цр҃ствомъ) и т. д. Послѣднія формы, какъ это видно изъ примѣровъ, внесены въ исправленный текстъ, и въ Острожской библіи еще рѣдки.

Творительный мн. представляетъ нѣсколько образованій. Встрѣчаются исконныя формы: ча́ды (Галат. IV. 25), дѣлы (2 Петр. II. 8), сты́ (1 Цств. XXX. 10, Остр. такъ же) и т. д. Рядомъ съ ними изрѣдка формы по типу основъ ср. р. на es-: дѣлесы́ (Іерем. XXXII. 19, Остр. дѣлесы, Перв. дѣлесы́; 4. Цств. XXII. 17, Остр. дѣлесы́). Въ Новой библіи довольно часты образованія по типу основъ на ā-, которыя произошли, быть можетъ, и не безъ вліянія имен. множ. на -а: о҆кнами (Іерем. XXII. 14, Остр. вин. мн.), ре́брами (Іезек. XXXIV. 21, Остр. ребры, Первоп. ре́бры), копы́тами (Іезек. XXVI. 11, Остр. слѣдо҇), врата́ми (2 Парал. VIII. 5, Остр. вин. мн. вра́та), кри́лами (3 Ездры XI. 5, Остр. др. текстъ), дѣла́ми (3 Цств. V. 16, Остр. тв. ед. 3 Ездры, IX. 7, Остр. по дѣломъ, 2. Парал. II. 18, Остр. д. мн. дѣломъ), ѹ҆ста́ми (Второз. XXIII, 23, Остр. и Первоп. ѹ҆стна́ми), ста́ми (2 Цств. XVIII. 4, Остр. и Первоп., сторицами), носи́лами (2 Пар. V. 8. Такъ же въ Остр. и Первоп.) мѣста́ми (1 Макк. XV. 29, Остр. мѣста вин. мн.), дѣла́ми (2 Макк. III. 7, Остр. богатствы), бѣдствами (тамъ же, VI. 16, Остр. друг. текстъ), стада́ми (тамъ же, XIV. 14, Остр. друг. текстъ) и т. д. Послѣднія формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка, языку Остр. и Первоп. библій почти совсѣмъ чужды и встрѣчаются главнымъ образомъ въ исправленной библіи.

Предложный множ. представляетъ такія же образованія, какъ соотвѣтствующій падежъ бывшихъ основъ м. р. на о-. Рядомъ съ исконными формами, какъ чреслѣхъ (М. III. 4, Остр. чреслѣхъ, Первоп. чреслѣхъ), но чре́слѣхъ (Іер. XIII. I, Остр. чре́слѣхъ, Первоп. такъ же), ѹ҆стѣхъ (М. XVIII. 16, Остр. ѹ҆стѣ҇, Первоп. -ѣхъ), челѣхъ (Апок. XIV. 1, Остр. челохъ, Первоп. чела́хъ), ча́дѣхъ (М. XXVII. 25, Остр. и Первоп. ча́дѣхъ), мѣстѣхъ (Іер. VIII. 3, Острожск. мѣстехъ, Первоп. мѣстѣхъ), вратѣхъ (2 Цств. XVIII. 4, Острожск. прѣвра́ты,

Первоп. предвраты), крилѣхъ (Мал. IV. 2, Остр. др. текстъ) стѣхъ (3. Ездры. VII. 28, Остр. цифры) и т. д., встрѣчаются довольно часто формы, образованныя по типу основъ на а-: челахъ (Апок. VIII. 16, Остр. челохъ, Первоп. челахъ), селахъ (Iерем. XIII. 27, Остр. села, Первоп. селахъ), стегнахъ (Лев. III. 10, Остр. стегна, Первоп. стегна), мѣстахъ (Тов. V. 5, Остр. и Первоп. другой текстъ), нѣдрахъ (Ездры XV. 55. Остр. внѧдрахъ (sic!), Первоп. внѣдрахъ), царствахъ (Второз, XXVIII. 25, Остр. цртвѣ, Первоп. цртвахъ; 3 Цств. IV. 21, Остр. и Первоп. другой текстъ), дровахъ (Лев. IV. 12, Остр. тв. мн. дровы), брашнахъ (Евр. IX. 10, Остр. и Первоп. на брашна), пiѧнствахъ (Юд. XIII. 15, Остр. и Первоп. другой текстъ: пiѧнъ), колѣнахъ (2 Цств. XIX. 9, Остр. колѣна, Первоп. колѣнахъ; Быт. XXX. 3, Остр. и Первоп. на лоно; Второз. XXVIII. 35, Остр. колѣнохъ, Первоп. колѣнахъ), кадилахъ (1 Цств. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же), езерахъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. езерехъ, Первоп. езерахъ), мѣрилахъ (Дан. V. 27, Остр. и Первоп. мѣрахъ), оубiйствахъ (Iезек. XLIII. 7, Остр. и Первоп. другой текстъ). Относительно ударенія въ склоненіи основъ ср. р. на о-можно замѣтить въ общихъ чертахъ то же, что было уже указано при разсмотрѣніи основъ м. р. Первопечатная и Новая б. представляютъ почти такое же удареніе, какое мы находимъ въ современномъ русскомъ: млеко (молоко́), млеко́мъ (молоко́мъ), млецѣ (молокѣ), стада (стада̀), дѣла́мъ (дѣла́мъ), врата́ми (ворота́ми), мѣста́хъ и т. д. Острожская же имѣетъ удареніе на второмъ съ конца слогѣ: мле́ко, мле́комъ, мле́цѣ, ста́да, дѣломъ, вра́ты и т. д. Есть ли это діалектическая особенность, свойственная въ то время западно-русскому (что, однако, мы лишены возможности провѣрить), или только черта печатнаго церковнославянскаго языка, сложившаяся даже, быть можетъ, совсѣмъ искусственно, судить трудно. Мы можемъ только констатировать это различіе удареній, которымъ объясняется нерѣдко особая акцентуація словъ, заимствованныхъ изъ церковнославянскаго въ русскій. Какое бы происхожденіе эта акцентуація ни имѣла, но она, очевидно, соблюдалась при чтеніи во время богослуженія и въ из-

вѣстныхъ случаяхъ усваивалась вмѣстѣ съ заимствованными изъ церковнославянскаго словами.

§ 15. Бывшія основы мужескаго и средняго рода на jo-. Основы эти въ своемъ склоненіи, рядомъ съ формами исконными, насчитываютъ не мало новообразованій, вызванныхъ морфологической ассимиляціей. Уподобляющими типами служили основы на o-, съ которыми основы на jo- тѣсно связаны параллелизмомъ извѣстныхъ формъ, основы на i-, благодаря совпаденію нѣкоторыхъ падежей, и основы на ā-, имѣвшія вообще широкое вліяніе рельефностью своихъ окончаній, а также и основы на u-.

Основы муж. рода. Единственное число. Именительный не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго; конечное -ь исчезаетъ, оставляя послѣ себя палатальность послѣдняго согласнаго основы: ца́рь (М. II. 3), во́ждь (ibid. 6), кр҇ти́тєль (ibid. III. 1) и т. д. Такъ какъ нѣкоторые согласные (ш, ж, ц) утратили эту палатальность въ живой рѣчи большинства русскихъ говоровъ, то въ церковнославянской графикѣ, рядомъ съ -ь, обозначавшимъ палатальность послѣдняго согласнаго основы, мы встрѣчаемъ и -ъ, обозначающее только отсутствіе палатальности: но́жъ (М. XXVI. 51, 52. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), мꙋ́жъ (М. I. 19. Такъ уже въ Остр. и Первоп.) и т. д., ко́кошъ (М. XXIII. 37, Въ Остр. и Первоп. такъ же), Ѻ҆ц҃ъ (М. XXIV. 36, Остр. ѿц҃ъ, XVIII. 35, Остр. ѿц҃ь, но Первоп. ѻ҆ц҃ъ, X. 21, Остр. ѿц҃ъ), слѣпе́цъ (М. XV. 14, Остр. слѣпєць, но Первоп. слѣпе́цъ), пи́сецъ (Неем. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), вѣне́цъ (I. Сир. XXV. 8, Остр. вѣнєцъ, Первоп. вѣне́цъ) и т. д.

Вліяніемъ западно-русскаго произношенія объясняются такія написанія, какъ ца́ръ у Зизанія (л. 35), и отнесеніе основы сѣ́веръ у него же къ одному склоненію съ ко́нь (л. 34).

Такъ какъ č въ большинствѣ русскихъ говоровъ (если не во всѣхъ) палатально, то церковнослав. графика сохраняетъ ь послѣ ч: ме́чь (1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. другой текстъ), пла́чь М. XXV. 30, Остр. плачъ, Первоп. пла́чъ, VIII. 12, Остр. и Первоп. пла́чь) и т. д. Встрѣчающееся иногда послѣ ч -ъ обязано своимъ происхожденіемъ графической ассимиляціи. У М. Смотр.

*

ѻ҇тецъ (л. 111), чва́нецъ (ib. на обор.), жре́цъ (л. 113 на об.), но мѧте́жь (л. 124), стра́жь, моу́жь (л. 123 на обор.). Послѣ ч также вездѣ ь: вра́чь (л. 131), мѐчь, кли́чь (ib. на обор.).

Родительный не представляетъ уклоненій отъ старославянскаго: царѧ̀ (М. II. 9), кр҇ти́телѧ (Мр. VI. 25), мꙋ́жа (Л. I. 34). пе́рвенца (ibid. вм. винит. II. 7) и т. д.

Дательный падежъ или правильно съ окончаніемъ -u (-ꙋ послѣ непалатальныхъ согласныхъ, -ю послѣ палатальныхъ): ц҇рю̀ (М. XXII. 2), пѣ́нѧзю (М. XX. 2. 9. 10), кораблю̀ (Дѣян. XXVII. 15), ѻ҇ц҇ꙋ (Л. I. 73), жерцꙋ̀ (Числ. XIX. 3) и т. д., или по типу основъ на u- съ окончаніемъ -ev'i (цсл. -еви): мꙋ̀жеви (I. Сир. VII. 27, Л. I. 27, 1 Цств. XXI. 8, 9, Остр. мꙋ̀жеви, Первоп. мꙋ̀жеви), ѕмі́еви (Ам. IX. 3, Остр. ѕмі́еви, Первоп. ѕмі́еви), царе́ви (Эсѳ. VI. 4, Остр. ц҇реви, Первоп. ц҇ре́ви), но мꙋ́жꙋ (ibid. 6. Такъ и въ Остр.), царю̀ (ibid. 7. Въ Остр. такъ же), вра́чеви (М. Смотр. л. 131, но рядомъ врачю̀)— все у именъ односложныхъ, означающихъ одушевленныя существа; это окончаніе имѣется еще у немногихъ основъ двухсложныхъ и многосложныхъ, какъ: вінаре́ви (Л. XIII. 7. Такъ и въ Остр.), і҆ере́еви (Мр. I. 44, Остр. і҆ере́ови, Первоп. і҆ере́ѡви), Ке́сареви (М. XXII. 17. 21, Остр. кесаре́ви, Первоп. такъ же кесаре́ви), также именъ одушевленныхъ существъ; единственное имя неодушевленное—ѻ҇лтаре́ви (1 Кор. X. 18. Въ Остр. и Первоп. такъ же), но къ ѻ҇лтарю̀ (М. V. 23); кромѣ того имена собственныя, какъ и у основъ на о-, также имѣютъ это окончаніе: Мѡѷсе́еви (Мр. IX. 5, Остр. моѵсе́ови, Первоп. мѡѵсе́ови), І҆и́леви (Іоа. I. 31, Остр. і҆и́ле́ви, Первоп. і҆и́леви), Мардохе́еви (Эсѳ. VIII. 2, Остр. и Первоп. такъ же), но Мардохе́ю (ibid. VII. 9. 10. Такъ и въ Остр.), Нѡ́еви (Быт. VIII. 15 Остр. но́еви), но Нѡ́ю (ibid. VII. 9, 15, 16, Остр. но́еви, Первоп. нѡ́еви) и т. д. Рядомъ имѣется и окончаніе -ови, какъ у основъ на о-: і҆ере́ови (М. VIII. 4. Такъ и въ Остр.), Мѡѷсе́ови (М. XVII. 4. Такъ и въ Остр.), а҆рхі҆ере́ови (М. XXVI. 57) и т. д. У М. Смотрицкаго: ѻ҇тцꙋ̀ (л. 111), чва́нцꙋ (л. 111 на об.), жерцоу̀ (л. 113 на об.), послѣ ц вездѣ ꙋ; послѣ ж однако ю: мѧте́жю (л. 124);

у основъ съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: пастырю (л. 123), свидѣтелю (л. 124 на об.), ходатаю (л. 125), ієрею (л. 126), мравію (ib. на об.), зною (л. 127 на об.), крагую (л. 128) и т. д. Примѣръ дат. на -еви только одинъ: врачеви, рядомъ съ врачю (л. 131). У Зизанія коню, рядомъ съ коневи (л. 34), ною, ієрею, рядомъ съ ноеви, ієреєви (л. 41). Ассимиляція къ основамъ на u-, конечно, происходила при посредствѣ основъ на o-, которыя имѣли больше точекъ соприкосновенія съ основами на u- и потому носятъ на себѣ болѣе многочисленные слѣды ихъ вліянія.

У основъ же на jo- это вліяніе, какъ видно изъ примѣровъ, не было особенно значительно, что естественно въ виду большаго различія, имѣвшагося между данными основами.

Винительный падежъ сохранился въ употребленіи только у именъ, означающихъ неодушевленные предметы. Синтактическая замѣна его формой родительнаго падежа проведена въ языкѣ печатныхъ книгъ почти такъ же послѣдовательно, какъ у основъ на o-. Случай сохраненія первичнаго винит. у именъ одушевленныхъ: приведше телецъ оупитанный (Л. XV. 23), но закла... тельца (ibid. 27, 30, Остр. еще закла... телецъ, Первоп. также телецъ), ѡбрящете младенца повита (Л. II. 12, Остр. ...младенець, Первоп. младенецъ), ѡбрѣтоша... младенца лежаща (ibid. 16, Остр. ...младенець, Первоп. младенецъ), роди сна своего первенца (ibid. 7, Остр. и Первоп. также первенца). Но такихъ случаевъ весьма мало; въ Остр. и Первоп. они были чаще, но во всякомъ случаѣ замѣна винит. ед. формой родит. того же числа и въ ихъ текстѣ проведена весьма послѣдовательно. Что касается окончанія винит. падежа, то онъ совершенно тожественъ въ этомъ отношеніи съ уже разсмотрѣннымъ имeнит. ед.

Звательный сохранился у большинства основъ: црю (М. XXVII. 29), оучителю (М. XIX. 16), врачꙋ (Л. IV. 23, Остр. и Первоп. врачю), но мечю (Зах. XIII. 7, Остр. др. текстъ), мꙋжꙋ (1. Кор. VII. 16, Остр. мꙋжꙋ, Порвоп. мꙋжꙋ), царю небесный оутѣшителю (изв. молитва) и т. д. Формы звательнаго на -е, какъ у основъ на o-, имѣвшіяся, напримѣръ, у стсл. **отьче, кънѧже**, цслав. Ѻ҃че (Л. X. 21, XI. 2 и т. д.) вызвали и такіе зват.

падежи, какъ крагоуе (М. См. л. 128), хотя во всѣхъ остальныхъ основахъ съ послѣднимъ -j у него имѣется -u (-ю): ходатаю (л. 125), їерею (л. 126), мравїю (ibid. на об.), зною (л. 127 на об.), любодѣю (л. 128 на об.) и т. д. Этотъ звательный падежъ имѣется также у именъ собственныхъ съ суффиксомъ -ij (-ий): Аѳанасїе, Василїе, Антωнїе и т. д. Въ послѣднихъ случаяхъ мы ожидали бы также -ю (-ju), вмѣсто котораго однако является -е (мравїй—мравїю=Василїй—Василїю).

Причина, вызвавшая здѣсь морфологическую ассимиляцію, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ обстоятельствѣ, что само по себѣ отдаленное и рѣдкое Ѽче, послужившее прототипомъ, обыкновенно стояло рядомъ: Ѽче Василїе и т. д.

Такимъ образомъ здѣсь играла роль ассоціація по смежности, ассоціація рядовая, подобная замѣчаемой у именъ числительныхъ. У Зизанія находимъ коню (л. 34).

Творительный уклоняется отъ старославянскаго: вмѣсто ожидаемаго окончанія -еm' (=стсл. -ѥмь), мы имѣемъ -æm (цсл. -емъ) съ утратой согласнымъ -m палатальности.

Гласный -æ- этого окончанія одинаково можетъ отвѣчать и стсл. -е- (-ѥ) основъ на jo-, и стсл. -ь- основъ на i-, съ которыми цслав. основы на jo- совпали въ извѣстныхъ отношеніяхъ: ножемъ (М. XXVI. 52, Остр. ноже҃, Первоп. какъ въ Новой), Ѽцемъ (М. XVIII. 14, Остр. ѿцемь, Первоп. о҃цемъ), олтаремъ (М. XXIII. 18, Остр. олтаре҃, Первоп. олтаремъ) и т. д. Такъ же у Зизанія: конемъ (л. 34). Въ нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ случаяхъ имѣется и окончаніе -омъ отъ основъ на о-: Назωреомъ (М. XXVI. 71, Остр. назореомъ, Первоп. назореомъ). Сохраненіе -о- указываетъ на отсутствіе согласнаго j.

Предложный падежъ рядомъ съ исконными формами, какъ въ раи (Л. XXIII. 43), краи (Исх. XIV. 30), во Їили (Второз. XXV. 9, 10, 1. Макк. I. 25), мѵжи (1 Цств. IV. 21, Остр. друг. текстъ), олтари (1. Макк. VI. 7) и т. д. имѣются формы новѣйшаго происхожденія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ основамъ на о-: цр҃ѣ (Ис. XXXVII. 21, Остр. цр҃и, Первоп. также цр҃и), олтарѣ (1. Макк. I. 54, Остр. на олтарь,

Первоп. олта́рь), мцѣ (ibid. 58. Такъ и въ Остр. и Первоп.), чва́нцѣ (3 Цств. XVII. 12. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), пе́рвенцѣ (Зах. XII. 10. Такъ уже въ Остр. и Первоп.), кла́дѧзѣ (Быт. XXVI. 32, Остр. и Первоп. кла́дѧзи), кораблецѣ (Прем. Сол. XIV. 6, Остр. корабльци Первоп. кора́блци) и т. д. Такимъ образомъ изъ примѣровъ видно, что окончаніе -ѣ, отъ основъ на о-, является главнымъ образомъ въ Новой Б., въ Остр. и Первоп. мы находимъ его только послѣ утратившаго палатальность ц, и то не всегда, въ другихъ же случаяхъ имѣется исконное -и. Появленіе такихъ формъ съ -ѣ объясняется русскимъ вліяніемъ, берущимъ все болѣе и болѣе верхъ надъ традиціоннымъ церковнославянскимъ матеріаломъ. Окончаніе -ѣ должно было явиться прежде всего у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, напр. у основъ съ суффиксомъ -ецъ (-æс=стсл. -ьць), что мы и видимъ дѣйствительно. У М. Смотрицкаго преобладаютъ исконныя формы на -и: па́стыри (л. 123), мѧте́жи (л. 124, NB. удареніе), свидѣтели (ib. на об.), хода́таи (л. 125 на об.), іе́реи (л. 126), мра́віи (ibid. на об.), зно́и (л. 127 на об.), крагоу́и (л. 128), врачѝ (л. 131), и т. д., но о́тцѣ (л. 111), чва́нцѣ (ib. на об.), которыя и отнесены къ одному склоненію съ грѣхъ и т. д., т. е. къ основамъ на о-.

Двойственное число отвѣчаетъ старославянскому им. вин. зв.: ры́барѧ, (М. IV. 18. И. дв.), корабла̀ (Л. V. 2, 7, вин.), двà го́рѧ (Апок. IX. 12. Им.), двà мꙋ́жа (1. Цств. X. 2. вин.), о́ба концà (Исх. XXXV. винит.), двà сосцà (Пѣснь П. IV. 5. Имен. Остр. двѣ се́сца, Первоп. двà сосцà), двà мла́да близицà (sic! ibid. имен. Остр. двѣ мла́ды близньцà, Первоп. двѣ мла́ды близицà: Опечатка или ошибка Первопеч. Б. сохранена и въ Новой) и т. д. У Зизанія конѧ̀ (л. 34), іе́рея̀ (л. 41). Родит. и предложный также не представляютъ особенностей: кораблю̀ (Л. V. 3, родит. п. Остр. кораблю, Первоп. -ю̀).

Дат. и твор. являются правильными продолжателями старославянскаго: пѣнѧзема (Твор. дв. Л. XII. 6, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго обычная дифференціація этихъ двухъ падежей: для дательнаго исконная форма, какъ па́стырема (л, 123), мѧте́жема (л. 124), свидѣтелема (л. 125), іе́реема (л. 126) и т. д., для

творительнаго форма, образованная по типу основъ на і-: па́стырьма, мѫте́жьма, свидѣтельма, і҆ере́йма и т. д. Основаній для такой дифференціаціи въ языкѣ библіи и въ этомъ случаѣ не имѣется, такъ что она должна быть признана произвольной и чисто теоретической, тѣмъ болѣе, что вообще формы двойственнаго ч. весьма рѣдко встрѣчаются. У Зизанія по типу основъ на о-: і҆ере́ома (л. 41), но коне́ма (л. 34).

Множественное число. Именительный представляетъ нѣсколько новообразованій рядомъ съ исконной формой. Примѣромъ послѣдней могутъ служить: кнѧ́зи (М. XX. 25), цари̑ (Дан. XI. 2, Остр. ц҃ри), мытари̑ (М. XXI. 32, Остр. мытаре, Первоп. мытари̑), па́стыри (Іезек. XXXIV. 8, Остр. пасты́ри, Первоп. па́стыри), свидѣтели (Прем. Сол. IV. 6, Остр. еще свѣдѣтели, Первоп. свѣдѣтели), и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, имѣется -ы: ю҆́нцы̑ (М. XXII. 4, Остр. ю́нцы, Первоп. ю҆̑нцы), концы̑ (Пс. LXVI. 8, Остр. концы, Первоп. концы̑), младе́нцы (Осія. XIV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), ку̑пцы̑ (Іезек. XXVII. 15, 17, 18, 20 и т. д., Остр. ку̑пцы, Первоп. ку̑пцы), и т. д.

Послѣ ж встрѣчается и -и: мѫте́жи (Мр. XIII. 8, Остр. и Первоп. такъ же), но му̑жы (Числ. XVI. 2, Остр. му̑жи, Первоп. му̑жи; Быт. XXIV. 54, Остр. и Первоп. му̑жи) и т. д. У М. Смотрицкаго встрѣчаемъ -и и послѣ ц: о҆тци̑ (л. 111), чва́нци (л, 112), но едва ли такія написанія указываютъ на палатальность предшествующаго согласнаго.

Рядомъ съ этими формами, сохранившими исконное образованіе, имѣются многочисленныя новообразованія по типу основъ на і-: ры́баріе (Л. V. 2, Остр. рыбаріе, Первоп. какъ въ Новой б.), па́стыріе (Іезек. XXXIV. 8. Рядомъ въ томъ же стихѣ па́стыри, Остр. въ обоихъ случаяхъ пасты́ри, Первоп. па́стыри, Л. II. 15, 20, Остр. и Первоп. такъ же па́стыріе), ц҃ріе (М. XVII. 25, Остр. и Первоп. такъ же), му̑жіе (Л. V. 18. Такъ и въ Остр. и Первоп.), законоу̑чителіе (ibid. 17, Остр. зако́но оу̑чи́теліе, Первоп. какъ въ Новой), слы́шателіе (Римл. II. 13, Остр.

и Первоп. такъ же), дѣлателіє (зват. мн. Л. XIII. 27, Остр. дѣлателіє, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Формы эти не представляютъ собой исключительнаго достоянія новаго церковнославянскаго языка печатныхъ книгъ (на это указываетъ и согласіе всѣхъ трехъ текстовъ) и имѣлись уже въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка, хотя въ гораздо меньшемъ количествѣ. Такъ же часты и формы, образованныя по типу основъ на согласный и встрѣчающіяся въ большомъ количествѣ и въ старославянскихъ памятникахъ: предáтеле (2 Тимоѳ. III. 4, Остр. и Первоп. такъ же), прелагáтае (ibid. 3, Остр. и Первоп. прелагáтае), лжесвидѣтеле (1. Коринѳ. XV. 15, Остр. лже свѣдѣтеле, Первоп. лжѐ свѣдѣтеле), ругáтеле (2. Петра III. 3. Въ Остр. -е, Первоп. -е), но ругáтели (Іуды I. 18, Остр. ругáтеле, Первоп. -е), свидѣтели (1 Сол. II. 10, Остр. свѣдѣтеле, Первоп. свѣдѣтеле), мрáвіє (Притчи XXX. 25, Остр. мравіи, Первоп. мрáвіи), фарісѐе (М. XIX. 3, Остр. фарисѐе, Первоп. какъ въ Новой), Іудѐе (І. X. 31, Остр. йоудѐе, Первоп. какъ въ Новой), Архіерѐе (М. XXVI. 59, Остр. архіерее, Первоп. архіерѐе) и т. д. М. Смотрицкій пользуется существованіемъ этихъ параллельныхъ формъ для попытки дифференцировать по формѣ именительный и звательный множ. ч. Такъ находимъ у него им. мн. любодѣе, рядомъ съ зват. любодѣи (л. 129) и наоборотъ им. мн. ходáтаи, но зв. ходáтае (л. 125 на об.), Им. мн. древодѣле, -и и зват. только древодѣле (л. 129 на об.). Въ другихъ же случаяхъ эта дифференція не проведена, и мы встрѣчаемъ им. и зв. пáстыріє, пáстыри (л. 123 на об.); мятѐжіє, мятѐже (л. 124); свидѣтеліє, -ле (л. 125); іерѐи (л. 126), мрáвіє (л. 127), знóи. Такимъ образомъ попытка дифференцировать данные падежи является у М. Смотрицкаго вполнѣ случайной и непослѣдовательной.

Рядомъ съ вышеприведенными формами, имѣется значительное число образованій по типу основъ на ĭ-. Посредствующимъ звеномъ въ этой морфологической ассимиляціи служили очевидно основы на о-, подвергшіяся ей непосредственно. И у основъ на jо- играетъ важную роль односложность основы, которая сближала ихъ съ основами на ĭ- и односложными на о-.

Собственно именительный множественнаго на -єѵ'ѳ (цсл. -єве = *-jове) рѣже, чѣмъ родительный множ. по типу основъ на u-; примѣрами могутъ служить: ѥ҆же́ве (Софон. II. 14, Остр. ѥ҆жи, Первоп. ѥ҆жи́, Ис. XIII. 22, Остр. ѥ҆же́ве, Первоп. ѥ҆жє́ве), си́плеве (Іоиль. I. 4. Такъ и въ Остр. и Первоп.), вра́чеве (Ис. XXVI. 14. Такъ въ Остр. и Первоп., Іов. XIII. 4, Остр. и Первоп. такъ же), дожде́ве (Притчи XXV. 14, Остр. дождеве, Первоп. дожде́ве), у М. Смотр. вра́чеве (л. 131 им. и зв.), жерце́ве (и жерци́, л. 114); у двухсложныхъ основъ: вра́біеве (Притчи XXVI. 2, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. У Зизанія рядомъ съ „правильной" формой кѡ́ни имѣемъ и вторичную кѡ́нѣ, объясняющуюся, вѣроятно, вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія (л. 34 на об.).

Родительный множественнаго представляетъ три формы: исконную основъ на jo-, образованіе по типу основъ на i- и образованіе по типу основъ на u-. Примѣрами первой формы могутъ служить: пѣ́нѧзь (М. XVIII. 28, Остр. пѣнѧѕь, Первоп. пѣ́нѧзь), лꙋ́чь (Прем. Сол. II. 4, Остр. лꙋ́чъ, Первоп. лꙋ́чъ), фарїсе́й (М. V. 20, Остр. фарисеи, Первоп. какъ въ Новой), а҆рхїере́й (М. XVI. 21, Остр. а҆рхїере́и, Первоп. какъ въ Новой), младе́нецъ (М. XXI. 16, Остр. младе́нець, Первоп. младе́нецъ), ста́рецъ (М. XVI. 21, Остр. старецъ, Первоп. какъ въ Новой), коне́цъ (М. XXIV. 31, Остр. коне́цъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -ъ послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ свидѣтельствуютъ объ утратѣ палатальности этими послѣдними.

Образованія по типу основъ на i- у основъ односложныхъ: царе́й (Іис. Сир. XLV. 3, Остр. другой текстъ, Апок. XVII. 12, Остр. еще ц҃рь, Первоп. ц҃ре́й), мꙋже́й (Мр. VI. 44, Остр. мꙋ́жїи, Первоп. мꙋ́жїй), ко́ней (Второз. XVII. 16, Остр. и Первоп. ко́нь; 1 Ездры. II. 66, Остр. конїи, Первоп. ко́нїй; Апок. IX. 19, Остр. другой текстъ), кнѧзе́й (1 Ездры. II. 68, Остр. кнѧѕїи, Первоп. кнѧзе́й) и т. д.; у основъ двухъ -и многосложныхъ: конце́й (Пс. LXIV. 6, Остр. и Первоп. дат. мн.), па́стырей (Л. II. 18, Остр. па́стырїи, Первоп. па́стырїй), мѣ́сѧцей (м҃цей Апок. IX. 5, Остр. м҃ць, Первоп. м҃цъ), но м҃цъ (ib. 10, Остр. м҃ць, Первоп. м҃цъ), корабле́й (Апок. VIII. 9, Остр. кораблей, Первоп. корабле́й), свидѣтелей (М. XXVI.

65, Остр. свѣдѣтелїи, Первоп. свидѣтелей) и т. д. У Зизанія кѡнь рядомъ съ кѡнїй (л. 34 на об.). Первично такія образованія очевидно имѣлись у основъ односложныхъ (большая часть основъ на і- въ церковнославянскомъ также стала односложной) и отъ нихъ распространились на основы двухъ -и многосложныя. У М. Смотрицкаго находимъ обыкновенно двѣ формы рядомъ—исконную и вторичную: пáстырей и пáстырь (л. 124 на об.), мѧтéжей и мѧтéжь (л. 124), свидѣтелей и -тель (л. 125), древодѣлей и -дѣль (л. 129 на об.), или одну исконную: ходáтай (л. 125 на об.), їерéй (л. 126), мрáвїи (л. 127), знѡ́й (ib. на об.), крагоу́й (л. 128 на об.), любодѣ́й (л. 129).

Образованія по типу основъ на u-, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣчаются чаще всего у основъ односложныхъ и двухсложныхъ или у сложеній, второй членъ которыхъ составляетъ основа одно- или двухсложная: крáєвъ (1 Макк. I. 3, Остр. другой текстъ, Ис. XLIII. 6, Остр. крáи, Первоп. врáй) и краéвъ (Быт. XLVII. 21, Остр. ед. ч.), врачéвъ (Мр. V. 26, Остр. врачѐ. Первоп. какъ въ Новой), вѡ́евъ (2 Парал. XVI. 4, Остр. д. мн. вóємъ), ѕмїéвъ (Прем. Сол. XVI. 10, Остр. другой текстъ), жерцéвъ (М. Смотр. л. 114) и жерцѡ́въ (2 Парал. V. 12, Остр. жерцóвъ, Первоп. какъ въ Новой; Лев. XIII. 2, Остр. другой текстъ) и т. д. Основы двухсложныя: стрѣлцéвъ (2 Пар. XIV. 8, Остр. стрѣлцевъ, Первоп. какъ въ Новой), птенцéвъ (Лев. XIV. 30, Остр. другой текстъ), пешцéвъ (Іис. Сир. XVI. 11, Остр. пѣшецъ, Первоп. пѣшéцъ), кȣпцéвъ (Іис. Сир. XLII. 5, Остр. другой текстъ) и кȣпцѡ́въ (2 Пар. IX. 14, Остр. кȣпцóвъ, Первоп. какъ въ Новой), вѣнцéвъ (2 Пар. IV. 13, Остр. другой текстъ), но звонцѡ́въ (ib. Остр. звóнъковъ), ѻ҆цéвъ (Зах. I. 6, родит. вм. винит. Остр. винит. ѿца, Первоп. ѻ҆тцы, Быт. XLVI. 3, Остр. ѡцъ, Первоп. ѻ҆цъ), но ю҆нцѡ́въ, а҆́гнцѡвъ (Ис. I. 11, Остр. другой текстъ), мѣ́сѧцевъ (Ам. IV. 7, Остр. тв. мн.) и т. д. Сложенія: прелюбодѣ́евъ (Ис. LVII. 3, Остр. р. ед.), пришéлцѡвъ (2 Парал. XV. 9, род. вм. вин. Остр. винит. мн.) и пришéлцевъ (Лев. XX, 2, Остр. пришéлецъ, Первоп. пришéлецъ), ѻ҆бычáевъ (Дѣян. XXVI. 3, Остр. д. мн.), ѕлодѣ́евъ (р. вм. вин.

1. Петра II. 12, Остр. д. мн.), кровопі́йцевъ и ѻ҆у́тробоꙗ́дцѡвъ, но чадоу̑бі́йцъ (род. вм. вин. Прем. Сол. XII. 5, Остр. кровопі́йцевъ, ѻу́тробоꙗ́дцовъ, чадооубі́ец, Первоп. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ чадоу̑бі́ецъ) и т. д. У Зизанія по типу основъ на u-: і҆ере́ѡвъ (л. 41).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что въ Остр. и Первопечатной библіяхъ окончаніе -евъ (-овъ или -ѡвъ послѣ непалатальнаго ц) встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. Послѣ ц, утратившаго палатальность, имѣется въ Новой нерѣдко о (ѡ), которое, однако, нельзя разсматривать, какъ происшедшее изъ є (ср. русск. веду, вёлъ) въ виду случаевъ въ родѣ прише́лцѡвъ и т. д., гдѣ нѣтъ ударенія на є. Появленіе о послѣ ц, замѣчаемое уже въ Остр. б., объясняется морфологически: полнымъ совпаденіемъ такихъ основъ на jo-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ палатальность, съ основами на o-.

Дательный множественнаго въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ исконную форму; окончаніемъ служитъ -ѥm (цсл. -емъ = стсл. -емъ, -ѥмъ): тѧжа́телемъ (Мр. XII. 1), му̑чи́телемъ (М. XVIII. 34), му̑же́мъ (Іерем. XI. 2, Остр. му̑жемъ, Первоп. какъ въ Новой), ста́рцемъ (М. XXVII. 3), і҆ере́емъ (М. XII. 4), а҆рхїере́емъ (М. XXVII. 3) и т. д. Рядомъ у основъ иностранныхъ съ послѣднимъ согласнымъ j- встрѣчается и окончаніе -om (цсл. -ѡмъ) отъ основъ на o-: І҆у̑де́ѡмъ (І. XVIII. 36, Остр. і҆оу̑де́омъ, Первоп. і҆у̑де́ѡмъ), фарїсе́ѡмъ (М. XXII. 41, Остр. фарїсе́ѡ, Первоп. какъ въ Новой), а҆рхїере́ѡмъ (Мр. X. 33, Остр. а҆рхїере́ѡмъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

Изрѣдка встрѣчаются и образованія по типу основъ на a-: чкниго́чїѧмъ (І. Нав. І. 10, Остр. книгочі́ѧмъ, Первоп. книгі́ѧмъ), сосца́мъ (2 Макк. VI. 10, Остр. со́сцамъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.

У М. Смотрицкаго преобладаетъ правильная форма: ѻ҆тце́мъ (л. 111 на об.), чва́нцемъ (л. 112), па́стыремъ (л. 123 на об.), мѧте́жемъ (л. 124), свидѣ́телемъ (л. 125), хода́таемъ (л. 125 на об.), і҆ере́емъ (л. 126 на об.) и т. д. Рядомъ съ правильнымъ д. мн. жерце́мъ встрѣчаемъ у него своеобразную форму жер-

цѣвемъ (л. 114), представляющую собой результатъ контаминаціи правильной формы съ вторичной формой дат. мн. основъ на u-, какъ сыновѡмъ (см. выше стр. 188—189).

У Зизанія кѡнемъ, сѣверемъ (sic!): л. 34 на об.; іереѡ (л. 41) по типу основъ на о-.

Винительный множ. Правильная форма съ а=стсл. ѧ сохранилась только въ рѣдкихъ остаткахъ: вѡѧ своѧ (М. XXII. 7, 2 Макк. XII. 20, 38, Остр. воѧ своѧ), кошѧ (М. XIV. 20, Остр. такъ же), жребіѧ (Іоа. XIX. 24. Л. XXIII. 34, М. XXVII. 35, Остр. жребіа), у М. Смотр. мравіѧ (л. 127) и т. д.

Изрѣдка встрѣчается синтактическая замѣна винит. мн. формой родит. мн.: ѕміевъ (Числ. XXI. 6, Остр. ѕміа, Первоп. ѕміѧ), но ѕмій (ib. 7, Остр. и Первоп. ѕміѧ), пастырей (Іер. XXII. 22, Остр. им. мн.), выше были уже приведены случаи ѿцевъ (Зах. I. 6). пришелцѡвъ (2 Парал. XV. 9, Остр. пришелцы, Первоп. пришелцы), вѡевъ (Іерем. LI. 28). Какъ и въ единственномъ, замѣна эта имѣетъ мѣсто у именъ одушевленныхъ, но проведена далеко не такъ послѣдовательно. Въ большинствѣ случаевъ мы находимъ винит. мн., образованный по типу винит. мн. основъ муж. р. на о-; при этомъ -ы остается только послѣ согласныхъ, утратившихъ свою палатальность, во всѣхъ же прочихъ случаяхъ измѣняется въ -и подъ вліяніемъ предыдущаго палатальнаго согласнаго. Такимъ образомъ винительный въ этихъ случаяхъ становится вполнѣ тожественнымъ съ именительнымъ множественнаго. Основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ: кнзи (Эсѳ. I. 16. Остр. кнѧзѧ, Первоп. кнѧзи), кони (Іерем. L. 37, Остр. конѧ, Первоп. кѡни, LI. 27, Остр. конѧ, но рядомъ вои, Остр. вѡи, кѡни), цари (Іис. Сир. XLVIII. 6, 8, Остр. и Первоп. црѧ, что можетъ быть и род. ед.). саддукеи (М. XXII. 34, Остр. садукеѧ, Первоп. саддукеѧ), родители (Прем. Сол. IV. 6, Остр. родители), ѻлтари (2 Парал. XXXII. 12, Остр. олтари, Первоп. олтари), кладѧзи (Быт. XXVI. 18, Остр. кладѧзѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Основы съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность: мужы (Быт. XIV. 21, Остр. мужа, Первоп. мужы, Іерем. XXIX. 6, Остр. мужа, Первоп.

какъ въ Новой), мѣсѧцы (М. XVII. 15, Остр. мцѧ, Первоп. мцы, Л. I. 56, Остр. мца, Первоп. мѣсецы *) и т. д. У Зизанія винит. множ.=именит. мн.: кѡни и кѡнѣ (л. 34 на обор).

Какъ видно изъ послѣднихъ примѣровъ, правильная форма винит. мн. на -а (-ѧ) преобладала въ Остр. библіи; въ Первопечатной также встрѣчалась значительно чаще, чѣмъ въ Новой, гдѣ вліяніе русской рѣчи вытѣснило старинную форму.

Въ творительномъ множ. ч. встрѣчаемъ нѣсколько образованій. Исконная форма имѣется въ большомъ количествѣ случаевъ: цари (Мр. XIII. 9), мытари (М. IX. 11), свидѣтели (2 Тимоѳ. II. 2), фарісеи (М. XXVII. 41) и т. д. Послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, находимъ -ы: старцы (М. XXVII. 41), ѿтцы (3 Цств. XIV. 31); у М. Смотр. ѻтцы (но именит. ѻтци; л. 111), чванцы (л. 112, но им. и зв. чванци подъ вліяніемъ другихъ формъ имен. множ., гдѣ -и стояло послѣ палатальныхъ согласныхъ), жерцы (именит. и зв. опять жерци л. 114); послѣ ж встрѣчаемъ однако -и: мѧтежи (л. 124 на об.).

Рядомъ имѣются образованія по типу основъ на і- прежде всего у основъ односложныхъ: конми (Ос. I. 7, Остр. коньми, Первоп. такъ же), цармі (3 Цств. IV. 24, Остр. другой текстъ Дѣян. IX. 15, Остр. царьми, Первоп. црьми), бичмі (3 Цств. XVIII, 28, Остр. бичми, Первоп. бичмі), мужмі (Притчи XXII. 29, Остр. и Первоп. твор. ед. 2 Цств. XIX. 16, Остр. мужъми, Первоп. какъ въ Новой), мечмі (Эсѳ. III. 13, Остр. еще мечи, Первоп. мечи) и т. д. У основъ двусложныхъ: жителми (Іерем. L. 34, Остр. и Первоп. жители), жателми (1 Цств. VIII. 12, Остр. и Первоп. такъ же), пастырми (Іер. III. 1, Остр. и Первоп. другой текстъ) и т. д. У М. Смотрицкаго пастырми (л. 123 на об.), мѧтежьми (л. 124 на об.), свидѣтельми (л. 125), ходатайми (л. 125 на об.), іерейми (л. 126 на обор.), муравіими (л. 127), зноими (л. 128), крагуими (л. 128 на обор.), любодѣйми (л. 129), древодѣльми (ib. на об.), врачмі (л. 131 на обор.), рядомъ

*) Характерное написаніе, свидѣтельствующее о вліяніи русскаго произношенія неударенныхъ гласныхъ.

съ исконными формами па́стыри, мѫте́жи, врачѝ и т. д. У Зизанія ко́нми, се́верми (л. 34 на обор.), і̂ере́ми (л. 41). Подобныя формы встрѣчаются, какъ видно изъ цитатъ, уже въ Остр. библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой. Уподобляющимъ типомъ, кромѣ односложныхъ основъ на і-, служили несомнѣнно и основы на u-, также односложныя, у которыхъ твор. множ., вслѣдствіе исчезновенія ъ, являлся почти вполнѣ сходнымъ съ твор. множ. основъ на і-, гдѣ также исчезло ь-, въ извѣстныхъ случаяхъ оставившее послѣ себя палатальность предшествующаго согласнаго.

Кромѣ того имѣется (уже и въ Острожской) извѣстное количество образованій по типу основъ на ā- (вліяніе русское): ножа́ми (3 Цств. XVIII. 28, Остр. но́жи, Первоп. ножи́), во́жми (3 Цств. XVI. 16. Такъ и въ Остр. и Первоп.), птенца́мп (Притчи XXIV. 22, Остр. дат. мн. пте́нца̑), ключа́ми (1 Парал. IX. 27, Остр. другой текстъ), волчца́ми (Суд. VIII. 7, Остр. другой текстъ), дождми (Прем. Сол. XVI. 16, Остр. дожами, Первоп. дожда́ми), бича́ми (2 Макк. VII. 1, Остр. и Первоп. такъ же), кораблми (1 Макк. VIII. 26, Остр. другой текстъ), ѱалти́рми (2 Парал. XX. 28, Остр. ѱалтырми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго: о̑тца́ми || о̑тцы̀ (л. 111 на об.), чва́нцами (л. 112), жерца́ми (л. 114).

Предложный множ. утратилъ совершенно исконную форму, вмѣсто которой встрѣчаемъ различныя новообразованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ разнымъ другимъ основамъ. Всего чаще образованія по типу основъ на о-: царе́хъ (Суд. VIII. 26, Остр. еще правильно црихъ, Перв. уже царе́хъ, Апок. X. 11, Остр. цр҃ехъ, Первоп. цр҃е́хъ, 3 Цств. III. 13, Остр. цр҃ехъ, Первоп. цр҃е́хъ), ко́нехъ (Исх. XIV. 17, 18, Остр. и Первоп. такъ же, но рядомъ во́ехъ; Іезек. XXIII. 6, Остр. конехъ, Первоп. ко́нехъ, 4 Цств. V. 9, Остр. ко́нехъ, Первоп. ко́нехъ), жерце́хъ (Лев. VI. 29, Остр. жерце́хъ, Первоп. жерце́хъ, ib. XVI. 33, Остр. жреце́хъ, Первоп. жреце́хъ), мц҃е́хъ (Дан. IV. 26, Остр. другой текстъ), пришельце́хъ (Исх. XII. 19, Остр. пришельце́хъ, Первоп. какъ въ Новой), ко́коше́хъ (Притчи XXX. 31, Остр. кокошехъ, Первоп. какъ въ Новой), птенце́хъ (Второзак. XXII. 6, Остр. птенце̑, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Вслѣдствіе тождества

церковнославянскихъ ѣ и є=æ (respective є) *), это окончаніе обозначается въ церковнославянской графикѣ и посредствомъ -єхъ, въ чемъ можно видѣть графическую ассимиляцію къ основамъ на і- (съ стсл. ь=є): дождє́хъ (Прем. Сол. XVI. 22, Остр. дождѣхъ, Первоп. дождѣхъ), ко́нєхъ (Апок. XIX. 14. Такъ и въ Остр. конєхъ, Ис. XXX. 16, Остр. дат. мн., Эккл. X. 7, Остр. конѣ, Первоп. ко́нєхъ), кра́єхъ (Исх. XXVI. 19, Остр. другой текстъ), мꙋжє́хъ (1 Цств. XVII. 12, Остр. и Первоп. такъ же, Римл. I. 27, Остр. мꙋжєхъ, Первоп. мꙋжѣхъ, 1 Парал. XIX. 5, Остр. другой текстъ), пѣвцє́хъ (Неем. XII. 46, Остр. другой текстъ), свидѣтєлєхъ (Евр. X. 28, Остр. другой текстъ), корабле́хъ (Ис. XLIII. 14, Остр. кораблѣ, Первоп. корабле́хъ, Апок. XVIII. 17, Остр. кораблѣ), жи́тєлєхъ (Исх. XII. 19, но тутъ же пришє́лцѣхъ, Остр. другой текстъ), ѻ҆бы́чаєхъ (Дѣян. XXI. 21, Остр. дат. мн.), І҆ꙋдє́єхъ (М. XXVIII. 15, Остр. ї҆оу̑дє́єхъ, Первоп. ї҆ꙋдє́єхъ, Іоа. X. 19, Остр. ї҆оу̑дє́єхъ, Первоп. ї҆ꙋдє́єхъ), Галїлєєхъ (Л. XIII. 1. Остр. галилє́ихъ, Первоп. галїлє́єхъ) и т. д.

Образованія по типу основъ на ā-: конца́хъ (Притчи XVII. 24, Остр. кѡ҃ци, Первоп. уже конца́хъ, Псал. LXIV. 9, Остр. концы, Первоп. конца́хъ), кра́ѧхъ (Второз. XXII. 12, Остр. и Первоп. кра́єхъ), мꙋжа́хъ (2 Цств. XVII. 12, Остр. другой текстъ), корабла́хъ (Пс. CVI. 23, Остр. кораблӣ, Первоп. какъ въ Новой, Второз. XXVIII. 68, Остр. предл. ед., 3 Цств. XXII. 49, Остр. другой текстъ, Ис. XI. 14, Остр. кораблихъ, Первоп. корабли́хъ) и т. д.

Послѣднія образованія свойственны главнымъ образомъ языку Новой, исправленной библіи, но появляются уже въ Первопечатной; въ Острожской ихъ еще нѣтъ, а вмѣсто ихъ находимъ или исконныя формы, совсѣмъ исчезнувшія изъ языка Новой, или образованія по типу основъ на і- (о-).

Образованія по типу основъ на о- (съ -ѣхъ) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, хотя и не такъ часто, какъ въ Новой.

---

*) Такъ обозначаются широкое е (æ) передъ непалатальными согласными и узкое (є) передъ палатальными.

Уже a priori можно было предположить, что они должны были явиться прежде всего у такихъ основъ, которыя, въ силу утраты послѣдними ихъ согласными палатальности, стали чувствоваться совершенно тожественными съ основами на о-. Въ самомъ дѣлѣ окончаніе -ѣхъ у основъ на jo- въ Острожской Библіи имѣется именно у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность (ц, ж): жерцѣхъ, жрецѣхъ, пришельцѣхъ, птенцѣ(х), мѹжѣхъ; отъ этихъ основъ окончаніе стало распространяться и на другія основы на jo-, но въ очень рѣдкихъ случахъ: конѣхъ (Исх. XIV. 17, 18), дождѣхъ (Прем. Сол. XVI. 22) и т. д.

Въ большинствѣ же случаевъ мы находимъ или правильную форму црихъ, галилеихъ, коцѝ, концы, кораблѝ (рѣже), или окончаніе -ехъ: црехъ, воехъ, конехъ, кокошехъ, мѹжехъ, кораблехъ, їоудеехъ, краехъ и т. д. (чаще).

У М. Смотрицкаго образованія по типу основъ на о- имѣются въ незначительномъ количествѣ случаевъ: чванцѣхъ (л. 112), врачѣхъ (л. 131 на обор.); въ остальныхъ же случаяхъ только -ехъ: ѿцехъ (л. 111 на об.), жерцехъ (л. 114), пастырехъ (л. 123 на обор.), мѧтежехъ (л. 124 на об.), свидѣтелехъ (л. 125), ходатаехъ (л. 125 на об.), їереехъ (л. 126 на об.), мравїехъ (л. 127), зноехъ (л. 128), крагѹехъ (ibid. на об.), любодѣехъ (л. 129), древодѣлехъ (ibid. на обор.). Образованій по типу основъ на а- у него не встрѣчаемъ. У Зизанія кѡнехъ и сѣверѧхъ, по типу основъ на а- (л. 34 на об.), но їереѡ̀ по типу основъ на о-, рядомъ съ їерей (л. 41). Основа вождь идетъ въ большинствѣ своихъ формъ по типу основъ на о-: р. ед. вожда (3 Цств. XIV. 7, вм. вин. Остр. вожда, Первоп. какъ въ Новой, 1 Парал. V. 2, Остр. друг. текстъ: им. ед. вождъ, Первоп. вождь, Дан. III. 38, Остр. вожда, Первоп. какъ въ Новой), д. ед. вождѹ (4 Цств. XX. 5, Остр. и Первоп. вождѹ), твор. ед. вождомъ (1 Макк. XIV. 41, Остр. вин. ед. вожда=р. ед.), р. множ. вождѡвъ (1 Макк. IX. 53, Остр. вождеи, Первоп. вождей), вин. множ. вожды (2 Пар. V. 2, Остр. р. мн.=вин. вожовъ, Первоп. вожѡвъ) и т. д.

Рядомъ встрѣчаются и правильныя формы: тв. ед. вождемъ (2 Парал. VI. 5, Остр. другой текстъ).

Основы средняго рода на jo- въ единственномъ числѣ представляютъ незначительныя уклоненія отъ старославянскаго, что замѣчается и въ русскомъ склоненіи этихъ основъ. Уклоненіе отъ старославянскаго имѣется только въ творительномъ единств., гдѣ, какъ и вездѣ, въ окончаніи находимъ -m (-мъ), вмѣсто m', котораго мы ожидали бы въ виду старослав. -мь: срцемъ (М. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же).

Въ предложномъ падежѣ, рядомъ съ исконными формами: поли (Іер. XXXIX. 5), мори (Мр. I. 16), сѫдищи (М. XXVII. 19, Остр. сѫдищи, Первоп. сѫдищи), сѣдалищи (М. XXIII. 2), ложи (Іис. Сир. XL. 5) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка у основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, образованія по типу основъ на о-: въ срцѣ (М. V. 28, Остр. срци, Первоп. срцы), сердцѣ (Мр. XI. 23, Остр. срцы, Первоп. такъ же), лицѣ (2 Цств. XIV. 22, Остр. лицы, Первоп. такъ же).

У исконныхъ формъ послѣ ц встрѣчаемъ ы, что свидѣтельствуетъ о непалатальности согласнаго: лицы (Быт. XVII. 3, Остр. и Первоп. такъ же, 1 Цств. XVII. 49, Остр. и Первоп. такъ же), срцы (М. XII. 40, Остр. срци, Первоп. срцы) и т. д. Написанія Острожской библіи съ -и объясняются остатками старославянской ороографіи, такъ какъ параллельныя написанія съ -ы указываютъ уже на непалатальность ц. Въ Первопечатной библіи уже преобладаетъ -ы. Окончаніе -ѣ отъ основъ на о- свойственно Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной находимъ только исконныя формы. У М. Смотрицкаго сердци (л. 112 на об.), единственный примѣръ. У Зизанія мори, спсеніи (л. 34 на об.).

Двойственное число им. вин. и зв., какъ у основъ на о-, представляетъ форму, тожественную съ им. вин. зв. множественнаго: два горѧ (Апок. IX. 12, им. дв., Остр. два горѧ, Первоп. какъ въ Новой), сердца (М. Смотр. л. 112 на об.), знаменіѧ (л. 130), вмѣсто *гори, *сердцы (стсл. поли). Остальныя формы двойственнаго числа въ текстѣ Библіи почти не встрѣчаются; род. и пр. у Смотрицкаго совпадаетъ съ исконной формой—сердцу (л. 112 на обор.), знаменію (л.130), плещу (предложный Быт. XLIX. 8); въ дат. и твор. находимъ у него обычную дифференціацію: дат. пра-

вильно—сердцема, твор. по типу основъ на ā-: сердцама (л. 112 на об.), дат. знаменіема (л. 130) и твор. по типу основъ на і-: знаменьма. Послѣдняя форма возникла очевидно подъ вліяніемъ такого творительнаго множ., какъ творенми, благодаренми, знаменми и т. д. (см. ниже). Аналогичное образованіе представляетъ плещма (Пс. ХС. 4. Остр. плещма, Первоп. какъ въ новой).

Множественное число. Падежи именительный и винительный не уклоняются отъ старославянскаго: поля (Ис. XVI. 8), сердца (М. Смотр. л. 112 на об.), знаменія (ibid. л. 130) и т. д.

Родительный или правильно: поль (Быт. XLI. 48), морь (вм. род. дв. Юд. I. 12, Остр. другой текстъ), или съ нѣкоторыми общими вышеуказанными фонетическими особенностями: сердецъ (М. См. л. 112 на об., М. XVIII. 35, Остр. уже срдцъ)— стсл. срьдьць и т. д. Написанія сокровищъ (М. VI. 19, Остр. съкровищь, Первоп. какъ въ Новой), козлищъ (М. XXV. 32, Остр. еще козлищь, Первоп. козлищь) представляютъ собой продукты графической ассимиляціи къ написаніемъ сердецъ и т. д., гдѣ согласный уже утратилъ палатальность. Въ Новой библіи написанія съ ъ послѣ щ проведены послѣдовательно; въ Острожской встрѣчаются и правильныя съ -ь. У Зизанія форма моръ объясняется вліяніемъ западнорусскаго произношенія; рядомъ имѣется спсеній (л. 35).

Дательный множеств., рядомъ съ немногочисленными правильными формами, какъ, напр. помышленіемъ (Евр. IV. 12, Остр. помышленіемъ, Первоп. какъ въ Остр.), представляетъ частыя образованія по типу основъ на ā-: лицамъ (Аввак. I. 9, Остр. др. текстъ, Іов. XXXIV. 19, Остр. лицемъ, Первоп. лицемъ), ложамъ (Юд. XIII. 1, Остр. друг. текстъ), капищамъ (3 Макк. III. 11, Остр. друг. текстъ—жерцемъ, Первоп. жерцемъ), селеніямъ (Іерем. XXIII. 3, Остр. селеніемъ, Первоп. селеніемъ), дѣяніямъ, помышленіямъ (Іис. Сир. XXXV. 21, Остр. дат. ед.), періямъ (3 Ездры XI. 7, Остр. періемъ, Первоп. періемъ), беззаконіямъ (Іезек. XXXIX. 24), перійцамъ (3 Ездры XI. 24, Остр. другой текстъ); у М. Смотрицкаго находимъ сердцамъ (л. 112), но знаменіемъ (л. 130). Какъ и у прочихъ основъ вторич-

ный дательный множ. по типу основъ на а̄- составляетъ принадлежность главнымъ образомъ исправленной библіи; въ Острожской и даже Первопечатной на мѣстѣ вторичныхъ формъ Новой находимъ исконныя.

У Зизанія находимъ, рядомъ съ правильной формой мѡ́рѣ, и вторичную по типу основъ на а̄-: мѡ́рѧмъ, спсе́ніѧ̑, и совсѣмъ небывалую спсе́ніѡ̑ по типу основъ на о- (л. 35).

Винительный тожественъ съ именительнымъ. Исключеніе составляютъ формы винит. множ. плєщи̏ (Быт. XXI. 14, Остр. и Первоп. такъ же; Ис. L. 6, Остр. другой текстъ), плєщы̏ (1 Цств. X. 9, Остр. другой текстъ; Ис. LI. 23. Остр. плє́щи, Первоп. плєщи̏), образованныя по типу основъ муж. р. на о- (или женскаго на а̄-?).

Творительный представляетъ нѣсколько образованій: 1) формы исконныя: помышлє́нїи (Римл. I. 21), зна́мєнїи (Дѣянія II. 22, М. Смотр. л. 130); послѣ согласныхъ, утратившихъ палатальность, -ы: сєрдцы̏ (М. Смотр. л. 112 на об.); 2) по типу основъ на а̄-: лицами (Прем. Сол. XVII. 4, Остр. друг. текстъ), оу̑жами (Iерем. XXXVIII. 6, 13, Остр. ю́жи и оу́жи, Первоп. оу̑жи), мора́ми (Дан. XI. 45, Остр. твор. дв. мо́рєма, Первоп. такъ же), плєща́ми (Iезек. XXXIV. 21, Остр. такъ же), ко́пїѧми (1. Парал. XII. 34, Остр. другой текстъ), видѣ́нїѧми (Iов. VII, 14, Остр. твор. ед), со́нїѧми (ibid. Остр. такъ же), и̑зва́нїѧми (Iис. Сир. XLV. 13, Остр. другой текстъ и̑стꙋка́нїємъ), нєчє́стїѧми (Осія XI. 12, Остр. другой текстъ), врє́тищами (Iерем. XLIX. 3, Остр. твор. ед.), звизда́нїѧми (Прем. Сол. XVII. 9, Остр. другой текстъ), помышлє́нїѧми (Iез. XIV. 5, Остр. тв. ед.), страши́лищами (ibid. 3, Остр. другой текстъ), подгра́дїѧми (1 Парал. VI. 67, 68, Остр. такъ же), ср҃ца́ми (М. Смотр. л. 112 (на об.) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, это новообразованіе свойственно главнымъ образомъ Новой библіи; въ Острожской и Первопечатной оно встрѣчается только изрѣдка; 3) образованія по типу основъ на i-: зна́мєнми (Мр. XVI. 20, Остр. и Первоп. такъ же, М. Смотр. л. 130—зна́мєньми), но зна́мєнїи (Дѣян. II. 22), бєззако́нми (Быт. XIX. 15, Остр. друг. текстъ), гада́ньми

(2 Пар. IX. 1, Остр. въ гада́ніихъ), писа́нми (Д. Ап. XVIII. 28, Остр. такъ же), творе́нми (Римл. I. 20, Остр. творе́нмй, Первоп. какъ въ Новой), благодаре́нми (2 Коринѳ. IX. 12, Остр. благодаре́ньми, Первоп. блгодаре́нми), киче́нми, прелще́нми (Эсѳ. VIII. 13, Остр. другой текстъ) и т. д. Послѣднее образованіе имѣетъ мѣсто только у основъ именъ существительныхъ отглагольныхъ съ суффиксомъ -ніє и встрѣчается уже и въ Острожской библіи, какъ видно изъ цитатъ. Но рядомъ у этихъ основъ имѣются и другія образованія: видѣніѧми, изваѧніѧми, помышле́ніѧми и т. д. (см. выше). У Зизанія мѡ́рѧми, но спсе́ми и спсе́нии (л. 35).

Предложный падежъ также богатъ различными образованіями. Исконныя формы, въ противоположность основамъ муж. р., совершенно ихъ утратившимъ, встрѣчаются часто: распѹ́тіихъ (М. XII. 19), ѡ҆мове́ніихъ, ѡ҆правда́ніихъ (Евр. IX. 10, но тутъ же питіѧхъ, Остр. винит. множ. питіа), селе́ніихъ (Быт. IV. 20), зна́меніихъ (Второз. XXXIV. 11), посла́ніихъ (2 Петра III. 16), пребыва́ніихъ, блгоче́стіихъ (ibid. 11), видѣніихъ (Второз. XXVI. 8), и҆схо́дищихъ (Пс. I. 3), гро́бищихъ (Іов. XXI. 32), со́нмищихъ (I. XVIII. 20) и т. д. У М. Смотрицкаго зна́меніихъ рядомъ съ зна́меніѧхъ (л. 130).

Многочисленны образованія по типу основъ на ā-: полѧ́хъ (Исх. IX. 3, Остр. по̑лѧхъ, Первоп. какъ въ Новой, Ис. XXXII. 19, Остр. по́лихъ, Первоп. полѧ́хъ, Юд. V. 1, Остр. друг. текстъ, 1. Парал. XXVII. 28, Остр. полехъ, Первоп. полѧ́хъ), ло́жахъ (Ис. XLII. 22, Остр. ложихъ, Первоп. ложи́хъ), морѧ́хъ (Лев. XI. 9, 10, Остр. мори́хъ и мо́рѝ, Первоп. какъ въ Новой, Бытія I. 22, Остр. и Первоп. мо́рѣхъ), плеща́хъ (1 Цств. XVII. 6, Остр. предл. дв. пле́щѹ, Первоп. плещѹ, Ис. XLIX. 22, Остр. пле́щѹ, Первоп. плещѹ), сердца́хъ (М. IX. 4, Остр. срⷣцы, Первоп. какъ въ Новой, Л. III. 15, Остр. срⷣцыхъ, Первоп. срⷣцахъ, М. Смотр. л. 112 на обор. срⷣца́х), и҆схо́дищахъ (2 Цств. I. 20, Остр. и҆сходищихъ, Первоп. и҆схо́дищихъ), жили́щахъ (Іис. Сир. XLIV. 6, Остр. жили́щехъ, Первоп. жили́щехъ, Суд. XVIII. 22, Остр. другой текстъ), вре́тищахъ (Быт. XLIII. 12, 18, 23, Остр. вре́-

тициχъ, Первоп. 12, 18 какъ въ Остр., 23 какъ въ Новой), собо́рицаχъ (М. X. 17, Остр. собо́рицй, Первоп. собо́рицихъ, Мр. XIII. 9, Остр. съборицихъ, Первоп. собо́рицихъ), со́нмицаχъ (М. IX. 35, Остр. сонмицихъ, Первоп. со́нмицихъ, М. XXIII. 6, Остр. со́нмицихъ, Перв. уже со́нмицаχъ), сокро́вицаχъ (М. XXIV. 26, Остр. скро́вицыχъ, Первоп. сокро́вицихъ), то́ржицаχъ (М. XXIII. 7, Остр. тръжицихъ, Первоп. то́ржицаχъ), питі́ѧχъ (Евр. IX. 10, Остр. друг. текстъ—вин. мн.), оўдо́лі́ѧχъ (Іерем. XLIX. 4, Остр. такъ же, Первоп. ѹдо́лі́ѧχъ), воскрилі́ѧχъ (Числ. XV. 38, Остр. друг. текстъ), и҆сча́ді́ѧχъ (Второз. XXVIII. 11, Остр. другой текстъ), ѡ҆бита́ні́ѧχъ (Числ. XXXI. 10, Остр. предл. ед.), зна́мені́ѧχъ (М. См. л. 130), оўглі́ѧχъ (Притчи VI. 28, Остр. вин. мн.) и т. д. Образованія эти являются уже въ Острожской библіи, еще чаще въ Первопечатной и особенно часто въ Исправленной. У Зизанія только мо́рѧ́ и спсе́нії (л. 35).

У основъ съ послѣднимъ согласнымъ, утратившимъ палатальность, встрѣчаются изрѣдка образованія по типу основъ на о-: ли́цѣχъ (3 Цств. I. 40, Остр. и Первоп. такъ же), ѧ҆́йцѣχъ (Второз. XXII. 6, Остр. ѧ҆́йцѣχъ, Первопеч. ѧ҆́йцѣχъ). Отсюда это окончаніе могло распространяться и на основы съ послѣднимъ согласнымъ палатальнымъ, какъ напр. мо́рѣχъ, въ Остр. и Первоп. библіяхъ (Быт. I. 22).

Кромѣ того въ извѣстномъ количествѣ случаевъ имѣется окончаніе -єχъ, распространившееся отъ бывшихъ основъ на і- и отвѣчающее старослав. **-ьхъ**: по́леχъ (Іезек. XXXV. 8, Остр. такъ же, Первоп. пѡ́леχъ), со́нмицеχъ, то́ржицеχъ (Л. XI. 43, Остр. со́нмицыχъ, тръжицыχъ, Первоп. со́нмицаχъ, то́(р)жицаχъ). У М. Смотр. сердце́χъ (л. 112 на об.). Въ живомъ произношеніи это окончаніе давно уже сдѣлалась тожественно съ окончаніемъ -ѣχъ бывшихъ основъ на о-, и ассимиляція къ основамъ на і- имѣетъ только графическій характеръ.

§ 16. Имена прилагательныя и причастія простыя (несложныя), какъ и въ старославянскомъ, въ большинствѣ падежей склоняются какъ соотвѣтствующія именныя основы на о-, jo- (муж. и ср. роды) и на ā-, jā- (женскаго). Уклоненіе отъ старославянскаго

представляетъ творит. ед. числа всѣхъ трехъ родовъ, въ которомъ находимъ форму сложныхъ прилагательныхъ. Первичный творительный въ современномъ церковнославянскомъ совершенно утраченъ: до́брымъ, бл҃гимъ (Л. VIII. 15. Твор. ед. ср. р.; Зогр. Ев.: добромь, благомь, Остр. до́брымъ, но бл҃гомъ, что однако можетъ быть и слѣдствіемъ недоразумѣнія, Первоп. до́брымъ, бл҃гимъ), ве́лїимъ (ibid. 37. Тв. ед. м. р. Въ Зографскомъ Ев. вельемь, Остр. еще ве́лїе, Первоп. какъ въ Новой ве́лїимъ), въ Моск. грамматикѣ 1648 г. (М. Смотрицкаго), гдѣ склоненія простыхъ прилагательныхъ и сложныхъ приведены параллельно, въ творит. ед. находимъ только одну сложную форму м. и ср.: ст҃ымъ (л. 133, 134 на обор.), ж. р. ст҃ою (л. 134).

Въ звательномъ ед. м. р., какъ уже и въ старославянскомъ, находимъ часто окончаніе -є: го́рдє (Іерем. L. 31, Остр. такъ же), си́льнє (Пс. XLIV. 6, Остр. си́лнє), равноду́шнє (Пс. LIV. 14, Остр. равноду́шнє), ст҃є (М. Смотр. л. 133 на обор.), бл҃жє (л. 135), ни́щє (л. 137) и т. д. Въ женскомъ и ср. родѣ въ зват. форма именительнаго: ст҃а (л. 134), ст҃о (ibid. на обор.), блага (л. 136), бл҃го (ibid. на обор.). Въ предложномъ въ церковнославянскомъ нерѣдко находимъ формы сложныхъ прилагательныхъ на мѣстѣ стсл. простыхъ: на до́брѣй землѝ (Л. VIII. 15, Зогр. Ев. добрѣ, Остр. и Первоп. до́брѣи, до́брѣй), но на землѝ бла́зѣ (ibid. VIII. 8, Зогр. Ев. добрѣ, Остр. и Первоп. бла́зѣ).

Двойственное число. Им., вин. и зв. м. и ср. рода совершенно отвѣчаютъ старославянскимъ формамъ: мла́да (Пѣснь Пѣсн. IV. 5), бла́га (ibid. I. 1), ст҃а (М. Смотр. л. 124 на об.) и т. д.: ж. рода также косма́тѣ (Быт. XXVII. 23), ст҃ѣ (М. Смотр. л. 134), бла́зѣ (л. 136) и т. д. Встрѣчается и замѣна формами множ. ч.: о҆бѣ дщє́ри Лѡ́товы (Быт. XIX. 36, Остр. ло́товѣ, Первоп. лѡ́товѣ). Отъ основы на jā- им. дв. ж. р. по типу основъ на ā-: присту́пшѣ (М. XXVIII. 9, Остр. правильно присту́пльши, Первоп. -шѣ).

Родительный и предложный также не уклоняются отъ старославянскаго: ногу І҆и҃сову (Л. VIII. 35, 41), ст҃у (во всѣхъ родахъ: М. Смотр. л. 133 на об., л. 134, л. 135), бл҃гу (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), ни́щу (л. 137 на об) и т. д.

Въ дат. и твор. всѣхъ трехъ родовъ у М. Смотрицкаго находимъ опять заимствованіе отъ сложныхъ прилагательныхъ: стыма (л. 135 на обор., л. 134, л. 135), благима (л. 135 на об., л. 136, л. 136 на обор.), нищима (л. 137 на обор.) и т. д. Первичная простая форма утрачена или не встрѣчается, за исключеніемъ немногихъ случаевъ: колѣнома Іисовома (дат. дв. Л. V. 8, Зогр. Ев. по типу основъ на а-: **колѣнама ісоусовома,** Остр. ісовома, Первоп. іисовома), оученикома Іωанновома (Л. VII. 24, Остр. іоанновома, Первоп. іωанновома) и т. д., но ко ногама Іисовыма (М. XV. 30, Остр. по типу бывшихъ основъ на о-: ісовома, Первоп. іисовама). У основъ на jo- (причастія): дат. исходящема (М. IX. 32) и т. д.

Множественное число. Въ извѣстныхъ падежахъ замѣчаются уклоненія отъ старославянскихъ нормъ, объясняющіяся или морфологической ассимиляціей, или перенесеніемъ формъ отъ сложныхъ именъ прилагательныхъ. Такъ, въ имен. множ. м. р. нерѣдко встрѣчается уже форма винит. падежа, въ появленіи которой играетъ роль морфологическая ассимиляція къ такимъ падежамъ, гдѣ основа являлась въ болѣе неприкосновенномъ видѣ, чѣмъ въ именительномъ: высоки сѫть (Іов. XXXV. 5, Остр. нарѣчіе высоцѣ, Первоп. высоцѣ), кωни многи (Апок. IX. 9, Остр. другой текстъ—р. мн.), оученицы Іωанновы (Мр. II. 18, Остр. еще іоаннови, Первоп. іωаннови), наги (Амос. IV. 3, Остр. вин. мн. нагы, Первоп. также вин. наги), кони врани и рядомъ кони бѣлы, пестры, скωры (Зах. VI. 2, 3, Остр. врани, срѣни, пѣѕи брони, Первоп. врани, срѣни, пѣзи, брони), мы же Мωѵсеовы есмы оученицы (I. IX. 28, Остр. моѵсеови, Первоп. мωѵсеови), у основъ на jo-, послѣдній согласный которыхъ утратилъ и палатальность—кони рыжы (Зах. VI. 2, Остр. и Первоп. рыжи), но рыжи, сѣри, пестри, бѣли (Зах. I. 8), сіи вси грады тверды и велицы (1 Макк. V. 26, Остр. сіи вси грады тверды и велики, Перв. тверды и велики), іяты быша (Ierem. LI. 56, Остр. изымани сѫть, Первоп. изымани), пріяты (Дан. III. 39, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что это перенесеніе формы винит. мн. въ именительный встрѣчается

уже въ Остр. и Первопечатной библіяхъ, но несравненно рѣже, чѣмъ въ новой, исправленной, такъ что мы должны отнести его къ новѣйшему времени. Объясняется оно вліяніемъ русскаго живаго языка, въ которомъ указанное перенесеніе совершилось уже давно.

Иногда замѣчается смѣшеніе родовъ: врата̀ затворе́ны бы́ша (I. Нав. II. 7, Остр. другой текстъ), Четы́редесѧть ты́сѧщъ воѡру́жени... преидо́ша (I. Нав. IV. 13, Остр. также воору́же́ни— въ этомъ случаѣ можетъ быть и согласованіе по смыслу); но́зѣ бо и҆́хъ... теку́тъ, и҆ ско́ри су́ть (Притчи С. I. 16, Остр. но́гы... ско́ры, Первоп. нѡ́ги... ско́ри...).

Родительный множ., если употребляется, то не уклоняется отъ старославянской нормы. Нерѣдко однако онъ замѣняется соотвѣтствующей формой отъ сложныхъ прилагательныхъ: мно́гихъ сер-де́цъ (Л. II. 35, Остр. мно́гъ, Первоп. мнѡ́гъ), но рѡ́гъ є҆ди-норо́жь (Пс. XXI. 22, Остр. є҆ді́норождь, Первоп. какъ въ Новой) отъ основы на jo-.

Повидимому, не безъ вліянія въ процессѣ этой замѣны была односложность основъ: ду́хъ ѕлы́хъ (Л. VII. 21), духѡ́въ ѕлы́хъ (Л. VIII. 2. Въ Зогр. Евангеліи въ обоихъ случаяхъ **ꙁълъ**, Остр. уже ѕлыхъ, злыхъ, Первоп. какъ въ Новой), лѣ́тъ мно́гихъ (Л. VIII. 27, Зогр. Ев. **лѣтъ многъ**, Остр. уже мно́гыхъ, Первоп. мнѡ́гихъ), но ду́шъ чл҃вѣ́ческихъ (Л. IX. 56, Зогр. Ев. **чловѣчьскъ**, Остр. уже чл҃чкыхъ, Первоп. чл҃ческихъ), сосѣ́дъ бога́тыхъ (Л. XIV. 12, Зогр. Ев. **сѫсѣдъ богатъ**, Остр. сѫсѣ́дъ бога́тыхъ, Первоп. также бога́тыхъ), ду́хъ нечи́стыхъ (Л. VI. 18, Зогр. Ев. **доухъ нечистъ**, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта уже достаточно укоренилась въ языкѣ Острожской и Первопечатной библій, хотя здѣсь и не такъ, какъ въ Новой, исправленной.

Дательный множеств. утратилъ исконную форму совершенно. Вмѣсто нея находимъ заимствованную отъ прилагат. сложныхъ: мнѡ́гимъ слѣпы́мъ (Л. VII. 21, Зогр. Ев. **многомъ слѣпомъ**, Остр. б. уже мно́гымъ слѣпы̑, Первоп. мнѡ́ги̑ слѣпы́мъ) и т. д. У основъ (причастій) на jo-: сѣдѧ́щымъ (Л. VII. 32, Зогр. Ев.

сѣдѫштемъ, Остр. и Первоп. сѣдѧщимъ), идꙋщымъ (Л. VIII. 23, Зогр. Ев. **ѣдѫштемъ**, Остр. идꙋщимъ, Первоп. идꙋщымъ) и т. д.

Въ винительномъ множественнаго, рядомъ съ правильными формами, какъ напр. стѣнаты (грады, 2 Парал. XI. 5, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д., встрѣчаемъ изрѣдка формы именит. множ.—результатъ смѣшенія именит. и винит. падежей: ѿведетъ... юноши и старцы, наги (м. б. и винит. множ.) и боси, ѿкровены (несомнѣнный винит. падежъ. Ис. XX. 4, Остр. наги и босы ѿкровены, Первоп. наги и боси ѿкровены). Въ послѣднемъ случаѣ, быть можетъ, мы имѣемъ примѣръ того морфологическаго процесса, который носитъ въ наукѣ названіе „рядовой ассимиляціи" (Reihenassociation). Форма наги, чувствуемая тожественной съ именит. множ., вызываетъ и аналогичную форму боси, хотя бы и въ видѣ мимолетнаго, не устанавливающагося прочно новообразованія.

Творительный утратилъ совершенно простую форму. Вмѣсто нея находимъ только сложную: стыми (М. Смотр. во всѣхъ трехъ родахъ: л. 134, ibid. на об., л. 135), благими (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л.137) и т. д. Формы въ родѣ **мѫкъками рнзами** (Зогр. Ев. Лук. VII. 25), не имѣютъ совсѣмъ представителей въ языкѣ печатной библіи.

То же должно сказать и о предложномъ падежѣ, который въ современномъ церковнославянскомъ имѣетъ только одну сложную форму: стыхъ (во всѣхъ трехъ родахъ. М. См. л. 134 и на обор., л. 135), благихъ (тамъ же, л. 135 на об., л. 136, л. 137) и т. д.

Въ Острожской библіи еще можно встрѣтить старинныя простыя формы въ родѣ предл. ж. р. іоудовахъ, но въ Новой библіи онѣ замѣнены сложными—Іꙋдовыхъ (М. II. 6). Въ Первопечатной находимъ также старую форму: Іꙋдовахъ.

Основа прилагательнаго чꙋждь (Суд. XIX. 12, вин. ед), Остр. чюжь—русская форма, Первоп. чюждь) въ нѣкоторыхъ падежахъ идетъ по типу основъ на jo-, въ другихъ по типу основъ на o-. Примѣромъ послѣднихъ могутъ служить формы: чꙋждо (им. ед. ср. р. 1 Макк. I. 38, Остр. дат. ед. чюждꙋ, Первоп. чюждꙋ, также по типу основъ на o-), но чꙋжде вин. ед. ср.

(Iерем. XIX. 4, Остр. и Первоп. чю́же), чꙋ́жды (винит. мн. м. р. 3 Цств. XIV. 9, Остр. правильно чю́жди, Первоп. такъ же). Ср. также склоненіе сложной формы этой основы (§ 18).

§ 17. Мѣстоименія. Личныя мѣстоименія. Склоненіе мѣстоименій личныхъ въ единственномъ и множественномъ числѣ почти не уклоняется въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянской нормы. Если есть отличія, то они объясняются общими фонетическими измѣненіями, характеризующими церковнославянскій (и русскій): исчезновеніемъ краткихъ гласныхъ **ъ, ь**, измѣненіемъ **ж** въ *у* и т. д. Им. ед. а҆́зъ, ты̀ (М. Смотр. л. 161 на об., л. 162), р. менѐ (Исх. XX. 3, Остр. мене, Первоп. менѐ, М. Смотр. л. 161 на обор.), тебѐ (М. II. 6, Остр. тебѐ, Первоп. тебе́, М. См. л. 162), себѐ (М. V. 29, Остр. и Первоп. такъ же, М. Смотр. л. 162 на об.): стсл. **мене, тебе, себе**; дат. мнѣ̀ (М. III. 14, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **мьнѣ, мънѣ**), мѝ (М. II. 8, стсл. **ми**), тебѣ̀ (М. IV. 9, стсл. **тебѣ**), тѝ (М. V. 29, 30), себѣ̀, сѝ (М. Смотр. л. 162 на об.: стсл. **себѣ, си**). Въ винительномъ, рядомъ съ продолжателями исконныхъ формъ мѧ̀ (М. Смотр. л. 161 на об., стсл. **мѧ**), тѧ̀ (М. IV. 5, стсл. **тѧ**), сѧ̀ (М. Смотр. л. 162 на об., стсл. **сѧ**) имѣются обычныя синтактическія замѣны формой родительнаго: менѐ (I. VII. 19, Остр. и Первоп. такъ же), тебѐ (ibid. 20, Остр. тебе, Перв. тебѐ), себѐ (1 Кор. IX. 19, Остр. себе, Первоп. себе, ср. также М. Смотр. л. 161 на об., л. 162 на об.). Творительный: мно́ю (М. IV. 10, М. Смотр. 161 на об.: стсл. **мъноѭ**), тобо́ю (М. III. 14, М. Смотр. л. 162: стсл. **тобоѭ**), собо́ю (М. Смотр. л. 162 на обор.: стсл. **собоѭ**).

Предложный: мнѣ̀ (М. См. л. 161 на об., стсл. **мънѣ, мьнѣ**), тебѣ̀ М. Смотр. л. 162, стсл. **тебѣ**), себѣ̀ (М. См. л. 162 на об., стсл. **себѣ**).

Такъ же мало разнится склоненіе множественнаго числа. Именительный мы̀, вы̀ (М. Смотр. л. 162, стсл. **мы, вы**); родительный на́съ (М. См. ibid. стсл. **насъ**), ва́съ (М. V. 12, стсл. **васъ**), дат. на́мъ (М. III. 15, стсл. **намъ**), ва́мъ (М. V. 11, стсл. **ва́мъ**); въ винительномъ, рядомъ съ исконными формами ны̀, вы̀ (М. Смотр. л. 162; стсл. **ны, вы**), обычная синтактическая замѣна на́съ, ва́съ (ibid).

Употребляются и та, и другая форма, повидимому, безразлично: любѧщꙋ ны, и ѡмывшꙋ насъ ѿ грѣхъ (Апок. I. 5, Остр. любѧщꙋ ны и ѡмы насъ), на вы лжꙋще (М. V. 11, Остр. на вы, Первоп. на вы), разлꙋчатъ вы (Л. VI. 22, Остр. разлꙋчѧтъ вы), но: возненавидѧтъ васъ (Л. VI. 22, Остр. также васъ), ненавидѧщымъ васъ (тамъ же, 27, Остр. васъ), хотя кленꙋщыѧ вы (тамъ же, 28, Зогр. Ев. **вьзненавидатъ вы**, Остр. вы. Л. VI. 21, но уже ненавидѧштимъ васъ тамъ же, 27) и т. д.

Творительный: нами (М. I. 13, стсл. **нами**), вами (М. XXVIII. 10, стсл. **вами**).

Предложный: насъ (М. Смотр. л. 162, стсл. **насъ**), въ васъ (Л. IX. 41, стсл. **васъ**).

Двойственное число замѣняется часто множественнымъ. Такъ утратились совершенно формы им. вин. зв. дв., вмѣсто которыхъ употребляются соотвѣтствующія формы множественнаго числа. Именит. двойств.: И мы ꙋбо; достѡйнаѧ... по дѣлѡмъ наю воспріемлева (Л. XXIII. 41, Остр. и мы..; въспріемлевѣ, Первоп. какъ въ Новой), мы... есмы (Варнава и Павелъ. Дѣянія XIV. 15, Остр. мы... есвѣ, Первоп. мы... есма); Петръ же и Іѡаннъ... реста... не можемъ бо мы (Дѣян. Ап. IV. 19, 20, Остр... не можемъ бо мы... Первоп. не мѡжемъ бо мы); рече же Аврамъ Лѡтꙋ:... ꙗко человѣцы братіѧ мы есмы (Быт. XIII. 8, Остр. человѣка брата есвѣ), мы (Азъ и Отецъ) едино есмы (I. XVII. 22, Остр. мы... есмы, Первоп. мы... есмѣ) и т. д.; вы сами вѣстѣ (Лія и Рахиль. Быт. XXXI. 6, Остр. вы вѣсте, Первоп. вы вѣсте); не вѣсте коегѡ дꙋха есте вы (Іаковъ и Іоаннъ. Л. IX. 54, Остр. невѣста коего дꙋха еста вы; Первоп... еста вы) и т. д.

Изъ данныхъ примѣровъ видно, что замѣна старославянскихъ формъ именит. двойств. **вѣ** (1-го лица) и **ва** (2 лица) соотвѣтствующими формами множеств. проведена послѣдовательно уже въ Острожской библіи. Въ Новой библіи эта замѣна связана съ аналогичной замѣной глагольныхъ формъ, что уже встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но не такъ часто. Въ грамматикѣ Лавр. Зизанія мѣстоименіе перваго лица сохраняетъ исконную форму -вѣ, но второе лицо представляетъ форму множественнаго

вы̑ (л. 44 на оборотѣ). У Мелетія Смотрицкаго находимъ неоправдываемыя библейскими текстами образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей къ косвеннымъ падежамъ: им. в. и зв. м. и ср. рода на̀, ва̀, ж. нѣ̀, вѣ̀ (л. 161 на об. и 162). Формы на̀, нѣ̀ представляютъ собой чисто книжныя, теоретическія построенія, вызванныя вліяніемъ косвенныхъ падежей на́ю, на́ма и стремленіемъ провести послѣдовательность основъ, нарушаемую въ старославянскомъ склоненіи 1-го лица формой именит. винит. зв., но имѣющуюся въ склоненіи втораго лица.

Формы втораго лица имѣютъ въ основѣ исконную старослав. форму **ва**.

Вторичная форма ж. р. вѣ̀, которая, какъ и форма нѣ̀, вызвана вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на ā-) и также имѣетъ чисто теоретическій характеръ.

Въ винительномъ дв. также встрѣчаемъ замѣну формами множ. числа, при чемъ наблюдается и обычная синтактическая замѣна помощью родит. падежа: поми́лѹй ны̀ (двухъ слѣпцовъ. М. IX. 26, Остр. ны̑, Первоп. ны̀) и мѹ́чити на́съ (двухъ бѣсныхъ. М. VIII. 29, Остр. насъ, Первоп. на́съ), оу҆мертви́ти на́съ (Маноэ и его жену. Суд. XIII. 23, Остр. и Первоп. на́ю), на́съ (Рахиль и Лію. Быт. XXXI. 15, Остр. ны̑, Первоп. ны̀) и т. д., сотворю̀ вы̀ ловца̀ (Петра и Андрея. М. IV. 19, Остр. вы̑, Первоп. вы̀), восходѧ́щема ва́ма.... срѧ́щетъ вы̀ (Л. XXII. 10, Остр. вы̑, Первоп. вы̀) и т. д. Случай замѣны вин. двойств. формой родит. дв.: спасѝ... на́ю (Л. XXIII. 39. Такъ и въ Остр.). Родительный и предложный: на́ю (стсл. **наю**. Л. XXIII. 41), ва́ю (М. IX. 29, стсл. **ваю**).

Дательный и творительный, рядомъ съ исконной формой на́ма (стсл. **нама**. Мр. X. 35. Л. II. 48, XXIV. 29), ва́ма (стсл. **вама**. М. IX. 29, XXI. 2, Мр. X. 36, XI. 23, Л. XXII. 10, 12), представляетъ нерѣдко замѣну соотвѣтствующими формами множеств. ч.: Ѻ҆на же рѣ́ста.... да́ждь на́мъ (Мр. X. 37, хотя выше: сотвори́ши на́ма ст. 35, Остр. дажь намъ, Первоп. какъ въ Новой), къ на́мъ (къ двумъ дочерямъ Лота. Быт. XIX. 31, Остр. кна̑, Первоп. к̾на́мъ), ...Раχи́ль и҆ Лі́а, реко́ста:.... на́мъ

(Быт. XXXI. 14. 16, Остр. на́ма, Первоп. на́ма); ...показа́лъ на́мъ... (Маноэ и его женѣ. Суд. XIII. 23, Остр. на́ма, Первоп. на́мъ) и т. д. речѐ Ноеммі́нь ѻбѣ́ма снохáма:.... съ ва́ми.... ва́мъ (Руѳь I. 8. 9, Остр. сва́ма, ва́ма, Первоп. сва́ма, ва́ма) и т. д. Замѣна эта, какъ видно изъ примѣровъ, составляетъ особенность Новой, исправленной библіи, хотя встрѣчается уже и въ Острожской б. Въ Первопечатной она чаще, чѣмъ въ Острожской, но рѣже, чѣмъ въ Новой.

Мѣстоименія указательныя, вопросительныя, притяжательныя и прилагательныя представляютъ два типа основъ: основъ на о- и на jo-. Образчикомъ первыхъ можетъ служить указательное мѣстоименіе то́й, тà, та́ѧ, тò, то́є (стсл. **тъ, та, то**).

Уклоненія его склоненія отъ старославянскаго заключаются въ слѣдующемъ:

Единственное число. Въ именительномъ падежѣ замѣчается исчезновеніе простыхъ формъ и вытѣсненіе ихъ сложными. Именит. пад. муж. рода является только въ сложной формѣ: то́й (Ис. XXVII. 7, М. XXIV. 48, Остр. такъ же. М. Смотр. л. 167 на обор.), ж. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ та́ѧ (Быт. IV. 22, Остр. друг. текстъ), но тà (Дѣян. XVI. 15, Л. I. 36, VIII. 42, Быт. III. 12, 3 Ездры V. 53), ср. р. у М. Смотр. только въ сложной формѣ то́є (л. 168), тò (Мр. III. 24, 1 Ездры VI. 8). У Зизанія то́й, та́ѧ: то́є (л. 50).

Родительный не уклоняется отъ старослав. нормы: тогѡ̀ (м. р. Л. XII. 5, Остр. того, Первоп. тогѡ̀, Іов. XII. 13. 16, Остр. того, Первоп. тогѡ̀), ж. р. тоѧ̀ (Л. VI. 49, Быт. III. 15, Іоан. XIX. 31), стсл. **того, тоѩ**; равнымъ образомъ и дательный не представляетъ отличій: м. р. томꙋ̀ (стсл. **томоу**: Л. XXII. 22, Л. IV. 8, Апок. I. 6), ср. р. томꙋ̀ (Быт. XXI. 31), ж. р. то́й (Л. VI. 48, стсл. **тои**). Винительный муж. р. или тожественъ съ именительнымъ (сложной формы): въ то́й де́нь (Л. VI. 23, Остр. то́и), въ то́й ча́съ (Л. XII. 12, Остр. такъ жо) и т. д. (стсл. **тъ**), или представляетъ обычную синтактическую замѣну формой род. ед., причемъ церковнославянская орѳографія прибѣгаетъ къ графической дифференціаціи (въ родит. -ѡ̀, въ родит.=

винит. -ѽ): тогѡ̀ (Ис. XI. 10, Остр. друг. текстъ, Іоан. VI. 30, Остр. еще то́и, Первоп. то́й, Мр. XII. 4. 5. 6, Остр. того, Первоп. того), хотя и не всегда: тогѡ̀ (Мр. IX. 7, но Остр. того, Первоп. того̀).

Дифференціація эта имѣетъ мѣсто и у другихъ мѣстоименныхъ формъ, какъ это видно будетъ ниже, и проведена уже въ Первопечатной библіи (Л. XII. V, тогѡ̀ оўбо́йтєсѧ, но Мр. XII. 5, того̀ оўби́ша и т. д.). У М. Смотрицкаго она также уже есть: род. тогѡ̀, вин. того̀ (л. 167 на об.). У Зизанія того̀ (л. 50). Винительный женскаго рода представляетъ чаще простую форму, отвѣчающую точно старославянской: тꙋ́жє при́тчꙋ (Евр. IV. 11), тꙋ̀ но́щь (Быт. XIX. 35, Остр. натꙋ́ю, сложная форма, Первоп. на тꙋ́ю), изрѣдка сложную: снѣси тꙋ́ю (землю. Быт. III. 17, Остр. тꙋ̀, Первоп. тꙋ̀, Іерем. XXV. 12, Остр. тꙋ̀, Первоп. тꙋ̀): стсл. тѫ. У М. Смотрицкаго одна сложная форма: тоу́ю (л. 167 на об.). У Зизанія тꙋ́ю̀ (л. 50). Ср. родъ имѣетъ обѣ формы: простую—то̀ (І. XIV. 13, 3 Ездры XII. 4, XVI. 19) и сложную то́є (Исх. XII. 7, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна сложная: то́є (л. 168); такъ же у Зизанія (л. 50).

Творительный не уклоняется отъ старославянскаго, если не считать исчезновенія палатальности у конечнаго -m, и перехода ѫ въ *у*, особенностей, свойственныхъ и русскому: ср. р. тѣ́мжє (Л. I. 35), м. р. тѣ́мъ (Быт. IV. 7, Іоан. I. 3. 10)—стсл. **тѣмь**, ж. р. то́ю (Л. VI. 38)—стсл. **тоѭ**. У Зизанія для м. и ср. ты̑ (сложн. формы) и тѣ̑ (л. 50). Предложный также продолжаетъ стсл. формы съ общими отличіями: ср. р. на то́мъ мѣ́стѣ (Л. X. 32), м. р. на то́мъ ка́мени (Л. XX. 18), ж. р. въ зємлѝ то́й (Быт. XXVI. 12): стсл. **томь, тои**.

Двойственное число представлено, какъ и всегда, очень скудно. Им. винит. м. р. та̀ (имен. Мр. XVI. 13, Л. XXIV. 14. 35, Пс. XLII. 3, Остр. та̑. Перв. та̀) отвѣчаетъ вполнѣ стсл. формѣ **та**. Эту же форму приводитъ М. См. и для ср. р. та̀ (л. 168) вмѣсто ожидаемаго *тѣ̀ (стст. **тѣ**). Форма ж. р. тѣ̀, приводимая М. Смотрицкимъ (л. 168), также соотвѣтствуетъ стсл. **тѣ**. Ср. также тѣ̀: 3 Ездры XI. 34, Остр. тѣ̀, Первоп. какъ въ Новой.

У Зиванія м. р. ты́ѧ, тꙋ́ю, ж. р. такъ же, ср. та̀ и тꙋ́ю (л. 50). Р. и предлож. у М. Смотрицкаго представляетъ двѣ формы: одна—то́ю (л. 167 на об., л. 168) для муж. и ср. рода, отвѣчаетъ стсл. **тою**, другая, для ж. р., тѣ́ю (л. 168), вызванная морфологической ассимиляціей къ им. вин. тѣ̀ и дат. тв. тѣ́ма, не имѣетъ реальнаго существованія (въ языкѣ Библіи). У Зиванія для всѣхъ родовъ тꙋ́ю (л. 50). Дательный дв. м. р. тѣ́ма (Мр. XVI. 13, Матѳ. IX. 32) отвѣчаетъ старославянской формѣ **тѣма**. Творит. тѣ́ма (I. Сир. VII. 30). У М. Смотрицкаго находимъ свойственную ему произвольную дифференціацію падежей дательнаго и творительнаго: для перваго (всѣхъ родовъ) онъ пользуется сложной формой ты́ма (л. 167 на об., л. 168), для втораго простой — тѣ́ма (ib.). У Зизанія для м. и ср. ты̑ма, для ж. р., кромѣ этой же формы, и тѣ́ма (л. 50).

Множественное число. Именительный муж. рода только въ сложной формѣ: ті́и (1 Цств. VIII. 8, Л. XII. 37, XVI. 28 и т. д.)—стсл. чаще **ти**; у М. Смотр. приведена и краткая форма тѝ (л. 167 на об.). У Зизанія ты́и (л. 50), представляющая собой продуктъ взаимной контаминаціи формъ им. мн. ті́и и вин. мн. ты́ѧ. Встрѣчается и форма винительнаго падежа вмѣсто именит.: бѣ́ша мꙋ́жи ты́ѧ (2 Цств. X. 5). Именит. пад. ж. рода имѣетъ сложную форму ты́ѧ или ты̑ѧ (стсл. чаще краткая **ты**): М. XXV. 7, Іез. XLII. 8, Остр. ты̑, Первоп. ты̀. Числ. XXXI. 16, Остр. ті̑и, Первоп. ті́и). У М. Смотрицкаго находимъ двѣ, повидимому, теоретическія формы: ті́ѧ, тѝ (л. 168), изъ которыхъ первая, какъ можно предполагать, есть просто передѣлка формы ты́ѧ подъ вліяніемъ именит. муж. ті̑и. Процессъ этой морфологической ассимиляціи можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ: если рядомъ съ им. м. р., положимъ, мои̂ имѣется им. ж. моѧ̀ (см. ниже), то рядомъ съ им. м. р. ті́и долженъ быть им. ж. ті́ѧ. У Зизанія ты́ѧ (л. 50).

Именит. ср. р. отвѣчаетъ стсл. формѣ (**та**): та̀ (3 Ездры XII. 3, Іоан. V. 39), эту же форму находимъ и у М. Смотр., рядомъ со сложной та́ѧ (л. 168 и на обор.). У Зизанія только та́ѧ (л. 50 на об.).

Родительный множеств. не уклоняется отъ стсл.: м. р. тѣ҇хъ (Дан. I. 18) : стсл. тѣхъ. У Зизанія ты҇хъ (сложная форма) и тѣ҇хъ для всѣхъ родовъ (л. 50).

Дательный множ., рядомъ съ правильной формой тѣмъ (м. р. Исх. I. 14)=стсл. тѣмъ, представляетъ и позднѣйшую сложную форму (Суд. I. 19, ты҇мъ, Остр. другой текстъ), которую находимъ у М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ: ты́мъ (л. 167 на об., 168 и на об.). У Зизанія для м. р. ты҇, для ж. и ср. ты҇мъ и тѣмъ (л. 50).

Винительный муж. рода имѣется только въ сложной формѣ ты́ѧ (стсл. чаще краткая ты): Л. XIII. 14, Остр. ты, Первоп. уже ты́ѧ). Мр. VIII. 1, Остр. ты́а, Первоп. ты́ѧ, Быт. XXVI. 15. 18, Остр. другой текстъ) и т. д. (очень часто). У М. Смотрицкаго находимъ обѣ формы: ты́ѧ и ты̀ (л. 167 на об.). Встрѣчается и общая синтактическая замѣна винит. падежа родительнымъ: йзри́ни тѣ҇хъ (Іерем. XV. I. Остр. и Первоп. такъ же). Женскій родъ имѣетъ обѣ формы: простую—ты҇ (Л. VIII. 33, Остр. такъ же, Первоп. ты̀) и сложную—ты́ѧ (I. X. 16, Остр. тыѧ, Первоп. какъ въ Новой, Евр. X. 11. ты́ѧже Остр. и Первоп. также). У М. Смотрицкаго формы винит. множ. тѣ же; что для именит.: ті́ѧ, ти̇. Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая та҇ (3 Ездры XIII. 17, Л. X. 21. Іоан. XIV. 11, стсл. та) и сложная та҇ѧ (Быт. XL. 17, Дан. XIV. 13, Остр. друг. текстъ).

Творительный падежъ не уклоняется отъ старославянскаго: тѣми же (ж. р. Евр. X. 1, стсл. тѣми). У М. Смотр. также тѣми для м. и ср. р. (л. 167 и 168 на об.), для ж. р. тѣма (л. 168), что есть очевидная опечатка. У Зизанія для муж. р. ты́ми, для ж. и ср. ты́ми, тѣми (л. 50). То же слѣдуетъ сказать и о предложномъ : тѣ҇хъ (ср. р. Л. II. 49, IX. 36; м. р. Іоан. XVII. 9 и т. д.)=стсл. тѣхъ. Рядомъ имѣется и рѣдкая сложная форма ты́хъ (ж. р. Псал. CIII. 12, Остр. винит. мн. ты҇, Первоп. ты́хъ).

Мѣстоименіе указательное онъ, она, оно утратило въ церковнославянскомъ многія простыя формы, которыя замѣняются сложными еще чаще, чѣмъ въ склоненіи мѣстоименія тъ, та, то. Въ

этой замѣнѣ нужно видѣть вліяніе сложныхъ именъ прилагательныхъ. Въ Остр. и Первоп. библіяхъ преоблагаютъ простыя формы, въ Новой—сложныя.

Единственное число. Именительный падежъ. Въ муж. родѣ употребляется одна сложная форма: ѻ҆́ный (Быт. XXIV. 65, XXXVII. 19, Остр. и Первоп. ѻ҆́нъ); простая форма ѻ҆́нъ имѣетъ вездѣ значеніе личнаго мѣстоименія 3-го лица, напр. Быт. XV. 10, 1 Ездры VII. 6 и т. д., хотя тожественный винит. падежъ сохраняется (см. ниже). Ср., впрочемъ, Іова I. 1. и҆ бѣ̀ человѣкъ ѻ҆́нъ и҆́стиненъ... и стихъ 3: и҆ бѣ̀ человѣкъ ѻ҆́ный бл҃горо́днѣйшій... Суд. II. 10. и҆ весь ро́дъ ѻ҆́нъ; гра́дъ ѻ҆́нъ (1 Ездры IV. 15). Средній родъ имѣетъ обѣ формы: ѻно (Дан. II. 31), ѻ҆́ное (Лев. IV. 5, Остр. друг. текстъ, Лев. XXV. 27, Остр. другой текстъ). Женскій родъ является чаще въ сложной формѣ: ѻ҆́наѧ (Исх. XII. 42, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XVIII. 6, Остр. ѻ҆на, Первоп. ѻ҆́на, Лев. XXII. 3, Остр. другой текстъ); простая форма съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ имѣетъ только значеніе личнаго мѣстоименія третьяго лица: ѻ҆на̀ (Быт. XXIV. 47, Остр. сїѧ, Первоп. сї́ѧ, I. Нав. II. 6, Остр. си́, Первоп. сї́ѧ и т. д.). Въ Острожск. и Первопечатной библіяхъ чаще имѣется простая форма, встрѣчающаяся изрѣдка и въ Новой: дꙋша̀ ѻ҆́на (Лев. V. 2, Остр. ꙗ҆́же, VII. 20, Остр. и Первоп. ѻ҆на̀). У Мел. Смотрицкаго приведены только простыя формы: ѻ҆́нъ (л. 165 на обор.), ѻ҆на̀ (съ такимъ удареніемъ) и ѻ҆́но (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ преобладаетъ сложная форма: ѻ҆́нагѡ (Быт. XVII. 26, Дѣян. III. 23, Остр. того, Второз. XXII. 17, 18, Остр. ѻ҆ного, Первоп. ѻ҆́ногѡ, ѻ҆́ного), простая форма встрѣчается очень рѣдко: со ѻ҆́ногѡ по́лꙋ (М. IV. 25, Остр. ѻ҆ного, Первоп. ѻ҆ного). То же замѣчается въ среднемъ родѣ: (до вре́мене) ѻ҆́нагѡ (Дан. XII. 1, Остр. друг. текстъ, Второз. VII. 24, Остр. другой текстъ: сего̀). Въ женскомъ родѣ встрѣчаются рядомъ обѣ формы: ѻ҆нoѧ (I. Нав. V. 11, Остр. ѻ҆но́ѧ, Первоп. ѻ҆́ноѧ, Прем. С. I. 16, Остр. и Первоп. ѻ҆́ноѧ) и ѻ҆́ныѧ (Быт. II. 12, Остр. ѻ҆но́ѧ, Первоп. ѻ҆́ноѧ). У Мел. Смотр.

муж. и ср. родъ о̑ногѡ (л. 165 на об. и 166), ж. одна сложная форма о̑ныѧ (л. 166).

Дательный падежъ. Въ мужскомъ родѣ одна простая форма: ѻ̑номꙋ (Б. XXVI. 33, Іоан. III. 30); сложной формы не имѣется, что объясняется отсутствіемъ подобнаго образованія у сложныхъ именъ прилагательныхъ, идущихъ въ данной формѣ по типу простыхъ мѣстоименій. У М. Смотрицкаго о̑номꙋ (л. 165 на об. м. р. и 166 ср. р.). Для ж. рода находимъ у него двѣ формы: одну простую о̑ной, другую, вызванную вліяніемъ сложныхъ прилагательныхъ — о̑нѣй (л. 166). Въ текстѣ Библіи встрѣчается одна простая форма: ѻ̑ной (3 Ц. III. 25. Единств. примѣръ. Остр. о̑нои, Первоп. о̑ной).

Винительный падежъ. Въ мужскомъ родѣ имѣются обѣ формы; въ де́нь ѻ̑нъ (Ис. III. 14, Исх. XII. 51), до́лгъ ѻ̑нъ (М. XVIII. 32), ѻ̑нъ хлѣ́бъ (Іоан. XIII. 30) и т. д. въ де́нь ѻ̑ный (Ис. XI. 11, Остр. то́и, Ис. II. 17, Остр. и Первоп. о̑нъ); ѻ̑ный (Быт. XL. 11, Остр. друг. текстъ) и т. д. Случай синтактической замѣны винительнаго сложнымъ родительнымъ съ обычной графической дифференціацiей (въ род. -ѡ, въ родительномъ-винительномъ -о): ѻ̑наго (Л. XIV. 9, Остр. и Первоп. о̑ного). У М. Смотрицкаго приведена только эта послѣдняя форма (простая): ѡ̑ного рядомъ съ род. о̑ногѡ (л. 165 на обор.). Встрѣчаются и простыя формы род.-винит. (очень рѣдко): ѻ̑на (Д. Ап. XVI. 35, Остр. о́на). Въ среднемъ родѣ также имѣются обѣ формы: простая— ѻ̑но (Быт. XLI. 32, Остр. др. текстъ, Евр. XI. 15, Остр. о̑на) и сложная—ѻ̑ное (Исх. XVI. 21, I. Нав. V. 12, Дан. VII. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѡ̑но (л. 166). Въ женскомъ родѣ также обѣ формы: ѻ̑нꙋ (ѿ ѻ̑нꙋ странꙋ I. Нав. IX. 10, Остр. о̑бо́нꙋ, Первоп. о̑бонꙋ) или ѻ̑нꙋ (проидо́хомъ всю̀ пꙋсты́ню... ѻ̑нꙋ: Второз. I. 19, Остр. и Первоп. о̑нꙋ) и сложная ѻ̑нꙋю (Числ. XVI. 43, Остр. другой текстъ, Дан. XIII. 14, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицкаго одна простая форма о̑нꙋ (л. 166).

Творительный падежъ. Въ муж. родѣ одна сложная форма: ѻ̑нымъ (I. Нав. III. 4, Остр. ме́ждꙋ нами и̑ о́нѣхъ... вѣроятно,

опечатка вмѣсто простой формы о̑нѣмъ, Первоп. также о̑нѣхъ. Прем. С. XVII. 6, Остр. другой текстъ); у М. Смотр. одна простая форма: о̑нѣмъ (л. 165 на об.), равно какъ и въ среднемъ родѣ (л. 166). Ср. также тв. м. р. и̑нѣмъ (Мр. XVI. 12). Въ женскомъ родѣ: о̑ною (3 Ездры XIII. 45, Остр. другой текстъ; единственный примѣръ), какъ и у М. Смотр. о̑ною (л. 166)—простая форма.

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ одна простая форма: о̑номъ (I. Н. VIII. 27, Остр. о̑но̑, Первоп. о̑номъ), въ ср. родѣ такъ же (Быт. XXVIII. 11, Остр. то̑, Первоп. то́мъ); у М. Смотрицкаго также о̑номъ въ обоихъ родахъ (л. 165 на об. и 166). Въ женскомъ родѣ одна простая форма: оной (Быт. XIX. 33, Остр. другой текстъ, 1 Цств. XIV. 1, Остр. о́нои, Первоп. о̑ной); у М. См. обѣ формы о̑ной и о̑нѣй (л. 166).

Двойственное число представлено, какъ и всегда, скудно. Именит. падежъ муж. рода имѣется только въ простой формѣ, не уклоняющейся отъ старославянскаго: о̑на (въ значеніи 3-го лица: Л. XIX. 34, Іоан. I. 38, Дѣян. А. XIII. 51, Остр. о̑на). У М. Смотр. въ мужескомъ и среднемъ родахъ также о̑на (л. 165 и 166 на об.); хотя въ среднемъ р. мы ожидали бы о̑нѣ, какъ въ старославянскомъ. Именительный падежъ ж. рода какъ въ старославянскомъ: о̑нѣ (также въ значеніи мѣстоименія личнаго 3-го л. М. XXVIII. 9, Остр. о̑нѣ, Первоп. о̑нѣ); у М. Смотр. съ другимъ удареніемъ о̑нѣ (л. 166). У Зизанія безъ различенія рода: о̑на (л. 45); повидимому это только муж. родъ. Формы родит. и предложнаго находимъ только у М. Смотрицкаго: о̑нꙋ для всѣхъ трехъ родовъ (l. c.). Въ библіи онѣ не встрѣчаются. У Зизанія о̑ною (л. 45).

Форма дат. падежа муж. рода, не уклоняющаяся отъ старославянскаго, — о̑нѣма (Л. XXIV. 31, Остр. о̑нѣма́ (sic.), Первоп. о̑нѣма). У М. Смотр. дат. и твор. для всѣхъ трехъ родовъ также о̑нѣма (l. c.). У Зизанія сложная форма о̑ныма (л. 45).

Множественное число. Именительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ имѣются обѣ формы—простая изрѣдка: о̑ни (М. XXII. 10, Остр. о̑ни, Первоп. форма винит. падежа о̑ны), также съ другимъ удареніемъ: о̑нѝ (2 Макк. X. 28, Остр. о̑ни, Перв. о̑нѝ,

XII. 12, Остр. другой текстъ, VI. 25, Остр. ѻ҆нѝ), впрочемъ преимущественно въ значеніи мн. ч. личнаго мѣстоименія 3 лица (такъ 2 Макк. VI. 25, XII. 12) и болѣе частая сложная: ѻ҆́нїи (Дан. III. 21, Остр. другой текстъ, VI. 11, 15, Остр. ѻ҆ни, Первоп. ѻ҆́ни и ѻ҆нѝ, XII. 2, Остр. ѻ҆нѝ, Первоп. ѻ҆нѝ, 1 Макк. VIII. 30, Остр. и Первоп. ѻ҆нѝ, и т. д.). У Зизанія ѻ҆нѝ (л. 45). Изрѣдка встрѣчается и форма винит. падежа: ѻ҆́ны (М. XXIV. 22, днїє ѻ҆́ны два раза, Остр. тїи, Первоп. тїи). Въ данномъ случаѣ перенесеніе формы винит. падежа въ именительный могло быть вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что выраженіе днїє ѻ҆́ны состоитъ изъ двухъ членовъ, тѣсно связанныхъ между собой ассоціаціей смежности, образующихъ такъ называемый рядъ (Reihenassociation нѣмецкихъ ученыхъ) и особенно часто встрѣчающихся именно въ винительномъ падежѣ въ готовой формулѣ во днѝ ѻ҆́ны. При естественной слабости языковаго чутья у редакторовъ текста такое перенесеніе представляется вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ другихъ сочетаніяхъ такая форма именит. падежа множ. ч. не встрѣчается. У М. Смотр. находимъ только простую форму съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: ѻ҆нѝ (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: ѻ҆́на (Прем. Сол. V. 9. Только одинъ случай. Остр. ѻ҆на, Первоп. ѻ҆́на) и ѻ҆́наѧ (Числ. X. 31. Остр. друг. текстъ, Іов. XIX. 23, Остр. другой текстъ, 3 Ездры. XII. 2, Остр. друг. текстъ. Только три случая). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѻ҆́на (л. 166 на обор.). Въ женскомъ родѣ имѣется уже только одна сложная форма: ѻ҆́ныѧ (Исх. II. 19, Остр. ѻ҆ни же, Первоп. ѻ҆́нѝ же, Дан. XIII. 57, Остр. еще ѻ҆ны, Первоп. ѻ҆́ны). У М. Смотрицкаго одна простая: ѻ҆́ны (л. 166).

Родительный падежъ. Въ муж. родѣ имѣются обѣ формы: простая ѻ҆́нѣхъ (Іезек. XLIII. 8, Остр. ѻ́нѣхъ, Первоп. ѻ҆́нѣхъ, Матѳ. XXIII. 23, Остр. ѻ҆нѣхъ, Первоп. ѻ҆́нѣхъ) и сложная ѻ҆́ныхъ (Второз. XXIX. 18, Остр. тѣхъ; Исх. VII. 12, Остр. ѻ҆нѣхъ, Первоп. ѻ҆́нѣхъ; Быт. XLVIII. 6, Остр. ѻ҆нѣ҇, Первоп. ѻ҆́нѣхъ; Быт. XLIII. 32, Остр. ѻ҆нѣхъ, Первоп. ѻ҆́нѣхъ; Дан. III. 22 вм. винит., Остр. ты҆, Первоп. ты; Прем. С. XI. 14, вм.

винит., Остр. и҆́хъ; XVI. 4, вм. винит. Остр. дат. мн. ѻ҆нѣ́мъ; XVII. 18 также вм. винит., Остр. друг. текстъ—и҆́хъ и т. д.). У М. Смотр. одна простая форма: ѻ҆́нѣхъ (л. 165 на об.). Въ среднемъ родѣ находимъ также и ту, и другую: ѻ҆́нѣхъ (Л. XI. 42, Остр. ѻ҆нѣ́хъ, Первоп. ѻ҆́нѣхъ) и ѻ҆́ныхъ (1 Парал. XXIX. 3, Остр. и Первоп. также ѻ҆́ныхъ, 1 Макк. XI. 14, Остр. ѻ҆ныхъ, Первоп. ѻ҆́ныхъ). У М. Смотрицкаго только простая форма ѻ҆́нѣхъ (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ находимъ только простую форму: ѻ҆́нѣхъ (единств. случай: Iезек. XVI. 51, Остр. ѻ҆нѣ҃, Первоп. ѻ҆́нѣхъ). У М. Смотрицкаго также одна простая—ѻ҆́нѣхъ (л. 166). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что сложная форма принадлежитъ позднѣйшему времени. Въ Остр. и Первопечатной библiи находимъ вмѣсто нея простую форму или формы другихъ основъ. Только въ родит. множ. ср. рода форма встрѣчается уже въ Остр. библiи.

Дательный падежъ представляетъ приблизительно такiя же отношенiя.

Въ мужескомъ родѣ находимъ обѣ формы: ѻ҆́нѣмъ (Матѳ. XIII. 11, Остр. ѻ҆нѣмъже, Первоп. ѻ҆нѣмъже, Мр. IV. 11, Остр. ѻ҆нѣмже, Первоп. ѻ҆́нѣмъ же, Зах. VIII. 11, Остр. ѻ҆́нѣмъ XIV. 17, Остр. сїѻ҆нѣхъ, Первоп. сїѡ҆́нѣхъ—опечатка вм. сїи онѣмъ и т. д.) и ѻ҆́нымъ (Быт. VI. 21, Остр. и Первоп. ѻ҆́нѣмъ, XLIII. 32, Остр. си́мъ, 3 Ездры VII. 69, Остр. си́мъ, Притчи XXIV. 16, Остр. ѻ҆немъ падаю́щемъ, Первоп. ѻ҆́нѣмъ па́дающымъ и т. д.). У М. Смотрицкаго: ѻ҆́нѣмъ, простая форма для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166). Примѣровъ дат. множ. ж. и ср. рода въ новомъ библейскомъ текстѣ не встрѣчается *). Какого-либо оттѣнка въ значенiи съ той или другой формой не соединено: ѻ҆́нымъ же... разбѣ́гшымсѧ (2 Макк. XIV. 44, Остр. другой текстъ), но ѻ҆́нѣмъ же ѿвѣща́вшымъ (тамъ же XV. 4, Остр. ѿ҆нѣмже). Въ Остр. въ первомъ случаѣ другая редакцiя текста, во второмъ ѿ҆нѣмже.

*) Въ Остр. и Первоп. библiи дат. мн. ср. р. по словесе́мъ ѻ҆́нымъ (Нов. си́мъ).

Винительный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: простая:—ѻ҆́ны (2 Парал. VIII. 2, Остр. другой текстъ, Д. Апост. XXI. 26, Остр. друг. текстъ, М. XXII. 7, Остр. о́ны, Первоп. ѻ҆́ны), во дни̑ ѻ҆́ны (Быт. VI. 4, Остр. Первоп. ѻ҆́ны, Матѳ. III 1, 1 Цств. IV. 1 и т. д.—весьма частая формула), и сложная: ѻ҆́ныѧ (Быт. XXXI. 34, Остр. друг. текстъ, 3 Цств. XIV. 28, Остр. ѧ҆̀, Іезек. IV. 9, Остр. другой текстъ, XXXVIII. 17, Остр. ты̑), которая, какъ и всѣ сложныя формы, въ болѣе древнемъ періодѣ церковнославянскаго отсутствуетъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма—ѻ҆́ны (л. 165 на об.).

Синтактическая замѣна формой родительнаго довольно часта. Въ роли винит. п. встрѣчаемъ обѣ формы: простую—ѻ҆́нѣхъ (Прем. С. XI. 11, Остр. о́нѣхже, Перв. ѻ҆́нѣхъ же, Евр. IV. 8, Остр. ѻ҆́нѣхъ) и сложную ѻ҆́ныхъ (тамъже 14, Остр. и҆́хъ; Неем. XIII. 11, Остр. другой текстъ, Быт. XIX. 9, Остр. ѻ҆ны, Перв. ѻ҆́ны, Іоан. X. 35, а҆́ще ѻ҆́ныхъ речѐ богѡ́въ... Остр. а҆ще ѻ҆ны̑ рече богы, Первоп. также ѻ҆ны̑ и т. д. см. также выше — родит. падежъ). Въ Остр. и Первоп., какъ видно, чаще исконный винит. падежъ. Въ среднемъ родѣ находимъ также обѣ формы: простую—ѻ҆́на (1 Макк. XI. 14, времена̀ ѻ҆́на, Остр. по съ предл. мн., Второз. VII. 19, зна́менїѧ ѻ҆́на. Остр. и Первоп. ѻ҆́на, Дан. XI. 14, въ лѣта ѻ҆́на, Остр. та̀) и сложную ѻ҆́наѧ (Второз. XXIX. 3, Остр. и Первоп. ѻ҆́на, 1 Цств. XXV. 11, Остр. та̀, Іезек. VII. 20, Остр. ѥ҆̑). У М. Смотрицкаго одна краткая форма ѻ҆́на (л. 166 на об.). Въ женскомъ родѣ имѣются также обѣ формы: простая ѻ҆́ны (1 Цств. XVII. 28, Остр. о҆ны̑, Первоп. ѻ҆́ны, Дѣян. Ап. XX. 2. страны̑ ѻ҆́ны, Остр. тыѧ) и сложная ѻ҆́ныѧ (Лев. XX. 14, Остр. и҆́хъ, Суд. XVI. 3, Остр. ѧ҆̀). У М. Смотрицкаго одна простая форма ѻ҆́ны (л. 166).

Творительный падежъ представляетъ одну простую форму только въ мужескомъ родѣ (всего два случая): ѻ҆́нѣми (Д. Апост. XV. 9, Остр. ѻ҆нѣми, Первоп. ѻ҆́нѣми. 1. Петра IV. 14, Остр. ѻ҆нѣми, Первоп. ѡ҆нѣ́ми, съ удареніемъ, вызваннымъ вліяніемъ тѣ́ми). У М. Смотрицкаго простая форма ѻ҆́нѣми для всѣхъ трехъ родовъ (л. 165—166).

Предложный падежъ. Въ мужескомъ родѣ обѣ формы: про-

стая о҃нѣхъ, очень частая въ сочетаніи во днє́хъ—или по днє́хъ—(Мр. I. 9, Остр. о҃нѣхъ, Первоп. о҃нѣхъ, 2 Пар. XXI. 8, Остр. и Первоп. о҃нѣхъ, Іерем. V. 18, Остр. тѣхъ, Евр. X. 16, Остр. о҃нѣх и т. д.) и сложная о҃ныхъ (1 Парал. VII. 24, Остр. о҃ныхъ, Первоп. о҃ныхъ, можетъ быть и предложный ср. рода, 2 Пар. XXXII, 24 во днє́хъ о҃ныхъ, Остр. по́ днє́х тѣх). У М. Смотрицкаго одна простая форма о҃нѣхъ для всѣхъ трехъ родовъ. Случай предложнаго ср. р. (простая форма): на мѣстѣхъ о҃нѣхъ (Д. Ап. XVI. 3, Остр. о҃нѣхъ, Первоп. о҃нѣхъ).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сложныя формы принадлежатъ позднѣйшему времени; въ текстахъ Остр. и Первоп. библій на ихъ мѣстѣ находятся простыя формы этой же или другихъ мѣстоименныхъ основъ, если текстъ тожественъ; очень часто сложныя формы въ Новой библіи имѣются въ такихъ мѣстахъ, чтеніе которыхъ сильно разнится отъ стараго текста, такъ что онѣ очевидно внесены при исправленіи. Въ Новой библіи замѣчается даже стремленіе къ замѣнѣ простыхъ формъ сложными. Простыя большею частью встрѣчаются въ готовыхъ формулахъ (сочетаніяхъ), сложившихся давно и очень устойчивыхъ, въ родѣ во вре́мѧ о҃но, (во, по)днє́хъ о҃нѣхъ и т. д. Если отбросить такія формулы, то числовое отношеніе между простыми и сложными формами представляется въ такихъ приблизительныхъ цифрахъ:

Единственное число: Им. м. р. простыхъ 3, сложныхъ 11, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 9, ср. р., наоборотъ, простыхъ 5, сложныхъ 4. Родительный: м. р. простыхъ 1, и 2 вмѣсто винит. п., всего три, сложныхъ—15 и, вмѣсто винит. 3, ж. р. простыхъ 3, сложныхъ 6, ср. р. только сложныя 4. Въ дательномъ находимъ однѣ простыя формы. Винительный м. р. простыхъ 4, сложныхъ 8, ж. р. простыхъ 9, сложныхъ 10, ср. р. простыхъ 4, сложныхъ 8. Творит. м. р. только сложный—2 случая, ж. р. только одна простая форма. Предложный имѣется также только простой: м. р. 4, ж. 2, ср. 3. Множественное число. Именит. м. р. 2 простыхъ, 6 сложныхъ, ж. р. только сложныя двѣ, средняго рода одна простая, двѣ сложныхъ. Род. м. р. простыхъ 6, сложныхъ 9, ж. р. одна простая, ср. р. два простыхъ, сложныхъ—3. Дательный м. р.

простыхъ 7, сложныхъ 8, ж. и ср. р. нѣтъ случаевъ. Винит. падежъ м. р. простыхъ 4, сложныхъ 5, ж. р. по одной ф., ср. простыхъ двѣ, сложныхъ 5. Творит. м. р. только двѣ простыхъ. Предложный м. р. наоборотъ—три простыхъ и двѣ сложныхъ, ср. р. одна простая. Родительный, вмѣсто винительнаго м. р.—три простыхъ и 10 сложныхъ. Общій итогъ: 78 простыхъ и 133 сложныхъ. Незначительная неточность, которая могла вкрасться при составленіи этого разсчета, не уничтожаетъ значенія этихъ цифръ, свидѣтельствующихъ о значительномъ перевѣсѣ сложныхъ формъ. Принадлежащей къ разсмотрѣнному морфологическому и семасіологическому гнѣзду чувствуется теперь очевидно и форма винит. ед. м. р. отъ относительнаго мѣстоименія и҃—о҃нь со вторичнымъ, абсорбированнымъ отъ предлога о; объ этомъ свидѣтельствуютъ не только обычныя написанія: въ де́нь, въ о҃ньже не ча́етъ, и҃ въ ча́съ, въ о҃ньже не вѣсть (Матѳ. XXIV. 44, Остр. воньже и въньже, Первоп. во́нь же), въ о҃нь (Лев. XXIII. 21, Остр. вонь, Первоп. во́нь), гдѣ предлогъ отдѣленъ и возстановлено (графически) ъ, но и такія, какъ во о҃ньже (1 Цств. XXI. 6, Остр. втои, Первоп. в то́й, Ис. XVII. 11, Остр. и Первоп. во́ньже).

Такія же приблизительно отношенія представляютъ менѣе богатыя примѣрами склоненія мѣстоименій и҃нъ, о҃въ. Мѣстоименіе са́мъ представляетъ нѣкоторыя особенности, такъ какъ въ извѣстныхъ падежахъ идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-, какъ и, сь и т. д.

Какъ и у вышеразсмотрѣнныхъ мѣстоименныхъ основъ и здѣсь мы находимъ простыя формы рядомъ со сложными:

Единственное число. Именительный падежъ Въ мужескомъ родѣ простая форма са́мъ (2 Парал. XXVI. 20: и҃бо и҃ са́мъ тща́шесѧ, Іов. XXVIII. 23: са́мъ бо вѣсть...); въ ж. р. также: сама̀ (Римл. VIII. 21, сама̀ тва́рь свободи́тсѧ, Остр. сама, Первоп. сама̀); въ ср. р. обѣ формы: простая са́мо (1 Іоан. Посл. II. 27: то̀ са́мо пома́заніе оу҆чи́тъ, Остр. только то҃) и сложная са́мое (1 Кор. XI. 4: са́мое є҆стество̀ оу҆чи́тъ вы̀... Остр. самое, Первоп. са́мое, 3 Ездры VIII. 9, Остр. др. текстъ). У М. Смотрицкаго

одна простая форма: са́мъ (л. 163), сама̀ (тамъ же на обор.) и са́мо.

Родительный муж. рода въ сложной формѣ: самагѡ̀ (Іов. I. 12, самагѡ̀ да не ко́снешисѧ, Остр. само́го же, Первоп. самого́ же простая форма) и сама́гѡ (Ефес. IV. 16, Остр. себѣ̀). У М. Смотрицкаго въ муж. р. простая форма, самогѡ̀, въ ж. сложная самы́ѧ, въ ср. также сложная самагѡ (безъ ударенія l. c.). Родительный вмѣсто винительнаго—самаго̀ же сщ҃енногра́бителѧ... оу҆би́ша (2 Макк. IV. 42, Остр. безъ мѣстоименія) — сложная форма съ обычной графической дифференціаціей (ѡ и о); сама́го (Іак. II. 8, Остр. самого, Первоп. самого̀) есть вѣроятно опечатка.

Дательный м. р. въ простой формѣ: самомꙋ̀ (Мр. IV. 1, Д. Ап. XXV. 25, Остр, самомꙋ, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго м. и ср. родъ также въ простой формѣ, ж. р. имѣетъ обѣ: само́й: ѣ̀й (л. 163 на обор.).

Винительный м. рода въ сложной формѣ: въ са́мый то́й де́нь (Эсѳ. VIII. 13, Остр. самы́й, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. также самꙋ́ю (Іез. XXIII. 10, самꙋ́ю мече́мъ оу҆сѣкнꙋ́ша, Остр. простая ф. самꙋ̀, Первоп. са́мꙋ. Характерно и удареніе, находящееся, быть можетъ, въ связи съ только что приведенной формой в. ед. м. р. самы́и изъ Остр. библіи) и са́мꙋю (П. Пѣсн. I. 7, Остр. самꙋ́ю, Первоп. са́мꙋю); въ ср. р. опять только сложная форма: са́мое (Лев. VI. 5: да ѿда́стъ са́мое то̀ ӥ҆стое, Остр. само́е, Первоп. са́мое). У М. Смотр. въ муж. родѣ одна форма родит. ед., въ ж. простая—са́мꙋ, въ среднемъ также простая—са́мо.

Творительный. Въ муж. родѣ простая форма: самѣ́мъ (Быт. XXII. 16, мно́ю самѣ́мъ клѧ́хсѧ, Остр. другой текстъ—собо́ю) и рядомъ по типу мѣстоименныхъ основъ на jo- сами́мъ (3 Ездры XIII. 26, сами́мъ собо́ю ӥ҆зба́витъ, Остр. са́мъ себѣ̀), какъ въ современномъ русскомъ. У М. Смотрицкаго одна простая форма. Въ ж. родѣ также простая форма — са́мою (2 Макк. III. 8, Остр. другой текстъ, М. Смотр. л. 163 на обор.). Въ среднемъ родѣ—сложная: са́мымъ (2 Макк. IV. 12, подъ са́мымъ краегра́діемъ, Остр. друг. текстъ). У М. Смотр. простая (л. 164).

Предложный муж. р. въ простой формѣ: само́мъ (3 Ездры IX. 1, въ себѣ..., Іоан. I. 22, ѿ тебѣ само́мъ..., тоже у М. Смотрицкаго). Въ ж. р. у М. Смотр. двѣ формы: простая и сложная само́й и самѣй, примѣровъ которымъ въ библ. текстѣ не имѣется. Ср. р. у М. Смотрицкаго одинаковъ съ мужескимъ (l. c.).

Формы двойственнаго числа, приведенныя у М. Смотрицкаго, въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются, и потому, какъ недостовѣрныя, могутъ быть оставлены безъ особаго вниманія. Им. вин. зв. во всѣхъ родахъ са́ма (для ж. и ср. это мало вѣроятно), род. и пр. муж. и ср. са́мꙋ, ж. самꙋ (опечатка?), дат. и твор. самѣма.

Множественное число. Именительный муж. рода только въ простой формѣ—са́ми (Быт. XLIV. 3, Остр. другой текстъ, Прем. Сол. XIII. 6, Остр. такъ же); у М. Смотрицкаго такъ же (л. 163 на обор.). Формы ж. и ср. рода въ библіи не встрѣчаются; у М. Смотрицкаго онѣ простыя: самы̀ и са́ма (л. 163 на об. и л. 164).

Родительный муж. р. имѣетъ три формы: простую—самѣхъ (Д. Ап. XX. 30: ѿ ва́съ самѣхъ, Остр. самѣхъ, Первоп. какъ Новой, 1. Кор. V. 13, Остр. самѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), сложную—са́мыхъ (3 Ездры VIII. 10, ѿ са́мыхъ члéнωвъ, Остр. ѿнй състав, Первоп. ѿ йхъ составъ) и вторичную, продуктъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-: сами́хъ (Іезек. XXXIV. 8, вмѣсто винит. пасо́ша... сами́хъ себѣ, Остр. и Первоп. са́ми себѣ, Юд. II. 10, Остр. другой текстъ, Ис. III. 9, Остр. другой текстъ), какъ си́хъ, и́хъ и т. д. У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ простая форма—самѣхъ (l. c.). Формы ж. и ср. род., въ текстѣ библіи отсутствуютъ.

Дательный муж. р. — простая форма самѣмъ (2 Сол. I. 4, самѣмъ на́мъ, Остр. самѣмъ, Первоп. самѣмъ, 1 Кор. VII. 35, на по́льзꙋ ва́мъ самѣмъ, М. Смотрицк. для всѣхъ трехъ родовъ также самѣмъ).

Рядомъ вторичная форма по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: сами́мъ (Быт. XLVII. 24, бꙋ́дꙋтъ вамъ сами́мъ, Остр. только вамъ, 2. Макк. III. 2, слꙋча́шесѧ и̑ сами́мъ царе́мъ, Остр. са́ми

цри, 1. Кор. I. 24, проповѣдуемъ... самимъ же званнымъ Іудеемъ, Остр. самѣмже, Первоп. самѣмъ же).

Сложная форма самымъ имѣется: Исх. XX. 23 (Остр. сами себѣ), 1 Ездры VI. 20, Остр. другой текстъ.

Винительный не встрѣчается. Имѣются только синтактическія замѣны родительнымъ: самѣхъ (Кол. III. 16, вразумляюще себе самѣхъ, Остр. и Первоп. такъ же) и самихъ (см. выше). У М. Смотрицкаго простыя формы: м. и ж. р. самы, ср. сама.

Творительный въ текстѣ библіи не встрѣчается. У М. Смотрицкаго простая форма самѣми для ж. и ср. родовъ, въ муж. самѣмъ—очевидная опечатка.

Предложный м. р. встрѣчается только въ простой формѣ—самѣхъ (Римл. I. 24, въ себѣ самѣхъ. Остр. самѣхъ, Первоп. самѣхъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ трехъ родовъ также самѣхъ. Кромѣ того имѣется и вторичная форма самихъ (Ис. V. 21, Остр. друг. текстъ).

Изъ другихъ мѣстоименій съ основой на о- укажемъ еще на нѣкоторыя формы, уклоняющіяся отъ старославянскаго или чѣмъ-нибудь замѣчательныя. Такъ морфологической ассимиляціей къ остальнымъ падежамъ объясняется творит. ед. отъ мѣстоименія вопросительнаго кто (стсл. къто)—кимъ (Л. XIV. 8, Остр. кимъ, стсл. цѣмь). Путемъ „аналогіи“ здѣсь возстановлено к, сохранившееся въ другихъ падежахъ въ силу особыхъ фонетическихъ условій.

Другимъ факторомъ въ образованіи данной формы весьма вѣроятно была параллельная форма чимъ, отвѣчающая стсл. чимь; не безъ вліянія оставались и формы творит. ед. прочихъ мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ симъ, имъ и т. д. Процессъ морфологической ассимиляціи здѣсь такимъ образомъ сложнѣе, чѣмъ тотъ, результатомъ котораго является соотвѣтственная русская форма *кѣмъ*. Мѣстоименія їакъ, такъ склоняются, какъ и другія мѣстоименныя основы на о-, разсмотрѣнныя выше: тв. ед. м. р. їацѣмъ (Іоан. V. 4, Остр. їацѣмже), р. мн. їацѣхъ (Мр. IX. 3, Остр. їацѣхже, Первоп. їацѣхже), тацѣхъ (тамъ же X. 14, Остр. тацѣх, Первоп. какъ въ Новой).

Склоненіе числительныхъ два, оба въ общемъ сохранилось безъ особыхъ измѣненій.

Им. м. р. двà (Быт. II. 24), вин. м. р. двà (Быт. XXXIV. 25). Ср. р. им. двѣ̀ (I. XXI. 8, двѣ̀ стѣ̀), но рядомъ встрѣчается и форма муж. р., какъ въ русскомъ, вліяніемъ котораго она и объясняется: вин. двà свѣти́ла (Быт. I. 16, Остр. и Перв. еще двѣ̀ свѣти́лѣ); ж. р. им. двѣ̀ жены̀ (2 Макк. VI. 10), вин. двѣ̀ жены̀ (Быт. IV. 19, Остр. и Первоп. двѣ̀ женѣ̀). У Мел. Смотрицкаго для муж. и средн. рода двà (л. 154 и 155), для женскаго двѣ̀. У Зизанія для муж. р. двà (л. 41 на обор.), женск. р. двѣ̀, ср. р. двóє (л. 42).

Родительный м. р. двꙋ̀ сынѡ́въ (Быт. XXXVIII. 11, Остр. двѣ̀), ср. р. двꙋ́стꙋ (Iезек. XLVIII. 17, Остр. двꙋ̀ стꙋ̀). Предложный м. р. на двꙋ̀ дворѣ́хъ (4 Цств. XXI. 5, Остр. нá двꙋ̀ дворӑ). Въ стсл. чаще форма **дъвою** отъ **двой, дъвой,** основы на jo-. Примѣры этой послѣдней формы: ѿ двою̀ дрéвꙋ (Ис. VII. 4, Остр. двóю древесꙋ̀, Первоп. двою̀ древесꙋ̀), по двою̀ же днию̀ (Іоан. IV. 43, Остр. двою, Первоп. двою́), по двою̀ лѣ́тꙋ (Быт. XLI. 1, Остр. другой текстъ), по двою̀ дворꙋ̀ (4 Цств. XXIII. 12, Остр. въ двóю, Первоп. двою̀). Рядомъ имѣется вторичная, заимствованная изъ русскаго форма съ окончаніемъ множ. числа: двꙋ́хъ (род. м. р. 1. Ездры X. 13, Остр. и Первоп. двꙋ̀, Ис. VII. 16, Остр. двóю, Первоп. двою̀, предложный м. рода Суд. X. 4: на тридесѧти двꙋ́хъ ѻслѣ́хъ, Остр. на л҃ ѻслеχъ). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ двóю (л. 41—42). Та же форма и у Мелет. Смотрицкаго для муж. рода: двóю (л. 154), для сред. двою̀ (л. 155) и для женскаго двѣ́ю (л. 154 на об.). Дифференціація эта произвольна, какъ указываютъ приведенные выше примѣры изъ Библій. Въ Новой и Первопечатной безразлично имѣется только двою̀ для муж. и сред., а въ Острожской двóю. Форма же двѣ́ю не встрѣчается.

Дательный и творительный. Для всѣхъ родовъ двѣмà (стсл. **дъвѣма**): дат. муж. рода двѣмà (Мр. XVI. 12, Остр. двѣма, Первоп. двѣмà), твор. ср. р. двѣмà стóма (Мр. VI. 37, Остр. двѣма стома, Первоп. двѣмà), ж. р. двѣмà вéщми (Евр. VI. 18, Остр. двѣмà вéщма), м. р. двѣмà тала́нты (3. Цств. XVI. 24, Остр. двѣмà тала́нтома). Рядомъ имѣется вторичная форма дат.

множ., заимствованная очевидно изъ русскаго: двꙋмъ рабынѧмъ (Быт. XXXIII. 1, Остр. род. дв. двꙋ) и объясняющаяся морфологической ассимиляціей къ вторичной же формѣ двꙋхъ. I. Н. XIV. ст. 3, имѣемъ форму родит. дв. въ значеніи дат. дв. ср. р.: даде... двꙋ племенѡмъ (Остр. двема племене, Первоп. двѣма племенемъ). У Мелет. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ: двѣма (л. 154 и 155).

У Зизанія дифференціація по ударенію: муж. и жен. двѣма (л. 41—42), ср. двѣма.

Такъ же склоняется ѻба: им. м. р. ѻба (Быт. II, 25), им. ж. р. ѻбѣ (дщери Лѡтовы. Быт. XIX. 36), вин. м. р. ѻба (Быт. XL. 2), ср. р. на ѻба рамена (Исх. XXXVI), подъ вліяніемъ тождества им. вин. зв. м. и ср. рода въ именномъ склоненіи (основъ на о-), вмѣсто ѻбѣ (Остр. и Перв. еще ѻбѣ рамѣ); но ѻбѣ рамѣ (Быт. IX. 23); вин. жен. р. ѻбѣ странѣ (Исх. XXVIII. 7): стсл. м. **оба**, ж. и ср. **обѣ**.

Родительный и предложный только отъ основы на jo- *ѻбой, какъ и въ стсл.: р. м. р. ѿ ѻбою (I. Сир. XXII. 5, Остр. обою, Первоп. обою), предл. м. р. ѡ ѻбою братꙋ (Матѳ. XX. 24, Остр. ѻбою, Первоп. ѡбою): стсл. **обою**.

Дательный и творительный, какъ въ старославянскомъ: д. м. р. ѻбѣма братома (Быт. IX. 22, Остр. ѻбѣма, Перв. ѻбѣма, Быт. III. 7, Апок. XI. 3, Остр. ѻбѣма, Перв. ѻбѣма и т. д.); творит. м. р. ѻбѣма (Быт. XXXII. 22): стсл. **обѣма**.

У М. Смотрицкаго находимъ своеобразныя педантскія попытки дифференцировать различные роды въ склоненіи данныхъ числительныхъ: муж. рода ѻба, ѻбою (NB. удареніе), ѻбома (NB. л. 152 на обор.), ср. р. ѻба, ѻбою, ѻбоима (безъ ударенія, л. 153), но ж. р. ѻбѣ (пропущено), ѻбѣю (NB.), ѻбѣма. Въ языкѣ Библіи эти попытки не находятъ оправданія.

Основы мѣстоименныя на jo-. Склоненіе мѣстоименія *й, ꙗ, є не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ старославянскаго. Въ именительномъ падежѣ всѣхъ трехъ чиселъ первичныя формы утрачены; сохранились онѣ только въ сочетаніи съ частицей же: ед. чис. йже (Второзак. XXV. 19), ꙗже (Быт. I. 7, 9), єже (Быт.

II. 16), множ. ч. йже (2 Ездры II. 6), ж. р. ꙗже (Матѳ. XXV. 1), съ ꙗ=ѧ, ср. р. ꙗже (I. XXI. 25), стсл. ед. ч. и, ꙗ, ѥ, мн. ч. и, ѩ, ꙗ. Вмѣсто этихъ формъ находимъ соотвѣтственныя формы другаго указат. мѣстоименія онъ (напр. у Зизанія л. 45).

Родительный ед. М. р. єгѡ (Быт. II. 7, стсл. ѥго), ж. р. єѧ (Б. XII. 6, стсл. ѥѩ). У М. Смотрицкаго такъ же (л. 178).

Дательный. М. р. ємꙋ (Матѳ. XXII. 19, стсл. ѥмоу), ж. р. єй (Б. XXIV. 47, стсл. ѥи). М. См. ємоу, єй (l. c.).

Винительный. М. р. й, довольно часто (Быт. XXXII. 8—пόлкъ, Исх. II. 35—ковчéжецъ, Исх. XXIV. 21—священника Азарію, Ис. XXXIII. 7—нищаго) въ значеніи личномъ и предметномъ. Въ первомъ значеніи весьма часто имѣется обычная замѣна формой род. ед. съ графической дифференціаціей: и возвѣетъ єгò ѿ мѣста єгѡ (Іов. XXVII. 21, Остр. въ обоихъ случаяхъ єго, Первоп. уже єгò... єгѡ, ср. также М. XXVII. 35: распéншїи же єгò, раздѣлиша ризы єгѡ, Остр. въ обоихъ случаяхъ єго, Первоп. єгò—єгѡ). Обѣ формы нерѣдко встрѣчаются вмѣстѣ: и испытайте й аки вертéпъ, и погꙋбите єгò (Іерем. L. 26, Остр. другой текстъ); повéрзи єгò на зéмлю. и вéрже й на зéмлю (Исх. IV. 3, Остр. єго... и, Первоп. єгò... й). Женск. рода—ю (М. I. 19, Б. XXXII. 8 и т. д.). Ср. р.—є (М. V. 29, Исх. II. 6 и т. д.): стсл. и, ѭ, ѥ. У М. См. єгò, й, ю, є (л. 178).

Творительный. М. р. преднимъ (Л. I. 17, стсл. имь), М. См. имъ; ж. р. єю (Быт. I. 28, стсл. ѥѭ), М. См. такъ же.

Предложный. М. р. на нéмъ (М. XII. 18, стсл. ѥмь); ж. р. въ нéй (М. I. 20, стсл. ѥи). У М. См. ѡ ємъ, ѡ єй рядомъ съ ѡ нéмъ, ѡ нéй.

Двойственное число. Именительный не встрѣчается. Формы им. и вин. дв., приводимыя М. Смотр. (л. 178) м. и ср. а, ж. ѣ, ничѣмъ не подтверждаются въ текстѣ Библіи и являются однимъ изъ примѣровъ чисто теоретическихъ педантскихъ построеній этого грамматика. Родительный: м. р. єю (М. XXI. 3, VIII. 30: —ѿ нею, Л. XV. 12 и т. д., стсл. ѥю). Дательный. М. р. йма (Іис. Сир. VII. 30, Лев. X. 1), ж. р. йма (Матѳ. XXVIII. 10, 11): стсл. има. Винительный двойственнаго за-

мѣненъ винительнымъ множественнаго: м. р. ꙗ҃ (Мр. I. 20 Іакова и Іоанна: стсл. ꙗ, Остр. и Первоп. ꙗ҃), ж. р. ꙗ҃ (Матѳ. XXVIII. 9, Руѳь I. 9, 1 Цств. VI. 10 Остр. и Перв. ꙗ҃). Въ м. р. ꙗ можетъ еще отвѣчать стсл. вин. дв. ꙗ, но въ женскомъ мы ожидали бы *й (стсл. н); такъ какъ церковнославянская орѳографія сохраняетъ написаніе ꙗ, положимъ въ им. ж. р. ꙗ҄же (стсл. ꙗ), то и въ вин. дв. м. р. слѣдовало бы ожидать написаній съ ꙗ. Вмѣсто нихъ однако мы имѣемъ такое же написаніе съ ꙗ, какъ въ винительномъ множественнаго ꙗ҃=стсл. ꙗ, такъ что и вин. дв. м. р. ꙗ҃ можетъ быть разсматриваемъ какъ вин. множ.

Творительный м. р.: съ ни́ма (Лук. XXIV. 15, стсл. нꙑма).

Множественное число. Именительный не встрѣчается. Родительный не уклоняется отъ старославянскаго: и҄хъ (Быт. XLIII. 24, мужеск. рода стсл. нхъ). Дательный также: и҄мъ (М. II. 13. м. р., Л. XXIV. 4, 5. ж. р.). Винительный м. р. какъ въ старославянскомъ: ꙗ҃ (Быт. XXV. 6, Ам. IX. 2, 3, стсл. ꙗ), ж. р. также ꙗ҃ (ѕвѣзды Б. I. 17, стсл. ꙗ), ср. р. ꙗ҃ вмѣсто *ꙗ҃ (Быт. XV. 10, стсл. ꙗ). Рядомъ имѣются случаи синтактической замѣны родительнымъ: и҄хъ (м. р. М. XXI. 14, 41, Остр. и҄хъ, и҃, ж. р. Мр. XVI. 8, Остр. и҃) и т. д. У М. Смотр. находимъ графическую дифференціацію для написаній тожественныхъ формъ вин. м., ж. и ср.: въ муж. и ср. ꙗ҃, въ ж. ꙗ҃. Творительный: м. р. съ ни́ми (Б. XIX. 5, стсл. нми), ж. р. пре́дними (Лук. XXIV. 4, стсл. нми) и т. д. Предложный муж. р. въ ни́хъ (Лук. XXII. 24, стсл. нхъ).

Такъ же мало измѣнилось склоненіе притяжательныхъ мѣстоименій мо́й, тво́й, свой.

Единственное число. Именительный м. р. мо́й (Матѳ. III. 17, стсл. мой), ж. р. моѧ҄ (Быт. XLIX. 3, стсл. моꙗ), ср. р. мое̑ (Іов. XXIII. 2, стсл. моѥ).

Родительный м. р. моегѡ̀ (Быт. XLVI. 31, стсл. моѥго), ср. р. такъ же (Іов. XXIII. 2), ж. р. моеѧ̀ (тамъ же, стсл. моѥꙗ). Дательный м. р. твоемꙋ̀ (Пс. V. 8, стсл. твоѥмоу), ср. р. такъ же (Пс. XLIV. 13), ж. р. свое́й (Исх. XXI. 26, 27, стсл. своѥи). Винительный м. р. мо́й (Іерем. VI. 19, стсл.

мой), ср. р. твоѐ (Исх. IV. 6, стсл. твоѥ), ж. р. твою̀ (Руѳь III. 10. стсл. твоѭ). Случай синтактической замѣны винит. м. р. формой родительнаго: посылаю Ангела моего̀ (Мр. I. 2, Остр. моѐго, Первоп. моего̀: графическая дифференціація въ Первопечатной библіи проведена не послѣдовательно) и т. д. У М. См. приводится только одна форма родит. винит. (л. 170). Творительный м. р. моимъ (Быт. XLVIII. 32, стсл. моимь), ср. р. такъ же (Іерем. XX. 8), ж. р. своѐю (1 Цств. II. 10, стсл. своѥѭ). Предложный м. р. моѐмъ (Эккл. II. 10, стсл. моѥмь), ср. р. такъ же (Пс. XXIX. 7), но мо́емъ (3 Езд. XIII. 16, Остр. моѐмъ, Перв. моѐмъ), ж. р. моѐй (Руѳь I. 11, стсл. моѥи).

Двойственное число. И. м. р. твоѧ̀ (Пѣснь П. IV. 5, VII. 3: два̀ сосца̀—, стсл. твоꙗ), вин. м. р. моѧ̀ (Римл. XVI. 3) и т. д. им. ж. р. мой (Пс. XVII. 37, стсл. мои), вин. ж. р. въ рꙋцѣ мой (Быт. XXXIX. 8) и т. д. им. ср. р. о҆́чи мой (Пс. CXL. 8, стсл. мои), вин. ср. р. возмꙋ крилѣ мой (Пс. CXXXVIII. 9) и т. д. У М. Смотр. находимъ формы им. ж. р. моѣ (л. 170 на об.), твоѣ (л. 171 на об.), своѣ (л. 172 на об.), которыя, можетъ быть, были вызваны народными формами им. множ. моѣ, своѣ.

Родительный и предложный: предл. ср. р. во о҆́чїю моѐю (Іерем. VII. 30, стсл. моѥю), родит. ѿ о҆́чїю моѐю (Быт. XXXI. 40), р. ж. р. ѿ рꙋкꙋ моѐю (Быт. XXXIII. 10) и т. д. У Зизанія моѐю и твоѐю. Сюда же надо отнести и формы мою̂, твою̂, которыя у него, вѣроятно, ошибочно отнесены къ им. вин. зв. (л. 46).

Дательный и творительный: дат. муж. р. свидѣтелема мои́ма (Апок. XI. 3. стсл. моима), тв. ж. р. рꙋка́ма мои́ма (Пс. LXXVI. 3), тв. ср. р. о҆чи́ма свои́ма (Лев. XX. 4), дат. ср. р. о҆чи́ма мои́ма (Пс. CXXXI. 4) и т. д.

Множественное число. Именительный муж. род. мой (Быт. XXXI. 43, стсл. мои), ж. р. моѧ̀ (тамъ же), ср. р. моѧ̂ (тамъ же). Графическая дифференціація двухъ послѣднихъ написаній иногда достигается употребленіемъ разныхъ знаковъ для обозначенія ударенія ` и ^, но проведена она далеко не послѣдовательно, такъ что является почти исключеніемъ: беззако́нїѧ моѧ̂ (Пс.

XXXVII. 5) и ра̑ны моѧ̀ (тамъ же, 6), ѹ҆ста̀ моѧ̀ (Пс. XXXIX. 4), чꙋдеса̀ твоѧ̀ (тамъ же, 6) и т. д. Въ среднемъ родѣ слѣдовало бы ожидать написаній съ ꙗ (стсл. ж. моꙗ, ср. моꙗ), но такъ какъ вообще знакъ ѧ въ церковнослав. графикѣ получилъ значеніе=а съ предшествующимъ палатальнымъ согласнымъ или j, то формы им. ж. р. и ср. р. въ ней совпали совершенно. Иногда встрѣчается форма м. р., вмѣсто ж. или ср.: жи́тницы твои̑ (Второз. XXVIII. 5, 17, Остр. гꙋмна твои̑, Первоп. такъ же), въ чемъ надо видѣть вліяніе русскаго языка.

Родительный м. род. мои́хъ (Ч. XXIII. 11), ж. р. такъ же (Іов. 34): стсл. моихъ.

Дательный м. р. свои́мъ (Быт. XLIX. 33), ж. р. мои́мъ (Пс. LVI. 7) и т. д.: стсл. моимъ.

Винительный м. р. моѧ̀ (Быт. XXVI. 5), ср. и ж. р. такъ же (тамъ же): стсл. м. и ж. моꙗ, ср. моꙗ.

Синтактическая замѣна родительнымъ въ м. родѣ: двои́хъ сынѡ́въ мои́хъ ѹ҆бі́й (Быт. XLII. 37, Остр. сн҃а моѧ̀ ѻ҆́ба, Первоп. такъ же—моѧ̀), но лю́ди твоѧ̀ (Пс. LXXVI. 21), сы́ны твоѧ̀ (Пс. CXLVII. 2). Иногда встрѣчаются формы им. вин. зв. ср. рода вмѣсто вин. множ. того же рода: ра́мы свои̑ (Быт. XLIX. 15, Остр. ра́мѣ свои̑, Первоп. такъ же), но ра́мы своѧ̀ (Исх. XII. 34, Остр. и Перв. также); у Зизанія вин. м. р. мои̑, твои̑ (л. 46 на об.), ж. и ср. моѧ̀, твоѧ̀ (л. 47); такая неправильность объясняется просто подстановкой формы множ. ч. существительнаго на мѣсто формы двойственнаго ч., при чемъ слабость языковаго чутья въ области цслав. съ одной стороны и вліяніе роднаго языка съ другой помѣшали сдѣлать такую же замѣну и съ мѣстоименіемъ.

Звательный м. р. заимствуетъ форму винит. множ.: бра́тїе моѧ̀ (Іак. V. 12).

Творительный м. р. мои́ми (Б. XLIX. 29), ж. р. (Пс. VI. 7) и ср. (Іер. I. 12) такъ же; стсл. моими.

Предложный м. р. твои́хъ (Іов. XXII. 28), ж. р. свои́хъ (Іер. XXIII. 32), ср. р. мои́хъ (Быт. XXX. 3): стсл. моихъ.

Точно такъ же склоняются и мѣстоименія чі́й, на́шъ (стсл. нашь), ва́шъ (стсл. вашь). Извѣстныя особенности представляютъ только

нѣкоторые падежи множ. числа послѣднихъ двухъ мѣстоименій. Такъ, въ именительномъ множ. м. р., рядомъ съ „правильной“ формой на́ши, ва́ши (Быт. XLVI. 34, Исх. XII. 26, Остр. и Перв. ва́ша), встрѣчается форма винит. множ. ва́шѧ (ско́ти ва́шѧ, Второз. III. 19), употребленная какъ именительный. Встрѣчается также вмѣсто формы именит. множ. ж. р. форма, тождественная, какъ въ русскомъ, съ именит. мн. м. р. и которая въ сущности есть именит. двойств. ж. р.: „ѿмыютсѧ но́ги ва́ши (Быт. XVIII. 4, Остр. ногы ваша, Перв. но́ги ваша), но винит. мн. но́ги ва́шѧ (Быт. XIX. 2, Остр. нозѣ ваши. Перв. но́зѣ ва́ши). Что касается именит. множ. ср. рода, то надо замѣтить графическую дифференціацію его съ одинаково звучащей формой им. мн. ж. р.: конечный гласный а, соотвѣтствующій въ ср. р. стсл. -а, въ ж. -ѧ, обозначается помощью а въ первомъ случаѣ (ли́ца на́ша: Дан. I. 13, Остр. о̑зрачи на́ша, Первоп. ѿзрачи на́шы; Быт. XXXIV. 23. ...на́ша... бꙋ́дꙋтъ, Остр. ед. ч., Прем. Сол. IX. 14. оу҆мыш-ле́ніѧ на́ша, Остр. на́ша, Первоп. такъ же), ѧ во второмъ (рꙋ́ки на́шѧ: 1 Іоан. I. 1, Остр. и Первоп. на́ша). Дифференціація эта послѣдовательно проведена только въ Новой библіи, въ Остр. и Первопеч. она отсутствуетъ.

Дательный въ написаніи отличается отъ старосл. окончаніемъ -ымъ, что объясняется непалатальностью ш: на́шымъ (Прем. Сол. II. 12, ср. р., Остр. на́шимъ, Первоп. на́шымъ, Быт. L. 24, м. р., Остр. наши̑, Перв. на́шымъ), ва́шымъ (Исх. XII. 24, м. р., Остр. ва́шимъ, Первоп. такъ же): стсл. нашимъ, вашимъ.

Въ написаніяхъ другихъ падежей однако эта непалатальность ш почти не даетъ себя чувствовать. Сверхъ непалатальности ш, т. е. причины фонетической, въ происхожденіи подобныхъ написаній могла играть роль и причина морфологическая — уподобляющее вліяніе дат. множ. сложныхъ именъ прилагательныхъ съ послѣднимъ согласнымъ основы непалатальнымъ, какъ до́брымъ и т. д.

Винительный множ. м. р. представляетъ двѣ формы — исконную: ва́шѧ (стсл. вашѧ, Исх. III. 22, Остр. ва́ша, Первоп. такъ же, Быт. XLVII. 16: скоты ва́шѧ, Остр. ед. ч. и т. д.) и форму именит. множ. ва́ши, какъ въ русскомъ (Быт. L. 21,

*

до́мы ва́ши, Остр. ва́ша, Первоп. такъ же, Iерем. V. 17, хлѣбы ва́ши, Остр. хлѣбъ твои), которая, въ силу непалатальности ш, передается иногда написаніемъ ва́шы (помдѣ проро́ки ва́шы—Iерем. II. 30, Остр. ва́ша, Первоп. такъ же). Какъ видно изъ цитатъ, форма эта, вдобавокъ очень рѣдкая, является только въ Новой библіи и такимъ образомъ должна быть отнесена на счетъ вліянія русскаго языка. Остальные падежи не представляютъ ничего особеннаго. У М. См. находимъ формы им. дв. ч. ж. р., не оправдываемыя библейскимъ текстомъ и вызванныя педантическимъ и произвольнымъ стремленіемъ исправлять языкъ: на́шѣ (л. 176), ва́шѣ (л. 177 на обор.). У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ на̂ша (л. 48).

Мѣстоименіе чі́й имѣется только въ нѣкоторыхъ формахъ: Ед. ч. им. м. р. чі́й (Быт. XXXII. 17), ж. р. чіѧ̀ (Б. XXIV. 23, удареніе какъ въ русскомъ. Остр. такъ же).

Р. ср. р. чі̀егѡ̀ (Iов. XXXVIII. 29, Остр. чі̀его, Первоп. какъ въ Нов.), ж. р. чі̀еѧ̀ (1 Цств. XII. 4, Остр. ничі̀еѧ, Первоп. ничі̀еѧ).

Тв. ср. р. чі́имъ (2 Ездры VI. 4, 11, Остр. им. ср. чі̀е, Первоп. чі̀е).

Пр. ср. р. чі̀емъ (I. Сир. XXIV. 7, Остр. друг. текстъ).

Им. мн. ср. р. чіѧ̀ (Быт. XXXII. 17, Остр. чі̀е).

Такъ же, какъ мой, склоняются числительныя дво́й, ѻ҆бо́й, тро́й, имѣющіяся главнымъ образомъ въ формахъ множ. числа.

Именительный множ. м. род. дво́и лю́діе (Быт. XXV. 23, Остр. и Первоп. такъ же), им. мн. ср. р. врата̀ тро́ѧ (Iез. XLVIII. 31—34).

Родительный мн. ж. род.: двои́хъ рабы́нь (Быт. XXXI. 33, Остр. и Первоп. ѻ҆бою рабыню).

Дательный мн. м. р.: двои́мъ ю҆́ношамъ (I. Нав. VI. 21, Остр. и Первоп. двѣма́ же ю҆ношама.

Винительный мн. ж. род. дво́и двє́ри (3 Цств. VI. 32, Остр. дво́ѧ, Первоп. такъ же), дво́и ри́зы (Суд. XVII. 10, Остр. двое ризы, Первоп. какъ въ Новой), форма эта тожественна съ им. дв. ж. р., но въ то же время можетъ быть вызвана вліяніемъ рус-

скихъ формъ; ср. р. двоѧ сїѧ слышахъ (Пс. XLI. 12, Остр. вин. ед. двое сє, Первоп. двоѧ сїѧ).

Предложный м. род. двоихъ вертепахъ (3 Цств. XVIII. 4, Остр. двою вртєпꙋ, Первоп. двою вертєпꙋ).

Какъ именит. ср. р. ед. числа слѣдуетъ разсматривать форму двоє ослѧтъ (Суд. XIX. 3, Остр. такъ же), винит. ед. ср. р. на двоє (Лев. XI. 3, 4, Остр. съ русскимъ удареніемъ надвоє, Первоп. такъ же), также двоє же ми сотвориши (Іов. XIII. 20).

Такія же почти отношенія представляетъ склоненіе ѡбой.

Единственное число. Родительный ср. род. ѻбоегѡ (2 Макк. VIII. 22, Остр. другой текстъ, Притчи С. XXVII. 3, Остр. ѻбоего, Первоп. ѻбоегѡ).

Множественное число. Именительный м. р. ѻбои (2 Макк. X. 28, Остр. ѻбои, Первоп. такъ же), ср. р. ѻбоѧ полны (Числ. VII. 13, 19, 25 и т. д. Остр. ѻбоє, Первоп. ѻбоє; Притчи XX. 10, 12, Остр. ѻбоѧ, Первоп. обоѧ).

Родительный м. род. ѻбоихъ (Іоан. I. 40, Остр. ѻбою, Первоп. ѻбою; вм. вин.: Тов. VIII. 13, Остр. друг. текстъ. Ефес. II. 16, Остр. ѻбоихъ, Первоп. ѻбоихъ).

Дательный м. род. ѻбоимъ двꙋмъ оугламъ (Исх. XXVI. 24, Остр. ѻбѣма оуглома, Первоп. ѻбѣма, 3 Цств. VI. 25.

Винительный м. род. см. родит., ср. р. за ѻбоѧ (Прем. Сол. XIV. 30, Остр. друг. текстъ).

Творительный м. род. надъ ѻбѣими столпами (3 Цств. VII. 20, Остр. гл. VI другой текстъ), ж. р. со ѻбѣими вереѧми (Суд. XVI. 3, Остр. м. р. ѻбѣима побоєма, Первоп. ѡбѣима побоєма), безъ того различенія между этими двумя видами основы, какое имѣется въ русскомъ (не всегда и не вездѣ).

Предложный м. р. на ѻбоихъ краехъ (Исх. XXVI. 19, 21, Остр. и Первоп. ѻбою концꙋ), на ѻбѣихъ столпѣхъ (3 Цств. VII. 42, Остр. гл. VI. на обѣх столпѣхъ, Первоп. на ѻбѣхъ...), ср. р. во ѻбоихъ оушесѣхъ (1 Цств. III. 11, Остр. им. дв.), во ѻбоихъ (Іис. Сир. XLI. 17, Остр. ѿ ѻбою), ж. р. на ѻбоихъ двереѧхъ (3 Цств. VI. 34, Остр. другой текстъ). Основы обоj- и обѣj- употребляются, какъ видно изъ примѣровъ, безъ всякаго отно-

шенія къ роду; послѣдняя очевидно внесена изъ русскаго языка и въ Остр. библіи встрѣчается рѣже, чѣмъ въ Новой. У М. Смотрицкаго даже нѣтъ второй основы, вызванной вліяніемъ именит. двойств. ж. и ср. рода обѣ. Склоненіе первой основы во множ. ч. представляется у него въ такомъ видѣ:

И. м. р. ѻ҆бои (удареніе?), ж. р. ѻ҆̏бо́ѧ, ср. ѻ҆̏бо́ѧ.

Р. ѻ҆бои́хъ ѻ҆̏боихъ (съ другимъ акцентомъ).

Д. ѻ҆бои́мъ ѻ҆бои́мъ ѻ҆̏боимъ

В. ѻ҆бо́ѧ ѻ҆̏бо́ѧ

Зв. ѿ ѻ҆бои (удареніе?) — ѿ ѻ҆̏бо́ѧ

Тв. во всѣхъ родахъ ѻ҆бои́ми

Предл. ѿ ѻ҆бои́хъ ѻ҆̏боихъ ѻ҆бои́хъ (лл. 152 на об. и 153).

Различной акцентуаціи тожественныхъ формъ едва ли можно придавать какое нибудь значеніе, кромѣ произвольной попытки дифференцировать одинаковыя формы.

Сложное мѣстоименіе кі́й (стсл. **кыи**), ка́ѧ (стсл. **каꙗ**), ко́є (стсл. **коѥ**) въ косвенныхъ падежахъ представляло въ стслав. двѣ основы **къ-** и **кojо-**, которыя могутъ быть выдѣлены и въ церковнославянскихъ формахъ.

Единственное число. Им. ед. м. р. кі̏й или кі́й (Второз. XX. 5. 7, Остр. др. текстъ. Быт. XXXI. 36, Остр. др. текстъ, М. XXI. 31, Остр. кы́и, Первоп. кі́й, Л. XXII. 24, Остр. кі̏и), ж. р. ка́ѧ (М. XVI. 26, Остр. ка̀а, Первоп. ка́ѧ), ср. р. ко́є (1 Цств. XVIII. 18, Д. Ап. VII. 49, Остр. и Первоп. такъ же). У М. См. кі́й, ка́ѧ, ко́є (л. 173 на об., 174). Въ Остр. библіи встрѣчается чисто русскій именительный ед. м. р. кои (3 Макк. IV. 3, Первоп. ко́й), въ основѣ котораго лежитъ стсл. **кън**.

Родительный м. и ср. р. ко́єгѡ (стсл. **коѥго**: м. р. I. Сир. XXXIV. 24, Остр. коѥ̑го, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. Тов. V. 9. 11, Остр. др. текстъ, Неем. II. 6, Остр. коѥ̑го, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. ко́єѧ (стсл. **коѥѩ**, Іона I. 8, Остр. коєѧ, Первоп. коє́ѧ, Д. Ап. XXIII. 34, Остр. коє̑ѧ, Первоп. коє́ѧ) и коє̏ѧ (Д. Ап. X. 29, Остр. др. текстъ). Удареніе ко́єѧ

вѣроятно позднѣйшаго происхожденія и вызвано уподобленіемъ къ другимъ падежамъ, гдѣ удареніе находится на основѣ. Ср. акцентуацію моеѧ̀ (см. выше), а также формы Первопечатной библіи коеѧ̀, приведенныя выше. У М. Смотр. м. и ср. ко́егѡ, ж. ко́еѧ (l. c.).

Дательный м. и ср. р. ко́емꙋ (стсл. коѥмоу: м. р. Лев. XXI. 17, Остр. коемꙋ, Первоп. ко́емꙋ), ж. р. ко́ей (Мр. IѴ. 30, Остр. ко́ей, Первоп. ко́ей, стсл. коѥи). У М. Смотр. м. и ср. ко́емꙋ, ж. ко́ей (l. c.).

Винительный м. рода кі́й (Д. Ап. VII. 49, Остр. кіи, Первоп. кі́й, стсл. кый), ж. р. кꙋ́ю (стсл. чаще коѭ; Д. Ап. XXII. 24, Остр. кꙋ̀ю, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. ко́е (Іов. XXѴII. 10, Остр. кое, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотр. въ м. р. только форма родит. вм. винит. ко́его (см. также Тов. I. 17, 18, Остр. другой текстъ), ж. коу́ю, ср. ко́е.

Творительный м. р. кі́имъ (стсл. кынмь, 3 Цств. XIII. 12, Остр. кꙋ̀имъ, Первоп. какъ въ Новой, 4 Цств. III. 8, Остр. коимъ̀, Перв. ко́имъ), ср. р. ко́имъ (Д. Ап. IѴ. 7, Остр. коимъ, Первоп. ко́имъ, Остр. Д. Ап. X. 29 ко́й слово; 1 Кор. XѴ. 35, Остр. ко́имже, Первоп. ко́имже) и кі́имъ (Дан. XIII. 58, Остр. кіимъ, Первоп. кі́имъ); ж. р, ко́ею (стсл. коѥѭ, М. XXI. 23, 24, 27, Остр. коею̀. Первоп. коею̀, Д. Ап. IѴ. 7, Остр. коею̀, Первоп. ко́ею). Приведенныя формы замѣчательны въ отношеніи ударенія: въ Остр. библіи оно имѣлось на окончаніи: коимъ̀, коею̀, въ Первопечатной уже ко́имъ, но коею̀ (есть и ко́ею), въ Новой уже на основѣ ко́имъ, ко́ею. У М. Смотр. м. и ср. ко́имъ, ж. ко́ею.

Предложный м. и ср. р. ко́емъ (стсл. коѥмь; сравн. ср. р. нѣкоемъ Второз. XXII. 6), у М. Смотр. такъ же; ж. р. ко́ей (стсл. коѥи; Іов. XXXѴIII. 19, Остр. коеи, Первоп. ко́ей); у М. Смотр. такъ же.

Двойственное число не имѣетъ примѣровъ въ текстѣ Библіи.

Им. вин. зв. муж. рода долженъ быть ка́ѧ (ср. два̀ нѣкаѧ Л. VII. 18, вин. м. рода, Остр. нѣкаа, Первоп. нѣкаѧ). или *ко́ѧ (ср. стсл. моꙗ), ж. и ср. *ко́и (ср. стсл. мои). У М.

Смотр. кія для м. и ср., кіѣ для женскаго—формы, не оправдываемыя текстами.

Род. и предл. у М. Смотрицкаго коєю, дат. и твор. коима и кіима для всѣхъ трехъ родовъ (л. 173—174)—формы возможныя.

Множественное число. Именительный муж. рода представляетъ вторичное образованіе, въ которомъ, подъ вліяніемъ остальныхъ падежей, возстановлено к: кіи (стсл. ции; Ис. LX. 8, Остр. нѣціи, Первоп. нѣціи, Іоан. VI. 64, Остр. кто); судя по формѣ нѣцыи (Неем. V. 2. 3, Остр. другой текстъ), мы должны были бы ожидать им. мн. м. р. *цыи, какого однако въ дѣйствительности не встрѣчается. У М. Смотрицкаго находимъ также только кіи (л. 173 на обор.). Изрѣдка встрѣчается форма винит. множ., употребленная въ смыслѣ именительнаго: кія сѹть... (3 Ездры IV. 7, стсл. кыꙗ. Остр. другой текстъ—что сѹть). Въ женскомъ родѣ никакихъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ ы=и: кія (стсл. кыꙗ, 3 Макк. IV. 3, Остр. другой текстъ). У М. Смотрицкаго такая же форма (л. 174). Въ среднемъ также: кая племена (стсл. каꙗ; 3 Ездры III. 32, Остр. кацыи ꙗзыцы). У М. Смотрицкаго коя (л. 174 на об.)—форма, въ Библіи не встрѣчающаяся.

Родительный м. р. кіихъ (стсл. кыихъ; Іона I. 8, Остр. коихъ, Первоп. коихъ съ другимъ удареніемъ, чѣмъ въ Новой библ., Матѳ. XVII. 25, Остр. кый, Первоп. кіихъ), а также коихъ (Юд. X. 12, Остр. друг. текстъ; вмѣсто винит. 3 Ездры V. 52, Остр. кой, Первоп. коихъ. Зографск. ев. Л. XXIV. 19 коихъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ только коихъ (1. с.).

Дательный не встрѣчается; судя по формѣ м. р. нѣкіимъ (2 Макк. X. 18, Остр. нѣкоихъ), онъ долженъ бы былъ имѣть форму кіимъ (стсл. кыимъ). У М. Смотрицкаго для всѣхъ родовъ коимъ (1. с.).

Винительный м. р. слѣдовало бы ожидать кія (стсл. кыꙗ. Ср. нѣкіа и нѣкія. Д. Ап. IX. 2. 19, Остр. нѣкіа, Первоп. нѣкія, а также вышеприведенную форму именит. множ. кія: 3 Ездры IV. 7). У М. Смотрицкаго кія. Обычныя синтактическія замѣны

формой родит. множ.: ко́ихъ (3 Ездры V. 52, см. выше, Евр. III. 17, Остр. ко́йхже, Первоп. ко́ихъ). Женск. рода кі́ѧ (стсл. кыѩ, Матѳ. XIX. 18, Остр. кы́а, Первоп. ки́ѧ). У М. Смотр. также кі́ѧ (л. 174). Ср. рода должно бы быть ка́ѧ (стсл. каꙗ), если заключать на основаніи формы ка́ѧждо (1 Парал. XXVI. 13, Остр. коꙗ҆ждо, Первоп. ка́ѧждо, 2 Макк. XIV. 9, Остр. ко́ждо, Перв. такъ же). У М. Смотрицкаго мало вѣроятная форма кі́ѧ (л. 174 на обор.).

Творительный въ Библіи не встрѣчается. У М. Смотрицкаго для муж. и ж. р. коими и ки́ми (стсл. кыими заставляло бы ожидать *кі́ими), для ср. р. коими и кі́ими.

Предложный м. р. кі́ихъ (стсл. кыихъ; Юд. VIII. 15, Остр. другой текстъ, ср. также кі́ихждо, 2 Макк. II, 29, Остр. койхъждо, Первоп. такъ же), ср. р. ко́ихъ (3 Ездры X. 38, Остр. койхъ, Первоп. ко́ихъ); ж. р. кі́ихждо (2 Ездры I. 16, Остр. друг. текстъ). У М. Смотрицкаго для м. р. ко́ихъ, кі́ихъ, для ж. и ср. ко́й, кй.

Точно такъ же или почти такъ же склоняются различныя сложныя мѣстоименія, въ составъ которыхъ входятъ кій: нѣкій (довольно частыя формы), никі́йже (Л. XVI, 13), кі́йждо и т. д.

Относительно перваго изъ нихъ надо отмѣтить преобладаніе основы къ-; основа kojo- въ Новой б. имѣется только въ род., дат., предл. единственнаго, во множественномъ числѣ она совсѣмъ не встрѣчается. Именительный множеств. ч. м. р. всегда—нѣцыи (Мр. IX. 1, Остр. нѣціи, Первоп. нѣцыи); форма нѣкіи встрѣчается только въ Остр. б. (3 Ездры XIII. 13, Первоп. такъ же, Новая нѣцыи). Винит. множ. м. р. нѣкіѧ (2 Макк. IV. 32, Д. Ап. IX. 2. 19).

Слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторыя формы съ „контракціей“ гласныхъ і-и: род. мн. муж. р. нѣкихъ (Іов. XXII. 8, Остр. нѣкіихъ, Первоп. нѣкихъ, Л. IX. 7, Остр. нѣкыхъ, Первоп. нѣкихъ, 1 Тимоѳ. V. 24, Остр. нѣкй, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ съ нѣкіихъ (2 Макк. IV. 8, Остр. друг. текстъ, X. 20, Остр. нѣкойхъ, Первоп. нѣкихъ), дат. мн. м. р. нѣкимъ (Л. XXI. 5, Остр. нѣкоимъ, Первоп. такъ же) и нѣкимъ (I. Тим. V. 24,

Остр. нѣкимже, Первоп. нѣкимъ же), рядомъ съ нѣкїимъ (2 Макк. X. 18, Остр. другой текстъ).

Собственно „контракцію" гласныхъ въ этихъ формахъ едва ли можно видѣть. Гораздо правдоподобнѣе объясненіе ихъ морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ отъ мѣстоименныхъ основъ на jo-, какъ си́хъ, си́мъ, мои́хъ, мои́мъ, ѝхъ, ѝмъ и т. д. Процессъ уподобленія имѣлъ приблизительно такое направленіе: если рядомъ съ сі́и, мои́, на́ши и т. д. имѣются формы си́хъ, си́мъ; мои́хъ, мои́мъ; на́шихъ, на́шымъ, то и рядомъ съ кі́и, нѣкі́и могутъ быть формы ки́хъ, ки́мъ, нѣки́хъ, нѣки́мъ. Такого же происхожденія должны быть приведенныя у М. Смотрицкаго (см. выше) формы твор. и предл. множ. ки́ми, ки́хъ.

Мѣстоименія се́й (стсл. сь, сии) и что̀ (стсл. чьто), первоначально основы на і-, представляютъ въ своемъ склоненіи уже въ старославянскомъ характерныя черты мѣстоименныхъ основъ на jo-, которыя болѣе или менѣе сохраняются и въ церковнославянскомъ.

Мѣстоименіе се́й уклоняется отъ старослав. главнымъ образомъ въ им. и вин. падежахъ ед. и множ. числа. Склоненіе его представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Единственное число. Именительный м. р. только въ сложной формѣ се́й (стсл. сии, простая сь; Быт. IV. 20. 21. 22, Остр. се́и, Первоп. се́й) или сі́й (очень рѣдко: Мр. XII. 16, Остр. сі́и, Первоп. сі́й). У М. Смотрицкаго се́й, сі́й (л. 168 на обор.). У Зизанія се́й (л. 49 на обор.). Простая форма совершенно исчезла. Въ ж. р. также одна сложная форма сі́ѧ (стсл. си, Быт. II. 4, Остр. сі́ѧ, Л. II. 36, Остр. сѝ, Первоп. какъ въ Новой). У М. Смотрицкаго сі́ѧ и сѝ (л. 169). У Зизанія сі́ѧ (л. 49 на обор.). Форма ж. р. сѝ въ текстѣ Новой библ. совсѣмъ не встрѣчается. Средній родъ представляетъ обѣ формы: простую се̑ (очень рѣдко: Л. XVIII. 36 — что̀ оу҆́бѡ є҆́сть се̑, Остр. се̑, Первоп. се̑, Исаія XXXVI. 6, въ смыслѣ нарѣчія се̑ оуповаєши, Іерем. V. 5), соотвѣтствующую стсл. се, и сложную сі́е (Эккл. XI. 6, Остр. се̑, Первоп. се́ли), въ основѣ которой лежитъ форма *сьjо-. У М. Смотрицкаго одна сложная форма сі́е

(л. 169 на обор.). У Зизанія сі́є. Можно отмѣтить разницу въ акцентуаціи Зизанія сі́ѧ, сі́є, рядомъ съ общими сїѧ̀, сїѐ (л. 49 на обор.).

Родительный м. и ср. рода сегѡ̀ (стсл. **сего**; м. р. 1 Цств. IV. 16, Остр. сего̀, Первоп. сегѡ̀, ср. р. Быт. II. 24, Остр. сего̀, Первоп. сегѡ̀), ж. р. сеѧ̀ (стсл. **сеѩ**, Быт. XXI. 10, Остр. и Первоп. такъ же). У М. Смотрицкаго сегѡ̀, сеѧ̀ (l. c.).

Дательный м. р. семꙋ̀ (Лев. IV. 20, Остр. семꙋ̀, Первоп. семꙋ̀), ж. р. се́й (Мр. XI. 23, Остр. се́и, Первоп. се́й): стсл. **семоу, сеи**. У М. Смотрицкаго м. и ср. семоу̀, ж. се́й.

Винительный м. р. се́й (Мс. XXXVI. 6, Остр. другой текстъ, стсл. **сии, сь**), обычная замѣна родит. сего̀ (Іоан. VI. 27, Остр. сего, Первоп. сего), съ графической дифференціацией. У М. Смотрицкаго только эта послѣдняя форма. Въ ж. родѣ сїю̀ (стсл. **сиѭ**; Быт. XII. 7, Остр. и Первоп. какъ въ Новой). Въ ср. родѣ такія же двѣ формы, какъ въ именит.: простая сѐ (стсл. **се**; Лук. XIII. 8, й сѐ лѣто, Остр. се̑, Первоп. сѐ, Іоан. II. 22, сѐ глаго́лаше, Остр. се̑ Первоп. сѐ) и сложная сїѐ (Мр. I. 39, Остр. сѐ, Первоп. се́, Быт. XXXVIII. 23, Остр. другой текстъ). Какъ видно изъ цитатъ (ср. также выше формы именит. ср. р.), форма сїѐ въ Остр. и Первоп. встрѣчается рѣже, чѣмъ простая и болѣе древняя сѐ, почти исчезнувшая напротивъ въ Новой. У Зизанія м. сего̀, ж. сі́ю, ср. сі́є (л. 49 на обор.).

Творительный м. и ср. р. си́мъ (Ис. XXXVI. 7, Остр. симъ, Первоп. си́мъ м. р. Тов. VI. 8, ср. р.: стсл. **симь**); ж. р. се́ю (Числ. XIII. 18, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **сеѭ**). У М. Смотрицкаго м. и ср. р. си́мь, ж. сею̀, съ удареніемъ, вызваннымъ, очевидно, морфологической ассимиляціей къ такимъ формамъ, какъ сїѧ̀, сеѧ̀, сїю̀. У Зизанія м. си̑, ср. си̑мъ, ж. сею̑ (л. 49 на обор.).

Предложный м. и ср. рода се́мъ (М. р. Быт. VII. 1, Остр. се̑м, Первоп. се́мъ; ср. р. Быт. XXIV. 9, Остр. другой текстъ, стсл. **семь**), ж. р. се́й (Іоан. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **сеи**). У М. Смотрицкаго м. и ср. се́мъ, ж. се́й.

Двойственное число представлено, по обыкновенію, скудно.

Имѣется им. дв. ср. р. два̀ сі҄ѧ҄ (Ис. XLVII. 9, Остр. ѻ҆бо́є то҄) или два̀ сі҄ѧ҄ (тамъ же LI. 19, Остр. дво́є се҄), если только это не имен. множ. ср. р., на что указываетъ множ. число глагола. Согласно съ старосл. мы ожидали бы формы *сі҄и҄ (стсл. син), которая въ текстѣ библіи не встрѣчается. Съ другой стороны приведенная форма сі҄ѧ҄ тожественна съ ожидаемой формой именит. дв. м. р. (ср. стсл. сиꙗ). У М. Смотрицкаго для муж. и ср. р. находимъ дѣйствительно одну форму сі҄а̀ (л. 169 на обѣихъ сторонахъ), для ж. построенную по образцу обѣ и т. д., невозможную форму сі҄ѣ. У Зизанія для всѣхъ трехъ родовъ сі҄ѧ и сі҄ю (л. 49 на обор.).

Родительный двойств. м. р. сею̀ (Д. Апост. I. 24, Остр. сєю, Первоп. сєю̀), ср. р. такъ же (Матѳ. V. 37, Остр. и Первоп. сєю̀). Рядомъ имѣется предложный ж. р. сі҄ю̀, уклоняющійся отъ стсл. сєю подъ вліяніемъ такихъ формъ, гдѣ имѣется основа сьјо- Матѳ. XXII. 40: въ сі҄ю̀ ѻ҆бою̀ за̀повѣдію... Остр. всі҄ю, Первоп. в҆ сі҄ю̀). У Зизанія для всѣхъ родовъ сі҄ю (л. 49 на обор.).

Дательный м. р. си́ма (Д. Ап. IV. 16, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. сима). У Зизанія си́ма (л. 49 на обор.).

Множественное число. Именительный муж. р. сі́и (стсл. син), съ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго (Быт. XXXVI. 1, 5, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 и т. д. Остр. сі҄й, Первоп. сі́и, Исх. XIV. 3, Остр. си҄, Первоп. си̇̀, какъ вси, 1 Парал. XII. 1. 14. 15, Остр. сі҄и, Первоп. сі҄й, Быт. X. 29. 31, Остр. сі҄и, Первоп. сі҄й, Числ. III. 9, 17, 20, 21, 27, 33, Остр. сі҄й, Первоп. также сі҄й) и которое является, повидимому, вторичнымъ (Остр. и Перв. почти вездѣ сі҄й) и вызваннымъ, быть можетъ, морфологической ассимиляціей къ ті́и. У М. Смотрицкаго сі́и, какъ въ Новой библ. Такъ же и у Зизанія (л. 49 на обор.). Въ ж. р. сі҄ѧ҄ (Быт. XLI. 4, Остр. сі҄ѧ, Первоп. сі҄ѧ҄); у М. Смотрицкаго также сі҄ѧ҄ (стсл. сиꙗ). У Зизанія сі́ѧ (л. 49 на обор.). Въ ср. р. также сі҄ѧ҄ (Исх. I. 1, Остр. си҄, Первоп. сі҄ѧ҄) или сі҄ѧ҄ (Матѳ. XXIV. 3, Остр. сі҄а, Первоп. сі҄ѧ҄), въ основѣ каковой формы лежитъ стсл. сиꙗ. Разные знаки акцента, понятно, не имѣютъ никакого фонетическаго значенія и вѣроятно являются плодами попытки къ графической дифференціаціи тожественныхъ написаній сі҄ѧ (им. ж. р.) и сі҄ѧ҄

(им. ср. р.). У М. Смотрицкаго сі҄ѧ (л. 169 на обор.); у Зизанія сі҄ѧ (л. 49 на обор.).

Родительный не представляетъ никакихъ уклоненій отъ стсл.: м. р. си҄хъ (1 Цств. IV. 8), ср. р. такъ же (Притчи С. I. 5): стсл. **снхъ**.

Дательный также сохранился безъ особыхъ измѣненій: м. р. си҄мъ (Быт. XXIV. 28), ср. р. также си҄мъ (2 Макк. IV. 9, Остр. симже, Первоп. си҄мъ же) или си҄мъ Іак. III. 10, Остр. си҄мъ, Первоп. си҄мъ): стсл. **снмъ**.

Винительный м. р. сі҄ѧ (Іерем. VI. 19. 21, Остр. сіи, Первоп. сі҄ѧ)—стсл. **снѩ**. У М. Смотрицкаго также сі҄ѧ; ж. р. также сі҄ѧ (М. Смотрицкаго л. 169 на обор.: стсл. **снѩ**), ср. р. сі҄ѧ (Іерем. VI. 6, 9, 16, Остр. сіѧ, Первоп. сі҄ѧ), съ графической дифференціацией при помощи разныхъ знаковъ ударенія (м. и ж. ̀ ср. ̑); въ основѣ этой послѣдней формы лежитъ стсл. **снꙗ**; болѣе древняя стсл. форма **сн** дала, быть можетъ, также начало вышеприведеннымъ формамъ им. муж. си Остр. и Первоп. библій. У М. Смотр. также сі҄ѧ. Обычная замѣна вин. м. р. родительнымъ: си҄хъ (Быт. XLVI. 18, Остр. другой текстъ). У Зизанія для м. р. сі́и, для ж. и ср. сі҄ѧ.

Творительный ничѣмъ не уклоняется отъ стслав.: м. р. си҄ми (Исх. XVII. 5, Остр. другой текстъ), ср. р. такъ же (Быт. XV. 17, Остр. си҄ми). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ си҄ми (стсл. **снмн**).

Предложный м. р. си҄хъ (Быт. XXII. 1, Остр. предл. ед.) — стсл. **снхъ**. У М. Смотрицкаго такъ же.

Мѣстоименіе что̀ (стсл. **чьто**), первоначально основа на і-, представляетъ въ своемъ склоненіи особое распространеніе основы чесо- (стсл. **чьсо, чесо**), которая есть въ сущности родит. ед. отъ основы че-. Къ этой основѣ присоединяются падежныя окончанія. Это распространеніе замѣчается уже въ древнѣйшихъ старослав. памятникахъ, но въ новомъ церковнославянскомъ оно еще сильнѣе. У М. Смотр. именительный не только что̀, но и чесо̀ (л. 167).

Родительный п. чесѡ҄ (ра҄ди... Исх. II. 13, Остр. что̑ ради, Первоп. чесѡ҄; Іов. XXXIII. 13, Остр. чесо, Первоп. чесѡ, Мр. VIII. 1, Остр. и Первоп. чесо̀) — стсл. **чьсо, чесо**. Кромѣ

этой формы имѣется еще чесогѡ̀=стсл. чьсого (Быт. XXXVII. 16, 1 Цств. XX. 4, Остр. что̑, Первоп. что̀, Іов. XXXI. 16, Остр. другой текстъ), которая представляетъ изъ себя родит. чесѡ̀, взятый за основу+окончаніе родит. п. -гѡ. У М. Смотрицкаго чесѡ̀ и чесо́гѡ.

Дательный чесомꙋ (стсл. чьсомоу, чесомоу: Быт. XV. 8, Остр. чесомꙋ, Л. I. 18, Остр. чесомꙋ, Первоп. чесомꙋ, Іоан. XIII. 28, Остр. чесомꙋ, Первоп. чесомꙋ)=род. чесѡ̀+окончаніе мꙋ. У М. Смотрицкаго чемоу̀ (русская форма) и чесо́мꙋ (ibid.).

Винительный имѣетъ двѣ формы: исконную что̀ (стсл. чьто; Римл. IX. 11, Остр. и Первоп. чесо̀) и форму родит. падежа чесо̀ (синтактическая замѣна съ обычной графической дифференціаціей: Мр. XIII. 15, взѧти чесо̀, Остр. чесо, Первоп. чесѡ̀). У М. Смотр. находимъ также обѣ формы что̀, чесо̀ (л. 167).

Творительный является (кромѣ именит.) единственнымъ падежомъ, оставшимся свободнымъ отъ проникновенія вторичной основы чесо и сохранившимъ стслав. форму: чи́мъ (стсл. чимь; Лев. VI. 2, Остр. чи̑, Первоп. чи́мъ; Суд. XVI. 5. 6, Остр. чи́мъ, чи̑, Перв. чи́мъ, I. Сир. XXXIV. 15, Остр. чи́мсѧ ѡ̑держи̑, Первоп. чи́мсѧ). У М. Смотрицкаго также чи́мъ (тамъ же).

Предложный, рядомъ съ исконной формой че́мъ (стсл. чемь: Суд. XVI. 5. 6, Остр. и Первоп. че́мъ, Ис. II. 22, Остр. другой текстъ), представляетъ вторичную чесо́мъ (стсл. чесомь; Пс. LV. 8, Остр. че́сом̑, Первоп. чесо́мъ, Римл. VIII. 26, Остр. что̑, Первоп. что̀, Суд. VI. 15, Остр. чи̑, Первоп. чи́мъ). У М. Смотрицкаго равнымъ образомъ че́мъ и чесо́мъ (тамъ же).

Въ парадигмахъ М. Смотрицкаго находимъ вторичную основу чесо̀ даже въ именительномъ падежѣ, куда она очевидно попала по недоразумѣнію изъ винительнаго. Акцентуація у него разнится отъ находимой въ печатныхъ текстахъ Библіи, и удареніе, подъ вліяніемъ акцентуаціи род. чесо̀, получившаго такое преобладающее значеніе, сохраняется на послѣднемъ слогѣ вторичной основы, тогда какъ въ библейскихъ формахъ оно находится на падежныхъ окончаніяхъ, какъ въ русскомъ языкѣ: чесомꙋ̀ какъ *чему́*, чесогѡ̀, какъ *чего́* и т. д.

Мѣстоименіе ве́сь (стсл. **вьсь**), сохранило свое склоненіе безъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго.

Единственное число. Именительный падежъ м. р. ве́сь (Мр. I. 33, Остр. весь, Первоп. ве́сь, стсл. **вьсь**); ж. р. всѧ̀ (стсл. **вьсѣ**, **вьсꙗ**)=русск. вся (f's'a или fs'a): Мр. I. 5, Остр. всѧ̂, Первоп. всѧ̂; ср. р. всѐ (стсл. **вьсє**): Іоанна Посл. 1. II. 16, Остр. всѐ, Первоп. всѐ.

Родительный м. и ср. всегѡ̀ (ср. р. Іер. VIII. 2, Остр. друг. текстъ, Исх. XX. 17, Остр. всего скота̀, Первоп. всегѡ̀; стсл. **вьсєго**), ж. р. всеѧ̀ (Быт. I. 29, Остр. и Первоп. такъ же; стсл. **вьсєѩ**).

Дательный м. и ср. р. всемꙋ̀ (м. р. Іоан. XXI. 25, Остр. всемꙋ, Первоп. всемꙋ̀; стсл. **вьсємоу**), ж. р. все́й (Лук. VII. 17, Остр. всеи, Первоп. всей, стсл. **вьсєи**). У М. Смотрицкаго дат. м. и ср. р. всемоу̀ (л. 152).

Винительный м. р. ве́сь (ве́сь де́нь Пс. XXXVI. 26, Остр. весь, Первоп. ве́сь; стсл. **вьсь**): У М. Смотрицкаго только форма родит. всего̀ (л. 152), съ обычной графической дифференціаціей (см. также Іоан. VII. 23, Остр. всего, Первоп. всего̀); ж. р. всю̀=русск. *всю* (fs'ú, f's'ú). Согласно старосл. **вьсѫ**, слѣдовало бы ожидать *всꙋ̀, которое или прямо замѣнено русской формой, или, какъ и эта послѣдняя, возникло подъ вліяніемъ основъ на jo-(jā-) съ одной стороны и именит. ед. ж. р. всѧ̀ съ другой. Ср. р. всѐ (Быт. II. 6, Остр. всѐ, Первоп. всѐ, стсл. **вьсє**).

Творительный м. и ср. р. всѣ́мъ (Мр. XII. 30, Остр. всѣмъ, Первоп. всѣ́мъ; стсл. **вьсѣмь**); у М. Смотрицкаго м. р. всѣ́мь, ср. всѣ́мъ. Въ ж. р. все́ю (Мр. XII. 30, Остр. всею и всеѭ, Первоп. все́ю; стсл. **вьсєѭ**).

Предложный м. и ср. р. все́мъ (Эккл. I. 3, Остр. все̑, Первоп. все́мъ—м. р.; стсл. **вьсємь**); ж. р. все́й (Мр. I. 39, Остр. все́и, Первоп. все́й; стсл. **вьсєи**).

Двойственное число совсѣмъ не имѣетъ представителей въ библейскомъ текстѣ.

Множественное число. Именительный падежъ муж. рода вси̏ (Быт. V. 5, стсл. **вьси**), ж. р. всѧ̀ (Быт. XLI. 57, Остр. всѧ̂,

Первоп. вс҃ѧ, стсл. **вьсꙗ**), ср. р. вс҃ѧ (Д. Ап. IV. 32, Остр. вс҃ѧ, Первоп. вс҃ѧ, стсл. **вьсѣ=вьсꙗ, вьсꙗ**) съ графической дифференціаціей отъ ж. р. помощію разныхъ знаковъ ударенія.

Родительный м. р. всѣ́хъ (Быт. III. 1, Остр. и Первоп. такъ же, стсл. **вьсѣхъ**), ср. р. (Быт. II. 2), ж. р. (Іерем. VIII. 2), такъ же безъ всякихъ попытокъ къ дифференціаціи.

Дательный м. р. и ж. р. всѣ́мъ (Быт. II. 20, Остр. всѣ́мъ, Первоп. всѣ́мъ, стсл. **вьсѣмъ**), ср. р. такъ же (1 Цств. VIII. 8, Остр. другой текстъ).

Винительный м. р. вс҃ѧ (Быт. I. 25, Остр. вс҃ѧ, Первоп. вс҃ѧ, стсл. **вьсꙗ**, Быт. II. 19, Остр. всѣ́, какъ въ русскомъ); родит. вм. винительнаго всѣ́хъ (Іов. XXXIV. 24, Остр. всѣ́хъ); ж. р. вс҃ѧ (Быт. II. 19, Остр. всѣ́, Первоп. всѣ́—формы русскія; Ис. IX. 15, Остр. вс҃ѧ, Первоп. вс҃ѧ; стсл. **вьсꙗ**); ср. р. вс҃ѧ съ графической дифференціацией (Быт. VII. 5, Остр. другой текстъ, М. XXIV. 2, Остр. вс҃ѧ, Первоп. вс҃ѧ, Л. XVIII. 28, Остр. вс҃ѧ, Первоп. вс҃ѧ, стсл. **вьсѣ=вьсꙗ, вьсꙗ**).

Дифференціація эта, какъ и у другихъ подобныхъ мѣстоименныхъ формъ, представляетъ собой позднѣйшее явленіе, свойственное языку Новой Библіи. Въ Острожской безразлично вс҃ѧ, въ Первопечатной вс҃ѧ. У М. Смотрицкаго также во всѣхъ родахъ вс҃ѧ.

Творительный м. р. всѣ́ми (Быт. I. 26. 28, Остр. всѣ́ми, Первоп. всѣ́ми; стсл. **вьсѣми**); ср. р. такъ же (Исх. I. 14, Остр. всѣ́ми, Первоп. всѣ́ми).

Предложный м. и ж. р. всѣ́хъ (Быт. IX. 2, Остр. м. р. всѣ́хъ, ж. всѣ́хъ, Первоп. вездѣ́ всѣ́хъ; стсл. **вьсѣхъ**), ср. р. такъ же (Исх. XVIII. 9, Остр. другой текстъ).

Формы, приводимыя М. Смотрицкимъ, не представляютъ никакихъ особенностей.

§ 18. Имена прилагательныя сложныя. Въ склоненіи именъ прилагательныхъ (и причастій) сложныхъ характеристичной особенностью, составляющей принадлежность и русскаго соотвѣтствующаго склоненія, является „контракція" гласныхъ, слѣдствіемъ которой получается болѣе тѣсное сплоченіе именной основы и мѣ-

стоименной между собою. Другая особенность, также раздѣляемая церковнославянскимъ съ русскимъ и вызванная очевидно вліяніемъ этого послѣдняго, есть образованіе нѣкоторыхъ падежей по типу мѣстоименныхъ основъ на о- и jo-. Въ старославянскихъ памятникахъ подобныя образованія встрѣчаются только спорадически, тогда какъ въ церковнославянскомъ они становятся правиломъ.

Бывшія основы на о-, а̄-. Единственное число. Именительный падежъ не представляетъ особыхъ уклоненій отъ старославянскаго, кромѣ общихъ фонетическихъ: м. р. нѣмый (М. IX. 33, Остр. и Первоп. такъ же: нѣмыи, нѣмый), реченный (Матѳ. III. 3), тѣсный (М. VII. 14) и т. д., но блгій (Матѳ. XII. 35, Остр. блгыи, Первоп. какъ въ Новой), мѧгкій (Прем. Сол. II. 3, Остр. простая форма мѧкокъ), широкій (М. VII. 13, Остр. и Первоп. простая форма): стсл. **нѣмꙑи, благꙑи, широкꙑи** и т. д.; ср. р. небесное (М. III. 2: нбное), доброе (М. VII. 17)—стсл. **доброѥ**; ж. р. деснаѧ (съ ѧ=ja. М. V. 30)—стсл. **деснаꙗ**.

Родительный падежъ уже представляетъ въ муж. и ср. родѣ уклоненіе: м. р. великагѡ (Матѳ. V. 35, Остр. великаго, Перв. какъ въ Новой), дрꙋгаго (вм. винит., чѣмъ и объясняется конечное о, а не ѡ: М. VI. 24): стсл. **новаѥго**; ж. р., кромѣ общихъ фонетическихъ измѣненій, не уклоняется отъ старославянскаго: плотскіѧ, мꙋжескіѧ (Іоан. I. 13, Остр. плотъскыѧ, мꙋжьскыа, Первоп. плотскіѧ, мꙋжскіа)—стсл. **плътьскꙑѩ**.

Дательный падежъ муж. и ср. рода совершенно утратилъ исконную форму, вмѣсто которой находимъ образованіе по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: м. р. слѣпомꙋ, нѣмомꙋ (М. XII. 22, Остр. слѣпомꙋ, нѣмомꙋ, Первоп., какъ въ Новой), разслабленномꙋ (Мр. II. 5, Остр. раслабленомꙋ, Первоп. разслабленомꙋ) и т. д., стсл. **новоуѥмоу**. Ожидаемыхъ сложныхъ формъ съ контракціей *новꙋмꙋ, *слѣпꙋмꙋ и т. д. въ текстѣ печатныхъ книгъ не встрѣчается. Дательный женск. р. не уклоняется отъ старославянскаго: содомстѣй (М. XI. 24, Остр. содомъстѣй, Перв. какъ въ Новой), ѡбрꙋченѣй (М. I. 18) и т. д., стсл. **новѣи**. У М. Смотрицкаго имѣется дат. ж. р. по типу мѣстоименій: блгой (л. 136), стой (л. 134), какъ въ русскомъ.

Винительный м. р., рядомъ съ сохранившейся исконной формой стыи (М. IV. 5), сѹдный (М. XI. 24), представляетъ и обычную синтактическую замѣну формой родит. п. (см. выше). Ср. родъ не уклоняется отъ старославянскаго: Галілейское (Матѳ. XV. 29), а также и женскій: распѹстнѹю (Матѳ. XIX. 7), ѿгненнѹю (Матѳ. XIII. 50): стсл. **новый, новоѥ, новѫѭ.**

Звательный тожественъ съ именит.: м. р. благій (М. XIX. 16), слѣпый (тамъ же XXIII. 26), ж. р. благодатнаѧ (Лук. I. 28).

Творительный м. и ср. р. отвѣчаетъ старославянской формѣ съ „контракціей" гласныхъ; послѣднимъ согласнымъ окончанія является m (мъ) вмѣсто ожидаемаго m' (стсл. мь), какъ вездѣ: м. р. стымъ (Матѳ. III. 11), праведнымъ (М. XXI. 32), ср. р. церковнымъ (ibid. XXIII. 16). У М. Смотрицкаго стымь (л. 133, 134 на об.), благимь (л. 135, 137 на об.) и т. д., но бжіимъ (л. 142), павловымъ, павлимъ (л. 146 на обор.): стсл. **новынмь.** Въ женскомъ родѣ находимъ образованіе по типу мѣстоименій: чистою (М. XXVII. 59), непраздною (Л. II. 5), какъ тою: стсл. **новѫѭ** и **новоѭ.** Какъ видно, образованіе это имѣетъ мѣсто уже въ старослав., гдѣ уже почти вытѣснило болѣе древнюю форму. Слѣдовъ этой послѣдней въ текстѣ печатныхъ книгъ не имѣется.

Предложный м. и ср. въ основѣ имѣетъ старослав. форму съ „контракціей" гласныхъ и послѣднимъ согласнымъ окончанія m (мъ) вм. m' (мь): м. р. бѣсовстѣмъ (М. IX. 34), ср. род. церковнѣмъ (Матѳ. IV. 5), Галілейстѣмъ (М. IV. 18), новѣмъ (М. XXVII. 60): стсл. **новѣѥмь.** Ж. родъ не уклоняется отъ старослав.: смертнѣй (М. IV. 16), Іѹдейстѣй (тамъ же III. 1): стсл. **новѣи.** У М. Смотрицкаго находимъ частью исконныя контрагированныя формы: стѣмъ (л. 133 и 134 на обор.), блазѣмъ (л. 135 и 136 на обор.), частью вторичныя, вызванныя въ русскомъ уподобляющимъ вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія и перенесенныя изъ него въ цслав.: стомъ, блгомъ (и т. д. тамъ же). Въ ж. р. такой же параллелизмъ: стой и стѣй, блгой и блазѣй (л. 134, 136) и т. д.

Двойственное число представлено скудно: именит. муж. рода

не уклоняется отъ старослав. — пасѡмаѧ (Пѣснь Пѣсн. IV. 5, Остр. и Первоп. им. мн. пасо́міи), вин. муж. дрꙋга̑ѧ два̀ тала́нта (Матѳ. XXV. 22, Остр. дрꙋгаѧ, Первоп. дрꙋгаѧ): стсл. **новаꙗ**. Средній и женскій родъ не имѣютъ въ текстѣ библіи данныхъ формъ. У М. Смотрицкаго находимъ только простыя формы м. и ср. ста, ж. стѣ (л. 133—134).

Родительный и предложный м. р. идутъ по типу мѣстоименныхъ основъ на о-: род. м. р. ѡ҆бѣ́шеною (Л. XXIII. 39, Остр. ѡбѣшеною, Первоп. ѿбѣшеною), предл. м. р. ѿ бѣсно́ю (М. VIII. 33, Остр. ѡбѣсною, Первоп. ѡбѣсно́ю): стсл. **новоую**. Формы ср. и ж. р. не встрѣчаются. У М. Смотрицкаго однѣ простыя формы.

Дательный и творительный имѣютъ въ своемъ основаніи старославянскую форму съ „контракціей“ гласныхъ: твор. ж. рода босыма нога́ма (2 Цств. XV. 30, Остр. бо́сыма, Первоп. какъ въ Новой), чи́стыма рꙋка́ма (Іов. XXII. 30, Остр. и Первоп. такъ же), ср. р. ѻ҆чи́ма і҆и҆левыма (2 Цств. III. 19, Остр. і҆и҆левыма, Первоп. і҆и҆левыма), до́брыма ѻ҆чи́ма (1 Цств. XVI. 12, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.: стсл. **новыима**.

Множественное число. Именительный всѣхъ трехъ родовъ сохраняетъ старослав. форму: м. р. слѣ́піи, хро́міи, мє́ртвіи, глꙋсі́и (Матѳ. XI. 5, Остр. слѣпіи, хро́міи, мр҃твіи, глꙋсіи, Первоп. такъ же, какъ въ Новой, кромѣ хромі́и), людстіи (Пс. XLIV. 13, Остр. людьстіи, Первоп. какъ въ Новой), кро́тцыи (М. V. 5, Остр. кро́тціи, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., стсл. **новии**; ср. р. ѹ҆́зкаѧ (М. VII. 14, Остр. ѹ҆́зскаа, Первоп. какъ въ Новой), дрꙋга̑ѧ (тамъ же XIII. 5. 7. 8, Остр. и Первоп. дрꙋга́ѧ) съ графической дифференціаціей отъ им. ед. ж. р.: стсл. **новаꙗ**; ж. р. мꙋдрыѧ (Матѳ. XXV. 4, Остр. мꙋдрыѧ, Первоп. мꙋдрыѧ), ю҆рѡ́дивыѧ (тамъ же, 4, Остр. юро́дивыѧ, Первоп. какъ въ Новой): стсл. **новыѩ**. Изрѣдка встрѣчаются формы, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. мн. м. р. мно́гіи (3 Макк. III. 16, Остр. другой текстъ), образованный, какъ и соотвѣтственная русская форма *многіе*, отъ основы другихъ падежей съ возстановленіемъ г; мꙋ́хи ѹ҆мє́ршіи (Эккл. X. 1, Остр. также ѹ҆мръшіи) им. мн. ж. р. по типу им. мн. муж. р.

*

Родительный имѣетъ старослав. форму съ „контракціей“ гласныхъ: м. р. лживыхъ (М. VII. 15, Остр. очевидная опечатка лжихъ, Первоп. лживы), мертвыхъ (М. VIII. 22), ж. р. многихъ (М. XIII. 58, вм. винит. мн., Остр. многы, Первоп. мнѡги) и т. д.: стсл. **новыихъ**. По типу мѣстоименій: ж. р. Аарѡновѣхъ (Лук. I. 5, Остр. аароновѣхъ, Первоп. аарѡновѣхъ).

Дательный также отличается отъ старославянской формы только „контракціей“ гласныхъ: м. р. страннымъ (Матѳ. XXVII. 7, Остр. и Первоп. страннымъ), ж. р. мудрымъ (тамъ же XXV. 8), члвѣческимъ (Матѳ. XV. 9, Остр. вин. множ.), непраздным (тамъ же XXIV. 19) и т. д. стсл. **новыимъ**.

Винительный сохраняетъ старославянскія формы: м. р. хромыѧ, слѣпыѧ, нѣмыѧ, бѣдныѧ (М. XV. 30, Остр. и Первоп. винит. простой), Галїлейскїѧ (М. II. 22, Остр. галилейскіа, Перв. галілейскіа), людскіѧ (М. II. 4, Остр. люскыѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., ж. р. Турскїѧ и Сїдѡнскїѧ (М. XV. 21, Остр. турскіа и сидонскіа, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. **новыѩ**; ср. р. дѡбраѧ (М. V. 16, Остр. доброа, Первоп. добраѧ), лукаваѧ (Матѳ. IX. 4, Остр. и Первоп. лукаваѧ) и т. д.—стсл. **новаѩ**.

Творительный, какъ въ русскомъ, отличается отъ старослав. только „контракціей“ гласныхъ (не говоря объ общихъ фонетическихъ отличіяхъ): м. р. различными (М. IV. 24), многими (М. XXV. 23. Остр. многыми, Первоп. мнѡгими, рядомъ встрѣчается и мѣстоименная форма: мнозѣми роды: Ис. XXIV. 22, Остр. мнозѣми, Первоп. мнѡзѣми), ср. р. оузкими (М. VII. 13, Остр. оузскыми, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. **новыими**.

Предложный также тожественъ съ русской формой и отличается отъ славянскаго „контракціей“ гласныхъ: нечистыхъ м. р. (М. X. 1) и т. д. стсл. **новыихъ**. Встрѣчаются и формы, вызванныя морфологической ассимиляціей къ мѣстоименному склоненію: въ странахъ Ахайстѣхъ (2 Кор. XI. 10, Остр. ахаистѣхъ, Первоп. ахайстѣхъ), въ людехъ тяжцѣхъ (Пс. XXXIV. 18, Остр. тяжцѣхъ, Первоп. какъ въ Новой), какъ тѣхъ и т. д.

Форма тѧжцѣхъ можетъ быть и предложнымъ множ. простымъ (несложнымъ). У М. Смотрицкаго во всѣхъ родахъ одна сложная форма съ контракціей: стыхъ (л. 134—135), благихъ (л. 135 на обор., 136, 137 и т. д.).

Основы на jo- въ общемъ представляютъ тѣ же отличія отъ старославянскаго соотвѣтствующаго склоненія, что и основы на о-.

Единственное число. Именительный сохраняетъ старославянск. форму: м. р. чужді́й (Притчи XXIII. 27, Остр. туждіи, Перв. чюжді́й, Ис. XLIII. 12, Остр. р. ед., 3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжіи, Первоп. чюжі́й, 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чюждіи, Первоп. чюжді́й), тѧжші́й (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѧжіи, Первоп. тѧжшіи), мудрѣйші́й (Бытія III. 1, Остр. мудрѣиши, Первоп. мудрѣйши) и т. д. болі́й (Матѳ. XI. 11), міні́й (тамъ же), диві́й (М. III. 4), крѣплі́й (М. III. 11), бжі́й (М. IV. 1) и т. д. — стсл. **вышьнии**; ж. р. болшаѧ (М. XXII. 38, Остр. болшаа, Первоп. какъ въ Новой), стѧщаѧ (тамъ же, XXIII. 17, Остр. имен. множ.), древнѧѧ (1 Цств. XXIV. 14), у М. Смотрицкаго ни́щаѧ (л. 137 на обор.), сыновнѧѧ (л. 140 на обор.) и т. д. стсл. **вышьнꙗꙗ**; ср. р. входѧщее (М. XV. 11), бжі́е (М. XII. 28), у М. Смотрицкаго ни́щее (л. 138), сыновнее (л. 141) и т. д., стсл. **вышьнѥѥ**.

Родительный м. и ср. рода отличается отъ старославянской формы только „контракціей" гласныхъ: м. р. вы́шнѧгѡ (Л. I. 32; Остр. вышнѧго, Первоп. вы́шнѧгѡ), днешнѧгѡ (Матѳ. XI, 23, Остр. днешнѧго, Первоп. какъ въ Новой), и́скреннѧго вм. винит. ед. (М. XIX. 19, Остр. искренѧго, Остр. и́скренѧго, съ графической дифференціаціей), поги́бшаго (тамъ же XVIII. 11, также вмѣсто винит.), вопію́щагѡ (Матѳ. III. 3, Остр. вопію́щаго, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.—стсл. **вышьнꙗѥго**; въ женскомъ родѣ имѣемъ вторичное образованіе по типу родит. ед. основъ на о-, причемъ ы послѣ палатальнаго послѣдняго согласнаго основы даетъ -и: заблу́ждшіѧ (Матѳ. XVIII. 12, Остр. заблу́жьшее, Первоп. заблу́ждьшее), поги́бшіѧ (Л. XV. 4, Остр. исконная форма поги́бъшаа, Первоп. какъ въ Новой), ꙗ́вльшіѧсѧ (Матѳ. II. 7, Остр. ꙗ́вльшаасѧ, Первоп. какъ въ Новой); у

М. Смотрицкаго нищия (л. 137 на обор.), сновния (л. 140 на обор.) и т. д.—стсл. вышьнюя. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что новообразованіе это позднѣйшаго происхожденія, и въ Острожской библіи на его мѣстѣ находимъ исконную форму, измѣненную только согласно законамъ церковнослав. фонетики. Формы дивія (Римл. XI. 24, Остр. дивіа, Перв. дивіа), бжія (тамъ же V. 2, Остр. бжіа, Первоп. бжія) и т. д. являются вмѣсто ожидаемыхъ *дивіюа, *божіюа.

Дательный муж. и ср. рода уклоняется отъ старославянской формы и представляетъ собой новообразованіе, вызванное морфологической ассимиляціей или къ параллельнымъ основамъ на о-, причемъ о послѣ палатальнаго конечнаго согласнаго основы должно дать -є-, или прямо къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, оба указанные фактора могли дѣйствовать сразу. Муж. р.: хотящемꙋ (Матѳ. V. 40, Остр. такъ же), просящемꙋ (тамъ же 42), толкꙋщемꙋ (Матѳ. VII. 8), нынѣшнемꙋ (Галат. IV. 25, Остр. нынѣшнемꙋ), у М. Смотрицкаго сновнемꙋ (л. 140) и т. д.—стсл. вышьнюемꙋ. Слѣдовъ этой послѣдней формы, которая должна была бы дать въ церковнославянскомъ *вышнюмꙋ, въ текстѣ библіи не встрѣчается. Въ женскомъ родѣ находимъ форму, которая одинаково можетъ происходить или изъ исконной старославянской (съ є=стсл. ь), или быть плодомъ морфологической ассимиляціи къ параллельной формѣ отъ основъ на о-, ā- (въ свою очередь плодъ морфологической ассимиляціи къ мѣстоименнымъ основамъ), какъ благой (о послѣ палатальнаго согласнаго должно дать є), а также и къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-, jā- (какъ сей, ей и т. д.). Образованіе это тожественно съ соотвѣтствующей формой русскаго языка: сꙋщей (Дѣян. Ап. IX. 38, Остр. сꙋщи, Первоп. сꙋщи), свѣдꙋщей (Дѣян. V. 2, Остр. свѣдꙋщи, Первоп. такъ же), болѣвшей (Дѣян. IX. 37, Остр. и Первоп. болѣвши), бывшей (2 Кор. II. 12. Остр. и Первоп. бывши), послꙋшествꙋющей (Римл. IX. 1, Остр. послꙋшествꙋющи, Первоп. какъ въ Новой), у М. Смотрицкаго нищей (л. 137 на обор.), сновней (л. 140 на об.) и т. д.—стсл. вышьнии. Подъ вліяніемъ исконной формы д. ж. р. основъ

на о-, а-, какъ блӑзѣй и т. д.;, являются (рѣдкія впрочемъ) написанія: зӑднѣй странѣ (Iезек. XL. 40, 41, Остр. друг. текстъ), домӑшнѣй (Филим. I. 2, Остр. домѫ̑неи, Первоп. какъ въ Новой. Уподобленіе написанія могло тѣмъ легче быть вызвано, что въ томъ же стихѣ имѣется возлюбленнѣй) и т. д. Написанія эти, какъ видно, позднѣйшаго происхожденія. У М. Смотрицкаго они также встрѣчаются: сн҃овнѣй (л. 140 на об.), варнӑвлѣй (л. 144 на обор.), пӑвлѣй (л. 147) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму: м. р. бꙋдꙋщїй (М. XII. 32), вєлїй (М. IV. 16) и т. д.; ж. р. домӑшнюю (Колосс. IV. 15), кромѣшнюю (М. VIII. 12), погибшꙋю (Л. XV. 6), сꙋщꙋю (Колосс. IV. 15), Бж҃їю (Матѳ. XV. 3) и т. д., ср. р. внꙋтреннєє, внѣшнєє (Матѳ. XXIII. 26), Бж҃їє (Мр. IV. 30) и т. д.—стсл. вышьнии, вышьнѭѭ, вышьнеѥ.

Творительный м. и ср. рода отличается отъ стслав. „контракціей“ гласныхъ (и послѣднимъ согласнымъ окончанія m вм. m': мъ вм. мь): м. р. гл҃ющимъ (Матѳ. I. 22, Остр. гл҃ющимъ), вєлїимъ (М. XXIV. 31), ср. р. Гд҃нимъ (Л. I. 76, Остр. г҃нимъ), и т. д.—стсл. вышьниимь. Женскій родъ сохраняетъ старослав. форму: чꙋждєю (Евр. IX. 25, Остр. чюжєю, Первоп. такъ же), домӑшнєю (1 Кор. XVI. 19), бо́льшєю, совершённѣйшєю (Евр. IX. 11) и т. д.—стслав. вышьнеѭ, -нѭѭ. Форма эта, съ одной стороны, тожественна съ соотвѣтствующей русской, съ другой съ такой же мѣстоименной (какъ сє́ю и т. д.).

Предложный м. и ср. рода идетъ по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: ср. р. бы́вшємъ (Дѣян. IV. 21, Остр. бы́вшє̑), м. р. и҆сходѧ́щємъ (Матѳ. IV. 4, Остр. и҆сходѧщимъ, Первоп. такъ же), каю́щємсѧ (Лук. XV. 10, Остр. ка́ющимъсѧ, Первоп. какъ въ Новой), чꙋжє́мъ (Лук. XVI. 12, Остр. чюжемъ, Первоп. какъ въ Новой), ср. р. вы́шнємъ (1 Парал. XXI. 29, Остр. и Первоп. какъ въ Новой) и т. д. у М. Смотр. ни́щємъ (л. 137 на обор., 138 на обор.), сн҃овнє̑ (л. 140), сн҃о́внємъ (л. 141 на обор.), бж҃їємъ (л. 142, 143) и т. д. Исконная форма съ контракціей, отвѣчающая старославянской (вышьниимь), встрѣчается еще довольно часто въ Острожской (см. приведенныя выше ци-

таты), но въ Первопечатной начинаетъ уже вытѣсняться вторичнымъ образованіемъ. Въ Новой она не встрѣчается. Рядомъ имѣются написанія, вызванныя вліяніемъ параллельныхъ формъ отъ основъ на о-: ср. р. послѣднѣмъ (Іоиль II. 20, Остр. послѣнемъ, Первоп. какъ въ Новой, Л. XIV. 10, Остр. послѣнемъ, Первоп. какъ въ Новой), прѐднѣмъ (Лук. XIV. 8, Остр. прѣнемъ, Перв. какъ въ Новой), оутреннѣмъ (Псал. XXI. заглавіе, Остр. оутренемъ, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго м. и ср. сновнѣмъ (л. 140 и 141 на об.), ср. р. варнавлѣмъ (л. 145 на обор.), муж. и ср. р. павлѣмъ (л. 146 на обор. и 148) и т. д. Въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ примѣръ весьма частой въ церковнославянскомъ графической ассимиляціи (морфологической ассимиляціи на письмѣ). Въ женскомъ родѣ, какъ и въ дательномъ того же рода, находимъ форму, которая одинаково можетъ быть сведена къ исконной старославянской (какъ **вышьнии, несъшии**) или къ мѣстоименнымъ основамъ на jo-, jā-: сущей (Дѣян. XIII. 1, Остр. сущей, Первоп. какъ въ Новой), бывшей (2 Кор. I. 8, Остр. бывшеи, Первоп. какъ въ Новой); у М. Смотр. нищей (л. 138), сновней (л. 140 на об.), бжіей (л. 142 на об.), и т. д. Вмѣсто этихъ написаній находимъ также написанія съ ѣ, вызванныя морфологической ассимиляціей на письмѣ къ написаніямъ того же падежа отъ основъ на о-, ā-: послѣднѣй (1 Кор. XV. 52, Остр. послѣднеи, Первоп. послѣдней), вѐрхнѣй (Быт. XL. 17, Остр. вѐрхнеи, Первоп. вѐрхней), внѣшнѣй (Эсѳ. IX. 19, Остр. другой текстъ); у М. Смотр. сновнѣй (л. 141), варнавлѣй (л. 145), павлѣй (л. 147) и т. д.

Двойственное число. Им. вин. зв. не встрѣчается. Родительный м. р. по типу мѣстоименныхъ основъ на jo-: слышавшею, шедшею (Перв. Іоан. I. 40, Остр. слышавшою, шешею), какъ **сею**, въ Новой библіи замѣненъ родит. множ.: слышавшихъ, шедшихъ: стсл. **вышьнюю, несъшоую.** Дательный м. р. бесѣдующема, совопрошающемася (Лук. XXIV. 15, Остр. бесѣдующема, но съвопрашающимася, Первоп. бесѣдующема, но совопрашающимася), исходящема (Матѳ. IX. 32, Остр. такъ же), грядущема (Мр. XVI. 12, Остр. грядущема), ср. р. скончавшемася (Дѣян. Ап. XXIV.

27, Остр. и Первоп. такъ же) представляетъ образованіе по типу простыхъ причастій настоящаго и прошедшаго дѣйствительнаго, какъ стсл. **несѫштема, несъшема**. Первичная форма, отвѣчающая стслав. **вышьнима, несѫштима**, имѣется въ вышеприведенномъ примѣрѣ Остр. съвопрошающимася, Первоп. совопрашающимаса (Лук. XXIV. 15). Въ Новой библіи эта форма замѣнена вторичной. У М. Смотрицкаго им. вин. зв. и р. пр. только простой формы, дат. тв. правильно; нищима (л. 137 на об., 138), сновнима (л. 140 на об., 141), бжіима (л. 142—143 на об.) и т. д.

Множественное число. Именительный м. р. прилагательныхъ отвѣчаетъ старослав. формѣ: послѣдніи (Матѳ. XX. 12), нищіи (ibid. V. 3), Бжіи (ib. XXII. 30) и т. д.—стсл **вышьнии**. У причастій находимъ только одно окончаніе -ии; слѣдовъ старослав. **-еи** въ Новой б. не встрѣчается: ищущіи (Матѳ. II. 20, Остр. ищущеи, Первоп. какъ въ Новой), сѣдящіи (Матѳ. IV. 16, Остр. сѣдящеи, Первоп. сѣдящии), плачущіи (тамъ же V. 4, Остр. плачющеи, Первоп. плачющіи), алчущіи, жаждущіи (тамъ же: 6, Остр. алчющей, жаждущей, Первоп. алчющіи, жаждущіи), труждающіися (Матѳ. XI. 28, Остр. труждающеися, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. стсл. **несѫштеи, несѫштии**. Первую изъ этихъ послѣднихъ формъ встрѣчаемъ въ Острожской библіи (хотя ея происхожденіе можетъ быть и другое), вторую въ Первопечатной и Новой, гдѣ она совершенно вытѣсняетъ первую. Въ женскомъ родѣ находимъ вторичное образованіе по типу параллельныхъ формъ отъ основъ на о-, а-: прочыя (Лук. XXIV. 10, Остр. и Первоп. прочая), множайшія (Матѳ. XI. 20, Остр. множайшая, Первоп. множайшыя), бывшыя (ibid. 21, 23, Остр. бывшая, Первоп. какъ въ Новой), каплющыя (Лук. XXII. 44, Остр. им. ед. ж. р.), обращающымся (Руѳь I. 22, Остр. обращающися, Первоп. обращающися — контрагированная форма именит. двойств. ж. р., ср. стсл. **несѫштии**, замѣненная въ Новой б. множественнымъ числомъ), сѣдящыя (Пѣснь П. V. 12, Остр. сѣдящіи имен. дв. ср. р.); у М. Смотрицкаго нищія (л. 138), сновнія (л. 141), и т. д. какъ мудрыя. Морфологическая ассимиляція въ данномъ случаѣ простирается и на написа-

нія, въ которыхъ находимъ ы послѣ палатальныхъ согласныхъ, какъ прочыѧ и т. д. Формы, отвѣчающія стсл. вышьнꙑѩ, несѫштѩ, встрѣчаются въ Острожской библіи, изрѣдка и въ Первопечатной, изъ которой, однако, онѣ уже начинаютъ вытѣсняться вторичными образованіями, перенесенными изъ русскаго языка.

Родительный отличается отъ старослав. формы только „контракціей" гласныхъ: м. р. оубивающихъ, могущихъ (Матѳ. X. 28, Остр. оубивающихъ, могущихъ), ж. р. заблуждшихъ (Матѳ. XVIII. 13) и т. д.—стсл. вышьнихъ, несѫштнихъ, но прочіихъ м. р. (2 Макк. XI. 3, Остр. и Первоп. также), какъ веліихъ.

Дательный представляетъ такія же отношенія, т. е. разнится отъ стслав. только контракціей гласныхъ: прочымъ людемъ (Неем. IV. 19, Остр. дат. мн. ж. прочимъ частемъ, Первоп. также прочимъ), м. р. ѿшедшымъ (Матѳ. II. 13, Остр. ѿшешимже, Первоп. какъ въ Новой), нищымъ (М. XIX. 21, Остр. и Перв. такъ же), сѣдѧщымъ (Матѳ. IV. 16, Остр. сѣдѧщи, Первоп. какъ въ Новой, ср. р. XI. 16, Остр. сѣдѧщимъ, Первоп. какъ въ Новой), просѧщымъ (М. VII. 11, Остр. просѧщи, Первоп. просѧщы) и т. д. ср. р. возглашающымъ (Матѳ. XI. 16, Остр. възглашающимъ, Первоп. возглашающымъ), глющымъ (тамъ же 17, Остр. глющимъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д.; ж. р. дοѧщымъ (Матѳ. XXIV. 19, Остр. дοѧщимъ, Первоп. какъ въ Новой), погибшымъ (ibid. X. 6, Остр. погибши, Первоп. какъ въ Новой) и т. д., но древнимъ (Матѳ. V. 21, 27) и т. д. стсл. вышьнимъ, несѫштнимъ. Написанія съ ы послѣ ш могутъ объясняться и непалатальностью согласнаго; ы послѣ щ есть или результатъ распространенія чисто ороографическаго правила, или продуктъ морфологической ассимиляціи на письмѣ (графической ассимиляціи) написаній вышеприведенныхъ формъ къ написаніямъ такихъ же формъ дат. множ. отъ основъ на о-, а-, какъ мудрымъ и т. д. У М. Смотрицкаго однако нищимъ во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), но біющымъ (л. 264 на об., 265), бившымъ (л. 266, 267) и т. д.

Винительный сохраняетъ старославянскую форму только въ среднемъ родѣ: горнѧѧ (Лук. I. 39, Остр. горнѧа, Первоп.

го́рнѧѧ), бы́вшаѧ (Матѳ. XVIII. 31, Остр. бывшаѧ, Первоп. бы́вшаѧ); у М. Смотр. ни́щаѧ (л. 138 на об.), сы́новнѧѧ (л. 141 на об.) и т. д.: стсл. вышьнѩѩ, несѫштѩѩ. Въ муж. и ж. р. находимъ вторичныя образованія по типу основъ на о-, а-: м. р. ни́щыѧ (Матѳ. XXVI. 11, Остр. родит. множ. вмѣсто винит. ни́щий), болѧ́щыѧ (Матѳ. IV. 24, Остр. болѧщаа, Первоп. болѧ́щаѧ), грѧдꙋ́щыѧ (ibid. III. 7, Остр. и Первоп. простая форма грѧдꙋ́ща), бли́жнїѧ (Мр. I. 37, Остр. ближнѧа, Первоп. какъ въ Новой), прѡ́чїѧ (Іер. XV. 9, Остр. и Первоп. про́чїи), у М. Смотрицкаго ни́щыѧ (л. 137 на об.), сы́новнїѧ (л. 140 на об.), бїю́щыѧ (л. 264 на об.), би́вшыѧ (л. 266 на об.); ж. р. ѡ҆ста́вшыѧсѧ (Быт. XXX. 36, Остр. оставшаа, Первоп. ѡ҆ста́вшыѧ), и҆мѣ́ющыѧ (1 Цств. VIII. 12, Остр. др. текстъ), у М. Смотрицкаго ни́щыѧ (л. 138), сы́новнїѧ (л. 141), бїю́щїѧ (л. 265), би́вшыѧ (л. 267) и т. д. Формы, отвѣчающія стслав. вин. множ. м. и ж. р. вышьнѩѩ, несѫштѩѩ, встрѣчаются только въ Острожской и Первопечатной, въ послѣдней рѣже, такъ какъ ихъ вытѣсняетъ вторичная форма, исключительно господствующая въ Новой. Написанія съ ы, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, объясняются частью непалатальностью ш, частью графической ассимиляціей къ написаніямъ, гдѣ ы оправдывается фонетическими условіями.

Творительный падежъ ничѣмъ не отличается, кромѣ „контракціи", отъ стслав. формы: м. р. жнꙋ́щими (Руѳь II. 6), ж. р. лꙋ́чшими (Евр. IX. 23), козлѧ́чими (Быт. XXVII. 16); у М. Смотрицкаго ни́щими во всѣхъ родахъ (л. 137 на об., 138), сы́новними (л. 131 на об., 141), бїю́щими (л. 164 на об. 165), би́вшими (л. 266 на об., 267) и т. д. стсл. вышьнии̂ми, несѫштии̂ми.

Предложный также сохраняетъ стслав. форму, уклоняясь отъ нея только контракціей: ср. р. и҆сходѧ́щихъ (Лук. IV. 22), м. р. творѧ́щихъ (Лук. VI. 28), ж. р. ѻ҆́вчихъ (Матѳ. VII. 15), да́льшихъ (2 Кор. X. 16); у М. Смотр. ни́щихъ (л. 137 на об., 138), сы́новнихъ (л. 140 на об., 141), бїю́щихъ (l. c.), би́вшихъ (l. c.) и т. д.—стсл. вышьнии̂хъ, несѫштии̂хъ; но про́чїихъ ср. р.

(2 Макк. XII, 11, Остр. прочихъ, Первоп. про́чихъ), какъ ве́лїихъ. Въ этомъ склоненіи останавливаютъ на себѣ вниманіе нѣкоторыя формы, являющіяся результатомъ морфологической ассимиляціи. Уподобляющими типами здѣсь служатъ формы собственно мѣстоименнаго склоненія. Подобное же вліяніе мѣстоименнаго склоненія на склоненіе именъ прилагательныхъ имѣется и въ русскомъ языкѣ. Церковнославянскія формы, вызванныя этимъ вліяніемъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: А) формы, общія русскому и церковнославянскому (respective, заимствованныя изъ перваго въ послѣдній), В) формы, принадлежащія одному церковнославянскому. Въ ряду первыхъ отмѣтимъ дат. ед. ч. муж. и ср. рода основъ на о- слѣпо́мꙋ, нѣмо́мꙋ (см. выше) вмѣсто ожидаемыхъ *слѣпꙋмꙋ, *нѣмꙋмꙋ (стсл. **новоуѥмоу**)—плодъ ассимиляціи къ дат. ед. мѣстоименій (**томоу**); такую же форму основъ на jo- хотѧ́щемꙋ—плодъ морфологической ассимиляціи съ одной стороны къ только что приведенной формѣ, съ другой къ соотвѣтствующему падежу мѣстоименій семꙋ, всемꙋ и т. д. предложный м. и ср. р. основъ на о- у М. Смотр. сто́мъ, бл҃го́мъ по типу то́мъ (стсл. **томь**) и т. д.; дат. и предл. ед. ж. р., находимый у М. Смотрицкаго, — бл҃гой и т. д. по типу мѣстоименныхъ основъ на о-, ā-; предложный ед. м. и ср. рода отъ основъ на jo-, какъ ни́щемъ (стсл. **вышьнѣнмь**) по типу **семь**; родит. ед. ж. р. основъ на jā-, какъ ни́щиѧ (по типу род. ед. основъ ж. р. на ā-: до́брыѧ); именит. множ. ж. р. основъ на jā-, какъ ни́щыѧ (стсл. **вышьнѩѩ**) по типу такого же падежа отъ основъ на ā- (до́брыѧ); винит. того же числа муж. и ж. р. основъ на jo-, jā-, какъ ни́щыѧ (стсл. **вышьнѩѩ**) по типу такого же падежа отъ основъ на о-, ā- (добрыѧ). Всѣ эти новообразованія свойственны русскому и изъ него очевидно перенесены въ церковнославянскій. Ко второй категоріи формъ, свойственныхъ одному церковнославянскому и развившихся въ немъ, относятся, напр., предложные множ. ч. м. р. тѧ́жцѣхъ (см. выше), ж. р. А҆ха́йстѣхъ (см. выше) по типу предл. множ. мѣстоименій тѣ́хъ, всѣ́хъ и т. д.; родит. множ. ж. р., какъ А҆арѡ́новѣхъ (Лук. I. 5, см. выше) также по типу тѣ́хъ и т. п. (но м. р. І҆и́левыхъ

Римл. IX. 27); род. и предл. двойств. отъ основъ на о- и jo-: бѣсно́ю, ше́дшєю по типу то́ю, сєю и т. д. (см. выше).

Имя прилагательное чꙋжді́й (стсл. **штоуждь, штоуждни**) представляетъ въ нѣкоторыхъ падежахъ первичную основу на jo-, въ другихъ же идетъ по типу основъ на о-, что объясняется отсутствіемъ всякаго критерія для произношенія сочетанія жд въ живомъ языкѣ писавшихъ на церковнославянскомъ.

Единственное число. Именительный м. р. чюжді́й, (3 Цств. VIII. 43, Остр. чюжїи, Первоп. чюжі́й—чисто русскія формы по консонантизму; Притчи С. XXVII. 2, Остр. тꙋждїи, Первоп. чꙋждіи; 2 Парал. VI. 32. 33, Остр. чю́ждїи, Первоп. чюжді́й; Ис. XLIII. 12, Остр. р. п. чю́ждєго, Первоп. чюжда́го) и чꙋжды́й (Іис. Сир. XXXII. 20; рядомъ го́рдый, Остр. тꙋждь, Первоп. тꙋждь).

Родительный м. р. чꙋжда́гѡ (Іоан. X. 5, Остр. чꙋжаго, Первоп. чꙋжа́го), ж. р. чꙋжді́ѧ (Тов. IV. 12, Остр. друг. текстъ, Притчи С. VII. 5, Остр. тꙋждєѧ, Первоп. какъ въ Новой, IX. 8, Остр. тꙋждаѧ=стсл. **штоуждаѩ**, Первоп. какъ въ Новой, XX. 16, Остр. друг. текстъ, Іис. Сир. IX. 8, Остр. чюжїѧ, Первоп. чюжді́ѧ).

Дательный м. р. чꙋжде́мꙋ (3 Цств. VIII. 41, Остр. дат. мн. чю́ждимъ, Первоп. чюжди́мъ, ср. также Остр. б. Іоан. X. 5, чꙋжємꙋ, Первоп. чюжде́мꙋ, Притчи XXVI. 17, Остр. вин. ед. тꙋждь, Іис. Сир. XLIX. 7, Остр. тꙋждємꙋ, Первоп. какъ въ Новой); ж. р. чꙋжде́й (Притчи С. V. 20, Остр. тꙋждїи, Первоп. чꙋжде́й).

Винительный м. р. чꙋжді́й (Лев. XVI. 1, Остр. чю́ждъ, Первоп. такъ же), род. вм. винит. чꙋжда́го (Второз. XVII. 15, Остр. чю́ждаго, Первоп. чюжда́го); ж. р. чꙋждꙋ́ю (Притчи IX. 18, Остр. тꙋждꙋ, Первоп. чꙋждꙋ).

Творительный ср. р. чꙋжди́мъ (Іис. Сир. XXI. 9, Остр. чюжимъ, Первоп. чюжи́мъ).

Предложный ж. р. чꙋжде́й (1 Макк. VI. 13, Остр. чю́ждєи, Первоп. чюжде́й, 3 Макк. VI. 2, Остр. чю́ждєи, Первоп. чюжде́й); м. р. чꙋжде́мъ (Іоан. X. 5, Остр. дат. ед.).

Множественное число. Именительный м. р.: чꙋждіи (Ис. I. 7, Остр. чю́ждіи, Первоп. чюждíи; 2 Цств. XXII. 45, Остр. тꙋ́ждіи, Первоп. какъ въ Новой; Пс. CVIII. 11, Остр. русск. форма чꙋ́жіи, Первоп. чюждíи); ж. р. чꙋждíѧ (3 Цств. XI. 4, Остр. чꙋ́ждаѧ=штоꙋждаѧ, Первоп. какъ въ Новой).

Родительный м. р. чꙋждих̑ъ (Пс. XVIII. 14, Остр. чю́жих̑ъ, Первоп. чюждих̑ъ; Пс. CXLIII. 7, Остр. чꙋжих̑ъ, Первоп. чюжи́хъ; I Макк. I. 44, Остр. чю́ждй, Первоп. чюждих̑ъ), но чꙋждых̑ъ (2 Парал. XIV. 3, Остр. вин. мн. м. р. чю́ждаѧ, Первоп. чюждíѧ; Іов. XIX. 13, вм. винит. Остр. и Первоп. чю́жа р. ед.).

Дательный м. р. чꙋжди́мъ (2 Парал. XXVIII. 25, Остр. другой текстъ, 1. Цств. XXVI. 19, Остр. чꙋждимъ, Первоп. чюждимъ) или чꙋждйм̑ъ (Пс. XLVIII. 11, Остр. чюжи́мъ—съ очень рѣдкимъ здѣсь удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, Первоп. чюжди́мъ, Іерем. III. 13, Остр. чю́жим̑, Первоп. чюждимъ), ж. р. чꙋжди́мъ (3 Цств. XI. 8, Остр. и Первоп. чꙋжи́мъ).

Винительный м. р. только чꙋждыѧ (3 Цств. IX. 9, Остр. чꙋ́жаѧ=руссифицированной стсл. формѣ штоꙋждаѧ, Первоп. чꙋжíѧ; Притчи С. V. 10. Остр. тꙋ́ждаѧ, Первоп. чꙋждíѧ; Іезек. XXVIII. 7, Остр. род. ед. вм. вин. чю́жа), ж. р. чꙋждíѧ (1 Ездры X. 2, Остр. чюждíа, Первоп. чюждíѧ), въ чꙋждíѧ рꙋцѣ (прилагательное во множ. ч., существительное въ двойственномъ: Іезек. VII. 21, Остр. и Первоп. чю́жди—правильная простая форма им. вин. зв. двойств.), но чꙋждыѧ (4 Цств. XIX. 24, Остр. вин. ед. чꙋ́жꙋ); ср. р. чꙋждаѧ (Іис. Сир. XXIX. 22, Остр. другой текстъ. Притчи XI. 24, Остр. тꙋждѧ, Первоп. чюждаѧ), чꙋждаѧ (Ос. VIII. 12, Остр. чю́ждаѧ, Перв. такъ же) и чꙋ́ждаѧ (единственный случай съ удареніемъ на корнѣ въ Новой библіи: 2 Макк. XIV. 26, Остр. дат. ж. мн. ч. чюждим̑).

Творительный ср. р. чꙋждыми (Іис. Сир. XL. 30. Остр. тꙋждими, Первоп. чюжди́ми) по типу основъ на о-.

Предложный ж. р. чꙋждих̑ъ (Іис. Сир. XXIX. 21, 25, Остр. тꙋ́ждих̑ъ, Первоп. какъ въ Новой; Іерем. XI. 10, Остр. чю́жих̑ъ, Первоп. чюжди́хъ).

Наличность такихъ формъ и написаній, какъ р. ед. м. р.

чѹждагѡ, вин. ед. ж. р. чѹждѹю, именит. мн. ж. р. чѹждаѧ (Остр. библ.), имен. вин. мн. ср. р. чѹждаѧ (стслав. штоуждаاго, штоуждѫѭ, штоуждаꙗ, штоуждаꙗ), гдѣ, конечно, д обозначало собой согласный непалатальный, вызвала и появленіе им. ед. м. р. чѹждый, род. мн. чѹждыхъ, винит. мн. м. и ж. р. чѹждыѧ. Въ данномъ случаѣ новообразованія вызваны вліяніемъ графики. Формы и написанія чѹждагѡ, чѹждѹю, чѹждаѧ и т. д. чувствовались вполнѣ тожественными съ формами и написаніями напр. гордагѡ, гордѹю, гордаѧ и т. д., вслѣдствіе чего возникли и вышеприведенныя формы чѹждый, какъ гордый, чѹждыхъ, какъ гордыхъ и т. д.

§ 19. Степени сравненія. Въ образованіи степеней сравненія останавливаетъ на себѣ вниманіе исчезновеніе простой или неопредѣленной формы сравнительной степени. Какъ остатокъ ея, встрѣчается изрѣдка именительный ед. ж. р.: горши (Мр. II. 21, Остр. и Первоп. такъ же), болши (Матѳ. VI. 25, XXII. 36, Остр. болши, Первоп. болши и больши), лѹчши (Псал. LXII. 4, Остр. лѹче, Первоп. какъ въ Новой). Чаще же встрѣчаются или сложныя формы, какъ болшаѧ (им. ед. ж. р. Матѳ. XXII. 38, Остр. болшаа, Первоп. какъ въ Новой) или новообразованія по типу прилагательныхъ простыхъ, какъ именит. ед. ж. р. блаженнѣйша (1 Кор. VII. 40, Остр. блаженѣйша, Первоп. какъ въ Новой), хѹждша (Суд. VI. 15, Остр. хѹдѣиша, Первоп. хѹдѣйша, горша (М. IX. 16, Остр. горши, Первоп. горши).

Характерны новообразованія именит. единств. сравнительной степени сложной (опредѣленной) формы м. и ср. р. рода, въ которыхъ находимъ основу косвенныхъ падежей, перенесенную сюда путемъ морфологической ассимиляціи: крѣплшій (Числ. XIII. 32, Остр. и Первоп. именит. множ. положит. степени крѣпцы сѹть, стсл. крѣпльи), хѹждшій (1 Цств. XVII. 43, Остр. другой текстъ: стсл. хоуждии), тѧжшій (Притчи С. XXVII. 3, Остр. тѧжіи=стсл. тажии, Первоп. тѧжшіи), вѧщшій (I Сир. 27, Остр. вѧщіи, Первоп. какъ въ Новой), вышшій (Дан. VIII. 3, Остр. вышніи, Первоп. вышній), ср. р. слаждше (Суд. XIV. 18, Остр. слаще, Первоп. сладше), хѹждше (Прем. С. XV. 10, Остр. хѹжши, Первоп. хѹждши—по формѣ именит. ед. ж. р., но употреблено

какъ им. ед. м. р.), вы́шше (Даніилъ VIII. 3, Остр. другой текстъ) и т. д. лꙋ́чше (Іис. Сир. XXII. 10, Остр. лꙋ́че, Первоп. лꙋ́чше), но крѣ́плѣе (Суд. XIV. 18, Остр. крѣ́плѣи, Первоп. крѣ́плѣй).

Формы въ родѣ сладча́е (Іис. Сир. XXII. 10, Остр. друг. текстъ), тѧжча́е (тамъ же 15, Остр. другой текстъ), высоча́е (3 Ездры II. 43, Остр. высоча́йшіи, Первоп. высоча́йшій), глꙋбоча́е (2 Макк. II. 31, Остр. другой текстъ) и т. д., являющіяся сами вторичными образованіями, даютъ начало формамъ въ родѣ скорѣ́е (Іов. VII. 6, Остр. друг. текстъ), очень правда рѣдкимъ.

Своимъ удареніемъ, отличнымъ отъ русскаго, обращаетъ на себя вниманіе болѣ́е (Дан. VII. 20, Остр. и Первоп. бо́ле).

Другой особенностью церковнославянскаго въ отношеніи образованія степеней сравненія является присвоеніе распространеннымъ сравнительнымъ степенямъ на -ѣ́йшій значенія превосходной степени: мꙋдрѣ́йшій (Бытія III. 1, Остр. мꙋдрѣиши, Первоп. мꙋдрѣ́йши). У Мелет. Смотрицкаго находимъ строго проведенную систему, въ которой образованія въ родѣ свѧ́тшіи, свѧ́тшаѧ, свѧ́тшеє (л. 80) представляютъ собой сравнительную степень („разсудительный степень“), а превосходную („превосходительный степень“)—образованія на -ѣйшій: с҃тѣ́йшіи, -ѣйшаѧ, с҃тѣ́йшеє (тамъ же).

Изъ педантичной послѣдовательности М. Смотр. строитъ даже простыя формы свѧ́тшъ, с҃тше, свѧтѣ́йшъ, с҃тѣ́йше, которыя едва ли могутъ быть доказаны цитатами изъ дѣйствительныхъ памятниковъ языка.

Изъ образованій на -шій, подобныхъ вышеприведеннымъ и встрѣчающихся у М. Смотрицкаго, приведемъ нѣсколько странныхъ образчиковъ: чи́стшіи (л. 80 на об.), оубо́гшіи, пра́вшіи, про́стшіи (л. 81), дра́гшіи, мно́гшіи, ти́хшіи, дю́жшіи (!!!), даже ве́тхшіи и т. д. (л. 81 на об.), сла́вншіи, че́стншіи, смире́ншіи, ѡ҆ка́ѧ́ншіи и т. д. (л. 83 на об.).

Такого же происхожденія формы: вѧ́щшіи (л. 80 на об.), мла́дшіи (л. 81 на об.), вошедшія и въ русскій языкъ. „Превосходныя“ степени: чистѣ́йшіи, оубожа́йшіи, правѣ́йшіи, простѣ́йшіи, дража́йшіи, множа́йшіи, тиша́йшіи и т. д.

Форма млажа́йшїи (л. 81 на об.), по вокализму церковнославянская, по консонантизму (ж) руссифицирована, такъ что представляетъ собой гибридное образованіе.

Острожская библія, какъ всегда, представляетъ болѣе древнія формы (ср. выше лꙋчє, вѧщїи, тѧжїи), которыхъ не находимъ уже въ Первопечатной; тѣмъ не менѣе и въ ней находимъ формы ср. р. съ вторичнымъ -шє, какъ слаше или м. р., какъ хꙋ́жши. Такія новообразованія встрѣчаются изрѣдка и въ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка; въ церковнославянскомъ же они получаютъ широкое распространеніе.

Въ склоненіи степеней сравненія наблюдаются также вторичныя образованія, вызванныя морфологической ассимиляціей. Таковъ им. множ. м. р. оу̑нши (Лук. XII. 7, Остр. также оу̑нши, Первоп. какъ въ Новой; ср. стсл. им. мн. м. р. **мыньшє**), образованный по типу именъ прилагательныхъ простыхъ съ основой на jo- и встрѣчающійся уже въ древнѣйшихъ стсл. памятникахъ (Cod. Zogr. Л. XII. 7, **соулѣїшн**).

§ 20. Имена числительныя не вполнѣ сохранили свою старославянскую форму. Уклоненіе представляютъ, во-первыхъ, количественныя съ 11 до 19, подпавшія уподобляющему вліянію соотвѣтствующихъ русскихъ формъ.

Вмѣсто стслав. **дъва на десѧтє** и т. д., находимъ двана́десѧть Числ. I. 44, Остр. ві҃) и т. д. какъ *двѣнадцать*, хотя изрѣдка попадаются и старинныя формы, какъ о҃бана́десѧтє (Лук. VIII. 1, Остр. о́ба на десѧтє, Первоп. о҃ба || на́десѧтє), четырена́десѧтє (Матѳ. I. 17, Остр. четы́ри на десѧтє, Первоп. четы́ринадесѧтє) и т. д. Числительныя количественныя съ 20 до 40 также представляютъ такое же вторичное образованіе, какъ въ русскомъ, вліянію котораго и обязаны своимъ происхожденіемъ: два́десѧть (Іезек. XLV. 3, 5, 6 и т. д.), три́десѧть (Числ. VII. 13, 31, 43, 55 и т. д.), четы́редесѧть (Лук. IV. 2) (старосл. **дъвадесѧтн, трндесѧтн, четыредесѧтє**), но четы́редесѧтъ (Быт. V. 13), пѧтдесѧ́тъ (Числ. XXVI. 38) или пѧтьдесѧ́тъ (тамъ же II. 6), шестьдесѧ́тъ (тамъ же XXVI. 21) или шестдесѧ́тъ (тамъ же VII. 88), се́дмьдесѧтъ, о҃смьдесѧтъ (2 Пар. II. 2), де́вѧть-

десѧтъ (Быт. V. 9, 17). У М. Смотрицкаго не только два́десѧть, три́десѧть и т. д., но и пѧтьдесѧ́ть, шестьдесѧ́ть, се́дмьдесѧть, о̑смьдесѧть, девѧтьдесѧ́ть (л. 156).

Порядковыя числительныя съ *перваго* по *десятый* имѣются только въ сложной („опредѣленной") формѣ: вин. ед. ж. десѧ́тꙋю (Левит. V. 11), пѧ́тꙋю (ibid. 16), вин. ед. м. р. седмы́й (Лев. XIII. 5, 6), о̑смы́й (ibid. XIV. 10), р. ед. м, девѧ́тагѡ, десѧ́таго (Лев. XXIII. 32) и т. д.

Въ образованіи порядковыхъ съ 11 по 19 утрачена совершенно древнѣйшая форма: порядковое числительное + на десѧте (стсл. **осмъи на десѧте**); имѣются только образованія въ родѣ четвертыйна́десѧть, пѧтыйна́десѧть (Числ. XXVIII. 16, 17, Лев. XXIII. 5, 6, Остр. и Первоп. цифры), вторыйна́десѧть (Эсѳ. II. 16, Остр. и Первоп. цифры), второена́десѧть (тамъ же III. 7), третiйна́десѧть (тамъ же III. 12) и т. д. Примѣромъ образованія съ суффиксомъ стсл. — **ьнъ** можетъ служить шестьсо́тное лѣто (Быт. VIII. 13, Остр. и Первоп. такъ же).

Порядковыя съ 20 по 90 образуются иначе, чѣмъ въ старославянскомъ, а именно отъ основы соотвѣтствующихъ количественныхъ по типу первыхъ десяти порядковыхъ, какъ десѧ́тый: пѧтдесѧ́тое лѣто. (Лев. XXV. 10, Остр. н҃е) и т. д. ср. стсл. **дъвадесѧтьнъ, седмьдесѧтьнъ.** (Супр. р.).

Склоненія числительныхъ количественныхъ трі́е (стсл. **трие**) и четы́ре (стсл. **четъıре**), въ старославянскомъ еще отчасти разграниченныя, совпали почти совершенно въ церковнославянскомъ:

Единственное число; именительный м. р. трі́е (Быт. XVIII. 2, Остр. трiе, Первоп. какъ въ Новой, Числ. XII. 4, 5, Остр. трiе, Первоп. трі́е), но также и три́ (2 Цств. XIV. 27, Остр. и Первоп. г҃; 4 Цств. III. 21. Остр. три́, Первоп. какъ въ Новой)—форма тожественная съ винит. множественнаго или съ именит. множ. ж. и ср. родовъ. Поддерживаемая этими формами, она, кромѣ того, могла быть вызвана морфологической ассимиляціей къ именит. множ. основъ м. р. на jo-, какъ цари́, мꙋ́жи. Именит. ж. р. ...три́ ты́сѧщы (стсл. **три**: Числ. I. 46); ср. р. три́ ста̀да (стсл. **три**, Быт. XXIX. 2, Остр. три); встрѣчается и

форма именит. муж. р. въ значенiи именит. ср. трїє мѝ сѹть невозмѡ́жнаѧ (Притчи XXX. 18, Остр. трїє... невозможни, т.-е. именит. множ. муж. р. Перв. также трїє... невозмо́жни).

Именит муж. р. пе́рсты... четы́ре (стсл. **четыре** образованiе отъ основы на согласный; 2 Цств. XXI. 20, Остр. д҃), но четы́ри внѹ́цы (тамъ же XXI. 22, Остр. и Первоп. такъ же; 1 Парал. XXIII. 11, 12, сы́нове четы́ри, Остр. и Первоп. четы́ре), что объясняется такъ же, какъ форма им. мн. м. р. трѝ. Въ ж. р. правильно четы́ри (стсл. **четыри**; Зах. VI. 1, Остр. и Перв. такъ же), но четы́ре (1 Цств. IV. 2, Остр. и Перв. цифры, 1 Парал. XXIII. 4, 5, Остр. и Перв. цифры). Въ ср. родѣ правильно четы́ри (стсл. **четыри**. Притчи XXX. 24, Остр. четыри, Первоп. какъ въ Новой; Iезек. X. 9, 14, Остр. и Первоп. такъ же), но четы́ре (Iезек. I. 6, Остр. и Первоп. четы́ри). Какъ видно изъ цитатъ, форма ж. и ср. р. четы́ре является только въ Новой библiи; въ Остр. и Первопечатной находимъ или цифры, или правильную форму. Такiя написанiя объясняются влiянiемъ русскаго, въ которомъ -i и -æ въ слогѣ послѣ ударенного звучатъ одинаково неопредѣленно, а также графической ассимиляцiей къ готовымъ уже написанiямъ и формамъ именит. мн. м. р.

У М. Смотрицкаго находимъ для муж. р. трїє (л. 154), ж. и ср. р. трѝ (л. 154 на об., 155), но четы́ри во всѣхъ родахъ (л. 155 на об.).

Родительный падежъ м. р. какъ въ русскомъ тре́хъ (1 Пар. XI. 24, Остр. трехъ, Первоп. тре́хъ, Iов. XXXII. 5, Остр. друг. текстъ); рядомъ трїе́хъ (Исх. VIII. 27, Остр. другой текстъ; 1 Парал. XI. 20, 21, Остр. трехъ и трїехъ, Первоп. трїехъ); ж. р. тре́хъ (Суд. XVI. 27, вм. винит. Остр. винит. трѝ, Первоп. тре́хъ); ср. р. также тре́хъ (4 Цств. XVIII. 10, Остр. и Первоп. тре́хъ; 1 Парал. XI. 20, Остр. своеобразный родит. двойственнаго тре́ю со́тъ, Первоп. трею́сѡтъ, вызванный, разумѣется, морфологической ассимиляцiей къ двою). Старосл. форма **трий** не находитъ себѣ продолжателей въ цслав., гдѣ ее замѣнило образованiе по типу мѣстоименныхъ основъ: тре́хъ, трїе́хъ (послѣдняя отъ основы именит. падежа), рядомъ

съ законнымъ предложнымъ тре́хъ (стсл. трьхъ) или трі́єхъ, какъ р. мн. тѣхъ, рядомъ съ предл. тѣхъ. У Мелетія Смотр. въ м. р. трі́єхъ, тре́хъ (л. 154), ж. и ср. только тре́хъ (л. 154 на об., 155).

Отъ четы́ре род. мн. ср. четы́рехъ (Iезек. I. 5, 9, 15, Остр. и Первоп. такъ же, Апок. XV. 7, Остр. четырь, стсл. четырь или четырѣ, какъ у основъ на согласный), такого же происхожденія, какъ р. мн. тре́хъ, т.-е. подъ вліяніемъ параллелизма родит. и предл. падежей мн. въ мѣстоименномъ склоненіи. У М. Смотр. также четы́рехъ (л. 155 на обор.).

Дательный правильно: тре́мъ или тре́мъ (стсл. трьмъ; м. р. 1 Парал. XI. 21, 25, Остр. тремъ и тро́имъ, Первоп. тре́мъ, тро́имъ; Iов. XXXV. 4, тре́мъ, Остр. тремъ, Первоп. тре́мъ); ж. р. трі́емъ (Iоан. II. 6, Остр. тріемъ); четы́ремъ (стсл. четырьмъ; муж. р. Дан. I. 17, Остр. четыремъ, Первоп. какъ въ Новой; средн. р. Iезек. X. 11, Остр. другой текстъ). У Мел. Смотр. м. р. тре́мъ или трі́емъ (вліяніе именит. множ.), ж. и ср. тре́мъ (l. c.).

Винительный, рядомъ съ правильной формой три́ (стсл. три; м. р. Быт. V. 32, ж. р. Быт. XVIII. 6, Остр. м. р. три; 2 Парал. IV. 5; ср. р. Второз. XVI. 16, Остр. друг. текстъ), четы́ри (стсл. четыри; м. р. Зах. I. 20, 21, ж. р. Iезек. X. 11, Остр. такъ же; ср. р. Амос. I. 6, 9, 11, Остр. такъ же), имѣются формы именит. множ. м. р.: тріє (1 Парал. XXI. 10, Остр. три, Первоп. три́), четы́ре (Iов. XXXVIII. 38, Остр. четыри, Первоп. четы́ре; 1 Парал. XXI. 20, Остр. четыри, Первоп. четы́ри). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ три́ (l. c.), четы́ри (л. 155 на обор.).

Творительный правильно: тре́ми (стсл. трьми; м. р. 1 Парал. XI. 12, Остр. посредѣ тре; ср. р. Притчи XXX. 21, Остр. треми, Первоп. какъ въ Новой), или тре́ми (Матѳ. XXVI. 61, Остр. треми, Первоп. тре́ми, XXVII. 40, Остр. трими, Перв. тре́ми, Мр. XIV. 58, Остр. трими, Первоп. тре́ми), четы́рми (стсл. четырьми; Мр. II. 3, муж. р., Остр. четырми, Перв. какъ въ Новой, Исх. XXV. 35, ж. р. Остр. и Первоп. четы́рма, по

типу двѣма̀). У М. Смотр. во всѣхъ родахъ тре́ми (л. 154, 155). Изрѣдка встрѣчается и заимствованная изъ русскаго форма тремѧ̀ (ср. р. 1 Цств. XIII. 17, Остр. другой текстъ; ж. р. 1 Макк. IV. 6, Остр. и Первоп. трема̀), представляющая собой плодъ взаимной ассимиляціи формъ тре́ми и трема̀, изъ которыхъ послѣдняя вызвана формою двѣма̀. Такого же происхожденія, какъ трема̀, и форма четы́рма (М. Смотр. л. 155 на обор., а также въ Остр. и Первоп. Исх. XXV. 35). Акцентуація тремѝ, встрѣчающаяся въ Новой библіи, въ Первопечатной еще отсутствуетъ и вызвана вѣроятно вліяніемъ русской формы *тремя̀*.

Предложный м. р. или правильно тре́хъ (стсл. **трьхъ**; М. Смотр. л. 154 на обор.) или тріе́хъ—образованіе отъ основы именит. множ. числа тріѐ, подобное приведенному выше род. множ. (1 Парал. XI. 20, Остр. тріе́хъ, Первоп. тріе́хъ, Евр. X. 28, Остр. тре̑, Первоп. тріе́хъ). Въ ж. и ср. родѣ у М. Смотр. только тре́хъ (л. 155), но въ библіи встрѣчаемъ и тріе́хъ (ж. рода Лук. XIII. 21, Остр. вин. три̑). Отъ четы́ре только правильная форма четы́рехъ (ж. род. Іезек. I. 8, Остр. четыре̑, Первоп. четы́рехъ; стсл. **четырьхъ**). У М. Смотрицкаго четы́рехъ (л. 155 на обор.). Числительныя: пѧ́ть, ше́сть, се́дмь, о́смь, де́вѧть, де́сѧть и сложныя съ этимъ послѣднимъ въ единственномъ числѣ склоняются, какъ первичныя основы на еі- (і-): р. ед. седмѝ (Быт. XLI. 48, 50, Остр. се̑ми̑), твор. ед. осмі́ю (Іерем. XLI. 15, Остр. ȏсмію, Первоп. ȏсмію̀), десѧті́ю (Быт. XXXI. 41, Остр. і̑), предл. ед. седмѝ (Быт. XLI. 47). Сложныя съ два̀ имѣютъ и формы двойств. числа: твор. двѣмана́десѧтьма (3 Цств. XIX. 19, Остр. и Первоп. такъ же), но род. предл. двоюна́десѧти (тамъ же, Остр. дво́ю на́десѧть). Во множественномъ числѣ числительныя эти также склоняются (черта церковнославянскаго языка), но уже по типу мѣстоименныхъ основъ на јо-: род. множ. десѧти́хъ (Дан. I. 15, Остр. ед. ч. десѧти, Первоп. десѧти́хъ), три́десѧтихъ (1 Пар. XII. 4, Остр. и Перв. три́десѧти), пѧти́хъ (Іоа. VI. 13, Остр. пѧти, Первоп. пѧтѝ), седми́хъ (Апок. XV. 7, Остр. се̑михъ, Первоп. седми́х̑); дат. множ. седми́мъ, ѡ҆сми́мъ (Еккл. XI. 2, Остр. седмимъ, ȏсми̑,

седмимъ—Апок. XV. 7, Остр. с̑емимъ, Первоп. какъ въ Новой), десꙗтимъ (Матѳ. XXV. 1, Остр. десꙗтимъ, Первоп. какъ въ Новой); предл. мн. седмихъ (Іезек. III. 16, Остр. седми, Перв. седмихъ), по стѣ пꙗтидесꙗтихъ днехъ (Быт. VIII. 3, Остр. и Первоп. цифрами) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, подобныя формы множ. ч. встрѣчаются уже въ Острожской библіи (на девять цитатъ пять случаевъ), въ Первопечатной еще чаще (семь случаевъ). У М. Смотрицкаго находимъ нѣсколько своеобразныхъ вторичныхъ формъ, которыя однако не подтверждаются библейскимъ текстомъ. Таковы р. и д. мн. пꙗтехъ, шестехъ, пꙗтемъ, шестемъ, твор. пꙗтма̀, шестма̀, седмма̀, осмма̀, девꙗтма̀, десꙗтма̀ и т. д., образованныя по типу склоненія тріе и четыре (л. 155 на обор.). Такой же педантичный характеръ имѣетъ склоненіе четверо, приведенное на обор. л. 153.

Въ склоненіи четыре надо отмѣтить еще акцентуацію, расходящуюся съ русской; удареніе сохраняется на томъ же слогѣ, на которомъ оно находится въ именительн. падежѣ, и не переходитъ на окончаніе, какъ въ русскомъ.

§ 21. Глаголъ. Личныя окончанія первичныя. Единственное число. Первое лицо: у глаголовъ съ основой на согласный (т. наз. „архаическаго“ спряженія) старославянское -мь даетъ -m' (цсл. -мь) только у одного глагола есмь (Матѳ. XXVII. 43); прочіе же глаголы имѣютъ -m (цслав. -мъ), какъ въ русскомъ: дамъ (Матѳ. IV. 9, Остр. да̑, Первоп. дамъ), предамъ (Матѳ. XXVI. 15, Остр. предамъ), вѣмъ (Матѳ. XXVIII. 5, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣмъ; Матѳ. XXVI. 70, Остр. вѣмъ, Первоп. вѣмъ), исповѣмъ (Матѳ. VII. 23, Остр. исповѣмъ, Первоп. какъ въ Новой), свѣмъ (Дѣян. Ап. XIX. 15, Остр. свѣмъ), имамъ (М. XIX. 16, Остр. има̑), ꙗмъ (Быт. XXVII. 4, Остр. и Первоп. ꙗмъ), снѣмъ (Мр. XIV. 14, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -m (-мъ) имѣется уже въ Острожской библіи. У М. Смотр. есмь (л. 235), но вѣмь (л. 238 на об.), свѣмь, ꙗмь (л. 243), снѣмь (тамъ же на обор.), имамь (л. 246 на об.) и даю (л. 151 на об.). У Л. Зизанія есмъ (л. 76, 77). Старославянское -ж глаголовъ съ основой на

гласный=цсл. -ꙋ (-ю): ѝдꙋ (М. VIII. 19), хощꙋ (М. IX. 13), глаго́лю (М. VIII. 10), крещаю (Матѳ. III. 11) и т. д. какъ въ русскомъ.

Второе лицо сохранило оба окончанія: -си у „архаическихъ" глаголовъ, -ши у глаголовъ съ основой на гласный: є҆сѝ (Матѳ. II. 6, XXVI. 63), да́си (Мр. VI. 25. Дѣянія Ап. XIII. 35), возда́си (Матѳ. V. 26), вѣ́си (Матѳ. XV. 12), ꙗ҆́си (Мр. XIV. 12) и т. д. ѝмаши (Матѳ. XXV. 25, XIX. 21), хо́щеши (Матѳ. XIX. 21), кленéшисѧ (тамъ же V. 33), преткнéши (тамъ же IV. 6), ѿвѣщава́еши (тамъ же XXVI. 62) и т. д. У М. Смотр. є҆сѝ (л. 235), вѣ́си (л. 238 на об.), ꙗ҆́си (л. 243) и т. д. біе́ши, стойши (л. 251 на об.) и т. д. У Л. Зизанія є҆сѝ (л. 76, 77).

Третье лицо. Старослав. -тъ должно было дать въ цслав. -ть (-тъ), которое мы и находимъ почти во всѣхъ случаяхъ (въ русскомъ вездѣ, за исключеніемъ одной формы *есть*). Однако, принимая во вниманіе, что въ основѣ современнаго церковнославянскаго лежитъ главнымъ образомъ старославянскій языкъ памятниковъ русской рецензіи, которому свойственно окончаніе 3-го л. -ть, мы не можемъ считать современное цслав. -ть (-тъ) прямымъ продолжателемъ стслав. -тъ. Окончаніе -ть' (цсл. -ть), свойственное памятникамъ русской рецензіи, сохранилось главнымъ образомъ у нѣкоторыхъ глаголовъ „архаическихъ": є҆́сть (Матѳ. XXVI. 66, Остр. є҆сть, Первоп. какъ въ Новой), вѣ́сть (Матѳ. XXIV. 36, 50, Остр. вѣсть, Первоп. какъ въ Новой), ѝсповѣ́сть (Матѳ. X. 32, Остр. и Первоп. такъ же), ѹ҆вѣ́сть, (Мр. V. 43, Остр. ѹ҆вѣсть, Первоп. какъ въ Новой), снѣ́сть (Мр. XI. 14, Остр. снѣсть, Первоп. какъ въ Новой; Лук. XIV. 15, Остр. снѣсть, Первоп. какъ въ Новой), ѝмать (Матѳ. IX. 6, Остр. и́мать, Первоп. какъ въ Новой; V. 23, Остр. и Первоп. такъ же; XVII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; Лев. XXI. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но снѣ́стъ (Исх. XXIX. 33, Остр. ꙗ҆́сть, Первоп. ꙗ҆́стъ; Лев. VII. 6, 18, 19, 20, Остр. и Первоп. ꙗ҆́стъ), ꙗ҆́стъ (Лук. IV. 2, Остр. ꙗ҆́сть, Первоп. какъ въ Новой, XV. 2, Остр. и Первоп. ꙗ҆́стъ), да́стъ (Матѳ. VII. 11, Остр. и Первоп. такъ же), пода́стъ (Матѳ. VII. 9, 10, Остр. пода́стъ

и подасть, Первоп. пода́ст и пода́стъ), преда́стъ (Матѳ. X. 21, Остр. предастъ, Первоп. какъ въ Новой; XXI. 41, Остр. предастъ, Первоп. какъ въ Новой, XXVI. 16, 21, 23, Остр. во всѣхъ трехъ случаяхъ предасть, Первоп. преда́стъ; ср. также да́стьсѧ Остр. Мр. VIII. 12), возда́стъ (Матѳ. XVIII. 34, Остр. въздасть, Первоп. какъ въ Новой). Въ 3-мъ лицѣ аориста съ первичнымъ окончаніемъ: бы́сть (Матѳ. XI. 1, Остр. и Первоп. такъ же, XXI. 42, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой, XIX. 8, Остр. бысть, Первоп. какъ въ Новой). У глаголовъ съ основой на гласный звукъ вездѣ безъ исключеній: пріе́млетъ (М. X. 40, Остр. пріе́млє и пріемлет, Первоп. какъ въ Новой), восхо́щетъ (Быт. XXIV. 5, Остр. и Первоп. такъ же), глаго́летъ (Исх. X. 3, Остр. и Первоп. глетъ), бу́детъ (Лев. X. 19, Остр. и Первоп. бу́детли), сотвори́тъ (Второз. XXXI. 4, Остр. сътвори́тъ, Первоп. какъ въ Новой), вмѣни́тъ (Ис. XXXI. 2, Остр. възмѣни́тъ, Первоп. какъ въ Новой), рече́тъ (Ис. XLI. 7, Остр. речетъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -t (цсл. -тъ) является весьма распространеннымъ уже въ Острожской библіи, не только у глаголовъ съ основой на гласный, но и у глаголовъ на -mi. Немногочисленныя написанія съ -ь (см. выше) объясняются какъ остатки болѣе древней ороографіи; звуковаго значенія это -ь, очевидно, не имѣло въ виду преобладанія написаній съ -ъ. У М. Смотр. є̃сть (л. 235), вѣсть (л. 238 на об.), ꙗ̃сть (л. 243), и̃мать (л. 246 на об.). У Л. Зизанія є̃стъ, но бы́сть (л. 76).

Множественное число. Первое лицо. На мѣстѣ старославянскаго окончанія **-мъ**, свойственнаго первично всѣмъ глаголамъ, въ церковнославянскомъ находимъ два окончанія: -my (-мы) у глаголовъ „архаическихъ“ и -m (-мъ) у всѣхъ прочихъ. Первое изъ нихъ встрѣчается и въ старославянскомъ (**-мы**) рядомъ съ болѣе распространеннымъ -мъ, но не у одного только класса глаголовъ на -mi, а также и у прочихъ глаголовъ.

Явленіе позднѣйшее и свойственное церковнославянскому — закрѣпленіе окончанія **-мы** (цсл. -мы), только за глаголами на -mi: єсмы̀ (Мр. V. 9, Остр. є̂смы, Первоп. какъ въ Новой; Лук.

IX. 12, Остр. ѥ̑смы, Первоп. какъ въ Новой, XVII. 10, Дѣян. II. 32 и т. д. у М. Смотрицкаго какъ въ Новой, л. 235), вѣмы (Матѳ. XXI. 27, Остр. вѣмы, Первоп. какъ въ Новой), и̓мамы (Матѳ. XIV. 17, Остр. неимамы, Первоп. какъ въ Новой; Мр. VIII. 16, Остр. и Первоп. какъ въ Новой), да́мы (Мр. XII. 14, Остр. и Первоп. такъ же; Іоан. I. 22, Остр. и Первоп. такъ же), ꙗ̑мы (Лук. XXII. 8, Остр. и Первоп. такъ же; 1. Кор. XV. 32, Остр. даждмы, Первоп. ꙗ́мы), нѣ́смы (Іоан. VIII. 41, Остр. нѣсмы, Первоп. какъ въ Новой и т. д.

У прочихъ глаголовъ (съ основой на гласный) имѣется только -мъ: тре́бѹемъ (Матѳ. XXVI. 65, Остр. требѹемъ, Перв. тре́бѹемъ), сотвори́мъ (Матѳ. XVII. 4, Остр. сътворимъ, Первоп. какъ въ Новой), ѻу̓держи́мъ (Матѳ. XXI. 38, Остр. ѻу̓дръжимъ, Первоп. какъ въ Новой), да ꙗ̑мы и̓ піе́мъ, ѻу̓трѣ̑ бо ѻу̓мре́мъ (1 Кор. XV. 32, Остр. и Первоп. также: піе́мъ... ѻу̓мремъ) и т. д. У М. Смотрицкаго также находимъ строгое разграниченіе этихъ двухъ окончаній: ѥ̑смы́ (л. 235), вѣмы (л 238 на об.), ꙗ̑мы (л. 243) и т. д., но чита́емъ (л. 191) и т. д. У Л. Зизанія ѥ̑смо̀, ы̑ (л. 76), гласимо̀ (л. 68), віемо̀ (л. 72 на об), ꙗ̑ви́мъ (л. 57 на об.), ꙗ̑вляемъ (л. 58), въстава́емъ, въстава́ймо (л. 66 на об.) и т. д. Окончаніе мо вызвано вліяніемъ малорусскаго; въ Новой библіи оно совсѣмъ не встрѣчается.

Причина, по которой произошла въ церковнославянскомъ такая строгая дифференціація двухъ окончаній, первично употреблявшихся болѣе или менѣе безразлично, заключается въ тожественности 1 л. ед. и 1 л. множ. у глаголовъ на -mi, которая несомнѣнно должна была получиться въ церковнославянскомъ: 1 л. ед. вѣмъ, но 1 л. множ. вѣмы вмѣсто ожидаемаго *вѣмъ. Такого совпаденія у глаголовъ съ основой на гласный не было и не могло быть: 1 л. ед. тре́бѹю, но 1 л. мн. тре́бѹемъ, почему и не имѣлось никакого повода къ дифференціаціи.

Второе лицо имѣетъ окончаніе -t'e (-те), отвѣчающее стсл. -те и свойственное всѣмъ глаголамъ: глаголы на -mi—вѣсте (Матѳ. XX. 25, Остр. вѣсте, Первоп. какъ въ Новой; XXVI. 2, Остр. вѣ̑сте, Первоп. какъ въ Новой), и̓мате (Матѳ. XXVI. 11, Остр.

и Перв. такъ же), ѥ҆сте (Матѳ. X. 31, Остр. ѥ҆сте, Первоп. какъ въ Новой, XXIII. 28, Остр. ѥсте, Первоп. какъ въ Новой), оувѣсте (Матѳ. IX. 6, Остр. оувѣсте, Первоп. какъ въ Новой), ꙗ҆сте (Матѳ. VI. 25, Остр. и Первоп. такъ же, Лук. V. 30, Остр. и Первоп. такъ же), преда́сте (Мр. VII. 13, Остр. и Первоп. такъ же), и т. д. Глаголы съ основой на гласный: тре́бꙋете (М. VI. 8), слы́шите, ви́дите (Матѳ. XI. 4), хо́щете (тамъ же 14) и т. д. Никакихъ особенностей это окончаніе не представляетъ, тѣмъ болѣе, что и въ русскомъ языкѣ оно сохранилось безъ измѣненія.

Третье лицо представляетъ три окончанія, изъ которыхъ два имѣются и у глаголовъ на -mi, и у глаголовъ съ основой на гласный, а одно только у глаголовъ на -mi. Эти окончанія слѣдующія: у глаголовъ на -mi: 1) -'at (цслв. -ѧтъ) отвѣчаетъ стсл. -ѧтъ (-ѧть стслав. памятниковъ русской рецензіи): ꙗ҆дѧтъ (Матѳ. XV. 2. 27, Остр. и Первоп. такъ же), дадѧтъ (Исх. XXX. 13, Остр. и Первоп. такъ же), воздадѧтъ (Матѳ. XII. 36, Остр. въздадѧтъ, Первоп. какъ въ Новой), предадѧтъ (Матѳ. X. 17, Остр. предадѧт҃, Первоп. какъ въ Новой), вѣдѧтъ (Іоан. X. 4, Остр. вѣдѧтъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго вѣдѧ҃ (л. 238 на об.), вѣдѧтъ (л. 239 на обор.), ꙗ҆дѧтъ (л. 243) и т. д. 2) -ut' (цсл. -ꙋть) отвѣчаетъ стсл. -ѫтъ (-ѫть памятниковъ древней русской рецензіи). Окончаніе это заимствовано у глаголовъ тематическихъ еще въ старославянскомъ. Имѣется только въ одной церковнославянской формѣ сꙋть (Матѳ. XIII. 38. 39, Остр. сꙋть, Первоп. сꙋть; XXIII. 25, Остр. сꙋть, Первоп. сꙋть); у М. Смотр. соуть (л. 235), но у Л. Зизанія ѥ҆ꙋтъ (л. 76) и сꙋтъ (л. 77). 3) -ut (цсл. -ꙋтъ) отвѣчаетъ стсл. -ѫтъ (-ѫть памятниковъ русской рецензіи): и҆мꙋтъ (Матѳ. VIII. 20, Остр. и҆мꙋтъ, Первоп. и҆мꙋ҃т, XXI. 26, Остр. и҆мꙋтъ, Перв. какъ въ Новой; XXVI. 4, Остр. и҆мꙋтъ, Перв. какъ въ Новой); у М. Смотрицкаго также и҆мꙋтъ (л. 247). Изъ цитатъ видно, что окончанія эти установились въ ихъ современномъ видѣ еще въ Острожской библіи.

У глаголовъ тематическихъ имѣется два окончанія: 1) -ut

или -'ut (цсл. -ѹтъ, -ютъ), отвѣчающее стсл. -ѫтъ, -ѭтъ (-ѫть, -ѭть памятниковъ русской рецензіи): нарекѹтъ (М. I. 23, Остр. нарекѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), поперѹтъ (Матѳ. VII. 6, Остр. поперѹть, Первоп. какъ въ Новой), расто́ргнѹтъ (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же), ижденѹтъ (Матѳ. V. 11, Остр. ижденѹтъ, Первоп. какъ въ Новой), во́змѹтъ (Лук. IV. 11, Остр. възмѹт, Первоп. возмѹтъ) и т. д., вжига́ютъ, поставля́ютъ (Матѳ. V. 17, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д.

2) -'at или -at (цсл. -ѧтъ, -атъ = стсл. -ѧтъ, древнерусск. -ѧть): наслѣдѧтъ (Матѳ. V. 5, Остр. наслѣдѧт, Первоп. какъ въ Новой), оу҆зрѧтъ (Матѳ. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), поно́сѧтъ (Матѳ. V. 11, Остр. и Первоп. такъ же), ви́дѧтъ (Матѳ. V. 16, Остр. ви́дѧт, Первоп. какъ въ Новой), прило-жа́тсѧ (Матѳ. VI. 33, Остр. и Первоп. такъ же), слы́шатъ (Матѳ. XI. 5, Остр. слы́шѧт, Первоп. слы́шатъ), бѣжа́тъ (Іоан. X. 5, Остр. бѣжатъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Въ граммати-кахъ М. Смотрицкаго и Л. Зизанія никакихъ особенностей у этихъ окончаній не замѣчается.

Двойственное число. Здѣсь мы находимъ обиліе окончаній, находящееся, очевидно, въ связи съ малой употребительностью вообще формъ двойств. числа и ихъ исчезновеніемъ изъ живаго языка, который уже не могъ служить поддержкой въ данномъ случаѣ.

Первое лицо вмѣсто старослав. -вѣ имѣетъ въ Новой библіи -ва или -ма. Образцы перваго: хо́щева, про́сива (Мр. X. 35, Остр. хо́щевѣ, про́сивѣ, Первоп. хо́щевѣ, но про́сива), сѧ́дева (тамъ же X. 37, Остр. и Первоп. сѧ́девѣ), мо́жева (тамъ же X. 39, Остр. и Первоп. мо́жевѣ; Матѳ. XX. 22, Остр. мо́жевѣ, Первоп. мо́жеве), воспріе́млева (Лук. XXIII. 41. Остр. въспрі-е́млевѣ, но Первоп. уже воспріе́млева). Образцомъ втораго окон-чанія -ма можетъ служить въ Новой библіи только форма є҆сма̀ (Іоан. X. 30, Остр. є҆свѣ, Первоп. є҆сва̀). Очень часто въ Новой библіи формы двойственнаго замѣнены формами множественнаго: є҆смы̀ (Дѣян. XIV. 15, Остр. є҆свѣ, Первоп. є҆сма̀; Быт. XIII. 8, Остр. є҆свѣ), рече́мъ (Лук. IX. 54, Остр. рече́вѣ, Первоп.

речєва), прїидємъ, сотворимъ (Іоан. XIV. 23, Остр. прїидєвѣ, сътворивѣ; Первоп. также прїидєвѣ, сотворивѣ), можемъ (Дѣян. IV. 20, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Отсюда видно, что старославянское окончаніе 1-го л. дв. ч. -вѣ еще господствуетъ въ Острожской библіи; въ Первопечатной оно еще встрѣчается, но имѣетъ рядомъ и -ва, -ма и даже -вє; въ Новой же библіи совершенно вытѣснено окончаніемъ -ва, рядомъ съ которымъ весьма рѣдко (только у глагола єсмь) имѣется и -ма. Въ Московскомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) находимъ только два окончанія, дифференцированныя согласно роду: для муж. и ср. -ма, напр. чтєма, для женскаго -мѣ: чтємѣ (л. 190 на об.), м. и ср. читаєма, ж. читаємѣ (л. 191), м. и ср. читайма, ж. читаймѣ (повелит. накл. л. 193), єсма и єсмѣ (л. 235) или єсма, єсмѣ (л. 192 на об.) и т. д. Въ оригинальномъ же изданіи имѣется для муж. и ср. -ва, для ж. -вѣ (л. 125). Въ грамматикѣ Лаврентія Зизанія (лл. 53, 57) имѣются эти же оба окончанія -ва, -вѣ, но безъ различія родовъ, какъ и въ Первопечатной библіи, гдѣ -ва и -вѣ употребляются безразлично. Такая разноголосица объясняется, конечно, малой употребительностью двойственнаго числа, его полнымъ исчезновеніемъ изъ живаго народнаго языка и отсюда отсутствіемъ всякаго критерія для установленія дѣйствительно правильной формы. Неудивительно, что здѣсь открывалось такимъ образомъ широкое поле для разныхъ въ значительной степени субъективныхъ образованій такихъ грамматиковъ, какъ М. Смотрицкій или Л. Зизаній. Въ основѣ всѣхъ этихъ образованій лежитъ, разумѣется, морфологическая ассимиляція. Появленіе -а вмѣсто стслав. -ѣ въ церковнославянскомъ окончаніи 1-го л. дв. числа вызвано по всей видимости вліяніемъ именнаго склоненія (основъ на о- и jo-). Въ пользу этого предложенія говоритъ дифференціація окончаній, находимая нами у М. Смотрицкаго, для муж. и ср. рода принимающаго окончаніе -ва (первое изданіе) или -ма (второе изданіе), какъ два брата, а для женскаго -вѣ (первое изданіе) или -мѣ (втор. изданіе), какъ двѣ руцѣ. Такъ же объясняется и дуализмъ Лавр. Зизанія -ва рядомъ съ -вѣ, причемъ однако у него не замѣчается диф-

ференціаціи въ отношеніи грамматическаго рода. Согласный м вмѣсто в въ окончаніяхъ -ма, -мѣ очевидно вызванъ вліяніемъ окончанія перваго лица множ. числа: ѥ҆смы̀ вызвало форму ѥ҆сма̀, послѣ которой возникла уже форма ж. р. ѥ҆смѣ̀. Написанія -ве въ родѣ вышеприведеннаго мо́жеве (Первоп. Матѳ. XX. 22, Остр. -вѣ) или иска́хове (Первоп. Лук. II. 48, Остр. -вѣ, Новая б. ѝска́хомъ), сводятся къ первичному -вѣ и представляютъ собой скорѣе всего опечатки, въ происхожденіи которыхъ можетъ быть не безъ вліянія было совпаденіе въ русскомъ соотвѣтствій для стсл. ѣ и є.

Второе и третье лица представляютъ также уклоненія отъ старославянскаго. Вмѣсто старосл. окончаній 2 л. -та и 3-го -те, встрѣчаемъ также два окончанія -та и -тѣ, которыя не разнятся по лицамъ, а только по родамъ: -та присвоено второму и третьему муж. (иногда средняго) р., а -тѣ—женскаго (иногда средняго). Эти же окончанія находимъ у М. Смотрицкаго и въ оригинальномъ (л. 125 на обор.) и въ московскомъ изданіяхъ, который по обыкновенію пользуется ими для дифференціаціи. Въ московскомъ изданіи находимъ такія формы: 2 л. ва̀ бі́ета || вѣ̀ бі́етѣ; 3-е ѻ҆́на бі́ета; ѻ҆́нѣ бі́етѣ (л. 184); 2 и 3 м. и средн. чита́ета, 2 и 3 ж. р, чита́етѣ (л. 191), 2 и 3 м. и ср. ѥ҆̑ста, 2 и 3 ж. ѥ҆̑стѣ (л. 235) или ѥ҆ста̀, ѥ҆стѣ̀ (л. 192 на обор. Повидимому, М. Смотрицкій различаетъ вспомогательныя формы этого глагола отъ самостоятельныхъ. Въ первомъ случаѣ удареніе у него на окончаніи, во второмъ на корнѣ. Но эта дифференціація—чисто произвольная—является у него далеко невыдержанной); 2 и 3 м. и ср. ꙗ҆̑ста и ж. ꙗ҆̑стѣ (л. 243) и т. д.

У Зизанія для обѣихъ формъ одно окончаніе -та безъ различенія рода (л. 57 и слѣд.): ꙇ҆авлѧ́ета, а; буд. ꙇ҆ави́та и т. д.

Примѣры 2-го лица муж. рода. У глаголовъ на -mi: вѣ́ста, ѥ҆́ста (Остр. Лук. IX. 55, Первоп. вѣ́ста, ѥ҆ста̀, Новая б. множеств. число: вѣ́сте, ѥ҆стѐ, Матѳ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: мо́жета, про́сита, (настоящ. Матѳ. XX. 22, Остр. и Первоп. такъ же), вѣ́рꙋета (Матѳ. IX. 28, Остр. вѣ́рꙋета, Первоп. какъ въ Новой), хо́щета (Матѳ. XX.

32, Остр. и Первоп. такъ же), ѿбрѧщета (Матѳ. XXI. 2, Остр. и Первоп. 2 лицо множ. числа), испїета (Матѳ. XX. 23, Остр. и Первоп. такъ же), но рядомъ имате креститисѧ (тамъ же; Остр. и Первоп. кртитасѧ). Подобныя замѣны формъ двойственнаго числа формами множественнаго, встрѣчающіяся уже въ Острожской библіи, не рѣдки: ищете, (Матѳ. XXVIII, 5, Остр. ищете, Перв. такъ же, какъ въ Новой), не можетъ... рещи... глава ногамъ, не требѣ ми есте (1 Кор. XII. 21, Остр. ногама... есте, Перв. ногама... есте), оузрите (Матѳ. XXVIII. 7, Остр. оузрите) и т д.

Примѣры 3-го л. двойств. ч. У глаголовъ на -mi: муж. рода еста (Дѣян. Ап. IV. 13, Остр. еста, Первоп. какъ въ Новой), нѣста (Матѳ. XIX. 6, Остр. и Первоп. такъ же); у глаголовъ тематическихъ: сѧдета (Матѳ. XX. 21, Остр. и Первоп. такъ же), бѹдета (Матѳ. XIX. 5, XXIV. 40, Остр. вѹдета, Первоп. какъ въ Новой).

Рядомъ съ этими окончаніями 2-го и 3-го л. имѣется окончаніе -тѣ, встрѣчающееся изрѣдка и въ старославянскихъ памятникахъ (Супрасльская рукопись и Саввина книга) и присвоенное женскому роду. Возможно, что оно сводится къ исконному старослав. окончанію 3-го л. двойств. ч. -те. Формы съ -ѣ объясняются вѣроятнѣе всего стремленіемъ къ большей конгруэнціи формъ глагольныхъ съ формами именит. двойств. ч. именнаго склоненія основъ ср. р. на о- и ж. на а- (какъ лѣтѣ, дѣлѣ; нозѣ, рѹцѣ и т. д.); въ русскихъ памятникахъ сверхъ того написанія съ ѣ могли облегчаться совпаденіемъ русскихъ соотвѣтствій для ѣ и е. При отсутствіи различія между этими соотвѣтствіями въ русскомъ языкѣ, а также и въ церковнославянскомъ, различеніе окончаній -тѣ и -те является особенностью графики, не языка. Примѣрами могутъ служить: 2 лицо двойств. вы сами вѣстѣ (Лія и Рахиль; Быт. XXXI. 6, Остр. вѣсте, Первоп. вѣсте=2 л. множ. числа); 3-е лицо двойств. ѻчи... призираетѣ (Псал. IX. 30, Остр. и Первопеч. такъ же, Пс. X. 4, Остр. и Первопеч. такъ же), вѣжди... испытаетѣ (Пс. X. 4, Остр. и Первоп. такъ же), возрадѹетѣсѧ оустнѣ мои (Псал. LXX. 23, Остр. възрадѹетасѧ, Первоп. какъ въ Новой); въ Новой библіи встрѣчаемъ иногда

вмѣсто этого окончанія -те, что вызывается смѣшеніемъ со вторымъ лицомъ множ: бꙋдете двѣ (Лук. XVII. 35, Остр. бꙋдетѣ, Первоп. бꙋдетѣ).

Часты замѣны формами множеств. числа: грѧдꙋтъ еще два̀ го́рѧ (Апок. IX. 12, Остр. уже грѧдꙋтъ, Первоп. какъ въ Новой), пошꙋмѧ́тъ ѻ҆бѣ оу҆ши (4 Цств. XXI. 12, Остр. и Первоп. пошꙋми́та), ста́нꙋтъ ѻ҆ба (Апок. XI. 11, Остр. и Первоп. ста́нета) и т. д. Замѣны эти встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но не такъ часто, какъ въ Новой.

Окончанія личныя вторичныя. Единственное число. Первое лицо: стслав. -ъ, восходящее къ праязыковому звуковому комплексу -o-m, исчезаетъ въ церковнославянскомъ живомъ произношеніи: ꙗ҆до́хъ, пи́хъ (Второз. IX. 18, Остр. и Первоп. такъ же)=jâdóx, p'íx.

Второе лицо. Роль окончанія (какъ и въ старославянскомъ) играетъ послѣдній гласный временной или глагольной основы, послѣ котораго исчезло еще въ основнославянскомъ конечное -s: сотвори̑ (что̀.... на́ма Лук. II. 48, Остр. сътвори, Первоп. сотвори̑) и т. д. Примѣровъ немного, такъ какъ обыкновенно эта форма замѣнена въ Новой библіи формами другихъ временъ: Остр. библія—сътвори̑, ѿи́де, ѡ҆кра́де, ѿведѐ (Быт. XXXI. 26, Первоп. уже сотвори́лъ е҆си̑, но ѿи́де, ѡ҆кра́де, ѿведѐ; на поляхъ ѿшéлъ е҆си̑, Новая б. сотвори́лъ е҆си̑, оу҆шéлъ е҆си̑, ѡ҆кра́лъ е҆си̑, ѿвéлъ), сътвори̑ (ibid. 28, Первоп. и Новая: сотвори́лъ е҆си̑), и҆зыска́, ѡ҆брѣте (ibid. 37, Первопечатная: и҆зыска́лъ, ѡ҆брѣ́лъ е҆си̑; Новая: ѿвиска́лъ, ѡ҆брѣ́лъ е҆си̑), прео҆би́дѣ (ibid. 41, Первоп. преѡби́дѣ, Нов. преѡби́дѣлъ е҆си̑), видѣ (Апок. XVII. 18, Первоп. ви́дѣ, Новая б. ви́дѣлъ е҆си̑) и т. д. Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что эта замѣна сложной формой проявляется уже въ Первопечатной библіи, но рядомъ здѣсь имѣются и исконныя, древнія формы втораго лица; въ Новой же библіи древняя форма почти совершенно вытѣснена.

Третье лицо. Роль окончанія, какъ и во второмъ лицѣ, играетъ послѣдній гласный глагольной или временной основы, что имѣется уже въ старославянскомъ. Собственное окончаніе -t исчезло еще

въ основнославянскомъ, благодаря чему получается полное совпаденіе втораго и третьяго лица. Въ противоположность второму лицу, замѣненному другими формами въ Новой библіи, третье лицо остается въ новомъ церковнославянскомъ: воскре́се (Матѳ. XIV. 2, Остр. въскрсе, Первоп. воскрсе), сни́де (Матѳ. VII. 25), и҆змолчѐ (Пс. LXVIII. 4, Остр. и҆змолче, Первоп. какъ въ Новой), раскопа̀, всы́па (4 Цств. XXIII. 12, Остр. раскопа̀, всыпа), велерѣ́чева (Юд. VI. 18, Остр. и Первоп. другой текстъ), раздра̀ (4 Цств. XIX. 1, Остр. раздра), восхотѣ̀ (М. I. 19, Остр. въсхотѣ), пощадѣ̀ (Іезек. XVI. 5, Остр. пощадѣ), запретѝ (М. VIII. 26, Остр. запрѣти, Первоп. какъ въ Новой), роди́сѧ (Матѳ. I. 16, Остр. такъ же), ѿскверна́ви (Числ. XIX. 20, Остр. ѻ҆скверна́вилъ, Первоп. ѿскверна́вилъ), оу҆мы̀ (Матѳ. XXVII. 27, Остр. такъ же) и т. д. пребыва́ше (Л. I. 22, Остр. такъ же) и т. д.

Множественное число. Первое лицо. Старослав. окончаніе -мъ даетъ въ церковнославянскомъ -m (-мъ): ходи́хомъ (Псал. LIV. 15, Остр. двойств. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), возжго́хомъ (2 Макк. I. 8, Остр. вожгохомъ, Первоп. вожго́хѡмъ), и҆згони́хомъ (Матѳ. VII. 22, Остр. и҆згони́хом) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -те: сохрани́сте (Малах. II. 9, Остр. съхрани́сте), ѿвинꙋ́стесѧ (тамъ же, Остр. ѻ҆бинꙋстесѧ), велерѣ́чиваете (Iерем. L. 11, Остр. велерѣчева́сте, Первоп. велерѣчеваете), ѿста́висте (Матѳ. XXIII. 23, Остр. ѻ҆стависте), плачево́пльствисте (Зах. VII. 5, Остр. пла́че вопльстви́те, Первоп. плачево́пльствите), слы́шасте (Матѳ. V. 21, Остр. такъ же) и т. д., въ повелительномъ: повѣ́дите (Матѳ. XVII. 9, Остр, повѣдите, Первоп. какъ въ Новой), дади́те (Матѳ. XIV. 16, Остр. и Первоп. такъ же), возвѣсти́те (Матѳ. XI. 4) и т. д.

Третье лицо на мѣстѣ старославянскихъ -ѧ и -ѫ имѣетъ -а, -ꙋ, согласно съ общимъ фонетическимъ закономъ: возра́довашасѧ (М. II. 10, Остр. възра́довашѧ, Первоп. возра́довашасѧ), ви́дѣша (ibid. 9, Остр. видѣша, Первоп. ви́дѣшѧ), и҆до́ша (тамъ же, Остр. и҆до́шѧ, Первоп. и҆дѡ́шѧ), реко́ша (Матѳ. II. 5, Остр. такъ же, Первоп. рекѡ́шѧ), собра́ша (Матѳ. XXII. 10, Остр. събра́шѧ,

Первоп. собра́шѧ), сказа́ша (Лук. II. 17, Остр. и Первоп. сказа́шѧ), диви́шасѧ (тамъ же, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. и҆мѣ́ѧху (Іов. IV. 21, Остр. и҆мѣ́ѧху, Первоп. какъ въ Новой), ѿрѧ́ху, пасѧ́хусѧ (Іов. I. 14, Остр. о҆рѧ́ху, пасѧ́ху, Первоп. ѿрѧ́ху, пасѧ́ху), хожда́ху (1 Цств. XIII. 20, Остр. и Первоп. такъ же), стица́хусѧ (Мр. VI. 33, Остр. стицѧ́хусѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Написанія съ -ѧ, встрѣчаемыя въ Острожской и Первопечатной библіяхъ на мѣстѣ новыхъ съ -а, представляютъ собой, разумѣется, только остатки старославянской орѳографіи и фонетическаго значенія не имѣютъ.

Двойственное число. Первое лицо вмѣсто старославянскаго -вѣ представляетъ окончанія -ва или -ма, какъ и въ первичныхъ временахъ (см. выше). Въ Новой библіи формы двойственнаго обыкновенно замѣнены формами множественнаго числа: ходи́хомъ (Псал. LIV. 15, Остр. ходи́ховѣ, какъ въ старославянскомъ; Первоп. ходи́хома), и҆ска́хомъ (Лук. II. 48, Остр. и҆ска́ховѣ, Первоп. и҆ска́ховє). У М. Смотрицкаго: м. и ср. чтóхома, женск. чтóхомѣ (л. 190 на обор.), м. и ср. читаа́хома, ж. р. читаа́хомѣ (л. 191 на обор.); м. и ср. чита́хомасѧ, ж. читахомѣ сѧ (л. 202 на обор.); твори́хома, твори́хомѣ (л. 215 на обор.) и т. д. съ такой же дифференціаціей по роду, какъ отмѣченная выше у первичныхъ окончаній. Въ первомъ изданіи (Евю) находимъ -ва и вѣ: чтóхова, чтóховѣ и т. д. У Лавр. Зизанія иногда только—вѣ: би́ховѣсѧ (л. 74 на об.), бі́ѧховѣсѧ (ibid.), біѧ́ховѣсѧ (ibid.), бѣ́ховѣ (л. 76), бы́ховѣ (ibid.), иногда рядомъ -ва и -вѣ: спаса́ховѣ, спасахова (л. 63), въстава́ховѣ, ва (л. 67), спасóхова, вѣ (л. 63) и т. д.

Второе лицо сохраняетъ старославянское окончаніе -та: ѿда́ста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же), согласи́стасѧ (Дѣян. V. 9, Остр. съгласи́стасѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. У М. Смотрицкаго съ обычной дифференціаціей—твори́ста, твори́стѣ (л. 215 на обор.); снѣ́ста, снѣ́стѣ (л. 243 на об.) и т. д. Въ повелительномъ наклоненіи: грѧди́та (Матѳ. IV. 19, Остр. грѧдѣта, Первоп. какъ въ Новой), блюди́та (Матѳ. IX. 30, Остр. блюдѣта, Первоп. какъ въ Новой), рцы́та (Мр. XI. 3, Остр.

рцѣта, Первоп. какъ въ Новой), идита, приведита (Матѳ. XXI. 2, Остр. идѣта, приведѣта, Первоп. какъ въ Новой), прїидита, видита (Іоан. I. 39, Остр. прїидита, видѣта, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Нерѣдки замѣны формами множественнаго (уже въ Острожской библіи): не бойтеся (Матѳ. XXVIII. 5, Остр. бойтеся), прїидите, видите, рцыте (ibidem. 6. 7, Остр. прїидѣте, видите, рцѣте, Первоп. прїидите, видите, рцѣте) и т. д.

Третье лицо утратило старославянское -те, вмѣсто котораго имѣются -та (главнымъ образомъ для мужескаго рода) и -тѣ (для женскаго и средняго). Происхожденіе этихъ окончаній таково же, какъ и соотвѣтствующихъ окончаній у первичныхъ временъ. Въ основѣ ихъ лежатъ окончанія втораго лица -та и третьяго -те, которыя подъ вліяніемъ двойственнаго числа именнаго склоненія, развѣтвились на -та и -тѣ. Возможно также, что и одно первичное -те могло дать начало обоимъ даннымъ окончаніямъ. Дифференціація въ отношеніи рода представляетъ собой явленіе позднѣйшее. Въ Острожской библіи она далеко не такъ послѣдовательна, какъ въ Новой.

Окончаніе -та: м. р. бѣста (Матѳ. IV. 18, Остр. такъ же), идоста (ibid. 20, Остр. такъ же), м. р. приступиста (Матѳ. IX. 28, Остр. такъ же), м. р. возописта (Матѳ. XX. 30, Остр. въззписта, Первоп. какъ въ Новой), м. р. вопїяста (ibid. 31, Остр. въпїаста, Первоп. возописта), смотряста, падоста (м. род. Суд. XIII. 20, Остр. такъ же).

Окончаніе -тѣ: ж. р. руцѣ создастѣ (Осія XIII. 4, Остр. стяжасте, Первоп. стяжастѣ), текостѣ, идястѣ (Марія Магдалина и другая Марія. Матѳ. XXVIII. 8, Остр. текостѣ, но идясте, Первоп. текостѣ, но идясте), ꙗстѣся, поклонистѣся (тамъ же, Матѳ. XXVIII. 9, Остр. и Первоп. въ обоихъ случаяхъ -тѣ), зрястѣ (обѣ Маріи; Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зряста), руцѣ твои сотвористѣ мя и создастѣ мя (Іов. X. 8, Остр. сътвориста, създаста, Первоп. какъ въ Новой), бѣстѣ бо руцѣ (Быт. XXVII. 23, Остр. бѣста, Первоп. бѣста), бѣстѣ двѣ дщери (Быт. XXIX. 16, Остр. бѣста, Перв. бѣста), оутвердистѣся его плеснѣ и глезнѣ (Дѣян. III. 7, Остр. и Перв. также оутвердистѣся),

поработастѣ (Пс. LXXX. 7, Остр. такъ же), послужистѣ руцѣ (Дѣян. XX. 34, Остр. послужисте, Перв. какъ въ Новой), идостѣ, преидостѣ, пріидостѣ (Руѳь I. 19, Остр. и Перв. идоста, пріидоста), и т. д. Изрѣдка встрѣчается и окончаніе -та: Рахоль и Лія рекоста (Быт. XXXI. 14. Остр. такъ же).

Средн. рода: видѣстѣ очи (Второз. X. 21, Остр. и Перв. видѣста, Л. II. 30, Остр. видѣстѣ, Перв. какъ въ Новой), изліястѣ (очи: Плачъ Іерем. I. 16, Остр. изліастѣ, Перв. изліастѣ), устнѣ движастѣся (1 Цств. I. 13, Остр. движастася, Перв. какъ Новой), держастѣся (Лук. XXIV. 16, Остр. дръжастася, Перв. держастася), отверзостѣся (ibid. 31, Остр. отврьзостася, Перв. отверзостася; Іоан. IX. 10, Остр. отврьзостѣ, Перв. отверзостѣ), ослѣпостѣ очи (Іов. XVII. 7, Остр. и Первоп. ослѣпосте) и т. д. Изрѣдка встрѣчаемъ окончаніе -та: притупистася очи (3 Цств. XIV. 4, Остр. омрачистася, Первоп. омрачистася), истаяста очи (Іов. XVII. 5, Остр. и Первоп. такъ же), отверзостася (Матѳ. IX. 30, Остр. отверзостася, Первоп. какъ въ Новой), видѣста (Второз. XI. 7, Остр. и Первоп. такъ же) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, окончаніе -та для средняго рода преобладаетъ въ Острожской и Первопечатной библіяхъ, хотя и въ нихъ изрѣдка встрѣчается новѣйшая форма съ -тѣ. Тамъ, гдѣ въ Новой библіи удержалось -та, Острожская и Первопечатная имѣютъ также -та. Исконное окончаніе -те встрѣчается въ Острожской и Первопечатной, но рѣдко; на его мѣстѣ находимъ въ Новой библіи всегда -тѣ, никогда -та, что указываетъ на происхожденіе окончанія -тѣ изъ -те.

Очень часты замѣны формами множественнаго числа: отвѣщаша же имъ родителя его и рѣша (Іоан. IX. 20, Остр. и Первоп. отвѣщаста, рѣста), оба сія пророка мучиша (Апок. XI. 10, Остр. и Первоп. мучиста); Маное же и жена его зряху (Суд. XIII. 19, Остр. и Первоп. глєдѣста), руцѣ же... бѣша (Исх. XVII. 12, Остр. бѣша, Первоп. бѣша), воздвигоша, плакашася (двѣ снохи Руѳи: Руѳь I. 9, Остр. и Первоп. также множ. число), рекоша (тамъ же, 10, Остр. и Первоп. рекоста), плакаша тамъ же, 14; Остр. плакаста, Первоп. плакаста), плакашася оба (Тов. XI.

8, Остр. и Первоп. начаста плакати), поидоша (Рафаилъ и Товій. Тов. XI. 3, Остр. и Первоп. идоста).

Въ Острожской и Первопечатной преобладаетъ двойственное число; случаи замѣны встрѣчаются и здѣсь, но очень рѣдко.

§ 22. *Образованіе глагольныхъ формъ.*

Въ отношеніи тематическомъ церковнославянскій глаголъ не уклоняется замѣтно отъ старославянскаго и представляетъ такіе же классы спряженія.

Въ образованіи отдѣльныхъ временъ замѣчаются уклоненія, вызванныя частью фонетическими причинами, частью процессомъ морфологической ассимиляціи.

Уклоненія эти однако не особенно значительны и имѣются далеко не у всѣхъ глагольныхъ формъ.

Настоящее время. Изъявительное наклоненіе не отличается особенно отъ старославянской нормы, за исключеніемъ вышеуказанныхъ особенностей въ окончаніяхъ. Въ отношеніи тематическаго образованія оно сохранило всѣ характерныя черты старославянскаго. Замѣчаются, впрочемъ, нѣкоторыя немногочисленныя уклоненія, вызванныя частью процессами морфологическаго уподобленія, частью вліяніемъ русскаго языка.

1) Формы, вызванныя морфологической ассимиляціей: снабдю 1 л. ед. ч. (Іезек. XXXIV. 16, Остр. снабжȣ, ср. также Числ. XXIII. 12, снабжȣ, Первоп. снабжȣ. Въ спискѣ XVI в. сънабъжоу, см. Востоковъ словарь цсл. языка), вмѣсто *снабждȣ или по крайней мѣрѣ *снабжȣ; ѿдождю (Исх. XVI. 4, Остр. ѡдождȣ, Перв. уже ѡдождю, Іезек. XXXVIII. 22, Остр. ѡдождȣ, Перв. ѿдождю), надождю (Ам. IV. 7, Остр. надождȣ, Первоп. какъ въ Новой). Здѣсь, кромѣ формъ въ родѣ разширю (Исх. XXIII. 18), испражню (Іез. XXX. 13) и т. п., вліяли также формы другихъ лицъ, какъ снабдитъ, надождитъ и т. д. Возможно, впрочемъ, что -ждю въ приведенныхъ формахъ есть попытка изобразить палатальность сочетанія звуковъ ž'z' (см. выше, стр. 153). У М. Смотрицкаго, кромѣ дождю, имѣется цѣлый рядъ подобныхъ новообразованій, не встрѣчающихся, впрочемъ, въ текстѣ Библіи: гнѣздю, бдю, даже бегю. Рядомъ съ формами скорблю,

терплю, онъ приводитъ также вызванныя морфологической ассимиляціей къ прочимъ лицамъ формы мертвю, гремю (л. 169). Ни одна изъ этихъ формъ въ текстѣ Библіи не встрѣчается, за исключеніемъ дождю.

2) Формы, вызванныя вліяніемъ русскаго языка (съ ж вмѣсто жд и ч вмѣсто шт): сѣжѹ (Іер. XL. 10, Остр. сѣжѹ), пощажѹ (Іер. XXI. 7, Остр. другой текстъ), оутвержѹ (Лев. XVII. 10, Остр. другой текстъ), ѝзверчѹ (1 Цств. XI. 2, Остр. и Перв. такъ же), вижѹ (Іоан. XX. 25, Остр. и Первоп. такъ же), возбѹжѹ (Іоан. XI. 11, Остр. и Первоп. возбѹждѹ) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ подобныя же формы вижю, молочю, рожю, хожю (л. 230). У глаголовъ нетематическихъ обращаетъ на себя вниманіе загадочная форма вѣдѣ, встрѣчающаяся въ Острожской и Первопечатной, но въ Новой замѣненная обычнымъ вѣмъ (Второз. XXXI. 27. 29) и представляющая собой весьма вѣроятно первое лицо ед. числа средн. залога (medium), какъ лат. vidi, скр. tutudé (ср. Brugmann. Grundriss der vergl. Gramm. Bd. II. 1892, стр. 1262, § 894, а также H. Hirt. Indogerm. Forschungen II. Bd. 1893, стр. 358).

Повелительное наклоненіе. Единственное число, второе лицо: рядомъ съ первичными формами въ родѣ возми, иди, востани (Матѳ. IX. 6, Остр. въстани, възми, іди, Первоп. какъ въ Новой), ѝзыди (Мр. V. 8, Остр. ѝзыди, Первоп. какъ въ Новой), тецы, рцы (Зах. II. 4, Остр. теци, гли, Первоп. тецы, гли), привлецы (Пс. XXVII. 3, Остр. привлецы, Первоп. какъ въ Новой), верзи (М. XVIII. 9, Остр. врьзи, Первоп. верзи), лязи (2 Цств. XIII. 5, Остр и Первоп. такъ же), встрѣчаются и вторичныя, вызванныя морфологической ассимиляціей: вержи (Іезек. XXIII. 47, Остр. развіи), поверзи (Исх. VII. 9, Остр. и Перв. поверзи), ѿвержи (Пс. L. 13, Остр. ѿверзи, Первоп. какъ въ Новой), вмѣсто которыхъ въ Острожской библіи находимъ еще древнюю форму. Въ этихъ формахъ сказалось вліяніе такихъ, свойственныхъ уже старославянскому, формъ, какъ: бѣжи (Быт. XXVII. 43, Остр. и Первоп. такъ же, Матѳ. II. 13, Остр. бѣжи, Перв. какъ въ Новой, Числ. XXIV. 11, Остр. и Перв.

такъ же), солжѝ (4 Цств. IV. 16, Остр. солъжѝ, Первоп. какъ въ Новой), воздвѝжи (I. Сир. XIII. 2, Остр. въздвижи, Перв. какъ въ Новой) и т. д., а также и формъ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени. Глаголъ хощꙋ имѣетъ 2 л. пов. хощѝ (3 Езд. VIII. 27, Остр. и Первоп. хо́щеши), восхощѝ (I. Сир. VI. 35, Остр. въсхо́щи, Первоп. какъ въ Новой, ibid. VII. 13, Остр. въсхотѝ, подъ вліяніемъ темы неопредѣленнаго наклоненія, какъ въ русскомъ *хоти́*, Первоп. какъ въ Новой, 3 Цств. XX. 8, Остр. восхощи, Первоп. какъ въ Новой), какъ уже въ старославянскомъ (см. Miklosich. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen W. 1874, стр. 47). Глаголы нетематическіе сохраняютъ старославянскія формы: ꙗ҆́ждь (Суд. XIII. 4. 7), повѣ́ждь (2 Цств. XVIII. 21), да́ждь (I. Нав. XV. 19) и т. д. Въ смыслѣ повелительнаго употреблено 2 л. ед. изъявит. въ Пл. Ιерем. (III. 64. 65): возда́си и҆̀мъ, Гд҇и, воздаѧ҆́нїе, по дѣлѡ́мъ рꙋкꙋ̀ и҆́хъ. Возда́си и҆̀мъ застꙋпле́нїе и т. д. (Остр. ѿдаси и ѿда́си, Первоп. ѿда́си).

Двойственное число. Формы перваго лица не встрѣчается; вмѣсто нея встрѣчаемъ соотвѣтственную форму изъявительнаго наклоненія: да сѧ́деве (Мр. X. 37, Остр. и Первоп. сѧ́девѣ). Старославянская форма была бы **сѧдѣвѣ**. Окончаніе **-вѣ** въ позднѣйшемъ церковнославянскомъ уступило мѣсто окончанію -ва (см. выше стр. 321), а на мѣстѣ -ѣ- находимъ -е-, что указываетъ на одинаковое съ общерусскимъ (и вызванное вліяніемъ этого послѣдняго) употребленіе формъ изъявительнаго наклоненія (съ значеніемъ будущаго вр.), вмѣсто повелительнаго. То же имѣетъ мѣсто въ первомъ лицѣ множественнаго (см. ниже стр. 328). Второе лицо встрѣчается довольно часто и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ новообразованіе по типу глаголовъ нетематическихъ и глаголовъ, образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -i-, какъ вѝдита (Іоан. I. 39, Остр. вѝдѣта, по типу такихъ, какъ стсл. **идѣта**, Первоп. какъ въ Новой), стсл. **видита, тръпита, хвалита, дадита, вѣдита, ꙗдита** и т. д.: грѧдѝта (М. IV. 19, Остр. грѧдѣта, Первоп. какъ въ Новой), блюдѝта (Матѳ. IX. 30, Остр. блюдѣта, Первоп. какъ въ Новой), и҆дѝта (Мр.

XI. 2, Остр. идѣта, Первоп. какъ въ Новой), пріидита (Іоан. I. 39, Остр. пріидѣта, Первоп. какъ въ Новой), приведита (Лук. XIX. 30, Остр. приведѣта, Первоп. какъ въ Новой; Мр. XI. 2, Остр. приведѣта, Первоп. какъ въ Новой), рцыта (Лук. XIX. 31, Остр. рцѣта, Перв. рцѣта, Мр. XI. 3, Остр. рцѣта, Перв. какъ въ Новой).

Какъ видно изъ цитатъ, Новая библія представляетъ только -и-та, въ Острожской вездѣ находимъ еще -ѣ-та, Первопечатная, за единственнымъ исключеніемъ, имѣетъ, какъ и Новая, -и-та. Старинная форма съ -ѣ-та встрѣчается въ Новой библіи очень рѣдко: идѣта (Лук. XXII. 10, Остр. идѣта, Первоп. идита), рцѣта (ibid. 11, Остр. рцѣта, Первоп. какъ въ Новой). Вмѣсто двойственнаго находимъ часто множеств. число: бойтеся (Матѳ. XVII. 7, Остр. боитеся), востаните (ibid. Остр. встанѣте, Перв. какъ въ Новой), идите (Мр. XVI. 7, Остр. идѣте, Перв. какъ въ Новой, Лук. XIX. 30, Остр. идѣте, Перв. какъ въ Новой), рцыте (тамъ же, Остр. рцѣте, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской и Первоп. библіяхъ. Третье лицо встрѣчается весьма рѣдко: нищъ и убогъ восхвалита имя твое (Пс. LXXIII. 21, Остр. въсхвалита), очи мои да видита правоты (Пс. XVI. 2, Остр. видѣта по образцу стсл. **несѣта, берѣта**, Первоп. видита), устнѣ мои похвалитѣ тя (Пс. LXII. 4, Остр. съ древнимъ окончаніемъ похвалита, Перв. какъ въ Новой): стсл. **видита, хвалита.**

Множественное число. Формы перваго лица на -имъ отъ глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго при помощи суффиксовъ -i-, -jo- или -je-, какъ увѣнчаимъ (Прем. С. II. 8, Остр. вѣнчаѥ, Первоп. вѣнчаемъ=изъявит. наклон.), насладимся, употребимъ (тамъ же, 6, Остр. поживѣ, ублажимся, Первоп. поживемъ, ублажимся), сотворимъ, пощадимъ, устыдимся (тамъ же 10, Остр. сътвори, пощадимъ), истяжимся (Ис. I. 18, Остр. съвопрашаѥ, Первоп. съвопрашаемъ), поимъ (Исх. XV. 1, Остр. и Первоп. такъ же), возопіимъ (1 Макк. IV. 10, Остр. възопіѥ, Первоп. возопіемъ), дадимъ (1 Макк. XV. 35, Остр. дадемъ, Первоп. какъ въ Новой), снядимъ (4 Цств. VI. 28.

29, Остр. и̂ꙗ̑ди́мъ, зꙗ̑ди́мъ, и̂з̾ꙗ̑ди́мъ, Перв. ꙗ̑ди́мъ, и̂з̾ꙗ̑ди́мъ) и т. д. вызвали новообразованія: начни́мъ (2 Макк. II. 33, Остр. и Первоп. начина́емъ), поиди́мъ (Ис. XXX. 21, Остр. и̂дѣмъ, Первоп. и̂демъ), напади́мъ (Іер. XX. 10, Остр. друг. текстъ: пого́ни̂), воста́нимъ (Іер. XLVI. 16, Остр. ед. ч. въста́ни), собери́мсѧ (Іезек. XXXIII. 30, Остр. събере́мсѧ, Перв. собере́мсѧ) и т. д. Исконныя формы 1 л. множ. на -ѣмъ почти не встрѣчаются, кромѣ: предтецѣмъ (Тов. XI. 2, Остр. другой текстъ: да пріидемъ на пре̂), а также рцѣ́мъ (2 Ездры III. 5, Остр. глаго́лемъ). Въ настоящемъ случаѣ ц указываетъ на исконный повелительный, хотя вмѣсто ѣ находимъ е подъ вліяніемъ весьма частыхъ случаевъ замѣны повелительнаго формами изъявительнаго наклоненія, какъ напр.: идемъ, двигнемъ (3 Езд. IV. 14, Остр. также и́демъ, двигнемъ, но 15. поидимъ, двигнѣмъ, Первоп. по́идемъ, дви́гнѣмъ, Нов. по́йдемъ, дви́гнемъ), вни́демъ (Пс. CXXXI. 7, Остр. и Первоп. также), пожре́мъ, во́змемъ, прі́имемъ (Притчи С. I. 12—13, Остр. по́жремъ, во́змемъ, пріимемъ, Перв. какъ въ Новой), взы́демъ (Ис. II. 3, Остр. въ̂зыидемъ, Первоп. взы́демъ, Іерем. VI. 5, Остр. възы́идемъ, Первоп. въ̂зы́демъ, 1 Макк. IV. 36, Остр. взыидемъ, Первоп. въ̂зы́демъ), по́йдемъ (Іерем. VI. 16, Остр. ходи́мъ, Первоп. хо́димъ; Зах. VIII. 23, Остр. и̂де̂, Первоп. и̂демъ; 1 Макк. V. 57, Остр. и̂демъ, Первоп. и̂демъ), свѧ́жемъ (Ис. III. 10, Остр. свѧ́же̂), изсѣче́мъ, посѣче́мъ, сози́ждемъ (Ис. IX. 10, Остр. оусѣче́мъ, посѣче́мъ, съгради́мъ, Перв. такъ же и соградимъ), сози́ждемъ (Быт. XI. 4, Остр. сози́жде̂), сѧ́демъ, вни́демъ (Іерем. XLII. 13. 14, Остр. сѧ́демъ, вни́демъ), расто́ргнемъ || расто́ргнимъ, ѿве́ржемъ || ѿве́ржимъ (Пс. II. 3, Остр. растръгнемъ, ѿве́ржемъ, Первоп. расто́ргнемъ, ѿве́ржемъ) и т. д. Замѣна эта, какъ видно, имѣется уже въ Острожской библіи.

Второе лицо множественнаго числа, рядомъ съ первичными формами на -ите глаголовъ нетематическихъ и образующихъ основу настоящаго времени съ суффиксомъ -і-, какъ напримѣръ: дади́те (Быт. XXIII. 4, Остр. такъ же), ꙗ̑ди́те (Исх. XXIII. 15, Остр. ꙗ̑ди́те, Лев. X. 12. 13. 14, Остр. ѧ̑ди́те), повѣ́дите (Дан. II. 9, Остр. повѣди́те, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. сотвори́те

(Исх. XXIII. 14, Остр. снабди́те), оу҆краси́те (Исх. III. 22, Остр. такъ же), слы́шите, вну́ши́те (Ос. V. 1, Остр. слы́шите, вну́шите) и т. д., представляетъ обиліе новообразованій, вытѣснившихъ совершенно исконныя формы на -ѣте: рцы́те (Лев. XI. 2, Остр. глите, Быт. XXIII. 8, Остр. поглите), посѣцы́те (Исх. XXXIV. 13, Остр. изъявит. да посѣчѐте), оу҆сѣцы́те, взы́дите, принеси́те, сози́ждите (Агг. I. 8, Остр. оу҆сѣцѣте, възыидѣте, принесѣте, съзи́ждете, Первоп. оу҆сѣцы́те, взы́дите, принеси́те, сози́ждете), воста́ните (Тов. VI. 18, Остр. другой текстъ), собери́тесѧ (Быт. XLIX. 2, Остр. събери́тесѧ), бу́дите (Суд. IX. 19, Остр. и Перв. бу́дете), впрѧзи́те (1 Цств. VI. 7, Остр. въпрѧзите), возми́те (ibid. Остр. возмѣте, Первоп. какъ въ Новой), ста́ните (1 Цств. X. 19, Остр. и Первоп. такъ же), и҆дите, поищи́те (1 Цств. IX. 3. Остр. и҆дѣта, пои҆щѣте, Первоп. и҆дита, поищи́та), поими́те, веди́те (3 Цств. I. 33, Остр. поимѣте, ведѣте, Перв. поими́те, веди́те), пожри́те (Лев. XIX. 5, Остр. положи́те), посли́те (Числ. XXXI. 4, Остр. послите), ѿосли́те (Быт. XLV. 1, Остр. другой текстъ ѿсту́пите), сѧ́дите (Р. IV. 2, Остр. и Первоп. сѧ́дѣте), воздѣжи́те (Пс. 133. 2, Остр. въздѣжи́те, Первоп. воздежи́те), пове́рзите (Быт. XXXV. 2, Остр. поврꙿзѣте, Первоп. какъ въ Новой), пріиди́те (3 Ездры IV. 14, Остр. пріидѣте, Первоп. какъ въ Новой), бу́дите, возми́те, принеси́те (Числ. XVI. 16. 17, Остр. бу́дете, възмѣте, принеси́те, Первоп. бу́дете, возми́те, принеси́те) прикосни́тесѧ (ibid. 26, Остр. прикоснетесѧ, Перв. какъ въ Новой), пріиди́те, взы́дите, помози́те (I. Нав. X. 4, Остр. възыидѣте, помозѣте, Первоп. възыди́те, помози́те), ѿве́рзите, и҆зведи́те (I. Нав. X. 22. Остр. ѿврꙿзите, и҆зведи́те, Перв. какъ въ Новой), донеси́те, поими́те (Быт. XLIII. 11. 13, Остр. донеси́те, но по́имѣте, Первоп. какъ въ Новой), и҆ми́те (П. П. П. 15, Остр. и҆мѣте, Первоп. изъявит. и҆мете), пла́чите (2 Цств. I. 24, Остр. такъ же), ѿтрѧси́те, разсы́плите (Дан. IV. 11, Остр. посѣцѣте, расы́плете, Перв. посѣцы́те, разсы́плите) и т. д. Исконныя формы съ -ѣте не встрѣчаются совсѣмъ въ Новой библіи, вмѣсто нихъ находимъ позднѣйшія новообразованія, какъ въ русскомъ. Въ Первопечатной онѣ встрѣчаются, но очень рѣдко (одинъ

случай изъ всѣхъ вышеприведенныхъ). Новообразованія съ -ите встрѣчаются довольно часто уже въ Острожской библіи; нерѣдки также здѣсь и въ Первопечатной замѣны повелит. наклоненія изъявительнымъ, въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ въ Новой уже имѣемъ новообразованіе съ -ите (Новая бꙋдите, Остр. бꙋдете) и т. д. Подъ вліяніемъ перваго лица ед. числа повѣждь, оувѣждь и такихъ отношеній, какъ ста́ни—ста́ните, бери́—бери́те и т. д., возникаетъ вторичная форма втораго лица множ. оувѣждьте (1 Цств. XIV. 38, Остр. и Первоп. изъявит. вмѣсто повелит. оувѣсте), рядомъ съ исконными формами оувѣдите (Числ. XVI. 30, Остр. да оувѣсте), повѣдите (Дан. II. 9, Остр. повѣди́те) и т. д. Возстановленіе первичнаго заднеязычнаго согласнаго подъ вліяніемъ родственныхъ формъ представляетъ форма стреги́те (Ис. XXI. 11, Остр. снабди́те). Глаголъ хощꙋ имѣетъ во второмъ лицѣ множ. ч. хощи́те (Iерем. XIII. 15. Только въ Острожской и Первопечатной, въ Новой другой текстъ). Третье лицо множ. числа не встрѣчается. Вмѣсто него имѣемъ всегда изъявительное наклоненіе съ частицей да. Также не встрѣчаются формы типа стсл. **бнѧвѣ, бнѧмъ, бнѧте**, имѣвшіяся въ старослав. Вмѣсто нихъ находимъ болѣе новыя формы, какъ біи́те (Числ. XXV. 17, Остр. біите, Перв. какъ въ Новой), и҆збі́йте (ibid. 5, Остр. какъ въ Новой, Перв. и҆збі́йте) и т. д. Формальное тожество изъявительнаго и повелительнаго у извѣстныхъ основъ, повидимому, послужило источникомъ дифференціаціи ихъ по ударенію. Такъ 2 Парал. XIX. 6. 7 читаемъ: ви́дите, что̀ вы̀ твори́те, не человѣ́ческій бо вы̀ сꙋ́дъ твори́те... и҆ ны́нѣ да бꙋ́детъ стра́хъ Гдⷭ҇нь на ва́съ, и҆ храни́те, и҆ твори́те, ꙗ҆́кѡ нѣ́сть... непра́вды и т. д. (Остр. твори́те,сътвори́те || повел. твори́те); сѧ́дите повел. (Зах. IX. 12, Остр. и Первоп. сѧ́дете), но сѣди́те изъяв. (Суд. XVIII. 8, Остр. другой текстъ), изъявит. да въ за́повѣдехъ мои́хъ хо́дите, и҆ сꙋды̀ моѧ̑ ѡ҆храни́те, и҆ сотвори́те ѧ҆̀ (Iезек. XXXVI. 27, Остр. хо́дите.., снабди́те.., сътвори́те.., Первоп. хо́дите... снабди́те... сотвори́те), но сотвори́те повелит. (Исх. XXIII. 14. 15. Остр. сътвори́те, снабди́те, Первоп. сотвори́те, снабди́те), повел. ꙗ҆ди́те (Исх. XXIII. 15, Остр. и Первоп. такъ же), но изъявит. ꙗ҆ди́те (Iезек. XXXIV. 3, Остр. ꙗ҆дѧ́сте)

и т. д. Удареніе на самомъ личномъ окончаніи свойственно только формамъ изъявительнаго наклоненія, а въ повелительномъ оно является большею частью на послѣднемъ гласномъ основы: изъяв. творитѐ || повел. твори́те. Въ томъ случаѣ, если удареніе находится на корнѣ, дифференціаціи между повелит. и изъявительн. не наблюдается: изъяв. ви́дите || повел. ся́дите. Подобной диффе-ренцировки помощью ударенія мы также не находимъ часто и въ тѣхъ случаяхъ, когда изъявительное наклоненіе отличается уже отъ повелительнаго: по́слете изъяв. (1 Цств. VI. 3, Остр. и Первоп. такъ же) и посли́те повелит. (Числ. XXXI. 4, Остр. послите, Перв. какъ въ Новой), хотя это и не проведено строго: испіетѐ изъявит. (Іезек. XXXIX. 18, 19) и пі́йте повелит. (ibid. 17. Остр. и̓спиете и піете, Первоп. и̓спіетѐ и піетѐ), приведетѐ изъявит. (Мал. I. 8, Остр. приведете, Первоп. какъ въ Новой) и повелит. веди́те (3 Цств. I. 33), и̓зведи́те (I. Нав. X. 22) и т. д. Случаи такой акцентуаціи 2-го лица множ. ч. изъявительнаго наклоненія очень часты: и̓ да не ѡ̓скверни́тесѧ (Лев. XVIII. 30, Остр. ѻ̓скверни́тесѧ, Первоп. ѡ̓скверни́тесѧ), ꙗ̓кѡ да не сотворитѐ (ibid. Остр. сътвори́те, Первоп. сотвори́те), да не сотворитѐ (ibid. XXIII. 3, Остр. и Первоп. твори́те), да раздѣлитѐ (Лев. XXV. 46, Остр. и Первоп. раздѣли́те), а҆ще... сохранитѐ и̓ сотворитѐ (ibid. XXVI. 3, Остр. снабдитѐ, сътвори́те, Перв. снабдитѐ, сотворитѐ), всели́тесѧ (ibid. 5, Остр. всели́тесѧ, Перв. какъ въ Новой), а҆ще же не послꙋшаете... нижѐ сотворитѐ (ibid. 14, Остр. послꙋ́шаете... сътворитѐ, Первоп. какъ въ Новой), ни покоритѐсѧ (ibid. 15, Остр. другой текстъ), є҆гда́ же согрѣшитѐ, и̓ не сотворитѐ (Числ. XV. 22, Остр. съгрѣши́те, сътвори́те, Перв. какъ въ Новой), да не сотворитѐ (ibid. XXIX. 7. 12, Остр. сътвори́те и сътворите, Первоп. сотвори́те), и̓ да не ѡ̓сквернитѐ землѝ, на не́йже живетѐ (ibid. XXXV. 34, Остр. ѻ̓скврьни́те, живе́те, Первоп. какъ въ Новой), словеса̀, ꙗ̓̀же сотворитѐ (Второз. I. 18, Остр. сътвори́те, Первоп. сотвори́те), да поживетѐ (ibid. IV. I, Остр. поживе́те, Первоп. какъ въ Новой), да не приложитѐ (ibid. 2, Остр. и Первоп. приложи́те), потребитѐсѧ (ibid. 26, Остр. потреби́тесѧ, Первоп. какъ въ Новой), да боитѐсѧ

(ibid. VI. 2, Остр. да сѧ боитє, Первоп. да сѧ бо́йтє), до́ндєжє йскорєнитѐ (ibid. VII. 23, Остр. 2 л. ед.), ꙗ҆́кѡ сотворитѐ (ibid. XXXI. 29, Остр. сотвори́стє), оу҆клонитѐсѧ (ibid. Остр. и Перв. склонитєсѧ), а҆́щє оу҆бѡ нє возвѣститѐ (Дан. II. 5. 9, Остр. нє совѣститѐ, Перв. нє совѣститѐ), а҆́щє жє возвѣститѐ (ibid. 6, Остр. совѣсти́тє, Перв. совѣститѐ), а҆́щє ꙗ҆́стєйли̇ пїєтѐ, нє вы ли ꙗ҆́стєи пїєтѐ (Зах. VII. 6, Остр. ꙗ҆́стє, пїєтє, Перв. какъ въ Нов.), а҆́щє... повєлитѐ... й поꙋчитѐ (3 Езд. XIV. 34, Остр. повєлитє, пооу҆чи́тє, Перв. какъ въ Новой), а҆́щє привєдєтѐ (Мал. I. 8, Остр. привєдєтє, Перв. какъ въ Новой), да... воцаритѐсѧ, да поживєтѐ (Притчи С. IX. 6, Остр. въцр҇итєсѧ, поживєтє, Первоп. воцритѐсѧ, поживєтѐ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, случаи такой акцентуаціи начинають встрѣчаться уже въ Острожской библіи, Первопечатная представляетъ ихъ еще чаще, но особенно часты они въ Новой.

Источникомъ ея надо считать русскія діалектическія формы съ подобнымъ удареніемъ, какъ *ходитё, носитё* и т. д., малор. *несете́, плетете́, горите́* и т. д., особенно послѣднія.

Дифференціація тожественныхъ формъ втораго лица множ. ч. изъявительнаго и повелительнаго наклоненія при помощи ударенія, имѣющаяся въ малорусскомъ, вполнѣ напоминаетъ только что разсмотрѣнную церковнославянскую, для которой она и послужила, очевидно, главнымъ источникомъ: хвалите́ изъяв. || хвалі́те повел., горите́ изъяв. || горі́те повелит.; ср. также параллели—плетете́ || плет'і́те, несете́ || нес'і́те, гребете́ || гребі́те, печете́ || печі́те, мрете́ || мрі́те, бъете́ || би́йте, берете́ || бері́те и проч. Весьма вѣроятно, что эти разницы акцентуаціи вызвали и церковнославянскія параллели въ родѣ творитѐ изъяв. || твори́тє повелит. Акцентуація второго лица множ. ч. изъявительнаго на окончаніи -тє представляетъ собой вполнѣ вѣроятную праславянскую еще особенность (ср. H. Hirt. Zu den slavischen Auslautsgesetzen. Indogerm. Forschungen. Bd. II. 1892, стр. 347, а также Брандта. Начертаніе славянской акцентологіи. 1880, стр. 92. Прим. 2).

Рѣдкое третье лицо множественнаго числа повелительн. стсл. бѫдѫ, вмѣсто котораго мы ожидали бы въ церковнославянскомъ *бꙋдꙋ, замѣняется соотвѣтствующей формой изъявит. съ частицей

да: да бꙋ́дꙋтъ чре́слà ва́ша и т. д. (Лук. XII. 35, Остр. и Первоп. такъ же, Зограф. Ассеман. Савина Кн.: бѫдѫ чрѣсла ваша и т. д.).

У Мел. Смотрицкаго въ двойств. и множеств. числахъ повелит. находимъ обыкновенно формы изъявительнаго наклоненія: чтѝ ты́, да чте́тъ о҃нъ, муж. и ср. чте́ма, чте́та, да чте́та; женск. чте́мѣ, чте́тѣ, да чте́тѣ; чте́мъ, чте́те, да чтоу́тъ (л. 192 на об.—193); то же самое въ такъ называемомъ „будущемъ повелительномъ": прочтѝ, да прочте́тъ и т. д. (л. 193). Ничѣмъ почти не разнится отъ этихъ формъ его „молительное наклоненіе": чтѝ ты́, чтѝ о҃нъ; дв. м. и ср. чте́ма, чте́та, чте́та; ж. р. чте́мѣ, чте́тѣ, чте́тѣ; чте́мъ, чте́те, да чтоу́тъ (л. 193 на об.). „Будущее молительное" отличается только прибавленіемъ префикса про и еще 2 л. мн. прочтѣ́те. У глаголовъ нетематическихъ, какъ стсл. вѣмь, находимъ у М. Смотрицкаго частью формы дв. и множ. ч., образованныя подъ вліяніемъ второго лица ед. ч., частью новообразованія по типу глаголовъ тематическихъ: вѣ́ждь ты̀, да вѣ́сть о҃нъ; дв. м. и ср. вѣ́ждьма, вѣ́ждьта, да вѣ́дѣта, ж. вѣ́ждьмѣ, вѣ́ждьтѣ, да вѣ́дѣтѣ; мн. вѣ́ждьмы, вѣ́дѣмъ, вѣ́дѣте, да вѣ́дѧтъ (л. 239 на об.). Почти то же находимъ и въ его „молительномъ наклоненіи" нетематическихъ глаголовъ: вѣ́ждь ты̀, вѣ́ждь о҃нъ; м. и ср. дв. вѣ́ждьма, вѣ́ждьта, вѣ́ждьта; ж. вѣ́ждьмѣ, вѣ́ждьтѣ, вѣ́ждьтѣ; мн. вѣ́ждьмы или вѣ́дѣмъ, вѣ́дѣтѣ, да вѣ́дѧтъ (л. 139 на обор.). Иначе представляется повелительное глагола ѩмь, гдѣ мы находимъ смѣсь исконныхъ формъ и новообразованій: ꙗ҆́ждь ты̀, да ꙗ҆́сть о҃нъ; дв. муж. и ср. ꙗ҆ди́ма, ꙗ҆ди́та, да ꙗ҆ди́та; ж. ꙗ҆дѣ́мѣ, ꙗ҆дѣ́тѣ, да ꙗ҆дѣ́тѣ; мн. ꙗ҆́ждмы или ꙗ҆ди́мъ, ꙗ҆дѣ́те, да ꙗ҆дѧ́тъ (л. 244); „будущее повелительное" въ свою очередь представляетъ нѣкоторыя особенности: снѣ́ждь ты̀, да снѣ́сть о҃нъ; дв. м. и ср. снѣ́ждма, ждта, да, де́та; ж. снѣ́ждмѣ, ждтѣ, да, снѣде́тѣ, мн. снѣ́ждмы или снѣдѣ́мъ, дѣте, да снѣдѧ́тъ (ibid). По типу тематическихъ глаголовъ образованы формы 2 л. ед. дадѝ, види, ꙗ҆дѝ, которыя, однако, самъ авторъ называетъ менѣе употребительными (л. 200). Огромное большинство приведенныхъ здѣсь формъ въ текстѣ Библіи совсѣмъ не встрѣчается и должно быть приписано

педантичному творчеству самого автора. Дифференціаціи по ударенію сходныхъ формъ изъявит. и повелит. накл. (особенно 2 л. мн. ч.), подобной вышеуказанной, у М. Смотрицкаго (Московское изданіе) не имѣется: изъяв. 2 мн. чте́те (л. 190 на обор., изд. Евю чтетѐ) и повелит. чте́те (л. 193), изъяв. 2 множ. твори́те (л. 215 на обор.), буд. сотвори́те (л. 216) и повел. твори́те, сотвори́те (л. 216 на об. и 217, изд. Евю тво́рите, сотво́рите), одинаково сотвори́тесѧ (л. 223 на об. сторонахъ) и т. д. Исключеніе представляютъ формы 2 л. мн. „буд.“ прочтетѐ (л. 192) и „буд. повел.“: прочте́те (л. 193), а также 2 л. мн. „наклоненія подчинительнаго“, вида совершеннаго: чтете́сѧ (л. 207).

Евюнское изданіе представляетъ больше случаевъ такой дифференціаціи, Московское же, пріуроченное до извѣстной степени къ московскому (великорусскому) нарѣчію, сохраняетъ ее, кажется, только по недосмотру въ рѣдкихъ случаяхъ. Это обстоятельство подтверждаетъ косвеннымъ образомъ высказанное выше предположеніе, что источникомъ помянутой дифференціаціи является подобная же малорусская. Другимъ подтвержденіемъ является акцентуація изъявительнаго и повелительнаго наклоненія, находимая у Лаврентія Зизанія. Здѣсь имѣется дифференціація, вполнѣ напоминающая малорусскую и церковнославянскую: „изъявит. будущ.“ ꙗвитà, ꙗвитѐ (л. 57 на об.), но „повелит. будущ.“ дà ꙗви́та, ꙗви́те (л. 58); спаси́та, спаси́те (л. 63), „настоящее изъявит.“ гласитà, гласитѐ (л. 68 на обор.) и изъявит. будущ. възгласитà, ситѐ (л. 69), но повелит. будущ. възгласи́та (л. 71), възгласи́те (л. 71 на об.), „молитвенное дѣлат. настоящ.“ дà гласитà, гласитѐ (л. 71 на об.), „молитв. будущ.“ дà возглашꙋ... итà, възгласітѐ (л. 72), настоящ. изъявит. біетà, біетѐ (л. 72 на об.) и т. д.

Причастіе настоящаго времени дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ сохраняетъ въ общемъ старославянскія черты тематическаго образованія, хотя у перваго замѣчается не мало новообразованій, а также и наклонность къ замѣнѣ формъ простыхъ формами сложными. Старинное краткое причастіе дѣйствительн. залога м. р. встрѣчается довольно рѣдко: м. р. ходѧ̀ (2 Цств. VII. 6, Остр. пребыва́ѧ), хотѧ̀ (3 Цств. XIII. 1, Остр. такъ же),

молча̀ (ibid. XXI. 7, Остр. молча, Первоп. какъ въ Новой), ищѧ̀ (2 Пар. XXVI. 15, Остр. другой текстъ), ви́дѧ (1 Макк. IV. 35, Остр. другой текстъ), мщѧ́ѧ (Пс. XCVIII. 8, Остр. такъ же), потѧ́сѧ, тща́сѧ (Прем. I. Сир. XI. 11, Остр. потѧ́сѧ, тщасѧ), сказꙋ́ѧ, разрѣша́ѧ (Дан. V. 12, Остр. сказа́ѧ, разрѣ-ша́ѧ), глаго́лѧ (Быт. XLIV. 32, Остр. другой текстъ), стенѧ̀ (Быт. IV. 12. 14, Остр. такъ же), пла́чѧ (Iерем. Плачъ I. 2, Остр. пла́ча), пони́ча, притворѧ́ѧсѧ (Iис. Сир. XIX. 24, Остр. понича, раслꙋша́ѧ), пі́ѧ (Лук. VII. 33—34, Остр. пі́а, Первоп. пі́ѧ) и т. д.; въ значеніи средняго рода (рѣдко): ѡ҆слѣпа́ѧ (Зах. XI. 17, Остр. ѻ҆слѣпа́ѧ, Первоп. какъ въ Новой), просвѣща́ѧ (I. Сир. XLII. 16, Остр. свѣтѧ́сѧ). Рядомъ гораздо чаще сложныя формы: спѧ́й (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Перв. спѧ̀), зи́ждай (3 Ц. IX. 1, Остр. и Перв. зи́жда, Пс. CXLVI. 2, Остр. зи́жай, Первоп. какъ въ Новой), помога́ѧй (1 Ездры X. 15, Остр. помога́ша), приходѧ́й, разꙋмѣ́ѧй (Неем. X. 28, Остр. разꙋмѣ́ѧи, оу҆крѣплѧ́йсѧ, но проклинаѧ), хотѧ́й (1 Макк. VII. 5, Остр. хотѧ́и), ѡ҆болга́ѧй (2 Макк. III. 11, Остр. зносѧ, Перв. ѕносѧ), быва́ѧй (ibid. IV. 5, Остр. быва́ѧи), созида́ѧй, ѡ҆снова́ѧй (Зах. XII. 1, Остр. съзида́ѧ, Перв. созида́ѧй), мстѧ́й, потребѧ́ѧй (Наумъ I. 2, Остр. мстѧ́и, ѻ҆чища́й, Перв. мстѧ́й, мстѧ́й, ѡ҆чища́ѧй), запреща́ѧй, и҆зсꙋша́ѧй, ѡ҆пꙋстоша́ѧй (ibid. 4, Остр. запреща́ѧи, послꙋша́й, и҆скажа́ѧи, оу҆малѧ́й), присѣдѧ́й (Iов. XXXI. 9, Остр. присѣдѧ, Первоп. присѣдѧ̀), сѣдѧ́й (Быт. XLIX. 17, Остр. и Первоп. сѣдѧ̀; Второз. VI. 7, Остр. сѣдѧи, Перв. какъ въ Новой), ви́дѧй (ibid. XIII. 1, Остр. видѧ̀, Первоп. ви́дѧ), ѡ҆сѧза́ѧй, помога́ѧй (ibid. XXVIII. 29, Остр. ѻ҆сѧза́ѧи, но помага́ѧ, Перв. ѡ҆сѧза́ѧй, но помага́ѧ), гонѧ́й (Суд. IV. 16, Остр. женѧи), сꙋдѧ́й (ibid. XI. 27, Остр. друг. текстъ), и҆мѣ́ѧй (Iов. VI. 5, Остр. и҆мѣ́ѧ, Первоп. какъ въ Новой), бо́ѧйсѧ (ib. VII. 2, Остр. бо́ѧисѧ), держа́йсѧ (I. Сир. IV. 14, Остр. дръжа́исѧ), трꙋжда́ѧйсѧ (ib. XI. 11, Остр. трꙋжда́ѧисѧ), возвѣща́ѧй (Дан. V. 12, Остр. съвѣ́стꙋѧ, Первоп. совѣ́стꙋѧ), дѣ́лаѧй (Быт. IV. 2, Остр. дѣла́ѧ, Первоп. дѣ́лаѧ) и т. д. Никакихъ особыхъ оттѣнковъ значенія съ той или другой формой, повидимому, не со-

единено, ср. совершенно тожественныя синтактическія построенія: вины ищетъ мужъ хотя ѿлучитися ѿ другѡвъ (Притчи С. XVIII. 1, Остр. хотя) и лучше есть убогъ ходяй въ простотѣ своей (ibid. XIX. 1, Остр. ходяи) или велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость (ibid. XX. 6, Остр. творяи) и т. д. Нерѣдки случаи безразличнаго употребленія рядомъ простыхъ и сложныхъ формъ: и да будетъ Данъ ѕмій на пути, сѣдяй на распутіи, угрызая пяту конску (Быт. XLIX. 17, Остр. сѣдя... хапля, Первоп. сѣдя... хапляя); есть труждаяйся и потяся и тщася (Иис. Сир. XI. 11, Остр. труждаяися, потяся, тщася); и смыслъ (ѡбрѣтеся) въ немъ, сказуя сны, и возвѣщаяй сокровенная, и разрѣшая союзы (Дан. V. 12, Остр. сказая, съвѣстуя, разрѣшая) и т. д. Тѣмъ не менѣе, кажется, можно видѣть у формъ сложныхъ нѣкоторый, болѣе независимый и субстантивный, такъ сказать, оттѣнокъ значенія, чѣмъ у формъ простыхъ. Этимъ оттѣнкомъ, вѣроятно, объясняется послѣдовательное употребленіе сложной формы въ такихъ случаяхъ, какъ; бояйся Гда сотворитъ сіе, и держайся закона постигнетъ ю (Прем. I. Сир. XV. 1, Остр. бояися, держаи); любяй ю (премудрость) любитъ жизнь... держайся ея наслѣдитъ славу... слушаяй ея, судити имать языки, и внимаяй ей, вселится надѣявся (Ibid. IV. 13. 14. 15. 16, Остр. любяи, држаися, послушаяи, внимаяи) и т. д. Напротивъ, простыя формы имѣютъ болѣе зависимое, такъ сказать, вербальное, а иногда адвербіальное значеніе: бѣхъ ходя (2 Цств. VII. 6); Іеровоамъ стояше... жрети хотя (3 Цств. XIII. 1); востани и молча буди (ibid. XXI. 7); удивленъ бысть ища помощи... (2 Пар. XXVI. 15); въ библіяхъ Острожской и Первопечатной (особенно въ первой) это различіе въ оттѣнкахъ проведено послѣдовательнѣе, чѣмъ въ Новой, въ которой берутъ верхъ формы сложныя. Въ роли подлежащаго является обыкновенно сложная форма, а въ роли сказуемаго или другого какого-нибудь члена предложенія—формы простыя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если въ Новой библіи имѣется уже сложная форма, мы находимъ простую форму въ Острожской или Первопечатной (въ послѣдней рѣже), тогда какъ сложное причастіе подлежащее

и въ Острожской уже является въ сложной формѣ: и҆ сѐ Саѹ́лъ спѧ́й сно́мъ въ колесни́цѣ ца́рстѣй, и҆ копїѐ є҆гѡ̀ водрѹже́но въ зе́млю (1 Ц. XXVI. 7, Остр. и Первоп. спѧ); и҆ бы́сть є҆гда̀ сконча̀ Соломѡ́нъ зи́ждай хра́мъ Гдⷭ҇нь (3 Ц. IX. 1, Остр. и Первоп. зи́жда); а҆ не ꙗ҆́коже бѣ̀ ѡ҆болга́вый нечести́вый Сі́мѡнъ (2 Макк. III. 11, Остр. зносѧ, Первоп. сносѧ); и҆ а҆́ще присѣ-дѧ́й бы́хъ при две́рехъ є҆ѧ̀ (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣдѧ, Перв. присѣдѧ); встрѣчаются однако и противоположные случаи: а҆́ще же воста́нетъ.. прⷪ҇ро́къ, и҆лѝ ви́дѧй со́нїе, и҆ да́стъ тебѣ̀ зна́менїе (Второз. XIII. 1, Остр. видѧ, Первоп. ви́дѧ); драга́ѧ (ве́щь) мѹ́жъ творѧ́й ми́лость (Притчи С. XX. 6, Остр. творѧи) и т. д. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ только зародышъ извѣстной дифференціаціи простыхъ и сложныхъ формъ причастія настоящаго дѣйств. м. р. въ отношеніи значенія и употребленія; зародышъ этотъ, имѣвшійся уже въ старославянскомъ (ср. Зогр. Ев. Лук. XI. 10: **вьсѣкъ бо просѧи приємлѥтъ, і иштѧи обрѣтаѥтъ**) и т. п., однако, дальнѣйшему развитію не подвергся.

Необходимо замѣтить, что все сказанное здѣсь относится только къ причастію настоящ. дѣйств. м. р. на -ѧ (у глаголовъ, имѣющихъ въ основѣ настоящ. времени гласный -и- или суффиксы -jo-, -je-); причастіе же м. р. на ы- (отъ всѣхъ прочихъ глаголовъ) въ церковнославянскомъ совершенно утратило простую форму и является только въ сложной: и҆ды́й (2 Ц. V. 10, Остр. и҆ды́и), сы́й (1 Парал. II. 21, Остр. сы́и), и҆ды́й и҆ ра́стый (ibid. XI. 9, Остр. і҆дѹ́щи и҆ растѹ́щи, Первоп. какъ въ Новой), простры́й (Зах. XII. 1, Остр. про́йныи), пасы́й (Исх. III. 1, Остр. пасы́и), кра́дый (Второз. XXIV. 7, Остр. кра́дыи, Первоп. кра́дый), моги́й (I. Нав. XIV. 11, Остр. моги́и, Первоп. какъ въ Новой), и҆ды́й и҆ ꙗ҆ды́й (Суд. XIV. 9, Остр. и҆ды́и, ꙗ҆ды́и), зовы́й (1 Ц. III. 9, Остр. зовы́и), ждый (Іов. VII. 2, Остр. жды́и), свѣ́дый (ibid. 20, Остр. съвѣды́и, Первоп. свѣ́дый), процвѣты́й (ibid. XIV. 2, Остр. процвѣты́и), клены́йсѧ (Пс. XIV. 4, Остр. клены́исѧ), бл҃гоцвѣты́й (Дан. IV. 1, Остр. бл҃го цвѣтыи, Первоп. какъ въ Новой), трѧсы́йсѧ (Быт. IV. 12. 14, Остр. трѧсы́исѧ), ꙗ҆ды́й (Лук. VII. 33. 34, Остр. ꙗ҆ды̀, ꙗ҆ды̀, Первоп. ꙗ҆дый, ꙗ҆ды̀.

Зогр. Е. ѣды), вѣдый (Лук. IX. 47, Остр. вѣды, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. вѣды), ѿвергїйсѧ (Лук. XII. 9, Остр. ѿвръгїйсѧ, Зогр. отъвръгы) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, замѣна простой формы сложною имѣется уже въ Острожской библіи; форма простая встрѣчается здѣсь весьма рѣдко; Первопечатная ближе въ этомъ отношеніи къ Новой, хотя и въ ней изрѣдка можно найти простую форму, въ Новой совершенно вытѣсненную сложной. Въ значеніи средняго рода форма эта встрѣчается очень рѣдко и тоже только въ сложномъ видѣ: аще бо тѣло твое... не имый нѣкїѧ части темны, бꙋдетъ свѣтло (Лук. XI. 36, Остр. имы, Первоп. какъ въ Новой, Зогр. імы). Обыкновенно же, вмѣсто этой болѣе древней формы, мы находимъ для средняго рода сложную форму, образованную подъ вліяніемъ основы косвенныхъ падежей: лице егѡ бѣ грѧдꙋщее во Їерꙋсалимъ (Лук. IX. 53, Остр. грѧды, Перв. грѧдый, Зогр. грѧды, Ев. Добрил. 1164 грѧдꙑи); свидѣтельство Гдне вѣрно, оумꙋдрѧющее младенцы (Пс. XVIII. 8, Остр. оумꙋдрѧ, Перв. какъ въ Новой); ѡбличїе егѡ высоко, стоѧщее пред лицемъ твоимъ (Дан. II. 31, Остр. и Первоп. стоѧ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, простая форма была еще въ Острожской библіи, въ Первопечатной встрѣчается рѣже, а въ Новой совсѣмъ вытѣснена сложной формой. Рядомъ съ приведенными выше исконными простыми и сложными формами причастія настоящ. дѣйств. м. и ср. рода, являются и довольно многочисленныя (именно въ муж. р.) новообразованія.

Такъ, въ церковнославянскомъ весьма часта простая форма причастія муж. р., тожественная съ исконнымъ винит. ед. муж. рода (простой формы): стоѧщъ (1 Цств. XXVIII. 20, Остр. и Первоп. стоѧ), пїющъ (3 Ц. XX. 12, Остр. испивалъ), строѧщь (2 Макк. II. 13, Остр. строащи, Первоп. строѧщи), хотѧщъ (ibid. III. 8, Остр. кончаѧ, X. 24, Остр. друг. текстъ, V. 9, Остр. и Перв. хотѧ), видѧщъ (ibid. VII. 28. Остр. друг. текстъ), возносѧщъ (ibid. 34, Остр. възносѧ, Первоп. возносѧ), терпѧщъ (ibid. 39, Остр. друг. текстъ), имѣющъ (ibid. VIII. 3, Остр. друг. текстъ), взимающъ (ibid. 6, Остр. възимающе, Перв. възимающе),

дышꙋщъ (ibid. IX. 7, Остр. ѻ҆гнедышꙋще, Первоп. дышà), лежáщь (ibid. 21, Остр. и Первоп. лежà), ѡ҆бходѧщъ (ibid. 25, Остр. друг. текстъ), послѣ́дꙋющъ (ibid. 27, Остр. винит. родит. послѣ́дꙋюща), и҆́мꙋщъ (ibid. X. 13, Остр. другой текстъ), радѧщъ (ibid. XI. 15, Остр. радѧ, Первоп. радѧ), бѣжáщъ (ibid. XII. 22, Остр. другой текстъ), взирáющь (ibid. 45, Остр. зрѧи, Первоп. зрѧй), даю́щъ (ibid. XV. 15, Остр. прош. дáвши, Первоп. дáвъ), содержáщъ (3 Макк. II. 3, Остр. съдръжáи, Первоп. содержáй), лю́бѧщъ (3 Макк. II. 9, Остр. и Первоп. любѧ), ꙋ҆множáющъ (ibid. 19, Остр. другой текстъ), лежáщъ (3 Ездры III. 1, Остр. лежáхъ, X. 30. Остр. друг. текстъ), глагóлющъ (3 Ездры X. 29, Остр. и Первоп. глю́щи въ значеніи муж. р., VI. 17, Остр. глю́щи, Первоп. глю́щь) и глагóлющь (ibid. IX. 30, Остр. глю́щь въ значеніи им. ед. м. р. Первоп. глю́щи), мѣ́рѧщъ (ibid. IX. 1, Остр. мѣ́рѧщи, Первоп. мѣ́рѧщи въ значеніи им. ед. м. р.), и҆схóдѧщъ (ibid. XII. 17, вин. ед.: Остр. и҆сходѧщ҃, Первоп. какъ въ Новой), раздвоѧ́ющъ, и҆мѣ́ющъ (Лев. XI. 3, Остр. дѣлѧ, копытѧ, Первоп. дѣлѧ, копы́тѧ), бѣлѣ́ющсѧ, рдѧщсѧ (Лев. XIII. 19, Остр. бѣлꙋ́ѧсѧ, рдѧ́сѧ, Первоп. бѣлꙋ́ѧсѧ, рдѧ́сѧ), цáрствꙋющъ (Эсѳ. III. 13, Остр. цр҃ьствова), бѣжáщъ (Іис. Сир. XI. 10, Остр. и Первоп. бѣжà), покарѧ́ющсѧ (Ис. III. 8, Остр. покарѧ́ютсѧ) и т. д. Форма эта, какъ видно изъ цитатъ, является главнымъ образомъ въ Новой библіи и здѣсь преимущественно въ тѣхъ частяхъ ея, которыя подверглись особенной переработкѣ для Елизаветинской редакціи, т. е. въ книгахъ Маккавеевъ, Эздры, Эсѳири и друг. (см. статью Чистовича объ исправленіи русскихъ богослужебныхъ книгъ. Православное Обозрѣніе 1860, № 5, стр. 42, 54). Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ на мѣстѣ этихъ новообразованій встрѣчаемъ болѣе древнія, исконныя формы простого причастія наст. врем. м. р. Здѣсь встрѣчается только винит. ед., какъ, напримѣръ, и҆сходѧщ҃ (Остр. 3 Ездры XII. 17), ѿстоѧщъ (2 Макк. XII. 29, Первоп. ѿстоѧщъ, Нов. ѿстоѧщій) и т. д. Зато здѣсь встрѣчаемъ довольно часто форму женск. рода или именит. множ. (простую) въ значеніи имен. ед. муж. р.: быхъ глю́щи (3 Ездры X. 29, VI. 17, Нов. глагóлющъ), лежахъ скорбѧщи (3 Ездры III.

*

1, Нов. иначе), мѣрѧщи (Остр.) и мѣрѧщи (Первоп. 3 Ездры IX. 1, Нов. мѣрѧщъ) и т. д., възимающе (2 Макк. VIII. 6, Нов. взимающъ), дышуще (ibid. IX. 7, Первоп. дыша, Нов. дышущъ), глюще (Остр. 3 Ездры IX. 30, Первоп. глющи, Нов. глаголющь) и т. д. Употребленіе простой формы ж. р. вм. м. р. изрѣдка наблюдается и въ Новой библіи: по всему, елико просилъ еси ѿ Гда Бга твоегѡ..., глаголющи (Второз. XVIII. 16, Остр. и Первоп. глюще), и аще смирится (врагъ) и пойдетъ поникши (I. Сир. XII. 11, Остр. и Перв. также поникши) и т. д., какъ въ современномъ русскомъ. Формы простаго именит. множеств. въ значеніи именит. ед. муж. р. въ Новой библіи не встрѣчается. Это употребленіе было свойственно (изрѣдка) Острожской библіи, въ Первопечатной встрѣчается еще рѣже, а въ Новой исчезаетъ совершенно, что объясняется, очевидно, бóльшею (въ извѣстномъ смыслѣ) исправностью текста этой послѣдней. Подобное вышеприведенному новообразованію муж. р. (бѣжащъ, ходѧщъ и т. д.) имѣется и въ среднемъ родѣ (очень рѣдко): ѿстоѧщо (1 Макк. VIII. 4: и мѣсто бѣ далече... Остр. и Первоп. ѿстоѧ). Вмѣсто этихъ вторичныхъ простыхъ формъ муж. и ср. р. встрѣчаются и сложныя формы, развившіяся изъ нихъ подъ вліяніемъ вообще исконнаго параллелизма простыхъ и сложныхъ формъ у другихъ морфологическихъ категорій (именъ прилагательныхъ, мѣстоименій и т. д.): муж. р. словущій (2 Макк. XIV. 37, Остр. словыи, Первоп. словый), вин. ед. ходѧщій (Аввак. I. 6, Остр. другой текстъ вин. ж. р.), покрывающій (Лев. IV. 8, Остр. иначе иже на...), возрастающій (I. Сир. XLIII. 8, Остр. ж. р.), движущійся (Быт. VII. 21, Остр. ср. р. движущееся), плѣжущій (Лев. XI. 41, Остр. плѣжущіися, Первоп. плѣжущійся), вдающій, размышлѧющій (Іис. Сир. XXXIX. 1, Остр. другой текстъ), блещащійся (вин. ед. Лев. XIII. 25, Остр. иначе: блещаніе), ѿставлѧющій (Притчи II. 17, Остр. оставлѧ, Первоп. ѿставлѧѧ), держащійся (Іезек. XLVIII. 18, Остр. дръжаися, Первоп. держайся) и т. д., ср. р. держащееся (3 Ц. VII. 36, Остр. другой текстъ), содержащее, имущее (2 Макк. IX. 18, Остр. простая форма имуще, Первоп. имуще), ходѧщее (Лев. XI. 42,

Остр. другой текстъ, м. р. ходѧи), блещащеесѧ, пробѣлѹющеесѧ (Лев. XIII. 24, Остр. блещасѧ, бѣлѹющеесѧ, Первоп. блещасѧ, бѣлѹющеесѧ), продолжающеесѧ (Iезек. XLVII. 19, Остр. другой текстъ), измѣнѧющеесѧ (Лев. XIII. 7, Остр. и Первоп. измѣнѧющи), процвѣтающее (Лев. XIII. 57, Остр. и Первоп. процвѣтаѧ), пребывающее (Лев. XIV. 44, Остр. пребываетъ), веселѧщеесѧ (Притчи С. XVII. 22, Остр. весело), восходѧщее (Iис. Сир. XXVI. 20, Остр. въсходѧ, Первоп. восходѧ), возвѣщающее (I. Сир. XLIII. 2, Остр. проповѣдаѧ), дышѹщее (ibid. 4, Остр. иначе), пожигающее (ibid. Остр. ср. р. жегыи, Первоп. жегыи), простирающее (ibid. Остр. простираѧ, Первоп. простираѧ), оумалѧющеесѧ (ibid. 7, Остр. оумалѧасѧ, Первоп. оумалѧѧсѧ), сїѧющее (I. Сир. L. 7, Остр. сїѧа, Первоп. сїѧѧ) и т. д. Въ старославянскомъ сложное (опредѣленное) причастіе настоящ. вр. въ муж. родѣ представляло только формы типа **несый, хвалѧй**, въ среднемъ родѣ **несѫштеѥ, хвалѧштеѥ**. Такимъ образомъ приведенныя выше формы м. р. словѹщїй, ходѧщїй и т. д. представляютъ собой несомнѣнныя церковнославянскія новообразованія; напротивъ, формы ср. рода, какъ имѹщее, ходѧщее и т. д., въ морфологическомъ отношеніи могутъ быть признаны исконными старославянскими, хотя и употребляются гораздо чаще, чѣмъ въ настоящихъ старославянскихъ памятникахъ.

Тѣ же, приблизительно, отношенія замѣчаются у причастія настоящаго времени ж. р. Простая его форма еще встрѣчается довольно часто: живѹщи (4 Ц. IV. 13. 16, Остр. живѹщи, жива), ѡбзирающи (Тов. XI. 4, Остр. друг. текстъ), видѧщи (2 Макк. VII. 20, Остр. такъ же), держащи (Быт. XXIV. 45, Остр. дръжащи), сѹщи (Притчи XXVII. 7, Остр. сѹщи), поѧдающи (Числ. XIII. 33, Остр. поѧдѹщи), вслѣдствѹющи (Руѳь II. 2, Остр. въслѣдствѹющи), оуповающи (Псалт. XXII. 5, Остр. оупоѧющи), изсыхающи (Зах. XI. 17) и т. д.

Рядомъ находимъ и сложную форму, которая отличается отъ старославянской вслѣдствіе морфологической ассимиляціи къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ: стсл. **несѫшти-ѩ** || цслав. несѹща-ѧ, какъ **добраѩ, каѩ** и т. д. Формы эти довольно часты,

и на ихъ мѣстѣ въ Острожской и Первопечатной мы находимъ обыкновенно еще простую форму: вращающаѧсѧ (3 Ц. VI. 34, Остр. иначе), просвѣщающаѧ (Пс. XVIII. 9, Остр. просвѣщающи, Перв. какъ въ Новой), вводѧщаѧ (Iезек. XL. 44, Остр. възводѧщаѧ два раза), ѡкружающаѧ (Быт. II. 11, 13, Остр. 13: ѻбходѧщи, Первоп, ѡбходѧщи), проходѧщаѧ (ibid. 14, Остр. идущи, Первоп. идущи), движущаѧсѧ (Быт. VII. 21, Остр. движущаѧсѧ, Первоп. какъ въ Новой), зеленѣющаѧсѧ, червленѣющаѧсѧ (Лев. XIV. 37, Остр. и Первоп. простое прич. м. р. зеленующасѧ, червленующасѧ), приѡбщающаѧсѧ (I. Сир. XXVI. 8, Остр. ѻбщающисѧ, Первоп. ѡбщающисѧ), вертѧщаѧсѧ (I. Сир. XXXIII. 5, Остр. врьтѧщисѧ, Первоп. вертѧщисѧ), срѣтающаѧ (I. Сир. XLIII. 24, Остр. срѣтающи, Первоп. срѣтающи), свѣтѧщаѧсѧ (I. Сир. L. 7, Остр. и Первоп. свѣтѧщисѧ), износѧщаѧ (ibid. 11, Остр. и Первоп. износѧщи), сожительствующаѧ (сія же есть — мужу: Быт. XX. 4, Остр. есть жила) и т. д. Такую же морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прилагательнымъ и мѣстоименіямъ находимъ въ именит. множ. сложной формы: живущіи (и рядомъ подъ вліяніемъ современныхъ русскихъ формъ живущіе: I. Нав. X. 6, Остр. живущіи и живущеи — старославянская форма, Первоп. какъ въ Новой), преѡгорчевающіи (Пс. LXV. 7, Остр. старинная форма прогнѣвающеи, Перв. какъ въ Новой), удерживающіи (Притчи XVIII. 21, Остр. старинная форма дръжащеи, Первоп. держащіи), высокоглѧдающіи (въ значеніи ср. р. Ис. V. 15, Остр. старинная форма глѧдающеи, Первоп. какъ въ Новой), приступающіи (Iезек, XL. 46, Остр. старинная форма приступающеи, Первоп. какъ въ Новой), болѧщіи (Матѳ. IX. 12, Остр. и Первоп. такъ же), глющіи (ibid. X. 20, Остр. старинная форма глющеи, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Какъ видно, Острожская библія въ большинствѣ случаевъ представляетъ исконную старославянскую форму (стсл. **несѫште-и**=цсл. несущеи), которая изрѣдка однако и здѣсь уже уступила мѣсто новообразованію, а въ Первопечатной и Новой библіяхъ вытѣснена окончательно. Именительный множ. ж. р. также представляетъ морфологическую ассимиляцію къ сложнымъ прила-

гательнымъ: жены ...оуповающыѧ (1 Петра гл. III. 5, Остр. еще исконная форма оуповающаѧ, Первоп. какъ въ Новой). То же наблюдается въ винительн. множ. муж. рода: живущыѧ (Апок. XIII. 12, 14, Остр. живущаѧ, живущаа, Первоп. какъ въ Новой, стсл. муж. и женск. живѫштаѩ) и т. д. Въ Острожской тоже встрѣчается еще старинная форма, тогда какъ Первопечатная и Новая представляютъ уже новообразованія. Подробнѣе о различныхъ новообразованіяхъ въ склоненіи сложныхъ причастій, см. выше, стр. 293—301. Какъ результатъ взаимнаго вліянія причастій на -ѧ и причастій на -ы, можно привести немногочисленныя формы: вѣдѧй (Неем. X. 28, Остр. тоже вѣдѧи, Первоп. какъ въ Новой), ж. р. вѣдѧщи (Марк. V. 33, Остр. вѣдѧщи), множ. ч. вѣдѧще (Лук. VIII. 53, Остр. такъ же, Зогр. вѣдѫште), рядомъ съ вѣдый (Лук. IX. 47, Остр. вѣды, Перв. какъ въ Новой), живѧй (I. Сир. XXV. 10. 11, Остр. живѧи, Первоп. какъ въ Новой), рядомъ съ живый (Іоан. VI. 57, Остр. живыи), жрѧй (ibid. XXXV. 2, Остр. жрѧи, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Эти формы встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ. У Лавр. Зизанія находимъ рядомъ формы простыя и сложныя: причастіе наст. вр. іавлѧй, ж. ющи, ср. ющее (л. 59); „прич. страд. наст.“ спасаѧсѧ, ж. спасающисѧ, ср. спасающеесѧ (л. 68), „прич. дѣлательное“: біѧй, біющи, біющее (л. 74), сый, ж. сущи, ср. сущее (л. 77 на об.) и т. д.

Замѣчаются произвольныя попытки временной дифференціаціи формъ различныхъ залоговъ. Такъ у него находимъ формы „будущаго“ причастія (сложныя): іавлѧющій, аѧ, ее (л. 59), възглащающій, възглашающи, възглашающее (л. 70—71), біющій, біющаѧ, біющее (л. 74), будущій, будущаѧ, будущее (л. 77) и т. д. У М. Смотрицкаго находимъ разграниченіе сложныхъ формъ отъ простыхъ; первыя называется у него *причастіями*, вторыя *дѣепричастіями*; тѣ и другія имѣютъ свое склоненіе. Примѣры: причастіе дѣйств. зал., вида соверш., настоящ. чтыи и чтоущіи, чтоущаѧ, чтоущее; „учащат. вида“: читаѧи и читающіи, читающаѧ, читающее (л. 198 на об.). Дѣепричастія: чты и чтоущъ, ж. чтоущи, ср. чтоуще (л.л. 199 на обор. и 200); „учащат.“

читáѧ и читáющъ, ж. читáющи, ср. читáюще (л. 200). Причастія: творѧ̑и и творѧ̑щіи, ж. творѧ́щаѧ, ср. творѧ̑щее (л. 219 на обор.), „учащат." творѧ̑ѧи, творѧ̑ющіи и проч. (л. 220). Дѣепричастія: творѧ̑, творѧ̑щъ, ж. творѧ̑щи, ср. творѧ̑ще (л. 220 на обор.) и т. д. Отъ глаголовъ нетематическихъ: причастія — сы́и и соу́щіи, соу́щаѧ, соу́щее (л. 237 на обор.); дѣепричастія: сы́, боу́дѧ (NB), соу́щъ, ж. соу́щи, ср. соу́ще (л. 237—238) и т. д. причастія—м. вѣ́дыи и вѣ́дꙋщіи, ж. вѣ́дꙋщаѧ, ср. вѣ́дꙋщее или муж. вѣ́дѧи, вѣ́дѧщіи, ж. вѣ́дѧщаѧ, ср. вѣ́дѧщее (л. 241); дѣепричастія — вѣ́ды или вѣ́дꙋщъ, ж. вѣ́дꙋщи, ср. вѣ́дꙋще или вѣ́дѧ, вѣ́дѧщь, ж. вѣ́дѧщи, ср. вѣ́дѧще (л. 242).

Такой же параллелизмъ формъ на -ы, -ый и -ѧ, ѧй имѣется и у причастій отъ глагола ꙗ̑мь: ꙗ̑ды́и или ꙗ̑дѧи и т. д. ꙗ̑ды̑, ꙗ̑дѧ̑; ꙗ̑доу́щъ, ꙗ̑дѧщь; ꙗ̑доу́щи, ꙗ̑дѧщи; ꙗ̑доу́що и ꙗ̑дѧще (л. 245). Окончаніе -о въ ꙗ̑доу́що, вѣроятно, вызвано стремленіемъ дифференцировать тожественныя формы имен. множ. ꙗ̑дꙋ́ще и им. ед. ср. р. ꙗ̑дꙋще. Въ общемъ отношенія между различными формами, находимыя у М. Смотрицкаго, согласуются съ выведенными выше изъ библейскаго текста. Въ текстѣ не встрѣчаются только формы простыхъ причастій (по М. Смотрицкому „дѣепричастій"), въ родѣ чты́, сы́, ꙗ̑ды̑, вѣ́ды и т. д. (см. выше). Своеобразно также боу́дѧ, приравниваемое имъ къ формамъ сы̑ и соу́щъ. Кромѣ приведенныхъ формъ, большинство которыхъ можетъ быть подтверждено текстами, мы находимъ у него цѣлый рядъ его собственныхъ новообразованій, въ родѣ „дѣепричастія" будущаго времени: прочтоу́щъ, ж. и, ср. е (л. 201), страд. залога чты́сѧ, чтоу́щисѧ, чтоу́щесѧ (л. 210 на обор.), будущ. страд. залога прочтоу́щсѧ, прочтоу́щисѧ, прочтоу́щесѧ (л. 212) и т. п., которыя мы можемъ оставить въ сторонѣ, какъ не реальныя.

Причастіе страдательнаго залога настоящаго времени въ общемъ не уклоняется отъ старославянскаго, за исключеніемъ довольно частой замѣны суффикса простаго причастія муж. рода ед. ч. *-т* (цслав. *-мъ*) = стсл. -мъ, посредствомъ *-т'* (цслав. *-мь*): величáемь (2 Ц. V. 10, Остр. величáемъ, Первоп. какъ въ Новой), кры́емь (4 Ц. XI. 3, Остр. кры́емъ, Первоп. какъ

въ Новой), любимь, (1 Макк. VI. 11, Остр. люби, Перв. любимъ), ѡбитаемь (2 Макк. III. 1, Остр. verbum finitum), гонимь, ненавидимь, ѡгнушаемь (ibid. V. 8, Остр. гнушаемъ, ненавидѣнъ, Перв. гнушаемь, ненавидимь), оуязвляемь (ibid. VI. 30, Остр. другой текстъ), ѡбидимь (Авв. I. 2, Остр. обидимъ, Первоп. какъ въ Новой), любимь (Эсѳ. X. 3, Остр. и Первоп. гл. IX. любимъ), видимь (Іов. XXXVII. 21, Остр. невидимъ, Первоп. невидимъ), оувидимь (ibid. XXII. 14, Остр. ср. родъ), хвалимь, благословимь (Пс. IX. 24, Остр. хвалимъ, блгвимъ, Перв. хвалимь, блгвимь), ѡбидимь, расхищаемь (Второз. XXVIII. 29, Остр. обиди, расхитаемъ, Перв. обиди, расхищаем), ѡдержимь (Іов. III. 24, Остр. одръжимъ, Перв. ѡдержимъ), ловимь (Іов. X. 16, Остр. лови, Первоп. ловимъ), движемь (Іов. XIII. 25, Остр. движемъ, Первоп. какъ въ Новой), знаемь (ib. XVIII. 19, Остр. и Первоп. знаемъ), и т. д., но ключимъ (2 Макк. III. 37, Остр. ключимъ, Первоп. какъ въ Новой), принуждаемъ (ibid. VI. 18, Остр. насиляемъ, Перв. насиляемь), ѡдержимъ (3 Макк. V. 7, Остр. оудръжася), ѡбличаемь (Лук. III. 19, Остр. обличае, Первоп. ѡбличаем), мнимь (ibid. 23, Остр. мнимъ, Первоп. мнимъ) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, въ Новой библіи преобладаетъ -мь (*-m'*), въ Острожской мы находимъ только -мъ (*-m*), а Первопечатная занимаетъ середину между ними. Суффиксъ -мъ (*-m*) въ Новой библіи встрѣчается въ частяхъ ея, подвергнувшихся сильному исправленію, и потому едва ли можетъ считаться остаткомъ старины. Скорѣе здѣсь повліяли современныя русскія формы.

У Зизанія простыхъ формъ не находимъ (см. ниже, стр. 347—48), а у М. Смотрицкаго -мь, какъ наприм. читаемь (л. 211), но рядомъ и прочтомъ (л. 212), творимь (л. 227), творяемь, сотворимь, прочтомь (ibid. на обор.), но опять прочтомъ (л. 260) и т. д.

Простыя формы ед. ч. ж. и ср. рода въ библейскомъ текстѣ рѣдки: ж. р. глаголема (Іезек. XVIII. 3, аще будетъ еще — притча сія, Остр. глема, Первоп. глема), любима (пчела — есть: Притчи С. VI. 8, Остр. такъ же), поспѣшествуема (многѡ

бо мо́жетъ моли́тва — Іак. V. 16, Остр. поспѣшеству́ема), сравнѧ́ема (Прем. С. VII. 29, мудрость — обрѣтается; Остр. другой текстъ), неувѧда́ема (свѣтла и — есть премудрость: Прем. С. VI. 12, Остр. и Первоп. неоувѧдо́ма) и т. д., винит. ед. низпуща́ему (Дѣян. Ап. XI. 5, видѣхъ... сосудъ... яко плащаницу — Остр. висѧщу), коле́блему (Л. VII. 24, видѣти; трость ли вѣтромъ —, Остр. вин. м. р. колѣблемъ, Первоп. коле́блемь, Зогр. род. ж. двнжемы), вме́щему (траву... въ пещь — Богъ одѣваетъ: Лук. XII. 28, Остр. ошибочно дат. ед. м. р. вме́щущему, Первоп. ошибка исправлена вме́щему, Зогр. въмѣтаемѫ) и т. д. ср. р. оудержимо (Іак. III. 8, не — бо зло. Остр. не одержи́мо), сказа́емо (М. I. 23, еже есть —, Остр. такъ же), прерѣка́емо (Лук. II. 34, се лежитъ сей.... въ знаменіе—, Остр. такъ же), поспѣша́емо (Притчи XIII. 11, имѣніе — съ беззаконіемъ, умалено бываетъ. Остр. поспѣшно, Первоп. поспѣшно), посѣка́емо, вмета́емо (М. III. 10, всяко убо древо — бываетъ и во огнь — Остр. посѣка́емо, вмѣта́емо), неугаса́емо (Прем. С. VII. 10, яко — есть блистаніе ея. Остр. неоусыпа́емо), неѡскудѣемо (сотворите себѣ... сокровище —, Лук. XII. 33, Остр. неоскудѣе́мо), и т. д. Рядомъ имѣются и сложныя формы: муж. рода зна́емый (Р. II. 1, и бѣ мужъ — мужу Ноемминю. Остр. оужика), превозноси́мый (Дан. III. 52, 53, 54, 55, благословенъ еси — во вѣки. Остр. превознoша́емъ, превъзноша́емъ, хвалимъ, превъзноси́мъ и т. д. Первоп. превозноша́емь, хвали́мый, превозносимый), держи́мый (Быт. XXII. 13, verbum finitum оувѧзѐ), подъе́млемый (Прем. С. V. 14, упованіе нечестиваго яко прахъ отъ вѣтра —, Остр. подъе́млетсѧ), біе́мый, разсѣца́емый (ibid. V. 11, біемый духъ легкій и разсѣцаемый силою.... прелетѣ, Остр. другой текстъ), ѡклевета́емый (Дѣян. XXV. 16, прежде даже — не имать... клевещущихъ его, Остр. оклевета́емыи, Перв. какъ въ Новой), нарица́емый (Дѣян. XIII. 1, бяху.... и Симеонъ — Нигеръ, ibid. XXVII. 14, возвѣя... вѣтръ... — Эвроклидонъ, Остр. нарица́емыи, Первоп. какъ въ Новой; винит. Лук. VII. 11, идяше во градъ — Наинъ, Остр. и Перв. какъ въ Новой, Зогр. нарицаемъ), жела́емый (винит. ед. обновити — всѣми....

миръ, Эсѳ. III. 13, Остр. желаемыи) и т. д., ж. р. нарицаемаѧ (Марія — Магдалина: Лук. VIII. 2, Остр. нарицаемаа, Зогр. нарицаемаѣ), неѡдождимаѧ (ты еси земля —: Іезек. XXII. 24, Остр. неѡдождима, Первоп. неѡдождима) и т. д. (случаевъ очень немного); ср. р. ıадомое (Суд. XIV. 14, отъ ядущаго — изыде, Остр. такъ же; Іезек. XLVII. 12, всякое древо — не обетшаетъ, Остр. такъ же), ѡбращаемое (Быт. III. 24, и пристави херувима и пламенное оружіе — , Остр. обращающееся, Первоп. ѡбращающееся), оудивлѧемое (Эсѳ. IV. 17, ...ты сотворилъ... все — , Остр. оудивлѧющее), неключимое (Прем. С. XIII. 18, въ помощь — призываетъ, Остр. въ помощь неключимꙋ призове), благоуправлѧемое (Эсѳ. III. 13, дабы не устроялося отъ насъ — непорочно сообладаніе, Остр. еже ѿ васъ непорочне правимо съначалие, Первоп. правимо), превозносимое (Дан. III. 52, благословено имя славы... — во вѣки, Остр. м. р. превъзношаемъ), раждаемое (Лук. I. 35, тѣмже и — свято, наречется Сынъ Божій, Остр. такъ же), нарицаемое (Дѣян. XXVII. 8, пріидохомъ на мѣсто нѣкое — доброе, Остр. такъ же), бываемое (Лук. XXII. 49, видѣвше же... — , рѣша ему, Остр. бываемое) и т. д. И здѣсь мы находимъ приблизительно такое же отношеніе между формами простыми и сложными, какъ у причастія дѣйств. залога настоящаго времени. Въ извѣстныхъ случаяхъ въ болѣе древнихъ текстахъ имѣются еще формы простыя, а въ Новой библіи уже сложныя. Въ другихъ же (при болѣе самостоятельномъ и субстантивномъ значеніи причастій) мы находимъ сложныя формы уже въ древнѣйшихъ текстахъ. При сравнительной рѣдкости данныхъ формъ, однако, это отношеніе не такъ замѣтно. У Зизанія находимъ рядомъ формы возвратнаго залога и страдательнаго подъ однимъ обозначеніемъ „прич. страд. наст.“: спасаѧсѧ, спасаемый, ж. спасающисѧ, ср. спасающеесѧ (л. 68); глашаѧсѧ, глашающій, глашающеесѧ и „непредѣльное“ м. р. глашаемый (ж. и ср. р. имѣютъ форму отъ причастія прошедшаго: л. 72 на обор.). Въ другихъ мѣстахъ находимъ у него произвольную дифференціацію формъ возвратнаго и страдательнаго залоговъ: „причастіе страд. настоящ.“ біѧсѧ, біющійсѧ, биваемый, біющисѧ, біющеесѧ (л. 75

на обор.) и „будущ.“ біемый, біемаѧ, біемое (л. 76). Формы сложныя и простыя (однако, болѣе рѣдкія) приводятся у него рядомъ безъ особаго различенія между ними. Иное находимъ у М. Смотрицкаго, который, какъ и въ причастіяхъ дѣйств. залога (см. выше стр. 343), формы сложныя отличаетъ отъ простыхъ, придавая первымъ терминъ *причастія*, а вторымъ *дѣепричастія*. Съ Зизаніемъ онъ сходится въ безразличномъ отношеніи къ формамъ возвратнымъ, которыя приводятся и у него вмѣстѣ съ страдательными, въ качествѣ послѣднихъ: „причастія“ (сложныя формы) вида совершеннаго, страдат. зал. настоящ. вр. чтыисѧ, чтоущіисѧ или чтомыи, ж. р. чтоущаѧсѧ или чтомаѧ, ср. р. чтоущеесѧ или чтомое (л. 209), вида учащат. читаѧисѧ, читающіисѧ или читаемыи, ж. р. читающаѧсѧ или читаемаѧ, ср. р. читающеесѧ или читаемое (ibid. на обор.); „причастіе будущ.“ прочтоущіисѧ или прочтомыи и т. д. (л. 210).

„Дѣепричастія“: настоящ. вр. чтысѧ, чтоущсѧ или чтомъ; женск. рода чтоущисѧ или чтома; ср. рода чтоущесѧ или чтомо; двойств. м. и ср. чтоущасѧ, ж. чтоущѣсѧ или м. ср. чтома, ж. чтомѣ; множ. ч. м. и ж. р. чтоущесѧ, ср. чтоущасѧ или м. чтоми, ж. чтомы, ср. чтома (л. 210 на обор.); „вида учащательнаго“ — читаѧсѧ, читающсѧ или читаемь, ж. р. читающисѧ или читаема, ср. читающесѧ или читаемо (л. 211). Ср. также причастія творѧисѧ, творимыи и т. д. творѧѧисѧ, творѧемыи (л. 226 на об.), сотворѧщіисѧ, сотворимыи (л. 227) и дѣепричастія творѧсѧ, творимь; сотворѧщсѧ, сотворимь; творѧѧсѧ, творѧющьсѧ, творѧемь (ibid. на обор.). Это безразличное отношеніе М. Смотрицкаго къ возвратнымъ и страдательнымъ формамъ поддерживается дѣйствительнымъ употребленіемъ языка, ср. напр. именит. ед.: ...возвѣѧ... вѣтръ бѹренъ, нарицаемый Еѵроклѵдонъ (Дѣян. Ап. XXVII. 14, Остр. нарицаемыи), но вин. ед. Островъ... мимотекше нарицающсѧ Клаѵдій... (ibid. 16, Остр. нарицающьсѧ) и т. д.

Какъ и новые печатные тексты, московское изданіе грамматики М. Смотрицкаго (1648 г.) представляетъ суффиксъ простыхъ формъ причастія страдательнаго м. р. *-т*' (мь ‖ стсл. -мъ). Но въ первомъ изданіи (Эвю. 1619) этого нѣтъ, и мы находимъ *-т*

(-мъ): чита́емъ, твори́мъ и т. д. Нѣтъ -мь и у Лавр. Зизанія, а также и въ Острожской библіи (см. выше, стр. 344—345). Появляется оно лишь въ Первопечатной библіи, хотя и рѣже, чѣмъ въ Новой.

Источникомъ этого -мь могли служить памятники болгарскаго или сербскаго извода, представлявшіе неправильное употребленіе ь и ъ, но ближайшимъ поводомъ къ широкому распространенію очевидно служило желаніе дифференцировать на письмѣ такія одинаковыя съ внѣшней стороны формы, какъ 1 л. множ. числа чита́емъ, твори́мъ и причастіе простое стр. з. настоящ. вр. м. р. чита́емъ, твори́мъ.

Развилась эта дифференціація очевидно уже въ Москвѣ, въ печатныхъ текстахъ XVII вѣка. Фонетическаго характера она навѣрное не имѣла. Съ грамматической теоріей того времени это -мь оказывается въ нѣкоторомъ противорѣчіи. Такъ, въ московскомъ изданіи грамматики Смотрицкаго находимъ слѣдующее правило для образованія „дѣепричастій страдательныхъ": „дѣепричастіе коегождо времене составляется отъ причастія своего времене... въ страдателныхъ же ыи или їи на ъ измѣняюще яко... чтомыи, чтомъ. чита́емыи, чита́емь. прочтомыи, прочтомъ (л.л. 259 на об., 260)".

Противорѣчіе это является слѣдствіемъ того, что издатели московской грамматики 1648 г., видоизмѣняя главнымъ образомъ парадигмы М. Смотрицкаго, не позаботились привести ихъ въ соотношеніе съ самими теоретическими правилами, изложенными въ текстѣ. Такъ какъ первое изданіе грамматики Смотрицкаго не знаетъ -мь, то тамъ этого противорѣчія и не было.

Подтвержденіемъ того, что -мь есть результатъ стремленія къ графической дифференціаціи, служитъ и то обстоятельство, что въ московской перепечаткѣ -мъ сохранено у такихъ формъ, какъ чтомъ, прочтомъ, для которыхъ нѣтъ одинаковыхъ формъ 1 л. множ. числа, тогда какъ формы чита́емь и твори́мь дифференцированы.

§ 23. Аористъ и имперфектъ. Аористъ, какъ извѣстно, имѣлъ въ старославянскомъ двѣ главныхъ формы: 1) простой аористъ

(у глаголовъ перваго класса *), т. е. съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню на согласный, и у глаголовъ второго класса, т. е. съ суфиксами -нѫ- въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія и -no-, -ne- въ основѣ настоящаго, съ корнемъ на согласный) и 2) сложный или сигматическій аористъ а) безъ „соединительнаго гласнаго“ и б) съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-. Форма а) употребительна была у глаголовъ перваго класса съ основой неопред. наклоненія, равной корню на согласный, а также у тѣхъ глаголовъ этого класса, которые имѣли корень на носовой согласный; кромѣ того у всѣхъ глаголовъ, съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный звукъ, т. е. у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню на гласный, у глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню + суффиксъ -а-, у глаголовъ второго класса, если они сохраняли въ аористѣ суффиксъ -нѫ-, у первичныхъ глаголовъ третьяго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равной корню на гласный, у первичныхъ глаголовъ этого же класса съ основой неопредѣленнаго наклоненія, равной корню + суффиксъ -а-, у всѣхъ производныхъ глаголовъ этого же класса и наконецъ у глаголовъ четвертаго класса (т. е. образующихъ основу настоящаго при помощи суффикса -и-, и основу неопредѣленнаго помощью суффиксовъ -ѣ- или -и-). Вторая форма этого аориста съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о- (точнѣе съ особой основой на о-) имѣлась только у глаголовъ перваго класса съ основой неопредѣл. наклоненія, равной корню (на всѣ согласные, кромѣ носовыхъ) и у глаголовъ второго класса (съ -нѫ- въ неопредѣленномъ накл.), если они образовали аористъ прямо отъ глагольнаго корня.

Въ церковнославянскомъ простой аористъ почти совершенно исчезъ: въ библіи встрѣчаются только формы третьяго лица ед. числа: речѐ (Быт. XXIX. 25 и т. д. очень часто), оу҆мре (Быт. VII. 21), по́йде (ibid. VIII. 3), сѣде (ibid. 4), и҆зсше (ibid. VIII. 14), ꙗ҆дѐ (Р. II. 14), подадѐ (ibid.), пождѐ (2 Цств.

*) Я придерживаюсь классификаціи старославянскаго глагола, предложенной Лескинымъ (Handbuch der altbulgar. Sprache. 2 изд. 1886).

XVIII. 8), снѣде (4 Цств. I. 10, 12), сниде (ibid.), оужасесѧ (Iерем. II. 12), простре (Iерем. I. 9), сверже (Плачъ Iер. II. 1), прилпе (Вар. I. 20), изведе (ibid. 19), поживе (Вар. III. 38), острижe (Iов. I. 20), стрѧсе, срѣте (Iов. IV. 14), оувѧзе (Пс. IX. 16, 17), поможе (Пс. XXVII. 7), процвѣте (ibid.), сочте (I. Сир. I. 19), издолве (Ис. XLIV. 12), веде (Лук. IV. 9), издше (Дѣян. V. 5) и т. д. По типу этихъ формъ у глаголовъ второго класса возникаютъ вторичныя образованія съ сохраненіемъ суффиксальнаго -н-, какъ блесне (2 Цств. XXII. 15, Остр. и Первоп. блеснꙋ), прикоснесѧ (Iерем. I. 9, Остр. прикоснꙋсѧ, Первоп. прикоснꙋсѧ), помѧне (Плачъ Iер. II. 1, Остр. помѧнꙋ, Первоп. помѧнꙋ), толкне (Юд. XIV. 14, Остр. друг. текстъ), дерзне (Эсѳ. VII. 5, Остр. дерзнꙋ, Первоп. какъ въ Новой), преминe (ibid. X. 3, Остр. преминꙋ, Первоп. преминꙋ), коснесѧ (Iов. I. 19, Остр. коснꙋсѧ, Первоп. коснꙋсѧ), изрыгне (Прем. С. XIX. 10, Остр. оригнꙋ, Первоп. орыгнꙋ) и т. д.

Острожская библія вездѣ, а Первопечатная, за весьма рѣдкими исключеніями (дерзне) представляютъ правильныя формы сложнаго аориста (первой формы), которыя имѣются и въ Новой библіи, рядомъ съ приведенными выше новообразованіями, напр. прикоснꙋсѧ (Матѳ. IX. 20, 21), рядомъ съ коснесѧ (см. выше) и т. д. Прочія формы простого аориста не встрѣчаются въ церковнославянскомъ языкѣ библіи и замѣнены въ огромномъ большинствѣ случаевъ формами сложнаго сигматическаго аориста (втораго вида, съ „соединительнымъ гласнымъ“ -о-). Такая замѣна наблюдается уже въ текстѣ Острожской библіи: 1 л. ед. Зогр. Е. **вьнидъ** (Лук. VII. 44, 45, Нов. внидохъ, Остр. внидохъ и внидохъ), **изидъ** (Матѳ. XII. 44, Нов. изыдохъ, Остр. такъ же), **придъ** (Матѳ. V. 17, Нов. пріидохъ, Остр. такъ же), **сънидъ** (Iоан. VI. 38, 42, Нов. снидохъ, Остр. снидохъ, снидо), **обрѣтъ** (Матѳ. VIII. 10, Нов. обрѣтохъ, Остр. обрѣтохъ) и т. д. 1 л. мн. Зограф. Ев. **придомъ** (Матѳ. XXV. 39, Нов. пріидохомъ, Остр. пріидохо), **възмогомъ** (Марк. IX. 28, Нов. возмогохомъ, Остр. вазмогохомъ) и т. д. 2 л. мн. Зогр. Е. **вънидете** (Iоан. IV. 38, Нов. внидосте, Остр. внидосте), **изидете** (Матѳ. XI. 7, Нов. изы-

до́сте, Остр. такъ же), придете (Лук. XXII. 52, Нов. изыдо́сте, Остр. такъ же) и т. д. 3 л. мн. Зогр. Ев. идѫ (Матѳ. VIII. 1, Нов. impf. идѧхꙋ, Остр. такъ же), въꙁидѫ (Іоан. VII. 10, Нов. и Остр. взыдо́ша), вънидѫ (Матѳ. VIII. 32, Нов. идо́ша, Остр. идо́шѧ), иꙁидѫ (Мрк. III. 21, Нов. изыдо́ша, Остр. изыдо́шѧ), обидѫ (Іоан. X. 24, Нов. ѡ̓быдо́ша, Остр. о̓быдошѧ), придѫ (Лук. I. 59, Нов. прїидо́ша, Остр. прїидо́шѧ), сънидѫ (Іоан. VI. 16, Нов. снидо́ша, Остр. снидошѧ), присвѧдѫ (Матѳ. XIII. 6, Нов. присвѧ́нꙋша, Остр. присвѣнꙋшѧ), възмогѫ (Лук. IX. 40, Нов. возмого́ша, Остр. възмого́ша), иꙁлѣꙁѫ (Іоан. XXI. 9, Нов. излѣ́зо́ша, Остр. такъ же) и т. д. 3 лицо двойств. Зогр. Ев. идете (Матѳ. IX. 27, Нов. идо́ста, Остр. идоста, Іоан. I. 37, Нов. и Остр. идо́ста), придете (Лук. II. 44, Нов. преидо́ста, Остр. мн. ч. преидо́ша). Вездѣ здѣсь мы имѣемъ замѣну простого аориста сложнымъ (второй его формой). Изрѣдка встрѣчается замѣна настоящимъ временемъ: Зогр. 1 л. ед. обрѧтѫ (Лук. XXIII. 14, Нов. ѡ̓брѣта́ю, Остр. о̓брѣта́ю).

Аористъ сложный первый также плохо сохраняетъ свои древнѣйшія формы. Такъ у глаголовъ съ корнемъ на согласный носовой совсѣмъ не встрѣчается 3-е л. множ. на -сѧ: Зогр. ѩсѧ (Іоан. IX. 18, Нов. и Остр. ѧ̓ша), въꙁѧсѧ (Іоан. XI. 41, Нов. взѧ́ша, Остр. взѧ́шѧ), начѧсѧ (Мрк. VI. 55, XV. 18, Лук. XXII. 23, Нов. нача́ша, Остр. нача́шѧ), пропѧсѧ (Лук. XXIV. 20, Нов. и Остр. распѧ́ша; Іоан. XIX. 18, Нов. пропѧ́ша, Остр. пропѧ́шѧ) и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ Новой и Острожской библіи находимъ окончаніе -ša (Нов. -ша, Остр. иногда -шѧ), свойственное глаголамъ съ корнемъ на гласный. Точно также не встрѣчается и первое лицо на -съ, а только на -хъ, какъ у глаголовъ съ корнемъ на гласный. 3 лицо ед. числа съ окончаніемъ -t (-тъ) довольно часто и въ Новой библіи: нача́тъ (Іоан. XIII. 5, Остр. нача́т, Дѣян. I. 1, Остр. начатъ), прїѧ́тъ (Іоан, XIII. 12, Остр. прїа́тъ), внѧ́тъ (Быт. IV. 5, Остр. внѧ̑), поѧ́тъ (Быт. XI. 31, Остр. поѧ̑), клѧ́тсѧ (Быт. L. 24, Остр. о̓бѣща), ѡ̓бѧ́тъ (Іерем. VI. 24, Остр. о̓бъѧ́тъ), заѧ́тъ (ibid. XV. 10, Остр. заѧтъ) и т. д. Формы безъ -тъ рѣдки: загѧ̑ (Ос. XII.

3, Остр. другой текстъ: прєльсти), заклѧ (Быт. L. 25, Остр. такъ же), взѧ (Р. II. 18, Остр. такъ же). Глаголы съ корнемъ на **р**, **л** обыкновенно представляютъ замѣну формами сложнаго аориста второго съ соединительнымъ гласнымъ **-о-**: 2 и 3 ед. Зогр. **оумрѣтъ** (Нов. вездѣ оу҆мрє, М. IX. 24, Остр. оу҆мретъ, Первоп. оу҆мретъ; Мр. V. 35, Остр. оу҆мрє; IX. 26, Остр. оу҆мрѣ; Перв. какъ въ Новой; XII. 22, Остр. и Первоп. какъ въ Новой; XV. 44, bis. Остр. какъ въ Новой; Лук. VIII. 49, 53, Остр. оу҆мрє, оу҆мрє; XVI. 22, Остр. оу҆мрѣ, Первоп. какъ въ Новой; XX. 29, 30, 32, Остр. оу҆мрє; Іоан. VIII. 53, Остр. оу҆мрѣ, Первоп. какъ въ Новой), **оумьрѣтъ** (Іоан. XI. 14, Нов. и Первоп. оу҆мрє, Остр. оу҆мрѣ), **простьрѣ** (Мр. III. 5, Нов. простре̏, Остр. про́стре̏), **простьрѣсѧ** (Лук. XIII. 13, Нов. простре́сѧ, Остр. про́стресѧ), **простьрѣтъ** (Матѳ. XII. 13, Нов. и Первоп. простре̏, Остр. прострєтъ), **ꙁакла** (Лук. XV. 30, Нов. закла́лъ є҆си, Остр. и Первоп. закла̀), **ꙁакъла** (ibid. 27, Нов. и Остр. закла̀), **отрѣ** (Іоан. XII. 3, Нов. ѿтре̏, Остр. о҆тре̏); 2 л. мн. **простьрѣсте** (Лук. XXII. 53, Нов. простро́сте, Остр. гростросте); 3 л. мн. **оумрѣшѧ** (Л. XX. 31, Нов. оу҆мро́ша, Остр. оу҆мро́шѧ; Іоан. VI. 49, 58, Нов. и Остр. оу҆мро́ша; VIII. 53, Нов. оу҆мро́ша, Остр. оу҆мро́шѧ), **опьрѣшѧсѧ** (Матѳ. VII. 27, Нов. ѿпрошасѧ, Остр. о҆прѣшасѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Острожская библія представляетъ еще изрѣдка старыя формы 2, 3 л. ед., хотя и уподобленныя уже на письмѣ формамъ второго сложнаго аориста (точнѣе аориста простого): оу҆мретъ (стсл. **оумрѣтъ**) подъ вліяніемъ оу҆мрє (стсл. **оумрє**); Первопечатная въ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы, что и Новая. Формы перваго сложнаго аориста мн. ч. у разсматриваемыхъ глаголовъ еще рѣже, (одинъ только случай въ Остр. о҆прѣшасѧ), и вмѣсто нихъ находимъ всегда второй сложный аористъ.

Сохранились только такія формы, какъ стсл. 2, 3 ед. **ꙁакъла** = закла̀, но и то лишь въ значеніи 3 ед. Какъ второе лицо ед. ч. подобныя формы не употребляются и замѣняются другими, не вызывающими сомнѣнія: Зогр. **ꙁакла**, Остр. и Первоп. закла̀, Нов. закла́лъ є҆си (Лук. XV. 30).

Замѣна вторымъ сложнымъ аористомъ наблюдается и у глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный.

Встрѣчаются, однако, только формы отъ глагола **рекѫ**: 1 л. рѣ́хъ (Суд. II. 3, 1 Цств. IX. 23, Пс. XXX. 15, 23, Дан. IV. 4, 5), 1 л. мн. рѣ́хомъ (1 Езд. VIII. 22, Быт. XLIV. 22), 2 л. мн. рѣ́сте (1 Ц. X. 19, Числ. XIV. 31), 3 л. мн. рѣ́ша (Суд. IX. 8, Быт. XL. 8), 3 л. дв. рѣ́ста (2 Ц. IV. 8, Іоан. I. 38). Отъ другихъ глаголовъ съ корнемъ на заднеязычный согласный, а также и у сложеній съ **рекѫ** находимъ обыкновенно формы второго сложнаго аориста: Зогр. **нарѣшѧ** (Матѳ. X. 25, Лук. II. 21, Нов. нарекóша, Остр. нарекóшѧ), **прорѣшѧ** (Матѳ. XI. 13, Нов. прорекóша, Остр. прорекóшѧ), **тѣшѧ** (Мрк. VI. 33, Нов. стицáхуся, Остр. стицѧхуся), **облѣшѧ** (Матѳ. XXVII. 31, Нов. ѡблекóша, Остр. ѡблекóшѧ, Мр. XV. 17, 20, Нов. ѡблекóша, Остр. ѡблекóша и ѡблекóшѧ, Іоан. XIX. 2, Нов. ѡблекóша, Остр. ѡблекóшѧ), **съвлѣшѧ** (Матѳ. XXVII. 31, Нов. совлекóша, Остр. съвлекошѧ, Мр. XV. 20, Нов. совлекóша, Остр. съвлекóшѧ), 3 л. дв. **тѣсте** (Матѳ. XXVIII. 8, Нов. и Остр. текóстѣ) и т. д. Въ этомъ отношеніи между Острожской и Новой библіями замѣчается полное согласіе.

У глаголовъ, имѣвшихъ послѣднимъ звукомъ корня такъ называемые заднеязычные перваго ряда (k^1, g^1), первый сложный аористъ также замѣненъ вторымъ: Зогр. 3 л. множ. **вьзнѣсѧ** (Лук. II. 22, Нов. дв. ч. вознесóста, Остр. възнесóста; XVII. 13, Нов. вознесóша, Остр. възнесóша), 3 л. дв. **отврѣсте сѧ** (Іоан. IX. 10, Нов. ѿверзóстеся, Остр. сѧ ѿвръзóстѣ) и т. д. Замѣна эта имѣется уже въ Острожской библіи. Также утрачены въ большинствѣ случаевъ формы перваго сложнаго аориста и глаголами съ корнемъ на переднеязычные взрывной (d, t) и спирантъ (s): Зогр. 1 л. ед. **привѣсъ** (Мр. IX. 17, Нов. приведóхъ, Остр. приведохъ), 3 л. ед. **ѣстъ** (Лук. IV. 2, Нов. ꙗ́стъ, Остр. ꙗ́сть, VI. 4, Нов. ꙗдѐ, Остр. и Первоп. ꙗ́стъ), **снѣстъ** (Матѳ. XII. 4, Нов. снѣдѐ, Остр. снѣсть, Первоп. снѣде; Мрк. II. 26, Нов. снѣдѐ, Остр. снѣсть, Первоп. снѣсть; Іоан. II. 17, Нов. и Первоп. снѣсть, Остр. снѣсть), 1 л. множ. **вѣвѣсомъ** (Матѳ. XXV. 38,

Нов. введо́хомъ, Остр. ввѐдохомъ), ѣхомъ (Лук. XIII. 26, Нов. ꙗ҆до́хомъ, Остр. ꙗ҆̀дохомъ), 2 л. мн. принѣсте (Лук. XXIII. 14, Нов. и Остр. приведо́сте, Іоан. VII. 45, Нов. и Остр. приве-до́сте), 3 л. множ. унса (Іоан. XIX. 20, Нов. и Остр. чтоша), вѣсѧ (Лук. XXII. 54, 66, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́шѧ, Іоан. IX. 13, Нов. ведо́ша, Остр. ведоша, XVIII. 28, Нов. и Остр. ведо́ша, XIX. 16, Нов. ведо́ша, Остр. ведо́шѧ), принѣсѧ (Матѳ. IV. 24, Нов. приведо́ша, Остр. приведо́шѧ, VIII. 16, Нов. и Остр. приведо́ша, IX. 32. Нов. приведо́ша, Остр. приведо́шѧ, XII. 22, Нов. и Остр. приведо́ша, Іоан. VIII. 3, Нов. и Остр. приведо́ша), пробасѧ (Іоан. XIX. 37, Нов. прободо́ша, Остр. прободошѧ), ѣшѧ (Матѳ. XIV. 20, Нов. ꙗ҆до́ша, Остр. ꙗ҆̀до́шѧ, XV. 37, Нов. и Остр. ꙗ҆до́ша, Мрк. VI. 42, Нов. ꙗ҆до́ша, Остр. ꙗ҆̀доша, VIII. 8, Нов. ꙗ҆до́ша, Остр. ꙗ҆̀до́шѧ, Лук. IX. 17, Нов. ꙗ҆до́ша, Остр. ꙗ҆до́шѧ, Іоан. VI. 23, 31, 49, 58, Нов. ꙗ҆до́ша, Остр. ꙗ҆до́шѧ, ꙗ҆̀дошѧ, Первоп. ꙗ҆до́ша, ꙗ҆до́шѧ), 3 л. дв. вьвѣсте (Лук. II. 27, Нов. введо́ста, Остр. ввѐдо́ста) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, старинныя формы перваго сложнаго аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже въ Острожской библіи замѣнены вторымъ сложнымъ аористомъ. Встрѣчаются только формы 3 л. ед. (въ Острожской довольно часто, въ Новой лишь изрѣдка) у глаголовъ нетематическихъ. Кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, можно привести также: Лук. XXII. 19, Остр. и Перв. да́стъ, Нов. дадѐ; VI. 4, Зогр. дастъ, Остр. да̑стъ, Первоп. да́стъ, Нов. дадѐ; Іоан. XIX. 16, Остр. и Первоп. преда́стъ, Нов. предадѐ; Матѳ. XV. 36, Остр. дасть, Первоп. да́стъ, Нов. дадѐ; Руѳь II. 14, Остр. ꙗ҆сть, Первоп. и Нов. ꙗ҆дѐ; 4 Цств. I. 10. 12, Остр. снѣсть, Первоп. и Нов. снѣдѐ; ibid. 14, Остр. поꙗ҆̀сть, Первоп. и Нов. поꙗдѐ и т. д. Въ Острожской библіи еще находимъ 3 л. ед. перваго сложнаго аориста, а въ Новой оно вездѣ замѣнено 3 л. простаго аориста, которое для церковнославянскаго въ сущности представляло 3 л. ед. втораго сложнаго аориста, такъ какъ вошло въ систему этого послѣдняго, въ то время какъ остальныя формы простаго аориста совсѣмъ вышли изъ употребленія.

*

Первопечатная занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. У глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на гласный формы перваго сложнаго аориста вполнѣ обыкновенны: 1-е лицо ед. основы на гласный а-: ста́хъ (2 Цств. I. 10), да́хъ (Лев. XVI. 11), стоѧ́хъ (3 Езд. VI. 29, Остр. такъ же), ѝста́ѧхъ (1 Цств. I. 16, Остр. стоѧ́хъ), ѿполоска́хъ (Іез. XVI. 9, Остр. ѡ̓пласкахъ), работахъ (Быт. XXIX. 25, Остр. рабо́та), воззва́хъ (Суд. XII. 2) и т. д., основы на ѣ-: состарѣ́хсѧ (I. Нав. XXIII. 2), ѝмѣ́хъ (Суд. XII. 2), вѣдѣ́хъ (2 Ц. I. 10), мнѣ́хъ (Быт. XXXVII. 7), пощадѣ́хъ (Быт. XX. 6), оу̓стыдѣ́хсѧ (1 Езд. VIII. 22), бдѣ́хъ (I. Сир. XXXIII. 15), хотѣ́хъ (3 Езд. IV. 23), смотрѣ́хъ (ibid. VI. 29), сѣдѣ́хъ (Іез. VIII. 1) и т. д., основы на и-: оу̓би́хъ (2 Ц. I. 10), ѝскорени́хъ, сотвори́хъ (ibid. VII. 9), разсмотри́хъ (3 Ц. III. 21), роди́хъ (ibid.), размы́слихъ, сотвори́хъ (Быт. VI. 7) и т. д., основы на ы-: бы́хъ (Неем. I. 11, Исх. XVIII. 3), ѿмы́хъ (Іез. XVI. 9), прикры́хъ (ibid. 8) и т. д., основы на ꙋ- (стсл. ж, оу): возбнꙋ́хъ (3 Ез. V. 14), помѧнꙋ́хъ (Тов. II. 6, Іерем. II. 2), ѡ̓бꙋ́хъ (Іез. XVI. 10), оу̓снꙋ́хъ (Быт. XLI. 21) и т. д. Второе лицо ед. числа такъ же, какъ у другихъ видовъ аориста и у имперфекта, встрѣчается весьма рѣдко и въ Новой библіи обыкновенно замѣняется сложнымъ прошедшимъ: сотвори́лъ є҆сѝ (Нов. Быт. XXXI. 26, 28. Остр. сътвори́, Первоп. какъ въ Новой), возжела́лъ є҆сѝ (Быт. XXXI. 30, Остр. и Первоп. помы́сли), ѡ̓бꙑска́лъ є҆сѝ (ibid. 37, Остр. ѝзыска̀, Первоп. какъ въ Новой), презрѣ́лъ є҆сѝ (ibid. 41, Остр. пре́зрѣ, Первоп. презрѣ̀), оу̓крѣпи́лсѧ є҆сѝ (Быт. XXXII. 28, Остр. оу̓крѣпи́сѧ, Первоп. какъ въ Новой), ѡ̓би́дѣлъ є҆сѝ (Быт. XXIX. 25, Остр. ѡ̓би́ди, Первоп. ѡ̓би́ди), посла́лъ є҆сѝ (Исх. XV. 7, Остр. посла́, Первоп. посла̀), ѝзба́вилъ є҆сѝ (ibid. 13, Остр. и Первоп. ѝзба́ви), ви́дѣлъ є҆сѝ (Апок. XVII. 12, 16, 18, Остр. видѣ, Первоп. ви́дѣ. Въ стихѣ 18 на полѣ въ Первопечатной отмѣчено -лъ є҆сѝ, чего не сдѣлано, однако, въ стихахъ 12 и 16), оу̓ста́вилъ є҆сѝ, глаго́лалъ є҆сѝ (Вар. II. 24, Остр. оу̓ста́ви, гл҃а, Первоп. оу̓ста́ви, глаго́ла), положи́лъ є҆сѝ (ibid. 26, Остр. и Первоп. положѝ), сотвори́лъ є҆сѝ (ibid. 27, Остр.

сътвори, Первоп. сотвори), ѡста́вилъ є҆сѝ (Мр. XV. 34, Остр. ѻ҆ста́ви, Первоп. ѡста́ви, а на полѣ -лъ є҆сѝ) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, Острожская библія вездѣ представляетъ исконную форму 2-го л. ед. перваго сложнаго аориста, тогда какъ въ Новой вездѣ находимъ сложное прошедшее, а Первопечатная занимаетъ промежуточное мѣсто между той и другой, хотя и ближе къ Острожской. Въ Новой библіи 2-е лицо ед. ч. этого аориста почти не встрѣчается, за очень рѣдкими исключеніями въ родѣ Лук. II. 48 ...къ немꙋ̀ мт҃и є҆гѡ̀ речѐ: ча́до, что̀ сотворѝ на́ма та́кѡ (Остр. сътвори, Первоп. сотворѝ, а на полѣ -лъ єси). Третье лицо ед. ч. очень обыкновенно: основы на а-: гна̀, поима̀ (Суд. VIII. 12, Остр. гна̀, ж҃), возжажда̀ (ibid. XV. 18, Остр. вжаждасѧ), возжада̀ (2 Ц. XXIII. 15), созда̀ (4 Цств. XXI. 4), созида̀ (Неем. III. 10, Остр. созида̀), велерѣ́чева (Юд. VI. 17), бѣжа̀ (Тов. II. 8), и҆зва́ѧ (3 Езд. XIII. 6), запеча́та (Дан. VI. 17), соглѧ́да (Числ. III. 39) и т. д.; основы на ѣ-: имѣ̀ (1 Макк. IX. 36, 2 Макк. XIV. 39), видѣ̀ (Тов. IV. 4), летѣ̀ (Пс. XVII. 11), постыдѣ́сѧ (I. Сир. II. 10), возгремѣ̀ (ib. XLVI. 20), пощадѣ̀ (Быт. XIX. 16), оу҆вѣ́дѣ (1 Ц. XX. 39), пови́сѣ (2 Ц. XVIII. 9), возжелѣ̀ (Втор. XXXII. 11) и т. д., основы на и-: и҆скочѝ (Тов. VII. 6), оу҆льстѝ, сотворѝ (Пс. XIV. 3), оу҆тверди́сѧ (Пс. CXI. 8), потребѝ (I. Сир. XLVI. 21), запретѝ (Матѳ. VIII. 26), роди̇̀, роди́сѧ (Матѳ. I. 16), смꙋти́сѧ (Матѳ. II. 3), ѡ҆скверна́ви (Числ. XIX. 20), разрꙋшѝ (2 Макк. X. 22) и т. д., основы на ы-: забы̀ (Осія II. 13), ѡ҆бмы̀ (Юд. X. 3), сотры̀ (Пс. CIV. 3), оу҆мы̀ (Матѳ. XXVII. 24) и т. д. основы на ꙋ-: дꙋнꙋ̀ (3 Ц. XVII. 21), прикоснꙋ́сѧ (Мр. V. 27, 31), и҆зсѧ́кнꙋ (ibid. 29) и т. д.

У глаголовъ II-го класса въ этой формѣ часты случаи морфологической ассимиляціи къ соотвѣтственной формѣ простаго аориста, въ родѣ: коснѐсѧ, дерзнѐ, блеснѐ и т. д. (см. выше, стр. 351). Морфологическая ассимиляція здѣсь вызывалась необходимостью дифференцировать формы 2, 3-го л. ед. ч. перваго сложнаго аориста отъ совершенно съ ними одинаковой формы 1-го л. ед. ч. настоящаго времени. Случаи 2, 3-го л. ед. ч.

перваго сложнаго аориста съ окончаніемъ -ѣ (стсл. -тъ, церковносл. -тъ), у глаголовъ съ темой неопредѣл. наклоненія на гласный встрѣчаются весьма рѣдко: 3 ед. сви́тъ (4 Ц. II. 8, Остр. такъ же). Множественное число: 1-е лицо: основы на а-: ѿда́хомъ (1 Езд. VIII. 33), повѣдахомъ (Быт. XLIV. 24) и т. д. Основы на ѣ-: ви́дѣхомъ (1 Цств. X. 4), презрѣхомъ (Мал. I. 6), ѡскꙋдѣхомъ (Прем. С. V. 13) и т. д. Основы на и-: жи́хомъ (Числ. XX. 15), пи́хомъ (2 Парал. XXXI. 10), потреби́хомсѧ (Числ. XVII. 12) и т. д. Основы на ы-: пребы́хомъ (1 Езд. VIII. 32), вы́хомъ (Ис. LXIII. 19) и т. д. Основы на ꙋ-: метнꙋхомъ (Неем. X. 34), оу҆снꙋхомъ (Іер. III. 25) и т. д. 2-е лицо; основы на а-: попира́сте, пива́сте (Іезек. XXXIV. 18), пха́сте (ibid. 21), влага́сте (Агг. II. 17), вѣдасте (2 Цств. XI. 20), ѡбита́сте (Лев. XVIII. 3), оу҆бояхстесѧ (Числ. XII. 8) и т. д. Основы на ѣ-: ви́дѣсте (1 Цст. XXI. 14), согрѣстесѧ (Агг. I. 6) и т. д. Основы на и-: пи́сте (Агг. I. 6), ходи́сте (1 Цств. X. 14), пости́стесѧ, плачево́пльствисте (Зах. VII. 5) и т. д. Основы на ы-: бы́сте (І. Нав. XXIV. 7, 2 Парал. XV. 2) и т. д. Основы на ꙋ-: и҆зсꙋнꙋсте (Ис. LVII. 4), воскреснꙋсте (Колосс. III. 1) и т. д. Третье лицо; основы на а-: прише́лствоваша (1 Цств. II. 5), ѡдѣѧша (2 Парал. XXVIII. 15), созида́ша (Неем. III. 17, 18), оу҆боѧ́шасѧ (Быт. XLII. 35), бѣжа́ша, взѧ́ша (ibid. XIV. 10, 12) и т. д. Основы на ѣ-: вѣдѣша (1 Цств. XX. 39, вм. дв. ч. Остр. иначе), пощадѣша (2 Езд. I. 53), и҆мѣша (ibid. VI. 5), ви́дѣша (Исх. XXIV. 10) и т. д. Основы на и-: оу҆би́ша (2 Ездры I. 53), би́шасѧ (3 Цств. XVIII. 28), порабо́тиша (1 Макк. VIII. 10, 11), проти́вишасѧ, и҆стреби́ша (ibid. 11) и т. д. Основы на ы-: собы́шасѧ (I. Нав. XXI. 45), бы́ша (1 Ц. XIII. 2), кры́ша (Исх. II. 2) и т. д. Основы на ꙋ-: метнꙋша (Неем. XI. 1), повинꙋшасѧ (Юд. II. 6) и т. д.

Двойственное число очень часто замѣняется множественнымъ (см. выше, стр. 321—324). Такъ 1-е л. дв. разсматриваемой формы аориста совсѣмъ не встрѣчается въ Новой библіи: ходи́хомъ (Пс. LIV. 15, Остр. ходи́ховѣ, Первоп. ходи́хома), и҆ска́хомъ (Лук. II. 48, Остр. и҆ска́ховѣ, Первоп. и҆ска́хове) и т. д.

формы, встрѣчающіяся у грамматиковъ, см. выше, стр. 321. Второе лицо довольно рѣдко. Основы на а-: ѿда́ста (Дѣян. V. 8, Остр. и Первоп. такъ же); основы на и-: согласи́стасѧ (ibid. 9) и т. д. Третье лицо представляетъ два окончанія: -та для м. р. и -тѣ для ж. и ср. р.; о происхожденіи и распредѣленіи ихъ см. выше (стр. 322 и слѣд.). Основы на а-: ѿбдержа́ста (3 Цств. VIII. 8), стоѧ́ста (ibid. XIII. 28), растерза́ста (Числ. XIV. 6), ѿста́стасѧ (ibid. 38), созда́стѣ (Пс. XCIV. 5), стоѧ́стѣ (Пс. CXXXI. 7) и т. д. Основы на ѣ-: ѹ҆добрѣ́ста (П. П. IV. 10) и т. д. Основы на и-: бл҃гослови́ста (Лев. IX. 23), вложи́ста, возложи́ста (ibid. X. 1), прит́ѹпи́стаєсѧ (3 Ц. XIV. 4) и т. д. Основы на ы-: скры́стасѧ (Быт. III. 8), бы́ста (I. Сир. XLVI. 10) и т. д.

Случаи замѣны двойственнаго числа множественнымъ очень часты: возложи́ша, покры́ша, ви́дѣша (Симъ и Іафетъ: Быт. IX. 23, Остр. възложи́ста, покры́ста, видѣ́ста, Первоп. возложи́ста, покры́ста, ви́дѣста), пла́кашасѧ (двѣ снохи Руѳи: Р. I. 9, Остр. такъ же), ѹ҆клони́шасѧ (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. съврати́стасѧ, Первоп. соврати́стасѧ), растерза́ша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. и Первоп. растерго́ша) и т. д. (ср. другіе примѣры выше на стр. 321, 323). Замѣна эта встрѣчается нерѣдко уже въ Острожской библіи.

Второй сложный аористъ (съ „соединительнымъ гласнымъ" -о-) весьма обыкновененъ: 1 л. ед. ѿбыко́хъ (1 Цств. XVII. 39, Остр. нѣ́смь ѻ҆бы́клъ), сѣдо́хъ (1 Езд. IX. 3, Остр. сѣдо҃), простро́хъ (ibid. 5, Остр. такъ же), реко́хъ (Числ. XVIII. 24, Остр. рекохъ), разсѣко́хъ (3 Езд. I. 20), ѹ҆спо́хъ (Іер. XLV. 3, Остр. ѹ҆спо҃), ꙗ҆до́хъ (Іезек. IV. 14, Остр. нѣ́смь ꙗ҆́лъ), сожго́хъ, сотро́хъ (Второз. IX. 21, Остр. съжжего́хъ, сътро́хъ) и т. д.

Второе лицо, тожественное съ третьимъ, представляющимъ собой заимствованіе изъ простаго аориста (см. выше, стр. 350—351) въ Новой библіи не встрѣчается, такъ какъ вездѣ замѣнено формами сложнаго прошедшаго, какъ и у перваго аориста сложнаго (см. выше, стр. 353 и 357): Нов. вше́лъ є҆си̑, ꙗ҆́лъ є҆си̑ (Дѣян. XI. 3, Остр. вни́де, ꙗ҆дѐ, Первоп. вни́де и ꙗ҆дѐ), ѹ҆ше́лъ є҆си̑, ѿкра́лъ є҆си̑,

ѿве́лъ безъ вспомогательнаго є҆сѝ (Быт. XXXI. 26, Остр. ѿи́де, ѡ҆крадѐ, ѿведѐ, Первоп. ѿи́де, а на полѣ ѿше́лъ є҆сѝ, ѡ҆кра́де, ѿведѐ), оу҆кра́лъ є҆сѝ (ibid. 30, Остр. оу҆кра́де, Первоп. какъ въ Новой), ѡ҆брѣ́лъ є҆сѝ (ibid. 37, Остр. ѡ҆брѣ́те, Первоп. какъ въ Новой, 1 Цств. XXIX. 8, Остр. ѡ҆брѣ́тѐ, Первоп. ѡ҆брѣ́те), ре́клъ є҆сѝ (Быт. XXXII. 12, XLIV. 23, Остр. рече, Первоп. речѐ, а на полѣ, какъ въ Новой), вве́лъ є҆сѝ (3 Цств. XVI. 2, Остр. въведѐ, Первоп. въведѣ, а на полѣ -лъ є҆сѝ), преве́лъ є҆сѝ (4 Цств. XVII. 26, Остр. приведе, Первоп. приведѐ, а на полѣ -лъ) и т. д. Какъ видно, Острожская библія сохраняетъ еще старую форму, Первопечатная же или совсѣмъ замѣняетъ ее сложнымъ прошедшимъ или, сохраняя старую въ текстѣ, приводитъ сложную въ видѣ варіанта на полѣ.

Третье лицо вполнѣ обыкновенно (примѣры см. выше, стр. 350—351). Множественное число. Первое лицо: пріидо́хомъ (Суд. XV. 10), внидо́хомъ (1 Ц. X. 14), ꙗ҆до́хомъ (2 Пар. XXXI. 10), реко́хомъ (Быт. XLIV. 26), погибо́хомъ, и҆счезо́хомъ (Числ. XVII. 12), моѓохомъ (Дан. XIII. 39) и т. д. Второе лицо: оу҆мро́сте (Колосс. III. 3), ѿверго́стесѧ (Числ. XIV. 31), введо́сте (ibid. XX. 4), и҆зведо́сте (ibid. 5) и т. д. Третье лицо весьма часто: пріидо́ша (Мато. II. 1), возжго́ша (1 Макк. XII. 28), и҆знемо́гоша (Пл. Іер. V. 13), растро́ша (Ам. I. 3), столко́ша (Мих. III. 3), прильпо́ша (Вар. III. 4), дадо́ша (Юд. XIV. 9, XVI. 19), погрѣбо́ша (ibid. XVI. 23), ѡ҆хромо́ша (Пс. XVII. 46), воздвиго́шасѧ (Числ. X. 12, 13), воздвиго́ша (ibid. 14, 18, 22), ѿбѣго́ша, реко́ша (Числ. XVI. 34), принесо́ша (Мато. XIV. 35), приверго́ша (ibid. XV. 30), ꙗ҆до́ша (ibid. 37), ѡ҆блеко́ша (Мр. XV. 17) и т. д. Двойственное число представляетъ только формы 3-го лица, первое и второе не встрѣчаются, третье же довольно часто: м. р. ꙗ҆до́ста (Адамъ и Ева. Быт. III. 6), оу҆мро́ста (Р. I. 5), падо́ста (Суд. XIII. 20), принесо́ста (2 Ц. IV. 8), и҆зыдо́ста (Числ. XII. 5), реко́ста (ibid. XIV. 7), пріидо́ста (Быт. XIX. 1. Марк. X. 35) и т. д., ср. р. и҆знемого́стѣ (Пс. XVII. 37, плеснѣ), ж. р. и҆до́стѣ, преидо́стѣ, пріидо́стѣ (Р. I. 19), теко́стѣ (Мато. XXVIII. 8) и т. д. О происхожденіи этихъ окон-

чаній и ихъ взаимномъ отношеніи см. выше (стр. 322 — 323). Какъ и у другихъ временъ, двойств. число часто замѣняется множественнымъ (ср. другіе примѣры на стр. 324): Сймъ и Іафеѳъ... йдоша (Быт. IX. 23, Остр. идоста, Первоп. йдоста), внидоша, ґадоша (два ангела у Лота: Быт. XIX. 3, Остр. пріидоста, ґадоста, Первоп. пріидоста, ґадоста), но выше (стихъ 1) пріидоста, пріидоша, сѣдоша (3 Цств. XXI. 13, Остр. пріидоста, сѣдоста, Первоп. пріидоста, сѣдоста), йзыдоша (двѣ медвѣдицы: 4 Цств. II. 24, Остр. йзыидостѣ, но рядомъ растергоша, Первоп. йзыдостѣ, растергоша), воздвигоша, рекоша (двѣ снохи: Р. I. 9, 10, Остр. въздвигоша, но рекоста, Первоп. воздвигоша, но рекоста) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной библіяхъ двойств. ч. чаще, хотя и здѣсь изрѣдка встрѣчается замѣна множественнымъ.

Формы имперфекта, характеризующія церковнославянскій языкъ, имѣютъ болѣе или менѣе поздній и вторичный характеръ. Первымъ и общимъ признакомъ является контракція (господствующая уже въ Острожской библіи) характеристичныхъ для имперфекта гласныхъ звуковъ: ѣа, аа (ıаа), свойственная главнымъ образомъ позднѣйшимъ старославянскимъ памятникамъ.

Въ тематическомъ же отношеніи замѣчается преобладаніе характернаго древнерусскаго новообразованія по типу глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на гласные -а, -и въ родѣ стсл. **глаголаахъ, любльаахъ** и т. д. Такимъ образомъ, мы можемъ раздѣлить формы церковнославянскаго имперфекта на двѣ категоріи: 1) формы исконныя, первичныя (для общеславянскаго вообще) и 2) формы, обязанныя своимъ происхожденіемъ только что указанной морфологической ассимиляціи.

1) Формы исконныя, первичныя: первое лицо ед. числа совпало совершенно въ смыслѣ формальномъ съ такимъ же лицомъ перваго сложнаго аориста глаголовъ съ основой неопред. наклоненія на а-: йсхождахъ, поражахъ, йсторгахъ, оумерщвлѧхъ (1 Цств. XVII. 35, Остр. йсхождахъ, поражахъ, йзъторга, разбивахъ, оумръщвлѧхъ), хождахъ, глаголахъ, заповѣдахъ (2 Цств. VII. 7, Остр. вхожахъ, глахъ, заповѣдахъ), пїѧхъ (4 Цств. XIX. 24, Остр. пїѧ), поминахъ (Пс. XLII. 7, Остр. поминахъ), поучахсѧ

(ibid. Остр. пооу̑ча́хъсѧ), и҆згонѧ́хъ (Пс. С. 5, Остр. и҆згонѧхъ), прехожда́хъ (ibid. 2, Остр. прехожа̑), поглꙋмлѧ́хсѧ, размышлѧ́хъ (Пс. LXXVI. 4, Остр. другой текстъ), смотрѧ́хъ (Пс. CXLI. 5, Остр. сматрѧхъ), хожда́хъ (ibid. 4, Остр. хождаа̑, Первоп. какъ въ Новой), и҆схожда́хъ (Пс. LXXVII. 9, Остр. и҆схождаахъ, Первоп. какъ въ Новой), восхища́хъ (Пс. LXVIII. 5, Остр. въсхищаа̑, Первоп. какъ въ Новой), воста́хъ (Пс. CXVIII. 62, Остр. въстаахъ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Старинныя формы безъ контракціи встрѣчаются только въ Острожской библіи и то очень рѣдко *); Первопечатная уже представляетъ однѣ стяженныя формы, какъ и Новая.

Второе лицо ед. числа встрѣчается изрѣдка только въ Острожской библіи: ты̑ послꙋшаше, ты̑ бываше (Остр. Пс. XCVIII. 8, Новая и Первоп. послꙋшалъ є҆сѝ, бывалъ є҆сѝ); въ Новой оно вездѣ замѣнено соотвѣтствующей формой сложнаго прошедшаго.

Третье лицо ед. числа очень часто: хожда́ше, сꙋжда́ше (1 Ц. VII. 16, Остр. прохожда́ше, сꙋжда́ше), взима́ше, и҆гра́ше, ѿдыха́ше, ѿстꙋпа́ше (ibid. XVI. 23, Остр. поѧ́ше, ѿдохнꙋ, ѿстꙋпѝ), ноша́ше (ibid. XVII. 40, Остр. такъ же), мыслѧ́ше (ibid. XVIII. 25, Остр. мышлѧ́ше), лежа́ше (2 Цств. XIII. 8, Остр. такъ же), кадѧ́ше (3 Цств. III. 3, Остр. другой текстъ), любѧ́ше (ibid. V. 1, Остр. такъ же), люблѧ́ше (2 Цств. XIII. 15. 21, Остр. такъ же), ꙗ҆влѧ́шесѧ (3 Ц. VI. 18, Остр. друг. текстъ), досѧза́ше (ibid. 27, Остр. такъ же), молѧ́шесѧ (1 Езд. X. 1, Остр. такъ же), созида́ше (Неем. III. 6. 9. 10, Остр. созида̀), вопроша́ше (Мр. X. 17, Остр. въпраша́ше), бѣжа́ше (Быт. XXXV. 7, Остр. бѣжа̀), хожда́ше (I. Нав. V. 6, Остр. ѡ҆бхожда́це), и҆схожда́ше (Пс. XL. 7, Остр. и҆схождааше, но тутъ же рядомъ гла̑ше, вхождаше) и т. д.

Первое и второе лица множественнаго числа, какъ и первое единственнаго, благодаря контракціи отличительныхъ гласныхъ, совпали совершенно съ соотвѣтствующими лицами перваго сложнаго аориста у глаголовъ съ темой неопредѣленнаго наклоненія на а-, и только

*) Случаевъ шесть (въ разныхъ лицахъ) на весь Псалтырь, рядомъ съ подавляющимъ большинствомъ формъ съ контракціей.

значеніе позволяетъ различать однѣ формы отъ другихъ. Первое лицо множ. ч.: вопрошáхомъ (Дан. XIII. 40, Остр. въпрашáховѣ, Первоп. вопрашáхова) и т. д. Второе лицо: пiѧсте (Дан. V. 23, Остр. такъ же) и т. д.

Третье лицо весьма часто: хождáху (Пс. CXXV. 6, Остр. хождаху, но рядомъ плáкахусѧ, Первоп. какъ въ Новой), цѣлѧху (Iерем. VI. 14, Остр. такъ же), течáху (ibid. XXIII. 21, Остр. такъ же), снѣдáху (ibid. L. 7, Остр. ıадѣ), даıáху (Iез. VI. 13, Остр. дáша), спáху (ibid. XXIII. 8, Остр. лeгáху), поѧху, блгословлѧху, слáвлѧху (Дан. III. 51, Остр. поáху, блвѧху, славлѧху), писáху (ibid. V. 5, Остр. такъ же), смущáху (ibid. 6, Остр. смущáхуть, Первоп. какъ въ Новой), вхождáху, можáху (ibid. 8, Остр. такъ же), расхищáху (Пс. LXXXVIII. 42, Остр. расхищѧхуть, Первоп. какъ въ Новой), наблюдáху (ibid. XIII. 15, Остр. блюдѧста), оутопáху (Мр. V. 13, Остр. такъ же), оугнѣтáху (ibid. 24, Остр. такъ же), глагóлаху (ibid. 31, Остр. глаху), бiѧху, плювáху, покланѧхусѧ (ibid. XV. 19, Остр, бiáху и такъ же, какъ въ Новой) и т. д.

Формы, свойственныя древнерусскому и представляющія исконное третье лицо множ. ч. + окончаніе ть, встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библіи (см. примѣры). Въ Новой онѣ отсутствуютъ, равно какъ и въ Первопечатной.

Двойственное число представлено, какъ всегда, скуднѣе и часто замѣняется множественнымъ. Первое лицо: Остр. въпрашáховѣ (Дан. XIII. 40, Первоп. вопрашáхова, Новая множ. ч. вопрошáхомъ) и т. д. Второе лицо не встрѣчается; Зогр. Ев. **искашета** (Лук. II. 49, Нов. искáсте—2 л. мн. аориста сложнаго перваго, Остр. какъ Нов.) и т. д. Третье лицо довольно часто: м. р. бесѣдоваста (Лук. XXIV. 14, Зогр. **бесѣдоваашете**, Остр. какъ въ Новой), ср. р. держáстѣсѧ (ibid. 16, Остр. дръжáстасѧ), м. р. глаcта (Лук. IX. 31, Остр. такъ же), искáста (Лук. II. 44, Зогр. **искаашете**, Остр. iскаста), хождáста (ibid. II. 41, Зогр. **хождаашете**, Остр. хождаста), поношáста (Матѳ. XXVII. 41, Мр. XV. 32, Зогр. **поношаашете**, Остр. поношѧста, понашѧста), нуждáста (Лук. XXIV. 29, Зогр. **нждаашете**, Остр. нужáста), и т. д.

Съ внѣшней стороны формы двойственнаго числа ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ аориста у глаголовъ, имѣющихъ основу неопредѣленнаго наклоненія на а-.

По типу такихъ исконныхъ формъ созданы новообразованія, характеризующія церковнославянскій русскаго типа и вытѣснившія въ немъ исконныя формы совершенно. Окончанія здѣсь тожественны съ окончаніями разсмотрѣннаго выше исконнаго имперфекта, но въ тематическомъ отношеніи эти формы отличаются отъ исконныхъ непремѣнною палатальностью послѣдняго согласнаго основы, которая у исконныхъ формъ свойственна только глаголамъ, имѣющимъ основу неопред. наклоненія на и-.

Примѣры такихъ вторичныхъ, русскихъ формъ имперфекта: Единственное число, первое лицо: сѣдѧхъ (1 Езд. IX. 4, Остр. сѣдѧ, Первоп. какъ въ Новой), живѧхъ (Тов. V. 6, Остр. бы ваχъ), вѣдѧхъ (Пс. XXXIV. 11, Остр. вѣдѧхъ, 1 Ц. XXII. 22, Остр. аор. видѣхъ), зрѧхъ (Дан. VII. 4. 9, Остр. такъ же), идѧхъ (Быт. XLVIII. 7, Остр. идѧ) и т. д. Формъ втораго лица въ Новой библіи не встрѣчается. Вмѣсто нихъ мы ожидали бы соотвѣтствующія формы сложнаго прошедшаго, какъ и у исконнаго имперфекта (см. выше стр. 362). Третье лицо весьма часто: вѣдѧше (Быт. XXXI. 32, Остр. и Первоп. вѣдѣ), имѧше (Іоан. XIII. 29, Остр. имѣаше, Первоп. какъ въ Новой; Быт. XIV. 10, Остр. какъ въ Новой), ꙗдѧше (Быт. XXXIX. 6, Остр. ꙗдѧше), хотѧше (ibid. 7, Остр. хотѧше), идѧше (Быт. XII. 4, Остр. такъ же; Числ. XXII. 23, Остр. идѧше), сѣдѧше (ibid. 22, Остр. такъ же), ведѧше (Исх. XIV, 25, Остр. водѧше), горѧше (Второз. V. 23, Остр. такъ же), живѧше (І. Нав. XII. 2, Остр. живѧше), видѧше (1 Ц. IV. 15, Остр. такъ же), пасѧше (ibid. XVII. 34, Остр. 1 л. ед. пасѧхъ), щадѧше (2 Ц. XVIII. 16, Остр. другой текстъ), бдѧше (Іерем. V. 6, Остр. причастіе наст. вр. бдѧщъ, Плачъ Іер. I. 14, Остр. аор. оубѹдисѧ), грѧдѧше (Іез. I. 4, Остр. такъ же); кипѧше (ibid. XLVII. 5, Остр. такъ же), кладѧше (Ос. II. 13, Остр. такъ же), терпѧше (Прем. С. XVII. 16, Остр. тръпѧше), влечаше (ibid. XIX. 4, Остр. такъ же), горѧше (І. Сир. XLVIII. 1, Остр. такъ же),

храплѧще (Іона I. 5, Остр. храпѧше, Первоп. какъ въ Новой), мнѧше (1 Макк. VI. 9, Остр. мнѧше), радѧше (2 Макк. IV. 14. 27, Остр. только 27: радѧше), мѧтѧшесѧ (3 Езд. XIV. 40, Остр. смѧтѧшесѧ) и т. д.

Множественное число, 1-е лицо: сѣдѧхомъ (Исх. XVI. 3, Остр. и Первоп. сѣдахомъ), вѣдѧхомъ (Числ. XII. 11, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного). 2-е лицо: живѧсте (Кол. III. 7, Лев. XXVI. 35, Остр. такъ же), ıадѧсте (Втор. XXXII. 38, Остр. такъ же) и т. д. (случаевъ немного).

Третье лицо очень часто: ıадѧху (Быт. XXXVII. 25, Остр. настоящ. и аористъ, I. Нав. VI. 12, Остр. такъ же bis), ıадѧху (Быт. XLIII. 32, Остр. такъ же), пасѧхусѧ (Быт. XLI. 2. 3. 18, Остр. такъ же), ймѧху (ibid. XLIII. 26, Остр. ймѣѧху, Первоп. ймѣѧху; I. Нав. V. 8, Остр. ймѧху), живѧху (Быт. XII. 6, Остр. такъ же), видѧху (Исх. V. 19, XXXIII. 10, Остр. видѧху и видѧху), мелѧху (Числ. XI. 8, Остр. такъ же), вѣдѧху (I. Нав. X. 2, Остр. вѣдѧху), зрѧху (Суд. XIII. 19, Остр. и Первоп. двойств. глѣдѣста), владѧху (ibid. XIV. 4, Остр. такъ же), жнѧху (1 Цств. VI. 13, Остр. такъ же), хотѧху (ibid. XV. 9, Остр. такъ же), несѧху (2 Цств. III. 22, Остр. такъ же), везѧху (ibid. VI. 3, Остр. такъ же), зовѧху (3 Ц. XVIII. 28, Остр. такъ же), ведѧху (1 Пар. XIII. 8, Остр. такъ же), жрѧху (1 Макк. I. 59, Остр. такъ же) и т. д.

Двойственное число по обыкновенію представлено скудно. Имѣются только формы 3-го лица: ж. р. зрѧстѣ (Мр. XV. 47, Остр. и Первоп. зрѧста), ıадѧстѣ (Матѳ. XXVIII. 8, Остр. ıадѧсте, Первоп. ıадѧсте), м. р. ıадѧста (Лук. XXIV. 28, Остр. такъ же) и т. д. Исконныя формы (только съ контракціей) у этихъ глаголовъ (съ темой неопредѣленнаго наклоненія не на а- и и-) встрѣчаются лишь весьма рѣдко: ймѣху (2 Пар. XXX. 22; 1 Макк. X. 15, Остр. ймѣху).

Глаголъ **быти**, какъ и въ старославянскомъ, представляетъ двѣ формы: 1) Ед. ч. первое лицо: бѣхъ (Быт. XXXII. 10, Остр. бѣхъ; 2 Ц. VII. 9, Остр. настоящ. время есмь, Неем. I. 1. 4, Остр. бѣхъ); второе лицо употребляется еще въ Остр. и

Первоп., но въ Новой не встрѣчается и замѣнено вездѣ сложнымъ прошедшимъ: Матѳ. XXVI. 69, Остр. и ты бѣ съ Іисомъ (Первоп. и ты бѣ... Нов. и ты былъ еси...) и т. д., третье лицо часто: бѣ (Быт. XI. 1, Руѳь I. 7, 3 Ц. III. 18 и т. д.). Множ. число, первое лицо: бѣхомъ (1 Цств. XXV. 16, Римл. VII. 5, Галат. IV. 3, bis. Д. Ап. XXVII. 15, Числ. XIII. 34 и т. д.); второе лицо: бѣсте (Исх. XXIII. 9, Остр. такъ же, Лев. XIX. 34, Остр. бѣсте); третье лицо: бѣша (Быт. III. 7, Остр. бѣша вм. двойств., 3 Ц. VIII. 7, Остр. двойств. бѣста, Первоп. бѣста, 1 Ц. XIII. 2, Остр. бѣша и т. д.). Двойственное число представлено лишь въ третьемъ лицѣ: м. р. бѣста (Лук. I. 6, Быт. XL. 4. 5, Остр. бѣста), ж. р. бѣстѣ (Быт. XXVII. 23; XXIX. 16, Остр. бѣста, Первоп. бѣста). Формы перваго лица дв. числа встрѣчаются въ Острожской библіи, но въ Новой замѣнены множ.: бѣховѣ (Остр. и Перв. 3 Ц. III. 18, Нов. бѣхомъ). Формы этого типа имперфекта такъ же, какъ и въ старославянскомъ, имѣютъ значеніе аориста въ огромномъ большинствѣ случаевъ (см. Miklosich. Altslovenische Formenlehre in Paradigmen. Wien. 1874, стр. 40); часто онѣ употребляются наряду съ формами настоящаго аориста (**быхъ, бы, бысть** и т. д.) совершенно безразлично: Сегѵвъ роди Іаіра, и бѣша єму 23 грады... (1 Парал. II. 22, Остр. бѣша)... И бѣша сынове Іерамеила... Рамъ..., и Ваана и т. д. (ibid. 25, Остр. бѣша); рядомъ ниже: И быша сынове Рама... Маасъ, и Іаминъ и т. д. (ibid. 27, Остр. бѣша и быша); и быша сыны Оунамли Саммаа, и Єддай (ibid. 28, Остр. бѣша) и т. д. И избра себѣ Саулъ три тысящы мужей... и быша съ Сауломъ двѣ тысящы въ Махмасѣ, и въ горѣ Веѳили, и тысяща бѣша со Іωнаѳаномъ въ Гаваи и т. д. (1 Ц. XIII. 2, Остр. бѣста, бѣша). Какъ видно изъ цитатъ, Острожская библія въ этомъ отношеніи представляетъ большее единообразіе, чѣмъ Новая.

2) Рядомъ съ только что приведенными аористическими формами, мы встрѣчаемъ и формы настоящаго имперфекта, соотвѣтствующія старослав. **бѣахъ, бѣаше** и т. д. И здѣсь мы находимъ только формы „русскаго“ имперфекта съ морфологической ассимиляціей къ формамъ типа **глаголаахъ = глаголахъ** и **любляахъ =**

любляхъ. Имѣются, однако, только формы третьяго лица единственнаго и множественнаго. Остальныя формы всѣхъ трехъ чиселъ не встрѣчаются въ печатномъ библейскомъ текстѣ: 3 л. ед. бѧше (Д. Ап. V. 4, Остр. бѧше, Іов. I. 1, Остр. бѣ. Въ обоихъ случаяхъ бѧше употреблено рядомъ съ бѣ въ одинаковомъ значеніи аориста. Быт. XXXIX. 2. И҆ бѧше Гдь со І҆ѡсифомъ: и҆ бѧше мꙋжъ благополꙋченъ, и҆ бысть въ домꙋ гдина своего̀. Остр. и҆ бѣ гь... и҆ бѧше мꙋжъ... и҆ бысть... Быт. VII. 22. 23: и҆ всѐ, є҆́же бѣ на сꙋши, оу҆мре. И҆ потребисѧ всѧкое востаніе, є҆́же бѧше на лицѣ всеѧ земли... Остр. є҆лико бѣ... иже бѧхꙋ).

Третье лицо множественнаго—бѧхꙋ (Быт. VI. 4, Остр. такъ же, XXIX. 2, Остр. бѧхꙋ, XXXI. 5, Остр. такъ же, 1 Цств. XIII. 7, Остр. такъ же, XVII. 19, Остр. бѣхꙋ, Первоп. бѧхꙋ, 1 Макк. V. 5, Остр. бѧхꙋ, XIII. 44, Остр. бѧхꙋ, Іерем. XIV. 19, Остр. настоящее нѣсть, Дан. XIV. 32, Остр. бѧше и т. д.) имѣетъ всегда или въ огромномъ большинствѣ случаевъ значеніе имперфекта. Кромѣ того имѣется форма съ контракціей бѣхꙋ, употребляющаяся на ряду съ бѧхꙋ, часто въ непосредственномъ сосѣдствѣ, безъ всякаго особаго оттѣнка (1 Макк. XIII. 44. 45: и҆ вскача́хꙋ во гра́дъ, и҆́же бѧхꙋ въ миха́нѣ, и҆ бысть смѧте́ніе ве́ліе во гра́дѣ. И҆ взыдо́ша и҆́же бѣхꙋ во гра́дѣ... и возопи́ша и т. д. Остр. бѧхꙋ и бѣхꙋ, ibid. VII. 13: и҆ пе́рвіи А҆сіде́и бѣхꙋ въ сынѣхъ І҆и҃левыхъ, и҆ и҆ска́хꙋ ѿ ни́хъ ми́ра. Остр. бѣхꙋ, Іерем. XI. 13: по числꙋ бо градѡ́въ твои́хъ бѣхꙋ бо́зи твои̑, І҆ꙋдо... Остр. бѣхꙋ, Быт. VIII. 1: и҆ помѧнꙋ Бг҃ъ Нѡ́а, и҆ всѧ ѕвѣ́ри, и҆ всѧ скоты̀... є҆ли́ка бѣхꙋ съ ни́мъ въ ковче́зѣ... Остр. бѧхꙋ, 1 Пар. VII. 19: бѣхꙋ же сынове Семіра: А҆́їмъ, и҆ Сꙋхе́мъ и т. д. Остр. бѣхꙋ и т. д.).

Какъ остатокъ старославянскаго имперфекта безъ контракціи можно бы разсматривать имперфектъ глагола **имѫ, имѣти**—и҆мѣ́ѧхъ и т. д., встрѣчающійся нерѣдко въ печатныхъ текстахъ, но эти формы могутъ быть и результатами морфологической ассимиляціи къ основѣ настоящаго времени—и҆мѣю, и҆мѣ́еши и т. д.

Примѣры такихъ формъ: 3 л. ед. и҆мѣ́ѧше (Быт. XXXIX. 5, Остр. и҆мѣ́аше, Первоп. какъ въ Новой; ibid. VIII. 11, Остр.

имѣаше, Первоп. какъ въ Новой; Плачъ Іер. I. 7, Остр. имѣаше, Первоп. какъ въ Новой; 1 Пар. XIII. 14, Остр. имѣаше, Первоп. какъ въ Новой; 2 Пар. XXXIII. 6, Остр. имѣаше, Первоп. какъ въ Новой), 3 л. мн. имѣахꙋ (Матѳ. XIII. 5, 6, три раза, Остр. два раза имѣаше, имѣахꙋ, Первоп. имѣаше, имѣахꙋ; Юд. VII. 21, Остр. другой текстъ; Прем. Сол. XVIII. 12, Остр. имѣахꙋ, Первоп. какъ въ Новой, Іов. IV. 21, Остр. имѣахꙋ и т. д.).

Иного происхожденія формы имперфекта (отъ глагола дати): 3 ед. даѧше (1 Макк. XIV. 8, 10, Остр. 8, даѧше, 10, дарова́хꙋ), преподаѧше (2 Макк. I. 35, Остр. предаде), продаѧше (Быт. XLI. 56, Остр. такъ же); первое лицо множ. даѧхомъ (Исх. V. 13, Остр. даѧхо̑); третье множ. даѧхꙋ (Іер. XXXVII. 21; Дан. XIV. 32, Остр. такъ же) и т. д. Изъ другихъ особенностей старославянскаго имперфекта, сохранившихся и въ печатномъ церковнославянскомъ, можно отмѣтить колебаніе у глаголовъ съ послѣднимъ согласнымъ основы (корня) губнымъ между формами съ л (развившимся изъ j) и формами безъ л. Формы съ л: ѡскверн҇авлѧхꙋ (Іезек. XIII. 19, Остр. ѡскверн҇авлѧхꙋ), глꙋмлѧшеся (Іов. XXII. 19, Остр. такъ же), поглꙋмлѧхꙋся (Пс. LXXVI. 4, Остр. глꙋмлѧ́ся), разславлѧхꙋ (Прем. С. XVII. 18, Остр. другой текстъ), пріемлѧхꙋ (ibid. XIX. 13. 14, Остр. пріемлѧхꙋ, въспріемлѧхꙋ), ѡскорблѧхꙋ (I. Сир. XLVI. 19, Остр. ѡскорбѧхꙋ, Первоп. какъ въ Новой), граблѧхꙋ (Мих. II. 2, Остр. граблѧхꙋ, Первоп. какъ въ Новой), ꙗвлѧше (1 Макк. IV. 20, Остр. такъ же), поздравлѧхꙋ (ibid. VII. 29, Остр. поздравлѧхꙋся), люблѧше (Быт. XXV. 28, Остр. такъ же), давлѧше (1 Цств. XVI. 14, Остр. такъ же), оумерщвлѧхъ, воспротивлѧшеся (ibid. XVII. 35, Остр. оумръщвѧхъ, въспротивлѧшемися, Первоп. какъ въ Остр.), люблѧхꙋ (XVIII. 16, Остр. такъ же) и т. д. Формы безъ л: любѧше (3 Цств. V. 1, Быт. XXIX, 20, Остр. такъ же; 1 Цств. XIX. 1, Остр. оуго́денъ бѧше), направѧхꙋся (Пс. CXVIII. 128, Остр. направлѧхꙋся, Первоп. направлѧхꙋся), подо́бѧшеся (Іез. XLIII. 3, Остр. подобѧшеся, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Послѣднія значительно рѣже первыхъ, имѣются уже въ

Острожской библіи и, слѣдовательно, ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ памятниковъ. Въ церковнославянскомъ онѣ поддерживались также такими вторичными формами, какъ живѧхъ, живѧше, живѧху и т. д. (см. выше, стр. 364).

Въ общемъ значеніе имперфекта не всегда строго выдержано. Нерѣдки случаи, когда формы имперфекта употребляются на ряду съ формами аориста (у глаголовъ вида несовершеннаго): Неем. III. 2 и слѣд.: „и близъ его созидáша (Остр. съзидáша) мужіе Іерихонстіи и близъ ихъ созидà (О. съзидà) Закхуръ... 3. Врата же рыбная созидáша (О. съзидáша) сынове Асанаевы... 4. И близъ ихъ созидáше (О. съѕидà) изъ Рамоѳы сынъ Уріинъ... и близъ его созидáше (О. соѕидà) Мосолламъ... и близъ ихъ созидáше (О. соѕидà) Садокъ... 5. И близъ ихъ созидáша (О. соѕдáша) Ѳекоимы... 6. И врата старая созидáше (О. соѕидáше) Іоида... 7. созидáша (О. соѕидáша), 8. созидà (О. соѕидà), 9, 10, 11, 12, 14. созидáше (О. соѕидà), 15. созидáше (О. съзидà), 16. созидáше (О. съѕидà), 20, 21. созидáше (О. съѕидáше), 23. созидáше (О. создà) и т. д. Острожская и Первопечатная библіи въ этомъ отношеніи представляютъ болѣе выдержанности. Безразличное употребленіе это коренится въ особенностяхъ живого русскаго языка, знающаго одно прошедшее (praeteritum) вообще и выражающаго болѣе тонкіе оттѣнки глагольнаго дѣйствія помощью такъ называемыхъ *видовъ*. Нѣкоторое смѣшеніе въ значеніи формъ аориста и имперфекта, наблюдаемое въ печатномъ церковнославянскомъ, сказывается и у грамматиковъ.

Л. Зизаній обозначаетъ аористъ терминомъ „мимошедшее“: ꙗви҇х, ꙗвилъ є҇си, ла, ло и ꙗви, ꙗви, ꙗвиховѣ, ва; -ста, -ста, ꙗвихо҇, ꙗвисте, ꙗвиша (л. 57). Рядомъ у него имѣется имперфектъ въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей, обозначаемый терминомъ „протяженное“: ꙗвлѧ҇х, ꙗвлѧлъ є҇си, ла, ло и ꙗвлѧше, ꙗвлѧше (2 и 3 л.); ꙗвлѧховѣ, ва; ꙗвлѧста, ꙗвлѧху (л. 57) и 2) безъ контракціи, обозначенный терминомъ „пресовершенное“: ꙗвлѧа҇х, ꙗвлѧалъ є҇си, ꙗвлѧаше, ꙗвлѧа҇х, ꙗвлѧаховѣ, ꙗвлѧаста, аста; ꙗвлѧахо҇, ꙗвлѧасте, ꙗвлѧаху, ꙗвлѧаша. То же приблизительно находимъ и въ другихъ парадигмахъ Зизанія, напр. въ „молитвенномъ протяженномъ“: да҇ бы ꙗвлѧ҇х;

ꙗ҆влѧ҆ бы є҆сѝ, ла, ло. ꙗ҆влѧ҆шебы, да҆ бы ꙗ҆влѧ҆ховѣ, вабы. стабы. ꙗ҆влѧ҆ста бы, да҆ бы ꙗ҆влѧ҆хѡ, ꙗ҆влѧ҆сте бы, ꙗ҆влѧ҆хꙋ бы (л. 58) и въ „молитвенномъ пресовершенномъ“: дабы ꙗ҆влѧ҆ѧ, ꙗ҆влѧ҆ѧлбы є҆сѝ, ла, ло. ꙗ҆влѧ҆ѧшебы. да҆ бы ꙗ҆влѧ҆ѧховѣ, хова; ꙗ҆влѧ҆ѧстабы (bis), да҆ ꙗ҆влѧ҆ѧхѡ, ꙗ҆влѧ҆ѧстебы, ꙗ҆влѧ҆ѧхꙋбы (тамъ же). Отъ глагола въставáти „протяженное“ является въ такомъ видѣ: „въставáхъ, въставáлъ є҆сѝ, ла, ло, въставá, въставáше, въставáховѣ, ва, въставáста, вáста; въставáхѡ, въставáсте, въставáхꙋ, въставáша“; „пресовершенное“ разнится только отсутствіемъ контракціи: въставаá, въставаáховѣ, въставаáхомъ (л. 67).

Въ то же время „мимошедшее“ (=аористу) представляетъ другую тему, а именно вида несовершеннаго: въстáхъ, въстáховѣ, въстáста, въстáхомъ и т. д. (л. 66 на об.). Какъ видно, и у Зизанія главную роль играютъ не спеціальныя формальныя особенности того или другого *времени* (въ имперфектѣ у него мы находимъ формы аориста, напр. въ 3 л. мн., а также и сложнаго прошедшаго), а извѣстныя формальныя отличія того или другого *вида*. У М. Смотрицкаго въ Моск. изданіи аористъ окрещенъ терминомъ „преходящее“, напр. чтóхъ, чéлъ, члà, члò, чтè; дв. м. и ср. чтóхома (первое изд. чтóхова), чтóста, чтóста, ж. чтóхомѣ (первое изд. чтóховѣ), стѣ, тѣ; множ. чтóхомъ, чтóсте, чтóша (л. 190 на об.).

Имперфектъ же, какъ и у Зизанія, является въ двухъ видахъ: 1) съ контракціей подъ именемъ „прешедшаго“ (=„протяженному“ Зизанія): читáхъ, читáлъ, читáла, ло, читáше; дв. м. и ср. читáхома (1-е изд. читáхова) читáста, ста, ж. читáхомѣ (1-е изд. читáховѣ), читáстѣ, стѣ, множ. читáхомъ, читáсте, читáхꙋ или читáша, 2) безъ контракціи подъ именемъ „мимошедшаго“ (=„пресовершенному“ у Зизанія): читаáхъ, читаáлъ, читаáла, читаáло, читаáше; дв. муж. и ср. читаáхома (1-е изд. читаáхова), читаáста, читаáста; ж. читаáхомѣ (1-е изд. читаáховѣ), читаáстѣ (bis); множ. читаáхомъ, читаáсте, читаáхꙋ или читаáша (л. 191 на об.).

Какъ и у Зизанія, мы находимъ здѣсь смѣсь различныхъ формъ: аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго.

Главную роль играетъ *видъ*, а не временныя формальныя отличія. На чисто видовыхъ отличіяхъ основано и „непредѣльное" время М. Смотрицкаго, представляющее собой въ большинствѣ формъ обыкновенный аористъ (сложный съ тематическимъ гласнымъ -о-): прочто́хъ, проче́лъ, ла, ло̀; прочте́, дв. м. и ср. прочто́хома, прочто́ста, ста, ж. прочто́хомѣ, прочто́стѣ, стѣ; мн. ч. прочто́хомъ, прочто́сте, прочто́ша (л. 191 на об.—192) и т. д.

Такія же формы находимъ и у глаголовъ съ основой неопредѣленнаго наклоненія на и-: „совершеннаго вида преходящее" (аористъ): твори́хъ, твори́лъ, ла, ло, творѝ; дв. муж. и сред. твори́хома, твори́ста, ста, женск. твори́хомѣ, твори́стѣ, стѣ; множ. твори́хомъ, твори́сте, твори́ша (л. 215 на об.); „учащательнаго вида прешедшее" (имперфектъ съ контракціей): творѧ́хъ и проч. якоже чита́хъ; „мимошедшее" (имперфектъ безъ контракціи): творѧа́хъ и проч. ꙗ҆коже читаа́хъ (л. 216). Особенно пеструю смѣсь различныхъ формъ находимъ мы у глагола бы́ти: „вида совершеннаго преходящее" (аористъ): бы́хъ, бы́лъ, ла̀, ло, бѣ̀, дв. муж. и ср. бѣ́хома, бѣ́сма, ста̀, ста̀, женск. бѣ́хомѣ или бѣ́смѣ, бѣ́стѣ, стѣ, множ. бѣ́хо͡м, бѣ́стѣ, бѣ́хꙋ или бѣ́ша (л. 235).

Здѣсь находимъ смѣсь формъ аориста, имперфекта и сложнаго прошедшаго. Такую же смѣсь представляетъ и „прешедшее" (имперфектъ съ контракціей): бы́хъ (аористъ), бы́лъ, была̀, ло (сложное прошедшее), бы́сть (аористъ) или бѧ́ше (имперфектъ); двойственное число муж. и средн. рода: бы́хома или бы́сма, ста, ста, женскаго бы́хомѣ или бы́смѣ, бы́стѣ, бы́стѣ; множеств. бы́хомъ, сте (аористъ), бѧ́хꙋ (имперфектъ) или бы́ша (аористъ) (л. 235 на обѣихъ сторонахъ). „Мимошедшее" образуется уже отъ „учащательнаго вида": бываа́хъ, якоже, читаа́хъ (л. 235 на обор.). Еще болѣе пестрый видъ представляютъ соотвѣтствующія парадигмы глагола вѣ́мь: „совершеннаго вида преходящее"—вѣдѣͯ, вѣдѣ́лъ, ла, ло, вѣдѣ, двойств. м. и ср. вѣдѣ́хома, вѣдѣ́сма, вѣдѣ́ста, ста; женск. вѣдѣ́хомѣ, вѣдѣ́смѣ, вѣдѣ́стѣ, вѣдѣ́стѣ; множ. вѣдѣ́хомъ, вѣдѣ́стѣ, вѣдѣ́хꙋ или вѣдѣ́шѧ (л. 238 на обор. и 239). „Прешедшее" вѣдѣͯ (отчего не вѣдѧ́хъ?), вѣдѧ́лъ, ла, ло, ѧ́ше; двойств. м. и ср. вѣдѧ́хома, вѣдѧ́сма, ѧ́ста, ста; ж. вѣдѣ-

хомѣ или вѣдѣсмѣ, жстѣ, стѣ; множ. вѣджхомъ, вѣдсте, вѣджхꙋ или вѣджшж (л. 239). Интересны и парадигмы глагола ꙗмь, представляющія не мало новообразованій — „преходящее совершеннаго вида“ (аористъ сложный второй) ꙗдохъ, ꙗлъ, ла, ло, ꙗде; двойств. м. и ср. ꙗдохома, ꙗдосма, ꙗдоста, доста, ж. р. ꙗдохомѣ, ꙗдосмѣ, стѣ; множ. ꙗдохо, ꙗдосте, ꙗдоша (л. 243). „Прешедшее“ (имперфектъ): ꙗджхъ, ꙗлъ, ла, ло, ꙗджше; двойств. м. и ср. ꙗджхома, ста, джста; женск. ꙗджхомѣ, ꙗджстѣ, стѣ; множ. ꙗджхѡ, ꙗджсте, ꙗджхꙋ (формы ꙗджшж нѣтъ, хотя у глагола вѣмь находимъ вѣдѣхꙋ, вѣджхꙋ, рядомъ съ вѣдѣшж, вѣджшж). „Мимошедшее“ образовано уже отъ „учащательнаго вида“: ꙗдаахъ, якоже читаахъ (л. 243 на обор.). Глаголъ снѣмь имѣетъ у М. Смотрицкаго двѣ формы сложнаго аориста („непредѣльное учащат. вида“): 1) вторую форму съ соединительнымъ гласнымъ -о-: снѣдохъ, снѣлъ, ла, ло, снѣде; двойств. м. и средн. снѣдохома, снѣдоста, ста; жен. снѣдохомѣ, стѣ, стѣ; множ. снѣдохомъ, снѣдосте, доша (л. 243 на обор. и 244) и 2) первую форму: снѣхъ, снѣлъ, ла, ло, снѣ; двойств. м. и ср. снѣсма, снѣста, снѣста; ж. снѣсмѣ, снѣстѣ, снѣстѣ; множ. снѣхомъ, снѣстѣ, снѣша. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, грамматика М. Смотрицкаго представляетъ не мало формъ, чуждыхъ библейскому тексту и являющихся результатами морфологической ассимиляціи къ разнымъ дѣйствительнымъ формамъ. Таковы, напр. оригинальныя формы 1 л. двойств. числа бѣсма, бѣсмѣ, бысма, бысмѣ, вѣдѣсма, вѣдѣсмѣ, вѣджсма, -ѣ, ꙗдосма, -ѣ, снѣсма, -ѣ, вызванныя вліяніемъ втораго и третьяго лица того же числа: бѣста, быста, вѣдѣста и т. д. и въ библейскомъ текстѣ совсѣмъ не встрѣчающіяся. Новообразованіемъ является и форма третьяго лица ед. ч. аориста снѣ, рядомъ съ 1 л. снѣхъ, образованная по типу имѣ, рядомъ съ 1 л. имѣхъ, видѣ || видѣхъ и т. д. (стсл. **имѣ** || **имѣхъ**). Смѣшеніе формъ имперфекта и аориста, имѣющееся въ нѣкоторыхъ парадигмахъ и указывающее на отсутствіе рѣзкаго различія между этими двумя временами, замѣчается не вездѣ. Такъ, рядомъ съ вѣдѣхꙋ имѣется вѣдѣшж и рядомъ съ вѣджхꙋ—вѣджшж, хотя рядомъ съ ꙗджхꙋ нѣтъ аори-

стической формы. Какъ бы то ни было, грамматика М. Смотрицкаго также подтверждаетъ сказанное выше (на стр. 369) о паденіи спеціальныхъ аористическаго и имперфектнаго временныхъ оттѣнковъ.

§ 24. *Причастія прошедшаго времени.* Въ старославянскомъ имѣлись слѣдующія формы причастій прошедшаго времени дѣйствительнаго залога: 1) причастіе прошедшее дѣйств. залога первое (= индоевроп. причастію перфекта дѣйств. з.), образуемое отъ основы неопредѣленнаго наклоненія при помощи суффиксовъ **-ъс-** (у основъ на согласный) и **-въс-** (у основъ на гласный); у глаголовъ четвертаго класса съ послѣднимъ гласнымъ основы въ неопредѣленномъ наклоненіи и настоящемъ времени **-и** возможны были и тѣ и другія образованія (**хвалль** и **хваливъ**); 2) причастіе прошедшее дѣйств. залога второе съ суффиксами **-лъ, -ла, -ло,** никогда не являющееся самостоятельно, а всегда въ сочетаніи съ разными формами вспомогательнаго глагола въ различнаго рода „описательныхъ“ временахъ.

Въ церковнославянскомъ всѣ эти образованія сохранились, но рядомъ являются и различныя новообразованія.

Исконныя формы причастія прошедшаго перваго: простыя— м. р. у основъ на согласный: вшéдъ (Тов. VI. 15, Остр. другой текстъ), совлéкъ (2 Макк. IV. 38, Остр. 3 ед. аор.), всѣ́дъ (Захар. I. 8, Остр. всѣдъ), впрѧ́гъ (Быт. XLVI. 29, Остр. въпрѧгъже), шéдъ (ibid. 31, Остр. ж. р. въ значеніи мужескаго шедъши, Первоп. какъ въ Новой), прошéдъ, ѡ҆бшéдъ (Іов. II. 2, Остр. о҆бхо́жь, прохо́ждь), поéмъ (Быт. XII. 19, Остр. поѥмъ), вземъ (2 Макк. V. 5, Остр. 3 аор. взѧтъ), ѥ҆мьсѧ (2 Цств. I. 11, Остр. ѥ҆мсѧ, Первоп. ѥ҆мсѧ) и т. д. У основъ на гласный: бы́въ (2 Макк. I. 13, Остр. 3 ед. аор., V. 15, Остр. другой текстъ, ibid. 18, Остр. другой текстъ, Исх. II. 11, Остр. бывъ), плю́нꙋвъ (ibid. VI. 20, Остр. и Первоп. прич. настоящ. ж. р. въ значеніи муж. плю́ющи), разꙋмѣ́въ (Исх. II. 11, Остр. разꙋмѣвъ), поразивъ (ibid. 12, Остр. оу҆бивъ), ꙗ҆ви́всѧ (Быт. XLVI. 29, Остр. 3 л. аор. показа́жесѧ), прикоснꙋ́всѧ (Лев. V. 3, Остр. такъ же), раста́явъ (Псалт. LVII. 9, Остр.

растаже), оутѣшився (Ис. XXXVIII. 16, Остр. оутѣшився) и т. д. У глаголовъ IV-го класса съ послѣднимъ гласнымъ основы неопред. наклоненія и настоящаго времени -и-: сотво́рь (2 Макк. VIII. 35, Остр. сътворъ, Первоп. какъ въ Новой), соста́вль (3 Макк. II. 5, Остр. 2 л. ед. аор. ѡ̑ста́ви, Первоп. ѿста́вль), испо́лнь (Пс. XXXII. 5, Остр. исполнь), ѿмочь (Іоан. XIII. 26, Остр. ѡ̑мо́чь), присту́пль (Матѳ. XXVII. 58, Остр. приступль), погу́бль (Лук. XV. 4, Остр. погубль) и т. д. Подобныя формы въ общемъ рѣдки и иногда замѣняются въ Новой б. формами съ суффиксомъ -въ: ѿложи́въ (2 Макк. VIII. 35, Остр. ѿтложъ, Первоп. ѿло́жъ), сотвори́въ (Лук. X. 25, Остр. сътвори́въ, Зогр. сътворь), всади́въ (ibid. 34, Остр. всади́вже, Зогр. въсаждь) и т. д. Женск. рода: ѿтве́рзши (Тов. VIII. 13, Остр. другой текстъ), изше́дши (ibid. 14, Остр. форма м. р. въ значеніи ж. р. ѡ̑бра́щся), приише́дши (Руѳь II. 3, Остр. 3 л. аор. пріиде), изе́мши (Юд. XIII. 15, Остр. 3 л. ед. аор. изя́т), поимши (Быт. XVI. 3, Остр. такъ же), заче́нши (ibid. IV. 1, Остр. такъ же), взе́мши (ibid. XXIV. 65, Остр. взе̑ши), воста́вши (ibid. 61, Остр. въставши), воззрѣвши (ibid. 64, Остр. възрѣвше какъ ж. р. Первоп. возрѣвши) и т. д. Изрѣдка формы ж. р. употребляются въ значеніи м. р.: пони́кши (I. Сир. XII. 11, врагъ пойдетъ —, Остр. и Первоп. такъ же), какъ въ современномъ русскомъ. Въ Острожской библіи это употребленіе немного чаще, чѣмъ въ Новой. Въ ней встрѣчается также и имен. множеств. въ значеніи именит. ед. ж. р. Простыя формы средняго рода не встрѣчаются. Рядомъ съ простыми формами, имѣются сложныя, свойственныя и старославянскому: м. р. оуме́рый (3 Цств. III. 22, Остр. оумрыи, Первоп. оумрый, 2 Макк. VI. 26, Остр. сконча̑), оукрадый (Исх. XXII. 7, 8, Остр. оукра́дыи, Первоп. оукра́дый), положи́вый (2 Цств. XXII. 34, 35, Остр. и Первоп. полага́я), возврати́вый (3 Цств. XIII. 26, Остр. възвративыи), бы́вый (2 Макк. XIV. 3, Остр. бывыи, Втор. XXII. 29, Остр. другой текстъ), оуби́вый (Исх. XXI. 13, Остр. оуби́выи), прикосну́выйся (ibid. XIX. 12, Остр. такъ же), ѡ̑бѣща́вый (Числ. VI. 18, Остр. ѡ̑бѣщавыи), оуцѣлѣвый (I. Нав. X. 37, Остр.

другой текстъ), споборствовавый (ibid. XXIII. 3, Остр. иже поможе), пустивый (Iов. XXXIX. 5, Остр. пустивыи), создавый (Пс. XCIII. 9, Остр. създавыи), помянувый (Ис. LXIV. 7, Остр. другой текстъ), развѣявый (Iерем. XXXI. 10, Остр. развѣявыи, Первоп. какъ въ Новой), оуслышавый (Iезек. XXXIII. 4, Остр. слышавыи), поразивый (Дан. II. 35, Остр. иже раздрази), явивыйся (Быт. XXXI. 13, Остр. явивыися) и т. д. Женскаго рода: ѡставшаяся (I. Нав. XIII. 2, Остр. оставленая), бывшая (Суд. XX. 12, Остр. бывшая), пришедшая (Руѳь II. 6, Остр. пришешая), возлюбившая (ibid. IV. 15, Остр. възлюбившая), родившая (Iер. L. 12, Остр. стар. им. ед. родившія, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Здѣсь, какъ и у причастій настоящаго времени (см. выше, стр. 342), замѣчается морфологическая ассимиляція къ сложнымъ именамъ прилагательнымъ или мѣстоименіямъ (стсл. **добра-ıа** и т. д.), свойственная русскому языку. Исконная форма еще встрѣчается (весьма рѣдко) въ Острожской библіи, но уже въ Первопечатной находимъ указанныя новообразованія (Iер. L. 12), исключительно господствующія въ Новой. Средній родъ имѣетъ только сложную форму: бывшее (3 Макк. I. 1, Остр. такъ же), ѡбрѣтшееся (Быт. XLVII. 14, Остр. еже обрѣте), падшее (Лук. VIII. 14, Остр. пашее, Зогр. **падъшеѥ**), носившее (ibid. XI. 27, Остр. такъ же, Зогр. ношьшее) и т. д. Подъ вліяніемъ подобныхъ сложныхъ формъ, ж. и ср. р., имѣвшихся уже въ старославянскомъ, а также и косвенныхъ падежей, является вторичная форма им. ед. м. р. съ суффиксомъ -шій: оумершій (3 Цств. III. 23, Остр. оумръшіи), шедшій (2 Пар. XVIII. 12, Остр. 3 л. ед. аор. иде), пошедшій (Тов. XI. 5, Ост. другой текстъ) поставльшій (2 Макк. V. 22, Остр. р. ед. поставльшаго), бывшій (1 Цств. IV. 16, Остр. есть), забывшій (Притчи С. II. 17, Остр. забывыи, Первоп. забывый), оумолкнувшій (Iез. XXVII. 32, Остр. оумолкіи, Первоп. оумолкій) и т. д. Форма эта тожественна съ винит. ед. сложнаго причастія м. р. (свойственнымъ и старославянскому), напр., нашедшій (Вар. IV. 9, Остр. нашешіи) и т. д., но въ значеніи им. ед. она встрѣчается главнымъ образомъ въ

Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной находимъ на ея мѣстѣ или исконныя сложныя формы, или другіе обороты. У глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. наклоненія на и- находимъ сложныя формы, представляющія собой русскую окраску свойственныхъ и старославянскому исконныхъ формъ, въ родѣ **хвалый, хвалии**: рождейся (Матѳ. II. 2, Остр. рожейся), ѡбращейся (вин. ед. Исх. VII. 15, Остр. иже бѣ испровергъся), насаждей (Ис. XCIII. 9, Остр. насаждеи), оутверждей (Ис. XLII. 5, Остр. оутвержеи), избавлей (ibid. XLIV. 6, Остр. избавлеи), порождей (1 Петра I. 3, Остр. порожеи) и т. д. Формы эти имѣются не только въ Острожской библіи, но и въ болѣе древнихъ рукописныхъ памятникахъ.

Причастія прошедшаго времени съ суффиксами **-лъ, -ла, -ло** въ простой формѣ встрѣчаются только въ различныхъ описательныхъ временахъ: муж. рода, у основъ на гласный ялъ еси, пилъ еси (3 Цств. XIII. 22, Остр. такъ же), пользовался еси (Мр. VII. 11, Остр. пльзевалъ, Первоп. ползовался), возвеселился быхъ (Л. XV. 29, Остр. възвеселилъся) и т. д.; у основъ на согласный: помоглъ еси (3 Макк. II. 10, Остр. 2 ед. аор. поможе), реклъ еси (Исх. XXXII. 13, Остр. такъ же), нанеслъ вы (Юд. VIII. 8, Остр. другой текстъ), ѡблеклъ еси (Іов. X. 11, Остр. 2 л. ед. аор. облече, Первоп. ѡблече, на полѣ лъ еси), достиглъ еси (ibid. XI. 7, Остр. 2 л. аор. остави), навыклъ еси (ibid. XXXVIII. 18, Остр. оувѣси), погиблъ еси (Іезек. XXVI. 17, Остр. и Первоп. 2 л. аор. погибе) и т. д. женскаго рода у основъ на гласный: пощадѣла, пособствовала еси (Юд. XIII. 20, Остр. другой текстъ), оукрасилася, оусладилася еси (П. П. VII. 6, Остр. 2 л. ед. аор. оукрасися, осладися, Первоп. оукрасися, ѡсладися) и т. д.; у основъ на согласный: привлекла еси (ibid. IV. 9, Остр. другой текстъ—оусрѣдны сътвори), ѿшла, пришла еси (Юд. XI. 3, Остр. 2 л. аор. ѿиде, Первоп. ѿиде, а на полѣ -шла еси) и т. д.; средняго рода: бяше ѡстало (3 Езд. XI. 23, Остр. остало) и т. д.

Сложныя формы являются самостоятельно со значеніемъ именъ прилагательныхъ. какъ въ живомъ русскомъ языкѣ: м. р. ѡбет-

ша́лый (зват. ед. Дан. XIII. 52, Остр. обетша́лче, Первоп. ѡбетша́лчє), сме́рзлый (Іов. VI. 17, Остр. причастіе прош. первое сме́рзъсѧ, Первоп. сме́рзсѧ), и т. д. женск. рода: запѹстѣлаѧ (зват. ед. Іерем. IV. 30, Остр. запѹстѣнна, Первоп. запѹстѣна), созрѣлаѧ (Іов. V. 26, Остр. съзрѣла, Первоп. созрѣла) и т. д. Эти формы очень рѣдки и являются только въ Новой библіи; въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другія образованія или простыя формы.

Приблизительно такъ же представляются причастія дѣйств. прошедш. времени у грамматиковъ XVI и XVII вв.

Такъ у Л. Зизанія находимъ слѣдующія формы причастія прошедшаго перваго: 1) „мимошедшее": ꙗ́вивы, ꙗ́ви,-вшаѧ, вшеє (л. 59). Здѣсь имѣемъ рядомъ формы сложныя и простыя (ꙗ́вивъ), безъ всякой дифференціаціи; въ ж. р. та же морфологическая ассимиляція къ сложнымъ прилагательнымъ, о которой было сказано выше (стр. 375); вторичная сложная форма м. р. на -шїй отсутствуетъ; 2) „непредѣльное": м. р. ꙗ́влши, ꙗ́вль, ꙗ́лей, ж. р. ꙗ́влши,-аѧ; ср. р. ꙗ́влшеє (ibid.).

Тѣ же приблизительно отношенія находимъ на листѣ 68-мъ: 1) „мимошедшее": м. р. спасъ ісѧ, спа́съсѧ (рядомъ простая и сложная формы, какъ выше); ж. р. спашисѧ (одна простая форма, тогда какъ выше приводилась только одна сложная), средн. р. спа́съшеєсѧ; 2) „непредѣльное": муж. р. спа́съшїйсѧ (вторичная сложная форма на -шїй), ж. р. спа́съшисѧ (одна простая форма); ср. р. спшеє(сѧ).

Въ томъ же родѣ формы прошедшаго причастія перваго отъ глагола гласи́ти (л. 70): „мимошедшее"—гласи́вы, гласи́въ; гласи́вшаѧ; гласи́вшеє; „непредѣльное": възгласи́вшїй, възгла́шъ; възгласи́вши, възгласи́вшаѧ; възгласи́вшеє; отъ глагола би́ти (л. 74): „мимошедшее"—би́вый, би́вшаѧ, би́вши (простая и сложная формы рядомъ), би́вшеє; „непредѣльное"—би́вшїй, би́вши, би́вшаѧ, би́вшеє и т. д.

Приведенныхъ формъ достаточно, чтобы видѣть, что распредѣленіе различныхъ причастныхъ формъ по временамъ произведено у Л. Зизанія большею частью на основаніи однихъ видо-

выхъ отличій, и то далеко не послѣдовательно; попытки къ дифференціаціи различныхъ формъ по значенію наблюдаются (ср. „мимошедшее" м. р. би́вый, гласи́вы, спасъ́їсѧ, ѧ́ви́вы, но „непредѣльное" би́вшій, възгласи́вшій, спа́съшійсѧ, ѧ́вльшї и т. д.), но онѣ не могли быть проведены послѣдовательно (ср. „мимошедшее" ж. р. би́вшаѧ, би́вши, ср. р. би́вшее и „непредѣльное" би́вши, би́вшаѧ, би́вшее), что объясняется чисто „видовыми" основаніями quasi временъ Зизанія. Противоположенія простыхъ формъ сложнымъ, какъ у Мелетія Смотрицкаго, мы здѣсь не находимъ. Второе причастіе прошедшее съ суффиксами **-лъ, -ла, -ло** у Зизанія не представляетъ никакихъ особенностей, такъ что приводить его примѣры является лишнимъ.

У Мелетія Смотрицкаго картина болѣе сложна. Какъ и у причастій настоящаго времени (см. выше, стр. 343) онъ противополагаетъ другъ другу формы сложныя и простыя. Первыя получаютъ названіе „причастій", а вторыя „дѣепричастій". Распредѣленіе различныхъ формъ по фиктивнымъ „временамъ" основано, какъ и у Зизанія, на видовыхъ оттѣнкахъ. Такъ имѣются слѣдующія „причастія": 1) „вида совершеннаго преходящее" м. р. чте́и или че́тшіи; ж. р. че́тшаѧ; ср. р. че́тшее (л. 198 на обор.); 2) „вида учащательнаго прешедшее"—м. р. чита́выи; ж. р. чита́вшаѧ; ср. р. чита́вшее; 3) „мимошедшее"—м. р. читаа́выи; ж. р. читаа́вшаѧ; ср. р. читаа́вшее; 4) „непредѣльное"— м. р. прочте́и или проче́тшіи; ж. р. проче́тшаѧ; ср. р. проче́тшее (л. 199 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола твори́ти: 1) „вида совершеннаго преходящее"—м. р. тво́ре́й или тво́ршіи (л. 219 на об.), ж. р. тво́ршаѧ, ср. р. тво́ршее или твори́выи, твори́вшаѧ, твори́вшее; 2) „вида учащательнаго прешедшее"— творѧ́выи и прочая, якоже чита́выи; 3) „мимошедшее" — творѧ́авыи и прочая, якоже читаа́выи; 4) „непредѣльное"—м. р. сотворе́и или сотво́ршіи, ж. р. сотво́ршаѧ, ср. р. сотво́ршее (л. 220 на обѣихъ сторонахъ). Отъ глагола бы́ти имѣется только 2) „вида совершеннаго прешедшее" — м. р. бы́выи или бы́вшіи, ж. р. бы́вшаѧ; ср. р. бы́вшее (л. 237 на обор.); отъ вѣ́дѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее"—м. р. вѣ́дѣвыи или вѣ́дѣвшіи, ж. р.

вѣдѣвшаѧ, ср. р. вѣдѣвшєє; 2) „прешедшее“—м. р. вѣдѣи или вѣдшїи, жен. р. вѣдшаѧ, ср. р. вѣдшєє (по типу глаголовъ IV-го класса съ основой неопред. накл. на и-); 4) „непредѣльное“—м. р. оувѣдѣи, оувѣдшїи, ж. р. оувѣдшаѧ, ср. р. оувѣдшєє (л. 241 на обѣихъ стор.); отъ глагола ймѣти: 1) „вида совершеннаго преходящее“ и 2) „прешедшее“ м. р. ймѣвыи или ймѣвшїи, ж. р. ймѣвшаѧ, ср. р. ймѣвшєє; 4) „непредѣльное“ — м. р. воймѣвыи, яко же ймѣвыи (л. 249) и т. д. Приведенныя формы представляютъ собой смѣсь дѣйствительныхъ съ чисто теоретическими или встрѣчающимися въ искусственномъ книжномъ языкѣ. Формы въ родѣ „мимошедшихъ“ причастій читаавыи, творѧавыи или „прешедшаго“ творѧвыи въ библейскихъ текстахъ не встрѣчаются. Извѣстныя „времена“, въ родѣ „непредѣльнаго“, представляютъ собой просто формы другого вида; на чисто видовыхъ отличіяхъ основано и различеніе „преходящаго“ (напр. чтєи или чєтшїи) отъ „прешедшаго“ (читавыи). Распредѣленіе формъ по различнымъ quasi временамъ не всегда послѣдовательно; такъ формы вѣдѣи и вѣдшїи и т. д., образованныя по типу творєй, творшїи и т. д., отнесены къ „прешедшему“ (какъ творѧвыи, читавыи), а формы вѣдѣвыи, вѣдѣвшїи и т. д. (одинаковыя съ „прешедшими“ читавыи и творѧвыи) къ „преходящему“. Своеобразны формы творѧвыи (по типу читавыи, а также подъ вліяніемъ основы имперфекта творѧхъ) и читаавыи, творѧавыи (подъ вліяніемъ формъ имперфекта безъ контракціи).

Можно отмѣтить также, что вторичныя формы причастія им. ед. м. р. на -шїй у глаголовъ чести, читати имѣются только въ „преходящемъ“ и „непредѣльномъ“, а въ „прешедшемъ“ и „мимошедшемъ“ ихъ нѣтъ. У другихъ глаголовъ, однако, находимъ эти формы и въ „прешедшемъ“ (вѣдшїй). Простыя формы, или „дѣепричастія“, по терминологіи Смотрицкаго, представляютъ также нѣсколько новообразованій: „вида совершеннаго преходящее“—м. р. четъ (стсл. **несъ**) или четшъ; источникомъ послѣдней формы является винит. ед. (стсл. **несъшь**, ср. р. 2 Петра I, 18: и сей гласъ мы слышахомъ съ нбсе сшедшъ... Остр. съшешъ.

Іез. XXVI. 19: да́мъ тѧ̀ гра́дъ ѿпꙋстѣ́вшъ, Остр. ѻ̓пꙋстѣвшъ и т. д.), ж. р. че́тши (стсл. **несъши**), ср. р. че́тше (въ старославянскомъ **несъ**, какъ именит. м. р.; форма **несъше** употребляется только, какъ вин. ед.); „прешедшее учащательнаго вида“ —м. р. чита́въ или чита́вшъ, ж. р. чита́вши, ср. р. чита́вше; „мимошедшее“—м. р. читаа́въ или читаа́вшъ, ж. р. читаа́вши, ср. р. читаа́вше (л. 200 на обѣихъ сторон.), „непредѣльное“—м. р. проче́тъ или проче́тшъ, ж. р. проче́тши, ср. р. проче́тше (л. 201); отъ глагола твори́ти „преходящее совершеннаго вида“ — м. р. тво́рь, ж. р. тво́рши, ср. р. тво́рше (стсл. **творь, творьши, творь**) или твори́въ, ж. р. твори́вши, ср. р. твори́вше; „учащательнаго вида прешедшее“— творѧ́въ, „мимошедшее“ творѧа́въ, „непредѣльное“—м. р. сотво́рь, ж. р. сотво́рши, ср. р. сотво́рши (л. 220 на об. и 221 на обѣихъ сторонахъ). Точно такія же формы имѣются и у глагола бы́ти: „прешедшее совершеннаго вида“ — м. р. бы́, ж. р. бы́вши, ср. р. бы́вше (л. 238), у глагола вѣ́дѣти: „преходящее вида совершеннаго“—м. р. вѣ́дѣвъ или вѣ́дѣвшъ, ж. р. вѣ́дѣвши (л. 242), ср. р. вѣ́дѣвше (ibid. на оборотѣ); „прешедшее“—м. р. вѣ́дь (по типу стсл. **творь**) или вѣ́дшъ, ж. р. вѣ́дши (какъ стсл. **несъши**), ср. р. вѣ́дше (какъ стсл. винит. ед. **несъше**); „непредѣльное“ — ᲂу̓вѣ́дь или ᲂу̓вѣ́дшъ, ж. р. ᲂу̓вѣ́дши, ср. р. ᲂу̓вѣ́дше (л. 242 на об. и 243) и т. д. Сказанное выше (стр. 378—79) о распредѣленіи „причастій“ Смотрицкаго по временамъ имѣетъ силу и въ отношеніи его „дѣепричастій“. И здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто видовыми оттѣнками. Находимъ здѣсь также и образованія отъ основы имперфекта съ контракціей и безъ контракціи, совершенно отсутствующія въ библейскомъ текстѣ.

Причастія прошедшія страдательнаго залога, кромѣ обычныхъ старославянскихъ образованій съ суффиксами **-тъ,-та,-то, -енъ,-ена,-ено,** и **-нъ,-на,-но,** представляютъ также довольно часто новообразованія съ суффиксами -енный, -нный, чуждыя старославянскому. Примѣры этихъ сравнительно новыхъ формъ, ведущихъ свое начало еще изъ XIII-го вѣка и вызванныхъ вліяніемъ отпричастныхъ прилагательныхъ съ стсл. суффиксомъ **-н-ьнъ** (ср. А. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 2.

1891, стр. 235), довольно часты: 1) суффиксъ -енnъ (=ен+ьнъ); сосꙋди, и ѡлтарь, и домъ... ѡсвѧщенна быша (Юд. IV. 3, Остр. другой текстъ); домове измлаченны бꙋдꙋтъ (Іер. LI. 33, Остр. друг. текстъ); падꙋтъ избіенніи... ꙗзвенніи (ibid. 4. Остр. избіеніи, ꙗзвеніи, Первоп. избіеніи, ꙗзвеніи); возстенꙋтъ ꙗзвенніи твои (Іезек. XXVI. 15, Остр. ꙗзвеніи, Первоп. ꙗзвеніи), приносѧше... испещреннаѧ (ibid. XXVII. 24, Остр. другой текстъ); гради разоренніи, раскопанніи, забралы оутвержденни сташа (ibid. XXXVI. 35, Остр. опꙋстѣвшіи и раскопаніи, оутвержени, Перв. -ѣвшіи, -аніи, -ени); возградихъ разоренныѧ и насадихъ погꙋбленныѧ (ibid. 36, Остр. и Первоп. разореныѧ, погибшаѧ); пріидеши на землю извращеннꙋю (ibid. XXXVIII. 8, Остр. и Первоп. ѿвращенꙋю); оукрашенна была еси (Іез. XVI. 13, Остр. и Перв. оутварена); и трапеза оукрашенна пред лицемъ еѧ (ibid. XXIII. 41, Остр. оукрашенна); вземлѧ сщенныѧ сосꙋды и ꙗже ѿ иныхъ царей положеннаѧ (2 Макк. V. 16, Остр. иже... бѣхꙋ поставлена, Первоп. также поставлена); оущедрити... храмъ ѿ нечестивыхъ члвѣкъ ѡскверненный (2 Макк. VIII. 2, Остр. оскверненѧемый, Первоп. ѡскверненѧемый); помиловати... разоренный градъ (ibid. VIII. 3, Остр. опꙋстѣныи, Первоп. ѡпꙋстѣный); частыми дщицами ѡбложенными ѿ свѣта заключени быша (3 Макк. IV. 8, Остр. обложени); плачите живꙋщіи въ посѣченнѣй (Соф. I. 11, Остр. впожженеи, Первоп. впожженѣй); градъ ѡпредѣленный оубившемꙋ, Кедесъ... (І. Нав. XXI. 32, Остр. нареченныи); грады ѿлꙋченныѧ (ibid. 27, Остр. нареченыа, Перв. нареченныѧ); чаша анѳраза предложеннаѧ (Эсѳ. I. 8, Остр. предълежаща); изможденна бꙋди крѣпость ихъ (Іов. V. 5, Остр. измождана, Первоп. измождана); рече разслабленномꙋ (Лук. V. 24, Зогр. **ослабленоумоу**, Остр. и Первоп. раслабленомꙋ); насыщенніи (Лук. VI. 25, Зогр. **насыштенни**, Остр. и Первоп. насыщеніи); прокаженніи (ibid. VII. 22, Зогр. **прокаженні** Остр. и Первоп. прокаженіи); рожденныхъ (ibid. 28. Зогр. **рожденъіхъ**, Остр. вроженыхъ, Перв. врожденныхъ), и т. д.

Суффиксъ -нный и т. д.: сотвори... корабли, изваѧнныѧ (1 Макк. XIII. 29, Остр. изваѧны, Первоп. изваѧны); ꙗкоже вѣ

Йліодѡръ по́сланный (2 Макк. V. 18, Остр. по́сланыи, Первоп. посланый); вышепи́санныхъ собра́вше... посла́ти... оу҆́зами... ѿкова́нныхъ (3 Макк. III. 18, Остр. назнаменова́нныхъ, ѻ҆кова́нныхъ); оу҆кор́ѧлъ ѿ содѣ́ѧнныхъ (ibid. VII. 6, Остр. ѻ҆ бы́вшихъ); ꙗ҆́же... ѡ҆бѣща́нна сꙋ́ть (3 Езд. IV. 27, Остр. что ѻ҆бѣща́нна сꙋ́ть); бл҃гово́ніе ѡ҆бонѧ́нїѧ неизслѣ́дованнагѡ (3 Езд. VI. 44, Остр. ѻ҆бонѧ́ніе ѻ҆бонѧ́нію неи҆зслѣ́дова́ны); а҆́ще оу҆бѡ а҆рхїере́й пома́занный согрѣши́тъ (Лев. IV. 3, Остр. пома́занныи); сі҆ѧ̀ и҆мена̀ сынѡ́въ А҆арѡ́нихъ, жерцы̀ пома́занныѧ (Числ. III. 3, Остр. и Перв. пома́заныѧ); всѝ согл́ѧданнїи Леѵі́ты (Числ. IV. 46, Остр. р. множ. сущ. съглѧда́нїи), и҆ бы́ша согл́ѧданнїи 8580 (ibid. 48, Остр. им. множ. сущ. съглѧда́нїѧ); сꙋдбы̀ Гд҃ни... ѿправда́нны (Пс. XVIII. 10, Остр. ѻ҆правда́нны)... возжелѣ́нны (ibid. 11, Остр. вжелѣ́нны); ѡ҆кова́нныѧ нището́ю и҆ желѣ́зомъ (Пс. CVI. 10, Остр. ѻ҆кова́ны҃, Первоп. какъ въ Новой); не поста́влю тебѣ̀... въ гра́ды неѡбита́нны (Іер. XXII. 6, Остр. необита́нны); посѣкꙋ́тъ и҆збра̑нныѧ ке́дры твоѧ̑ (ibid. 7, Остр. и҆зͯбра́нныѧ); возмѝ кни́гꙋ сі́ю... запечатлѣ́ннꙋ и҆ кни́гꙋ прочте́нꙋю (Іер. XXXII. 14, Остр. скꙋпленыѧ, почтеныѧ, Первоп. скꙋпле́ныѧ, почте́ныѧ); до́мы твоѧ̑ вожделѣ̑нныѧ разори́тъ (Іер. XXVI. 12, Остр. похо́тныѧ, Первоп. по́хотныѧ); оу҆гото́висѧ са́мъ ты̀ и҆ ве́сь со́нмъ тво́й со́бранный (ibid. XXXVIII. 7, Остр. събраныи, Первоп. собра́ный); прі́имꙋ... ꙗ҆́ростїю и҆злі́ѧнною (ibid. XX. 34, Остр. разлїаною, Первоп. разлі́ѧною); и҆ въ ꙗ҆́рости и҆злі́ѧннѣй ца́рствовати бꙋ́дꙋ... (ibid. 33, Остр. разлі́ѧнѣ, Первоп. разлі́ѧнѣ); по рꙋкотворе́нїемъ ва́шимъ растлѣ̑ннымъ (ibid. 44, Остр. расы́панымъ, Первоп. разͯсы́панымъ), зва́ннымъ (Лук. XIV. 7, Зогр. **зъванꙑмъ**, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); зва́нными (ibid. 10, Зогр. **зъванꙑми**, Остр. и Первоп. зва́нными), и҆збра́нныхъ (ibid. 24, Зогр. нѣтъ, Остр. и Первоп. какъ въ Новой); оу҆пита́нный (Лук. XV. 23, Зогр. **оупитанꙑ**, Остр. оу҆пита́нныи), оу҆пита́нна (ibib. 27, Зогр. **оупитѣнꙑ**, Остр. оу҆пита́нны҃) и т. д.

Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что формы съ -н- (цсл. -нн-) встрѣчаются уже въ Острожской библіи, но далеко не такъ часто, какъ въ Новой; Первопечатная въ этомъ отно-

шеніи лишь немного ближе къ послѣдней и въ огромномъ большинствѣ случаевъ представляетъ тѣ же формы съ -н-, что и Острожская. Можно замѣтить еще, что въ Острожской библіи особенно рѣдки вторичныя формы съ суффиксомъ -енный, тогда какъ формы на -нный не рѣдки. Встрѣчаются рядомъ и сложныя, и простыя формы. На ряду съ этими новообразованіями безразлично употребляются исконныя формы на -еный, -ный: возми книгꙋ сїю запечатлѣннꙋ, и книгꙋ прочтенꙋю (Іер. XXXII. 14); не бѣ сердце его совершено (3 Цств. XV. 3, Остр. съвръшено, Первоп. какъ въ Новой) и рядомъ сердце Асы бѣ совершенно (ibid. 14, Остр. съвръшенно, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. создано бысть (Іис. Сир. XL. 1), бѧше... свѧзанъ (Іерем. XXXIII. 1) и бѣ Иліодѡръ посланный (2 Макк. V. 18) и т. д.

Причастіе прошедшее страд. съ суффиксомъ -тъ встрѣчается также и въ простой, и въ сложной формѣ (послѣдняя въ значеніи имени прилагательнаго): ꙗты быша (Іер. LI. 56, Остр. изымани), взѧтъ бысть (ibid. 31, Остр. взѧсѧ), взѧта бысть (Быт. II. 23, Остр. възѧта) и т. д. ꙗкоже пшеница... пожатаѧ (Іов. V. 26, Остр. пожата, Первоп. пожата), поборю рꙋкою простертою (Іер. XXI. 5, Остр. в. ед. простертꙋ) и т. д. Въ Острожской библіи находимъ простыя формы.

У Лавр. Зизанія находимъ только формы возвратно-страдательныя съ -сѧ: „мимошедшее страд. залога", м. р. спасъїсѧ, спасъсѧ: ж. р. спашисѧ, ср. р. спасъшеесѧ; „непредѣльное"— м. р. спасъшїисѧ, ж. р. спасъшисѧ, ср. р. спшее (л. 68); „мимошедшее"—бивъїсѧ, бившаѧсѧ, бившеесѧ, „непредѣльное"—бившїйсѧ, бившисѧ, бившеесѧ (л. 75 на об. и 76) и т. д. Исконныя формы на -тъ, -тый, -нъ, -ный, -енъ, -еный и вторичныя на -нный, -енный въ парадигмахъ у него не встрѣчается. Въ смыслѣ тематическаго образованія возвратно-страдательныя формы Зизанія ничѣмъ почти не отличаются отъ его причастій „дѣйствительнаго" залога, и потому мы не будемъ останавливаться на нихъ.

У М. Смотрицкаго находимъ, какъ и у другихъ причастій, разграниченіе на „причастія" и „дѣепричастія" страдательныя (=сложныя и простыя формы). Распредѣленіе по временамъ имѣетъ

извѣстный уже, главнымъ образомъ видовой, характеръ. „Причастія (сложныя формы)“: „вида учащательнаго, времени прешедшаго“: м. р. чита́выисѧ или чи́таныи, ж. р. чита́вшаѧсѧ или чи́танаѧ, средн. р. чита́вшеесѧ или чи́таное; „мимошедшее“ того же вида—м. р. читаа́выисѧ, читаа́ныи; ж. р. читаа́вшаѧсѧ, читаа́наѧ; ср. р. читаа́вшеесѧ, читаа́ное; „непредѣльное“ м. р.—прочте́исѧ или прочѐтшїисѧ, или прочте́ныи, ж. р. прочѐтшаѧсѧ, прочте́наѧ, ср. р. прочѐтшеесѧ, прочте́ное (л. 209 на об. и 210) и т. д. „Дѣепричастія (простыя формы): „вида совершеннаго преходящее“—м. р. чѐтсѧ или чте́нъ, ж. р. чѐтшисѧ или чте́на, ср. р. чѐтшесѧ или чте́но (л. 210 на об.); „вида учащательнаго прешедшее“—м. р. чита́всѧ или чи́танъ, ж. р. чита́вшисѧ, чи́тана, ср. р. чита́вшесѧ, чи́тано; „мимошедшее“—м. р. читаа́всѧ или читаа́нъ, ж. р. читаа́вшисѧ, читаа́на, ср. р. читаа́вшесѧ, читаа́но; „непредѣльное“—м. р. прочѐтсѧ, прочте́нъ, ж. р. прочѐтшисѧ, прочте́на, ср. р. прочѐтшесѧ, прочте́но (л. 211—212).

Подобныя же формы находимъ и въ другихъ парадигмахъ М. Смотрицкаго: „вида совершеннаго преходящее“ — творе́йсѧ, твори́выисѧ или творе́ныи; „вида учащательнаго прешедшее“—творѧ́выисѧ или творѧ́выи (очевидная опечатка вм. творѧ́ныи), „мимошедшее“—твораа́выисѧ или твораа́выи (опять опечатка), „непредѣльное“ сотворе́и или сотворе́ныи якоже сотворе́и и прочте́ныи; „дѣепричастія“: „преходящее вида совершеннаго“ творсѧ и твори́всѧ, или творе́нъ; „вида учащательнаго прешедшее“—творѧ́всѧ или творѧ́нъ, „мимошедшее“—твораа́всѧ или твораа́нъ, „непредѣльное“—сотво́рьсѧ или сотворе́нъ (л. 226—228). Формы на -нный и -енный у М. Смотрицкаго не встрѣчаются, причастія на -тъ, -тый отнесены къ прилагательнымъ: „рече́нїѧ причастїемъ подо́бнаѧ, ꙗ҆́кѡ, пѣ́тыи, препѣ́тыи..., ꙗ҆́тыи, проклѧ́тыи, пресла́вныи, сла́вныи, честны́и... и҆ си́мъ подо́бнаѧ, И҆мена̀ бы́ти прилага́тельнаѧ, а҆ не прича́стїѧ“ (л. 269 на об.).

Многія изъ вышеприведенныхъ формъ Смотрицкаго въ текстѣ библіи не встрѣчаются и представляютъ собой чисто педантическія измышленія. Къ таковымъ относятся, напримѣръ, формы „мимошедшаго“, образованныя отъ основы имперфекта (безъ кон-

тракціи), въ родѣ читаа́ныи, читаа́ксѧ, читаа́нъ, или „преходящаго“, въ родѣ че́тсѧ и тво́рсѧ.

§ 25. *Перифрастическія выраженія.* Церковнославянскій сохраняетъ всѣ почти перифрастическія выраженія старославянскаго, за исключеніемъ условнаго съ вспомогательнымъ **бимь, би, би, бимъ, бисте, бѫ,** замѣненнымъ формами аориста **бꙑхъ** и т. д.

Сложное прошедшее (перфектъ), выражаемое посредствомъ причастія прошедшаго дѣйств. залога на **-лъ** и вспомогательнаго **ѥсмъ** и т. д.: ꙗ҆́лъ є҆сѝ (Быт. III. 12, Остр. ꙗ҆лъ єси), расточи́ли є҆стѐ (Іер. XXIII. 2, Остр. расточи́ли єсте) пришє́лъ є҆сѝ (Мр. I. 24, Зогр. **пришьлъ єси,** Остр. пришє́лъ є҆сѝ) и т. д.

Вспомогательный глаголъ, главнымъ образомъ, въ третьемъ лицѣ ед. ч. пропускается весьма часто. Пропускъ этотъ, наблюдаемый въ русскомъ языкѣ во всѣхъ лицахъ и числахъ, ведетъ свое начало уже изъ XI—XII вв. (см. А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русск. языка. Изд. 2, 1891, стр. 216—19). Въ библейскомъ текстѣ наблюдаются слѣдующіе случаи такого пропуска: 1) когда двѣ формы прошедшаго сложнаго стоятъ рядомъ, то вспомогательный глаголъ стоитъ только въ одномъ (первомъ) случаѣ: раздра́лъ є҆сѝ ри́зы твоѧ҄, и҆ пла́калсѧ предо мно́ю (4 Цств. XXII. 19, Остр. раздра҃ єси, 2 ед. аор. пла́касѧ, Перв. тѣ же формы, что въ Остр.), не ты̀ ли є҆сѝ, и҆̀же ѡ҆ста́лсѧ (3 Езд. XI, 39, Остр. нили ты єси иже найзвышилъ, Первоп. на и҆звы́шилъ), ты́ є҆сѝ, царю̀, ꙗ҆́кѡ возвели́чилсѧ є҆сѝ и҆ ᲂу҆крѣпѣ́лъ (Дан. IV. 19, Остр. 2 л. аор. възвели́чисѧ и҆ ᲂу҆крепѣ, Первоп. возвели́чилсѧ є҆сѝ и҆ ᲂу҆крепѣ́лъ); ꙗ҆́кѡ не позва́лъ є҆сѝ на́съ, є҆гда̀ ходи́лъ воева́ти... (Суд. VIII. 1, Остр. 2 л. аор. по́зва, по́иде, Первоп. позва̀, по́йде) и т. д.—случай, возможный и въ старославянскомъ. При бо́льшемъ разстояніи между сложными выраженіями, вспомогательный глаголъ можетъ и оставаться: ꙗ҆́кѡ ᲂу҆таи́лъ є҆сѝ сїѧ҄ ѿ премꙋ́дрыхъ и҆ разꙋ́мныхъ, и҆ ѿкры́лъ є҆сѝ та҄ млⷣнцємъ (Лук. X. 21. Зогр. **ѹтаилъ єси, отъкры**=2 л. аор., Остр. ᲂу҆таи́лъ єси, ѿкры́лъ єси) и т. д.

2) Когда, рядомъ со сложными выраженіями, въ сосѣднихъ предложеніяхъ встрѣчается verbum finitum: въ пꙋ́ть ѻ҆ц҃а̀ сво-

єгѡ... нє ходи́лъ, но и҆ на гора́хъ пожре̑: и҆ женꙋ̀ бли́жнѧгѡ свое҆гѡ̀ ѡ҆скверна́вилъ, И҆ ѹ҆бо́гаго и҆ ни́щаго преѡби́дѣ, и҆ хище́ніемъ восхи́тилъ, и҆ зало́га не ѿда́лъ, и҆ къ кꙋмі́рѡмъ положѝ ѻ҆́чи свои̑, беззако́нїѧ сотворѝ, Съ ли́хвою дадѐ, и҆ съ примноже́ніемъ прїѧ́лъ (Іез. XVIII. 11, 12 и 13, Остр. ходи́, жерлъ є҆сть, ѻ҆скверна́вилъ є҆сть, преѡби́дѣлъ є҆сть, въсхи́тилъ є҆сть, далъ є҆сть, положи́, сътвори́, прїѧ́лъ є҆сть, Первоп. такія же формы, какъ въ Остр.); вложѝ же но́гꙋ мою̀ въ дре́во, и҆ надсмотрѧ́лъ пꙋті̀ моѧ̑ (Іов. XXXIII. 11, Остр. 3 ед. аор. вложи́, съхрани. Первоп. тѣ же формы, что въ Остр.); и҆лѝ ѿ не́нависти порази́лъ є҆го̀ рꙋко́ю, и҆ ѹ҆́мретъ... (Числ. XXXV. 21, Остр. ѹ҆би́лъ и҆̀ рꙋко́ю); и҆ Гдь ѹ҆мѧгчи́лъ се́рдце моѐ, и҆ вседержи́тель потща́сѧ ѡ҆̀ мнѣ̀ (Іов. XXIII. 16, Остр. Гь ѻ҆недꙋжилъ); и҆мѣ́ѧхꙋ ѻ҆́шибы подо́бни скорпі́инымъ... и҆ и҆мѣ́ли на́дъ собо́ю царѧ̀... (Апок. IX. 11, Остр. и҆мѧ́хꙋ... и҆мѣли); рыда́ла І҆ꙋде́а, и҆ вратà є҆ѧ̀ разрꙋши́шасѧ (Іер. XIV. 2, Остр. стена́ла); и҆ речѐ Гїезі́й: не и҆сходи́лъ ра́бъ тво́й ника́може. И҆ речѐ къ немꙋ̀ Е҆лїссе́й: не ходи́ло ли се́рдце моѐ съ тобо́ю (4 Цств. V. 25—26, Остр. не и҆сходи́лъ, нѣ́сть ли̑ ходи́ло, Первоп. тѣ же формы, что въ Остр.); да и҆спо́лнитсѧ сло́во твоѐ..., ты̀ бо менѐ сотвори́лъ царѧ̀... (2 Пар. I. 9, Остр. сътворилъ безъ є҆си); а҆́зъ вда́хъ ѧ҆̀ въ рꙋ́кꙋ твою̀, ты́ же не дала̀ и҆̀мъ ми́лости (Ис. XLVII. 6, Остр. 2 л. аор. ты́ же не да̀, Первоп. не дала̀); да не ѹ҆вѣ́стсѧ, ꙗ҆́кѡ приходи́ла жена̀, (Р. III. 14, Остр. ꙗ҆ко приходи́ла є҆си́, Первоп. также съ вспомогат. глаголомъ) и т. д.

3) Вспомогательный глаголъ опускается въ придаточныхъ предложеніяхъ, соединенныхъ съ другими предложеніями большею частью относительнымъ мѣстоименіемъ или нарѣчіемъ: а҆́ще ѹ҆бѡ а҆рхїере́й пома́занный согрѣши́тъ... и҆ да приведе́тъ ѡ҆ грѣсѣ̀ свое́мъ, и҆́мже согрѣши́лъ (Лев. IV. 3, Остр. є҆́же є҆сть съгрѣшилъ, Перв. также съ є҆́сть); гдѣ̀ є҆́сть Гдь... преведы́й на́съ... по земли̑, по не́йже не ходи́лъ мꙋ́жъ никогда́же, и҆ не ѡ҆бита́лъ чл҃вѣкъ та́мѡ (Іер. II. 6, Остр. и҆сходи́, ѻ҆бита́лъ; и҆ повѣ́да Рꙋѳь свекро́ви свое́й, гдѣ̀ рабо́тала, и҆ речѐ... (Р. II. 19, Остр. гдѣ̀ бы́сть, Первоп. бы́сть) и т. д. а҆́ще же посѧ́гла за мꙋ́жа (Числ. XXX.

7, Остр. посѧ́гнѣ); ꙗ҆́кѡ... ᲂу҆слы́шала дꙋша̀ моѧ̀ (Іер. IV. 19, Остр. также безъ є҆сть); поне́же ѡ҆пꙋстѣ́ла всѧ̀ землѧ̀ (ibid. 20, Остр. ѻ҆пꙋстѣ́нна є҆сть); а҆́ще же посѧ́гла за мꙋ́жа (Числ. XXX. 7, Остр. посѧ́гнѣ) и т. д.

Иногда вспомогательный глаголъ опускается и въ главномъ, независимомъ предложеніи, внѣ указанныхъ условій: нн҃ѣ же дꙋша̀ на́ша и҆зсо́хла, ничто́же то́чію ма́нна пре́дъ ѻ҆чи́ма на́шима (Числ. XI. 6, Остр. и҆́схла̀) и т. д. Болѣе подробное изслѣдованіе всѣхъ условій этого опущенія уже переходитъ въ область синтаксиса, котораго мы не намѣрены касаться въ настоящей работѣ. Однимъ изъ условій опущенія является также присутствіе личнаго мѣстоименія, дѣлающаго излишней форму вспомогательнаго verbi finiti. Какъ видно изъ примѣровъ, опущеніе вспомогательнаго глагола имѣется уже въ Острожской библіи (было и раньше), но далеко не такъ часто, какъ въ Новой. Пропуску Новой въ Острожской соотвѣтствуютъ большею частью или полныя перифрастическія выраженія, или какіе-нибудь другіе способы выраженія. Первопечатная библія въ этомъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ не отличается отъ Острожской, хотя и приближается немного къ Новой. Въ Новой библіи особенно часты формы 2 л. ед., прошедшаго сложнаго, замѣняющія второе лицо ед. ч. аориста (см. выше, стр. 385).

У Лавр. Зизанія перифрастическое прошедшее совершенное является только въ формахъ 2-го и 3-го л. ед. ч.: „мимошедшее“ ꙗ҆ви́лъ є҆сѝ, ла, ло; „протяженное“ ꙗ҆вла́лъ є҆сѝ, ла, ло (л. 57); „пресовершенное“ ꙗ҆влѧа́лъ є҆сѝ, (ꙗ҆влѧ́аше), ꙗ҆влѧ҃а (л. 57 на об.); или „протяженное“ въстава́лъ є҆сѝ, ла, ло, встава҃ (л. 67); „мимошедшее“ глас҃и, и҆ є҆сѝ (л. 68), глаша҃а, а́алъ є҆сѝ, ла, ло; глашаа́лъ, глашаа́ше (л. 69) и т. д. Формы эти приводятся въ составѣ парадигмъ другихъ временъ (съ окончаніями аориста), какъ равноправныя имъ (см. выше, стр. 369—70).

Можно отмѣтить здѣсь присутствіе вспомогательнаго глагола только во второмъ лицѣ, тогда какъ въ третьемъ оно опущено. У М. Смотрицкаго также формы сложнаго прошедшаго являются лишь въ составѣ иныхъ временъ (безъ болѣе точнаго обозначе-

нія лица, но только въ ед. числѣ, вѣроятно, во 2-мъ же лицѣ): „вида учащательнаго прешедшее“ чита́хъ, чита́лъ, чита́ла, ло, чита́ше, „мимошедшее“ читаа́хъ, читаа́лъ, читаа́ла, читаа́ло, читаа́ше, „непредѣльное“ прочто́хъ, проче́лъ, ла, ло̀, прочтѐ (л. 191 на об.); „вида совершеннаго преходящее“ — что́хъ, че́лъ, чла̀, чло̀, чтѐ (л. 190 на об.). Вспомогательный глаголъ здѣсь опущенъ, какъ въ русскомъ языкѣ; полныя же формы приводятся ниже, но не какъ славянскія, а русскія (ро́усска и҆ногда̀ ѧ҆зы́ка навы́комъ... произноси́ма бы́ти ѡ҆брѣта́емъ): „преходящее“—че́лъ є҆́смь, че́лъ є҆сѝ, чла̀, чло̀, че́лъ є҆́сть, дв. ч. м. и ср. чла̀ є҆сма̀, чла̀ є҆ста̀, ж. члѣ̀ є҆смѣ̀, члѣ̀ є҆стѣ̀, члѣ̀ є҆стѣ̀, мн. чли̇̀ є҆смы̀, чли̇̀ є҆стѐ, чли̇̀ со́уть (сице прешедшее), чита́лъ є҆́смь: и҆ про́чаѧ, мимошедшее читаа́лъ є҆́смь и т. д. (л. 192 на об.), такія же отношенія (за исключеніемъ полныхъ формъ съ є҆́смь) находимъ у М. Смотрицкаго и въ другихъ парадигмахъ (примѣры см. выше, стр. 371).

Давнопрошедшее, выражаемое причастіемъ прошедшаго вр. на **-лъ** и имперфектомъ вспомогательнаго глагола **бытн**, сохранилось и въ церковнославянскомъ: бѣ́ша пресо́хли и҆ сплѣснѣ́ли (І. Нав. IX. 5, Остр. бѣ́ша пресхлѝ... і҆ съплеснѣ́ли), бѣ̀ ѡ҆чи́стилас (2 Цств. XI. 4, Остр. бѣ̀ о҆̀чи́стилас), бѧ́хꙋ оу҆бѣ́гли (Іер. XL. 12, Остр. бѣхꙋ оу҆бѣ́гли), бѧ́хꙋ сложи́лис жи́дове (Іоан. IX. 22, Зогр. **юже бо сѧ бѣахѫ съложили**, Остр. оу҆́же бо́сѧ бѣ́хꙋ сложили) и т. д.

Рядомъ встрѣчается изрѣдка и другой видъ давнопрошедшаго, свойственный древнерусскому (см. А. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка, 2 изд. 1891, стр. 145—46) и состоящій изъ прошедшаго сложнаго вспомогательнаго глагола **былъ есмь** и причастія прошедшаго на **-лъ**: бы́лъ погꙋби́лъ є҆сѝ (Ис. XLIX. 20, Остр. 2 л. аор. и҆́хъже погꙋбѝ, Первоп. погꙋби, а на полѣ лъ єси) и т. д.

Грамматики Л. Зизанія и Смотрицкаго не знаютъ этихъ образованій и въ парадигмахъ своихъ не приводятъ. Рядомъ съ прошедшимъ сложнымъ и давнопрошедшимъ, имѣются и другія описательныя выраженія прошедшаго времени, свойственныя и старославянскому. Такъ встрѣчается причастіе настоящаго времени съ

аористомъ или имперфектомъ вспомогательнаго глагола, какъ и въ старославянскомъ: бы́сть кре́стѧй (Мр. I, IV, Зогр. **бысть... кръстѧ**, Остр. бысть... кр҃тѧ, Первоп. бы́сть... кр҃тѧ), присѣ́дѧй бы́хъ (Іов. XXXI. 9, Остр. присѣдѧ бы҃); бы́ша предстоѧ́щє (3 Цтв. XXII. 6, Остр. бѣша пре҃стоѧще) и т. д. бѣ̀ бо оу҆ча̀ (Мр. I. 22, Зогр. **бѣ бо оучѧ**, Остр. бѣ҃ бо҃ оу҆ча), бѣ̀ дѣ́лаѧй (Быт. IV. 2, Остр. бѣ҃ дѣлаѧ, Первоп. бѣ҃ дѣлаѧ), восходѧ́щє бѧ́хꙋ (Быт. XXXI. 10, Остр. другой текстъ), бѧ́шє пасы́й (Исх. III. 1, Остр. бѧше пасыи), бѧ́хꙋ... сѣдѧ́щє (Мр. II. 6, Зогр. **бѣахѫ... сѣдѧште**, Остр. бѣхꙋ... сѣдѧще) и т. д. Встрѣчается также соединеніе имперфекта съ прошедшимъ причастіемъ, напр., бѧ́шє показа́вый (Быт. IV. 21, Остр. бѧшє показа́выи) и т. д. Грамматики Зизанія и Смотрицкаго также не имѣютъ подобныхъ выраженій въ своихъ парадигмахъ.

Будущее перифрастическое въ старославянскомъ выражалось неопредѣленнымъ наклоненіемъ и настоящимъ временемъ вспомогат. глаголовъ **имамь, хоштѫ, начьнѫ**. Въ древнерусскомъ встрѣчалось также сложное будущее изъ неопред. наклоненія и формъ *буду*. Тѣ и другія формы находимъ изрѣдка и въ церковнославянскомъ: и҆мѣ́ти и҆́маши (Матѳ. XIX. 21), и҆́матє ꙗ҆́сти (Быт. VI. 21, Остр. и҆матє ꙗ҆сти), и҆зблєва́ти тѧ̀... и҆́мамъ (Апок. III. 16, Остр. и҆зблєвати... и҆ма҃), воскрєсє́ніє хо́щєтъ бы́ти мє́ртвымъ (Дѣян. XXIV. 15, Остр. хотѧщєє быти), нєради́ти на́чнєтъ (Матѳ. VI. 24, Остр. такъ же) и т. д. Чаще встрѣчаются формы съ бꙋдꙋ: ꙗ҆́сти бꙋ́дємъ (Быт. III. 2, Остр. и Первоп. да ꙗ҆мы, Ис. IV. 1, Остр. ꙗ҆сти бꙋдємъ), блюстѝ бꙋ́дєтъ, блюстѝ бꙋ́дєши (ibid. 15, Остр. блюде҃, блюде́ши, Первоп. блюде́тъ, блюде́ши), ѡ҆блада́ти бꙋ́дєтъ (ibid. 16, Остр. ѻ҆бладаєтъ, Первоп. ѡ҆блада́єтъ), жи́ти бꙋ́дєши (ibid. XXVII. 40, Остр. живъ бꙋди), и҆мѣ́ти бꙋ́дєши (Ис. III. 23, Остр. иначе—пріи҆мꙑши), корми́ти бꙋ́дєтъ (Ис. VII, 22, Остр. бꙋдєтъ... кормѧи, 23. бꙋдєтъ... ꙗ҆сти), пасти́сѧ бꙋ́дꙋтъ (ibid. XI. 6, 7, Остр. и Первоп. напасе́тсѧ, напасꙋ́тсѧ), ꙗ҆́сти бꙋ́дєтъ (ibid. 7, Остр. ѕоблєта), оу҆пова́ти бꙋ́дꙋтъ (ibid. 10, Остр. надѣ́ютсѧ, Перв. надѣ́ютсѧ), ꙗ҆́сти, пи́ти бꙋ́дꙋтъ (ibid. LXV. 13, Остр. наꙗ҆дѧ҃сѧ, напі́ютсѧ), сꙋди́тисѧ бꙋ́дєтъ (ibid, LXVI. 16, Остр. ѻ҆сꙋди́сѧ),

ймѣти бѹдѹтъ (Іер. XXX. 6, Остр. ймѹтъ) и т. д. Какъ видно изъ цитатъ, формы эти особенно часты въ Новой библіи, тогда какъ въ Острожской и Первопечатной имѣются или другіе обороты, или формы настоящаго времени, и описательныя формы попадаются только единично, какъ напр., ꙗ҆сти бѹдемъ (Ис. IV. 1, Остр.). Встрѣчается также и причастіе настоящаго или прошедшаго времени съ глаголомъ бѹдѹ въ значеніи будущаго: не бѹдетъ собира́ѧй (Ис. XIII. 14, Остр. не бѹдѣ събира́ющаго, Первоп. такой же оборотъ, какъ въ Остр.), не бѹдетъ оу҆страша́ѧй (Іер. XXX. 10, Остр. не бѹдетъ оу҆страша́ѧи) и т. д. бѹдетъ... ѿпадый (Ис. XXVIII. 4, Остр. бѹдетъ ѿпадый) и т. д.

Будущее совершенное, имѣвшееся въ старославянскомъ и выражавшееся причастіемъ прошедшимъ на -лъ и настоящимъ бѫдѫ, въ современномъ церковнославянскомъ не употребляется, хотя формы его встрѣчаются въ Остр. и Первоп. библіяхъ и были свойственны древнерусскому (ср. А. Соболевскій, Лекціи по ист. русск. языка 2 изд. 1891, стр. 213): и҆ а҆́ще грѣхи̑ сотвори́лъ є҆́сть, ѿпѹстѧтсѧ є҆мѹ̀ (Іак. V. 15, Остр. бѹдѣ сътворилъ, Первоп. бѹдетъ сотвори́лъ); и҆ оу҆́зритъ жрéцъ, и҆ сѐ стрѹпъ бѣлъ на ко́жи, и҆ се́й и҆змѣни́лъ власъ бѣлъ... (Лев. XIII. 10, Остр. и҆змѣни́лъ бѹдетъ, Первоп. и҆змѣни́лъ бѹдетъ), и҆змѣни́тсѧ (ibid. 3, Остр. и҆змѣни́лсѧ бѹдетъ, Первоп. и҆змѣни́лсѧ бѹдѣ); да не ка́кѡ и҆скѹси́лъ вы̀ и҆скѹша́ѧй (1 Сол. III. 5, Остр. и҆скѹси́лъ вы̀ бѹдѣ, Первоп. и҆скѹси́лъ вы̀ бѹдетъ) и т. д. Въ Новой б. находимъ или замѣну настоящимъ въ значеніи будущаго (и҆змѣни́тсѧ), или прошедшимъ сложнымъ со вспомогательнымъ глаголомъ и безъ него. Обыкновенно же функціи будущаго вообще беретъ на себя настоящее время совершеннаго залога, какъ уже и въ старославянскомъ.

Сослагательное или *условное* (Conditionalis) наклоненіе, выражавшееся въ старославянскомъ и древнерусскомъ причастіемъ прош. вр. на -лъ и формами аориста быхъ, встрѣчается довольно часто въ современномъ церковнославянскомъ въ своемъ первичномъ видѣ: ед. ч. первое лицо—а҆́ще быхъ ме́чь и҆мѣлъ въ рѹкѹ̀ мое́ю, прободо́лъ быхъ тѧ̀ (Числ. XXII. 29, Остр. а҆́ще бы̀ ме́чъ и҆мѣлъ... прободо́лъ тѧ̀ быхъ), да быхъ былъ (Іов. XXXI. 8, Остр. одинъ

аористъ бы҆), не оу҆би́лъ бы́хъ ва́съ (Суд. VIII. 19, Остр. оу҆билъ бы́хъ ва́съ); са́мъ бы́хъ себѣ̀ оу҆би́лъ, моли́лъ бы́хъ (Іов. XXX. 24, Остр. самъ бы себе оу҆би́лъ, моли́лсѧ бы́хъ), да... возвесели́лсѧ бы́хъ (Лук. XV. 29, Зогр. възвеселилъсѧ бимь, Остр. въ̑звесели́лъсѧ бы́хъ), да́лъ бы́хъ (Пс. L. 18, Остр. далъ бымъ, Первоп. да́лъ бы́хъ) и т. д.

Въ Острожской библіи встрѣчаются изрѣдка формы съ бымъ (примѣры см. ниже, стр. 395), вызванныя по всей вѣроятности вліяніемъ польскаго bym (напр., gdy bym miał и т. д.). Возможно, впрочемъ, что это бы́мъ есть не что иное, какъ самостоятельная передѣлка (путемъ аналогіи или морфологической ассимиляціи) старославянскаго бимь подъ вліяніемъ аориста быхъ или другихъ формъ глагола быти, гдѣ имѣлось ы. Рядомъ съ подобными формами и казалось нелогичнымъ и было замѣнено ы. Въ Первопечатной на мѣстѣ бымъ находимъ бы́хъ, которое и въ Острожской библіи преобладаетъ.

Второе лицо въ старинной формѣ въ Новой библіи встрѣчается рѣдко, а обыкновенно представляетъ позднѣйшую съ бы, низошедшимъ уже на степень простой частицы, стоящей при формѣ прошедшаго сложнаго: а҆́ще бы восхотѣ́лъ е҆сѝ (Пс. L. 18, Остр. а҆́ще бы въсхотѣ́лъ, Первоп. какъ въ Новой), страдат. зал. лише́нъ бы́лъ бы е҆сѝ (3 Макк. V. 21, Остр. 3 л. ед. гоньзнꙋлъ бы҆), дабы̀... сохрани́лъ е҆сѝ, скры́лъ... бы е҆сѝ (Іов. XIV. 13, Остр. а҆́ще... бы мѧ̀ съхрани́лъ, съкры́лъ же мѧ̀ бы́, Первоп. также безъ е҆сѝ), разꙋмѣ́лъ бы е҆сѝ (Іез. III. 6, Остр. разꙋмѣ́еши), е҆гда̀ бы е҆сѝ бы́лъ ѡ҆правди́лъ (3 Езд. IV. 18, Остр. е҆гда̀ бы е҆си бы́лъ, бы е҆си... ѻ҆правда́лъ), а҆́ще бы вѣ́дала е҆сѝ (Іоан. IV. 10, Остр. а҆́ще бы҆ вѣ́дала, Первоп. также безъ е҆сѝ) и т. д., но ты́ бы проси́ла, да́лъ бы тѝ (Іоан. IV. 10, Остр. ты҆ бы проси́ла, да́лъ тѝ бы҆). Въ Острожской находимъ или другіе обороты, или болѣе древнія формы.

Третье лицо вполнѣ обыкновенно: ꙗ҆́кѡ бы а҆́ще ктѡ̀ ви́дѣлъ (Быт. XXXIII. 10, Остр. друг. текстъ ꙗ҆́коже ви́дитъ кто҆), а҆́ще бы ктѡ̀ возгла́лъ (Исх. XXXIII. 11, Остр. ꙗ҆́коже кто҆ въ̑згле́тъ), а҆́ще бы А҆вессалѡ́мъ жи́въ бы́лъ, пра́во бы́ло бы (2 Цств. XIX.

6, Остр. ѧ҆́ще бы̀ авесоло́мъ живъ бы́лъ, пра́во е҆́сть), є҆́же бы не преста́ло дѣ́ло то̀ (1 Езд. VI. 8, Остр. є҆́жебы неѹ҆медлѣ́ло дѣ́ло то̀), что̀ бы́ло бы дре́во... (Иез. XV. 2, Остр. изъявит. что̀ ѹ҆́бо дре́во ло́зное), ѧ҆́ще ѿ мі́ра сегѡ̀ бы́ло бы цр҃тво моѐ (Иоан. XVIII. 36. Остр. было бы̀) и т. д. Случаевъ съ прибавкой вспомогат. є҆́сть не встрѣчается.

Первое лицо множ. числа имѣется довольно часто въ старинной формѣ: Содо́ма ѹ҆́бѡ бы́ли бы́хомъ, Гомо́ррѹ ѹ҆подо́билисѧ бы́хѡмъ (Ис. I. 9, Остр. такъ же), да бы́хомъ пребы́ли, и҆ всели́лисѧ (I. Нав. VII. 8, Остр. ѧ҆́ще бы́хомъ пребы́ли, всели́лисѧ), мє́ртвы бы́хомъ бы́ли (2 Цств. XIX. 6, Остр. мр҃твы бы́хомъ бы́ли) и т. д. Рядомъ имѣются позднѣйшія формы, состоящія изъ формъ прошедшаго сложнаго съ бы, ставшимъ уже частицей и отнесеннымъ къ союзу: дабы̀ є҆смы̀ не бы́ли (3 Езд. IV. 12, Остр. также дабы є҆смы̀ небы́ли), а также изъ исконныхъ формъ съ прибавленіемъ бы къ союзу: дабы̀ бы́хомъ и҆зме́рли (Исх. XVI. 3, Остр. да бы́хомъ, и҆зме́рли, Первоп. да̀ бы́хомъ, и҆змерли), дабы̀ ѹ҆́мерли бы́хомъ (Числ. XIV. 3, Остр. другой текстъ, XX. 3, Остр. да бы́хом̀ и҆зме́рли, Первоп. да бы́хѡмъ и҆зме́рли) и т. д. Въ Острожской и Первопечатной имѣемъ или другой текстъ, или исконныя формы.

Второе лицо встрѣчается большею частью въ исконной формѣ: ѧ҆́ще бы́сте живи́ли (Суд. VIII. 19, Остр. такъ же), ѧ҆́ще не бы́сте ѿра́ли, не бы́сте ѹ҆вѣ́дали (ibid. XIV. 18, Остр. ѧ҆́ще не бы́сте прин҆ѹдили, такъ же), ѧ҆́ще бы́сте и҆мѣ́ли, глаго́лали бы́сте (Л. XVII. 6, Остр. такъ же, гл҃али бысте) и т. д. Изрѣдка встрѣчается форма сложнаго прошедшаго съ частицей бы и вспомогательнымъ глаголомъ є҆стѐ: дабы̀ воцри́лисѧ є҆стѐ (1 Коринѳ. IV. 8. Остр. цр҃твовасте).

Третье лицо является въ двухъ видахъ: исконномъ — ѧ҆́ще бы́ша послѹ́шали (Пс. LXXX. 14, Остр. ѧ҆́ще бы́шѧ... послѹ́шали), ѧ҆́ще... бы́ша ходи́ли, ѡ҆брѣли̂ ѹ҆́бѡ бы́ша (Пр. С. II. 20, Остр. ѧ҆́ще... бышѧ ходили, ѻ҆брѣли ѹ҆́бѡ бышѧ), послѹ́шали бы́ша (Иез. III. 6, Остр. послѹ́шали бы́ша), да бы́ша ѹ҆вѣ́дѣли (Исх. XLV. 6, Остр. дабы́ша ѹ҆вѣ́дѣли), слѹ́ги мои̂ ѹ҆́бѡ

подвиза́лисѧ бы́ша (Іоан. XVIII. 36, Остр. подвиза́лисѧ бы́ша) и т. д. и вторичномъ съ частицей бы: препита́лисѧ бы́ (Быт. L. 20, Остр. дасѧ прекормѧтъ, Первоп. дасѧ прекормѧтъ), дабы̀ хвали́ли и҆ исповѣ́дались и҆ слꙋжи́ли (2 Пар. XXXI. 2, Остр. дабы̀ слꙋжи́ли і҆ и҆сповѣда́лисѧ, и҆ пѣли), ꙗ҆́ки бы принесли̑ (Ис. LXVI. 20, Остр. ꙗ҆коже принесо́ша), въ ѻ҆́ньже бы̀ не при- шли̑ (Іер. XLIX. 36, Остр. не прїидꙋтъ), дабы̀ ѿдава́ли (Дан. VI. 2, Остр. другой текстъ повѣдаемъ), а҆́ще бы та́тїе влѣ́зли (Авд. I. 5, Остр. а҆́ще та́тїе бы́ша вълѣзли, Первоп. бы́ша влѣзли), дабы̀ и҆мѣ́ли, прїима́ли (2 Макк. II. 26, Остр. другой текстъ), аки бы прїима́ли (3 Макк. I. 25, Остр. другой текстъ—произ- волѧ́хꙋ), а҆́ще бы́ли бы, ѹ҆гото́вали бы (ibid. V. 21, Остр. сꙋть, ѹ҆готова́ша), то бы́ли бы (Іов. VI. 3, Остр. бꙋдꙋтъ), а҆́ще бы не ѹ҆ничто́жили мѧ (Юд. XI. 2, Остр. а҆́ще не бы̀... ѹ҆ничи́жиша, Первоп. а҆́ще не бы́ша... ѹ҆ничижи́ша) и т. д.

Изъ приведенныхъ случаевъ вторичныхъ формъ только одинъ имѣется уже въ Острожской (и Первопечатной); въ остальныхъ же находимъ въ Острожской библіи или исконную форму (рѣдко), или совсѣмъ другіе обороты, замѣненные уже при позднѣйшей редакціи (Елисаветинской) новыми формами, перенесенными изъ современнаго живаго русскаго языка. Формы двойственнаго числа условнаго наклоненія не встрѣчаются.

Кромѣ указанныхъ выше образованій, изрѣдка встрѣчается соединеніе изъявительнаго наклоненія аориста съ формами вспомогательнаго глагола бы́хъ: тогда̀ наскочи́хъ бы́хъ на вы̀ словесы̀ (Іов. XVI. 4, Остр. а҆́ще наскака̑ на́ вы словесы̀, Первоп. наскака́хъ), и҆ бꙋ́дꙋтъ а҆́ки бы не ѿврати́хъ и҆́хъ (Зах. X. 6, Остр. и҆ бꙋ́дꙋтъ внеже кова́рство не възврати́хъ и҆́хъ, Первоп, возврати́хъ) и т. д. Формы эти имѣются только въ Новой библіи, а въ Острожской и Первопечатной на ихъ мѣстѣ находимъ другіе обороты. Внесены онѣ въ текстъ уже впослѣдствіи при послѣдней его редакціи.

Формы вспомогательнаго бы́хъ нерѣдко сливаются въ написаніяхъ съ причастіемъ прошедшимъ, или съ союзами, что указываетъ на ихъ второстепенное значеніе; очевидно, онѣ чувствовались по-

чти какъ окончанія или суффиксы. Примѣромъ можетъ служить: оукрылбыхсѧ (Пс. LIV. 13, Остр. оукрылъ бысѧ, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Случаи слитнаго написанія бы съ союзомъ да (дабы) см. выше (стр. 392).

Разсмотрѣнныя формы встрѣчаются и у грамматиковъ. У Л. Зизанія онѣ являются въ „молитвенномъ наклоненіи“ („образѣ“), представляющемъ слѣдующія подраздѣленія: „мимошедшее“—да ꙗвилбы, ꙗвилбы єси, ꙗвилбы. да бы ꙗвиховѣ, ꙗвиста бы, бы. дабы ꙗвихомъ, ꙗвисте бы, ꙗвиша бы; „протяженное“—да бы ꙗвлѧ, ꙗвлѧ бы єси, ла, ло. ꙗвлѧшебы. да бы ꙗвлѧховѣ, вабы. стабы. ꙗвлѧстабы, да бы ꙗвлѧхо, ꙗвлѧстебы, ꙗвлѧхꙋбы, „пресовершенное“—дабы ꙗвлѧа, ꙗвлѧалбы єси, ла, ло. ꙗвлѧашебы. да бы ꙗвлѧаховѣ, хова; ꙗвлѧастабы (bis), да ꙗвлѧахо, ꙗвлѧастебы, ꙗвлѧахꙋбы (л. 58); приблизительно такія же формы находимъ у глагола гласити: „молитвеннаго мимошедшее“ — да бы гласилъ, гласилъ бы єси, ла бы, ло бы. дабы гласиховѣ, гласиста бы (bis), множ. да бы гласихо, систебы, шабы; „протяженное“ да бы глаша, глашалъ бы єси, ла бы, ло бы, шалъ бы, глашаше бы; дв. да бы глашаховѣ, стабы; дабы глашахо, стебы, хꙋбы, шабы; „пресовершенное“—дабы глашаа, глашаабы єси, ла, ло, глашаашебы, дв. дабы глашааховѣ, шаастабы, стабы; дабы глашаахо, шаастебы, хꙋбы, шабы и пр. (л. 71 на об. и 72); отъ быти: „непредѣльное“—да был бы, бы бы єси, быбы; да быбыховѣ, ва; быста бы, быста бы; мн. да бы быхо, быстебы, бышабы, бѧхꙋ (л. 77) и т. д. Въ этихъ парадигмахъ мы находимъ смѣсь различныхъ формъ условнаго или сослагательнаго наклоненія: рядомъ съ исконными, въ родѣ 1 л. ꙗвилъ, гласилъ быхъ, 3 л. ꙗвилъ, гласилъ бы, имѣются вторичныя, представляющія или формы сложнаго прошедшаго съ прибавленіемъ частицы бы (2 л. ꙗвилъ бы єси, ср. выше, стр. 391, ꙗвлѧлъ бы єси, гласилъ бы єси и т. д.), или формы изъявительнаго аориста и имперфекта также съ прибавленіемъ частицы бы: ед. ч. ꙗвлѧше бы, глашаше бы и т. д., дв. ч. да бы ꙗвиховѣ, ꙗвиста, да бы ꙗвлѧховѣ, ꙗвлѧста бы, да бы гласиховѣ, гласиста бы и т. д. мн. ч. да бы ꙗвихомъ, да бы гласихомъ, ꙗвисте бы, гласисте бы, ꙗвиша бы, ꙗвлѧхꙋ бы и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ формъ въ библейскомъ текстѣ не встрѣчаются только формы двойственнаго числа, а также и формы имперфекта (съ контракціей и безъ контракціи) съ частицей бы.

У М. Смотрицкаго мы находимъ занимающія насъ формы въ его „сослагательномъ наклоненіи“, которое у него представляетъ слѣдующіе временные оттѣнки: „вида совершеннаго: 1) настоящее“—а҆́ще бьмъ че́лъ, чла̀, чло̀ (ср. Острожской библіи Пс. Ѣ. 18, далъ бымъ, Первоп. да́лъ бы́хъ; Остр. Пс. LXXX. 14, възложилъ бы҃, Первоп. во҃ложи́лъ бы́хъ; Остр. Пс. LIV. 13, претерпѣлъ бым҃, Первоп. претерпѣ́лъ бы́хъ; въ Новой тѣ же формы, что и въ Первоп.); 2 л. а҆́ще бы е҆си̂ че́лъ и т. д. (какъ и у Зизанія и въ Новой, см. выше, стр. 391 и 394); 3 л. а҆́ще бы че́лъ и т. д. (исконная форма); въ двойственномъ и множественномъ замѣчается вліяніе польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ byliśmy, byliście и т. д.: дв., мн. и ср. а҆́ще бы чла́сма, чла́ста, чла́ста; ж. р. а҆́ще бы члѣ́смѣ, члѣ́стѣ, стѣ; мн. ч. а҆́ще бы чли́смы, а҆́ще бы чли́сте, чли̂. Формы эти въ библейскомъ текстѣ отсутствуютъ. Въ „преходящемъ“ того же вида находимъ—въ первомъ лицѣ ед. ч. форму съ бы́хъ: а҆́ще бы́хъ че́лъ (исконную), во второмъ а҆́ще бы́лъ е҆си̂ (че́лъ?); т. е. форму давнопрошедшаго, въ третьемъ (?)—бѧ́ше (че́лъ?); дв. ч. м. и ср. р. а҆́ще бы́сма чла̀, бы́ста, ста, ж. р. а҆́ще бы́смѣ члѣ̀, бы́стѣ, стѣ (не встрѣчаются въ текстахъ), множ. ч. а҆́ще бы́хомъ чли̂, бы́сте (формы исконныя), бѧ́хꙋ или бы́ша (т. е. чли̂). Формы имперфекта съ причастіемъ прошедшимъ на -лъ, находимыя здѣсь, языку Библіи чужды. Въ томъ же родѣ и другія „времена“, напр. „вида учащательнаго настоящее“ а҆́ще бы́мъ, а҆́ще бы е҆си̂, а҆́ще бы чита́лъ, ла, ло; дв. м. и ср. р. а҆́ще бы чита́ласма, чита́ласта, ста; ж. р. а҆́щебы чита́лѣсмѣ, чита́лѣстѣ, стѣ; множ. ч. а҆́ще бы чита́лисмы, чита́листе, чита́ли. Ближе къ исконнымъ формамъ „прешедшее“ М. Смотрицкаго: ед. ч. а҆́ще бы́хъ чита́лъ, ла, ло; бы́лъ е҆си̂, ла, ло; бѧ́ше (какое лицо?); дв. ч. м. и ср. р. а҆́ще бы́сма чита́ла, бы́ста, ста (л. 194 на обѣихъ сторонахъ); ж. р. а҆́ще бы́смѣ чита́лѣ, бы́стѣ, стѣ; множ. ч. а҆́ще бы́хомъ чита́ли, бы́сте, бѧ́хꙋ, или бы́ша; „мимошедшее“ — а҆́ще бы́хъ читаа́лъ, ла, ло, бы́лъ е҆си̂, ла, ло, бѧ́ше; дв. ч. м. и ср.

ащє бысма читаала, быста, ста; ж. р. ащє бысмѣ читаалѣ, бѣстѣ, быстѣ; мн. ч. ащє быхомъ читаали, быстє, бѫхѹ или быша; „непредѣльное“—ащє быхъ прочелъ, чла, ло; былъ єси, ла, ло; бѫшє; дв. м. и ср. ащє бысма прочла, быста, ста; ж. р. ащє бысмѣ прочлѣ, быстѣ, стѣ; множ. ащє быхомъ прочли, быстє(,) бѫхѹ, или быша и т. д. Въ этомъ же родѣ и „наклоненіе подчинительное“ Смотрицкаго, въ которомъ только находимъ другой союзъ да: „преходящее“ да быхъ челъ, былъ єси, бѫшє; дв. мн. и ср. да бысма чла, ж. да бысмѣ члѣ и т. д. (л. 195—196). Многія изъ приведенныхъ здѣсь формъ въ библейскомъ текстѣ вовсе не встрѣчаются и принадлежатъ, вѣроятно, самому Смотрицкому; таковы формы имперфекта съ частицей бы, нѣкоторыя формы, образованныя по типу польскихъ сложныхъ формъ въ родѣ chodziłem, chodziliśmy и т. д. Быть можетъ, впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ формъ, не встрѣчающихся въ церковнославянскомъ московскаго типа, употребляются въ смѣшанномъ югозападномъ церковнославянскомъ, разсмотрѣніе котораго не входитъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Отъ соотвѣтствующихъ парадигмовъ Л. Зизанія формы, находимыя у М. Смотрицкаго, отличаются въ общемъ незначительно. Общимъ характернымъ признакомъ является у тѣхъ и другихъ пестрое смѣшеніе разнокалиберныхъ, дѣйствительныхъ и искусственныхъ формъ. У Смотрицкаго искусственнаго элемента больше, чѣмъ у Л. Зизанія.

§ 26. *Страдательный залогъ*, какъ и въ старославянскомъ выражается или формами возвратнаго залога, или описательными выраженіями. Употребленіе тѣхъ или другихъ формъ совсѣмъ безразлично и не связано ни съ какими оттѣнками значенія. Относительно первыхъ, т. е. возвратныхъ съ мѣстоименіемъ -сѧ, нужно замѣтить, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ мѣстоименіе возвратное уже является въ качествѣ простого суффикса, слившагося съ глагольной формой; это морфологическое сліяніе выражается и графически—слитными написаніями въ родѣ: кр҃щахѹсѧ (Мр. I. 6, Остр. кр҃щахѹсѧ), соблюдѹтсѧ (Лук. V. 38, Зогр. **съблюдетъ сѧ**, Остр. съблюдєтсѧ) и т. д. Случаевъ, въ которыхъ сѧ было бы отдѣлено отъ своего глагола другими словами

или стояло бы впереди его, немного; въ первомъ случаѣ мы обыкновенно находимъ слитныя написанія, показывающія, что ся все же чувствуется второстепенной и неразрывной морфологической частью слова: оусрамиҳбося (2 Езд. VIII. 51, Остр. оусрамибося, Первоп. какъ въ Новой), оукрылбыхся (Пс. LIV. 13, Остр. оукрылъ быся, Первоп. какъ въ Новой), спасетлися (Ис. XLIX. 24, Остр. спсетлися, Первоп. спасетлися), посмѣетемися (Іов. XXI. 3, Остр. непосмѣетемися, Первоп. какъ въ Новой), ѿставляюттися (Лук. V. 23, Остр. оставляютътися, Первоп. ѿставляютътися); не прикасаютбося (Іоан. IV. 9, Остр. неприкасаюбося, Первоп. неприкасаютбося), 3 ед. дивитлитися (Іов. XXXVI. 28, Остр. дивитлитися, Первоп. какъ въ Новой), измѣнятлися (ibid. Остр. измѣняттися, Первоп. какъ въ Новой) и т. д. Примѣры второго случая встрѣчаются изрѣдка въ Острожской библіи: дася исправитъ (Пс. CXL. 2, Первоп. и Нов. да исправится) и т. д.

Перифрастическія же формы страдательнаго залога не представляютъ ничего особеннаго, сравнительно со старославянскими.

Настоящее время выражается причастіемъ настоящаго времени страдательнаго залога съ формами вспомогательнаго глагола есмь: 3 л. мн. мучими суть (Исх. V. 16, Остр. мучими суть) и т. д.

Прошедшее время выражается также причастіемъ страдат. настоящимъ или прошедшимъ съ имперфектомъ, аористомъ или сложнымъ прошедшимъ вспомогательнаго глагола: бяше хранима (Лев. XIX. 20), бяше прославленъ (Исх. XXXIV. 30), ѿбвитъ бяше (1 Цств. XXI. 9), біени быша (Исх. V. 14), слышаны быша (1 Цств. XVII, 31), оукрашенна была еси (Іез. XVI. 13), ѿзлобленъ былъ еси (3 Цств. II. 26) и т. д. Причастіе прошедшее страдательнаго встрѣчается также съ настоящимъ временемъ вспомогательнаго глагола въ значеніи прошедшаго страдат. взятъ еси (Быт. III. 19, Остр. взятъ бысть) и т. д.

Сослагательное или условное наклоненіе также имѣется: аще быхомъ сожжени были (3 Езд. XII. 44) и т. д.

Будущее время выражается причастіемъ страдательнаго настоящаго или прошедшаго времени съ вспомогательнымъ глаго-

ломъ бꙋдꙋ: ѡбладаєми не бꙋдемъ (Іер. II. 31), ꙗтъ бꙋдетъ (Исх. XXII. 4), познанъ бꙋдꙋ (Исх. XXX. 6) и т. д.

У Зизанія страдательный залогъ имѣетъ всегда возвратныя формы: ꙗвлюсѧ, ꙗвишисѧ, ꙗвитсѧ, 1 л. множ. ꙗвимосѧ (1 л. дѣйств. ꙗвимъ: л. 57 на об.), ꙗвитесѧ, ꙗвѧтсѧ и т. д. (л. 60) и т. д.

Тоже находимъ и у М. Смотрицкаго: наст. чтоусѧ, чтешисѧ, чтетсѧ; дв. чтемасѧ, чтемѣсѧ, чтетасѧ, чтетѣсѧ; мн. чтемсѧ и т. д., но рядомъ у него приводятся и перифрастическія выраженія: чтомъ, ма, мо бываю, єши, єтъ; дв. чтома бываєма, чтомѣ бываємѣ... мн. чтоми, чтомы, чтома бываємъ и т. д. (л. 201 на об.).

Въ такомъ видѣ проведено у него все страдательное спряженіе. Формальныя особенности, замѣчаемыя здѣсь, разсмотрѣны уже выше и новаго ничего не представляютъ.

§ 27. *Неопредѣленное наклоненіе и супинъ.* Такъ называемое неопредѣленное наклоненіе ничѣмъ не отличается въ морфологическомъ отношеніи отъ старославянскаго.

Суффиксомъ у глаголовъ съ основой на гласный и всѣ согласные, кромѣ заднеязычныхъ (к, г, χ), служитъ -t'i (цслав. -ти), отвѣчающее стсл. **-ти**, а у глаголовъ съ основой на заднеязычный согласный—š'č'i (цсл. -щи=стсл. **-шти**). Формъ на -t' (цсл. -ть) въ Новой библіи не встрѣчается. Формы эти имѣютъ также значеніе супина, совсѣмъ не встрѣчающагося въ церковнославянскомъ, уже въ Острожской библіи: снъ бо чл҃вѣческій не пріиде дꙋшъ чл҃вѣческихъ погꙋбити, но спасти (Л. IX. 56, Зогр. 55. **погоубити нъ съпастъ**, Остр. погꙋбити, но спти), посла Іисꙋсъ... соглѧдати (І. Нав. II. 1, Остр. съглѧдати), свѧзати Самѱѡна пріидохомъ, и сотворити ємꙋ... (Суд. XV. 10, Остр. свѧзати, сътворити) и т. д. помощи (Вар. IV. 17), рещи (Быт. XXVI. 7) мощи, тещи (М. Смотр. л. 215) и т. д. У Л. Зизанія и М. Смотрицкаго имѣются такія же формы. У послѣдняго можно отмѣтить фиктивныя формы неопред. наклоненія „мимошедшаго“ вр., какъ читаати (подъ вліяніемъ имперфекта безъ контракціи) или „непредѣльнаго“ и „будущаго“ прочести и т. д. (л. 197 на обор.).

Формъ супина ни у того, ни у другого не встрѣчается, что вполнѣ естественно въ виду его ранняго исчезновенія и въ русскомъ языкѣ.

Заключеніе.

Мы закончили нашъ бѣглый очеркъ фонетики и морфологіи церковнославянскаго языка московскаго или великорусскаго типа. Въ основу его положены нами три памятника, отдѣленные другъ отъ друга приблизительнымъ разстояніемъ около 80—90 лѣтъ: Острожская библія (1581 г.), Первопечатная Московская (1663 г.) и Новая, представляющая собой точную перепечатку Елизаветинской исправленной библіи 1751 и 1756 гг. [1]). Эти тексты взяты нами, во-первыхъ, какъ наиболѣе разнообразные и богатые по языку, и, во-вторыхъ, какъ наиболѣе типичные представители позднѣйшаго церковнославянскаго. Острожская библія, какъ извѣстно, основана на спискѣ, присланномъ князю Константину Острожскому изъ Москвы царемъ Иваномъ Грознымъ [2]) и очень близкомъ къ такъ называемому Геннадіевскому списку библіи. Этотъ послѣдній составленъ въ самомъ концѣ XV в. (1499 г.) и представляетъ во всякомъ случаѣ въ значительной степени великорусскую переработку текстовъ, хотя бы первично и не русскаго извода [3]). Такъ какъ Острожская библія является резуль-

---

[1]) Изданія Елизаветинской библіи 1751 и 1756 г. не отличаются ничѣмъ другъ отъ друга въ отношеніи текста и языка. Во второмъ только прибавлены гравюры въ началѣ каждой ветхозавѣтной книги (въ первомъ лишь въ началѣ книги Бытія); кромѣ того, въ немъ употреблены другія заставки и виньетки въ концѣ книгъ, бо̀льшаго размѣра и изящества. Вообще второе изданіе отличается отъ перваго бо̀льшимъ типографскимъ изяществомъ. Отъ современныхъ изданій (мы пользовались Московскимъ въ малую 8º 1879 г.) отличія ничтожны. Текстъ, формы, акцентуація, правописаніе тожественны. Уклоненія современныхъ изданій заключаются только въ исправленіи незначительныхъ опечатокъ и разрѣшеніи нѣкоторыхъ сокращеній или, наоборотъ, въ подведеніи подъ титла.

[2]) См. Предисловіе къ Острожской библіи.

[3]) Объ этомъ спискѣ и его отношеніи къ Острожской библіи, см. Описаніе рукописей Синод. библіотеки 1855, стр. 1—164, а также Буслаевъ, Историческая Христоматія церковнославянскаго и древнерусскаго языковъ,

татомъ извѣстной редакціонной обработки [1]), а не простой перепечаткой присланнаго изъ Москвы рукописнаго списка, то, разумѣется, языкъ и текстъ этого послѣдняго должны были подвернуться нѣкоторымъ, хотя бы и не особенно значительнымъ, измѣненіямъ. Главнымъ дѣятелемъ при ея печатаніи былъ, какъ извѣстно, московскій первопечатникъ, дьяконъ Иванъ Өедоровъ [2]). Такимъ образомъ, Острожская библія легко могла получить и дѣйствительно получила въ значительной степени великорусскую (московскую) окраску [3]), которая еще болѣе усилилась въ ея московской перепечаткѣ 1663 г.

Библія Скорины на 60 слишкомъ лѣтъ старше Острожской [4]), но представляетъ совсѣмъ другой (и довольно рѣдкій) типъ языка— смѣсь церковнославянскаго, польскаго, бѣлорусскаго и чешскаго, почему мы и оставили ее въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ имѣется уже довольно обстоятельное изслѣдованіе этого памятника со стороны языка въ только-что цитированной книгѣ проф. П. В. Владимірова. Нельзя, конечно, отрицать, что тексты, въ родѣ библіи Скорины или различныхъ произведеній югозападной русской литературы, писанные на польско-малорусско (или бѣлорусско-)-церковнославянскомъ, обращались среди великоруссовъ и, слѣдовательно, оказывали извѣстное вліяніе на ихъ языкъ, но, съ другой стороны, мы также знаемъ, что не только на Москвѣ, но и у всѣхъ православныхъ славянъ въ борьбѣ за существованіе между нѣсколькими типами церковно-книжнаго языка одержалъ верхъ именно типъ великорусско-церковнославянскій, вполнѣ опредѣленно сказавшійся уже въ Острожской библіи и сохранившій лишь незначительные остатки другихъ не русскихъ изводовъ

Москва, 1861, стр. 185—198; кромѣ того, Н. Засадкевичъ, М. Смотрицкій, какъ филологъ. Одесса, 1883, стр. 114—116, 120—123.

[1]) См. объ этомъ Предисловіе къ Острожской библіи.

[2]) О дѣятельности Острожской типографіи см. М. А. Максимовича Книжная старина южно-русская во Временникѣ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ. Кн. I. 1849. Смѣсь, стр. 1—12: стр. 5—8.

[3]) См. Владиміровъ, П. В., Докторъ Францъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Спб. 1888, стр. 204—205, 207.

[4]) Объ отношеніи Острожской библіи къ Скорининской, см. цитир. сочин. Владимірова, стр. 211—218.

(болгарскаго и сербскаго), а также и слабые слѣды малорусскаго вліянія. Очевидно, что побѣда досталась ему по праву, какъ болѣе сильному, т. е. болѣе распространенному, а также и поставленному въ лучшія условія существованія. Отсюда не будетъ натяжкой предположить, что и наибольшая доля вліянія на живой великорусскій языкъ должна была принадлежать именно этому книжному великорусско-церковнославянскому языку. Особенности и постепенныя измѣненія его лучше всего могутъ быть прослѣжены именно на трехъ вышеуказанныхъ библіяхъ, подвергавшихся въ теченіе четырехъ послѣднихъ столѣтій троекратному пересмотру и исправленію и представляющихъ какъ бы три послѣдовательныя стадіи на пути отъ средняго церковнославянскаго къ новому. Пересмотръ этотъ не проходилъ даромъ не только для текста, но и для языка,—напротивъ, замѣтно отражался на немъ. Благодаря этому, наблюдается довольно значительная разница между языкомъ тѣхъ библейскихъ книгъ, которыя ведутъ свое начало изъ болѣе древнихъ старославянскихъ рукописей или подверглись лишь незначительнымъ измѣненіямъ, напримѣръ, въ Елизаветинской редакціи, и такихъ, которыя были напечатаны съ болѣе позднихъ рукописей, сильно исправлены или совсѣмъ заново переведены для Елизаветинской библіи [1]) Но такъ какъ главной цѣлью нашего вышепредложеннаго очерка было дать лишь общую характеристику позднѣйшаго церковнославянскаго, а не детальную и всестороннюю его исторію, то мы игнорировали хронологическія разницы между языкомъ, положимъ, книги Іова, Руѳи или Бытія и т. д. съ одной стороны и книгъ Маккавейскихъ, Юдиѳи, Эсѳири, Товита и т. д. съ другой. Мы считали себя въ правѣ сдѣлать это не только потому, что уже самый фактъ напечатанія ихъ рядомъ, такъ сказать, подводитъ ихъ подъ одинъ уровень и какъ бы дѣлаетъ не существующими хронологическія разницы между рукописными оригиналами-источниками печатнаго изданія, но также

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ Чистовича: Исправленіе Славянской Библіи (Православное Обозрѣніе. 1860, апрѣль, май), стр. 42, 54, а также въ статьѣ Лебедева, В. Къ исторіи кирилло-меѳодіевскаго славянскаго перевода Библіи на Руси (Странникъ 1885, томъ I, стр. 3—29, 201—230, 393—411, 584—589).

и потому, что для нашей главной цѣли—изслѣдованія церковнославянскихъ элементовъ въ современномъ русскомъ языкѣ съ общесравнительной точки зрѣнія, какъ одного изъ проявленій процесса заимствованія въ языкѣ, вышеупомянутые вопросы имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Поэтому же мы не даемъ здѣсь и историческаго очерка судебъ старославянскаго языка на Руси съ его перваго въ ней появленія [1]) до начала книгопечатанія (вторая половина XVI в.). Особенности рукописныхъ памятниковъ русской рецензіи уже достаточно изслѣдованы и общеизвѣстны; особенности же окончательно сложившагося и закрѣпленнаго Елизаветинской редакціей церковнославянскаго печатнаго языка до сихъ поръ не были представлены сколько-нибудь полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ. Единственная почти попытка этого рода—Грамматика Славяно-церковнаго языка новаго періода В. Классовскаго [2]) весьма неполна въ отношеніи матеріала и часто совсѣмъ недостовѣрна, ибо приводитъ не существующія формы безъ всякихъ доказательствъ. Мы далеки отъ мысли считать предложенный выше общій очеркъ церковнославянскаго языка новаго періода свободнымъ отъ всякихъ недостатковъ, но позволяемъ себѣ надѣяться, что, при отсутствіи въ научной литературѣ исчерпывающаго представленія этого предмета, наша попытка будетъ не совсѣмъ лишней. Вездѣ мы старались провести параллель между дѣйствительными фактами языка, находимыми въ библейскомъ текстѣ, и современной имъ грамматической теоріей, главными представителями которой являются Л. Зизаній и М. Смотрицкій [3]).

---

[1]) Краткій подобный очеркъ можно найти у А. И. Соболевскаго. Судьбы Церковно-Славянскаго языка. Лекціи (литогр. изданіе). Спб. 1891, стр. 21—31 и въ цитиров. уже книгѣ Засадкевича.

[2]) Второе измѣн. изданіе 1867, Спб. 12°, М. О. Вольфъ, пятое, безъ перемѣнъ 1887. Существуетъ еще школьный учебникъ Кузьмина: Грамматика церковнославянскаго языка, новаго періода. М. 1885.

[3]) Что касается грамматики М. Смотрицкаго, то мы пользовались главнымъ образомъ ея вторымъ (точнѣе третьимъ) московскимъ изданіемъ 1648 г., ссылаясь на первое изданіе (Евю, 1619) только изрѣдка. При этомъ мы имѣли въ виду большую близость московскаго изданія (какъ извѣстно, довольно сильно измѣненнаго московскими справщиками) къ вырабатывавшемуся въ то время окончательному типу великорусско-церковнославянскаго

При этомъ довольно часто обнаруживалось несоотвѣтствіе между обѣими сторонами, не позволяющее намъ вполнѣ согласиться съ тѣми учеными, которые, начиная съ покойнаго Григоровича [1]), приписываютъ грамматикѣ Смотрицкаго особенно сильное, почти исключительное, вліяніе на окончательное образованіе церковнославянскаго языка новаго періода. Намъ кажется, что грамматика Смотрицкаго была часто довольно независима отъ современныхъ ему образцовъ языка [2]), представляя нерѣдко чисто субъективные взгляды и желанія самого автора, и, въ свою очередь, языковое чутье справщиковъ и другихъ знатоковъ церковнославянскаго, выработывавшихъ его не на одной грамматикѣ Смотрицкаго, но и на чтеніи разнаго рода текстовъ, довольно успѣшно боролось съ навязываемыми ему чуждыми или субъективными формами и правилами. Въ этомъ отношеніи интересно сравненіе Евюнскаго изданія 1619 г. съ московскимъ 1648 г. Какъ извѣстно уже, это послѣднее отличается отъ оригинальнаго. Отличія заключаются не только въ опущеніи оригинальнаго предисловія и замѣнѣ его собственнымъ, представляющимся въ бо́льшей части выпиской изъ сочиненій Максима Грека, въ прибавкѣ послѣсловія (также изъ сочиненій Максима Грека), въ опущеніи греческихъ и латинскихъ терминовъ, а также и имени ренегата-автора, которое могло бы

языка, а, слѣдовательно, и бо́льшее его значеніе для поставленной нами себѣ цѣли.

[1]) «... со времени, когда обращено было просвѣщенное вниманіе на исправленіе священныхъ книгъ, ученые въ опредѣленіи свойствъ и выговора Словянскаго языка рѣшительно руководствовались чувствомъ Русскаго языка Наконецъ, послѣдовательность такого пониманія была навсегда утверждена полною теоріей сего языка въ знаменитой грамматикѣ М. Смотрицкаго. Отселѣ правила этой грамматики служили послѣднимъ опредѣленіемъ Церковно-Словянскаго языка. Оставаясь примѣчательнѣйшимъ трудомъ ученаго. XVII столѣтія, она есть результатъ всѣхъ измѣненій, какимъ подвергался у насъ въ Россіи Словянскій языкъ въ продолженіе семи столѣтій. Вмѣстѣ съ этимъ, бывъ первымъ послѣдовательнымъ опредѣленіемъ языка, она изгладила также послѣднія воспоминанія о древнѣйшемъ его характерѣ. И не только у насъ въ Россіи, но и у Сербовъ и Болгаръ, даже у католическихъ Словянъ, употреблявшихъ глаголиту, она заставила забыть древніе звуки и формы Словянскаго языка и подчинила господствующему въ Россіи употребленію его» (Григоровичъ. Статьи, касающіяся древняго Словянскаго языка. Казань, 1852, стр. 10—11).

[2]) Ближе всего первое изданіе ея къ языку Острожской библіи.

вызывать недовѣріе и подозрѣніе, но главнымъ образомъ въ измѣненіи самого грамматическаго матеріала. Московскіе издатели не оставили безъ исправленія ни одной почти формы, ни одной акцентуаціи, которыя имъ показались странными или непривычными. Такъ, въ склоненіяхъ московскаго изданія мы находимъ много позднѣйшихъ, чисто русскихъ формъ, на мѣстѣ которыхъ въ оригинальномъ имѣются древнія старославянскія или болѣе близкія къ нимъ; въ спряженіяхъ измѣненій меньше (такъ почему-то сохранены всѣ образованныя на польскій ладъ глагольныя формы), но всѣ онѣ сдѣланы въ пользу новѣйшихъ, позднѣйшихъ формъ. Особенно много измѣненій въ акцентуаціи, которая въ московскомъ изданіи поставлена по русскому образцу. Какъ образчикъ, мы приведемъ различія въ склоненіи бывшихъ основъ на ā-, jā-:

	Евю.	Москва.
Дат. предл.	снóсѣ	снохѣ̀
Дат. множ.	снóхамъ	снохáмъ
Творительный	снóхами	снохáми
Предложный	снóхахъ	снохáхъ
Родит. един.	мрéжѧ	мрéжи
Винительный	мрéжꙋ	мрéжю
Им. множ.	мрéжѧ	мрéжи
Винительный	мрéжѧ	мрéжы
Звательный	мрéжѧ	мрéжи
Винит. множ.	ю̑ношы и ю̑ношѧ	только ю̑ношы
Род. един.	тогѡ̀ пїѧ́ници тоѧ̀ пїѧ́ницѧ	тогѡ̀ и҆ тоѧ̀ пїѧ́ници
Д. пр. м. и ж.	пїѧ́ници	пїѧ́ницѣ
Именит. множ.	тíи пїѧ́ници, тíѧ пїѧ́ницѧ	м. ж. пїѧ́ницы
Род. ед. м.	ѡ҆брѧщи, ж. ѡ҆брѧ́щѧ	м. ж. ѡ҆брѧщи
Винит. множ.	захáрїѧ	захáрїи
Родит. един.	лáдїѧ	лодїи
Дат. предл.	лáдїи	лодїй
Винительный	лáдїю	лодїю̑

Им. вин. мн.	ла́дїѧ	ло́дїи
Родительный	ла́дїй	лоде́й, і́й
Родит. множ.	сꙋді́й	сꙋді́й, е́й
Винительный	сꙋдїѧ̀	сꙋдїѝ
Именит. един.	самарѧны́ни	самарѧны́нѧ
Родительный	самарѧны́нѧ	самарѧны́ни
Дательный	самарѧныни	самарѧны́нѣ
Предложный	самарѧныни	самарѧны́ни и т. д.

При подробномъ сличеніи [1]) этихъ двухъ изданій нетрудно убѣдиться, что не только грамматика Смотрицкаго (Евю 1619) не повліяла на церковнославянскій языкъ московскихъ ея издателей, но, наоборотъ, сама она подверглась передѣлкѣ въ ихъ рукахъ. Передѣлка эта совершилась подъ несомнѣннымъ вліяніемъ живого великорусскаго языка, которое вызвало и извѣстныя особенности великорусскаго церковнославянскаго [2]). Такимъ образомъ, если говорить о вліяніи грамматики Смотрицкаго на позднѣйшій церковнославянскій, то только разумѣя ея московское изданіе, въ которое внесено много особенностей великорусскаго церковнославянскаго, развившихся въ немъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ живого языка и независимо отъ какой бы то ни было грамматической теоріи. Выше однако мы видѣли, что и парадигмы московскаго изданія далеко не всегда согласуются съ формами, добытыми изъ самаго текста. Нѣкоторыхъ формъ, сохраненныхъ и въ московскомъ изданіи (въ родѣ сослагательнаго въ польскомъ вкусѣ), въ библейскомъ текстѣ всетаки не встрѣчается. Отсюда намъ кажется, что, не отрицая вообще возможности влія-

---

[1]) Мы производили подобное сличеніе, но приводимъ выше лишь небольшой образчикъ добытыхъ результатовъ.

[2]) Мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Засадкевичемъ (цит. сочиненіе, стр. 132—133), что причины измѣненій, произведенныхъ московскими издателями въ грамматикѣ Смотрицкаго, заключались въ недовѣріи къ ренегату-автору и боязни предъ еретическими его ученіями. Эти мотивы могли ихъ заставить умолчать имя автора, замѣнить предисловіе новымъ и т. д. Измѣненія же въ парадигмахъ прямо вызывались далекостью оригинальнаго изданія Смотрицкаго отъ привычнаго издателямъ типа церковнославянскаго языка, сообразно съ которымъ они и измѣнили свой оригиналъ.

нія грамматики Смотрицкаго (особенно московскаго изданія) на новый церковнославянскій, слѣдуетъ, однако, говорить объ этомъ въ менѣе категоричномъ тонѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается.

Конецъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
8	13 сверху	проязыка	праязыка
17	20 снизу	заимствованъ	заимствовалъ
21	6 —	**съгласнıє**	**съгласнıє**
27	10 сверху	[1])	[2])
30	1 —	t'ьlæfón	t'ьl'æfón
32	13 снизу	имѣетъ	имѣется
59	7 сверху	*приблужаго*	*приблужаю*
61	12 снизу	**такон**	**такон**
63	2 —	Moscoviticom	Moscoviticam
—	3 —	но	ко
82	12 сверху	Sasy	Sacy
105	11 —	чуствоваться	чувствоваться
143	1 снизу	slǽ'zy	sl'ǽzy
144	9 —	дѣтїи	дѣтїи,
147	12 —	(=č')	=č'
150	18 —	(š̄)	š̄)
151	17 сверху	**жд**	**жд**
152	5 —	ž'd	žd

154 послѣ 18 — вставить: Въ первомъ изданіи грамматики М. Смотрицкаго (Евю. 1619) различаются г и Г, первое для спиранта γ, второе для взрывного g. Въ московскомъ же изданіи находимъ только одинъ знакъ г, звуковое значеніе котораго неясно. Казались-ли два знака для такихъ близкихъ звуковъ, какъ γ и g, роскошью московскимъ издателямъ, или ихъ произношенію свойственъ былъ лишь одинъ (который?) изъ этихъ звуковъ, рѣшить, разумѣется, нельзя.

Страница.	*Строчка.*		*Напечатано.*	*Читай.*
156	8	сверху	zz'з'	zž'ž'
158	14	снизу	лежа	лежа̀
169	16	сверху	благостѧхъ	бла́гостѧхъ
171	9	снизу	u-	n-
173	2	сверху	имене	и҆̑мене
174	8	—	удареніемъ	удареніемъ:
178	6	снизу	коло	ко́ло
187	5	—	дв̊ꙋ	дв̑ꙋ
204	9	—	**рабꙑни**	**рабꙑни̑**
206	11	—	mir	m'ir
209	9	сверху	Ѻбоѭ̀	Ѻ҆боѭ̀
212	1	—	плевелы	пле́велы
214	7	—	Ѻстровѡ́въ	Ѻ҆стровѡ́въ
216	1	снизу	градовѡмъ	градовѡмъ
219	10	—	посла́ми	поста́ми
220	7	—	заимствованныхъ	заимствованнымъ
224	10	сверху	чада	ча̑да
225	2	—	цр҇ствомъ	цр҇твомъ
235	12	снизу	пещце́въ	пѣщце́въ
237	7	сверху	своѧ	своѧ̀
242	17	снизу	срцы	ср҇цы
248	7	сверху	**і҆соусовома**	**і҆соусовама**
258	12	—	Ѻно	Ѻ҆̑но
259	4	—	Ѻномꙋ	Ѻ҆̑номꙋ
260	12	—	Ѻной	Ѻ҆̑ной
262	14	снизу	онѣмъ	о҆нѣмъ
270	14	сверху	Ѻбѣ	Ѻ҆̑бѣ
271	2	снизу	има	и҆̑ма
273	15	сверху	Ѻчи	Ѻ҆̑чи
—	18	—	своѣ	своѣ̑
275	3	—	слова: „Остр. и Перв. ва́ша“ перенести въ слѣдующую строку послѣ словъ: „Второз. III. 19“.	
277	6	сверху	Ѻслѧ́тъ	Ѻ҆слѧ́тъ
—	7	снизу	краехъ	кра́ехъ

Страница.	*Строчка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
278	10 сверху	ѿ	ѿ̑
283	11 —	Мс.	Ис.
303	12—13 снизу	хꙋдѣйша,	хꙋдѣйша),
305	7 сверху	слаше	сла̑ше
306	10 снизу	трїє	трїѐ
309	13 —	ѻсмїю	ѻ҆смїю̀
313	14 сверху	оу҆мре́мъ	оу҆мремъ
319	— —	jådóx	jadóx
321	4 снизу	снѣ̑єте	снѣ̑сте
322	2 —	є҆гѡ	є҆гѡ̀
323	7 —	ѻба	ѻ҆̆ба
327	16 —	мои	мои̇̀
328	13 сверху	идемъ	и҆̆демъ
336	16 снизу	ꙗ҆зыки	ꙗ҆зы́ки
346	11 сверху	оу҆держимо	оу҆держи́мо
348	1 снизу	Эвю	Евю
351	1 сверху	сниде	сни́де
352	16 сверху	вставить: Единственный примѣръ 1-го л. ед. аориста простого: а҆̆зъ... воздви́гъ (Дан. IV. 31, Остр. въздви́гъ, Перв. какъ въ Новой).	
—	16 снизу	совсѣмъ	почти совсѣмъ
— послѣ	9 —	вставить: Единственный примѣръ 3 л. мн. на -сѧ: є҆гда̀ ꙗ҆̆сѧ тебѐ (Іез. XXIX. 7, Остр. є҆гдасѧ ѧ҆̆ша потѧ.	
356	7 сверху	работахъ	рабо́тахъ
369	9 снизу	ѩви́хове	ꙗ҆ви́ховѣ
373	3 —	поразивъ	порази́въ
378	10 —	тво́ре́й	творе́й
381	14 сверху	оу҆крашє́нна	оу҆кра́шенна
382	1 —	И҆лїодѡръ	И҆лїодѡ́ръ
—	7 —	а҆̆рхїере́й	а҆рхїере́й
384	13 снизу	творсѧ	тво́рсѧ
—	8 —	причастїемъ	прича́стїемъ

Записки Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Ч. I. Прокопія Кесарійскаго История войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга I-ая. 1876.

» II. 1. Ioannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres. Изд. А. Веселовскій. 1876.

2. Индѣйскія сказки и легенды, собранныя въ Камаонѣ въ 1875 г. И. П. Минаевымъ. 1876.

» III. О торговлѣ Руси съ Ганзой до конца XV вѣка М. Бережкова. 1879.

» IV. Изъ древней исторіи Болгаръ Матвѣя Соколова. 1879.

» V. 1. Аѳонскіе акты и фотографическіе снимки съ нихъ въ собраніяхъ П. И. Севастьянова. Тимоѳея Флоринскаго. 1880.

2. Antiphontis orationes. Edidit Victor Jernstedt. 1880.

» VI. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами, Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. П. К. Исторія войнъ Римлянъ съ Персами. Книга 2-ая. 1880. Приложеніе: О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи Турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. 1881.

» VII. Психологія. Изслѣдованіе основныхъ явленій душевной жизни М. Владиславлева. Томы I и II. 1881.

» VIII. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. В. И. Семевскаго. 1881.

» IX. Моравія и Мадьяры съ половины IX до начала X вѣка К. Я. Грота. 1881.

» X. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ его поэзіи. 1-ый и 2-ой періоды жизни и дѣятельности (1799—1826) А. Незеленова 1882.

» XI. Къ исторіи Аѳинскихъ драматическихъ состязаній П. Никитина. 1882.

» XII. Secrets d'état de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV et au XVI siècle par Vladimir Lamansky. 1884.

ч. XIII. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи Е. Замысловскаго. 1884. Приложеніе: Матеріалы для ист.-геогр. атласа Россіи XVI в. 1884.
» XIV. Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1884.
» XV. Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы (1410 г.) А. А. Барбашева. 1885.
» XVI. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы И. П. Минаева. Томъ I. Вып. 1 и 2. 1887.
» XVII. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка, Евгенія Пѣтухова. 1888.
» XVIII. Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи А. Введенскаго. Часть первая. 1888.
» XIX. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка Н. Ланге. Часть первая. 1888.
» XX. Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ. Н. М. Бубнова. 1890.
» XXI. Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ Г. В. Форстена. 1889.
» XXII. Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ Н. Д. Чечулина. 1889.
» XXIII. Организація прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго. 1890.
» XXIV. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709) И. А. Шляпкина. 1891.
» XXV. Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в. П. А. Сырку. 1891.
» XXVI. Порфирьевскіе отрывки изъ аттической комедіи. Палеографическіе и филологическіе этюды В. К. Ернштедта. 1891.
» XXVII. Сочиненіе Джильса Флетчера «On the Russe Common Wealth», какъ историческій источникъ. С. М. Середонина. 1891.
» XXVIII. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Персами Вандилами и Готѳами. Переводъ съ греческаго Спиридона Дестуниса, комментарій Гавріила Дестуниса. Прокопія Кесарійскаго Исторія войнъ Римлянъ съ Вандалами. Книга первая. 1891.
» XXIX. Житіе иже во святыхъ отца нашего Ѳеодора архіепископа Едесскаго. Издалъ И. Помяловскій. 1892.
» XXX. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Н. Карѣева. 1892.
» XXXI. Акты и письма къ исторіи балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Г. В. Форстена. Выпускъ второй. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. А. Е. Прѣснякова. 1893.

